АЛЕКСАНДР ШИРОКОРАД

ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ПУШЕК

БИТВЫ ЗА ЛЕНИНГРАД И СЕВАСТОПОЛЬ

Annotation

В 1941–1944 гг. под Ленинградом и Севастополем произошли две самые большие артиллерийские дуэли в истории человечества. В боях участвовали гигантские пушки Круппа и все самые мощные артситсемы, которые Гитлер сумел собрать по всей Европе. Вопреки мнению официальных историков, существенную роль в борьбе за Ленинград сыграла и тяжелая финская артиллерия. Им противостояла наша корабельная, береговая и железнодорожная артиллерия. Русский Бог войны победил под Ленинградом, но Севастополь был сдан из-за фатальных ошибок наших адмиралов.

- Александр Широкорад
- Предисловие
- Раздел I Ленинград
- Глава 1 Прорыв германских и финских войск к Ленинграду
- Глава 2 Железнодорожная артиллерия в начальный период войны
- Глава 3 Как Ленинград стал огромной морской крепостью
- Глава 4 Армейская артиллерия в осажденном Ленинграде
- Глава 5 Отражение сентябрьского штурма
- Глава 6 Начало великой артиллерийской дуэли
- Глава 7 Как германские снаряды и бомбы били невский лед
- Глава 8 «Снарядный голод»-миф или реальность?
- Глава 9 Германские батареи уничтожить вновь не удалось
- Глава 10 Кто же стрелял по Ленинграду?
- Глава 11 Артиллерийская поддержка наступления Ленинградского фронта в августе-октябре 1942 г
- Глава 12 Операция «Искра»
- Глава 13 180-мм пушки против люфтваффе
- Глава 14 Создание контрбатарейного корпуса

-
- Глава 15 Окончательный прорыв блокады
- Глава 16 Разгром финских войск на Карельском перешейке
-
- Раздел II Севастополь
- Глава 1 Сон разума советских адмиралов
- Глава 2 Накануне
-
- Глава 3 Война с виртуальным противником
-
- Глава 4 Мины против своих кораблей
-
- Глава 5 Как Октябрьский оставил Севастополь без боеприпасов и зенитной артиллерии
-
- Глава 6 Крым готовится к обороне
- Глава 7 Бои за Перекоп
-
- Глава 8 Как это было у них
- Глава 9 Как это было у нас
- Глава 10 Силы Севастопольского оборонительного района
-
- Глава 11 Первые недели обороны Севастополя
-
- Глава 12 Второй штурм Севастополя
-
-
- Глава 13 Забытые десанты-Евпатория, Судак, Алушта
-
- Глава 14 Бои за Севастополь. Январь-май 1942 года
-
- Глава 15 Легенды и мифы о севастопольских танках
- Глава 16 Супер-мортиры-последний довод Манштейна
-
- Глава 17 Последний штурм
-
- Глава 18 Катастрофа
-
- Глава 19 Почему же пал Севастополь?

- Список старых и новых названий населенных пунктов, встречающихся в книге
- Ленинград и Ленинградская область
- Севастополь и Крым
- Форты Кронштадта
- Список сокращений
- Список использованной литературы

Александр Широкорад
Время больших пушек. Битва за Ленинград и Севастополь

Предисловие

В первые месяцы Великой Отечественной войны германские войска разгромили части Красной Армии в Прибалтике, Белоруссии и на Украине, стремительно овладели Крымом и… встали, как вкопанные в предместьях Ленинграда и Севастополя.

Что же произошло? Может быть советские летчики, танкисты и пехота менее мужественно дрались под Минском, Киевом и Уманью? А ведь там за несколько дней были полностью уничтожены и пленены куда более крупные советские группировки, чем под Ленинградом и Севастополем.

Немцев остановил русский Бог войны – тяжелая артиллерия фортов, железнодорожных установок и кораблей. Атаки вермахта захлебывались одна за другой. И тогда германское командование двинуло к нашим твердыням все артиллерийские шедевры Круппа и «Рейнметалла», а также тяжелые пушки, гаубицы и мортиры, захваченные по всей Европе – французские, английские, чехословацкие и т. д. Начались две невиданные в истории человечества артиллерийские дуэли.

О защитниках Севастополя и Ленинграда с 1945 г. написаны сотни книг, но, увы, практически все авторы сконцентрировали свое внимание на героизме личного состава, роли коммунистической партии и отдельных полководцев, действиях авиационных, танковых и пехотных частей. Бог

войны как-то остался в тени. И тут дело не только в субъективизме авторов, но и в закрытости материалов о действиях нашей и германской артиллерии. Дело в том, что форты, командные пункты и другие подземные сооружения Ленинграда и Севастополя были после войны восстановлены и служили армии и флоту многие десятилетия. Многие из них использовались для базирования ракетных частей, узлы связи, склады и т. д.

Я попытался рассказать о применении артиллерии большой и особой мощности под Ленинградом и Севастополем, о роли фортов и береговых батарей, об объективных и субъективных причинах успехов и неудач Красной Армии и флота.

Раздел I Ленинград

Глава 1 Прорыв германских и финских войск к Ленинграду

8 августа 1941 г. северо-западнее Луги началось наступлений 4-й танковой группы вместе с XXI танковым корпусом. 11–14 августа германские войска перерезали железнодорожную линию Кингисепп-Волосово.

21 августа главнокомандующий войсками Северо-западного направления Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов и секретарь Ленинградского городского комитета КПСС А.А. Жданов обратились с воззванием ко всем трудящимся Ленинграда встать на защиту своего города. Откликаясь на этот призыв, десятки тысяч ленинградцев вышли на строительство оборонительных рубежей, которое часто осуществлялось под артиллерийским огнем врага и под разрывами авиационных бомб. В весьма короткие сроки вокруг Ленинграда были построены Красногвардейский, Красносельский, Пушкинский, Петергофский, Колпинский, Мгинский и другие укрепленные районы, сыгравшие большую роль в обороне города. Еще раньше, в начале июля, было сформировано 14 дивизий народного ополчения.

23 августа 1941 г. по приказу Ставки Северный фронт был разделен на два фронта – Карельский и Ленинградский.

28 августа немцы овладели Тосно и Саблино, подразделения 4-й танковой группы соединились с войсками 16-й армии около станции Слудицы, замкнув кольцо вокруг Южной группы войск. Продолжая наступление, германский 1-й армейский корпус 30 августа захватил станцию Мга, перерезав последнюю железную дорогу, соединявшую Ленинград со страной.

8 сентября 424-й пехотный полк (20-й моторизованной дивизии), пройдя через Синявинские высоты, занял город Шлиссельбург и захватил южный берег Ладожского озера до поселка Липки.

11 сентября германская 1-я танковая дивизия захватила Красное Село. 6-й танковой дивизии, дивизии СС «Полицай» и 269-й пехотной дивизии удалось прорвать оборону левофланговых дивизий советской 8-й армии и правофланговых дивизий 42-й армии и к исходу 12 сентября подойти к западным окраинам Пушкина. К 18 сентября части 42-й армии остановили наступление противника на рубеже Лигово, Пулково. Однако немцам

удалось выйти к Финскому заливу у Стрельны и Петергофа. Войска 42-й армии оказались отрезанными от главных сил фронта. Предпринятый 16 сентября контрудар 8-й армии с приморского плацдарма, хотя и не имел территориального успеха, сыграл определенную положительную роль: в критический момент битвы за Ленинград немцы были вынуждены снять часть сил с главного направления на петергофское.

С севера на Ленинград наступали финские войска. Для наступления на Карельском перешейке и в северном Приладожье финны сосредоточили три армейских корпуса. IV армейский корпус под командованием генерал-лейтенанта Оеша дислоцировался от побережья Финского залива до озера Саймо. В его составе были 8-я, 12-я и 4-я пехотные дивизий. Между Леппеенронти и Иматрой находился V армейский корпус, в составе которого была 10-я пехотная дивизия и кавалерийская бригада. В районе от Вуоксы до Пюхяярви дислоцировался II армейский корпус под командованием генерал-майора Лаатикайнена. В составе корпуса были 15-я, 18-я и 2-я пехотные дивизии. Кроме того, на Сортавалу должны были наступать 11-я и 7-я пехотные дивизии VII армейского корпуса.

На Карельском перешейке финнам противостояла советская 23-я армия. В ее составе были 19-й стрелковый корпус (115-я и 42-я стрелковые дивизии), 50 стрелковый корпус (43-я, 70-я и 123-я стрелковые дивизии), 27-й (Кексгольмский) укрепрайон и 28-й (Выборгский) укрепрайон.

Финские войска на Карельском перешейке начали общее наступление 31 июля 1941 г. Главный удар наносился на кексгольмском направлении. Финны планировали выйти к западному побережью Ладожского озера, расчленив 23-ю армию.

5 августа советские 198-я механизированная и 142-я стрелковая дивизии попытались нанести контрудар противнику из района Лахденпохья в западном направлении, но понесли большие потери и отошли на исходные рубежи.

6 августа финны вновь перешли в наступление. Несмотря на упорное сопротивление советских войск, финны к исходу 9 августа вышли в районы Лахденпохья, Куркиёки и Хийтола к побережью Ладожского озера. В результате правый фланг 23-й армии оказался рассеченным на три изолированные друг от друга группировки.

Финны зашли в тыл и отрезали пути отхода. 43-я, 115-я и 123-я советские дивизии оказались в окружении. Попытка сводного полка моряков контратакой прорвать окружение удалась лишь частично. Тем не менее окруженные части с помощью моряков смогли прорваться к побережью в районе Койвисто. При поддержке береговых батарей с

островов Бьёркского архипелага советские войска несколько дней обороняли плацдарм. 31 августа началась эвакуация их в Ленинград, для чего были выделены транспорты и боевые корабли. В течение 1 и 2 сентября было вывезено около 27 тысяч человек, в том числе две тысячи раненых. Отход и посадку войск на корабли прикрывали сводный полк моряков и береговые батареи.

В начале сентября наступление войск противника на Карельском перешейке было остановлено в районе Сестрорецка – Белоострова, где противник попал под огонь крупнокалиберной артиллерии кораблей и фортов Кронштадта. За одну неделю по его позициям было выпущено 2100 тяжелых снарядов.

29 августа финны взяли Выборг и Кивеннапу, 30 августа – Райволу и 31 августа – Териоки.

«Под натиском противника отступление 23-й армии превратилось в беспорядочный отход, во время которого части и соединения потеряли почти все оружие, боевую технику». [1]

1 сентября Военный совет Ленинградского фронта принял решение отвести 23-ю армию на рубеж Карельского укрепрайона (№ 22), проходивший по границе 1939 года. Войска 23-й армии к исходу 1 сентября заняли оборону на рубеже Карельского укрепрайона.

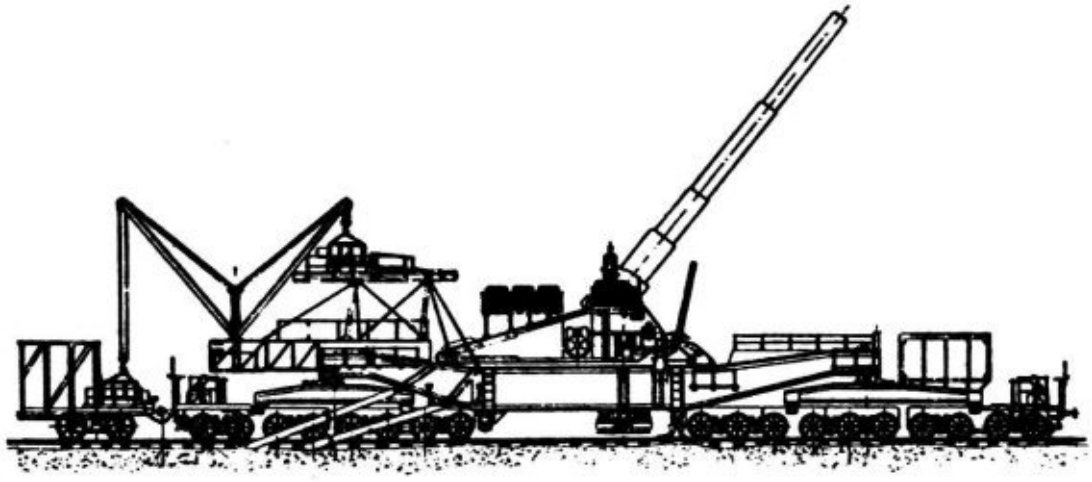
31 августа финские войска на Карельском перешейке получили приказ командования прекратить наступление на старой государственной границе.

Глава 2 Железнодорожная артиллерия в начальный период войны

К началу Великой Отечественной войны на огневой позиции на полуострове Пактри в Эстонии находились 11-я и 12-я железнодорожные батареи, в составе которых, соответственно, были три 356-мм установки ТМ-1-14 и четыре 180-мм установки ТМ-1-180. **(Сх. 1)**

18-я железнодорожная батарея (четыре ТМ-1-180) находилась на огневой позиции в районе Либавы.

9-я и 17-я железнодорожные батареи (соответственно, три установки ТМ-1-12 и четыре установки ТМ-1-180), находились на территории военно-морской базы на полуострове Ханко.

356-мм железнодорожная установка ТМ-1-14

В полдень 22 июня командующий Балтийским флотом В.Ф. Трибуц приказал командиру Либавской ВМБ Отправить в тыл 18-ю железнодорожную батарею капитана В.П. Лисецкого.

Однако приказ сворачиваться и уходить батарея № 18 получила лишь в 7 часов утра 23 июня. В 13 ч. 00 мин. транспортеры двинулись в направлении Виндавы. Но на станции Дубре была получена телефонограмма начальника Либавской ВМБ с приказом вернуться. Эшелоны, несмотря на суматоху, царившую в первые дни войны, сумели переформироваться «головой» на Либаву. Однако вскоре стало ясно, что телефонограмма была направлена агентурой противника, чтобы не дать артустановкам уйти.

Моторизованные части немцев уже захватили железнодорожное

полотно позади батареи. В этой ситуации капитан Лисецкий отдал приказ выводить батарею задним ходом. Переставлять вновь паровозы в голову составов времени не было. Батарея двинулась на Ригу. По пути личному составу батареи приходилось ремонтировать железнодорожные пути, разобранные бандами националистов.

24 июня 18-я железнодорожная батарея была на станции Заметаны. На перегоне Лионте – Искрити батарею атаковали германские бомбардировщики. Согласно докладу командира батареи, был сбит один «Юнкерс», но и личный состав батареи понес потери.

Поскольку путь на Таллин был нарушен, Лисецкий решил идти на Псков, а затем – на базу железнодорожной артиллерии в Мукково.

2 июля железнодорожные батареи № 11 и № 12 получили приказ командующего Балтийским флотом об уходе из Эстонии. Первый эшелон 12-й батареи ушел в 2 ч. 14 мин. ночи 4 июля. На станции Палдиски в состав 12-й батареи были включены два вагона-погреба и паровоз «Эм» от 17-й железнодорожной батареи. Перед началом войны они ремонтировались на «материке» и соединиться со своей батареей, находившейся на полуострове Ханко, уже не успели. 5 июля 12-я батарея прибыла в Ижорский укрепрайон в Лебяжье.

11-я батарея 2 июля прибыла в Палдиски на Кургальский полуостров на западе Ленинградской области примерно в 70 км от Красной Горки.

Батареи № 9 и № 17 были блокированы финнами на полуострове Ханко. 22 июня 1941 г. германские самолеты, базировавшиеся в Финляндии, бомбардировали ВМБ Ханко. В ответ 25 июня артиллерия Ханко открыла огонь по финским батареям. Финские батареи в свою очередь обстреляли Ханко, включая городской район.

Постепенно финны усиливали обстрел города Ханко. В ответ с 27 июля 305-мм железнодорожная батарея № 9 и 180-мм батарея № 17 периодически открывали огонь по финскому городу Таммисаари. Артогонь корректировался самолетами И-153. В Таммисаари была разрушена железнодорожная станция, уничтожено несколько поездов, сильные разрушения были и в городе. Финское командование произвело эвакуацию жителей города.

Стреляли наши железнодорожные батареи и по морским целям. Так, 180-мм железнодорожная батарея № 17 с дистанции 34,5 км со второго залпа накрыла две баржи и буксир. Одна баржа взорвалась, другая затонула, поврежденному буксиру удалось уйти в шхеры.

28 июля та же батарея обстреляла финскую канонерскую лодку «Карьяла».

В ходе эвакуации полуострова Ханко в ночь со 2 на 3 июля 1941 г. по приказу командования железнодорожные батареи № 9 и № 17 были взорваны. Так, по крайней мере, доложили командованию. Что же произошло там на самом деле, мы узнаем позже.

Железнодорожная батарея № 19 (четыре ТМ-1-180) была построена на заводе им. Марти в Николаеве для Балтийского флота. В апреле-мае 1941 г. в Николаев с Балтики прибыли старший лейтенант Шулепов, лейтенант Михайлов и 50 краснофлотцев для принятия батареи. Заводские (они же приемные) испытания батареи в связи с возможностью начала войны были проведены по сокращенной программе.

Утром 23 июня батарея получила приказ готовиться к походу, и уже вечером эшелон пошел на север. "Первым эшелоном командовал старший лейтенант Шулепов, вторым – лейтенант Михайлов. Непредвиденная остановка на подходах к Орше. Немцы бомбили станцию. Далее – на Витебск. Прямые пути на Ленинград забиты. Приняли решение – пробиваться через Смоленск. Там в невероятной неразберихе эшелоны с транспортерами загнали на разгрузочную площадку. Только энергичное объяснение старшего лейтенанта Шулепова с комендантом станции позволило вывести эшелоны на свободный путь.

4 июля первый боевой поход. 19-ф ОЖДАБ был успешно завершен. Батарея прибыла в Лебяжье.

Доукомплектование батареи личным, в том числе и командирским, составом, вооружением и имуществом, формирование ее служб, проведение производственных приемо-сдаточных испытаний артустановок батареи осуществлялось одновременно, 90 процентов личного состава никогда не служило в железнодорожной артиллерии. Поэтому на первых порах ставилась задача обучить людей владению механизмами «в мере, достаточной для производства стрельб сдаточных испытаний». Однако командирам в короткий срок удалось подготовить орудийные расчеты, сделать войсковую часть боеспособной". [2]

15 июля 1941 г. 19-я железнодорожная батарея была включена в состав Ижорского сектора береговой обороны Кронштадтской ВМБ Балтийского флота.

9 июля 12-я железнодорожная батарея получила приказ передислоцироваться в район Новгорода. На следующий день батарея была уже на месте и сразу же подверглась интенсивной бомбежке немецкой авиации. Налеты производились каждые 25–35 минут.

Командир 12-й батареи направил телеграмму в штаб Балтийского флота: «НАХОЖУСЬ В РАЙОНЕ НОВГОРОДА СТ БОРОК

РАЗВЕРТЫВАТЬСЯ ИЗ ЗА ОТСУТСТВИЯ ПУТЕЙ НЕ МОГУ ТУПИКИ СТРОИТЬ НЕЧЕМ ЗАДАЧУ НИКТО НЕ СТАВИТ СВЯЗИ С АРМЕЙСКИМ КОМАНДОВАНИЕМ НЕТ ПОДВЕРГАЮСЬ БОМБЕЖКЕ НЕСКОЛЬКО РАЗ В СУТКИ ПРИКРЫТИЯ С ВОЗДУХА НЕТ ПРОШУ ВАШЕГО УКАЗАНИЯ».

Но при неразберихе непрерывного отступления ответа на эту телеграмму так и не поступило, и 12 июля командование батареи приняло решение отправить транспортеры на Ленинград: 1-й эшелон – по ветке через Рогавку, а 2-й и 3-й эшелоны – через Чудово на Лебяжье. 1-й эшелон, которым командовал А.К. Дробязко, на перегоне Таткино – Рогавка подвергся налету двух «Юнкерсов». Один из них был сбит пулеметным расчетом ПВО батареи сержанта Ермолаева, вскоре после этого погибшего. Погибли также командир взвода ПВО лейтенант Худушкин и три краснофлотца, тринадцать человек получили ранения.

Бывший командир 12-й ОЖДАБ Г.И. Барбакадзе вспоминал после войны: "Взрывами бомб артиллерийские установки весом в 170 тонн, силовая станция, центральный пост и погреба с боеприпасами были завалены в воронки, а часть из них отброшена на несколько метров от железнодорожного полотна. Фронтовая железная дорога была выведена из строя.

Приказ, вскоре полученный из Москвы, гласил: движение по железной дороге должно быть восстановлено в течение шести часов. Но как убрать тяжелые подвижные орудийные транспортеры, вагоны с полотна за такое короткое время? Особую опасность представляли вагоны со снарядами, отброшенные на восемь-десять метров и упавшие вверх колесами. Осколочно-фугасные снаряды весом в 97,5 килограммов в то время еще снабжались особыми взрывателями, которые не имели походного крепления. По существующим инструкциям подобные снаряды, упавшие с высоты четырех метров, подлежали уничтожению путем подрыва. Узнав об этом, один из прибывших на место происшествия начальников приказал взорвать всю материальную часть и боеприпасы, расчистить путь и восстановить движение.

Нам стало не по себе. Не укладывалась в сознание мысль, что можно начисто взорвать 180-миллиметровые орудия с дальностью полета снаряда 38 километров, да еще и с боеприпасами! И мы все, оправившись от неожиданности, принялись убеждать начальника не делать этого, что нам и удалось. Быстро силами краснофлотцев батареи приступили к постройке обходного железнодорожного пути для восстановления движения в срок, чтобы спасти свои дальнобойные орудия. Снаряды решили обезвредить

вручную, вывертывая взрыватели. Эту работу должны были выполнить, рискуя жизнью, смельчаки-добровольцы.

Алексей Васильевич Чернопятов, тульский оружейный мастер, знавший почти все виды оружия и боеприпасов, заявил мне:

– Лучше погибнуть при взрыве снарядов, спасая их, чем уничтожить своими руками. Я берусь за работу с взрывателями и обезвреживание снарядов.

Я верил, что Чернопятов сделает все возможное, чтобы сохранить боеприпасы для дальнейших боев, и разрешил произвести эту серьезную и крайне опасную работу. Была создана команда смельчаков из восьми человек во главе с Чернопятовым. Помощником он взял своего воспитанника – старшину Федора Горбачева, также отлично знавшего многие виды боеприпасов, и командира отделения комендоров Самородова. Для выгрузки обезвреженных снарядов из вагонов-погребов были выделены комендоры Карпов, Смирнов, Бродов, Васильев и Поляков…

Вскоре раздалось:

– Есть первый!

Комендоры подхватили и унесли первый обездвиженный снаряд.

И пошло, и пошло.

– Есть второй!

– Есть третий!

И, наконец:

– Есть четыреста восемнадцатый! – с ликованием закричали комендоры. Это был последний. Четыреста восемнадцать взрывателей были удалены из снарядов.

Четыреста восемнадцать раз в течение нескольких часов трое смельчаков были в руках у смерти. Но смелость, хладнокровие и отличное знание техники помогло им пойти на благородный риск и победить.

И тут же началась битва за сохранение материальной части орудий и других технических средств. Эту работу возглавили командиры артиллерийских установок старшие лейтенанты Алексей Кириллович Дробязко и Петр Софронович Зайцев. Им было уже легче, так как за это время движение по железнодорожному полотну восстановили. Правда, работа по спасению техники осложнялась тем, что прибывший восстановительный поезд имел грузоподъемность 75 тонн, а каждая из установок весила не менее 170 тонн. Но трое суток настойчивых трудов, матросская смекалка, любовь к своей технике и ее глубокое знание, а главное, твердая вера в победу сделали невозможное возможным. Драгоценная техника и боеприпасы были спасены для дальнейших боев с

озверелым врагом, рвавшимся к Ленинграду". [3]

Участник боев полковник В.В. Орловский писал: «11-я, 12-я и 18-я батареи в июле 1941 г. прибыли на железнодорожную базу Маково и вели боевые действия с огневых позиций в районах Усть-Луга, Кихталка, Керстово, а затем Копорье и Калище. Они поддерживали своим мощным огнем оборонительные действия 8-й армии на лужском плацдарме, нанося сосредоточенные артиллерийские удары по скоплениям танков и пехоты, по мостам через р. Луга в районах Нарвы и Кингисеппа, по населенным пунктам Ивановское, Поречье и Сабск». [4]

В частности, 18-я батарея 5 августа вела огонь по скоплению войск противника у реки Луги, в районах Муравейно и Лычино в 3 км северо-западнее Сабска. 10 августа 18-я батарея вела огонь по противнику в районе Муравейно – Поречье.

17 августа в Лужском секторе Кронштадтской ВМБ 12-я и 18-я железнодорожные батареи вели артиллерийский огонь по противнику в районе станций Веймарн – Ямсковицы в 4 км севернее Веймарна.

В июле 1941 г. Военный совет Балтийского флота принял решение установить на железнодорожные платформы морские орудия калибра 100–152 мм, предназначенные для строившихся кораблей и состоявшие на хранении в арсенале.

Для создания железнодорожных транспортеров 100-152-мм орудий использовались обычные четырехосные железнодорожные 60-тонные платформы. У такой платформы снимался деревянный настил и вместо него настилался рифленый стальной лист. В центре платформы к балкам был приварен стальной лист толщиной 50 мм. К этому листу крепили артиллерийскую установку. Причем артиллерийские установки 130/50-мм Б-13, 120/50-мм и 100-мм Б-24 оставались практически без изменений. Таким образом, были получены обычные корабельные установки на центральном штыре с круговым обстрелом. Транспортеры имели четыре опорные ноги, шарнирно скрепленные с платформой. Приводы наведения, подачи боеприпасов и др. были исключительно ручные.

Переделки в железнодорожной платформе и монтаж корабельной установки осуществлялись за 1–4 дня.

Единственное оригинальное решение имелось в конструкции некоторых 152-мм железнодорожных установок. Их 152/57-мм орудия Б-38 предназначались для башен крейсеров типа «Чапаев». Установка башенного станка на железнодорожную платформу была сложна и требовала создания многих новых устройств, в том числе поворотного механизма. Поэтому 152-мм качающиеся части Б-38 устанавливали на

станки от 203/45-мм пушек, спроектированных в 1891 г. Другую часть 152/57-мм железнодорожных установок установили на станках береговых установок МУ-2.

Всего в 1941 г. было установлено на железнодорожных платформах четыре 152/57-мм, тридцать шесть 130/50-мм, четыре 120/50-мм и две 100-мм корабельные пушки.

Первоначально командование фронтом бессистемно передавало железнодорожные установки как Балтийскому флоту, так и отдельным сухопутным частям. Так, например, батареи № 41 и № 42, вооруженные каждая двумя 152/57-мм пушками Б-38, были переданы армии и включены в состав Невского укрепленного сектора. Все батареи имели двузначные номера. Сухопутные начальники не разбирались ни в морских орудиях, ни в железнодорожных транспортерах, армия не располагала боеприпасами для этих пушек, и, в конце концов, было решено сосредоточить всю железнодорожную артиллерию под единым командованием.

8 января 1942 г. была сформирована 101-я морская железнодорожная артиллерийская бригада в составе семи отдельных дивизионов, 11-й отдельной батареи и бронепоезда № 30. Перед бригадой ставились задачи контрбатарейной борьбы с германской артиллерией, ведущей огонь по городу, огневой поддержки наступающих войск Ленинградского фронта, обеспечение морских коммуникаций Ленинград – Кронштадт.

В состав бригады вошли 16 двухорудийных 130-мм батарей, которые до января 1942 г. были переданы армиям Ленинградского фронта, и 12 батарей из состава Балтийского флота. 101-я морская бригада железнодорожной артиллерии была подчинена командиру Ленинградской ВМБ.

Где-то в середине марта 1942 г. двузначные номера железнодорожных батарей калибра 100–152 мм были заменены на четырехзначные, но номера батарей калибра 180–356 мм остались без изменений.

К 15 мая 1942 г. в составе 101-й бригады железнодорожной артиллерии состояло:

отдельная железнодорожная батарея № 11 (356-мм);

бронепоезд № 30;

401-й дивизион железнодорожной артиллерии – железнодорожные батареи № 12 (180-мм), № 18 (180-мм) и № 19 (180-мм)";

402-й дивизион железнодорожной артиллерии – железнодорожные батареи № 1100 (130-мм), № 1101 (130-мм), № 1102 (130-мм);

403-й дивизион железнодорожной артиллерии – железнодорожные батареи № 1104 (130-мм), № 1105 (130-мм), № 1106 (130-мм) и № 1107

(130-мм);

404-й дивизион железнодорожной артиллерии – железнодорожные батареи № 1108 (103-мм), № 1109 (130-мм), № 1110 (130-мм) и № 1111 (130-мм);

405-й дивизион железнодорожной артиллерии – железнодорожные батареи № 1112 (130-мм), № 1113 (130-мм), № 1114 (130-мм) и № 1115 (130-мм);

406-й дивизион железнодорожной артиллерии – железнодорожные батареи № 1116 (130-мм), № 1117 (130-мм), № 1118 (130-мм) и № 190 (германские 88-мм);

407-й дивизион железнодорожной артиллерии – железнодорожные батареи № 1120 (100-мм), № 1121 (152-мм) и № 1122 (152-мм).

Глава 3 Как Ленинград стал огромной морской крепостью

Для руководства подготовкой флота к обороне Ленинграда приказом Наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова 5 июля 1941 г. был создан штаб морской обороны Ленинграда и Озерного района (командующий морской обороной Ленинграда (МОЛ) контр-адмирал Ф.И. Челпанов, военком МОЛ дивизионные комиссар В.А. Лебедев, позже бригадный комиссар А.А. Матушкин, начальник штаба капитан 1 ранга В.Ф. Чернышев, флагманский артиллерист МОЛ инженер-капитан 1 ранга С.К. Рябов).

31 июля 1941 г. приказом наркома ВМФ № 47 начальником артиллерии МОЛ был назначен контр-адмирал И.И. Грен – высококвалифицированные и энергичный артиллерист. Его задачей являлось руководство подготовкой и организацией боевого использования морской артиллерии в обороне Ленинграда. Начальник артиллерии МОЛ оперативно подчинялся начальнику артиллерии Ленинградского фронта генерал-лейтенанту (позже маршалу артиллерии) Г.Ф. Одинцову. С переходом Военного совета и штаба флота из Таллина в Кронштадт управление начальника артиллерии МОЛ было реорганизовано в управление начальника артиллерии Краснознаменного Балтийского флота (приказ наркома ВМФ № 155 от 3 октября 1941 г.) с непосредственным подчинением Военному совету флота, а оперативным подчинением, как и раньше, – начальнику артиллерия фронта.

С переходом главных сил флота из Таллина в Кронштадт 30 августа 1941 г. все прибывшие корабли, кроме лидера «Минск», который требовал аварийного ремонта, были включены в систему обороны города. Таким образом, к началу боевых действий для отражения прорывавшихся к Ленинграду германских войск в системе артиллерийской обороны были: линкоры «Марат» и «Октябрьская революция», крейсера «Киров», «Максим Горький» и «Петропавловск», 1-й и 2-й дивизионы эсминцев в составе 10 вымпелов (лидер «Ленинград», эсминцы «Грозящий», «Гордый», «Опытный», «Свирепый», «Сильный», «Славный», «Стойкий», «Строгий» и «Стройный»), отряд канонерских лодок в составе 8 единиц («Амгунь», «Красное знамя», «Волга», «Зея», «Кама», «Москва», «Селенга» и «Сестрорецк») – всего 23 боевых корабля.

Для ленинградской и кронштадтской групп кораблей в результате

рекогносцировки было избрано и оборудовано до 30 открытых и закрытых якорных огневых позиций и 10 – для эсминцев и канонерских лодок в средней части Невы. Система якорных огневых позиций кораблей и береговых батарей, утвержденная Военным советом Балтийского флота, действовала весь период обороны Ленинграда. **(Сх. 2)**

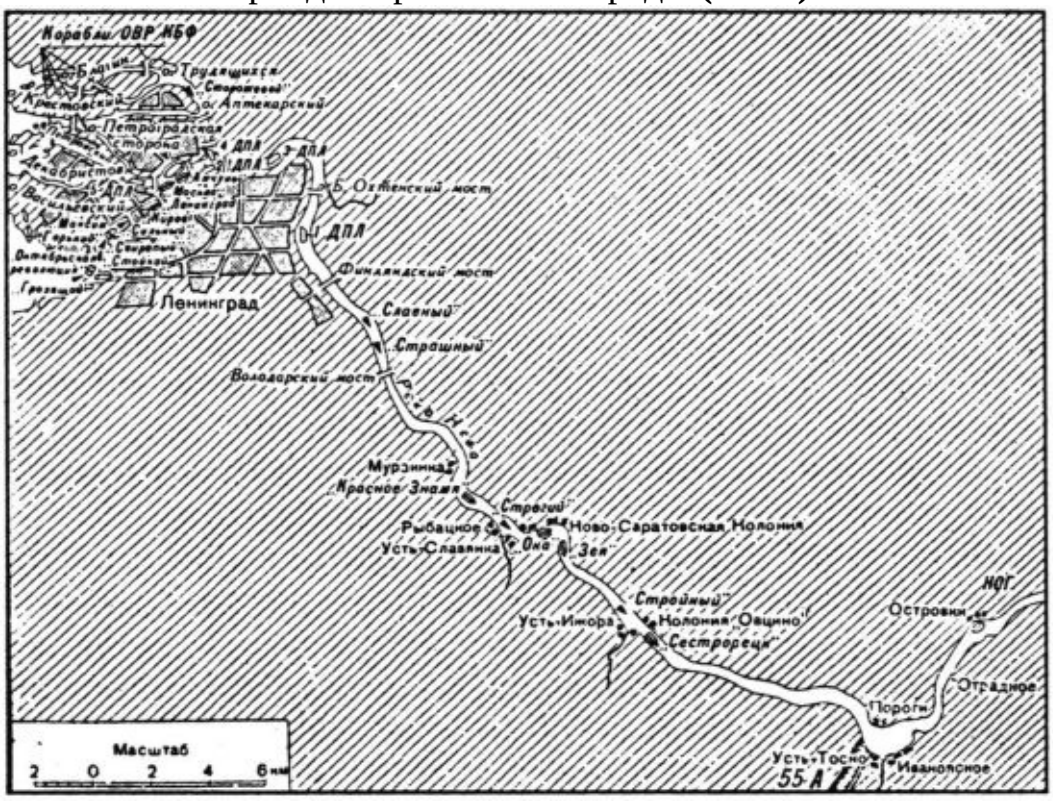

Схема дислокации кораблей Балтийского флота по реке Неве на 15 мая 1942 г.

Каждая якорная огневая позиция обеспечивалась двусторонней артиллерийской радиосвязью с корабельными и общефлотскими наблюдательно-корректировочными постами (НКП) и дублирующей телефонной связью. На корабли и береговые батареи ежедневно поступали бюллетени артиллерийского метеорологического пункта для метеорологического обеспечения артиллерийских стрельб, которые систематически в течение всего периода обороны Ленинграда составляли сотрудники гидрометеорологической службы флота, возглавляемой подполковником Селезневым. Со стороны Финского залива Ленинград прикрывала Кронштадтская крепость, сооружение которой началось еще при Петре Великом. Первоначально форты крепости строились на острове Котлин и искусственных островах южнее и севернее Котлина, К 1915 г. форты Кронштадтской крепости «Красная Горка» и «Ино» были выдвинуты на 20 км западнее острова Котлин и расположены на южном и

северном берегах Финского залива. В 1918 г. большая часть сооружений и артиллерии форта «Ино» была взорвана. **(Сх. 3)**

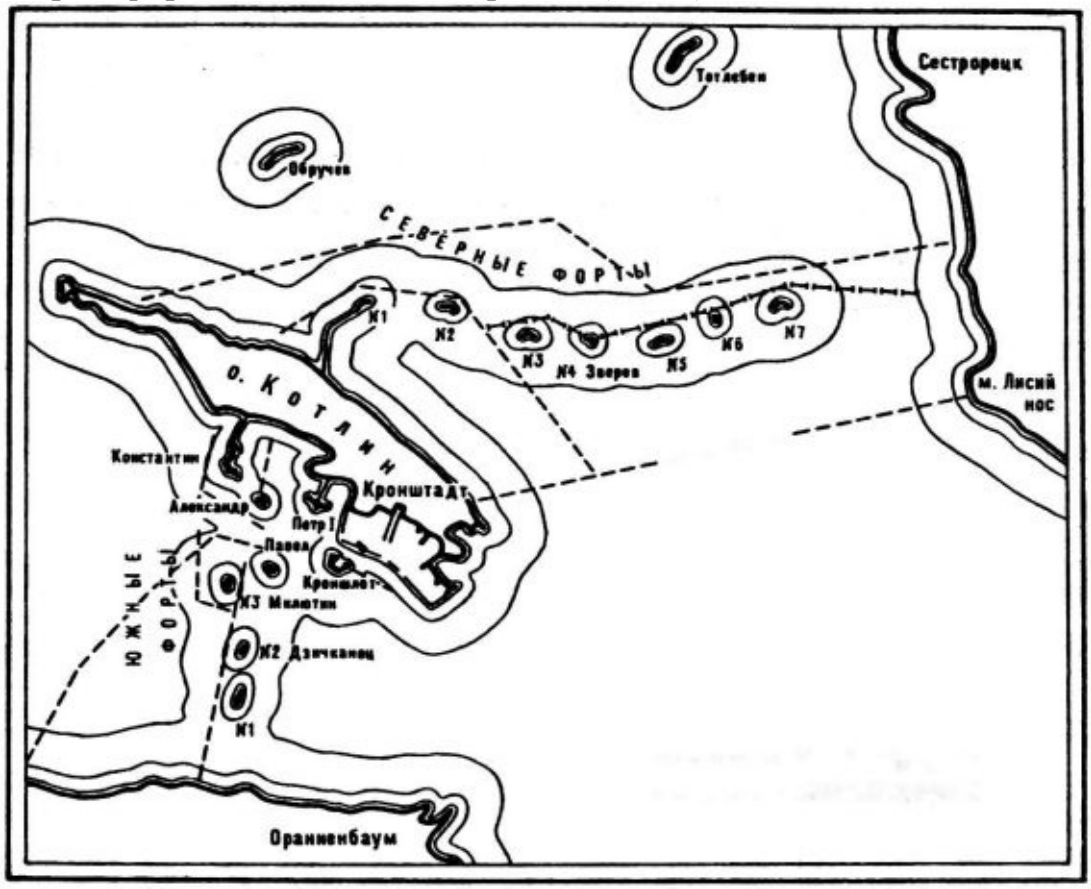
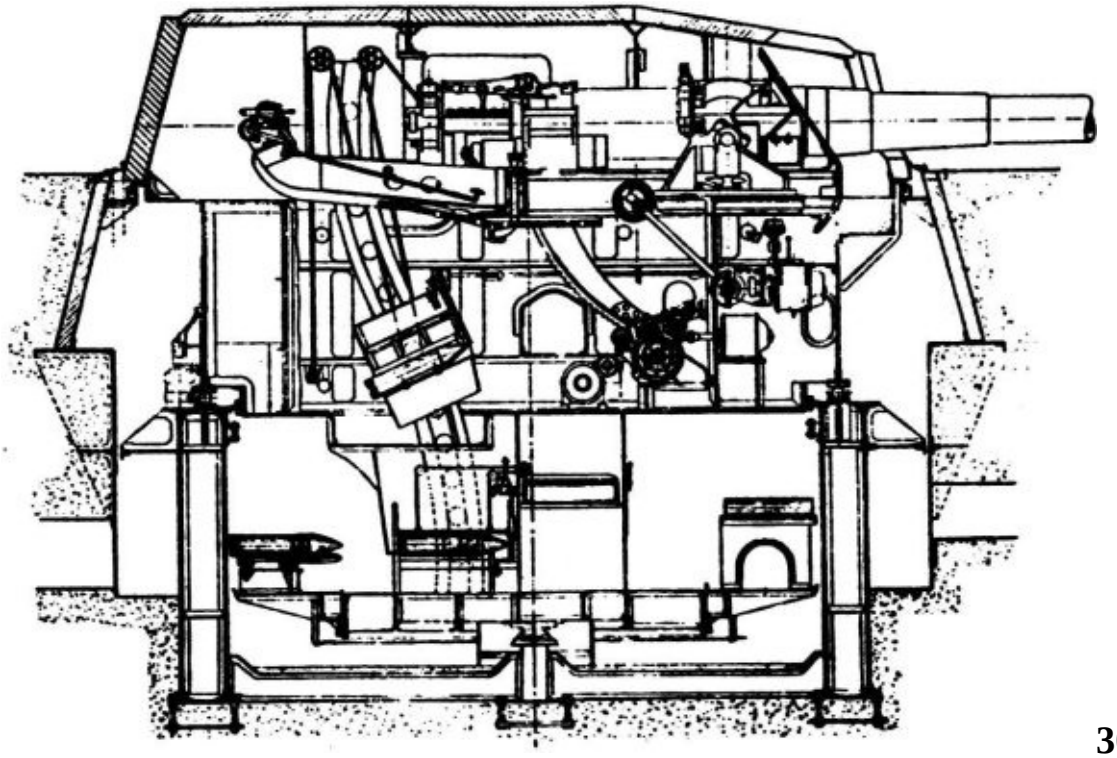

Схема морских фортов и подводных преград в 1 9 14 r.

В июле 1919 г. форт «Красная Горка» был переименован в «Краснофлотский». Замечу, что большевистское название не прижилось, равно как и царское – форт «Алексеевский», данное в честь наследника цесаревича Алексея. Кроме того, в служебных документах 20-40-х годов XX века форт «Красная Горка» именовался как форт «КФ» или просто "Ф".

Ко времени подхода немцев к Ленинграду на вооружении форта «Красная Горка» находились следующие батареи:

Батарея № 311 – две двухорудийные башни с 305/52-мм пушками. Эти орудия были почти идентичны орудиям линкоров типа «Петропавловск». Стрельба из 305-мм береговых орудий велась как морскими снарядами, так и снарядами Военного ведомства, причем последних было крайне мало. **(Сх. 4)**

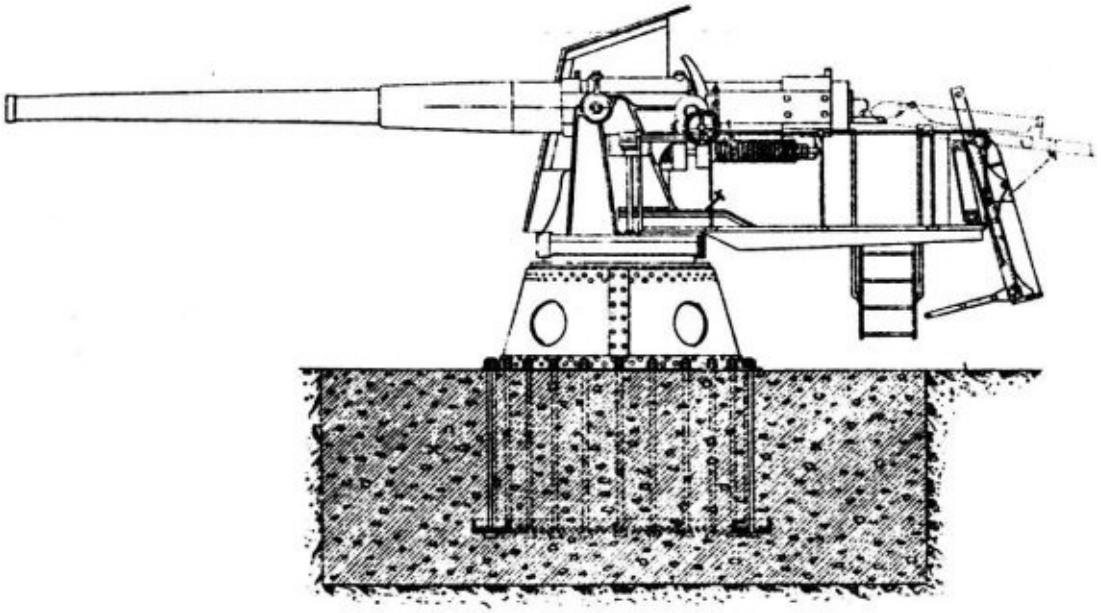

305-мм двухорудийная башенная установка МБ-2 – 12

Батарея № 312 – четыре открытые 305/52-мм установки.

Батарея № 313 – три 120/50-мм пушки, установленные в южной части сухопутной обороны фронта.

Батарея № 322, введена в июле 1941 г., – три 152/45-мм пушки Кане. **(Сх. 5)**

152-мм пушка Кане на береговом станке

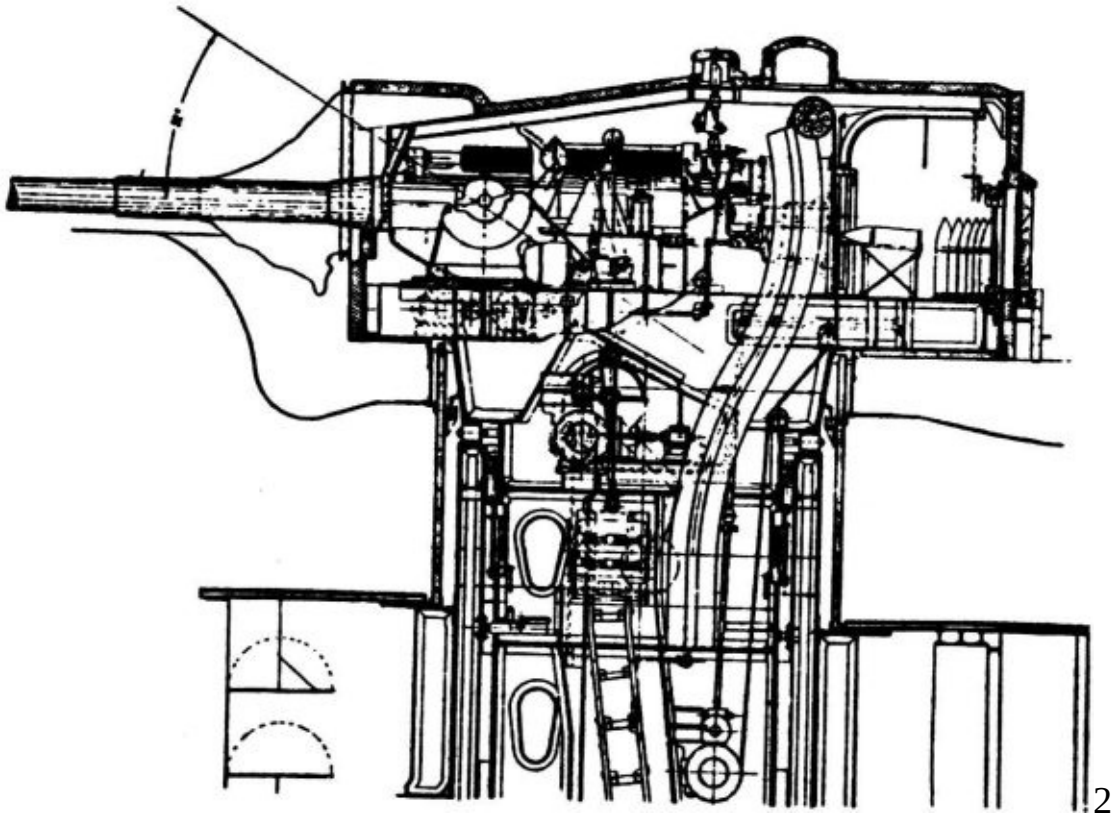
Батарея № 211 – четыре 130-мм пушки Б-13 из 21-го ОАД Лужского

укрепленного сектора. При отступлении 21-й ОАД был расформирован, и орудия Б-13, ранее установленные на мысе Колгания, передали форту «Ф». Их установили в восточной части форта на переделанных основаниях 11-дюймовой мортирной батареи. (Сами мортиры были давным-давно сняты).

Кроме того, в форту находились четыре 254/10-мм пушки. Они были законсервированы и в таком виде оставались до конца войны.

Береговые батареи [5] «Красной Горки» организационно входили в 31-й ОАД, а ОАД вместе с 33-м, 196-м и 197-м ОАД входили в состав Ижорского укрепленного сектора.

В 33-й ОАД входили форт «Серая Лошадь» и 203-мм батарея № 333. **(Сх. 6)**

203-мм двухорудийная башня МБ-2-8, установленная в кронштадтских фортах

Форт «Серая Лошадь» в советское время трижды переименовывался: в июле 1919 г. – в форт «Передовой», затем – в «Бухарин», и, наконец, в «Красногвардейский». Кроме того, в служебных документах он именовался форт "Л".

В форту «Серая Лошадь» находились две береговые батареи – № 331 с тремя 152/45-мм пушками Кане и № 332 с четырьмя 120/50-мм пушками. Забегая вперед, скажу, что в 1943 г. на 332-й батарее 120-мм орудия заменили на 130/50-мм Б-13.

Башенная батарея № 333 (бывшая № 9) была построена в 1928–1932 гг. Находилась она вблизи форта «Серая Лошадь», в служебных документах указывалось: «вблизи деревни Пулково». Две двухорудийные башни с 203/50-мм пушками были в 1922–1923 гг. сняты с линкора «Император Павел I» («Республика»).

В состав 196-го ОАД входили: 152-мм батарея № 318 у деревни Сойкино, 130-мм батарея № 319 у деревни Неники и полевая 152-мм батарея № 342 у деревни Большая Ижора.

В состав 197-го ОАД входили: 152-мм батарея № 330 у деревни Калище и 100-мм батарея № 341 в устье реки Коваши.

Кроме того, в Ижорском укрепленном секторе состояли морские бронепоезда № 7 «Балтиец» и № 8 «За Родину». Оба бронепоезда базировались на железнодорожную станцию Лебяжье.

Во время блокады Ленинграда район Ижорского сектора называли «Ораниенбаумским пятачком», поскольку о был связан с Ленинградом и Кронштадтом лишь водным путем.

Западнее пятачка находилась лишь «Островная укрепленная позиция» – остров Лавенсаари с двумя 130-мм батареями (№ 460 и № 461) и остров Сескар с 130-мм батареей № 212 и 120-мм батареей № 230. Эти батареи в контрбатарейной стрельбе под Ленинградом не участвовали и использовались лишь для прикрытия действий кораблей и катеров в восточной части Финского залива.

После «Красной Горки» самыми крупными фортами Кронштадтской крепости были «Риф», «Обручев» и «Тотлебен».

Форт «Риф» был построен в 1909–1915 гг. на западной оконечности острова Котлин. Он был вооружен четырьмя 254/45-мм и восемью 152/45-мм пушками. В официальных документах его до 1917 г. именовали Александровской батареей, но это название не прижилось. В марте 1921 г. форт получил новое название – «Комсомольский», но и оно не прижилось, и форт по-прежнему называли «Рифом». Кроме того, в служебных документах встречалось название: форт "Р".

К июню 1941 г. орудия «Рифа» входили в состав 13-го ОАД. К 15 мая 1942 г. там размещались батареи:

№ 130 – две 130-мм пушки Б-13, батарея сформирована после начала войны;

№ 131 – четыре 152/45-мм пушки Кане;

№ 132 – четыре 254/45-мм пушки. К июню 1941 г. орудия были законсервированы, после начала войны приступили к их расконсервации. Одну 254-имм пушку в октябре 1941 г. отправили на батарею № 665 близ

Немецкого кладбища в Кронштадте.

№ 133 – четыре 152/45-мм пушки Кане.

Форты «Обручев» и «Тотлебен» были первой линией обороны, прикрывавшей Северный фарватер. Этот фарватер проходил севернее острова Котлин, был мелководен, и в мирное время им пользовались только малые суда. Оба форта были построены в 1897–1910 гг. на насыпных (искусственных) островах. Строительство форта «Обручев» обошлось империи в 7 млн. золотых рублей, а «Тотлебена» – в 6,5 миллионов.

К 1914 г. на форту «Обручев» было установлено шесть 11-дюймовых пушек обр. 1877 г., восемь 10-дюймовых (254-мм) пушек и десять 152/45-мм пушек Кане.

В начале 1920-х годов 11-дюймовые пушки обр. 1877 г. годились исключительно для музеев, поэтому их сдали на лом. Правофланговую батарею из четырех 254-мм пушек законсервировали, а пушки левофланговой батареи сдали на лом. В 1923–1925 гг. на месте левофланговой 10-дюймовыой батареи установили две кормовые 203-мм башни с крейсера «Рюрик».

Сам форт «Обручев» в 1921 г. переименовали в «Красноармейский», но это название, как и остальные, не прижилось.

К июню 1941 г. орудия «Обручева» составляли 12-й ОАД.

На форту находились батареи:

№ 121 – три 152/45-мм пушки Кане;

№ 122 – четыре 203/50-мм пушки в двух башнях;

№ 123 – четыре 254/45-мм пушки. В сентябре 1941 г. началась расконсервация пушек. Первоначально были расконсервированы три 254-мм пушки, которые произвели первую стрельбу по противнику 31 января 1942 г. Четвертая пушка была отремонтирована лишь в 1943 г. и 24 июня 1943 г. ее испытали стрельбой по городу Териоки.

Вооружение и устройство форта «Тотлебен» в основном было аналогично форту «Обручев». В 1921 г. форт «Тотлебен» переименовали в «Первомайский».

В 1923–1925 гг. на месте 10-дюймовой батареи были установлены две 203-мм носовые башни с крейсера «Рюрик».

Береговые батареи форта «Тотлебен» были сведены в 11-й ОАД. К июню 1941 г. на форту находились батареи:

№ 111 – три 120/50-мм пушки системы Виккерса;

№ 112 – три 152/45-мм пушки Кане;

№ 113 – четыре 203/50-мм пушки в двух башнях;

№ 114 – три 152/45-мм пушки Кане.

Второй линией обороны Кронштадтской крепости, прикрывавшей Северный фарватер, были северные «номерные» форты. Они были построены в 1863–1868 гг. на насыпных (искусственных) островах. В 1923–1925 гг. все северные номерные форты разоружили. К июню 1941 г. форты № 1, 3, 5 и 7 были вооружены зенитными орудиями и входили в систему ПВО Кронштадтского укрепленного сектора.

В ходе войны вооружение северных номерных фортов было усилено, а их батареи входили в состав 15-го ОАД.

Форт № 1 – батарея № 160 (четыре 76-мм).

Форт № 2 – батарея № 154 (четыре 100-мм установки Б-24);

батарея № 159 (четыре 45-мм пушки 21К [6]).

Форт № 3 – батарея № 411 (четыре 45-мм пушки 21К).

Форт № 4 – батарея № 151 (четыре 45-мм пушки 21К);

батарея № 153 (четыре 100-мм установки Б-24);

батарея № 158 (четыре 45-мм пушки 21К).

Форт № 6 – батарея № 152 (три 120/50-мм пушки);

батарея № 157 (четыре 45-мм пушки 21К);

батарея № 280 (три 120/50-мм пушки).

Форт № 7 – батарея № 156 (четыре 45-мм пушки 21К);

батарея № 279 (три 102/60-мм пушки). [7]

Линия северных номерных фортов упиралась в северные берега залива у мыса Лисий Нос. Так на берегу были установлены: батарея № 343, вооруженная тремя 130-мм пушками Б-13; в районе деревни Пеники – батарея № 318 на две 130-мм Б-13. Батареи входили в состав 18-го ОАД.

Летом– осенью 1941 г. началось строительство береговых батарей в городе Кронштадте. Как уже говорилось, до 22 июня 1941 г. береговые орудия находились только на форту «Риф», на крайней западной оконечности острова.

Уже к 15 мая 1942 г. в самом городе Кронштадте были построены батареи, сведенные в 160-й и 170-й ОАД.

В составе 160-го ОАД состояли:

Батарея № 611, вооруженная двумя 152/45-мм пушками Кане, располагалась в Каботажной гавани.

Батарея № 612, вооруженная двумя 152/45-мм пушками Кане, – на Якорной площади. Во второй половине мая 1942 г. эта батарея была переведена в Ижорский оборонительный сектор и установлена в районе деревни Липово.

Батарея № 668 – две 100-мм пушки в форту «Меншиков».

В составе 170-го ОАД находились:

Батарея № 775 – три 130-мм установки у Морского завода.

Батарея № 776 – две 100-мм пушки у Морского госпиталя.

Батарея № 777 – две 100-мм пушки у Ленинградской пристани.

Батарея № 778 – две 100-мм пушки в районе «Военный угол». Во второй половине мая 1942 г. батарея № 778 была передана Осиновецкой ВМБ и установлена в деревне Гиннибаловка.

Кроме того, на острове Котлин дислоцировался 190-й ОАД, который назывался «Загородным оборонительным участком». В июле 1942 г. Загородный оборонительный участок был расформирован, а 190-й ОАД включен в состав Кронштадтского укрепленного сектора береговой обороны.

К 15 мая 1942 г. в состав 190-го ОАД входили:

Батарея № 665. Первоначально – одна 254/45-мм пушка, а к концу 1942 г. – две 254/45-мм пушки. Находилась на Немецком кладбище. К 1 января 1943 г. батарею передали в состав 160-го ОАД.

Батарея № 666 – две 100-мм пушки. К 1 января 1943 г. батарею передали в состав 160-го ОАД.

Батарея № 667 – две 100-мм пушки, находилась на форту «Павел». К 1 января 1943 г. батарею передали в состав 14-го ОАД.

Батарея № 668 – две 100-мм пушки на форту «Меншиков».

Южный фарватер у острова Котлин прикрывали южные номерные форты, построенные на насыпных (искусственных) островах. Артиллерия этих фортов входила в состав 14-го ОАД.:

Форт № 1 – батарея № 143 (три 100-мм пушки).

Форт № 2 «Дзичканец» – батарея № 144 (76-мм пушки).

Форт № 3 «Милютин» – батарея № 145 (три 120-мм пушки).

Форт № 4 «Константин» (с 1921 г. «Рошаль») – батарея № 142 (120-мм пушки).

Форт «Павел» – батарея № 667 (две 100-мм пушки, переданные к 1 января 1943 г. из состава 190-ОАД).

В августе-сентябре 1941 г. был создан Невский укрепленный район. В районе Невской Дубровки и устья Невы были установлены шесть батарей, на которых установили восемнадцать 120/50-мм орудий, снятых с линкоров. Позже установили два 180-мм орудия МО-1-180.

К 15 мая 1942 г. эти батареи входили в состав 301-го ОАД:

Батарея № 470 – две 180-мм установки МО-1-180 в населенном пункте Малые Пороги.

Батарея № 597 – две 120-мм пушки в деревне Уткина заводь.

Батарея № 598 – две 120-мм пушки в Колонии Овцына.

Батарея № 559 – две 120-мм пушки в деревне Северная Самарка.

Батарея № 600 – две 120-мм пушки в Новом Поселке.

Батарея № 601 – две 120-мм пушки в Новом Поселке.

Для обороны Осиновецкой ВМБ был сформирован 302-й ОАД. В его состав к 15 мая 1942 г. входили:

Батарея № 101 – три 102/60-мм пушки (мыс Сосновец).

Батарея № 379–100 мм пушки (деревня Ганнибаловка).

Батарея № 380 – две 130-мм пушки (деревня Кокорево).

Батарея № 602 – три 120-мм пушки (деревня Каменка).

Во второй половине 1942 г. вошли в состав батареи:

№ 778 – 100-мм пушки (район Кошкино – Ганнибаловка);

№ 440–100 пушки (район Остермановской гавани).

7 июля 1943 года вступила в строй батарея № 460 – две 88-мм трофейные немецкие пушки.

8 июля 1941 г. по приказу командующего Морской обороной Ленинграда и озерного района (МОЛиОР) началось формирование отдельного артиллерийского дивизиона специального назначения, состоящего из двух батарей. Батарея «А» – «Аврора» (девять 130-мм орудий, снятых с крейсера «Аврора») и батарея «Б» – «Большевик» (десять 130-мм орудий Б-13).

Большую роль в обороне Ленинграда сыграл Научно-испытательный морской артиллерийский полигон (НИМАП), расположенный на восточной окраине Ленинграда у железнодорожной станции Ржевка. Испытания морских орудий малого и среднего калибра, до 130-мм включительно, производились на НИМАПе с «родных» станков, а пушек калибра 152–406 мм – со специальных полигонных станков. С началом войны полигонные станки были приспособлены для кругового обстрела.

Так, 406-мм установка МП-10, предназначенная для отстрела 406-мм пушек Б-37 (для линкоров типа «Советский Союз»), была приспособлена для кругового обстрела. На ней установили броневой щит и улучшили систему заряжания, что позволило довести скорострельность до 1 выстрела в 4 минуты. (Для полигонного станка это много! Так, скорострельность 356/52-мм пушек на полигонном станке Дурляхера составляла 1 выстрел за 6–7 минут). Скрепленный ствол был заменен на лейнированный.

Из числа орудий, находившихся на полигоне, было сформировано шесть батарей и одна зенитная группа.

В состав 1-й батареи НИМАПа входили:

одна 406-мм пушка Б-37 на установке МП-10;

одна 356/56-мм пушка на полигонном станке;

одна 305/52-мм пушка на полигонном станке;

одна 305/40-мм пушка на полигонном станке.

Во 2-й батарее состояли:

180-мм качающаяся часть с крейсера типа 26бис, состоявшая из трех стволов на полигонном станке (скорострельность – 1 залп за 3 минуты);

две 180-мм пушки Б-1-П на полигонных станках;

одна 152/57-мм пушка Б-38 на полигонном станке.

В 3-й батарее состояло четыре 130-мм пушки Б-13.

В 4-й батарее – три 100-мм пушки Б-24БМ.

В 5-й батарее – две 100-мм пушки Б-24.

В 6-й батарее – две 120/50-мм пушки.

В этих батареях орудия находились на «родных» станках.

Боясь, что я утомил читателя перечислением береговых батарей и мест их установки. Но, увы, без этого нельзя понять грандиозную артиллерийскую битву за Ленинград, длившуюся 900 дней на территории свыше 150 км с запада на восток и свыше 100 км с севера на юг. Корабли и береговые батареи были расставлены таким образом, что по всему периметру обороны позиции немцев и финнов простреливались как минимум на 20 километров нашими пушками.

Решающей силой в этой невиданной в истории артиллерийской дуэли стала морская артиллерия Краснознаменного Балтийского флота.

Таблица 1

Боевой состав морской артиллерии в начальный период обороны Ленинграда (сентябрь- октябрь 1941 г.) [8]

Калибр, мм	Корабельная артиллерия	Береговая артиллерия						Итого
		Число орудий						
		101-я МБЖДА	КУС	НУС	НИМАП	Пулково – Дудергоф	НУС	
406	–	–	–	–	1	–	–	1
356	–	3	–	–	1	–	–	4
305	24	–	–	8	2	–	–	34
203–254	6	–	15	4	–	–	–	25
180	18	10	–	–	5	–	4	37
152		6	12	8	2	–	–	28
130	53	40	–	8	4	19	8	132
120	32	–	12	4	–	–	8	56
100–102	20	–	9	8	–	–	6	43
Всего	153	59	48	40	15	19	26	360

Примечание : МБЖДА – морская бригада железнодорожной

артиллерии; КУС – Кронштадтский укрепленный сектор; ИУС – Ижорский укрепленный сектор; НИМАП – Научно-исследовательский морской артиллерийский полигон; НУС – Невский укрепленный сектор.

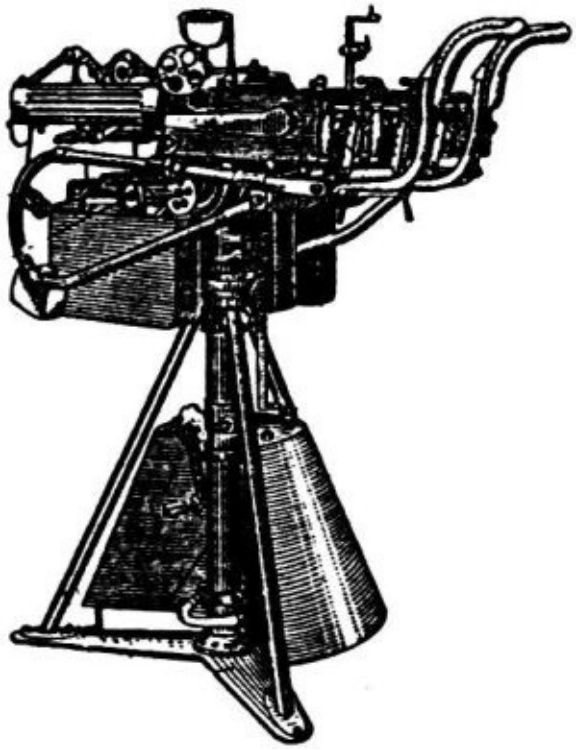
Из таблицы видно, что к началу обороны Ленинграда 28 % морской артиллерии составляли крупные (180-254-мм) и сверхмощные (305-406-мм) орудия. Значительную долю составляли 130-мм морские орудия (36,7 %) с максимальной дальностью стрельбы 138 кабельтовых (около 25 км). Применение крупных калибров морской артиллерии значительно усиливало артиллерийскую оборону Ленинграда, восполняя нехватку крупных калибров во фронтовой сухопутной артиллерии.

Глава 4 Армейская артиллерия в осажденном Ленинграде

В 1928–1937 гг. замнаркома обороны по вооружению маршал М.Н. Тухачевский вместе с начальником Главного мобилизационного управления РККА И.П. Павлуновским и руководством Артиллерийского управления нанесли огромный вред отечественной артиллерии. Именно они оставили армию и флот без зенитных автоматов. К 25 октября 1917 г. русская армия и флот располагали сотнями зенитных автоматов – 40-мм Виккерса и 37-мм системы Обуховского завода. К 1 сентября 1939 г. зенитными автоматами располагали не только ведущие армии мира, но и польская, румынская, финская и другие армии малых государств, а вот в СССР не было на вооружении ни одного зенитного автомата ни в армии, ни во флоте.

Тухачевский и руководство Артуправления считали, что для борьбы с воздушным врагом достаточно 7,62-мм пулеметов «Максим» и универсальных (дивизионно-зенитных) пушек. На флоте же для борьбы с авиацией были составлены таблицы зенитной стрельбы для всех орудия калибра 180 мм, 152 мм, 130 мм, 102 мм, 76 мм, 75 мм и т. д., а также созданы осколочные снаряды с дистанционными взрывателями для всех этих калибров. **(Сх. 7)**

Забегая вперед, скажу, что за всю войну известен лишь один случай сбития самолета (из 130-мм пушки Б-13 с эсминца Северного флота) незенитными орудиями. В остальных случаях стрельба из 180-мм и 130-мм орудий производилась лишь для утешения экипажей.

Основное средство борьбы наших армии и флота с низколетящими самолетами – счетверенная 7,62-мм зенитная установка обр. 1931 г. а базе пулемета «Максим»

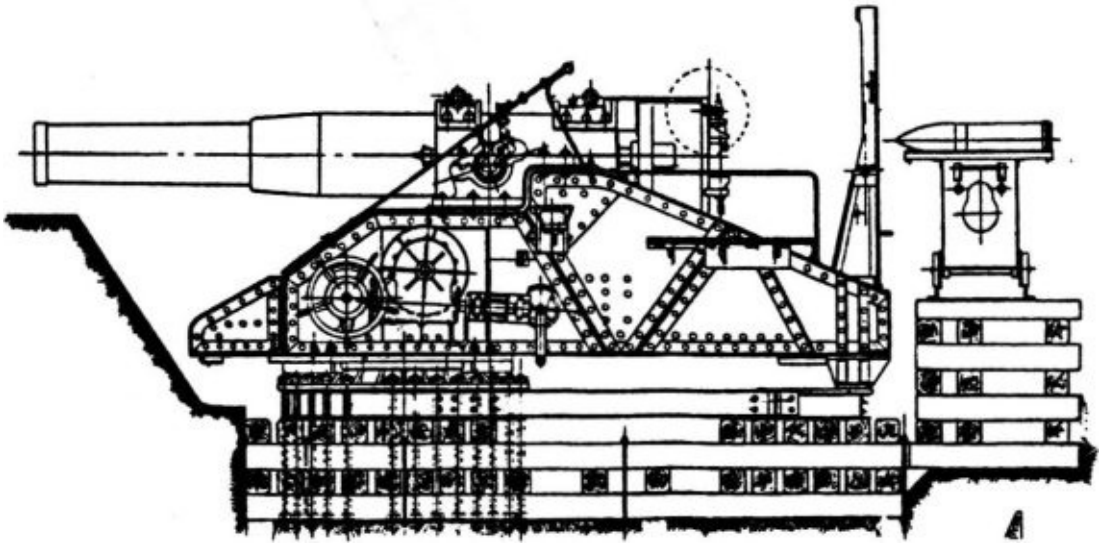
Лишь после устранения Тухачевского и большей части руководства Артуправления в 1938–1939 гг. были созданы образцы 37-мм и 45-мм автоматов, «содранные» с 40-мм автомата Бофорс. Эти автоматы отличались низкой скорострельностью, нерациональной схемой автоматики. [9] Но, как гласит французская пословица, «за неимением лучшего спят с женой».

В 1920-1930-х годах Тухачевский и руководство Артуправления потратили огромные сумму на создание дальнобойной и сверхдальнобойной артиллерии. Однако большая часть средств пошла на пушки с беспоясковыми снарядами – нарезными, полигональными и подкалиберными. [10] Опыты с этими снарядами калибра 76-368 мм велись с 1921 г. по 1940 г. Их результаты оказались почти тождественны результатам испытаний нарезных, подкалиберных и полигональных снарядов, проведенных на Волковом поле в 1861–1869 гг. Уже торга русские артиллеристы выяснили нецелесообразность использования подобных снарядов.

В 1931 г. началась разработка большого триплекса – 400-мм мортиры, 305-мм гаубицы и 203-мм пушки на едином лафете. Увы, Тухачевский потребовал, чтобы все системы триплекса были неразборными и на

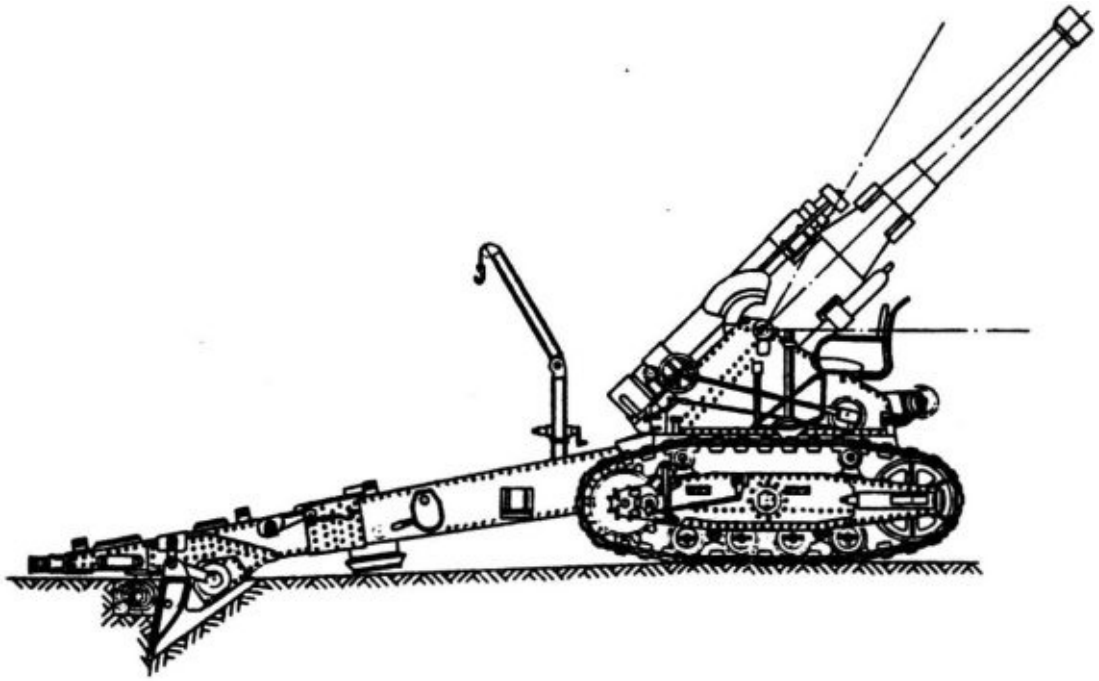
самоходном шасси. Был спроектирован огромный монстр весом свыше 100 тонн и длиной более 12 метров, не проходивший в железнодорожный габарит. Он не мог пройти по подавляющему большинству мостов и т. д. К апрелю 1938 г. изготовили лишь деревянный макет. Работы были прекращены, а руководители проекта арестованы. Естественно, что в 1960-х годах их полностью реабилитировали.

В итоге артиллерия РККА оказалась вообще без орудий особой мощности (ОМ), если не считать тридцати четырех 305-мм гаубиц обр. 1915 г., доставшихся от «проклятого царизма». **(Сх. 8)**

305-мм гаубица обр. 1915 г. (Рис. А. Е. Лютова)

Артиллерия большой мощности (БМ) Красной армии состояла из триплекса: 152-мм пушки Бр-2, 203-мм гаубицы Б-4 и 280-мм мортиры Бр-5. По баллистическим качествам эти орудия не уступали западным аналогам. Но их общей бедой был гусеничный лафет, затруднявший поворот орудия при стрельбе и допускавший скорость хода 5–8 км/ч. Эксплуатация этого триплекса вылилась в непрерывную войну личного состава расчетов с гусеничным лафетом. Попытки перевода триплекса на колесный ход начались еще в 1930-х годах и затянулись до середины 1950-х годов, когда сотрудника КБ завода «Баррикады» сумели создать колесный ход для триплекса. **(Сх. 9)**

203-мм гаубица Б-4 11 боевом положении

К 22 июня 1941 г. РККА располагала 872-мя 203-мм гаубицами Б-4, 47-ю 280-мм мортирами Бр-5 и двадцатью четырьмя 152-мм пушками Бр-2. К ним имелось снарядов: 152-мм – 3 тысячи, 203-мм – 395 тысяч, 280-мм – 7 тысяч. При этом 280-мм снаряды были только дореволюционного образца от 280-мм мортир Шнейдера обр. 1914/15 г.

К 22 июня 1941 г. 203-мм гаубицы Б-4 состояли в 33-х гаубичных полках большой мощности. По штату в полку полагалось иметь 24 гаубицы. В 1938–1939 гг. была сделана попытка введения Б-4 в корпусные артиллерийские полки, по 6 гаубиц в дивизион. Однако уже в 1939 г. Б-4 начали заменять на 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20. Тем не менее, в каких-то корпусных полках 203-мм гаубицы к началу войны еще остались.

280-мм мортиры входили в 8 отдельных дивизионов ОМ. По штату в каждом дивизионе должно было быть 6 мортир. Наконец, из 152-мм пушек Бр-2 был сформирован только один тяжелый пушечный полк (по штату 24 пушки).

Старые 305-мм гаубицы обр. 1915 г. были сведены в 5 отдельных дивизионов ОМ по 6 гаубиц в каждом. К ним имелось 8 тысяч 305-мм гаубичных снарядов. 305-мм гаубичные и морские снаряды от 305/52-мм пушек являлись взаимозаменяемые, что было проверено рядом стрельб в 1920-х годах.

В мае 1929 г. Реввоенсовет СССР утвердил программу артиллерийского вооружения на 1929–1932 гг. В ней предусматривалось

создание корпусной 203-мм мортиры. Увы мортиру не создали. 5 августа 1933 г. была утверждена Реввоенсоветом система артиллерийского вооружения на 1933–1937 гг., где вновь фигурировала корпусная 203-мм мортира, и опять по вине Тухачевского и Павлуновского 203-мм мортиру не приняли на вооружение, хотя и было испытано несколько опытных образцов.

В 1928 г. возобновились работы над 203-мм гаубицей обр. 1913 г. системы Шнейдера. Еще до начала Первой мировой войны Путиловский завод получил заказ на 32 такие гаубицы, но к 1 августа 1918 г. изготовил лишь некоторое количество деталей, из которых нельзя было собрать даже одну гаубицу.

К 20 января 1929 г. был разработан проект модернизации гаубицы, и Кировскому заводу (бывшему Путиловскому) выдали заказ на шестнадцать 203-мм гаубиц, получивших в конце 1930-х годов индекс Е-16.

Шестнадцать гаубиц Е-16 Кировский завод изготовил, но РККА их к 22 июня 1941 г. не приняла. Е-16 нет в списке орудий, состоявших на вооружении к началу войны. Однако 203-мм Е-16 упомянута в числе действующих орудий в «Справочнике по боеприпасам Красной Армии» 1943 года издания. Вес гаубицы Е-16 в боевом положении 6,4 т. Дальность стрельбы 100 км снарядом весом 11,3 кг. К ней мы вернемся несколько позже.

Таким образом, по вине руководства РККА, в первую очередь маршала Тухачевского, Красная Армия имела очень слабую тяжелую артиллерию. Это стало одной из важнейших причин больших потерь в ходе «зимней» войны с Финляндией в 1939–1940 гг.

Артиллерия вермахта (с учетом трофейных орудий) к началу войны существенно превосходила артиллерию РККА в области орудий большой и особой мощности.

В составе частей Ленинградского военного округа к 1 июня 1941 г. состояло пятьдесят 203-мм гаубиц Б-4 и еще 11 поступили от промышленности в июне.

Три 280-мм мортиры Бр-5 поступили в округ в первой половине 1941 г., в июне 1941 г. поступлений не было.

К 1 января 1941 г. в Ленинградском ВО была одна (!) 152-мм пушка Бр-2, но и она к 1 июня 1941 г. куда-то делась.

К началу войны в составе 23-й армии, дислоцировавшейся на Карельском перешейке, было два гаубичных артиллерийских полка большой мощности, вооруженных Б-4. Остальные Б-4 находились на складах или в составе корпусных полков.

В ходе отступления на Карельском перешейке оба полка (№ 108 и № 519) утеряли свою материальную часть. И к 1 декабря 1941 г. Ленинградский фронт располагал лишь шестью 203-мм гаубицами. Это 203-мм гаубицы организационно входили в 1155-й пушечный артиллерийский полк (двенадцать 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20).

К 1 мая 1942 г. в боевом составе было четыре 203-мм гаубицы, к 1 сентября 1942 г. – вновь шесть, а к 1 декабря 1942 г. – восемь.

К сожалению, мне не удалось выяснить, что это были за гаубицы Б-4 – полученные от завода «Большевик» или Е-16 с Кировского завода. Так или иначе, но в феврале 1943 г. из 203-мм гаубиц был сформирован внештатный артиллерийский дивизион, а в 1155-м полку число МЛ-20 было увеличено с 12 до 18.

В апреле 1943 г. на базе нештатного артиллерийского дивизиона большой мощности был сформирован 1640-й гаубичный артиллерийский полк большой мощности.

Кроме того, три гаубичных дивизиона большой мощности, оснащенного 203-мм гаубицами, были переданы в 1943 г. Ленинградскому фронту из резерва Ставки: в январе 1943 г. – 324-й полк большой мощности, в апреле – 168-й, и осенью – 137-й полк большой мощности.

В результате к 1 мая 1943 г. Ленинградский фронт располагал 45-ю 203-мм гаубицами, а в сентябре-декабре 1943 г. – 48-ю гаубицами.

Первые две 152-мм пушки Бр-2 прибыли в Ленинград в начале 1943 г., к 1 сентября 1943 г. там было 20, а к 1 декабря 1943 г. – 21 такая пушка.

Таблица 2 **Состав корпусной артиллерии Ленинградского фронта**

	1.12.1941	1.05.1942	1.09.1942	1.12.1942	1.05.1943	1.09.1943	1.12.1943
107-мм и 122-мм пушки	57	70	74	70	89	176	172
152-мм гаубицы-пушки МЛ-20	19	10	70	118	189	193	192
122-мм гаубицы	172	159	134	190	376	480	519
152-мм гаубицы	107	115	98	95	83	108	133

Как видим, сухопутная артиллерия Ленинградского фронта была невелика количественно, а главное, до 1943 г. не имела орудий с

дальностью стрельбы свыше 20 км. Не будь морской артиллерии, германские дальнобойные пушки могли бы практически безнаказанно расстреливать Ленинград в 1941–1942 гг.

Глава 5 Отражение сентябрьского штурма

Наши историки из политкорректности замалчивают тот факт, что корабли Балтийского флота и береговая артиллерия Кронштадта начали вести огонь по наступавшим финским войскам раньше, чем по немцам. К 23 августа 1941 г. финские части подошли к Выборгу. 26 августа финны высадили десант до пехотного батальона южнее Выборга, перерезав приморскую железную дорогу и шоссе. Выборгская группировка советских войск (43-я, 115-я и 123-я стрелковые дивизии) оказалась в окружении и была вынуждена разрозненными группами пробиваться к Койвисто (Приморск).

28 августа финны заняли Выборг и Кивеннапу, 30 августа – Райволу, а 31 августа – Териоки.

1 сентября войска 23-й армии создали оборону на рубеже Карельского укрепленного района, то есть на старой границе.

Финны остановились совсем не потому, что имели приказ маршала Маннергейма не переходить границу 1939 года. Вспомним, что на востоке они заняли всю Карелию и рвались к Архангельску и Вологде. Немецкие пособники перешли к обороне из-за шквала огня морской артиллерии и невозможности сходу преодолеть старую линию железобетонных укреплений, строившихся еще с середины 1920-х годов.

30 августа эсминцы «Строгий» и «Стройный», стоявшие на Неве у Ивановских порогов, впервые открыли огонь по германским войскам, наступавшим в районе станции Поповка Октябрьской железной дороги, Ям-Ижора и Черная Речка (6 км и 11 км южнее железнодорожной станции Колпино).

Замечу, что оба эсминца были еще не достроены, и на позицию на Неве их 20 августа привели буксирами.

Еще раньше, 29 августа, стрельбу по немцам начала артиллерия НИМАПа. Чтобы избежать возможной паники среди населения города при боевых выстрелах орудий крупных калибров с траекторией стрельбы через город, в газете «Ленинградская правда» 22 августа 1941 г. поместили извещение: «Начиная с 22 августа, с морского полигона в Ленинграде будет производиться пробная стрельба, о чем доводится до всеобщего сведения. Военный комендант гарнизона города Ленинграда полковник Денисов».

Первые боевые выстрелы по противнику в районе совхоза «Красный бор» на колпинском направлении НИМАП произвел 29 августа из 406-мм

пушки с полигонной установки МП-10.

Забегая вперед, скажу, что с 29 августа по 31 декабря 1941 г. батареи НИМАПа свыше 170 раз открывали огонь по противнику.

30 августа германская полевая артиллерия потопила на Неве в районе поселка Пелла сторожевые катера М-202 и МО-174. Катера шли из Ленинграда к Ивановским порогам. В том же районе 30 августа был потоплен артиллерией бронекатер БКА-97, шедший из Ленинграда в Шлиссельбург. Таким образом, сообщение по Неве с Ладожским озером было прервано.

Днем 30 августа в Шлиссельбурге разорвалось восемь 203-мм германских снарядов, несколько человек было убито и 60 человек ранено.

31 августа германские войска, развивая наступление на Ленинград с юга, достигли южного берега Невы в районе Ивановских порогов и перерезали Кировскую железную дорогу. В этот день эсминцы «Строгий» и «Стройный», и 180-мм железнодорожная батарея и батарея № 1 НИМАПа открыли интенсивный огонь по немцам в районе станции Саперная (Кировской железной дороги, в 6 км северо-западнее Ивановского), Ивановское, Пелла (в 2–3 км северо-восточнее Ивановского) и Поповка.

1 сентября на форт «Красная Горка» прибыл сам нарком ВМФ Кузнецов в сопровождении командующего Балтийским флотом В.Ф. Трибуца. В их присутствии форт открыл огонь по наступавшим немецким войскам. Стрельба велась из 305-мм орудий дальнобойными снарядами обр. 1928 г. (дальность стрельбы около 40 км). Однако новые дальнобойные снаряды в 4 раза сильнее изнашивали каналы 12-дюймовых пушек и часто приводили к их разрывам. Так, 6 сентября на форту «Красная Горка» на 311-й башенной батарее во второй башне в канале ствола произошел разрыв снаряда обр. 1928 г. Ствол разорвало, при этом было выведено из строя и соседнее орудие.

Как писал очевидец: "Запасных двенадцатидюймовых стволов на форту не было. Пришлось доставлять их из Кронштадта до Ораниенбаума на барже и от Ораниенбаума до Красной Горки по железной дороге. Причем все это происходило под артиллерийским обстрелом. Но не в том были главные трудности.

Замена стволов такого калибра – очень тяжелая и трудоемкая работа. Обычно выполняют ее заводские специалисты с помощью мощного крана. А кран на форту был неисправен. Да если б он и был в порядке, едва ли бы решились его использовать – это слишком бы демаскировало батарею.

По довоенным техническим нормам на замену двух стволов требовалось сорок суток". [11]

Однако умельцы с батареи с помощью рабочих Кронштадтского Морского завода всего за шесть суток заменили стволы. Работали и днем, и ночью, и 11 сентября башня была готова к стрельбе.

Но тут я немного забежал вперед, и надо вернуться к боевым действиям первых дней сентября. Вот сухие строки «Хроники Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере»:

"2 сентября. Канонерская лодка «Красное Знамя» вела огонь по скоплению войск противника в районе Ильмово – Мышкино (к востоку от Копенского озера).

180-мм железнодорожная батарея Ижорского укрепленного района вышла на позицию к деревне Воронкино (у Копорского залива) для стрельбы по наступавшему противнику…

Две 305-мм с форта «Красная Горка» и 180-мм железнодорожная батарея вели огонь по противнику в районе Ананьино – Маклаков (к югу от Копорского залива.

Северные Кронштадтские форты «О», "Р", «П» вели артиллерийский огонь по противнику в районах: Тайвола, Метсикюля. Тюрисево и Ривиера…

3 сентября. 152-мм и 254-мм стационарные батареи Кронштадта вели артиллерийский огонь по войскам противника в районе Куоккала – Териоки (северный берег Финского залива)". [12]

4 сентября по немцам в районе поселка Ивановское открыл огонь линкор «Марат». Он еще 23 августа занял огневую позицию в ковше у входа в Морской канал.

5 сентября впервые огонь открыли 180-мм орудия крейсера «Киров». Вместе с орудиями форта «Первомайский» («Тотлебен») они подавили батареи финнов в районе Новая Алаккюля (северный берег Финского залива) и вели огонь по скоплению войск в районах Ольховка и Аккаси на северном берегу Финского залива.

В тот же день батареи фортов «Обручев», «Тотлебен», «Северный № 4», а также канонерская лодка «Амгунь» вели артиллерийский огонь по скоплениям пехоты и танков финнов в районах Териоки, Оллила и Куоккала.

6 октября береговые батареи Кронштадтского сектора береговой обороны и линкор «Октябрьская Революция» вели огонь по скоплению финских мотомеханизированных войск на северном берегу Финского залива в районе Оллила и в районе Ино – Оллила.

7 сентября батареи Кронштадта и крейсер «Киров» вели

артиллерийский огонь по финнам на северном берегу Финского залива. Береговые батареи фортов «Первомайский» и «Красноармейский» («Обручев») вели огонь по батареям и живой силе финнов в района Алаккюля и Ольховка. Финская артиллерия с материка обстреливала остов Биорке; на острове производились оборонительные работы.

В тот же день береговые батареи форта «Красная Горка», линкора «Октябрьская Революция» и крейсера «Киров» вели артиллерийский огонь по скоплениям войск финнов в районах Верхние Рудицы, Заостровье и Дятлицы. А части Ижорского укрепрайона артиллерийским огнем 19-й железнодорожной батареи отбили наступление противника в районе Елизаветино и выбили немцев из Кипень.

7 сентября на недостроенных крейсер «Петропавловск» поступил приказ: «Открыть огонь по скоплению живой силы и техники противника в Тайцах». Управляющий огнем крейсера старший лейтенант В.А. Сычев совместно с командиром носовой башни лейтенантом В.С. Елагиным нашли этот пункт на огневом планшете и, приняв его центр за центр цели, рассчитали исходные данные для стрельбы с учетом всех поправок. Получив разрешение, комендоры открыли огонь. Крейсер произвел двенадцать залпов из 203-мм пушек на дистанцию 32 км. С учетом корабельного рассеивания стрельба велась на одном прицеле.

Об этом интересном корабле стоит рассказать поподробней.

В сентябре 1939 г. советская сторона предложила Германии продать два строившихся на плаву тяжелых крейсера «Зейдлиц» и «Лютцов», а также техническую документацию для строительства двух кораблей этого типа на отечественных верфях, и получить техническую помощь специалистами и оборудованием со стороны судостроительной промышленности Германии.

В рамках соглашения о товарообмене, заключенного СССР и Германией 19 сентября 1939 г., последняя согласилась в счет ответных поставок продовольствия и промышленного сырья продать только один тяжелый крейсер – «Лютцов». Решение о его покупке было принято без согласования с Наркоматом, по личной инициативе Сталина.

В декабре 1939 г. советская делегация, возглавляемая наркомом судостроительной промышленности И. Ф. Тевосяном, выехала в Германию для решения вопросов по закупке крейсера.

«Лютцов» был заложен на верфи «АГ Везер» в Бремене в 1937 г., 1 июля 1939 г. спущен на воду и достраивался на плаву. Ко времени передачи его Советскому Союзу были установлены все башни главного калибра, (причем башня № I была с орудиями), также были установлены валы,

винты, машины, оборудование и остальное вооружение. Для завершения строительства Германия обязалась к маю 1941 г. поставить все недостающие системы и боекомплект и оказать помощь специалистами. Закупочная стоимость крейсера составляла 116 млн. рублей по курсу того времени (10 655 млн. рейхсмарок).

31 мая 1940 г. германские буксиры привели корпус крейсера в Ленинград. Достройка корабля велась на Балтийском заводе (№ 189). Техническое руководство достройкой осуществлял «штаб особого назначения», как именовали в немецких документах группу германских специалистов, насчитывавшую около ста человек. Возглавлял «штаб» военно-морской атташе Германии в СССР фон Баумбах. В советских же документах этот «штаб» назывался «Бюро Л».

Управление кораблестроения Наркомата ВМФ считало «Лютцов» «весьма ценным приобретением», представляющим большой интерес в отношении конструкции корпуса (целиком сварной, за исключением бортовой брони), системы бронирования (развал бортов), машинно-котельной установки (котлы системы «Вагнер-Дешимаг», 450 °С, 58 кгс/см *2*) и успокоителей качки системы Фрама.

Особый интерес вызвало вооружение крейсера. Главный калибр был представлен восемью 20,3-см пушками SKC/34 в четырех башнях Drh LC/34. Пушки стреляли 122-кг снарядами с начальной скоростью 925 м/с на дальность 33,5 км.

Универсальная артиллерия была представлена двенадцатью 10,5-см пушками SKC/33 в шести стабилизированных установках LC/31. Кроме того, имелось восемь спаренных 3,7-см и восемь 2-см зенитных автоматов.

Авиационное вооружение включало в себя катапульту и три гидросамолета «Арадо-196».

2 июня 1940 г. от наркома ВМФ Кузнецова поступило предложение назвать крейсер «Выборгом», но принято оно не было, и 2 октября 1940 г. крейсеру было присвоено название «Петропавловск». Причем «Петропавловск» был назван не легким крейсером, как «Киров», и не тяжелым крейсером, как проект 69, а просто крейсером проекта 83.

До конца 1940 г. достройка крейсера шла удовлетворительно, но с января 1941 г. германские власти начали тормозить и срывать поставки оборудования и механизмов. В апреле-мае поставки оживились, но шли некомплектно, что препятствовало завершению работ на отдельных агрегатах и постах. В частности, в отчете по вооружению, выпущенному в мае 1941 г., указывалось: «Вследствие отсутствия стволов и качающихся частей, начиная с мая месяца, завод может производить работы только

побочного характера, не связанные с отсутствующими деталями». К середине июня поставки из Германии практически прекратились.

Из артиллерийского вооружения к июню 1941 г. были поставлены в полном комплекте две башни главного калибра, часть мелкокалиберных зенитных автоматов и боекомплект к ним. Для ввода в строй комплектных башен главного калибра потребовалось вложить очень много труда, и в 1941 г. они были оснащены только вспомогательными механизмами, главные механизмы удалось ввести в строй только в 1943 г. **(Сх. 10)**

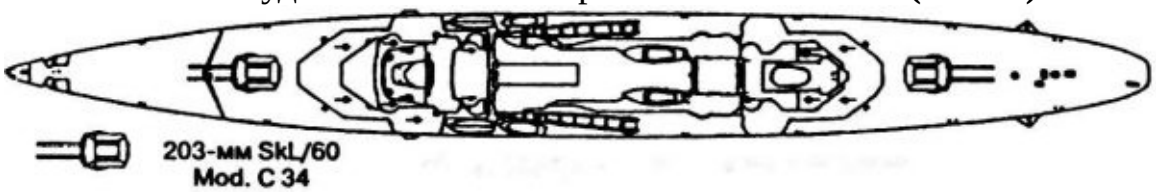

Схема размещения артиллерии крейсера «Петропавловск»

В мае-июне 1941 г. под разными предлогами начали уезжать в Германию немецкие специалисты, руководившие достроечными работами. В июне 1941 г. фон Баумбах последним пересек границу за несколько часов до начала войны.

К июню 1941 г. экипаж крейсера, составленный из командиров и матросов, направленных с других крейсеров, военных училищ и учебных отрядов, был почти полностью укомплектован и изучал и осваивал новую технику. Интенсивно велись судостроительные работы. Были смонтированы все главные и вспомогательные механизмы, главные котлы, турбо– и дизельгенераторы, водоотливные средства с трубопроводами и арматурой, завершилась установка орудий в башне IV главного калибра. Техническая готовность корабля к концу июня достигла 64 %. Пробный выход на ходовые испытания планировался на ноябрь 1941 г.

Но, несмотря на все усилия, крейсер не представлял собой полноценную боевую единицу. Ни на одном боевом посту работы не были закончены, корабль не мог дать ход. Отсутствовала герметизация водонепроницаемых переборок из-за большого количества незаделанных отверстий под несмонтированные трубопроводы и кабели. Не были введены в строй многие системы, в том числе водоотливная и противопожарная. Отсутствовала значительная часть вооружения ПВО и оборудование постов управления стрельбой главного калибра.

С начала июля 1941 г. из состава экипажа крейсера были сформированы две роты морской пехоты, часть моряков получила назначения на другие корабли. На борту «Петропавловска» остались в основном специалисты артиллерийской и электромеханической боевых

частей.

Учитывая обстановку, сложившуюся на ленинградском направлении, командование Балтийского флота приняло решение ввести в строй артиллерию главного калибра крейсера и использовать его в обороне города как плавбатарею.

17 июля 1941 г. за подписью начальника Научно-технического комитета ВМФ инженер-контр-адмирала Жукова был издан приказ № 00316, согласно которому оставшаяся часть экипажа и привлеченные рабочие ленинградских заводов приступили к работам по срочному вводу в строй башен главного калибра I и IV и систем механизмов, обеспечивавших их использование. Полученная из Германии часть зенитной артиллерии (одна спаренная 37-мм и восемь 20-мм установок) были установлены ранее, о чем после проведенного отстрела 4 июля был составлен соответствующий акт.

14 августа 1941 г. крейсер «Петропавловск» отбуксировали в Угольную гавань Ленинградского торгового порта. 15 августа на крейсере подняли военно-морской флаг и была начата приемка боезапаса.

К началу боевых действий в качестве плавбатареи экипаж корабля насчитывал 408 человек, в том числе 29 человек командного состава.

После 7 сентября крейсер стрелял почти ежедневно. Для корректировки огня на передний край были посланы корректировочные посты. 9 сентября погибли лейтенанты Д.И. Файн и М.А. Тимко – командиры корректировочных постов «Петропавловска».

11 сентября во время стрельбы на 22-м выстреле взрывом снаряда в канале ствола было выведено из строя левое орудие 20,3-см башни I. По предположению артиллеристов корабля причиной этого стала неисправность баллистического наконечника полубронебойного снаряда, который разламывался при выстреле на части, и их падение неоднократно наблюдалось вблизи корабля. Предполагается, что при выстреле очередного снаряда была повреждена нарезка ствола, и при следующем выстреле осколочно-фугасным снарядом с взрывателем непредохранительного типа произошла его задержка и взрыв.

8 сентября впервые открыл огонь по немцам крейсер «Максим Горький». Он подорвался на мине еще 23 июня и потерял носовую часть по 60-й шпангоут. В Кронштадте ему приварили новую носовую часть, сделанную в Ленинграде на Балтийском заводе. 1 августа крейсер вывели из дока. 24 августа «Максим Горький» был поставлен на огневую позицию у Хлебного маяка Ленинградского торгового порта.

В тот же день, 8 сентября, форт «Тотлебен» вел интенсивный огонь по

финнам в районе поселков Александровка и Белоостров. Линкор «Октябрьская Революция», крейсер «Киров» и батареи Ижорского укрепрайона вели артиллерийский огонь по скоплениям войск противника в районе Заостровье – Дятлицы – Готобужи.

9 сентября линкор «Марат» вел огонь по немцам в районе Дятлицы – Тепень. От интенсивного огня разорвалось среднее 305-мм орудие башни № 1.

В тот же день крейсер «Киров» вел огонь по шоссе южнее Дятлицы.

10 сентября линкор «Октябрьская Революция» и крейсер «Киров» вели огонь по немцам в районе Дятлицы и в районе Глухово. Линкор «Марат» и крейсер «Максим Горький» вели огонь по немцам в районе Кипень.

Батареи кронштадтских фортов вели огонь по противнику в районе реки Сестры, поселков Оллила и Александровка. Батареи Кронштадтского укрепленного сектора обстреляли финнов в районе Куоккала – Метсякюля. По советским данным, был уничтожен один танк и сбит аэростат наблюдения противника.

11 сентября линкор «Октябрьская Революция», крейсер «Киров» и батареи северных кронштадтских фортов вели огонь по противнику в районах Михайловская, Ользовка и Белоостров. Финская батарея из района Ино обстреляла сторожевой катер МО-291. Линкор «Марат» и крейсер «Максим Горький» вели огонь по немцам в районе Кипень.

Несколько слов стоит сказать о действиях 130-мм батарей «А» и «Б». Батарея «А» из девяти 130-мм пушек, снятых с крейсера «Аврора», была установлена на 12-километровом фронте от Дудергофа (поселок Можайский) до Киевского шоссе. Первые стрельбы батарея «А» провела 6 сентября. Однако 11 сентября батарея погибла. Вот как описывает это германский историк Пауль Карель: "Целая танковая рота и головная рота бронемашин сумели проникнуть в мертвую зону для огня смотревших на запад морских батарей противника без потерь. Пушки справа и слева от дороги заставил замолчать танковый полувзвод лейтенанта Коха из состава 8-й роты 1-го танкового полка. Под прикрытием огня этих танков саперы сумели проложить себе путь прямо к позиции мощных морских орудий. Прогремели взрывы ручных гранат, вырвались длинные языки пламени из огнеметов. В рукопашной немцы одолели орудийную прислугу. В 11.30 [13] личный состав штаба 1-й танковой дивизии нечаянно услышал донесение, отправленное лейтенантом Дариусом, командиром 6-й танковой роты, командиру батальона. Слова командира роты вызвали вздох облегчения у начальника оперативного отдела дивизии подполковника Венка, который следовал за батальоном бронемашин в танке связи генерал-майора

Крюгера. Венк улыбнулся, услышав сквозь грохот сражения слова романтически настроенного молодого танкиста. Дариус радировал:

– Вижу Санкт-Петербург и море.

Венк все понял. Дариус находился на высоте 167 – на вершине Лысой горы, и Ленинград лежала у его ног – только руку протянуть. Цитадель на последнем рубеже обороны, на «самых главных» царских горах, пала". [14]

Десять установок Б-13 батареи «Б» находились на Пулковских высотах. В ночь на 3 сентября батарея совместно с кораблями Балтийского флота вела огонь по Ям-Ижоре и выпустила 150 снарядов. 7–9 сентября батарея вела огонь по заявкам Балтийского флота и 42-й армии по Ропше, выпустив 600 снарядов. 11 сентября батарея уничтожила 12 танков противника и рассеяла батальон пехоты, после чего подверглась огневому воздействию и налетам немецкой авиации. 13 сентября германские части подошли вплотную к батарее. К 15 сентября из десяти орудий семь были выведены из строя. Однако батарея продолжала сражаться и 19 сентября выбила из района поселка Пулково группу автоматчиков противника. Всего батареей было произведено около 4000 выстрелов. [15]

12-15 сентября линкор «Октябрьская Революция» и крейсер «Киров» вели огонь по германским войскам в районах Ропши, Гостилицы и Хабони, а батареи северных кронштадтских фортов – по финнам в районах Старый Белоостров, Куоккала, Александровская и Радуголь.

Морские артиллеристы наносили большие потери как немцам, так и финнам. Германское командование отдало приказ авиации и дальнобойной артиллерии нанести удар по кораблям Балтийского флота.

Днем 4 сентября германская артиллерия впервые открыла огонь по Ленинграду. Артиллерийскому обстрелу подверглись станция Витебская-сортировочная, заводы «Салолин», «Красный Нефтяник» и «Большевик». Немцы вели огонь из района Тосно.

Советский военный историк и участник боев Н.Н. Жданов писал: «Артиллерийский обстрел города не имел ничего общего с вооруженной борьбой противостоящих армий. Это были варварские обстрелы, в результате которых страдало гражданское население, разрушались культурные учреждения, многие из них являлись уникальными, госпитали, больницы, школы, различные детские учреждения». [16]

Увы, Жданов прав только отчасти. Действительно, часть артиллерийских обстрелов Ленинграда имела цель создать в городе хаос и терроризировать его защитников и мирных граждан. Однако подавляющее большинство обстрелов велось по конкретным военным целям. При этом, разумеется, страдали и гражданские объекты. Так, стреляя по

дальнобойным пушкам батареи № 778 в Кронштадте, трудно было не попасть в расположенный рядом морской госпиталь. Тут бы спросить с тех, кто ставил там эту батарею.

Всего в сентябре 1941 г. немцы выпустили по Ленинграду 5364 снаряда.

17 сентября немцам удалось прорваться к южному побережью Финского залива в районе Новый Петергоф, Стрельна, Урицк и получить возможность вести оттуда прицельный огонь с небольших дальностей (30–40 кабельтовых – 5,5–7,5 км) по советским кораблям, стрелявшим с открытых огневых позиций внешних рейдов Невской губы и Морского канала. Наши корабли были ограничены в огневом маневрировании и подвергались авиационно-артиллерийским ударам противника. Результат не замедлил сказаться. Уже 14–15 сентября линкор «Марат» получил 5 попаданий снарядов калибра 105–150 мм, взрывами которых повредило палубу и надстройки.

15 сентября был поврежден эсминец «Опытный». Замечу, что это был экспериментальный эсминец, строившийся в Ленинграде с июня 1935 г., но так и не введенный в строй к началу войны. 17 августа 1941 г. «Опытный» был передан флоту во временную эксплуатацию. 15 сентября в его дымовую трубу попал снаряд. Взрывом было разрушено второе котельное отделение и поврежден корпус.

Утром 16 сентября в линкор «Марат» попало девятнадцать 105-мм снарядов, не причинивших кораблю особого вреда. Но в 12 ч. 30 мин. в него попали две 100-кг авиабомбы. Погибло 15 и было ранено 30 человек команды, вышло из строя 120-мм орудие, внутрь корпуса стала поступать вода. (Любопытно, что германские источники утверждают, что в «Марат» попало не две, а три бомбы калибра 500 кг. На мой взгляд, это неверно, поскольку в этом случае повреждения корабля были бы заметно большими). Вследствие полученных повреждений в 13 ч. 00 мин. линкор был вынужден оставить огневую позицию и, продолжая вести огонь по назначенным целям, ушел на Малый Кронштадтский рейд, а оттуда 18 сентября его буксирами поставили к Усть-Рогатке. В последующие дни «Марат» вел огонь от причала.

А теперь предоставлю слово противнику. Из журнала боевых действий 768-го тяжелого артиллерийского дивизиона резерва главнокомандования вермахта: «18.09.41. В 11.15 весь настильный огонь дивизиона был использован для огневого налета по дому у Кировского моста, где предположительно размещается командование фронта. Дивизион выпустил свои последние 14 снарядов. Разрывы наблюдались в виде дымков.

Попадания не могли быть констатированы из-за дымки…»

18 сентября на огневую позицию в Морском канале, ранее занимаемом поврежденным линкором «Марат», пришел линкор «Октябрьская Революция» и приступил к ежедневным обстрелам германских войск.

16-17 сентября в крейсер «Максим Горький», стоявший в Лесной гавани торгового порта Ленинграда, попали шесть 105-150-мм снарядов. Были повреждены механизмы, на корабле возник пожар. «Максиму Горькому» пришлось сменить огневую позицию. **(Сх. 11)**

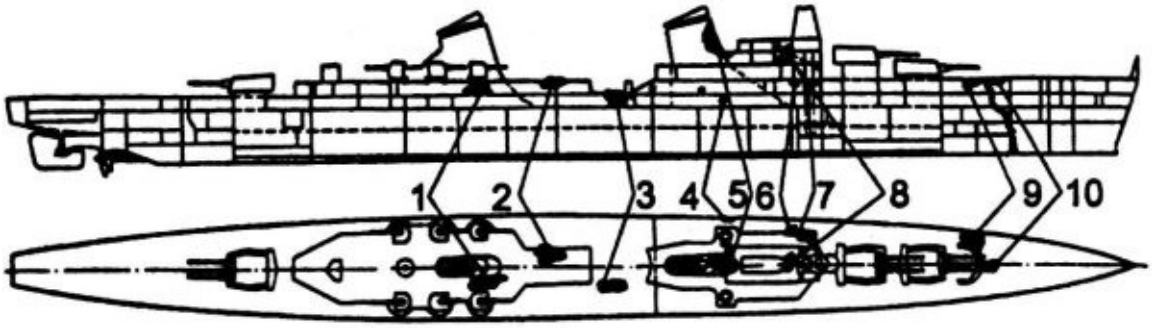

Схема поражения снарядами крейсера «Максим Горький»:
1 -21.01.42 г.; 2– 27.06.42 г.;3,4,5,7 и 9– 17.09.41 г.;6 – 16.09.41 г.; 8 – 21.09.41 г.; 10–23.11.41 г. Показана линия отрыва носовой части 23.06.41 г.

В ночь с 16 на 17 сентября и утром 17-го крейсер «Петропавловск» нанес удары по скоплениям живой силы и танков противника в районе Старое Паново – Урицк, нанеся им, по свидетельству генерал-майора В.А. Родионова, большие потери.

Это были последние залпы «Петропавловска» осенью 1941 г. Всего же за 11 дней сентября орудия крейсера произвели 40 стрельб, выпустив по врагу 676 снарядов главного калибра. 290 из них были выпущены в период с 11 по 17 сентября, то есть в наиболее критические дни напряженных боев, когда враг рвался к Ленинграду через Пулковские высоты. Систематическому обстрелу подвергались живая сила и техника противника в следующих районах: Ям-Ижора, Красное Село, Красный Бор, Старая Мыза, Дудергоф, Лигово, Урицк, Воронья гора, Сосновая Поляна и др. Любопытно отметить, что стрельбы 16–17 сентября по живой силе в районе Урицка велись на прицеле всего 4200 м. В визир был хорошо виден противник, мощный разрыв снаряда у цели и результаты удара.

Германских документов по действиям артиллерии под Ленинградом до нашего времени дошло крайне мало. Потопление «Петропавловска» в этом плане представляет одно из исключений. Процитирую выдержки из журнала боевых действий 768-го тяжелого артиллерийского дивизиона резерва главнокомандования вермахта:

"16.09.41. По приказу 802-го полка 1-я батарея вводится в действие в районе Красное Село. Задача: борьба с тяжелыми крейсерами, находящимися в ленинградском порту и Финском заливе. Эти корабли своими дальнобойными и крупнокалиберными орудиями (приблизительно 300-мм) днем и ночью беспокоят весь участок фронта. Вывод их из строя действием настильного огня тяжелой артиллерии должен принести облегчение 38-му армейскому корпусу. В 13.30 дивизион докладывает о готовности к открытию огня. Много времени отнимают топографическая подготовка, работы по оборудованию, так же как и прокладка большой сети управления, необходимые для стрельбы по морским целям. Стрельбу предполагалось вести так: С трех пунктов АИР [17] должны засекаться цели и наши разрывы. На КП дивизиона производится сводная корректировка. Пункт АИР «Черный» находится на высоте 160 (6 км юго-восточнее Красного Села), пункт АИР «Красный» на высоте 130 (северо-западнее Красного Села), пункт АИР «Белый», являющийся одновременно КП дивизиона, на высоте 1 км восточнее Куттузи. Вся проводная связь дублируется по радио. С КП дивизиона прекрасно видны как г. Ленинград, так и ленинградский большой порт и далее до Петергофа.

Прекрасно можно наблюдать наступление 38-го армейского корпуса и массированные действия артиллерии. Остальные подразделения дивизиона остаются у Келози…

17.09.41. Утром прекрасная видимость. Опознается тяжелый крейсер, по-видимому «Марат». Пункты АИР «Черный» и «Красный» не могут определить цель, так как дым горящих деревень препятствует наблюдению. После того как корабли производит несколько выстрелов из башенного орудия, его положение полностью устанавливается, и по нему выпускаете 5 снарядов. Поднявшиеся высокие фонтаны воды показывают что, несмотря на максимальное использование дальности стрельбы наших орудий, корабль не может быть нами поражен. Время стрельбы 7.56-8.15.

Крейсер до вечера не стрелял. 11.41–12.37 дивизион обстреливал большое судно в порту (видимо, строящееся судно). Отмечено одно попадание, выпущено 11 снарядов. Огонь по судну был открыт по приказу свыше. Перед вечером 18.05–18.14 был обстрелян корабль у форта восточное Петергофа, ведший сильный огонь. После того как снаряды разорвались вблизи, корабль прекратил огонь и зигзагообразным курсом на полном ходу ушел со своего места.

После обеда лейтенант Виганд с группой радистов был направлен в Старо-Паново в качестве передового наблюдателя. Прямым попаданием лейтенант Виганд был тяжело контужен, командир группы радистов убит и

один солдат ранен".

Итак, в «Петропавловск» попало двенадцать 210-мм снарядов. Был пробит корпус в подводной части, возник пожар, затопило все помещения, расположенные ниже ватерлинии, вышла из строя артиллерия. С большим креном крейсер сел на грунт. Было убито 10 и ранено свыше 20 человек. Крейсер лег на грунт с креном 3°, уйдя в ил на полтора метра. Однако уже 20 ноября 1941 г. начались подготовительные работы по подъему «Петропавловска».

21-23 сентября германская авиация проводила массированные налеты на крупные корабли, стоявшие на огневых позициях, рейдах и в гаванях Кронштадта. Днем 21 сентября было пять массированных налетов и один ночной. Между налетами наносили удары одиночные бомбардировщики.

21 сентября в 11 ч. 20 мин. со стороны южного берега Финского залива показались сорок пикирующих бомбардировщиков Ю-87. В ходе их атаки был потоплен эсминец «Стерегущий», стоявший на Восточном рейде Кронштадта. Одна бомба попала в район кормового зенитного поста, несколько бомб взорвалось у борта и разрушило его в носовой и средних частях корабля. Была разрушена корма и правая машина. Эсминец через 15 минут после первых попаданий лег на борт и затонул на глубине 5,5 м. В течение октября 1941 г. водолазы смогли демонтировать одно 130-мм орудие и якорное устройство, необходимые для восстановления эсминца «Страшный». В июне 1944 г. «Стерегущий» был поднят и 20 июля введен в сухой док.

Кроме того, германским пикировщикам удалось потопить несколько вспомогательных судов. Среди них были транспорт № 544 «Мария» (вместимостью 1484 брт), транспорт № 506 «Барта» (2324 брт), гидрографическое судно «Базис», плавучий кран СТР-10 и три баржи.

На линкор «Октябрьская Революция» 21 октября было сброшено 19 авиабомб, из которых три взорвались на баке в районе шпилей и сильно повредили носовую часть. Линкор ушел на Малый Кронштадтский рейд, где продолжал вести огонь по противнику. 23 октября на корабль было сброшено 43 авиабомбы, большинство из которых упали на расстоянии 10–42 м. Одна 250-кг бомба попала в крышу третьей башни главного калибра и пробила ее, другая 100-кг бомба пробила палубу над десятым казематом. В результате погибли три и были ранены 17 человек, вышли из строя левое орудие, башня главного калибра № 3 и ее дальномер. Линкор перешел к Кронштадту и оттуда продолжал вести огонь по противнику.

Чтобы более не возвращаться к «Октябрьской Революции», скажу, что 8-10 октября линкор, стоявший в Военной гавани Кронштадта, получил

попадание шести снарядов, а 18 октября – еще одного снаряда. Командование сочло пребывание корабля в Кронштадте опасным, и «Октябрьскую Революцию» перевели в Ленинград к стенке Балтийского завода. Всего в 1941 г. линков выпустил по противнику 864 снаряда.

В ходе налета 23 сентября еще больше пострадал линкор «Марат». Для поражения советских линкоров командование люфтваффе еще 16 сентября запросило бронебойные бомбы РС-1000 весом в тонну, снаряженные 160 кг тротила. Два пикировщика Ю-87, пилотируемые гаптманом Штееном и обер-лейтенантом Рубелем, сбросили по одной такой бомбе на «Марат». Но, по одним данным, бомба Штеена упала в воду у левого борта линкора, а по другим – в «Марат» попали обе бомбы. Так или иначе, но в результате взрыва сдетонировал боезапас первой башни главного калибра, и вся носовая часть корабля по вторую башню была полностью разрушена. Погиб командир корабля и еще 325 человек команды. Приняв около 10 тыс. тонн воды, «Марат» лег на грунт на глубине 11 м. Команда покинула корабль, за исключением расчетов 76-мм орудий, расположенных на крыше четвертой башни главного калибра. **(Сх. 12)**

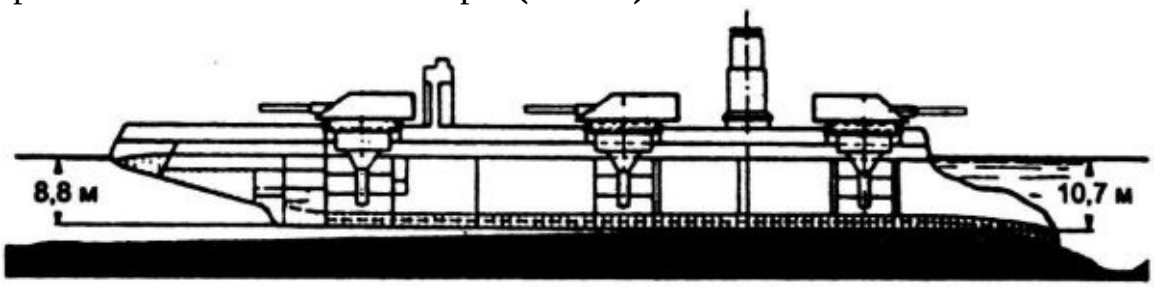

Схема посадки линкора «Марат» на грунт

На следующий день, 24 сентября, началось постепенное осушение линкора с последующим ремонтом для восстановления его в качестве несамоходной плавучей артиллерийской батареи.

31 октября впервые был открыт огонь из 305-мм орудий третьей и четвертой башен, и затем до конца года корабль вел огонь почти ежедневно. 12 декабря в него попало три 203-мм снаряда, два их которых пробили верхнюю палубу и разорвались во внутренних помещениях. Для защиты от бомб и снарядов была проведена укладка на палубу гранитных плит с набережной. Но 28 декабря в корабль попало еще два 280-мм снаряда, один из которых угодил в зарядный погреб башни № 3, но, к счастью, не разорвался. Вскоре вся верхняя палуба была покрыта гранитными плитами, и теперь попадания даже 305-мм снарядов не причиняли существенного вреда.

Всего в 1941 г. первая башня главного калибра линкора «Марат»

выпустила 71 снаряд, вторая – 271, третья – 542, четвертая 355 снарядов.

Кроме того, 23 сентября германская авиация потопила подводную лодку М-47, лидер «Минск» и повредила стоявшие в Кронштадте подводные лодки Щ-305, П-3, тральщик № 41, а также транспорт № 583 «Майя».

Следует отметить, что зенитная артиллерия кораблей и фортов Кронштадта действовала 23 сентября из рук вон плохо. То же можно сказать и об истребителях флота.

По официальным данным «сбито 14 самолетов противника, 6 наших самолетов не вернулись на свои аэродромы». [18]

Немцы утверждают, что 23 сентября у них был сбито только один самолет Ю-87, пилотируемый уже знакомым нам гауптманом Штееном. Но тут немцы явно лукавят, а наши «знатоки» с удовольствием смакуют эту липу. На самом деле авиация Балтийского флота помимо прикрытия кораблей в районе Кронштадта прикрывала корабли и базу в Новой Ладоге, а также штурмовала германские позиции в районе Стрельны. И в ходе всех этих операций авиация Балтийского флота потеряла шесть машин. Нетрудно сообразить, что германская авиация в этот день на всем Ленинградском фронте потеряла не только один пикировщик.

Налеты люфтваффе 21–23 сентября не привели к сколько-нибудь заметному уменьшению огня морской артиллерии. Так, уже 24 сентября линкор «Октябрьская Революция», канонерские лодки «Кама», «Волга», «Амгунь» и «Москва» и Южный форт № 1 обстреливали артиллерийским огнем войска противника в районе Воронина. Огнем батарей Ижорского укрепрайона была рассеяна автоколонна противника в районе Глобиц. Стационарные батареи Кронштадта вели огонь по финским войскам в районе Куоккалы и Оллилы.

И все это, несмотря на три налета люфтваффе, проведенные 24 сентября на корабли и Кронштадт. В воздушных боях было сбито пять Ю-88, один Ю-87, один Ю-86. Наши потери: один И-15, один И-16 и один МБР-2. Самолеты противника сбили на форту «Северный № 4» аэростат наблюдения. [19]

Замечу, что 24 сентября на аэродром Бычье Поле, расположенный на западе Котлина, перелетели истребители И-16 и И-153 71-го истребительного полка Краснознаменного Балтийского флота. А 25 сентября в Кронштадт прибыл 6-й зенитный артиллерийский полк.

Итак, в ходе трех налетов 24 сентября ни один наш корабль не был потоплен или поврежден. Зато германская артиллерия в этот день потопила в Ленинградском порту буксир «Валиант» и серьезно повредила учебное

судно «Комсомолец».

Из журнала 768-го артдивизиона: «24.9.41. Подготовительная разведка для действий против Кронштадта приводит к устройству передового наблюдательного пункта в Знаменке, где с башни царского дворца открывается прекрасный обзор всего побережья».

Тут немцы ошиблись: дворец в Знаменке принадлежал не царю, а двум великим князьям – Николаю Николаевичу Старшему (отцу) и Николаю Николаевичу Младшему (сыну). Возможно, кто-то из читателей сочтет это замечание мелочью. Но, смею заверить, все мелочи и детали в этой книге даются с умыслом, дабы показать реалии войны.

Сорок лет большевики скрывали факт разрушения советской артиллерией дворцов, соборов и иных исторических памятников в окрестностях Ленинграда. Сейчас на этом спекулируют злопыхатели антисоветчики. На мой взгляд, в подавляющем большинстве случаев действия наших артиллеристов были оправданы, и стенать тут попросту нечего. Нельзя же было терпеть вражеский наблюдательный пункт в великокняжеском дворце в Знаменке и допускать дальнейшее разрушение Питера германскими пушками. За все разрушения в ходе боевых действий в районе Ленинграда несут ответственность исключительно немцы и финны, независимо от того, чьи бомбы или снаряды уничтожили тот или иной исторический памятник.

Немцы и финны 22 июня без объявления войны напали на Советский Союз – они и должны ответить за все последствия этого нападения. Это – азы юриспруденции. Так, если бандиты совершили ограбление ресторана, а полиция вступила с ними в перестрелку, то за разбитую в ходе нее посуду отвечают бандиты, а не полиция, независимо от того, кто и сколько выпустил пуль.

Утром 26 сентября двенадцать бомбардировщиков Ю-88 бомбили Кронштадт. Потерь и повреждений на кораблях не было. Зато германские артиллеристы в тот день в Кронштадте повредили подводную лодку Щ-318 и буксир ВР-22, три баржи (№ 1109, 1110, 4029) были потоплены.

Ни налеты авиации, ни артобстрелы не помешали кораблям и фортам 26 сентября вести интенсивный огонь по противнику. Батареи Южного форта № 1, линкор «Октябрьская Революция», канонерки «Кама», «Амгунь» и «Москва» вели артиллерийский огонь по немцам в районах: Аудия, Низино, Костино, Сашино. Канонерки «Красное Знамя», «Сестрорецк» и «Зея» обстреливали противника в районах Алекснадровки и Слуцка (Павловска).

Позже линкор «Октябрьская Революция», эсминцы «Стройный» и

«Строгий», канонерки «Зея», «Москва», «Волга» и батареи НИМАПа и кронштадтских фортов вели огонь по противнику в районах: Сашино, Костино, Аудия и Троицкое. Эсминцы «Стойкий» и «Стройный» с канонерской лодкой «Красное Знамя» обстреливали германские войска в района Ям-Ижора и колхоза Рахия. Батареи форта «П» обстреливали финнов в районе Белоострова.

27 сентября над Кронштадтом появились 42 бомбардировщика Ю-87 и Ю-88. Главными целями налета были линкор «Октябрьская Революция» и крейсер «Максим Горький». Десять бомб взорвалось у борта линкора. Одна 500-кг бомба, пробив мостик фок-мачты, взорвалась у второй башни. Взрывом нарушило общее крепление брони башни, пробило верхнюю палубу и барбет, броневая средняя палуба была деформирована, разрушена переборка. Погиб один и ранено шесть человек. «Максим Горький» повреждений не получил. От прямых попаданий двух бомб получила повреждения канонерская лодка «Пионер». При уклонении от бомб канонерка села на мель.

В тот же день, 27 сентября, германский снаряд попал в носовую часть сетевого заградителя «Онега», перевозившего войска 8-й армии из Ораниенбаума в Ленинград. Взрывом повреждены корпус и надстройки.

Сторожевой корабль «Буря» стоял в Купеческой гавани Кронштадта. Между 11 и 12 часами 27 сентября у его борта на расстоянии 3–5 м разорвались два крупнокалиберных снаряда. СКР получил до 200 малых пробоин от осколков и сел на грунт. Любопытно, что в полузатопленную «Бурю» 1 октября попал еще один снаряд.

27 сентября вновь, как и в предшествующие дни, авиационные и артиллерийские налеты немцев не сказались на интенсивности стрельбы наших кораблей и фортов.

Согласно мнению большинства отечественных военных историков, к 27 сентября 1941 г. положение под Ленинградом стабилизировалось. Кто же остановил немцев? До 1991 г. официально считали, что врага остановили несгибаемые ленинградские коммунисты. По сему поводу мне еще в школьные годы приходили в голову крамольные мысли: а что, в Киеве были коммунисты второго сорта, а в Минске – вообще некондиция?

После «перестройки» тезис о «железных партийцах» был снят, зато я несколько раз слышал по центральному ТВ утверждение, что немцев де остановила… ленинградская интеллигенция. Мол, там была самая-самая рафинированная «первого сорта» интеллигенция. И вот она то…

Есть и более обоснованная версия: мол, послали в Ленинград гениального Жукова, и он спас город от немцев. И опять автоматически

лезут в голову крамольные вопросы, а почему сей гений не поехал спасать Киев и Минск, а в 1942–1943 гг. уложил сотни тысяч солдат под Ржевом и Вязьмой в ходе операции «Марс»?

Остановили же врага под Ленинградом «всем миром». Это были и солдаты, и ополченцы, и рабочие питерских заводов, выпускавших танки КВ и казематные установки Л-17, и даже простые питерские бабы, строившие укрепления и противотанковые препятствия. Но решающую роль под Ленинградом сыграли дальнобойные пушки кораблей и фортов – то, чего не было под Киевом и Минском. И тут дело не только в потерях врага от артиллерийского огня. Не менее важно было и психологическое действие на свою и чужую пехоту.

Чего греха таить, сколько раз в 1941–1942 гг. отступление вызывали паникеры, кричавшие, что все соседи на флангах и в тылу бежали, и вот-вот замкнется кольцо окружения. Надо ли говорить, что пехотинец чувствует себя совсем по-другому, когда над его головой несутся на врага огромные снаряды, а, оглянувшись назад, он видит грозные форты и корабли, изрыгающие огонь.

Всего в сентябре 1941 г. артиллерия Балтийского флота выпустила по врагу 25,4 тыс. снарядов, 23 процента составили снаряды крупных калибров. Дальнобойность, высокая меткость, скорострельность, большое разрушительное действие снарядов береговой и корабельной артиллерии обусловили высокую эффективность ее огня по сухопутным целям. Немаловажное значение имело и такое преимущество, как возможность обстрела на 360°, что в предельно короткие сроки обеспечивало широкий маневр траекториями. Это в свою очередь способствовало массированию огня в нужном направлении и по наиболее важным целям.

Советский военный историк Ю.Г. Перечнев писал: "Недостаточное количество полевой артиллерии, большое превосходство противника в силах, его стремление в кратчайший срок овладеть нашими базами заставили привлекать с этой целью даже артиллерию калибра 356–180 мм. Однако условия обстановки не могут служить оправданием неграмотного использования береговой артиллерии.

Так, для артиллерийской поддержки правого фланга 8-й армии, оборонявшейся на Лужском рубеже, из морской артиллерии были созданы 3 группы. В первую входили 3 железнодорожные батареи калибра 356–180 мм (11 орудий), во вторую – канонерские лодки и бронекатера, в третью – 7 стационарных батарей в составе 26 орудий калибра 152-45 мм. Вызов огня осуществлялся начальником артиллерии 8-й армии, а в некоторых случаях начальниками артиллерии 118-й и 191-й дивизий. Во многих случаях от

командиров соединений армии поступали требования вести огонь по площади и ставились не свойственные морской артиллерии задачи. В своих заявках на открытие огня они не указывали характер целей и не обеспечивали стреляющие батареи и корабли корректировкой. Это привело к тому, что 70 процентов стрельб было проведено по площади.

Глубокий анализ недостатков боевого применения береговой и корабельной артиллерии дан в ряде отчетных документов 1941 г. В отчете начальник артиллерии КБФ вице-адмирал И.И. Грен отмечал, что морской артиллерии ставились задачи стрельбы по площади. Площадь обстрела назначалась слишком большой, из расчета 1000 снарядов на 7 кв. км. Подавлению огневых средств в глубине обороны противника должного внимания не уделялось. Очень часто береговая и корабельная артиллерия использовалась для нанесения ударов по пунктам предполагаемого нахождения войск и огневых точек противника.

Получая заявки от армейского командования, командиры артиллерийских дивизионов и батарей не знали значения выполняемой задачи, что исключало возможность правильной ориентировки наблюдательных постов на разведку и корректировку огня. Многие стрельбы проводились без корректировки, результаты стрельб не были известны.

Часто береговым батареям ставились неконкретные задачи, артиллерийская разведка была слабой, единые планы артиллерийской поддержки морскими и армейскими командирами не разрабатывались. Неправильное распределение целей между полевой и морской артиллерией привело к тому, что береговая использовалась с большим перенапряжением. В некоторые дни каждое орудие выпускало 125–300 снарядов при живучести стволов 500–600 выстрелов. Несоблюдение основного принципа – соразмерности мощности береговой артиллерии с объектом цели – отрицательно сказывалось на ее действиях при артиллерийской поддержке сухопутных войск.

Могут возникнуть и возражения, что, когда решалась судьба Ленинграда или Севастополя, а армейской артиллерии, особенно крупного калибра, не хватало, командование вынуждено было максимально использовать морскую артиллерию. Внешне подобные утверждения выглядят правильно. Но беда в том, что мощные орудия кораблей и береговых батарей при весе снаряда от 15,6 кг (калибра 100 мм) до 748 кг (калибра 356 мм) и соответственно дальностью стрельбы от 21,5 км до 44,6 км использовались для стрельбы по площадям и на дальностях, как правило, не более 10–12 км, и это при большом недостатке артиллерии

крупного калибра в соединениях сухопутных войск. Ведение огня по площади было следствием ограниченной глубины наблюдения с корректировочных постов, отсутствия корректировочной авиации". [20]

К сказанному Перечневым я бы хотел добавить, что износ каналов орудий под Ленинградом зависел не столько от числа выпущенных снарядов, сколько от умственных способностей артиллерийских начальников. Ведь огонь зачастую велся на дистанциях 4–5 км и, «как правило, не более 10–12 км». Так почему нельзя палить на половинных зарядах, благо, «Таблицы стрельбы» для половинных зарядов были для всех орудий калибра 130–406 мм. В этом случае наземные цели поражаются более эффективно за счет увеличения угла падения снарядов, а главное, износ канала ствола уменьшается во много раз. Увы, у меня нет данных выбора зарядов при стрельбе морских орудий ни под Ленинградом, ни в ином месте. Очень сомневаюсь, что они вообще есть где-либо.

Но, повторяю, несмотря на все недостатки, наши морские артиллеристы сумели прикрыть Ленинград и отразить сентябрьский штурм.

Глава 6 Начало великой артиллерийской дуэли

К концу сентября 1941 г. линия фронта блокированных в Ленинграде советских войск стабилизировалась на несколько месяцев. Северная граница фронта проходила в 22–24 км от города (сестрорецкое направление), а наибольшее ее удаление доходило до 60 км. Вся ширина полосы обороны 23-й армии равнялась 70 км.

Части Приморской оперативной группы удерживали изолированный от главных сил осажденного города плацдарм на южном берегу Финского залива протяжением по линии соприкосновения с противником 70 км. Наибольшая глубина плацдарма составляла 22–24 км. Побережье, кроме этого, оборонялось артиллерией Ижорского укрепленного сектора КБФ. Плацдарм от войск фронта, оборонявших город, отделялся полосой в 22–25 км (Петергоф – Урицк), занятой войсками противника.

Юго-западные и южные подступы к городу (всего по фронту около 21–22 км) обороняла 42-я армия. Наименьшее удаление переднего края от юго-западной окраины города (Урицк – Ленинград) равнялось 6–7 км, а на южном направлении (Пулково – Ленинград) – 12–15 км.

Юго-восточные подступы к городу оборонялись частями 55-й армии. Протяженность переднего края обороны составляла около 27 км, а удаление переднего края от юго-восточной окраины города на пушкинском направлении – 16–18 км, а вдоль Невы – до 27–30 км.

По правому берегу Невы до Ладожского озера занимала оборону 8-я армия. Протяженность линии фронта армии составляла примерно 34–36 км, удаление от юго-восточной и восточной окраины города – 28–32 км.

Вне осажденного города располагалась 54-я армия, не имевшая сухопутной границы с Ленинградом, она непосредственно примыкала к Волховскому фронту.

Действия 54-й армии и ее артиллерии выходят за рамки темы, и я не буду далее упоминать о ней и включать ее в статистические данные по артиллерии Ленинградского фронта.

«После неудачных попыток захватить Ленинград штурмом немецко-фашистские войска, понеся большие потери, осенью 1941 г. перешли к его планомерной осаде. Линия фронта пролегала в непосредственной близости к городу, поэтому противник простреливал его насквозь. Используя

тактически выгодное положение своих войск, командование вермахта пыталось систематически артиллерийскими обстрелами деморализовать защитников города и сровнять „Ленинград с землей, а Кронштадт – с водой“». [21]

Подобные утверждения стали классикой, и они кочуют из одного издание в другое как в советское время, так и при «демократии».

На самом же деле элементарный расчет на уровне 8-го класса школы показывает, что сравнять Ленинград с землей артиллерийским огнем было физически нельзя, даже если бы немцы собрали там всю свою артиллерию, состоявшую на вооружении к концу 1941 г.

Подробный анализ возможностей вермахта и советских войск выходит за рамки книги, и я ограничусь перечислением наиболее распространенных в исторической литературе вариантов.

Так, многие зарубежные и отечественные авторы считают, что немцы вместе с финнами могли замкнуть второе кольцо блокады, захватив южное побережье Ладожского озера. После этого Ленинград должен был пасть в течение одного-двух месяцев. Но это теория, а фактически финское командование не желало вести крупные наступательные операции, предпочитая, чтобы вермахт «таскал для них каштаны из огня». Осенью 1941 г. резко усилилось дезертирство из финской армии. В финском тылу действовали отряды дезертиров и противников режима.

Не будем забывать и о контрударах Красной Армии зимой 1941/1942 г. – под Москвой, Керчью, Харьковом и т. д.

Наконец, сейчас сложно просчитать ответные меры Красной Армии в случае большого наступления немцев южнее Ладожского озера.

Между прочим, наше командование разработало план деблокирования Ленинграда с севера. В марте 1942 г. командующий Карельским фронтом В.А. Фролов и командующий 7-й армией Ф.Д. Гореленко были вызваны в Ставку. Сталин дал им указание продумать план наступления на юго-запад от станции Масельская с конечной задачей выйти в тыл финским войскам на Карельском перешейке и прорвать с севера блокаду Ленинграда силами 32-й, 7-й Отдельной и 23-й армий Ленинградского фронта.

Однако неудачный исход боев за Харьков и последующее германское наступление на Сталинград сорвали эту операцию Карельского фронта.

На мой взгляд, командование вермахта зимой 1941/1942 г. само не знало, что делать с Ленинградом, и надеялось, что проблема решится летом 1942 г. в ходе наступления на юге.

Между тем, немцы, не снимая ни одного орудия с других участков Восточного фронта, могли собрать под Ленинградом 500-1000 орудий

большой и особой мощности. Речь идет о железнодорожных установках, мортирах и гаубицах большого калибра, а также береговых и корабельных пушках. Последние немцы могли снять с береговых батарей Германии, Дании и других стран, которые вряд ли могли подвергнуться атакам британского флота в 1941–1942 гг., а также орудия калибра 150–380 мм с захваченных французских, голландских, датских, норвежских линкоров, крейсеров и броненосцев береговой обороны. Кроме того, по внутренним водным путям Финляндии немцы могли доставить на Ладогу не только торпедные катера и артиллерийские баржи, но и малые миноносцы, канонерские лодки и т. д., вплоть до трофейных броненосцев береговой обороны.

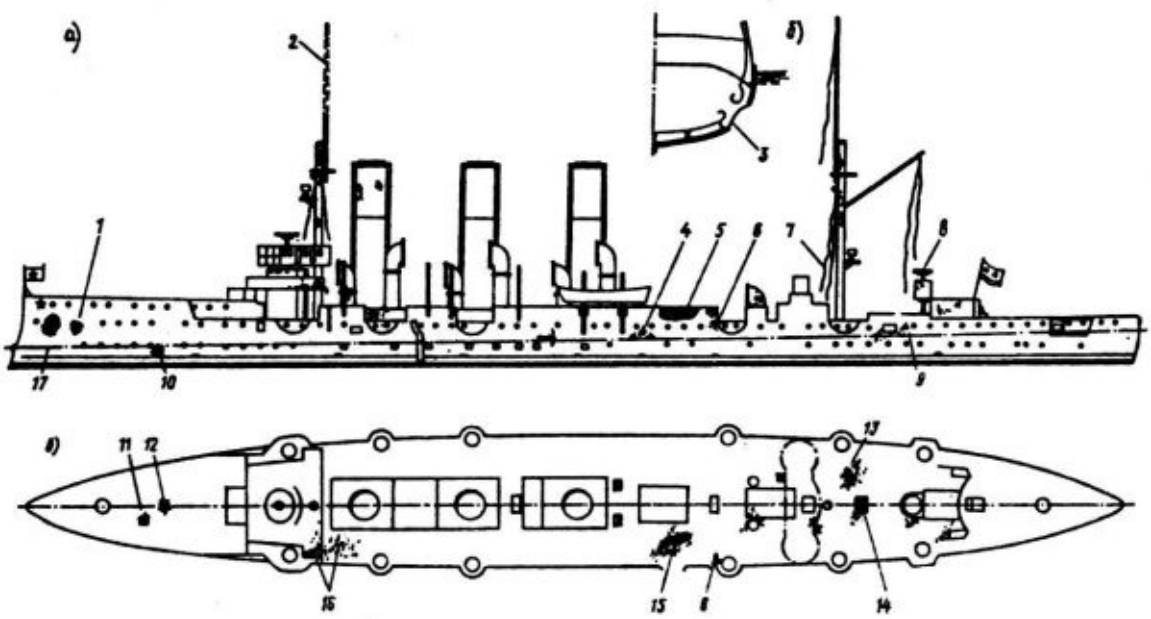
Повторяю, никакой артиллерийский огонь немцев не мог «сравнять Ленинград с землей», но большое количество артиллерии большой и особой мощности при грамотном им управлении могло вывести из строя аэродромы, железнодорожные станции, энергетические объекты, уничтожить склады продовольствия и т. д.

Сосредоточенный огонь артиллерии по местам выгрузки боеприпасов и продовольствия, доставляемых по Ладоге, в сочетании с ударами германской озерной флотилии мог парализовать коммуникации Ленинградского фронта. Равно, как постоянный и интенсивный обстрел Ленинградского Торгового порта, пристаней в Кронштадте и Орешка мог прервать коммуникации между Ленинградом, Котлиным и Ораниенбаумским пятачком.

Германское командование в очередной раз недооценило противника. Впрочем, я уверен, что если бы германский генштаб вовремя сумел точно оценить военный потенциал СССР, волю советского народа и его вождя, Гитлер вообще не рискнул бы начать войну.

Тем не менее, германское командование, располагая ограниченными силами, продолжало регулярные обстрелы Ленинграда.

1 октября 1941 г. от артиллерийского огня противника в порту Ораниенбаума затонули транспорт «Базис» и учебный крейсер «Аврора». К этому времени на крейсере оставались одна 130-мм пушка Б-13, одна 76,2-мм и одна 45-мм универсальные пушки. Тем не менее, в сентябре крейсер выпустил по врагу 138 снарядов калибра 130 мм. **(Сх. 13)**

Боевые повреждения Краснознаменного крейсера «Аврора», полученные в Великой Отечестве!той войне: а – боковой вид; б – 76-й шпангоут; в – вид сверху.

I – повреждения наружного борта площадью около 1 кв. мог разорвавшегося внутри корпуса 152-мм снаряда (30.09.41); 2 – разрушение стеньги и такелажа фок-мачты от осколков разорвавшейся вблизи борта авиабомбы (21.09.41); 3 – подводная пробоина от взрыва снаряда (27.09.41);4 – пробоина наружного борта от осколков разорвавшегося вблизи борта снаряда (26.09.41); 5 – разрушение борта площадью около 3 кв. м от осколков разорвавшегося па верхней палубе снаряда (01.12.41); 6– прямое попадание 76-мм снаряда в цементированную часть орудийного барбета (30.09.41); 7 – повреждение такелажа грот-мачты (1.12.41); 8 – разрушение осколками снаряда дальномера (01.12.41); 9 – пробоины от осколков авиабомбы (21.09.41); 10 – пробоина от прямого попадания 152-мм снаряда (26.09.41); II – пробоина палубы полубака от попадания 152-мм снаряда (30.09.41); 12 – пробоина палубы полубака от попадания 293-мм снаряда (1.12.41); 13 – пробоина верхней палубы от попадания снаряда (1.12.41); 14– разрушение светового люка от осколков (1.12.41); 15 – разрушение верхней палубы площадью около 15 кв. мот попадания снаряда (1.12.41); 16 – разрушение крыла нижнего носового мостика и пробоина верхней палубы (1.12.41); 17 —аварийная ватерлиния крейсера после посадки его на грунт (1.10.41) (крен на правый борт 0,5°. дифферент на корму 4″, осадка 9 м)

1 октября линкор «Октябрьская Революция», Южный форт № 1, эсминцы «Стойкий» и «Свирепый» вели огонь по войскам противника в

районах Нового Петергофа и Красного Села. Старший лейтенант М.К. Крылов в своем донесении в штаб КБФ сообщал: "Доношу, что в результате артобстрела 1.10.41 от прямых попаданий затонул транспорт «Базис» у северного конца восточного мола, а Краснознаменный крейсер «Аврора» получил две подводные пробоины и имеет шесть надводных. «Аврора» сидит на грунте с креном на правый борт 3°. Пара и света нет. Личный состав находится на корабле.

Командир Краснознаменного крейсера «Аврора» старший лейтенант Крылов".

В тот же день, 1 октября, германский снаряд попал в эсминец «Свирепый», стоявший в Морском канале в Ленинграде. Взрывом были выведены из строя 130-мм пушка Б-13 и ряд механизмов, 6 человек убито и трое ранены.

2 октября немцы интенсивно обстреливали Ленинград, Кронштадт и Ораниенбаум. В Кронштадте получили повреждения эсминец «Славный» и подводная лодка Щ-318. Несколько снарядов попали в корпуса Морского завода и нефтебак военной гавани, возникли пожары.

Сильный артобстрел Ленинграда и Кронштадта продолжался и в последующие дни. 3–4 октября тяжелые повреждения от германских снарядов получили эсминцы «Опытный», «Свирепый» и «Стойкий».

2 октбяря линкор «Октябрьская Революция», канонерки «Волга», «Москва» и «Амгунь», а также северные кронштадтские форты № 2 и № 4 обстреливали войска противника в районах: Новый Петергоф, Александровка, Низино, Костино и Сашино.

Два эсминца и канонерская лодка на Неве и 180-мм железнодорожные и стационарные батареи НИМАПа вели огонь по войскам противника в районах: Красный Бор, Шлиссельбург, и по бронепоезду противника на станции Поповка.

3 октября линкор «Октябрьская Революция», канонерка «Москва», эсминцы «Сметливый» и «Опытный», стационарные батареи НИМАПа и кронштадтские форы – Южный № 1 и Северные – № 2 и № 4 – вели артиллерийский огонь по противнику в районах: Новый Петергоф, Горелово и поселок Володарский.

Эсминец «Стройный», стационарные батареи НИМАПа и 180-мм железнодорожные батареи вели огонь по войскам противника в районах Красного Бора, Ям-Ижоры и Отрадного. Батареи Невского сектора вели огонь по противнику в районе Отрадного.

5 октября в Ораниенбауме от артиллерийского огня затонул на мелководье транспорт № 516 «Астра» вместимостью 5900 брт. (Подняли

его только в мае 1944 г.). Транспорт № 528 «Полярис» 760 брт. вместимостью лег кормой на грунт. Стоявший там же транспорт № 507 «Отто Шмидт» (вместимостью 3549 брт) получил тяжелые повреждения.

6 октября линкор «Октябрьская Революция», эсминцы «Свирепый» и «Славный», форты «П» и «К» и номерные Северные вели артиллерийский огонь по войскам противника в районах южнее Нового Петергофа, Сашино, Луизино и Кузнецов.

7 октября германская артиллерия потопила в Кронштадте блокшив № 1 – бывший монитор «Смерч», построенный в 1863–1865 гг. Летом 1942 г. он был поднят.

8-10 октября линкор «Октябрьская Революция», стоявший в Военной гавани Кронштадта, получил прямое попадание шести снарядов, в том числе во вторую башню.

11 октября линкор «Октябрьская Революция», эсминцы «Славный» и «Свирепый» вели артиллерийский огонь по противнику в районе Порожков. Лидер «Ленинград», эсминец «Стройный», стационарные батареи НИМАПа и Невского укрепленного сектора вели огонь по противнику в районах Горелово – Николаевка.

Эсминцы «Славный» и «Свирепый» и две 100-мм кронштадтские стационарные батареи вели огонь по артиллерийским батареям противника и районах Нового Петергофа и Симоногонта.

Лидер «Ленинград» и одна Кронштадтская батарея вели огонь по противнику в районах: Александровка, Горелово и Финское Койрово. Наблюдались взрывы и пожары.

1-9 октября 1941 г. 8-я и 42-я армии попытались заблокировать с суши Ораниенбаумский пятачок и выбить немцев из района Петергофа. В ходе этой операции Балтийский флот высадил два тактических десанта. В ночь на 10 октября в районе Петергофа были высажены 492 человека из сборного отряда моряков, а в районе Стрельны – батальон (500 человек) 20-й стрелковой дивизии НКВД. В ночь на 8 октября в Стрельне был высажен еще один батальон. Однако на сей раз удалось высадить лишь 250 человек из 420.

Высадка десантов производилась с бронекатеров, сторожевых катеров и гребных шлюпок Ленинградской ВМБ. Артиллерийскую поддержку осуществляли линкор «Октябрьская Революция», эсминцы «Сметливый» и «Свирепый», канонерки «Кама», «Амгунь» и «Москва», береговые и железнодорожные батареи, которые произвели более 2500 выстрелов по заранее намеченным целям и по дорогам на подходах к месту высадки.

Наступление 8-й и 42-й армий закончилось неудачей, а десантники

были полностью уничтожены или пленены.

15 октября с дистанции 85 кабельтовых линкор «Октябрьская Революция» уничтожил 280-мм германскую батарею, стрелявшую по Ленинграду. По сообщению с наземного наблюдательного пункта № 11 в батарею попало три 305-мм снаряда.

18 октября в линкор «Октябрьская Революция» попал один снаряд. Командование флота решило, что далее линкору оставаться в Кронштадте опасно.

Последнюю стрельбу из Кронштадта линкор провел 22 октября по району поселка Знаменка. И в тот же вечер, в 20 ч. 55 мин., линкор под покровом темной безлунной ночи в сопровождении двух буксиров вышел из Кронштадта и своим ходом по Морскому каналу направился в Ленинград. В 6 ч. 30 мин. 23 октября корабль занял новую огневую позицию у Горного института. Всего в октябре 1941 г. линкор выпустил по врагу 257 – 305-мм и 133 – 120-мм снарядов.

Таким образом, в Кронштадте из крупных кораблей остался лишь полузатопленный линкор «Марат». Крейсер «Максим Горький» еще 22 сентября перешел к Железной стенке Ленинградского Торгового порта. А крейсер «Киров» в ночь на 24 сентября ушел из Кронштадта в Ленинград к стенке завода «Судомех». 11 ноября «Киров» перешел к стенке завода № 194, а 28 ноября – к набережной Васильевского острова в районе 17-18-й линий.

Из-за огня германской артиллерии свои дислокации меняли не только корабли, но даже заводы. Частые обстрелы заводской территории заставили Военный совет фронта 17 сентября 1941 г. дать указание о перебазировании Кировского завода в глубь Ленинграда. Новое место для завода нашли на Выборгской стороне. Первым было переведено производство снарядов. Как писал С.А. Боголюбов, начальник цеха Ф.И. Козодой "быстро собрал коллектив цеха, так как большинство рабочих находились на заводе, домой почти не уходили. К утру 160 станков сняли с фундаментов и погрузили (часть – на железнодорожные платформы, часть – на баржу). Утром буксир потянул баржу на новое место. Козодой с помощниками был уже там. В четырехэтажном здании быстро распланировали поточное изготовление боеприпасов и установили оборудование по потоку. Недостающие 50 станков раздобыли у кировцев.

Все машиностроительное оборудование завода (механический, инструментальный, деревообделочный, меднолитейный, сталелитейный, кузнечный, все вспомогательные цехи и службы) перевезли на новую территорию и пустили в эксплуатацию за две недели. На старом месте

остались лишь корпусостроительные цехи". [22]
Спасаясь от артобстрелов, свыше 100 тысяч ленинградцев переселились из западных и южных районов города на север. В октябре 1941 г. противник выпустил по Ленинграду 7950 снарядов, в ноябре – 11 230 снарядов. Всего с сентября по декабрь 1941 г. включительно в городе упало 30 154 снаряда.

Очередная выписка из журнала 768-го тяжелого дивизиона: "5.11.41. Дивизион вместе с другими дивизионами, подчиненными командиру 135-й артиллерийской группы, в 8.30 провел стрельбу для маскировки одновременной стрельбы орудий на железнодорожной установке. Речь идет о железнодорожных установках «Короткий Бруно». В 8.40 дивизион закончил стрельбу по электростанции близ Московского вокзала. Расход 38 снарядов.

В 17.53 батарея вновь выпускает 2 снаряда для маскировки стрельбы железнодорожной батареи. Цель – Балтийский завод…

13.11.41. С 0.18 до 0.31 дивизион обстреливал Московский вокзал по карте. Расход боеприпасов – 10 снарядов. 9.31-9.51 снова стрельба по Московскому вокзалу – 3 выстрела. Эта огневая деятельность снимается на пленку ротой пропаганды.

Ночью сильный налет авиации на Петербург. Оборона зенитной артиллерии и прожекторов очень сильна, но, очевидно, безуспешна…

14.12.41. В 14.30 начинается огневой налет дивизиона по заводу «Красный Металлист». Стрельба окончена в 14.39.

18.12.41. В 14.45 дивизион произвел огневой налет по казарме в излучине Невы. В 14.39 огневой налет (28 выстрелов, из них 4 для согревания [23]) окончен".

6-7 ноября 1941 г. производилась перевозка войск 8-й армии из Ораниенбаума в Ленинград. В ходе нее германская артиллерия, действовавшая в районе Петергофа, потопила самоходную десантную баржу (вместимостью 1100 брт) с войсками и 22 автомобилями, а на следующий день – тральщик № 178 (буксир «А. Ульянов»).

Точная дата потопления германской артиллерией подводной лодки Л-1 неизвестна. Дело в том, что к началу войны Л-1 находилась на капитальном ремонте на заводе № 196 в Ленинграде. В августе работы на лодке были прекращены, а экипаж ушел на фронт в морскую пехоту. В ноябре-декабре 1941 г. в лодку попало несколько снарядов, и она немедленно стала наполняться водой. Начальству доложили о том, что лодка затонула на мелководье, лишь 27 декабря 1941 г. В 1944 г. лодку Л-1 подняли и отправили на лом.

8 ноября в 16 ч. 02 мин. на Нарвской площади в Ленинграде тремя артиллерийскими снарядами было ранено 16 человек и убито 14.

12 ноября транспорт № 507 «Отто Шмидт» (вместимостью 3549 брт) шел в составе конвоя из Кронштадта в Ленинград. При прохождении Морского канала немцы выпустили по конвою свыше 100 снарядов, два из которых попали в транспорт № 507. На нем был сильно поврежден корпус и возник пожар, который был потушен с помощью ледоколов «Октябрь» и «Волынец». Они и прибуксировали транспорт в Ленинградский Торговый порт.

13 ноября прямым попаданием снаряда был поврежден корпус тральщика № 210 «Гак», стоявшего в Ленинграде у стенки завода № 189.

23 ноября крейсер «Максим Горький», стоявший в Торговом порту Ленинграда, получил попадание снаряда. Выведено из строя первое 180-мм орудие первой башни.

26 ноября в ледокол «Ермак», проводивший конвой из Ленинграда в Кронштадт, попало четыре снаряда. Взрывом была разрушена носовая часть, ледокол вышел из строя.

30 ноября в 16 ч. 30 мин. у трамвайной остановки напортив дома № 49 по проспекту Карла Маркса разрывом артиллерийского снаряда ранено 16 и убито 9 человек.

4 декабря в Торговом порту Ленинграда артиллерийским огнем потоплен буксир «Штурман».

21 декабря в 14 ч. 00 мин. на площади ленинградского Сытного рынка четырьмя артиллерийскими снарядами ранен 41 человек, в том числе 8 детей, убито 55 человек.

28 декабря в Кронштадте артиллерийским огнем потоплен транспорт «Водолей-1».

С целью противодействия обстрелу германской артиллерией Ленинграда в 42-й армии была создана «Группа дальнего действия» в составе 47-го корпусного артполка и 101-го гаубичного полка РВГК. Оба полка вместе имели двадцать две 122-мм пушки А-19 и сорок шесть 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20.

Только в декабре 1941 г. 47-й артиллерийский полк подавил 14 германских батарей и 7 отдельных орудий. [24] Здесь и далее к подобным реляциям следует относиться крайне осторожно. В том же секретном источнике на той же странице говорится: "На фронте [25] не хватало средств артиллерийской инструментальной разведки. Несколько в лучшем положении находилась в этом отношении артиллерия 42-й армии, что же касается артиллерии Краснознаменного Балтийского флота, то она

совершенно этих средств не имела и вела огонь, как правило, по площади без корректирования с самолетов и без контроля средствами звуковой разведки. Вообще с сентября по декабрь 1941 г. только 26 % всех стрельб корабельной и береговой артиллерии проводилось с корректированием огня. Такое ненормальное положение начало выправляться только в феврале 1942 г., когда стрельба береговой артиллерии на подавление батарей противника стала корректироваться средствами звуковой разведки, а в некоторых случаях и корректировочной авиацией.

Надо также отметить, что и в работе самих разведывательных подразделений имелись серьезные недостатки. Например, в своем отчете за декабрь 1941 г. командующий артиллерией фронта отмечал, что подразделения звукометрической и оптической разведки работают медленно, анализ их данных поставлен плохо. Несмотря на то, что ряд батарей противника в течение длительного времени вел огонь с одних и тех же огневых позиций, и по ним имелась целая серия засечек, эти батареи не были подавлены. Наблюдение за противником, как правило, поручалось только разведчикам, а командный состав, начиная от командиров батарей и выше, этим делом пренебрегал. Только в редких случаях было организовано сопряженное наблюдение дивизионов (СНД)". [26]

Ну, это секретное издание. А в открытом издании «Огневой щит Ленинграда» Н.Н. Жданов пишет иначе: На центральных звукометрических станциях были подготовлены эталонные ленты с записями выстрелов каждой батареи противника. Наши дальнобойные подразделения имели свои «подопечные» батареи врага, на которые они и были постоянно нацелены. Обычно таковыми являлись батареи врага, наиболее активно обстреливавшие Ленинград.

Исходные данные для стрельбы уточнялись через каждые два часа по мере поступления свежего метеобюллетеня. У наших орудий постоянно находились дежурные расчеты.

При открытии огня противником станции звуковой разведки получали запись на ленте. Сверив полученную запись с эталонной лентой, можно было определить номер цели и передать его на нашу батарею, которая немедленно открывала огонь по цели. [27]

Жданов пишет: «Ограниченность территории для размещения боевых порядков наших батарей практически исключала какой-либо маневр колесами».

Увы, достаточно бросить взгляд на карту, и даже близорукий человек увидит, что возможностей для маневра колесами у армейской артиллерии было предостаточно. На самом деле армейская артиллерия под

Ленинградом стала «полустационарной» из-за отсутствия лошадей и тягачей.

"Следует отметить крайне низкую обеспеченность ее [28] средствами тяги.

Особенно остро стоял вопрос о конной тяге. Уже в декабре 1941 г. артиллерийские части были укомплектованы лошадьми только на 31 %. В 42-й армии, оборонявшейся на важнейшем направлении, некомплект конского состава достигал 78 % (3419 лошадей). В некоторых стрелковых дивизиях положение с конским составом было просто катастрофическим. Так, в 10-й стрелковой дивизии в конце декабря 1941 г. имелось всего 20 лошадей вместо 1376, полагавшихся по штату, а в 86-й стрелковой дивизии – 24 лошади вместо 747. Убыль конского состава происходила больше от отсутствия фуража, чем от боевых потерь. Лошадей кормили сухой травой, добываемой из-под снега, мхом, ветками, вследствие чего падеж лошадей был весьма большим.

В 1942 г. укомплектованность артиллерийских частей лошадьми еще более ухудшилась, снизившись до 7 % штатной численности. Некоторые артиллерийские части почти совсем не имели лошадей. Например, в конце ноября 1942 г. 30-й артиллерийский полк 10-й стрелковой дивизии имел только девять лошадей, вместо 635 полагавшихся по штату, а 412-й артиллерийский полк 168-й стрелковой дивизии – пять обозных лошадей вместо 678. Несколько лучше конским составом была укомплектована артиллерия укрепленных районов и минометные полки РВГК.

Большой некомплект средств тяги имелся и в артиллерийских частях на механической тяге. В ходе тяжелых оборонительных боев на подступах к Ленинграду артиллерия потеряла значительную часть своего автотракторного парка. При организации обороны города командованию фронта пришлось затратить немало усилий, чтобы организовать ремонт и восстановить этот парк. В результате предпринятых мер к 1 декабря 1941 г. удалось увеличить укомплектованность артиллерийских частей тракторами в среднем до 83 %, а автомобилями до 51 %. Тем не менее, еще были такие части, где некомплект средств транспорта и тяги был большим. Например, в 42-й армии по учтенным артиллерийским частям РВГК укомплектованность тракторами составляла всего 66 %; в 47-м корпусном артиллерийском полку имелось всего 20 тракторов вместо 45, а в 73-м корпусном артиллерийском полку – всего 40 грузовых и специальных автомобилей вместо 162, полагавшихся по штату (укомплектованность 25 %). Противотанковые артиллерийские полки не могли передвигаться из-за недостатка автотягачей. Например, 4-й противотанковый

артиллерийский полк вместо 76 автомобилей, полагавшихся по штату, имел всего три полуторатонных автомобиля (4 %), 5-й противотанковый артиллерийский полк – семь автомобилей (9 %). В остальных противотанковых артиллерийских полках укомплектованность автомобилями была в пределах 13–35 %.

Только пассивный характер действий противника оправдывал риск, допущенный в укомплектовании противотанковых артиллерийских полков средствами тяги…

Хуже всего обстояло дело с укомплектованностью средствами связи, потеря которых не могла быть быстро восполнена. В декабре 1941 г. вся артиллерия фронта радиостанциями была укомплектована только на 41 %, телефонными аппаратами – на 68 % и телефонным кабелем – на 51 %. Многие артиллерийские дивизионы могли проложить между наблюдательными пунктами и огневыми позициями только одну линию связи, соединенную с батареями шлейфами, в силу чего подача команд могла осуществляться лишь последовательно. Нередко вместо телефонного кабеля использовалась колючая проволока. Только к концу 1942 г. укомплектованность артиллерии средствами связи улучшилась: по радиостанциям она составляла 75 %, по телефонным аппаратам – 88 % и по телефонному кабелю – 69 %". [29]

Я умышленно привожу длинные и нудные цитаты из официальных источников, дабы избежать очередного обвинения в «очернительстве» советских вооруженных сил.

Несколько слов стоит сказать об инструментальной разведки артиллерии противника. Участник событий капитан 1 ранга В.Г. Корт писал: "Инструментальная артиллерийская разведка заключалась в сопряжении теодолитных засечек огненных вспышек стреляющих орудий противника. Такие теодолитные посты были определенным образом (на концах базисных линий) размещены в прифронтовой зоне на юго-западе Ленинграда и в Кронштадте. Автор этих строк в то время служил в Кронштадтском маневренном отряде. Проводя с вышки кронштадтского Морского собора теодолитные наблюдения за огневыми вспышками батарей противника на петергофском направлении, мы довольно быстро убедились в несовершенстве применяемой методики наблюдений, решили использовать для этих целей метод наземной стереофотограмметрической съемки.

К счастью, в инструментальной камере Гидрографического управления ВМФ в Ленинграде была найдена в полной исправности одна пара длиннофокусных стереофотокамер Цейсса, которые в предвоенные

годы использовались доктором военно-морских наук А.П. Ющенко, профессором, инженер-капитаном 1-го ранга для разработки метода судовой стереофотограмметрической съемки побережий…

За время с сентября 1941 г. по январь 1942 г. была полностью смонтирована и отюстирована аппаратура (стереофотокамеры, стереокомпаратор и др.), подобран личный состав и создана группа инструментальной стереофотограмметрической артиллерийской разведки…

6 января 1942 г. группа приступила к определению геодезического базиса, контрольных точек съемки, точек наблюдения, к оборудованию походной фотолаборатории и командного пункта, а 22 января по заданию разведотдела Штаба флота и береговой обороны КБФ начала в ночное время систематическую артиллерийскую разведку новыми методами в юго-западном секторе обороны Ленинграда.

Фотографирование огневых вспышек на первом этапе работы группы проводилось методом нормальной стереофотограмметрической съемки, т. е. когда оптические оси стереофотокамер строго перпендикулярны к линии базиса съемки. В этом случае фотографические координаты цели определялись по объектам формулами фотограмметрии.

Зная геодезические координаты пунктов наблюдения (концевых точек базиса съемки), легко было перейти от фотографических координат цели к геодезическим…

Точность стереофотограмметрического определения координат цели зависит от точности измерения элементов внутреннего и внешнего ориентирования стереопары фотоснимков. Использование группой высокоточного стереокомпаратора Цейсса обеспечивало точность измерения фотографических координат стереопар снимков до тысячных долей миллиметра.

Величина базиса съемки для первой позиции, выбранной между домом № 19 по Международному проспекту (ныне дом № 161 по Московскому проспекту) и Дворцом Советов, составляла 2000 м. Сектор обзора достигал 55° с глубиной разведки до 25–30 км от переднего края фронта противника. Командный пункт группы располагался в доме № 19. Здесь же размещались фотолаборатория и фотограмметрическая лаборатория. Стереофотокамеры были установлены на чердаке дома № 19 и верхнем этаже южного флигеля Дворца Советов. На этой позиции группа проработала с января по июль 1942 г.

В июле 1942 г. прямым попаданием крупнокалиберного снаряда часть дома № 19 была разрушена, в связи с чем северо-восточный пункт

наблюдения был перенесен на вышку мясокомбината им. С.М. Кирова, а командный пункт группы с лабораториями переведен во Дворец Советов. Новый базис съемки был равен 3000 м. К этому времени группа накопила определенный опыт ведения стереофотограмметрической артиллерийской разведки. Были достаточно хорошо отработаны методы фотографирования огневых вспышек и фотограмметрической обработки данных, поэтому было решено перевести работу пунктов наблюдения на методику с равномерно отклоненными в горизонтальной плоскости оптическими осями стереофотокамер. Использование этой методики позволило расширить сектор общего обзора до 120°. Достигалось это последовательным поворотом стереофотокамер на 40° для каждого частного сектора обзора. В этом случае протяженность разведываемой полосы по переднему краю обороны составляла 12 км, по тыловому – до 35 км при глубине 20–30 км (в отдельных случаях – до 41 км).

С момента работы группы на базисе съемки Дворец Советов – мясокомбинат им. С.М. Кирова стереофотограмметрическая засечка огневых позиций противника стала главным видом артиллерийской разведки.

Для оперативного использования данных стереофотограмметрической разведки в контрбатарейной борьбе необходимо было добиться быстрейшей обработки стереопар снимков огневых вспышек. С этой целью принимались все необходимые меры. Однако много времени уходило на доставку кассет с мясокомбината в фотолабораторию во Дворце Советов (более 4 км), проявление, сушку негативов стереопар снимков, фотограмметрический промер и вычисление координат цели. Для убыстрения обработки фотограмметрический промер проводился по сырым негативам. Для вычисления координат цели использовались специально разработанные номограммы и планшеты. Все это позволило сократить время получения координат стрелявших батарей противника до 30–40 мин. с момента начала стрельбы. Поэтому главной задачей группы артиллерийской стереофотограмметрической разведки являлось полностью вскрыть и точно определить расположение неприятельской артиллерийской группировки, систематически обстреливавшей Ленинград.

Ряд контрольных проверок, получаемых стереофотограмметрическим методом координат огневых позиций противника, показал, что точность определения объектов противника на дистанции 15–20 км достигала порядка 1/500-1/400 дистанции, т. е. находилась в пределах 40–60 м.

Как уже указывалось, основная работа группы по засечкам огневых вспышек стреляющих орудий противника проводилась в темное время

суток. Длительность вахт наблюдения колебалась от 6–8 час. в июньские ночи до 14–18 час. зимой. Однако уже в июне 1942 г. при помощи специалистов ленинградской фабрики фотобумаги были начаты опыты по сенсибилизации изопанхроматических фотопластинок к инфракрасной части спектра.

Дело в том, что основным препятствием для дневной фотосъемки огневых вспышек является большая освещенность небосвода, резко забивающая светочувствительную эмульсию фотопленки. Кроме того, при наличии тумана или мглы видимая часть спектра световой вспышки почти полностью поглощается и потому съемка огневых вспышек на обычные панхроматические фотопленки невозможна. Фотосъемка в инфракрасных лучах при использовании морблитовых светофильтров позволяет преодолевать указанные трудности.

К ноябрю 1943 г. была создана опытная партия сенсибилизированных к инфракрасным лучам фотопластинок и проведены испытания метода в дневных условиях, показавшие положительные результаты. Дневная съемка значительно расширила возможности стереофотограмметрического метода артиллерийской разведки". [30]

Однако, несмотря на все меры, использованные морскими и армейскими артиллеристами, «обстрелы города в начале 1942 г. приняли настолько угрожающий характер, что командующий артиллерией Красной Армии генерал-полковник артиллерии Воронов Н.Н. выслал в Ленинград группу офицеров во главе с начальником штаба артиллерии генерал-майором артиллерии Самосоновым Ф.А., поставив им задачу проверить организацию контрбатарейной борьбы и дать необходимые рекомендации по ее улучшению в дальнейшем. Такие предложения были изложены потом в специальном докладе начальника штаба командующему артиллерией Красной Армии и члену Военного совета фронта Жданову А.А. 23 марта 1942 г.» [31]

В докладе констатировалось: Артиллерия фронта могла взять на себя лишь ограниченные задачи, которые сводились "к запрещению безнаказанного обстрела города Ленинграда и трассы, [32] к сокращению случаев обстрела, понижению их интенсивности, сведению их эффективности к нулю". [33]

Глава 7 Как германские снаряды и бомбы били невский лед

О событиях 1942 г. начну с хроники обычного дня зимы 1941/1942 г.

"9 января. Противник обстрелял Кронштадт, ледовую дорогу Кронштадт – Лисий Нос и 180-мм батарею № 470. В Кронштадте был незначительно поврежден котел № 2 портовой электростанции и электрокабель.

Крейсер «Максим Горький», канонерские лодки «Сестрорецк», «Зея», «Ока», «Красное Знамя», эскадренные миноносцы «Стройный» и «Строгий» и три батареи 101-й морской бригады железнодорожной артиллерии № 11, 12 и 42 вели огонь по вражеским батареям в районах: Детского Села, Александровки, Красного Бора, Степановки, Старой Мызы и поселка Федоровского, содействуя операции 42-й и 55-й армий.

Батареи Кронштадтского укрепленного сектора № 166, 665 и 668 обстреляли противника в районах Нового Петергофа и Знаменки.

Эскадренный миноносец «Стройный», канонерские лодки «Сестрорецк», и «Ока», батареи Невского укрепленного сектора № 19, 36, 41, 470, 597, 598, 599, 600 и 601, батареи Кронштадтского укрепленного сектора № 775, 777, 778 и две батареи без номеров (Веники и Сойкино) вели огонь по батареям, блиндажам и коммуникациям противника в районах Степановки, Красного Бора, Поповки, Мги, Тосно, Карбусель, Баболово, Александровки, Ивановского, Покровского, Рождественского, Нового Петергофа, Костино, Луизино, Сашино, поселка Свердлова и Оллила". [34]

Любопытно, что в угоду своим «идеологам» обе стороны занимались столь дурацким делом, как стрельба агитационными снарядами. Так, к примеру, 11 февраля немцы обстреляли агитснарядами Новый Поселок и Московскую Дубраву. Наша артиллерия также вела огонь агитснарядами. Увы, массового перехода солдат с целью сдачи в плен не наблюдалось ни на той, ни на другой стороне.

21 января крейсер «Максим Горький», стоявший в Ленинграде, получил попадание снаряда. Возник пожар, вышла из строя 100-мм установка Б-34.

14 февраля подводная лодка М-96, стоявшая у набережной Тучкова (Ленинград), получила попадание снаряда и затонула. Лодка была поднята

спасательным судном «Коммуна» и через 6 месяцев вступила в строй. Стоявшая рядом подводная лодка М-97 была повреждена осколками снарядов.

26 февраля два снаряда попали в канонерскую лодку «Красное Знамя», стоявшую на Неве в районе моста Володарского. Поврежден корпус и механизмы.

18 марта во время артиллерийского обстрела в здания Эрмитажа попало шесть снарядов и четыре снаряда в непосредственной близости. Пять снарядов попало в крыши, пробило их и разорвалось на чердаке, причем пострадало 400 кв. м кровли, повреждены стропила и чердачные перекрытия. От попавших в здание Зимнего дворца и упавших рядом с ним снарядов разбито до 3000 стекол и нанесено большое количество повреждений кладке и штукатурке фасадов и внутренних помещений Зимнего дворца.

21 марта с 14 ч. 00 мин. до 14 ч. 07 мин. 768-й тяжелый артиллерийский дивизион вермахта произвел пятью орудиями налет по мебельной фабрике и машиностроительному заводу, выпущено 50 снарядов. Наблюдался сильный дым, который стал уменьшаться только к 17 ч. 30 мин. В 14 ч. 39 мин. дивизионом был произведен один выстрел, с 16 ч. 20 мин. до 16 ч. 37 мин. – шесть выстрелов беспокоящим огнем по автомобильным колоннам на ледовой дороге Кронштадт – Горская. Грузовики во время обстрела увеличили ход и интервалы между машинами. Вечером наблюдались два пожара в Ленинграде.

28 марта германская артиллерия открыла интенсивный огонь по Морскому полигону. Попаданием снаряда была выведена из строя 356/52-мм пушка.

На следующий день, 29 марта, около 6 часов утра артиллерийский снаряд попал в вагон с аммоналом, стоявший на железнодорожной станции Ржевка (вблизи НИМАПа). Аммонал сдетонировал и вызвал детонацию взрывчатки еще в семи вагонах. Прогремел огромной силы взрыв, а спустя несколько минут – второй взрыв. «Сила взрыва была такова, что скаты вагонов летели за сотни метров, а все деревянные постройки вокруг вокзала превращались в щепки и горели. Взрывы и пожар продолжались до самого вечера. Невозможно было подойти на расстояние ближе 500 метров. Много зданий было разрушено, погибли сотни людей». [35]

Взрыв был слышен по всему города. Очевидец В.С. Фудалей писал: "Я в это время закрылся одеялом. Тряхануло здорово. Когда вылез из-под одеяла, на мне лежала оконная рама, одеяло было местами рассечено осколками стекла, а над головой я увидел предрассветные звезды.

Взрывная волна просто перевернула наш дом, а это был генеральский дом, построенный еще перед революцией. Со всеми службами, даже ледник-погреб был сделан железобетонный и засыпан землей по самую крышу. Мы спали дома – проснулись на улице. Выскочили из остатков дома. Рядом была землянка солдат, которые обслуживали зенитную артиллерию, они нас к себе пустили. Я бежал босиком по снегу, в землянку набилось много детей и взрослых. Когда немножко поутихло, люди стали вылезать, доставать что-то из одежды в развалинах. Многое горело, люди тушили…

Старшего мастера 3-го ремесленного училища при ЛМЗ, который жил тогда на Кондратьевском проспекте, сбросило взрывом с койки, а Веру Инбер разбудило на площади Льва Толстого. В районе улицы Лазо деревянный дом подпрыгнул и сместился несколько с прежнего места". [36]

Недалеко от места взрыва стоял эшелон с машинами и механизмами от сторожевого корабля «Вихрь». Взрыв раскидал устройства «Вихря». После на этом корабле установили машины с потопленного 2 сентября 1942 г. однотипного СКР «Пурга».

Еще 26 февраля 1942 г. командующий германским 1-м воздушным флотом генерал Келлер выдал директиву штабы 1-го авиакорпуса: «Командованию 1-го авиационного корпуса надлежит подготовить следующие разведывательные и боевые действия с целью уничтожения частей русского флота, находящегося в Финском заливе. Незадолго до вскрытия льда в Финском заливе находящиеся там тяжелые корабли русского флота должны быть уничтожены одновременным сосредоточенным ударом пикирующих бомбардировщиков, охраняемых истребителями. 1-й авиационный корпус может рассчитывать на то, что для проведения этой операции ему будет придана еще одна бомбардировочная группа».

Командиру 1-го авиакорпуса генералу Фёрчстеру Келлер приказал представить расчеты о предполагаемом составе сил и план атаки объектов. Срок выполнения полученной директивы был определен до 1 марта. По некоторым данным, Гитлер лично распорядился уничтожить корабли Балтийского флота.

Согласно плану, разработанному штабом 1-го авиакорпуса, в первую очередь намечалось уничтожить линкор «Октябрьская Революция», затем легкий крейсер «Киров» и минный заградитель «Марти». За два дня до массированного удара дальнобойная артиллерия должна была подавить противовоздушную оборону около стоянок кораблей, а огонь должен был корректироваться самолетами Hs-126 под прикрытием истребителей.

26 марта командующий 1-м воздушным флотом генерал Келлер

приказал организовать учения. Для отработки экипажами самолетов заходов для атак и бомбометания на льду одного из замерзших озер были в натуральную величину построены контуры боевых кораблей Балтийского флота, расположенные в соответствии с местами их стоянок на Неве.

28 марта по 1-му авиакорпусу был издан приказ, в котором говорилось: «Фюрер приказал, чтобы тяжелые русские боевые корабли, находящиеся в Ленинградском порту, были в начале ледохода уничтожены соединениями 1-го авиакорпуса». Операция под кодовым названием «Битье льда» («Ледовый удар») назначалась на 4–5 апреля 1942 г.

Цели были поделены между авиагруппами. По линкору «Октябрьская Революция» и крейсерам «Киров» и «Максим Горький» должны были наносить удары пикировщикиJu-88A из III эскадрильи эскадры KG1 иJu-87D из III эскадрильи эскадры StG1. «Юнекерсы» должны были сбросить на советские корабли фугасные бомбы SC1000 и бронебойные бомбы PC1000 и PC1400. Самолеты Ю-87D из I и II эскадрилий эскадры StG2 должны были бомбить минный заградитель «Марти» и остальные корабли. Целями для бомбардировщиков Хе-111Н из I и II эскадрилий эскадры KG4 были позиции советских зенитных батарей. Общее истребительное прикрытие осуществляли самолеты Ме-109F из I и II эскадрилий эскадры JG54.

4 апреля с 18 ч. 15 мин. до 20 ч. 00 мин. 132 бомбардировщика (62 Ju-87D, 33 Ju-88 и 37 Хе-111) под прикрытием 59 истребителей Ме-109 бомбили корабли, стоявшие во льду в Ленинградском порту и на реке Неве. Всего немцы сбросили около 230 фугасных и бронебойных бомб, из которых лишь 72 взорвались в непосредственной близости от кораблей, а 16 – у стоянки бригады подводных лодок.

При этом главная цель немцев – линкор «Октябрьская Революция» – практически не пострадал. Ни одна бомба не попала в корабль. От близких разрывов бомб был убит 1 человек и ранено 8, выведены из строя две пулеметные установки.

Больше всех пострадал крейсер «Киров». В 18 ч. 50 мин. в него попала авиабомба, прошла сквозь корабль и взорвалась у его борта.

Крейсер «Максим Горький», стоявший у моста Лейтенанта Шмидта, получил небольшие повреждения от осколков авиабомб.

Минный заградитель «Марти» не пострадал вообще. От близких разрывов бомб получил легкие повреждения осколками эсминец «Свирепый», подводные лодки М-79, П-2 и П-3, плавучий док № 508, кабельное судно «Кабельный» и 200-тонный кран у завода № 189.

Несколько небольших бомб попали в здание Адмиралтейства и склад

ВВС Балтийского флота. Пострадали жилые дома на набережных. На берегу погибло 116 и ранено 311 человек.

По данным советской ПВО было сбито 25 германских самолетов. Немцы же утверждают, что 4 апреля не было сбито ни одной машины. Судя по всему, безбожно врут обе стороны.

В целом операция «Битье льда» можно оценить как полный провал – Балтийский флот получил булавочный укол.

Следует заметить, что авианалет 4 апреля проходил при активной поддержке германской дальнобойной артиллерии.

Вновь процитирую журнал 768-го тяжелого артдивизиона резерва главнокомандования вермахта: "Между 17.00 и 17.30 имел место крупный налет пикирующих бомбардировщиков под прикрытием истребителей – (всего до 100 самолетов) на Петербург, особенно на находящиеся в устье Невы советские военные корабли. На долю артиллерии РГК выпало подавление петербургской зенитной артиллерии. В рамках общей задачи дивизион должен был своими тремя батареями подавить три зенитные батареи в Петербурге юго-восточнее Невы.

Так как цели были невидимы, то для проверки особых и атмосферных влияний были установлены пристрелочные цели, находящиеся в военных объектах вблизи района цели. Разрывы у пристрелочных целей были в двух случаях установлены двойной засечкой. На основе оценки результатов к рассчитанным с поправкой на особые и атмосферные влияния расстояниям было добавлено 300 м. Так как пристрелка, вследствие большой отдаленности целей, не дала более точных результатов, то район целей обстреливался с рассеиванием 400 м по длине, 6 м по сторонам, дымообразование и разрывы наблюдались во время стрельбы и после нее.

Стрельба протекала без инцидентов и помех, по плану. Деятельность зенитной артиллерии в начале налета исключительно сильная, в дальнейшем под влиянием обстрела тяжелой артиллерии РГК значительно ослабла. Расход боеприпасов – 9 снарядов на пристрелку, 110 – на подавление.

Воздушный налет был отмечен в сводке Верховного командования от 5.4.42 следующим образом: «Соединения военно-воздушных сил произвели налет на остатки Балтийского флота в портах Ленинграда и Кронштадта. Два линкора и два тяжелых крейсера были поражены бомбами крупного и сверхкрупного калибра. Вероятно, поврежден также минный крейсер. Тяжелая артиллерия РГК поддерживала атаку авиации, обстреливая зенитные батареи»".

Германская артиллерия накрыла огнем позицию 592-й зенитной

батареи, находившейся на набережной рядом с линкором «Октябрьская Революция». На батарее было убито 8 и ранено 7 номеров расчета.

В свою очередь морская артиллерия 4 апреля вела сильный огонь по германской дальнобойной артиллерии.

В этот день 19-я, 1109-я, 1110-я, 1114-я и 1116-я батареи морской бригады железнодорожной артиллерии вели огонь по вражеским батареям, обстреливавшим Ленинград из районов Павкуля, Ижорки, поселка Володарского, совхоза «Беззаботный» и Стрельны. Батарея № 1108 той же бригады обстреливала неприятельские батареи, стрелявшие по Ленинграду из районов Кикенки и Новоселья, а 152-мм батарея Ижорского укрепленного сектора вела огонь по батарее противника в районе Низино.

В ночь на 5 апреля 31 бомбардировщик Хе-111Н совершили повторный налет на корабли в Ленинграде. Бомбежка длилась два часа, прямых попаданий в корабли и военные объекты не было, пострадали жилые дома.

6 апреля германская артиллерия интенсивно обстреливала Ленинград. На Канонерском заводе в Ленинграде в сторожевой корабль «Туча» и в транспорт № 502 «Эверанна» (вместимостью 350 т) попало по одному крупнокалиберному снаряду.

12 апреля Военный совет Ленинградского фронта принял решение нанести упреждающие авиаудары по германским аэродромам под Ленинградом. Однако первыми нанесли удар по аэродромам врага не летчики, а морская артиллерия.

Согласно донесениям разведки, на аэродроме у города Пушкина (Царское Село) находилось около 30 бомбардировщиков Ю-88 и 5 транспортных машин Ю-52. 14 апреля эсминцы «Строгий» и «Стройный», канонерские лодки «Красное Знамя», «Ока» и «Зея» и батареи 101-й морской бригады железнодорожной артиллерии № 1105, 1106, 1107, 1108, 1109, 1110 и 1111 обстреляли аэродром в районе Пушкина и вызвали восемь больших взрывов и пожар.

Первый авиаудар по аэродромам в Пушкине и Красногвардейске (Гитчине) наши летающие лодки МБР-2 нанесли в ночь на 15 апреля.

Днем следующего дня 36 истребителей штурмовали аэродром в Красногвардейске.

В тот же день, 15 апреля, 1109-я, 1110-я, 1111-я, 1114-я, 1116-я и 1121-я батареи 101-й морской бригады железнодорожной артиллерии вели огонь по батареям противника, обстреливавшим Ленинград из районов поселка Володарского и Новополья. Батареи № 1104, 1108 и 1122 той же бригады и канонерские лодки «Красное Знамя» и «Ока» обстреливали аэродром

немцев в районе города Пушкина (Царское село). Батарея № 19 этой бригады вела огонь по немецкому аэродрому в Красногвардейске (Гатчина). Батарея № 111 Кронштадтского укрепленного сектора обстреливала колонну автомашин противника в районе Куоккала.

16 апреля Гитлер лично приказал прекратить операцию «Битье льда». Повлияли ли на это решение удары по германским аэродромам, мы, видимо, никогда не узнаем.

19 апреля сильный огонь по Кронштадту открыла германская артиллерия. В обстреле участвовали 28-см железнодорожные установки. Стрельба велась с помощью самолетов-корректировщиков, причем, истребители Балтийского флота им не препятствовали. Дело в том, что 12 флотских истребителей в тот день штурмовали германский аэродром в районе Красногвардейска, а «группы по 4–6 самолетов патрулировали в воздухе, прикрывая корабли в устье Невы». Видимо, сказалась и распутица – «флотские аэродромы растаяли».

В итоге 19 апреля в результате артиллерийского обстрела Кронштадта тральщик № 57 получил пробоину, сторожевой катер № 102 (типа МО) был разбит, на батарее № 611 выведено из строя одно 152-мм орудие, сторожевые катера № 210 и № 409 (типа «МО») получили повреждения, требовавшие заводского ремонта. В городе были повреждены и частично разрушены продовольственный склад, сборочная мастерская артиллерийского ремонтного завода, городская баня и шесть жилых домов, в нескольких местах была повреждена линия связи.

Батареи № 167, 343, 666 и 775 Кронштадтского укрепленного сектора и одна 152-мм батарея Ижорского укрепленного сектора вели артиллерийский огонь по вражеским батареям в районе Сашино, Санино, Костово и Низино.

Батарея № 153 и три зенитные батареи обстреливали наблюдательные пункты немцев в районе Нового Петергофа.

1108-я батарея 101-й морской бригады железнодорожной артиллерии вела огонь по батарее противника, обстреливавшей Ленинград из района поселка Володарского.

А тем временем командование люфтваффе разработало план новой атаки кораблей Балтийского флота. Он получил название «Гётц фон Берлихинген». Рыцарь фон Берлихинген в 1524–1526 гг. был вождем восстания германских крестьян, позже он стал главным героем драмы Иоганна Гёте. Однако прославился сей рыцарь тем, что впервые ввел в обиход распространенное германское ругательство «Поцелуй меня в задницу».

Немцы торопились. К 23 апреля из-за быстрого потепления Нева уже почти очистилась ото льда, и советское командование намеревалось сменить стоянки всех крупных кораблей.

24 апреля в 12 ч. 58 мин. по московскому времени германская дальнобойная артиллерия открыла огонь по позициям зенитной артиллерии и местам стоянок кораблей. По данным штаба Ленинградского фронта в районе батарей, расположенных в Кировском районе города, разорвались 226 снарядов, а в районе батарей в Торговом порту – 154 снаряда. В минный заградитель «Марти» попали три 203-мм снаряда, один из которых не взорвался. На «Марти» была разбита 76-мм пушка 34К, поврежден минный конвейер, убиты 4 и ранено 12 краснофлотцев.

Легкие повреждения от снарядов получили подводная лодка К-51, эсминец «Сторожевой», плавдок и транспорт «Водолей № 2».

С 13 ч. 10 мин. до 15 ч. 20 мин. противник произвел воздушный налет на Ленинград и на корабли Балтийского флота с одновременным артиллерийским обстрелом. В налете участвовало около 159 самолетов, из них 72 типа Ю-88 и 87 типа Ме-109. К городу прорвались 18 машин. На подступах к Ленинграду было сбито 24 самолета, из которых 10 – зенитной артиллерией и 15 – истребительной авиацией. Авиация КБФ сбила четыре Ю-88 и один Ме-109.

В результате этого налета и обстрела на линкоре «Октябрьская Революция» осколками вблизи разорвавшихся авиабомб был выведен из строя счетверенный пулемет и пулемет ДШК, убит один и ранено восемь человек.

Крейсер «Киров» получил прямое попадание трех 100-кг бомб в район кормовых надстроек, в результате чего были полностью выведены из строя обе зенитные батареи со всей прислугой и два 37-мм автомата, поврежден погреб 100-мм снарядов, разрушен кожух второй трубы, частично перебито основание грот-мачты и разрушена надстройка в районе второй трубы. Было убито 78 и ранено 46 человек.

Вокруг крейсера «Максим Горький» разорвалось 15 авиабомб и около 100 снарядов, в корпусе корабля было около трехсот осколочных пробоин, убито четыре человека и восемь человек получили ранения.

Прямым попаданием авиабомбы в здание штаба КБФ было убито девять и ранено 47 человек. Взрывом бомб и снарядов были разрушены здание штаба Ленинградского порта и 39 жилых домов между 8-й и 14-й линиями Васильевского острова. Погибло 117 и получили ранения 340 мирных жителей. Серьезно пострадали цеха Балтийского и Адмиралтейского заводов.

По германским данным в налете участвовало 44 пикировщика Ю-87D и 18 бомбардировщиков Ю-88 в сопровождении 28 истребителей Ме-109F. Немцы упорно утверждают, что и в этом налете не был сбит ни один германский самолет, а наши «знатоки» с большим прилежанием верят им на слово.

Опасаясь новых налетов, командование Балтийского флота приказало перевести крейсер «Киров» от набережной Невы – 18-й линии Васильевского острова за мост лейтенанта Шмидта к набережной Красного флота. В ночь на 24 апреля буксир перевел крейсер на новую стоянку.

Поменяли свои стоянки и несколько эсминцев. На место прежней стоянки «Кирова» под его маскировочную сеть поставили учебный корабль «Свирь» водоизмещением 11 тыс. тонн.

По данным «Хроники…» 25 апреля с 12 ч. 00 мин. до 12 ч. 35 мин. немцы произвели новый воздушный налет на Ленинград с одновременным интенсивным обстрелом города. В налете участвовало 55 самолетов, из них тридцать Ю-88, двенадцать Ю-87 и тринадцать Ме-109. К городу прорвалось несколько самолетов, которые сбрасывали бомбы из-за облаков. По неполным данным, было сбито шесть немецких самолетов. [37]

По германским данным, в налете, не считая истребителей, приняли участие 40 пикировщиков Ю-87D.

В ходе комбинированного авиационного и артиллерийского удара по кораблям Балтийского флота 25 апреля немцам удалось добиться следующих результатов:

Спасательное судно «Коммуна» – попадание одного снаряда.

Танкер «Николай Островский» находился в Торговом порту Ленинграда. Попал один снаряд, который к тому же не взорвался. Тем не менее, балластный отсек был залит водой.

Недостроенный корпус крейсера «Адмирал Бутаков», заложенный еще в 1913 г. От прямого попадания артиллерийского снаряда в борт ниже ватерлинии и взрыва десяти бомб и четырех снарядов на расстоянии от 2 до 15 м от борта был пробит корпус, затопило внутренние помещения. Через 15 часов корпус крейсера сел на грунт с креном 40°.

Вновь германский авианалет оказался полностью неудачным. По советским данным было сбито 15 германских самолетов. Собственные потери составили два истребителя. Газета «Красная Звезда» в номере за 26 апреля 1942 г. писала: «Вражеские самолеты, поодиночке проникшие в город, беспорядочно сбросили бомбы на жилые дома. Имеются жертвы… Всего за 24 и 25 апреля уничтожено 35 немецких самолетов».

Цитируя «Красную Звезду», я вовсе не ерничаю, а привожу образец

пропаганды военного времени. Прессе на войне врать положено, а вот о событиях 60-летней давности – позорно.

Вечером 27 апреля немцы вновь решили провести комбинированный авиационный и артиллерийский удар по нашим кораблям. Вновь артиллерийский огонь корректировали самолеты «Хенкель-126». Затем над Ленинградом появились 40 пикировщиков Ю-87D, сопровождаемые пятнадцатью истребителями Ме-109F. Цитирую «Хронику…»: "С 19 ч. 00 м. до 19 ч. 25 м. группа неприятельских самолетов противника, численностью до 24 машин, производила налет на город и Торговый порт Ленинграда. Налет сопровождался артиллерийским обстрелом города.

В результате этого налета прямым попаданием бомбы было потоплено учебное судно «Свирь». Попаданием артиллерийского снаряда поврежден «Водолей № 2». На 433-й батарее 59-го зенитного артиллерийского дивизиона был разрушен камбуз; убито семь и ранено семь человек. На батареях 9-го зенитного артиллерийского дивизиона огнем с самолетов противника было убито шесть и ранено семь человек. На кораблях эскадры, стоявших на Неве, было ранено четыре человека. В 15–20 м от командного пункта 9-го зенитного артиллерийского полка упала 500-кг бомба, которая не взорвалась". [38]

По германским данным, 27 апреля был сбит один Ю-87 и один Ме-109.

30 апреля германская авиация совершила еще один налет на корабли Балтийского флота, стоявшие в Ленинграде. Результат – ни одного прямого попадания. Повреждения осколками получила лишь подводная лодка М-90, стоявшая у стенки судостроительного завода им. А.А. Жданова.

Так полным провалом закончилась германская попытка устроить «Пёрл-Харбор» Балтийскому флоту. Потопленные же суда – блокшив «Бутаков» и учебное судно «Свирь» – можно с полным основанием назвать ложными целями, на которые и клюнули германские асы. На боевых же кораблях не было выведено из строя ни одного орудия калибра 130 мм и выше.

Глава 8 «Снарядный голод»-миф или реальность?

Со времен Крымской войны у наших генералов и адмиралов возникла традиция каждую свою неудачу помимо иных причин объяснять «снарядным голодом».

Так, уже в конце 1914 г. российская оппозиционная пресса запестрила статьями о снарядном голоде. В ужас пришли и в ГАУ – расход трехдюймовых (76-мм) снарядов оказался за три недели боев в августе 1914 г. по 1000 (!) снарядов на пушку, то есть по 50 выстрелов в день! При таком темпе стрельбы за полгода-год должны быть расстреляны все стволы 76-мм полевых пушек.

Что же случилось? Да дело в том, что пехота начала по делу, а чаще – без дела требовать от артиллеристов открывать «ураганный огонь» по неприятелю. И напрасно ГАУ в 1915 г., а затем в 1916 г. отдавало приказы о запрещении «ураганного, барабанного и иных видов огня, свидетельствующих о неспокойном состоянии духа начальников». В тех же приказах говорилось: «Ведение огня без четко поставленной цели является преступной тратой снарядов».

Увы, на армейское начальство приказы ГАУ действовали, что «об стенку горох». Мало того, каждый артиллерийский начальник любил создавать свой запас снарядов. Посему давались наверх липовые отчеты: "Начиналась бомбардировка начальства нервными телеграммами, а когда и это не действовало, то, значит, было написано недостаточно сильно; надо было сгущать краски, не стесняясь, конечно, истиной, ибо это были как раз те случае, когда ложь во спасение, а потому надо было бить в набат, употребляя при определении своего положения наиболее сильные выражения вроде: роковое, критическое, трагическое, катастрофическое…

Так и пошло вранье, вранье, вранье самое беззастенчивое, сплошное, начиная с самых маленьких чинов и кончая самыми высокими". [39]

Военное министерство, дабы удовлетворить все запросы, выдавало огромные заказы русским и зарубежным заводам. В ходе Первой мировой войны русские заводы изготовили 54 миллиона (!) 76-мм снарядов, из них 26 млн. шрапнелей и 28 млн. гранат. Зарубежным заводам заказали 56 млн. 76-мм выстрелов, из которых в Россию прибыло, по разным данным, от 33 до 50 %.

Этих снарядов хватило на Гражданскую, на локальную Финляндскую и на Великую Отечественную войны, и даже после войны осталось довольно большое количество 76-мм гранат и шрапнелей, изготовленных до 1918 г.

Факты эти хорошо известны специалистам, но, увы, в октябре 2007 г. в «Военно-историческом журнале» появилась статья А.В. Лобанова «Псевдоисторические исследования военный действий в Северном Причерноморье» с обличением моей книги «Битва за Черное море» (М.: АСТ: Транзиткнига, 2005). Обычно я не отвечаю публично критиканам, а за критику по делу я лично благодарю авторов. Но здесь несколько иная ситуация. Как сказано в журнале, подполковник А.В. Лобанов – начальник Военного представительства Министерства обороны Российской Федерации. И вот сей начальник утверждает, что «еще в октябре-ноябре 1941 года, по сведениям Главного артиллерийского управления Красной Армии, все запасы этих снарядов на его базах были исчерпаны и снабжение войск велось буквально с колес». А после войны на складах остались лишь «соответствующие боеприпасы выпуска 1944–1945 гг., имевшие по сравнению с предыдущими (образца 1902 г.) усиленный заряд».

Но тогда возникает резонный вопрос, почему в ряде «Таблиц стрельбы» и «Наставлений» 1945–1952 гг. фигурируют выстрелы дореволюционного образца? Вот передо мной наставление «Боеприпасы к 76-мм орудиям», изданное в 1949 г., да еще с грифом «секретно». И там опять фигурируют среди штатных выстрелов «фугасная старая граната русского образца (Ф-354)», «старого типа 76-мм шрапнель с 22-секундной трубкой» и т. д.

Дальше у г. Лобанова было еще лучше: «С положением о возможности замены боеприпасов от одной артиллерийской системы боеприпасами пусть и одного калибра от другой согласиться невозможно в принципе: стрельба нештатными боеприпасами из артиллерийских орудий категорически запрещена – это ведет к разрыву ствола, выходу из строя материальной части и гибели личного состава. Так, 122-мм пушки ни при каких условиях не могут применять гаубичные снаряды аналогичного калибра, а 122-мм гаубицы – пушечные. Утверждение же автора о возможности использования для стрельбы из 305-мм пушек 52 калибра боеприпасов для 305-мм пушек 40 калибра и 305-мм гаубицы вообще нелепо. Точно также выстрелы для 76,2-мм дивизионных пушек нельзя было использовать для ведения огня из 76,2-мм полковых, так как первые имели большой диаметр фланца гильзы и гильза не входила в выточку в захватных гнездах казенника. И боеприпасы для 76,2-мм зенитных пушек

абсолютно не подходили к 76,2-мм полковым и дивизионным орудиям, поскольку имели гильзу большего размера. Поэтому огромные запасы выстрелов к 76,2-мм зенитным пушкам образца 1931 и 1938 годов были абсолютно бесполезны для снабжения полевой артиллерии. А именно эти выстрелы составляли 4/5 запаса боеприпасов калибра 76,2-мм в Севастополе, поскольку предназначались для корабельных 76,2-мм универсальных пушек 34-К. Не говорю уже о том, что боеприпасы для береговых 152-мм пушек системы Канне ни при каких обстоятельствах не могли использоваться в полевых 152-мм гаубицах, пушках и гаубицах-пушках. У каждого вида и типа боеприпасов своя баллистика, и при использовании их в орудиях с иной внутренней и внешней баллистикой траектории снарядов последствия становятся просто непредсказуемыми. Так что ни о какой подготовке данных для стрельбы и о корректировке стрельбы в подобных случаях не может быть и речи, как бы там не изощрялся А.Б. Широкорад».

Ну что ж, вопрос сей достаточно серьезный и важный для понимания хода боевых действий под Ленинградом и Севастополем, так что тут придется разбираться серьезно. Начну с того, что в своей статье Лобанов буквально жонглирует терминами – снаряд, боеприпас, выстрел, – не объясняя читателям, что это такое, и чем эти три термина отличаются друг от друга.

Выстрел – это один из типов боеприпасов. Выстрел состоит из снаряда и заряда. Заряд может размещаться в матерчатом картузе или гильзе. Соответственно, заряжание орудий может быть раздельным и унитарным. При раздельном заряжании в камору первоначально досылается снаряд, а затем картуз или гильза. При унитарном заряжании в камору в один прием досылается весь выстрел – снаряд и жестко связанная с ним гильза. Замечу, что у всех советских морских орудий калибра 130–406 мм заряжание было картузное. Таким же было заряжание всех сухопутных систем большой и особой мощности, включая триплекс 280-мм мортира Бр-5, 203-мм гаубица Б-4 и 152-мм пушка Бр-2.

У корпусных орудий – 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20, 122-мм пушки А-19 и всех 122-мм и 152-мм гаубиц – заряжание было раздельно-гильзовое.

У всех зенитных пушек и всех 76-мм пушек заряжание только унитарное.

Интересное исключение представляет собой 152/45-мм пушка Кане. В 1892 г. ее приняли на вооружение с унитарным заряжанием. При весе снаряда 41,5 кг вес выстрела был около 68 кг, и это крайне затрудняло

подачу выстрелов, поскольку подача была только ручная. Поэтому во флоте почти сразу перешли на раздельно-гильзовое заряжание 152-мм пушек Кане, а в береговой обороне оставили заряжание унитарным. Однако к 1941 г. и в береговой обороне везде или почти везде перешли на раздельно-гильзовое заряжание.

Достаточно и школьного курса физики, чтобы понять, что из любого орудия, что 305-мм, что 152-мм калибра, можно стрелять любым снарядом данного калибра. Речь, понятно, идет о нормальном поясковом снаряде. Нарезные, полигональные, облитые свинцовой оболочкой и другие снаряды – совсем иное дело.

Есть и еще один маленький нюанс – глубина нарезки, от которой зависит устройство медных поясков снаряда. У всех дореволюционных морских и сухопутных орудий была мелкая нарезка, равная 0,8–1,0 % от калибра снаряда. При советской власти в сухопутной артиллерии осталась мелкая нарезка, а вот в корабельной артиллерии для уменьшения износа ствола ввели 1,5-процентную нарезку системы АНИМИ, а затем 2,0-процентную нарезку системы НИИ-13. Это нововведение серьезно нарушило систему взаимозаменяемости. Любопытно, что умные военморы немного надули правительство – одновременно с принятием углубленной нарезки НИИ-13 были приняты куда менее жесткие критерии расстрела стволов.

Итак любой поясковый снаряд может быть выстрелян из ствола любого орудия с тем же типом нарезки. А вот с картузами и гильзами ситуация была сложнее – они должны были соответствовать по габаритам каморе ствола, а вес заряда – прочности ствола. Естественно, что пушечную гильзу нельзя было пихать в камору гаубицы и наоборот.

Но гильзы и картузы по сравнению со снарядами – дело десятое. Так, латунные гильзы часто использовались по несколько раз.

В 76-мм зенитных, дивизионных и полковых пушках использовались разные невзаимозаменяемые гильзы, [40] но снаряд можно в полевых условиях отделить от гильзы и соединить с другой.

Беру с полки первую попавшуюся книжку «152-мм гаубица-пушка обр. 1937 г. и 122-мм пушка обр. 1931/37 г. Руководство службы» (М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1957). И вот на странице 266 в таблице **штатных** выстрелов к 122-мм пушке обр. 1931/37 г. наряду с пушечными снарядами типа ОФ-471 вижу гаубичные снаряды типа ОФ-462, а в таблице штатных выстрелов 152-мм гаубицы-пушки обр. 1937 г. вижу пушечные гранаты ОФ-540 и рядом гаубичные гранаты ОФ-530 и гаубичные бетонобойные снаряды Г-530. И так было у всех

отечественных гаубиц и пушек. Кстати, в годы войны 152-мм гаубицы М-10 и Д-1 стреляли по бронецелям 152-мм морскими полубронебойными снарядами обр. 1928 г. – теми же, из которых стреляли из 152-мм пушек Кане.

Чтобы стрелять снарядами от другой артсистемы того же калибра, нужно было лишь перевернуть страницу в соответствующей Таблице стрельбы, утвержденной ГАУ, и в соответствии с указанием таблиц следовало или ничего не менять, или, в крайнем случае, вынуть один пучок пороха из гильзы и изменить угол возвышения на несколько минут по сравнению с установкой прицела для штатного снаряда.

Звоню в редакцию «Военно-исторического журнала» – все-таки орган Министерства обороны! Спрашиваю, читают ли они то, что сами публикуют. Ответ: не только сами читают, у них де есть какая-то группа из высокопоставленных рецензентов, которые проверяют каждую статью. Я ссылаюсь на источники, которые держу в руках. Ответ: «Мало ли что в книжках можно написать, а вот запретит командир стрелять гаубичными снарядами из пушки – и всё!» Увы, я не шучу.

Еще в ходе Первой мировой войны была проверена взаимозаменяемость всех снарядов старых 305/40-мм пушек наших броненосцев и 305/52-мм пушек линкоров типа «Севастополь». В 1920-х годах наши артиллеристы проверили на взаимозаменяемость снаряды от 305-мм гаубицы обр. 1915 г. и 305-мм снаряды от 305/52-мм пушек. Благо, 305-мм гаубицы состояли на вооружении как сухопутной, так и морской артиллерии (береговая батарея на Дальнем Востоке). Снаряды оказались вполне взаимозаменяемыми. Разумеется, картузные заряды использовались «родные». Так, при стрельбе из 305-мм гаубицы морским фугасным снарядом обр. 1907 г. требовался заряд 28,46 кг ленточного пороха, что давало начальную скорость 457 м/с, а морским фугасным снарядом обр. 1911 г. – 24,3 кг того же пороха, что давало начальную скорость 366 м/с. Боюсь, на кого-то эти цифры скуку наводят, но что делать? Найдется еще один полковник и скажет, мол, Широкорад фантазирует.

Лишь теперь, разобравшись с взаимозаменяемостью снарядов, попробуем разобраться, стал ли снарядный голод в Ленинграде и Севастополе следствием действительной нехватки снарядов. Рамки работы ограничивают нас рассказом лишь о дальнобойных орудиях. Как и прежде, обратимся к секретным в советское время документам – «Отчету АУ ВМФ СССР».

Начну с 406-мм снарядов. Напомню, что в войну в строю была одна 406/50-мм пушка на НИМАПе (Ржевке). Сколько было 406-мм снарядов к

началу войны – мне найти не удалось. Известно лишь, что в 1942 г. от промышленности было получено двадцать три 406-мм снаряда, а в 1943 г. – еще 88. Итого за всю войну 111 снарядов. В ходе боевых действий под Ленинградом израсходован 81 снаряд.

356/50-мм орудий в ВМФ имелось семь: две железнодорожные батареи (по три установки), одна под Ленинградом, а другая на Дальнем Востоке, и одна 356-мм пушка на НИМАПе.

Сколько было 356-мм снарядов к 22 июня 1941 г., установить не удалось. Боекомплект 356-мм железнодорожных установок к началу войны составлял 100 выстрелов на ствол, из них 50 бронебойных и 50 фугасных. В ходе войны 356-мм снаряды начали поступать с 1942 г.: 113 штук в 1942 г., 30 штук в 1943 г., 180 штук в 1944 г. и 180 штук в 1945 г. (Здесь и далее, когда речь идет о 1945 г., имеется ввиду время до 1 мая). Итого за войну поставили 503 снаряда, а израсходовали 397 снарядов.

Согласно отчету Артуправления ВМФ, в 1943 г. были отработаны 356-мм дальнобойные снаряды весом 509 кг и с дальностью стрельбы 59 км. К 1 июня 1945 г. их было выпущено 493 штуки. Неясно, вошли ли они в цифру 503 – количество изготовленных за войну снарядов.

Переходим к 305-мм пушкам в 52 и 40 калибров. Мы уже знаем, что снаряды к ним полностью взаимозаменяемы, и во всех служебных документах они пишутся в одной строке.

Таблица 3

К началу войны состояло 305-мм снарядов:

Тип снаряда	На кораблях и складах флотов	На центральных складах	Итого
Фугасных	9009	1497	10 506
Бронебойных	4600	295	4895
Дальнобойных обр. 1928 г.	1257	887	2144
Шрапнелей	531	48	579
Всего:	**15 397**	**2727**	**18 124**

Кроме того, для четырех 305-мм гаубиц обр. 1915 г. на береговых батареях Тихоокеанского флота имелось 1788 фугасных снарядов. Красная Армия располагала 9 тысячами 305-мм фугасных и бетонобойных снарядов для 305-мм гаубиц обр. 1915 г.

В годы войны для 305/52-мм пушек поступило снарядов от промышленности: в 1941 г. (после 22 июня) – 1020, в 1942 г. – 1674, в 1943 г. – 2005, в 1944 г. – 745, в 1945 г. – 742. Итого за войну 6186 снарядов.

Таким образом, общий ресурс флота составлял 18 124 + 6186 = 24 310 снарядов.

В свою очередь в ходе войны было утрачено 4511 морских снаряда калибра 305 мм. Таким образом, в войну израсходовано 24,9 % от имевшихся к началу войны снарядов и 18,5 % от общего ресурса.

А может быть 305-мм снаряды у ВМФ забрала Красная Армия для своих 305-мм гаубиц обр. 1915 г.? Увы, нет. Эти гаубицы использовались дважды: летом 1944 г. на Карельском перешейке (мы об этом еще поговорим) и в 1945 г. под Кенигсбергом. Причем, по Кенигсбергу было выпущено всего 125 – 305-мм снарядов. Так что наоборот, армия без ущерба для себя могла отдать флоту 4–5 тысяч 305-мм фугасных снарядов.

Как мы уже знаем, 254/45-мм пушки (8 штук) находились только в Кронштадте. К ним к 22 июня 1941 г. имелся 721 фугасный снаряд обр. 1907 г. и 1457 бронебойных снарядов обр. 1907 г. Все они хранились на складах Балтийского флота. В войну их производство, естественно, не велось, а расход составил 1098 снарядов, то есть 50,4 % от имевшихся в наличии.

203-мм снарядов для старых 203/50-мм пушек к 22 июня 1941 г. имелось: фугасных – 8923, бронебойных – 1457 и шрапнелей – 1212. Итого 11 592 штуки. Все они хранились на береговых батареях и складах флота. В войну снаряды к этим пушкам не производились, а расход составил 6138 снарядов, то есть 53 %. Высокий расход 203-мм снарядов объясняется тем, что в начале войны их было много утеряно и захвачено противником. Германские 203-мм снаряды крейсера «Петропавловск» в статистику не включены.

А вот со 180-мм снарядами беда – их надо делить на снаряды с мелкой нарезкой и нарезкой НИИ-13, поскольку, как мы уже знаем, эти снаряды были не взаимозаменяемы. Замечу, что к 22 июня 1941 г. на Балтике и Севере все корабельные и береговые 180-мм установки имели лейнеры с глубокой нарезкой. На Черном море только 180-мм пушки крейсеров «Молотов» и «Ворошилов» имели глубокую нарезку, а все остальные 180-мм пушки (крейсера «Красный Кавказ», береговых и железнодорожных установок) имели мелкую нарезку. На Тихом океане 180-мм пушки строившихся крейсеров «Калинин» и «Каганович» [41] и строившихся трех береговых батарей были лейнированные с глубокой нарезкой.

К началу войны имелось 180-мм снарядов для пушек с мелкой нарезкой – 6625 бронебойных и 17 387 фугасных. Все они, за исключением 196 фугасных снарядов, находились на флотах.

Таблица 4 К 22 июня 1941 г. состояло 180-мм снарядов с глубокой

нарезкой:

Тип снаряда	На кораблях и складах флотов	На центральных складах	Итого
Бронебойных	7479	2528	10 007
Фугасных	7082	48	7130
Всего:	**14 561**	**2576**	**17 137**

В годы войны было произведено 180-мм снарядов (все или практически все с глубокой нарезкой): в 1941 г. – 24 472, в 1942 г. – 66 840, в 1943 г. – 35 790, в 1944 г. 37 563, в 1945 г. – 3966. Итого 129 631 снаряд.

В это число не входят 180-мм осколочно-химические снаряды с глубокой нарезкой завода-снаряжателя № 114. Их к 1 января 1943 г. на Балтийском флоте было 710 штук, а на Черноморском флоте 500 штук, на Северном флоте 300 штук, на Тихоокеанском флоте 186 штук и на центральных складах 1000 штук.

Чтобы не возвращаться к химическим снарядам, скажу, что к 1 марта 1943 г. на Балтийском флоте было 4 тысячи 130-мм и 501 шт. 102-мм осколочно-химических снарядов, снаряженных на заводе № 56. Замечу от себя, что проку от морских дальнобойных осколочно-химических снарядов весьма мало. Так что наши адмиралы с ними просто дурью маялись.

В ходе войны крейсер «Красный Кавказ» израсходовал 99 снарядов (по данным Артуправления ВМФ), а по данным Платонова – 458 снарядов. 180-мм береговые и железнодорожные батареи Черноморского флота израсходовали 1416 снарядов с мелкой нарезкой. То есть за войну было израсходовано всего 6,3 % к исходному числу снарядов.

180-мм снарядов с глубокой нарезкой было израсходовано 30 281, то есть в 1,5 раза больше исходного боезапаса и 20,6 % от общего ресурса.

Сколько имелось снарядов к новым 152/57-мм пушкам Б-38 к 22 июня 1941 г., мне установить не удалось, но они массового производились в ходей войны. Так, в 1941 г. было выпущено 6790 снарядов, в 1942 г. – 9142, в 1943 г. – 4914, в 1944 г. – 24 380 и в 1945 г. – 5965. Итого 51 190 снарядов. 152-мм пушки Б-38 в войну стреляли только с железнодорожных установок под Ленинградом и Сталинградом (там были железнодорожные установки Волжской флотилии), а также с полигонного станка на Ржевке. Но не следует забывать, что их снарядами можно было стрелять из пушек Кане, но к началу войны к ним имелось снарядов:

Таблица 5

Тип снаряда	На кораблях и складах флотов	На центральных складах	Итого
Фугасных	57 316	8600	65 916
Шрапнелей	8598	626	9224
Осветительных	298	48	346
Всего:	**66 212**	**9274**	**75 486**

Сюда не вошли 1603 фугасных снаряда для 152,50-мм пушек мониторов Амурской флотилии.

В ходе войны для 152/45-мм пушек Кане было произведено снарядов: в 1941 г. – 6110, в 1942 г. – 7395, в 1943 г. – 17 150, в 1944 г. – 6880, в 1945 г. производства не было. Итого 37 535 снарядов.

За годы войны было израсходовано 25 929 снарядов для 152,57-мм пушек Б-38. Понятно, что Б-38 не могли выпустить по три с лишним тысячи снарядов на ствол. Тут просто речь идет о снарядах обр. 1928 г., которыми стреляли и Б-38, и пушки Кане.

Снарядов от пушек Кане в войну было израсходовано 29 290.

Таким образом, всего было израсходовано 152-мм снарядов всех типов – 17,6 % от всего ресурса.

Не буду утомлять читателя статистикой по снарядам мелких калибров. Пусть поверит мне на слово, цифры примерно те же.

Теперь подведем некоторые итоги.

305-мм снарядов за всю войну израсходовано 18,5 % (от всего ресурса), 180-мм снарядов – 6,3 % с мелкой нарезкой и 20,6 % с глубокой нарезкой и 152-мм снарядов – 17,6 %, то есть расход снарядов нигде не превышал пятой части ресурса! А где же снарядный голод?

В целом может идти речь только об изобилии снарядов крупного калибра, которых действительно оказалось в пять и более раз больше, чем нужно. Но, увы, в отдельных частях и ВМФ действительно был страшный снарядный голод, который зачатую приводил к трагическим последствиям. Подробнее об этом мы поговорим на примере Севастополя.

Главное, что в снарядном голоде повинно не высшее руководство страны и промышленность, а отдельные лица в руководстве ВМФ, которые в силу некомпетенции, а может и по злому умыслу лишали снарядов воевавшие корабли, береговые и железнодорожные батареи.

Понятно, что в недостатке тяжелых снарядов виноваты и артиллерийские начальники, безграмотно выбиравшие цели для стрельбы. И не надо верить оправданиям, мол, пёр немец, некогда было думать, куда стрелять, палили по площадям без корректировки.

Вот пример из Зимней войны 1939–1940 гг. Там финны не наступали, а бардака было не меньше. «В 316-м артиллерийском дивизионе и в 455-корпусном артиллерийском полку подавались команды беглого огня из 280-мм гаубиц и 152-мм пушек-гаубиц 1937 г. Были случаи требования общевойсковыми начальниками вести ночью „беспокоящий“ огонь из 280-мм мортир по дорогам». [42]

И это цитата не из статейки злобного антисоветчика, а из закрытого издания 1964 г.

Как видим, по вине конкретных лиц в конце 1941 г. – начале 1942 г. в Ленинграде начался «снарядный голод». В таких условиях специалисты АНИМИ шли на самые различные ухищрения для пополнения боекомплекта морских орудий.

Как мы уже знаем, под Ленинградом действовали 180-мм пушки только с глубокой нарезкой. Поэтому специалисты АНИМИ придумали технологи перебивания медных поясков 180-мм снарядов с мелкой нарезкой для использования их в орудиях с глубокой нарезкой. (Любопытно, кто из адмиралов складировал снаряды с мелкой нарезкой в Ленинграде, вместо того, чтобы отправлять их на Черноморский флот?)

В АНИМИ разработали технологию переснаряжения снятых с вооружения 152-мм снарядов обр. 1907 г. Для стрельбы из 152-мм пушек Кане использовались 152-мм снаряды ОФ-550 от армейской 152-мм пушки Бр-2 с мелкой нарезкой.

180-мм и 130-мм практические снаряды вытачивались, заливались тротилом и в них устанавливали взрыватели. Переснаряжались старые 305-мм шрапнели, давно снятые с вооружения и т. п.

В заключение рассказа о боеприпасах крупных калибров следует отметить, что и у немцев были «неполадки в пробирной палатке». Согласно книге И. Салыганова: «Чем глубже „влезала“ фашистская Германия в войну, тем все чаще и чаще в снарядах и бомбах немцев мы находили махровый суррогат. Около 15 процентов снарядов противника не взрывались или имели неполный разрыв. На срабатывание снарядов влияли и взрыватели». [43]

О низком качестве немецких боеприпасов писал и В.И. Демидов: «После обстрела завода им. М.И. Калинина аварийно-восстановительная команда обнаружила там 12 (из 82 попаданий) неразорвавшихся или не полностью подействовавших снарядов. В январе-марте 1943 года по огневым позициям 101-й морской железнодорожной артиллерийской бригады противник сделал около семи тысяч выстрелов. Примерно тысячу из них он произвел зря – несработавшими „болванками“. Треть снарядов

вражеской артиллерии, действовавшей против 23-й армии, не взорвалась». [44]

К сказанному надо добавить, что больше половины немецких орудий, обстреливавших Ленинград, были созданы не в самой Германии, а во Франции, Чехословакии и других странах. Качество их снарядов было заметно хуже. Кроме того, могло иметь место и вредительство со стороны французов и чехов.

Глава 9 Германские батареи уничтожить вновь не удалось

С начала мая 1942 г. снизилась интенсивность обстрелов Ленинграда, реже стали авианалеты. Тем не менее, артиллерийская дуэль дальнобойной артиллерии не прекращалась ни на один день. Так, 8 мая немецкая дальнобойная артиллерия обстреливала Ленинград, Кронштадт и Мартышкино. В Кронштадте на береговой базе торпедных катеров был поврежден железнодорожный путь и ранено два краснофлотца, а в самом городе была нарушена линия связи с Ленинградом. В Ленинграде в здание Адмиралтейства попал один 152-мм снаряд, а другой разорвался во дворе Адмиралтейства.

В этот день четыре батареи 101-й морской бригады железнодорожной артиллерии вели огонь по вражеским батареям, обстреливавшим Ленинград из районов поселка Володарского и Немецкой колонии. Батареи Кронштадтского укрепленного сектора № 343, 665 и две батареи Ижорского укрепленного сектора вели огонь по наблюдательным пунктам и батареям противника в районах Нового Петергофа, Пиудузи, Владимирово, Новых Заводов. На «Ораниенбаумском пятачке» бронепоезд № 8 обстрелял наблюдательный и звукометический пункты немцев в Новом Петергофе.

В ночь на 14 мая самолеты У-2, вылетая поодиночке, бомбили и обстреливали позиции артиллерийских батарей противника в районе Беззаботное – поселок Володарского.

Германская артиллерия произвела огневой артиллерийский налет на Ленинград. Были попадания снарядов в здания Адмиралтейства, Ленинградского военного порта и флотского экипажа, в которых ранено 15 человек. На лидере «Ленинград» был выведен из строя прожектор, поврежден торпедный аппарат и ранено четыре человека. На эсминце «Сильный» имелись незначительные осколочные повреждения борта.

В этот день, 14 мая, батареи 101-й морской бригады железнодорожной артиллерии № 1109, 1110, 1111, 1114 и 1118 вели огонь по вражеским батареям, обстреливавшим Ленинград из районов поселка Володарского и Сосновой Поляны.

Выдержки из журнала боевых действий 768-го тяжелого артиллерийского дивизиона резерва главнокомандования вермахта: "18.5.42. Чтобы ввести противника в заблуждение относительно

численности нашей артиллерии, дивизион установил одно орудие на позицию в Стрельне в качестве дежурного огневого взвода («Нептун»), оно может вести огонь по целям в северной части Петербурга, лежащим вне пределов досягаемости ОП у Владимирове. Другая подобная позиция предусматривается у Настолово, чтобы замаскировать снятие 1-го дивизиона 84-го армейского корпуса. До сих пор не представляется возможным занять эту позицию, так как противник по-прежнему обстреливает этот район. Очевидно, он еще не знает о снятии этого дивизиона. Места для позиций кочующих орудий выбраны также в лесу севернее Рюмки, на аэродроме восточнее дороги Красное Село – Стрельна и на опушке леса в 1 км южнее Карвала (восточнее Дудергофа). Противник очень искусен в подготовке и занятии позиций для кочующих орудий и, благодаря этому, предохраняет свою артиллерию от обстрела. Аналогичными мероприятиями и с нашей стороны следует затруднить ему ведение боя и добиться распыления его все более и более меткого огня.

Во второй половине дня дивизион 4 орудиями произвел огневой налет на трамвайный парк в Петербурге, выпустив с 16.51 до 16.56 20 снарядов. В южной части наблюдались столбы дыма".

22 мая в результате артиллерийского налета у стенки завода им. Марти (№ 194) были потоплены два торпедных катера – № 103 (№ 85) и № 123 (№ 105), а еще четыре (№ 11, 61, 83 и 84) получили повреждения. Кроме того, был поврежден эсминец "Стойкий, а в Екатеригофском канале – ледокол «Волынец» и строившийся эсминец «Отличный» (проекта 30).

В этот день железнодорожные батареи № 1109, 1110, 1114, 1116 и 1117 с 11 ч. 51 мин. до 13 ч. 00 мин. произвели огневой налет по батареям противника, обстреливавшим Ленинград из районов поселка Володарского и населенный пунктов Лесной Питомник, Стрельна и Ижора.

24 мая в 0 ч. 24 мин. разрывом снаряда противника была повреждена верхняя палуба на эсминце «Сторожевой», стоявшем в Ленинграде у завода «Красногвардеец», а торпедный катер № 61 получил осколочные пробоины.

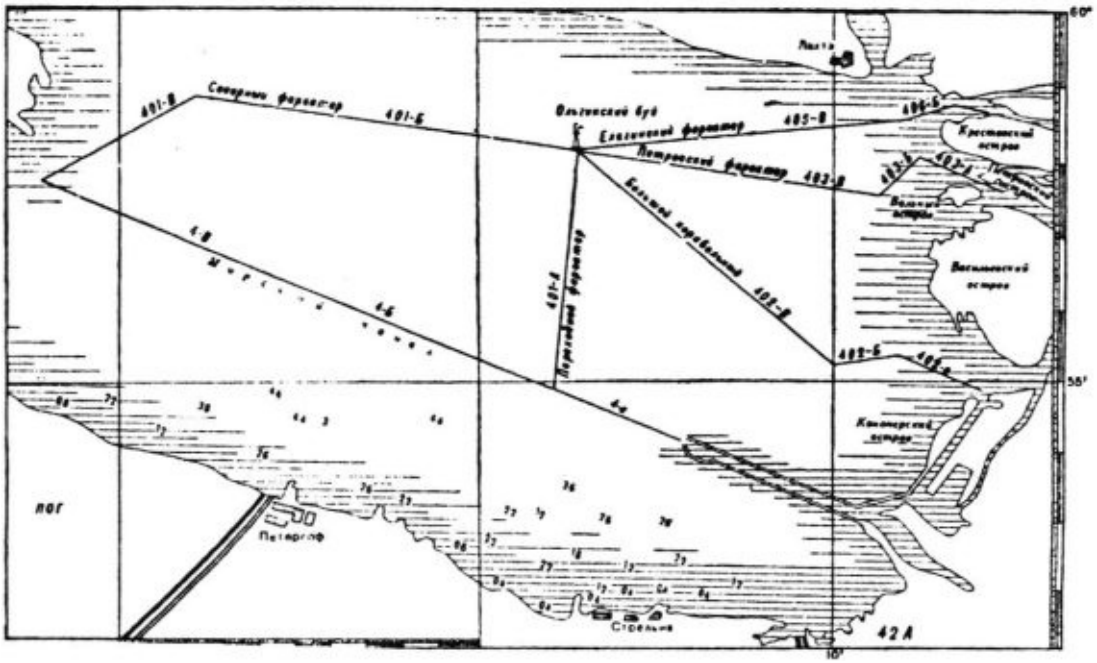
Три самолета У-2, вылетая поодиночке, с 0 ч. 10 мин. до 1 ч. 25 мин. 24 мая бомбардировали батареи противника, обстреливавшие Ленинград из районов Стрельны и Урицка. С 0 ч. 58 мин. до 1 ч. 18 мин. линкор «Марат» вел артиллерийский огонь по железнодорожному транспортеру, обстреливавшему Ленинград из района поселка Ижорка.

Железнодорожные батареи № 18, 1108, 1109, 1110, 1114, 1116, 1118, 1121 и две батареи Ижорского укрепленного сектора в период с 23 ч. 33 мин.23 мая до 3 ч. 30 мин. 24 мая и с 19 ч. 44 мин. до 20 ч. 44 мин. 24 мая вели огонь по батареям противника, обстреливавшим Ленинград из

районов населенных пунктов Ижорка, Стрельна, поселок Володарского, Новополье, Лесной Питомник, Новоселье и Владимирово.

24 мая в 18 ч. 30 мин. противник артиллерийским огнем вновь обстрелял Ленинград. В результате обстрела недостроенная подводная лодка Л-21 прямым попаданием снаряда в район шестого отсека была повреждена и кормой села на грунт.

31 мая какие-то слишком умные командиры решили использовать дальнобойную береговую артиллерию для… траления мин! Процитирую «Хронику…»: «С 21 ч. 40 м. до 22 ч. 50 м. батареи № 131 и № 152 Кронштадтского укрепленного сектора вели огонь по району Северного фарватера, загражденному минами противника с целью вызвать детонацию мин. Было запущено десять 152-мм и пять 120-мм снарядов. Взрывов мин нигде не наблюдалось». [45] **(Сх. 14)**

Фарватеры в Невской губе ка 1943 г.

В результате артиллерийского обстрела Ленинграда 31 мая подводные лодки Щ-305 и Щ-306 получили незначительные повреждения легкого корпуса; жертв не было. Железнодорожные батареи № 1108, 1109, 1110, 1115, 1116, 1117, 1118 и 1119 с 0 ч. 17 мин. до 0 ч. 47 мин., с 11 ч. 25 мин. до 16 ч. 22 мин. и с 22 ч. 27 мин. до 23 ч. 23 мин. вели огонь по батареям противника, обстреливавшим Ленинград из районов населенных пунктов Новоселье, Стрельна, Ижорка, Коркули, поселок Володарского, Лесной Питомник и Сосновая Поляна.

С конца мая 1942 г. германский 1-й воздушный флот проводил операцию «Лягушачья икра» – минирование фарватеров в районе

Ленинграда и Кронштадта. Для этого привлекались бомбардировщики Хе-111Н из авиагруппы KG.4. «Хенкели» появились со стороны Финляндии и шли на высоте 8000–1200 м.

2 июня с 0 ч. 05 мин. до 3 ч. 17 мин. в районе северных кронштадтских фортов 42–45 немецких самолета сбросили 39 мин, из которых шесть взорвались при падении. Самолеты сбросили на форт «Первомайский» 16 бомб, на форт «Красноармейский» – 11 бомб и четыре бомбы на Кронштадт. Одновременно самолеты обстреляли артиллерийским огнем мыс Лисий Нос, форт «Северный № 5» и Ленинградскую пристань в Кронштадте. В результате бомбардировки в Кронштадте были разрушены два дома, убиты четыре и ранены два человека.

Зенитные батареи и 45-мм артиллерия Кронштадтского укрепленного сектора вели огонь по немецким самолетам. Кроме того, с 0 ч. 10 мин. до 2 ч. 52 мин. пять наших истребителей И-153 и пять И-16 вылетали по тревоге для отражения налета на Кронштадт. Огнем зенитной артиллерии было сбито девять самолетов противника, а истребительной авиацией – три Хе-111.

На следующий день, 3 июня, налеты немцев на форт повторились. С 0 ч. 15 мин. до 1 ч. 50 мин. в районе северных кронштадтских фортов около 40 самолетов сбросили 39 мин. Из них две взорвались при падении в воду. Зенитная артиллерия фортов «Красноармейский», «Первомайский» и «Комсомольский» вели огонь по немецким самолетам, сбив при этом шесть машин. Одновременно с постановкой мин самолеты противника сбросили 35 бомб на форты «Красноармейский», «Первомайский», «Северный № 3» и «Комсомольский». Две бомбы упали на форт «Красноармейский» и повредили прожектор. Остальные бомбы упали в Финский залив.

Выдержка из журнала боевых действий 768-го тяжелого артиллерийского дивизиона резерва главнокомандования вермахта: «3.6.42. По случаю посещения двух высших финских артиллерийских офицеров вся артиллерия РГК произвела огневой налет по Кировскому заводу, в котором дивизион участвовал 40 выстрелами. В районе цели наблюдением отмечены сильные пожары и взрывы (пламя высотой 100 м) и долго державшиеся столбы дыма. После стрельбы начался меткий огонь из Ораниенбаумского котла по нашим ОП у КП 2-й батареи. Прямым попаданием разрушен блиндаж».

А вот как эти артналеты описаны в «Хронике…»: «С 17 ч. 24 м. до 17 ч. 48 м. свыше десяти неприятельских батарей произвели огневой налет на Ленинград. Противник обстреливал Торговый порт, Свердловский и Кировский районы города. Повреждений военных объектов и жертв не

было».

С 17 ч. 31 мин. до 18 ч. 04 мин. железнодорожные батареи № 1108, 1109, 1111, 1114, 1117, батарея № 343 Кронштадтского укрепленного сектора и 130-мм батарея без номера Ижорского укрепленного сектора вели огонь по батареям, обстреливавшим Ленинград из районов западнее поселков Володарского, Новоселья, Лесного Питомника, восточнее Новополья, Ижорки, южнее Коркуля и Марьино.

Артиллеристы-"умники" водились не только у нас, их германские коллеги тоже зря изнашивали каналы орудий. 3 июня «в течение суток противник из глубины обороны обстреливал агитационными снарядами передний край обороны 301-го артиллерийского дивизиона Ленинградской военно-морской базы». [46]

8 июня немцы в очередной раз проводили ночные авианалеты в рамках операции «Лягушачья икра». До тридцати самолетов типа Хе-111 с 0 ч. 32 мин. до 2 ч. 00 мин. сбросили 46 мин в районе северных фортов и на фарватере по створу Кронштадтских маяков и 34 бомбы на форты «Шанц» и «Комсомольский». Повреждений материальной части на фортах не было. Убиты двое и ранено шесть человек. Зенитной артиллерией сбиты два и подбит один Хе-111. [47]

Следует заметить, что повреждения фортов, отмеченные в «Хронике…», являются не столько следствием авиаударов, сколько результатом огня германской артиллерии, которая, взаимодействуя с авиацией, пыталась подавить огонь советских зенитных батарей.

С весны 1942 г. на форту «Шанц» [48] действовала радиолокационная станция РУС-2. К сожалению, у нее было несколько «мертвых зон», и отдельные вражеские самолеты проникали к Кронштадту необнаруженными.

14 июня немцы провели последний налет в ходе операции «Лягушачья икра». Вот как это отражено в «Хронике…»: "В период с 0 ч. 20 м. до 2 ч. 00 м. самолеты противника поставили 39 мин в районе северных фортов и по створу Кронштадтских маяков и сбросили девять бомб по северным фортам. Повреждений материальной части не было. Зенитной артиллерией было сбито три самолета.

В 0 ч. 50 м. в районе деревни Борки и в 1 ч. 05 м. на территории форта «Краснофлотский» самолетами противника было безрезультатно сброшено три бомбы". [49]

В тот же день железнодорожные батареи № 19, 1105, 1109, 1111, 1116 и 1121 с 2 ч. 05 мин. до 3 ч. 05 мин. вели огонь по аэродрому Красногвардейск, железнодорожной станции Красное Село, развилке

железных дорог в районе станции Урицк и по батарее противника в районе поселка Гуммолосары (западнее города Слуцк). Фактически Гатчинский аэродром обстреливала одна 180-мм железнодорожная батарея № 19. По данным авиационной разведки, был разрушен ангар. По германским данным, 54-я истребительная эскадрилья потеряла три самолета, включая два Ме-109F.

Всего с 29 мая по 14 июня 1942 г. бомбардировщики 1-го воздушного флота в рамках операции «Лягушачья икра» выполнили одиннадцать минно-постановочных налетов на район Кронштадта, совершив 316 самолето-вылетов. Советские посты ВНОС [50] зафиксировали падение 413 донных мин, из которых около трети взорвалось при падении на береговые отмели.

По советским данным, за этот период было сбито 75 германских самолетов, из которых 51 – зенитной артиллерией и 24 – истребительной авиацией.

По-прежнему весной-летом 1942 г. главную роль в контрбатарейной стрельбе в районе Ленинграда играла морская артиллерия. Тем не менее, постепенно активизировалась и армейская артиллерия. С весны 1942 г. в составе группы дальнего действия 42-й армии действовали уже два пушечных полка (14-й гвардейский а 73-й). Причем 14-й гвардейский армейский артиллерийский полк (командир полка майор Витте) был нацелен на урицкое направление, где группировались дальнобойные батареи противника, обстреливавшие город, а 73-й армейский артиллерийский полк (командир полка майор Гнидин) – на пулковское направление.

Были предприняты меры по повышению живучести артиллерии. В мае 1942 г. командующий артиллерией фронта издал специальную директиву, в которой потребовал, чтобы все орудия и их расчеты имели прочные укрытия, способные как минимум выдержать прямые попадания 75-мм снарядов. Выполняя эти указания, артиллерийские части только за оставшиеся шесть месяцев 1942 г. построили своими силами из подручных материалов более трех тысяч дотов для укрытия орудий. Особенно надежные и прочные укрытия строились в батареях, которые вели борьбу с артиллерией противника. Жилые землянки, построенные в районах огневых позиций, прикрывались в три-четыре наката бревен с каменной прослойкой. Для снарядов отрывались специальные погребки. Все эти элементы связывались между собой ходами сообщений. Огневые позиции батарей стали почти неуязвимы от артиллерийского огня противника.

В целом контрбатарейная борьба приняла более целеустремленный,

плановый характер и стала более активной. О характере этой борьбы можно судить по примеру боевой деятельности 14-го гвардейского армейского артиллерийского полка, который в мае 1942 г. провел 123 стрельбы на подавление батарей противника, израсходовав в общей сложности около 5200 снарядов. Из общего числа стрельб 72 стрельбы (58 %) велись одной батареей с расходом 8-12 снарядов на стрельбу и 22 стрельбы – двумя-тремя батареями с расходом 16–30 снарядов. Реже практиковались стрельбы в составе четырех-пяти батарей по одной цели, а всем своим составом полк стрелял за месяц только один раз (28 мая 1942 г. подавлял цель № 230).

Все эти стрельбы велись в основном по семи целям (батареям) противника – № 208, 224, 226, 230, 233, 243 и 247. Наибольшее число стрельб приходилось на цели: № 233 (двухорудийная 155-мм батарея) – 26 стрельб с расходом в 943 снаряда, № 226 (трехорудийная 150-мм батарея) – 17 стрельб, 1124 снаряда, № 230 (трехорудийная 150-мм батарея) – 15 стрельб, 1017 снарядов и № 224 (четырехорудийная 150-мм батарея) – 11 стрельб с расходом 741 снаряда.

Как правило, все эти стрельбы полк вел в ответ на обстрелы города противником, с прекращением обстрела прекращалась и стрельба наших батарей, поэтому стрельбы и проводились с небольшим расходом снарядов. Но имели место и стрельбы с более значительным расходом боеприпасов. Штаб артиллерии фронта начал планировать стрельбы на надежное подавление наиболее активных батарей с более высокой нормой подавления, близкой к уставным нормам или даже выше их. В частности, по приказанию командующего фронтом в мае было запланировано надежное подавление трех наиболее активных целей – № 230, 224 и 226.

Так, в мае 1942 г. "цель № 230 по специальному плану подавлялась дважды, не считая 13 стрельб в порядке нейтрализации. Первый раз, 8 мая, по ней было выпущено двумя батареями (14-й гвардейский армейский артиллерийский полк) 203 снаряда, но на следующий день она снова вела огонь. 15 мая цель № 230 подверглась подавлению вторично. На этот раз по цели вели стрельбу семь батарей, которые израсходовали 583 снаряда. В результате батарея противника более недели ничем себя не проявляла и лишь с 24 мая начала вести огонь одним орудием.

Цель № 224 подавлялась также два раза: 9 мая по ней было выпущено 253 снаряда. До 15 мая цель себя не проявила, но затем снова стала вести огонь по городу всеми четырьмя орудиями; тогда 21 мая она подавлялась пятью батареями 14-го гвардейского армейского артиллерийского полка и тремя батареями Краснознаменного Балтийского флота. Расход снарядов

составлял 0,6 от нормы Правил стрельбы. Но и на этот раз немецкая батарея не была подавлена, так как на следующий день она снова возобновила огонь по городу". [51]

Более удачные результаты были получены при подавлении цели № 226. Первый раз (8 мая) на ее подавление было израсходовано 230 снарядов (огонь вели три батареи 14-го гвардейского армейского артиллерийского полка), но она продолжала действовать. Стрельба велась с контролем взвода звуковой разведки. 28 мая по той же цели был сосредоточен огонь всего 14-го полка. Пристрелка велась с сопряженным наблюдением с четырех пунктов сопряженного наблюдения дивизионов. Контроль стрельбы производился измерительно-пристрелочным взводом (ИПВ) и взводом звуковой разведки (ВЗР). По цели было израсходовано 556 снарядов. После второго огневого налета в районе цели произошли три сильных взрыва. Однако с 1 июня цель новь начала действовать двумя орудиями.

Следует заметить, что помимо ежедневных стрельб на подавление немецких батарей и стрельб по другим целям по плану штаба артиллерии фронта, полк вел еще и беспокоящий огонь. В частности, 9 мая был составлен план ведения беспокоящего огня по целям № 224, 226, 230 и 233 на четверо суток с расходом 400 снарядов на все цели. Вторично 22 мая три батареи полка вели беспокоящий огонь (с 14 ч. 20 мин. до 19 ч. 10 мин.) по целям № 226, 233 и 243 с расходом восемь снарядов на цель.

Вот еще любопытное донесение: «На пулковском направлении удачную стрельбу по железнодорожному транспортеру [52] противника провел 73-й армейский артиллерийский полк. Выпустив 120 снарядов, полк нанес серьезное поражение транспортеру. В районе цели наблюдалось семь взрывов, причем один из них сопровождался черным дымом и паром, что давало основания полагать о повреждении паровоза». [53] Замечу от себя, что у немцев штатным тяговым средством у железнодорожных установок были не паровозы, а тепловозы.

С первых же дней активизации контрбатарейной борьбы противник вынужден был усилить огонь по нашим батареям, тратя на это большое количество снарядов. Так, если в феврале 1942 г. в полосе 42-й армии всего было восемь случаев обстрела огневых позиций наших батарей, то в марте только по боевым порядкам 14-го гвардейского армейского артиллерийского полка немцы открыли огонь 61 раз, выпустив 3172 снаряда. В последующие месяцы противник вел борьбу с нашей артиллерией также интенсивно. Этот факт указывает на то, что наша контрбатарейная борьба сильно досаждала противнику, и он был вынужден

отвлекать часть артиллерийских средств на борьбу с нашей артиллерией, мешавшей ему безнаказанно вести обстрел города. И, несмотря на это, количество выпускаемых снарядов по городу пока еще не уменьшалось. В феврале 1942 г. их было 2600, в марте – 3130, в апреле – 2620 и в мае – 2705.

Таблица 6 **Количество выпущенных противником снарядов при обстрелах районов Ленинграда в феврале-мае 1942 г** . [54]

Район города	Количество выпущенных снарядов по месяцам				Всего
	Февраль	Март	Апрель	Май	
Приморский	—	98	28	57	183
Выборгский	—	14	66	75	155
Красногвардейский	—	42	47	24	113
Петроградский	114	126	120	121	481
Свердловский	227	125	164	136	652
Василеостровский	52	13	70	40	175
Октябрьский	42	224	186	86	538
Куйбышевский	8	51	5	17	81
Дзержинский	38	40	2	51	131
Смольненский	16	40	17	18	91
Ленинский	356	423	223	206	1208
Фрунзенский	26	41	22	34	123
Кировский	1584	1732	1456	1665	6437
Московский	137	60	185	157	539
Володарский	—	101	29	18	148
Всего	**2600**	**3130**	**2620**	**2705**	**11055**
В том числе методом:					
а) огневых налетов	1600	1230	2600	2705	8135
б) беспокоящего огня	1000	1900	20	—	2920
Количество огневых налетов по городу	25	38	45	86	194
Число снарядов на один огневой налет	64	32	58	31	42

На основе этой таблицы в совершенно секретном издании «Артиллерия в оборонительных операциях Великой отечественной войны» делается вывод: «Обстрелу подвергались все районы города, а больше

всего Кировский район, где располагались многие огневые позиции наших батарей. Относительно равномерный обстрел жилых кварталов города показывает, что противник не искал каких-либо военных объектов, а преследовал цель деморализовать население Ленинграда. Правда, он уже более половины огневых ресурсов расходовал на обстрел огневых позиций нашей контрбатарейной группы. Это следует расценивать как одно из достижений наших контрбатарейщиков». [55]

Однако, анализ не только армейских, но и морских закрытых источников показывает, что не менее 80 % снарядов германской дальнобойной артиллерии выпускалось по военным объектам Ленинграда, включая военные заводы и верфи.

Весной и летом 1942 г. командование германской артиллерией изменило тактику обстрела Ленинграда. Если в феврале и марте противник значительную часть снарядов тратил на ведение беспокоящего огня, то в апреле и мае обстрелы города он вел только методом коротких огневых налетов, так как длительное ведение огня стало невозможным из-за быстрого ответного огня нашей артиллерии, вынуждавшего его прекращать начатую стрельбу до выполнения задания. Как видно из таблицы, в феврале противник произвел 25 огневых налетов по городу при среднем расходе 64 снаряда за один налет. В последующие месяцы количество огневых налетов возрастало и в мае достигло 86, а средний расход снарядов снизился до 31 выстрела на один налет. Ведение же беспокоящего огня совершенно прекратилось.

В июне 1942 г. интенсивность контрбатарейной стрельбы не ослабевала. В течение месяца 14-й гвардейский армейский артиллерийский полк провел 126 стрельб, преимущественно по дальнобойным батареям противника (в том числе 106 стрельб однобатарейныйх, 12 – двухбатарейных), израсходовав 3290 снарядов. Артиллерия Балтийского флота в том же месяце произвела 207 огневых налетов по батареям противника. И хотя огневые удары по батареям противника заметно усиливались, но они пока еще не давали ожидаемых командованием фронта результатов. Вот как оценивались эти стрельбы в отчете штаба артиллерии фронта за июнь 1942 г.

"Батареи Ленинградской группы КБФ вели контрбатарейную борьбу во взаимодействии с артиллерией армии, произведя за месяц 207 огневых налетов по 39 батареям противника. Обращает на себя внимание большое количество израсходованных в течение всего месяца боеприпасов по отдельным батареям при незначительных общих результатах. Так, например, по батареям № 243 было сделано в июне 40 огневых налетов при

среднем расходе на каждый налет по 10–12 снарядов 130-мм калибра. Однако батарея в течение всего месяца продолжала действовать. Точно такое же положение было и с батареями № 247, 208, 222, 223 и 207. [56] Короткие и маломощные огневые налеты по батареям противника обычно приводили батареи противника к молчанию, но на непродолжительный срок. Некоторые батареи подавлялись огневыми налетами с большой плотностью, близкой к единице, но все с теми же результатами. Остается предположить, что батареи противника имеют достаточно крепкие укрытия, не разрушаемые фугасными снарядами калибра 120–150 мм". [57]

Чтобы повысить эффективность контрбатарейной борьбы, командование фронта решило прибегнуть к комбинированным ударам артиллерии и авиации по наиболее активным и достоверно разведанным батареям противника. Такой удар впервые был нанесен еще в начале марта 1942 г., но так как артиллерийская группа дальнего действия 42-й армии, артиллерия Балтийского флота и группа самолетов-бомбардировщиков произвели удар не одновременно, то ожидаемого эффекта не получилось. Такие удары были нанесены в июле 1942 г. Но пока мы вернемся к контрбатарейным артиллерийским дуэлям июня-июля 1942 г.

Вот события одного дня обороны Ленинграда. Два самолета МБР-2 в период с 23 ч. 51 мин. 11 июня до 1 ч. 15 мин. 12 июня, обеспечивая переход наших кораблей в Кронштадт, сбрасывали бомбы на батареи противника в районе город Петергоф – город Урицк.

Батареи Кронштадтского укрепленного сектора № 343 и № 775 с 0 ч. 35 мин. до 0 ч. 47 мин. произвели огневой налет по батарее противника в районе парка Александрия.

Железнодорожная батарея № 1108 с 1 ч. 55 мин. до 2 ч. 15 мин. вела огонь по батарее противника юго-западнее Урицка и привела ее к молчанию.

Железнодорожная батарея № 1116 производила испытание беспламенных порохов с одновременным огневым налетом на позицию батареи противника, расположенную в районе поселка Володарского.

12 июня был проведен комбинированный авиационно-артиллерийский удар по германским аэродромам. Восемь бомбардировщиков ДБ-3, три бомбардировщика СБ и восемь штурмовиков Ил-2 атаковали аэродром Сиверская.

Железнодорожная батарея № 19 с 1 ч. 00 мин. до 1 ч. 09 мин. вела артиллерийский огонь по аэродрому Красногвардейск (Гатчина). Железнодорожные батареи № 1104, 1109, 1111, 1119 и 1121, обеспечивая эту стрельбу, с 1 ч. 00 мин. до 1 ч. 30 мин. вели огонь по районам города

Пушкина.

Германские артиллеристы по-прежнему стремились уничтожить корабли Балтийского флота, стоявшие в Ленинграде. Однако результаты их артогня были незначительные. Так, 16 июня на Неве (около порта) был потоплен буксир «Суворов». 26 июня от прямых попаданий снарядов возник пожар на плавбазе «Исеть», стоявшей на набережной Тучкова, и на тральщике № 55 «Буян» (у Тучкова моста).

27 июня в крейсер «Максим Горький», стоявший в Ленинграде, попал 150-мм снаряд. Повреждена надстройка, выведены из строя 100-мм пушка Б-34 и 37-мм автомат 70К. В тот же день получили повреждения буксир «Антаж» и подводная лодка РЕДО. Замечу, что РЕДО – это уникальная подводная лодка с единым двигателем в корпусе малой лодки XII серии. Испытания велись с 1938 г., а с началом войны лодку законсервировали.

В тот же день, 27 июня, железнодорожная батарея № 1115 с 16 ч. 00 мин. до 17 ч. 31 мин., а железнодорожная батарея № 19 с 22 ч. 05 мин. до 22 ч. 15 мин. производили пристрелку по тяжелой (210-мм) батарее противника, стрелявшей днем по Ленинграду из района поселка Стрельна. Железнодорожные батареи № 19, 1115 и 1122 с 23 ч. 00 мин. до 23 ч. 03 мин. произвели огневой налет по той же батарее противника. В результате налета был отмечен большой взрыв в районе неприятельской батареи. Железнодорожная батарея № 1108 с 23 ч. 10 мин. до 23 ч. 16 мин. и с 23 ч. 42 мин. до 23 ч. 58 мин. вела огонь по батарее противника, обстреливавшей огневые позиции наших батарей из района поселка Володарского.

Летом 1942 г. активизировались германские и финские железнодорожные установки. Наши железнодорожные установки систематически проводили с ними артиллерийские дуэли. 2 июля железнодорожная батарея № 1110 с 20 ч. 16 мин. до 20 ч. 46 мин. вела огонь по бронепоезду противника в районе поселка Павловское. Бронепоезд вынужден был уйти из этого района. Та же батарея с 20 ч. 54 мин. до 21 ч. 06 мин. артиллерийским огнем привела к молчанию батарею противника, обстреливавшую огневую позицию железнодорожной батареи № 1118 из района поселка Володарского.

В тот же день железнодорожная батарея № 121 Кронштадтского укрепленного сектора с 22 ч. 28 мин. до 22 ч. 31 мин. вела огонь по поезду противника в районе станции Келломяки. Замечу, что наши артиллеристы весьма смутно разбирались в железнодорожных установках противника и очень часто именовали их бронепоездами или поездами.

В первых числа июля командование Ленинградского фронта решило

покончить с наиболее досаждавшими германскими батареями – № 236 (в районе поселка Стрельна), № 233 (в районе поселка Сосновая Поляна) и № 243 (в районе поселка Володарского). Эти батареи в период с 15 июня по 2 июля обстреливали город в общей сложности 30 раз (в том числе батарея № 233 – 12 раз и батарея № 243 – 6 раз). По этим батареям должны были действовать ВВС Балтийского флота и армейская авиация.

Перед нанесением авиаударов артиллерия Ленинградского фронта должна была подавлять артиллерийские батареи противника, прекращая огонь за 10 минут до установленного планом срока начала удара авиации и открывая его вновь через 10 минут после нанесения этого удара. 8 июля перед штурмовым ударом авиации огонь по неприятельским батареям должна была вести артиллерия Балтийского флота.

По цели № 233 вел огонь 14-й гвардейский армейский артиллерийский полк с задачей «надежного подавления». Восемь батарей полка израсходовали 533 снаряда. В районе цели наблюдались пожары в двух местах, но с 6 июня батарея противника вновь начала вести огонь по городу с прежней огневой позиции. До конца июня по этой цели было проведено еще 20 стрельб на нейтрализацию с общим расходом около 700 снарядов.

По каждой из других батарей (цели № 236 и № 243) в июне 1942 г. было проведено также по 20 стрельб на нейтрализацию с общим расходом до 260 снарядов на каждую цель, но они продолжали действовать.

Поражение батарей № 233 и № 236 возлагалось на группу дальнего действия 42-й армии, а батареи № 243 – на артиллерию Балтийского флота, в обоих случаях совместно с авиацией. На поражение цели № 233 (шестиорудийная 150-мм батарея) [58] выделялось 12 орудий с расходом 400 снарядов в два огневых налета по 10 минут каждый и на цель № 236 (трехорудийная 155-мм батарея) – 10 орудий (из них четыре 203-мм) с расходом 300 снарядов в таком же порядке, что и по цели № 233. Двенадцать орудий КБФ на поражение батареи № 243 израсходовали 500 снарядов при таком же порядке обстрела, какой предусматривался и по предыдущим целям.

Разработанный план был выполнен полностью. 5 июля с 14 ч. 30 мин. до 15 ч. 00 мин. наша артиллерия (две батареи 14-го гвардейского армейского артиллерийского полка, две батареи 541-го гаубичного артиллерийского полка и батарея 48-го артиллерийского полка 13-й стрелковой дивизии) открыли огонь по резервам противника в районах Стрельны, поселка Володарского, Константиновки и Финское Койрово, израсходовав всего 115 снарядов 152-мм и 30 снарядов 76-мм калибра.

В 15 часов шесть 152-мм и четыре 203-мм орудия произвели первый огневой налет по цели № 236. Второй огневой налет последовал также в назначенное время. По батарее противника было выпущено 86 снарядов калибра 203 мм и 175 снарядов калибра 152 мм (всего 261 снаряд). Штурмовые удары авиации были произведены по плану. С наблюдательных пунктов 14-го гвардейского армейского артиллерийского полка в районе батареи № 236 наблюдались три очага больших пожаров.

На следующий день, 6 июля, как и было запланировано, последовал удар по батарее № 233. Первый огневой налет произвели 7-я, 8-я и 9-я батареи 14-го гвардейского армейского артиллерийского полка (три 152-мм и два 203-мм орудия) по первому взводу цели № 233, а 10-я батарея этого полка и приданная ему 203-мм батарея 73-го армейского артиллерийского полка – по второму взводу цели № 233, после чего последние две батареи сосредоточили огонь по третьему взводу цели № 233. Второй огневой налет был дан сначала по третьему взводу цели № 233, затем 7-я, 8-я и 9-я батареи перенесли огонь на первый взвод, а две другие батареи – на второй взвод цели № 233. Штурмовые удары авиации производились перед артиллерийскими огневыми налетами. На поражение 233-й батареи 14-й гвардейский армейский артиллерийский полк израсходовал 306 снарядов 152-мм и 87 снарядов 203-мм калибра (всего 393 снаряда). В районе цели в течение 30 минут наблюдались сильные взрывы.

8 июля железнодорожные батареи № 19, 1121, 1114, 1115, 1116 и 1118 с 18 ч. 00 мин. до 18 ч. 10 мин. и с 18 ч. 45 мин. до 18 ч. 55 мин. произвели два массированных огневых налета по батареям противника в районе поселка Володарского (цель № 243). В результате стрельбы наших батарей были отмечены три взрыва и пожар непосредственно в районе вражеских батарей.

Увы, ни бомбардировки, ни артобстрелы не привели к уничтожению этих трех батарей. В уже упомянутом издании «Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны» говорится: «Однако и на этот раз, несмотря на тщательную организацию этого удара, ни огонь артиллерии, ни штурмовые удары авиации не дали желаемых результатов, так как уже на следующий день подвергшиеся такому удару батареи противника снова вели огонь по Ленинграду». [59]

Тем не менее, интенсивность обстрелов Ленинграда снизилась. В июле 1942 г., когда немцы выпустили по городу 2010 снарядов, наступил заметный спад в обстрелах города. В августе по Ленинграду было выпущено всего лишь 712 снарядов, в сентябре – 926. В октябре противник несколько усилил обстрел города и выпустил 1486 снарядов, главным

образом по южным окраинам Кировского и Московского районов, где группировалась наша артиллерия. В центральных районах города отмечено падение только 130 снарядов. В ноябре по городу было выпущено 1182 снаряда и в декабре – 1383 снаряда, то есть в два-три раза меньше, чем в зимние и весенние месяцы 1942 г.

Глава 10 Кто же стрелял по Ленинграду?

Самое любопытное, что за 64 года, прошедшие с момента снятия блокады Ленинграда, наши официальные военные историки так и не сумели выяснить, сколько и каких типов орудий в обстрелах города за два с половиной года.

После войны, в 1945–1948 гг., в СССР было выпущено несколько секретных справочников по артиллерии и боеприпасам германской армии. Их данные по полевой артиллерии вермахта достаточно полны и точны и даже могут служить «руководством службы» по десяткам артсистем. Но исчерпывающая информация заканчивается 21-см мортирой обр. 18. [60] Дальше в отношении орудий большой и особой мощности начинается «детский лепет на лужайке».

Еще менее информированными являются секретные издания 1950-1960-х годов, обобщающие опыт Великой Отечественной войны, как, например, «Советская артиллерия в Великой Отечественной войне в 1941–1945 гг.» под редакцией Г.Ф. Одинцова (Москва: Воениздат, 1960) и т. д.

Увы, и в изданиях второй половины 1970-х годов, как, например, труд Ю.Г. Перечнева «Советская береговая артиллерия» (Москва: Наука, 1976), уровень познаний не изменился.

Понять и объяснить подобное весьма сложно. Ведь под Ленинградом в январе 1944 г. трофеями Красной Армии по официальным данным стали 85 тяжелых орудий вермахта. Многие десятки орудий большой и особой мощности были захвачены в 1945 г. на территории Германии.

Осенью 1945 г. в Тюрингии советской администрацией была организована «Артиллерийско-минометная группа в Германии». Возглавлял группу инженер-майор Борис Житков. Группа подчинялась Наркомату (а с 1946 г. – Министерству) вооружений.

Увы, нашим генералам артиллерии было недосуг читать труды группы. Когда автор весьма хитрым путем добрался до этой документации, то синьки и листы во многих местах склеены, большие листы были переплетены так, что читать их невозможно и т. д. Создавалось впечатление, что я, грешный, был их первым читателем с 1946–1947 гг.

С помощью западной литературы и различных закрытых отечественных документов мне удалось выпустить несколько изданий, где говорится о германской тяжелой артиллерии, в том числе «Бог войны Третьего рейха» (Москва: АСТ, 2003). Однако точного перечня германских

артиллерийских частей под Ленинградом мне составить не удалось. Поэтому попробуем обобщить имеющуюся информацию.

Вот, к примеру, данные совершенно секретной книги «Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны». Там на странице 66 говорится о красносельском (самом важном!) направлении: «В январе 1942 г. на этом направлении, по данным штаба артиллерии фронта, у немцев действовало всего лишь 10 дальнобойных орудий, в апреле – 32, а к концу года уже 138, в том числе 240-мм – 4, 210-мм – 8, 170-, 180-мм – 23, 150-мм – 95 и 105-мм – 8». [61]

Далее говорится: "В ходе операции по прорыву блокады Ленинграда и последовавшей затем Красноборско-Смердынской операции наших войск немцам пришлось снять значительную часть дальнобойной артиллерии с красносельского направления и перебросить ее на правый фланг, где их войска терпели поражение. Это в значительной мере облегчило положение самого Ленинграда, так как, по разведывательным данным штаба артиллерии фронта на 12 февраля 1943 г., на красносельском направлении действовало всего лишь 34 дальнобойных орудия. Со стабилизацией линии фронта в районе Ладожского озера немцы снова стали усиливать красносельское направление. К 1 марта здесь уже стало действовать 44 дальнобойных орудия, а в мае число таких орудий возросло до 112. По Ленинграду немцы стали вести огонь не только из района Беззаботного, как это делалось раньше, но и из других районов. В частности, в апреле были отмечены случаи стрельбы по городу 210-, 240-мм орудий из районов д. Новая, Пендолово, Красногвардейск. Кроме того, на участках железной дороги Пушкин – Красногвардейск и Слуцк – Лисино активно действовали три железнодорожных транспортера противника, вооруженные 240-мм орудиями.

По оценке штаба артиллерии Ленинградского фронта, к 10 мая 1943 г. противник имел в полосе фронта 300 артиллерийских батарей, группировавшихся по направлениям, указанным в таблице. На красносельском направлении было сосредоточено наибольшее число батарей артиллерии усиления.

Таблица 7 **Группировка артиллерии противника и артиллерии Ленинградского фронта на 10 мая 1943 г.**

Направления	Фронт (км)	Количество батарей у противника			Количество батарей Ленинградского фронта			
		дивизионной артиллерии	артиллерии усиления	всего	дивизионной артиллерии	артиллерии усиления	всего	в т.ч. в группах дальнего действия
Карельское (23 А)	76	36	18	54	30	31	61	15
Приморское (ПОГ)	75	24	6	30	28	25	53	—
Красносельское (42 А)	32	36	36	72	38	109	147	45
Ульяновское (55 А)	30	48	35	83	56	86	142	27
Синявинское (2 уд. А)	20	36	25	61	53	84	137	33
Всего		180	120	300	205	335	540	120

Примечание. Количество наших батарей в ПОГ указывается без учета береговой артиллерии на побережье". [62]

К октябрю 1943 г. советское командование считало, что под Ленинградом у немцев находится 247 тяжелых орудий. В том числе:

– урицко-володарская группировка, насчитывавшая в своем составе до пяти дивизионов при 53 орудиях (в том числе 10,5-см орудий – 9, 15-см – 29, 15,5-см – 6, 20,3-см 3 и 22-см – 7);

– беззаботнинско-настоловская группировка в составе четырех дивизионов, в том числе трех дивизионов артиллерии большой мощности. Всего в группировке было 26 орудий (15-см – 5, 17-см – 7, 20,3-см – 3, 21-см – 9, 24-см – 1 и 28-см – 2);

– финско-койровская группировка в составе одного полка дивизионной артиллерии при 36 орудиях (10,5-см – 24, 15-см – 12);

– талликоловско-ханноловская группировка в составе двух дивизионов дивизионной артиллерии и двух дивизионов резерва главного командования при 48 орудиях (в том числе 10,5-см – 18, 15-см – 20, 17-см – 5, 22-см – 2 и 24-см – 3);

– пушкинско-слуцкая группировка в составе четырех дивизионов дивизионной артиллерии и четырех дивизионов резерва главного командования, имевших в общей сложности 72 орудия (10,5-см – 31, 15-см – 35 и 22-см – 6);

– анноловско-федоровская группировка в составе одного дивизиона при 12 орудиях (10,5-см – 5, 15-см – 5, 21-см – 1 и 24-см – 1).

По данным Ю.Г. Перечнева, в начале 1942 г. произошло дальнейшее усиление артиллерийской группировки противника под Ленинградом. В ее состав вошли новейшие образцы орудий калибром 150-, 170-, 210-, 240-мм. Немецкая артиллерия была сведена в несколько крупных групп и действовала с позиций, удаленных от линии фронта на 15–20 км. Со второй половины года, когда была переброшена тяжелая артиллерия из-под

Севастополя, появились 220– и 420-мм мортиры, 400-мм гаубицы, железнодорожные транспортеры с 210– и 240-мм орудиями, 177-мм французские пушки.

Прокомментируем эти данные, восходящие, надо заметить, к 1946 г.

Самым мощным орудием немцев, стрелявшим по Ленинграду, была 52 cm H(E)-871(f) – французская трофейная 520-мм гаубица. (80-см установка «Дора» по Ленинграду не стреляла, и о ней мы поговорим позже).

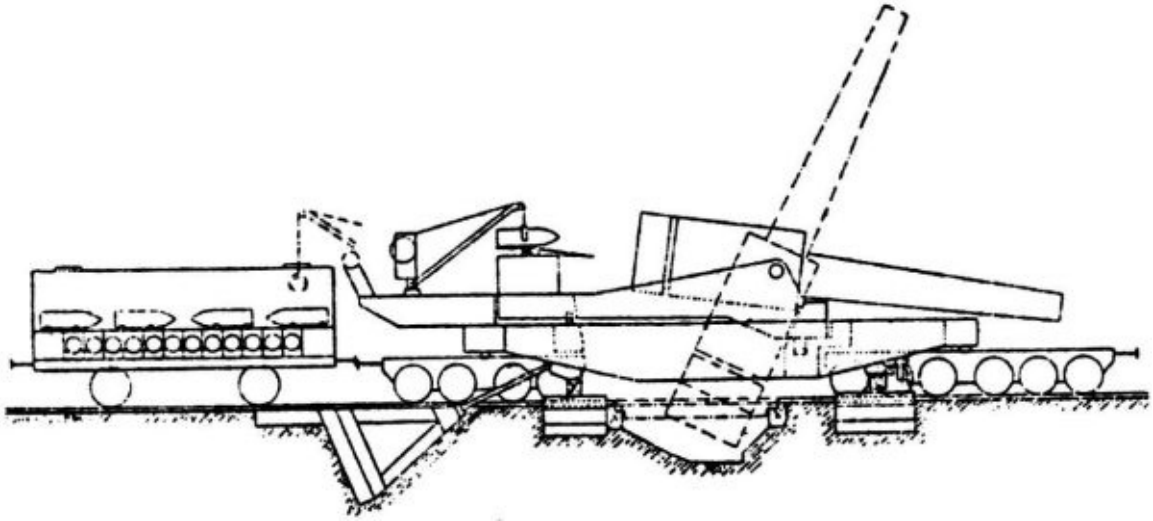
52 cm H(E)-871(f) – это самая мощная французская железнодорожная 520-мм гаубица М 18. Длина ствола ее 8350/16 мм/клб. Затвор поршневой. Вес ствола 44 тонны. Угол вертикального наведения +20°; +60°, горизонтальное наведение отсутствовало. Приводы наведения ручные. Противооткатные устройства состояли из четырех гидравлических тормозов отката и двух пневматических накатников. Вертикальное и горизонтальное наведение осуществлялось вручную. Длина отката 945 мм. Главная рама помещалась на балансирах на двух парных четырехосных тележках.

В боевом положении на железнодорожные рельсы укладывалась стальная площадка, на которую опиралось семь опор, прикрепленных к главной раме. Пять этих опор находились под главной рамой и по одной – под каждым балансиром тележек, которые для этого оттягивались вниз.
Вес всей системы 260 тонн, а длина 30,38 м. Скорострельность 1 выстрел в 5 минут. Заряд переменный. Заряжание картузное.

Таблица 8 **Таблица стрельбы 52-см гаубицы**

Тип снаряда	Вес снаряда, кг	Начальная скорость, м/с	Дальность, км
Фугасная граната	1370	500	17,5
Фугасная граната	1420	500	18,0
Бетонобойный снаряд	1654	450	15,6

Гаубица 52 cm H(E)-871(f) участвовала в обстрелах Ленинграда и в январе 1944 г. в поврежденном виде была захвачена Красной Армией. В составе железнодорожных батарей № 693 и № 696 под Ленинградом было использовано шесть трофейных железнодорожных установок калибра 400 мм. 40 cm H(E)-752(f) представляла собой 400-мм французскую железнодорожную гаубицу обр. 1915/16 г. Ствол для гаубицы был взят от 340-мм корабельной пушки обр. 1887 года и рассверлен до калибра 400 мм, причем, часть стволов была рассверлена до калибра 415 мм, но такие установки немцами, видимо, не использовались. Гаубицы поставили на железнодорожные транспортеры в 1916 г. на заводе Сен-Шамон. **(Сх. 15)**

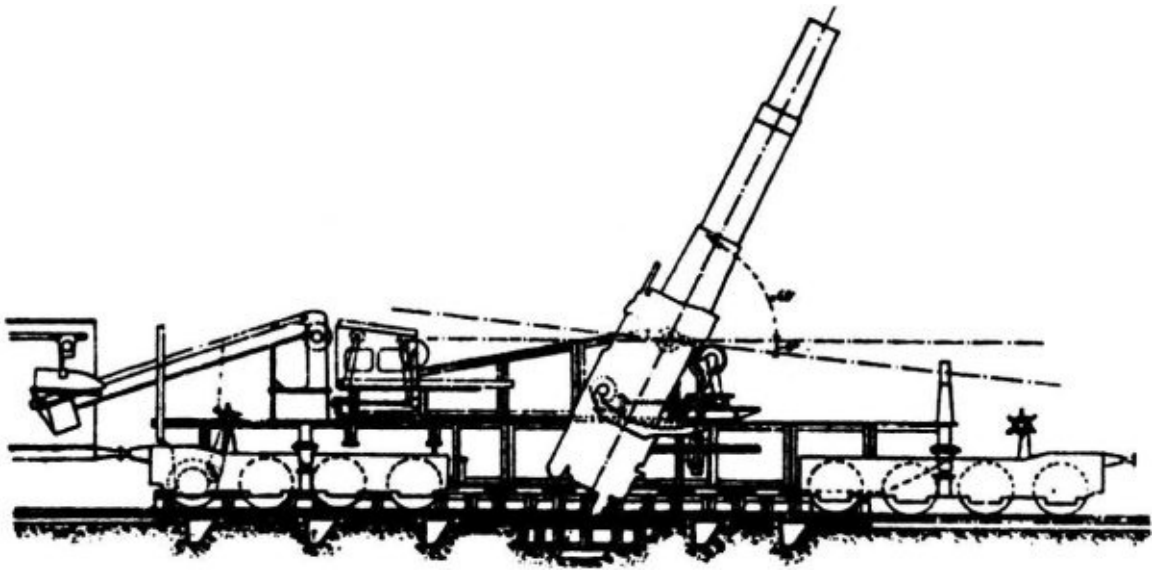

40-см гаубица М1915/16 на железнодорожном транспортере

Длина ствола 10650/25,5 мм/клб, вес ствола 47,5 тонн. Угол вертикального наведения +15°; +65°, угол горизонтального наведения 12°. Транспортер имел две пятиосные железнодорожные тележки. Вес всей установки 140 тонн. Расчет 17 человек. Скорострельность 1 выстрел за 5 минут.

В боекомплект гаубицы входили фугасные и бетонобойные снаряды. Вес фугасной гранаты 614 кг, длина 1674/4,2 мм/клб, вес взрывчатого вещества 80,6 кг. При начальной скорости гранаты 530 м/с дальность стрельбы составляла 16 км. Бетонобойный снаряд весил 900 кг и имел дальность 14,6 км.

В составе железнодорожной батареи № 459 имелось две трофейные 370-мм французские гаубицы М1915. В вермахте их именовали 37 cm H(E)-711(f). Стволы у гаубиц были взяты от старых 305-мм корабельных пушек – их обрезали с 49,6 клб до 26,6 клб, а канал был расточен с 305 до 370 мм. Стрельба велась фугасными снарядами весом 516 кг с начальной скоростью 535 м/с и дальностью стрельбы 16,4 км. **(Сх. 16)**

Огневая позиция 37-см гаубицы M1915

Угол вертикального наведения от +45° до +65°. Вес установки 127,5 т. Стрельба могла вестись только со специально подготовленной позиции, время подготовки не менее 10 часов. Угол горизонтального наведения с позиции – 12°.

На вооружении 698-й батареи состояли две установки 28 cm K5(E). 28-см пушка K5(E) предназначалась для сверхдальней стрельбы, для решения задач, решаемых в наше время оперативно-тактическими ракетами от «Точки» до 8К14. Достичь этого со стволом обычной конструкции и обычными снарядами с медными поясками было очень сложно. Поэтому германские конструкторы создали для K5(E) несколько принципиально новых типов стволов и снарядов.

Первые образцы стволов предназначались для стрельбы снарядами с готовыми выступами и имели 12 глубоких нарезов (глубина 6,75 мм). Ширина нарезов 15,88 мм, крутизна постоянная 5,5°.

Из таких стволов стреляли 28-см гранатами Gr.35 длиной 1276/4,5 мм/клб и весом 255 кг. Снаряды имели 12 готовых выступов на корпусе. Снаряд содержал 29,3 кг взрывчатого вещества. При заряде весом 175 кг начальная скорость составляла 1130 м/с, а дальность 62,4 км.

В ходе войны немцы создали для K5(E) активно-реактивный снаряд с дальностью стрельбы 87 км, а затем подкалиберный снаряд с дальностью 160 км. К счастью для ленинградцев, такие снаряды на Восточном фронте немцы не использовали.

Для придания K5(E) кругового обстрела установка заводилась на поворотную платформу длиной около 30 м. Платформа вращалась на катках по круговым рельсам. Платформа, разобранная на 16 секций, и устройство

для их сборки возились вместе с орудийной установкой. Для перевозки одного орудия со средствами обеспечения требовалось два железнодорожных состава. Тепловозы с составами могли развивать скорость до 60 км/ч.

Рассказ о других железнодорожных установках превратит книгу в справочник по артиллерии. Поэтому я лишь перечислю их. Это 340-мм французская пушка 34 cm K(E)-674(f) завода Сен-Шамон. При весе снаряда 432 кг дальность стрельбы составляла 44,5 км.

28-см пушка «Короткий Бруно» (28 cm Kz.Br.K.(E)) была первой железнодорожной установкой, изготовленной фирмой Круппа после Первой мировой войны. Сдача установок началась в 1936 г. В установке использовался ствол от морской 28-см пушки SKL/40. Такие пушки стояли на броненосцах «Шлезиен» и «Шлезвиг-Гольштейн».

28-см пушка «Длинный Бруно» (28 cm lg.Br.K(E)) изготавливалась фирмой Круппа и «Ганомаг» в 1936–1938 гг. Ствол пушки был взят от корабельной 28-см пушки SKL/45, которыми в годы Первой мировой войны были вооружены линкоры типа «Нассау» и линейный крейсер «Фон дер Танн».

У обеих 28-см установок имелась система двойного отката. Транспортер имел две пятиосные железнодорожные тележки. Установка вращалась на поворотном круге «Vugele», перевозимом вместе с орудием.

Из возимых артсистем Ленинград обстреливали пушки калибра 150–240 мм. Самой мощной и дальнобойной была 24-см пушка K(t) производства фирмы «Шкода». Ее снаряд весом 198 кг летел на 30 км. Под Ленинградом находилось три таких орудия.

В обстрелах города участвовало восемь-девять 210-мм пушек Круппа 21 cm K.38 и 21 cm K39/40, входивших в составе 768-го и 515-го артиллерийских дивизионов. Их фугасные снаряды весом 135 кг имели максимальную дальность 34 км.

В 680-м и 84-м артдивизионах состояло около десяти 17-см пушек обр. 18 на мортирном лафете (17 cm K.Mrs.Laf). Эта пушка представляла собой одно из лучших орудий Второй мировой войны. Возка 17-см пушки осуществлялась раздельно с помощью тягача Sd.Kfz.8. Для перевода орудия из походного положения в боевое или обратно расчету из 15 номеров требовалось около 30 минут. На короткое расстояние пушку K.Mrs.Laf. можно было перевозить со стволом, наложенным на лафет, со скоростью 4–6 км/ч. Дальность стрельбы 68-кг фугасным снарядом составляла 29,5 км. Такого сочетания баллистики и мобильности не было ни у нас, ни у союзников.

Среди орудий 15-см калибра стоит отметить германские буксируемые пушки 15 cm K39, 15 cm K16 и 15 cm C/28. Последнее орудие представляет собой 15-см ствол корабельной пушки SKC/28, наложенный на мортирный лафет. Дальность стрельбы этих трех пушек около 25 км.

Кроме того, под Ленинградом использовались 32 трофейные французские 155-мм пушки: 15 cm K416(f) и 15,5 cm K418(f). Дальность их стрельбы составляла 16–19 км.

Все перечисленные пушки находились на вооружении вермахта. Кроме того, кригсмарине доставил под Ленинград несколько своих орудия, самым мощным из которых была 28-см корабельная пушка SKL/45. Две такие пушки немцы в 1942 г. демонтировали на своей батарее «Принц Генрих» и доставили на побережье Финского залива в 8 км южнее Знаменки. В строй батарея вступила к лету 1943 г. Эти пушки вели огонь 284-кг фугасными снарядами на дальность до 36,1 км.

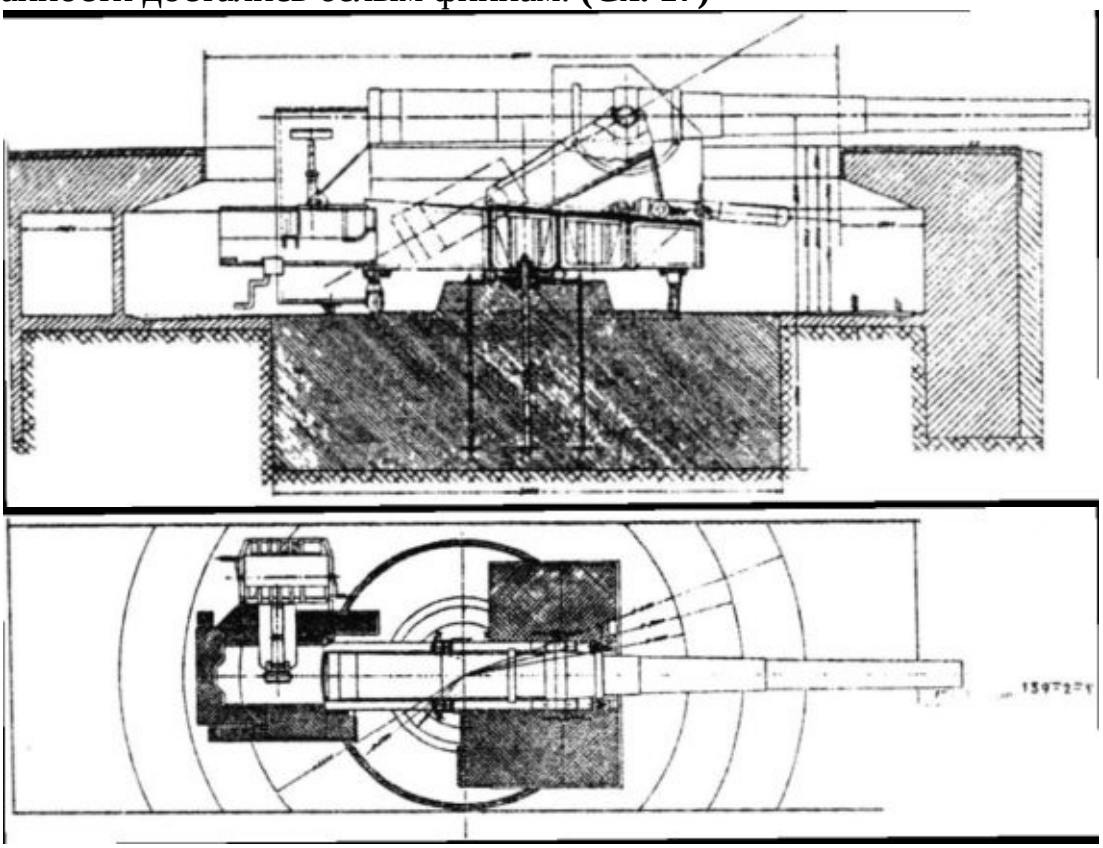
А теперь перейдем к орудиям навесного огня – мортирам и гаубицам. На 1 января 1944 г. в артиллерии усиления 18-й армии насчитывалось (без учета 150-мм тяжелых гаубиц) мортир и гаубиц большой и особой мощности: 36 – 210-мм немецкого и 35 – 220-мм французского, пять 305-мм и пять 240-мм чехословацкого производства. Плюс четыре трофейные 203-мм советские гаубицы Б-4. Кроме того, в течение октября – декабря по причине отсутствия боезапаса или расстрела стволов в тыл были отведены: 420-мм мортира «Гамма» (в ноябре), 420-мм гаубица 42-cm H(t) (в октябре), три 355-мм гаубицы M1, несколько (6?) 305-мм (до октября) и четыре 240-мм чешские гаубицы H.39.

А стреляли ли по Ленинграду финны? Нет! – во весь голос заявляют наши историки, а экскурсоводы с большим удовольствием показывают нам таблички на ленинградских улицах с надписью «Эта сторона наиболее опасна при обстреле». Мол, палили только немцы, а добродушные финны принципиально не хотели стрелять в направлении Ленинграда. Да и дальнобойной артиллерии у них не было, – утверждают весьма компетентные историки.

Любопытно, почему и как с финского берега залива на дистанцию 21–23 км велся огонь по форту «Красная Горка» и другим фортам, острову Котлин, району Лисьего Носа и т. п.? Эти многочисленные обстрелы подтверждены целым рядом свидетельств. Да и дальнобойные пушки у финнов были.

Не будем забывать, что еще Александр I называл Финляндию «крепкой подушкой Петербурга». И к 1917 г. все северное побережье Финского залива от Аландских островов до Выборга было буквально усеяно

русскими береговыми батареями. Всего свыше 150 дальнобойных орудий калибра 305, 254, 234, 203, 152 и 130 мм. Практически все они в целости и сохранности достались белым финнам. **(Сх. 17)**

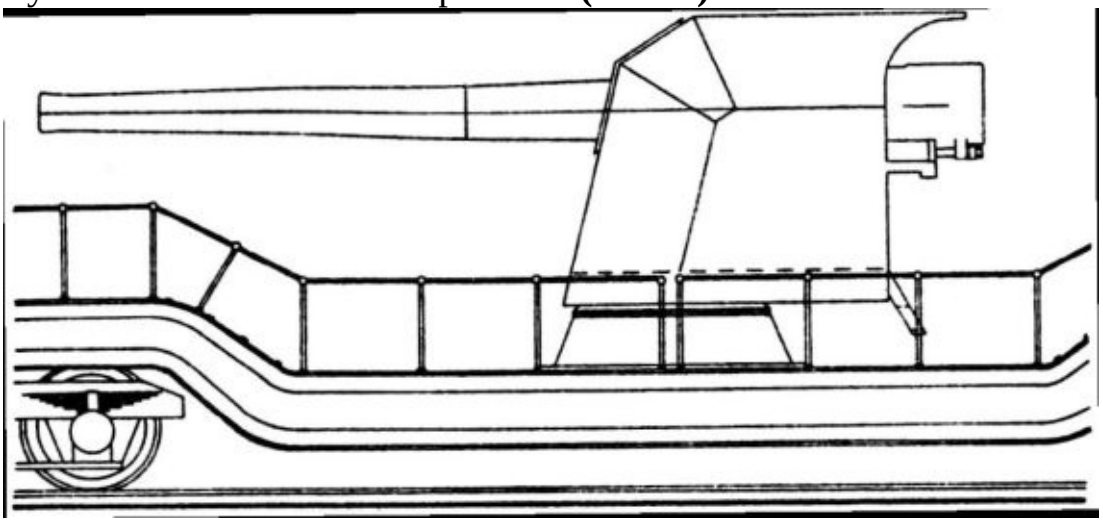
10-дм орудия А.Ф. Бринка на лафете Р.А. Дурляхера, смонтированное на острове Куйвасаари.

После 1918 г. финны получали тяжелые орудия из Швеции, Германии, Англии и Франции. Так, к примеру, немцы предоставили им 211-мм полевые мортиры, а Франция в 1940 г. – восемь стволов 305/52-мм пушек с линкора «Император Александр III», который в 1920 г. Врангель угнал в Бизерту. В 1940 г. англичане доставили в Финляндию семь 152/46-мм дальнобойных пушек MK.VII.

К 22 июня 1941 г. большинство тяжелых стационарных морских орудий находилось на батареях береговой обороны Финляндии, и они, естественно, не могли доставать до Кронштадта и Ленинграда, поскольку в марте 1940 г. граница на Карельском перешейке была отодвинута на многие десятки километров.

Однако с началом войны несколько тяжелых орудий до 254-мм калибра включительно были установлены финнами в полуразрушенном форте «Ино». Оттуда они обстреливали остров Котлин, форты «Красная Горка», «Обручев» («Красногвардейский»), «Тотлебен» («Первомайский») и др.

Наибольшую же опасность для Ленинграда и Кронштадта представляли собой финские железнодорожные установки. Несколько 152/45-мм пушек Кане были поставлены финнами на железнодорожные транспортеры. У финнов пушки Кане стреляли на дальность 20 км. В 1940 г. были разработаны проекты установки семи 152/46-мм английских пушек МК.VII на четырехосные железнодорожные транспортеры. На оборудование такого транспортера в Гражданскую войну у белых и красных и в 1941 г. в Ленинграде уходило не более месяца. Но финны что-то темнят. Они утверждают, что пушки МК.VIII стреляли в 1941 г. по Ханко, а что было с ними после эвакуации полуострова в ноябре 1941 г.? Что, пушки МК.VII в запас отправили? **(Сх. 18)**

152/45-мм железнодорожная установка финнов

В июле 1941 г. на Карельском перешейке произошла поистине детективная история – финны захватили там два 180-мм железнодорожных транспортера ТМ-1-180, три вагона-погреба, около 310 снарядов и 270 зарядов, несколько вагонов и паровоз.

Почему же история детективная? Да наши военные до сих пор (2008 г.!) не признались в утере оных 180-мм транспортеров. Мало того, даже в совершенно секретных изданиях нет никаких упоминаний о деятельности 180-мм 12-й и 18-й железнодорожных батарей на Карельском перешейке летом 1941 г. Первое упоминание в «Хронике…» о действии 180-мм железнодорожных орудий относится к 5 августа 1941 г., когда они вели огонь по немцам в районе реки Луга, в районах Муравейно, Лычно (3 км северо-западнее Сабска).

Но злодеи-финны опубликовали даже номера стволов захваченных 180-мм пушек – № 86 и № 102. Косвенным подтверждением правоты финнов служит факт, что в ряде сообщений первых месяцев войны о 12-й и

18-й батареях речь идет всего о трех транспортерах при их штатном количестве в батарее – четыре. Так, по 12-й батарее подобные данные появляются уже в июле 1941 г.

22 сентября 1941 г. «испорченный» 180-мм ствол № 102 был отправлен в ремонт на финский государственный завод VVT.

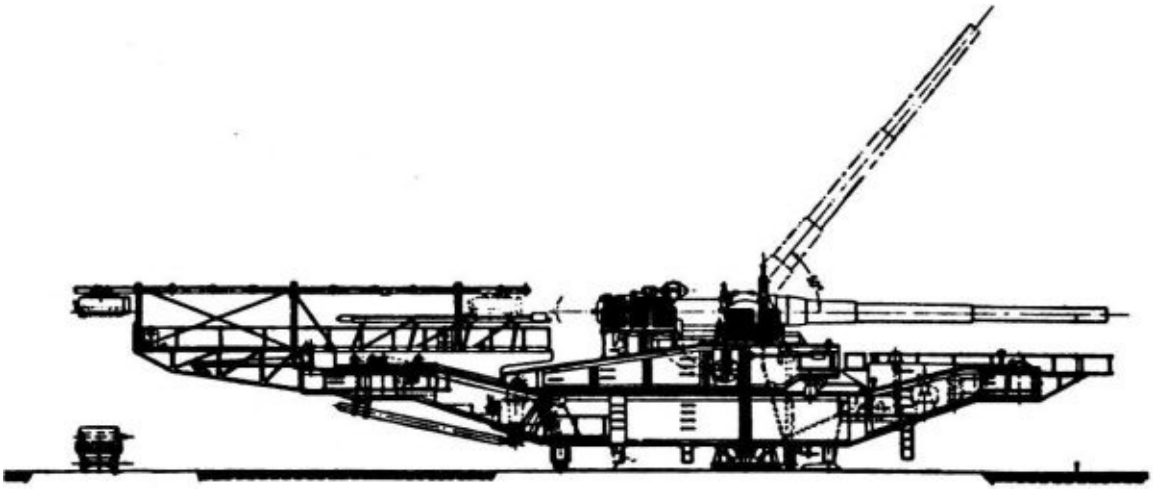
Из транспортеров ТМ-1-180 (у финнов они получили название 180/57 NRaut) была сформирована 1-я железнодорожная батарея, позже вошедшая в состав отдельного 2-го полка береговой атриллерии (RTR 2) и действовавшая, по крайней мере, по июнь 1944 г. на участке Выборг – Койвисто – Терийоки. В районе Яппиля – Ино было несколько оборудованных позиций. Командированные с завода VVT специалисты к концу сентября 1941 г. отремонтировали небольшие повреждения ствола № 86, и ствол был опробован стрельбой для измерения начальной скорости снаряда. Были получены данные по предельной дальности стрельбы в 34,5-37,7 км.

Финские железнодорожные установки обычно действовали в районе железнодорожных станций Куоккала и Оллила (ныне Репино и Солнечное). Оттуда 180-мм пушки могли обстреливать большую часть Ленинграда, а 152-мм установки Кане доставали до Ольгино и Старой деревни.

Первоначально 1-я железнодорожная батарея была одноорудийной, но 25 декабря 1941 г. из VVT прибыла отремонтированная вторая железнодорожная установка.

А теперь перейдем ко второй детективной истории.

В ноябре 1941 г. при оставлении Ханко наши отцы-командиры доложили, что они взорвали три 305-мм установки из ТМ-3-12 9-й железнодорожной батареи и четыре 180-мм установки ТМ-1-180 из 17-й железнодорожной батареи. На самом деле все эти установки были выведены из строя частично и подлежали восстановлению. 180-мм железнодорожные транспортеры были немедленно отправлены финнами с Ханко в ремонт на государственный артиллерийский завод в Ювяскюля, где и были произведены основные работы по восстановлению советских транспортеров. **(Сх. 19)**

305/52-мм железнодорожная установка ТМ-3-12 на бетонном основании

Ювяксюльский артиллерийский завод был построен в рамках военной программы Финляндии перед самой Зимней войной. Его цеха были вырублены в монолитной скале в 300–400 км севернее Хельсинки. Торжественное открытие завода состоялось 27 февраля 1939 г.

Кроме того в работах по восстановлению 180-мм железнодорожных установок принимало участие государственное предприятие Пассили в Хельсинки. В то время это была ремонтно-механическая мастерская Государственных железных дорог Финляндии. Общее же руководство работами по восстановлению трофейных артсистем осуществлял штаб военно-морских сил. И уже через месяц – в декабре 1941 г. – первые установки ТМ-1-180 были введены в строй. После Янова дня (в середине лета 1942 г.) из ремонта вышел второй транспортер, а 28 октября – третий.

С ноября 1941 г. финские 180-мм железнодорожные установки из районо Куоккала и Оллила несколько раз вели огонь неизвестным целям – Кронштадт, Ленинград? Послевоенные финские историки утверждают, что их железнодорожные установки получили приказ расстрелять линкор «Марат». Да вот беда, на линкоре этого-то и не заметили.

Известно лишь, что 28 декабря 1941 г. 180-мм финские орудия произвели восемь выстрелов по форту «Риф», как мы помним, это западная оконечность острова Котлин.

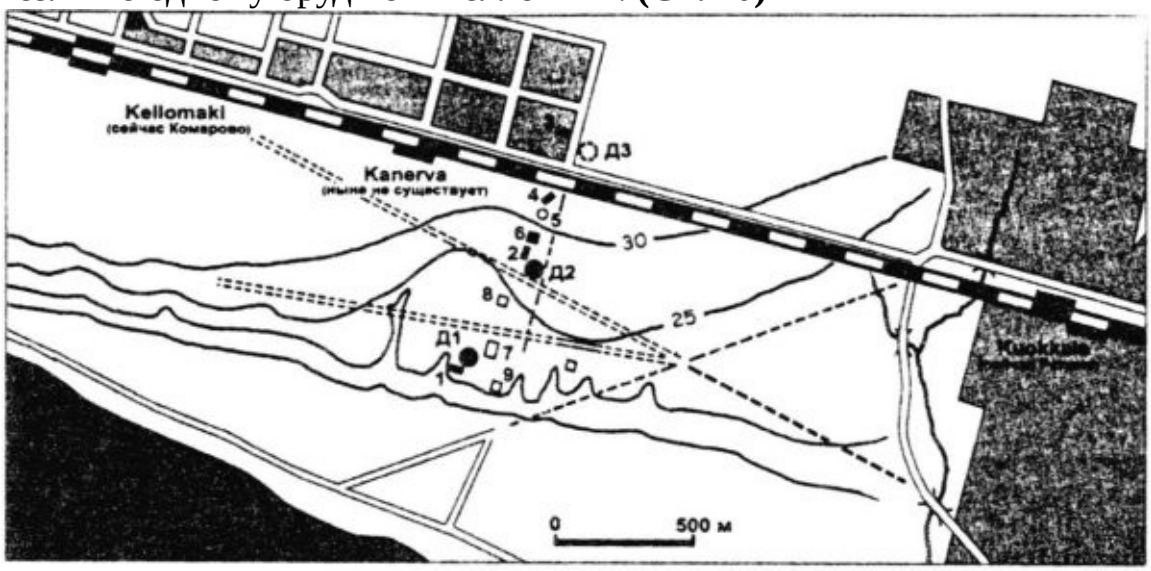
Далее финны утверждают: 1 мая 1942 г. они вновь обстреляли форт «Риф», выпустив по нему 27 снарядов. Любопытно, что об этом говорит наша совершенно секретная «Хроника…». Цитирую: «Противник артиллерийским огнем обстреливал Кронштадтский форты „Р“ и „П“, на которых было убито трое и ранено восемь человек. На двух зенитных батареях фортов были повреждены орудие и дальномер». [63]

Напомню, что форт «Р» – это «Риф», а форт «П» – это «Тотлебен». Понятно, что по «Тотлебену», находившемуся почти у финского берега и скрытого от немцев островом Котлин, немцам было стрелять сложно, да и особой нужды не было.

Как видим, здесь и далее в советской секретной документации финны фигурировали под безликим названием «противник», ну а в открытых изданиях 1950-1980-х годов эти эпизоды с финнами вообще отсутствуют.

Ну а кроме обстрела «Рифа» чем занимались финские железнодорожные установки? На позициях они находились и что там делали? Загорали?

Кроме железнодорожных установок в деревне Келломяки (ныне Комарово) финны в декабре 1941 г. устроили секретную батарею 254/45-мм орудий системы Обуховского завода. Дальность стрельбы 235-кг снарядом составляла 29,5 км. Поначалу там находилось одно 10-дюймовое орудие, но 4 июля 1942 г. морские силы получили приказ сделать батарею трехорудийной. В июле с береговых батарей Катаялуото и Рюсякари перевезли по одному орудию в Келломяки. **(Сх. 20)**

Финская 10-дм батарея у деревни Келломяки на Карельском перешейке. 1942–1944 гг. Д1, Д2 – обнаруженные орудийные дворики; Д3 – предположительное место третьего дворика; 1,2.3, 4,6 – легкие бетонные казематированные сооружения; 5,7,8,9 – земляные сооружения и фундаменты для деревянных построек. (Рис. С. Малахова, С. Воробьева.)

Наконец, в 1943 г. финны ввели в строй три 305-мм железнодорожных транспортера ТМ-1-12, захваченные на Ханко. К концу лета 1943 г. из них сформировали 3-ю Железнодорожную батарею. Любопытно, что для них финны изготовили сверхдальние 320-кг снаряды, которые при начальной

скорости 950 м/с могли лететь на дальность 50–52 км. Такие снаряды могли поражать не только восточные окраины Ленинграда и НИМАП, но даже долетать до Колпино. Риторический вопрос, зачем такие снаряды были нужны финнам?

Финские историки упорно утверждают, что финские 305-мм железнодорожные установки так и не были задействованы в боях.

Сейчас финские историки и некоторые наши либералы доказывают, что де Маннергейм спас Ленинград – город, где он провел свою молодость. Увы, факты говорят об обратном. Так, маршал согласился на переименование Ленинграда в Неваллинну. К тому времени финны уже переименовали Петрозаводск в Яанислунну, а Олонец – в Ауниксенлинну. А вот член правительства, лидер социал-демократической (!?) партии Таннер придерживался иного мнения. Он заявил, что «в Питере никакой полиции не потребуется – город будет стерт с лица земли».

В 1942 г. премьер Рюти провел новую границу Финляндии по реке Неве, Ладожскому озеру, далее – южнее Вологды и до Урала.

Финский историк О. Антила проговорился: «Финская артиллерия уже в начале сентября 1941 г. передавала Ленинграду „привет“ из корпусных орудий, но достать до города не могла». [64]

Меньше всего мне хочется представлять финнов кровожадными персонажами. На войне как на войне, только потом врать не надо. Кстати, были и другие финны. Так, по данным финских историков, только в Карельской армии в августе 1941 г. дезертировало 135 человек, в сентябре – 210, в октябре – 445. На реке Свири части 5-й и 17-й пехотных дивизий отказались идти в атаку. Так что желание воевать за границу до Урала было далеко не у всех. С осени 1941 г. в самой Финляндии ширилось партизанское движение «Лесной гвардии» – недовольных режимом людей и дезертиров.

А есть ли конкретные доказательства стрельбы финнов по Ленинграду? Тут мне хочется провести сравнение с авианалетами финской авиации на город. Финны редко бомбили Ленинград, но не из-за своего миролюбия и гуманности, а из-за малочисленности своей авиации. А главное она на 90 % состояла из поставленных Англией и США машин и трофейных советских самолетов. И разобрать, где финские, а где советские машины отечественного производства или ленд-лизовские, летчикам люфтваффе было крайне сложно. Чтобы избежать боестолкновений германских и финских самолетов, командование люфтваффе потребовало, чтобы финны летали не далее 10 км от своей линии фронта.

Соответственно, у немцев было во много раз больше дальнобойных

орудий, и действие немногочисленных финских пушек оставалось незаметным, тем более что войсковые начальники все стрельбы именовали неприятельскими.

Известен случай, когда финский снаряд попал в бомбоубежище больницы им. Куйбышева. Траектория падения некоторых снарядов (например, почти точно вдоль улицы Жуковского, то есть с запада на восток) казались необычными по сравнению с траекториями подавляющего большинства снарядов германской артиллерии.

Попробуем расшифровать и материалы из «Хроники…»: 7 марта 1942 г. «противник обстрелял артиллерийским огнем Ленинград и ледовую дорогу в районе северных фортов». [65]

Это чья работа? Немцев? По ледовой дороге у северных фортов палить, а не по Ленинграду?

А вот «Хроника…» от 24 февраля 1943 г.: «Батарея № 130 (130-мм) Кронштадтского укрепленного сектора с 14 ч. 38 м. до 14 ч. 40 м. обстреляла бронепоезд противника в районе форта Ино». [66]

Как уже говорилось, наши артиллеристы под «бронепоездами» немцев и финнов подразумевали железнодорожные артустановки. А огонь открывался в подавляющем числе случаев по стрелявшим установкам противника.

А вот хроника от 3 апреля 1943 г.: «Батарея № 153 (100-мм) с 12 ч. 30 м. до 12 ч. 43 м. обстреляла неприятельский бронепоезд в районе станции Райяйоки. Батарея № 111 (120-мм) с 17 ч. 10 м. до 18 ч. 10 м. вела огонь по вражескому эшелону в том же районе. Эшелон и бронепоезд скрылись». [67]

Эшелон – это «поезд-база» железнодорожных артустановок с боеприпасами.

Эти два эпизода я взял наугад. В «Хронике…» описаны артиллерийских десятки дуэлей наших береговых батарей с «бронепоездами» противника в районе станции Оллила.

Подводя итоги, можно сказать, что действительно, обстрелы финской артиллерии Ленинграда не сыграли существенной роли. Но они были, и это не вычеркнуть нашим «неподкупным» СМИ.

Всего на форты Кронштадтской крепости и на северные пригороды Ленинграда финская артиллерия обрушила многие тысячи снарядов. Кстати, после войны и Лисий Нос, и Ольгино, да и Кронштадт вошли в состав города Ленинграда.

Следует подчеркнуть, что скудность информации об обстрелах Ленинграда связана в первую очередь с боязнью германских и финских

генералов и офицеров военного суда победителей. Не будем лукавить, советские суды имели более чем предвзятое отношение к германским военнопленным. Так, летчик-истребитель Эрих Хартман, попав в наш плен, ляпнул, что сбил 247 советских самолетов. Военным преступником его наши прокуроры назвать не решились, но дали 15 лет за «порчу социалистической собственности». Вернулся Хартман в ФРГ лишь в 1955 г. А за обстрелы Ленинграда могли и повесить. Посему артиллерийские начальники, ответственные за стрельбу по Ленинграду, предпочитали помалкивать на допросах у союзников. Документы же старательно уничтожались.

Советские же историки после войны не желали портить отношения с финнами. Особо подробно не выяснялась и роль отдельных германских артобстрелов. Кроме того, число уничтоженных и поврежденных зданий Ленинграда было существенно завышено советской стороной. Понятно тут не до уточнения деталей. А уж выяснять, чьими снарядами были разрушены дворцы Петергофа, Царского Села, Гатчины, Павловска, Михайловки, Стрельны, Знаменки и т. д., было «себе дороже».

Глава 11 Артиллерийская поддержка наступления Ленинградского фронта в августе-октябре 1942 г

В ночь на 12 июля 1942 г. эсминцы «Грозящий», «Страшный» и канонерская лодка «Красное Знамя» перешли из Ленинграда в Кронштадт. Переход кораблей прикрывался дымовыми завесами с самолетов и катеров, а также обеспечивался с воздуха истребителями. На переходе корабли попали под артиллерийский огонь финнов с южного берега Финского залива, в результате чего канонерская лодка «Красное Знамя» получила два прямых попадания. Были повреждены механизмы, палуба и корпус. Уклоняясь от артиллерийского огня, канонерка отошла от фарватера к северу и села на мель, но около 5 часов утра была снята с мели и перешла в Кронштадт.

Железнодорожные батареи № 19, 1108, 1111, 1114, 1115, 1116, 1117 и 1118, батареи Кронштадтского укрепленного сектора № 343, 775, 152 и 177 и батарея № 319 Ижорского укрепленного сектора обеспечивали переход кораблей на коммуникации Ленинград – Кронштадт, ведя огонь по батареям немцев, стрелявшим по нашим кораблям из районов поселков Володарского, Ижорка, Знаменка, Поэзия и парка Александрия.

Самолеты-истребители, прикрывая переход наших кораблей из Ленинграда в Кронштадт, нанесли бомбардировочно-штурмовой удар по батареям противника в районе город Петергоф – поселок Стрельна.

Одновременно финская артиллерия открыла интенсивный огонь по пристани Лисий Нос. В результате двух попаданий в пирс был потоплен мотобот «Штурвал» и еще один мотобот поврежден, ранено два человека.

13 июля Ленинградский фронт при участии ВВС и артиллерия КБФ начал подготовку комплексной артиллерийско-авиационной операции по уничтожению дальнобойной артиллерийской батареи немцев, обстреливавшей Ленинград из района западнее поселка Володарского. Для этого командующий ВВС флота образовал штурмовую группу в составе пяти самолетов Ил-2 57-го штурмового авиационного полка, шести самолетов Як-1 21-го истребительного авиационного полка и шести самолетов И-16 71-го истребительного авиационного полка. Самолеты Ил-2 должны были нанести штурмовой удар по дальнобойной батарее противника, самолеты Як-1 – прикрывать штурмовые действия самолетов

Ил-2, а самолеты И-16 – подавить огневые точки зенитной артиллерии и зенитных пулеметов в районе цели. Удар должен был быть нанесен 14 июля 1942 г. в период между 8 ч. 05 мин. и 8 ч. 20 мин. Артиллерия КБФ получила приказание произвести огневой налет по батарее противника, прекратив его за 10 минут до установленного планом времени начала авиационного штурмовой атаки.

В ночь на 14 июля железнодорожные батареи № 1108 и 1115 и батарея № 343 Кронштадтского укрепленного сектора с 0 ч. 02 мин. до 1 ч. 04 мин. вели огонь по батареям, обстреливавшим наши корабли на переходе Ленинград – Кронштадт из районов населенный пунктов Луизино, Ижорка и Знаменка.

Утром Ленинградский фронт при участии артиллерии береговой обороны и авиации флота провел совместную операцию по разрушению артиллерийских батарей противника, систематически обстреливавших Ленинград. Железнодорожные батареи № 19, 1115, 1111 и 1122 с 6 ч. 30 мин. до 7 ч. 15 мин. произвели пристрелку репера, а с 8 ч. 00 мин. до 8 ч. 10 мин. и с 8 ч. 45 мин. до 8 ч. 55 мин. – два массированных огневых налета по дальнобойной батарее немцев в районе западнее поселка Володарского. В 9 ч. 14 мин. четыре самолета Ил-2 под прикрытием истребителей нанесли бомбово-штурмовой удар по той же батарее в районе поселка Володарского. Были сброшены шестнадцать авиабомб ФАБ-100. Разрывы бомб наблюдались между орудиями. Огневая позиция батареи противника была обстреляна с самолетов пушечно-пулеметным огнем и реактивными снарядами. Пять самолетов И-16 подавлением огневых точек противника обеспечивали действия самолетов Ил-2. Самолеты штурмовали зенитную батарею в районе поселка Сосновая Поляна.

15 июля германская и финская артиллерия интенсивно обстреливала Ленинград, Ораниенбаум и мыс Лисий Нос. От прямого попадания артиллерийского снаряда затонул плашкоут № 3 с боезапасом.

В этот день железнодорожные батареи № 1109, 1112 и 1114 и батареи № 153, 343 и 776 Кронштадтского укрепленного сектора вели огонь по батареям противника в районах парта Александрии, поселка Стрельны и деревни Захожье. Батарея № 138 Кронштадтского укрепленного сектора обстреляла финский поезд в районе станции Тюрисевя (имеется ввиду, видимо, современная станция Ушаково).

17 июля командование Ленинградского фронта и Балтийского флота решило провести с 17 по 20 июля авиационно-артиллерийскую операцию по уничтожению дальнобойных артиллерийских батарей противника, обстреливавших Ленинград. Была сформирована штурмовая группа в

составе шести самолетов Ил-2 57-го штурмового авиационного полка, восьми самолетов Як-1 21-го истребительного авиационного полка и шести самолетов И-16 4-го гвардейского истребительного авиационного полка. Штурмовая группа должна была нанести штурмовые удары по немецкой батарее № 236 в районе Стрельны 17 июля с 18 ч. 00 мин. до 18 ч. 15 мин., по батарее № 234 в районе поселка Володарского 18 июля с 6 ч. 35 мин. до 6 ч. 50 мин., по батарее № 274 в районе Стрельны 20 июля с 7 ч.00 мин. до 7 ч. 15 мин. и по батарее № 222 в районе западнее поселка Ижорка тоже 20 июля с 18 ч. 00 мин. до 18 ч. 15 мин. Артиллерия флота должна была вести огонь по батарее № 222 только 20 июля в период с 17 ч. 35 мин. до 17 ч. 40 мин. и с 18 ч. 45 мин. до 18 ч. 55 мин. Но плохая погода помешала выполнению этого плана 17 июля.

18 июля противник в течение дня дважды обстреливал Ленинград. В результате обстрела подводная лодка М-77 получила незначительные повреждения надстройки.

Назначенный на 18 июля налет штурмовой группы ВВС Балтийского флота на дальнобойные батареи противника, обстреливавшие Ленинград, не состоялся, поскольку авиация флота из-за неблагоприятных метеорологических условий боевых действий не вела.

Железнодорожные батареи № 1109, 1111 и 1118, батареи № 343 и № 153 Кронштадтского укрепленного сектора и одна батарея Ижорского укрепленного сектора вели огонь по батареям противника, находившимся в районах поселков Володарского и Стрельна, парка Александрия, поселков Знаменка и Луизино. Батарея № 598 Ленинградской ВМБ вела огонь по батарее противника в районе поселка Степановка. Железнодорожная батарея № 1109 вела огонь по железнодорожному составу на станции Красное Село. [68]

20 июля стрелковая дивизия 42-й армии начала наступление в районе поселка Старо-Паново и города Урицка. Дивизия имела задачу овладеть восточной окраиной Старо-Паново и закрепиться на восточном берегу реки Дудергофка.

В течение дня эсминец «Славный», железнодорожные батареи № 19, 1107, 1108, 1109, 1110, 1111, 1114, 1116, 1117, 1120, 1121, 1122 и две батареи Ижорского укрепленного сектора вели огонь по батареям, узлам сопротивления, скоплениям живой силы и подходившим резервам противника в районах поселка Володарского, поселка Стрельна и населенных пунктов Коркули, Ижорка, Урицк, Поэзия, Заводы, Новополье, Сосновка, Красное Село, Дудергоф, Мурьела и Гостилицы. Железнодорожная батарея № 19 вела огонь еще и по железнодорожной

станции Гатчина-Товарная.

В течение 21 июля артиллерия Балтийского флота продолжала оказывать огневую поддержку наступавшим частям 42-й армии. Линкор «Октябрьская Революция», железнодорожные батареи № 18, 19, 1107, 1108, 1109, 1110, 1111, 1115, 1116, 1118, 1120 и 1121 и батареи Кронштадтского укрепленного сектора № 343 и № 777 вели предупредительный огонь и систематически подавляли батареи противника в районах населенных пунктов: поселок Володарского, Стрельна, западнее Ижорки и Финское Койрово. Кроме того, батареи вели огонь по скоплениям автомашин (до 150 автомашин с грузами и пехотой) в районе города Красное Село и по дороге Красное Село – поселок Володарского. Наши артиллеристы уничтожили до 40 автомашин, а остальные машины не смогли пробиться к поселку Володарского и были вынуждены повернуть обратно.

Батарея № 598 Ленинградской ВМБ вела огонь по бронепоезду (?) противника в районе восточнее поселка Ивановское. Огонь бронепоезда был подавлен.

С 21 ч. 48 мин. до 22 ч. 18 мин. железнодорожная батарея № 1111 вела огонь по скоплению резервов финнов в районе города Териоки. Было отмечено четыре прямых попадания в здания, в которых укрывался противник.

В ночь на 23 июля финны артиллерийским огнем обстреливали батарею № 343 и мыс Лисий Нос. На батарее был ранен один человек. Днем противник (финны?) обстреливал Ленинград. Военные объекты повреждений не имели.

Железнодорожная батарея № 18 и батарея Кронштадтского укрепленного сектора № 111, взаимодействуя с частями 23-й армии, вели огонь по живой силе и автоколонне финнов в районе поселка Новый Алакюль. Было рассеяно и частично уничтожено до батальона пехоты и уничтожено несколько автомашин и повозок.

Три батареи Ижорского укрепленного сектора, взаимодействуя с частями Приморской оперативной группы, рассеяли две автоколонны немцев в районе поселка Костино и восточнее станции Новый Петергоф, а также привели к молчанию батарею противника в районе юго-западнее поселка Гостилицы.

Железнодорожные батареи № 1108, 1109, 1110, 1111, 1114, 1116 и 1117 и батареи Кронштадтского укрепленного сектора № 775 и 777, продолжая взаимодействовать с наступавшими частями 42-й армии, систематически подавляли батареи противника в районах населенных пунктов Лесной Питомник, поселок Володарского, Владимирово, Сосновая Поляна и

восточнее города Красное Село. Батареи рассеяли и частично уничтожили мотомехколонну и четыре обоза противника в районах города Красное Село, слободы Павловская и поселка Владимировка.

В тот же день, 23 июля, стрелковая дивизия 55-й армии начала наступление в районе Нутролово и Ям-Ижора. Наступление было поддержано огнем эсминца «Строгий», железнодорожных батарей № 19, 1104, 1105, 1106, 1107 и 1112 и батареи № 5999 Ленинградской ВМБ. Они подавляли батареи противника, обстреливавшие боевые порядки наших частей из районов городов Пушкина и Слуцка, поселка София, юго-восточнее станции Поповка, северо-западнее станции Саблино и населенного пункта Воскресенское, а также подавляли шестиорудийную противотанковую батарею в районе поселка Ям-Ижора.

Всего с 20 по 23 июля 1942 г. морская артиллерия провела 157 стрельб, выпустив 2005 снарядов крупного и среднего калибра.

26 июля эсминцы «Строгий» и «Стройный», канонерские лодки «Ока» и «Сестрорецк», железнодорожные батареи № 11, 19, 1104, 1105, 1106, 1107, 1108, 1112, 1114, 1115, 1116, 1117, 1118, 1120, 1121 и 1122, 180-мм батарея НИМАПа, батареи Кронштадтского укрепленного сектора № 775 и 777 и батарея Ижорского укрепленного сектора № 319 в честь дня Военно-морского флота произвели массированный огневой налет по железнодорожным станциям, штабам, складам, тыловым учреждениям и батареям немцев в районах города Слуцк, станции Павловск, поселков Пязелево, Антропшино, Ульяновка, станции Саблино, станции Мга, поселков Володарского и Стрельна, городов Дудергоф, Красное Село и населенных пунктов Степановка, Павлово, Никольское, Мустолово, Владимирово и Ижорка.

В этот день батареи Кронштадтского укрепленного сектора № 112, 121 и 155, взаимодействуя с частями 23-й армии, рассеяли скопление финской пехоты в районе города Териоки и южнее поселка Келломяки и вели огонь по батареям и блиндажам финнов в районе поселка Оллила.

В течение всего дня 30 июля железнодорожные батареи № 19, 1108, 1109, 1110, 1111, 1114, 1115, 1116 и батарея Ленинградской ВМБ № 600 оказывали огневую поддержку наступательной операции 21-й стрелковой дивизии 42-й армии. Они систематически подавляли батареи немцев, которые вели огонь по боевым порядкам частей 42-й армии из районов поселков Володарского и Стрельна, деревень Новоселье и Финское Койрово и города Красное Село. Те же батареи вели огонь по узлам сопротивления противника в районах города Урицка, завода Пишмаш (в этом месте сейчас китайцы строят комплекс «Балтийская жемчужина»),

поселка Мурьела и Пиккола и по железнодорожному составу с боеприпасами в районе слободы Павловской. Были отмечены прямые попадания в железнодорожный состав и последовавшие затем взрывы боезапаса.

С 8 ч. 32 мин. до 8 ч. 50 мин. батарея № 600 Ленинградской ВМБ, а с 9 ч. 15 мин. до 11 ч. 45 мин. железнодорожная батарея № 1112 вели огонь по аэростату противника западнее деревни Захожье, заставив его снизиться.

Стрелковая дивизия 55-й армии 2 августа начала наступление на Ям-Ижорском направлении с задачей выбить противника из сильно укрепленного им населенного пункта Ям-Ижора. К исходу дня немцы оставили Ям-Ижору и отошли на новый рубеж обороны.

С 6 ч. 45 мин. до 18 ч. 52 мин. эсминцы «Стройный» и «Строгий», канонерские лодки «Зея», «Ока» и «Сестрорецк» и железнодорожные батареи № 1104, 1105, 1106 и 1107, оказывая огневую поддержку наступательным действиям частей 55-й армии, систематически подавляли батареи противника, которые вели огонь по боевым порядкам наших частей из районов населенных пунктов Пушкин, Слуцк, Рождественно, станции Поповка, Захожье, Красный Бор, Кошелево, Песчанка и Феклистово. Всего за это время было израсходовано для обеспечения действий частей 55-й армии 526 130-мм снарядов.

В тот же день с 13 ч. 30 мин. до 23 ч. 17 мин. железнодорожные батареи № 1108, 1109, 1110, 1111, 1114, 1116, 1117, 1120 и 1121 и батарея Кронштадтского укрепленного сектора № 775, оказывая огневую поддержку действиям частей 42-й армии, систематически подавляли батареи противника в районах поселков Володарского, Новоселье, Константиновка, Владимирово и Стрельна, рассеяли около роты немцев у станции Лигово и скопление живой силы у города Урицка, а также вели огонь по вражеским танкам в районе Урицка и поселка Финское Койрово. Всего было израсходовано при поддержке частей 42-й армии 386 снарядов калибром от 100 до 152 мм.

Всего с 20 июля по 9 августа морская артиллерия провела 329 стрельб и израсходовала 5300 снарядов. Замечу, что все эти локальные наступления имели цель частично прорвать блокаду и завладеть железной дорогой Ленинград – Кириши от Усть-Тосно до станции Мга.

Но прервемся на секунду. «12 августа 1942 г. с 16 ч. 32 м. до 19 ч. 52 м. была проведена совместная операция артиллерии и авиации Балтийского флота по уничтожению артиллерийских батарей противника в районе деревень Вохнала и Мяккели (в 2–2,5 милях западнее форта Ино), систематически обстреливавших наши корабли на переходе Кронштадт –

остров Лавенсаари. С 16 ч. 57 м. до 17 ч. 48 м. и с 18 ч. 47 м. до 18 ч. 50 м. самолеты Ил-2 и Пе-2 четырьмя группами по пять-шесть самолетов в каждой наносили бомбово-штурмовые удары по батарее в районе деревни Мяккеля. В результате атаки были отмечены три взрыва, один из которых большой силы. Предположительно был взорван боезапас. Каждую группу бомбардировщиков сопровождали шесть самолетов Як-1 или И-16. В результате воздушных боев самолетов сопровождения с истребителями противника был сбит один и повреждены два самолета противника типа „Фиат“. С 18 ч. 05 м. до 19 ч. 37 м. по батарее противника в районе деревни Вохнала вели огонь батареи Ижорского укрепленного сектора № 311, 312 (305-мм) и № 211». [69]

Интересна выписка из журнала боевых действий 768-го тяжелого артиллерийского дивизиона резерва Главнокомандования вермахта: «16.8.42. Днем дивизион выдвинутым в Стрельну дежурным орудием вел беспокоящий огонь по Финляндскому вокзалу, выпустив 10 снарядов. Снаряды ложились у цели, наблюдением точно установлены попадания в здания. Дежурное орудие – единственное, действовавшее на участке целое орудие – было немедленно разведано. В результате стрельбы несколько батарей противника из Петербурга целый день вели интенсивный огонь по этому орудию. 173 разрыва отмечено в его районе, частично в непосредственной близости к орудию. Перед вечером семь бомбардировщиков бомбами и бортовым оружием атаковали дежурное орудие. Беспокоящий огонь по Финляндскому вокзалу, очевидно, очень неприятен противнику, так как это единственный вокзал, находящийся вне действенного огня немецкой артиллерии и поэтому используемый в больших масштабах для грузовых операций. Во время огневого налета солдат 3-й батареи ранен так сильно, что на следующий день умер в дивизионном перевязочном пункте в Коркули».

19 августа была начата операция "силами 55-й армии с целью захвата плацдарма на правом берегу реки Тосно для подготовки в дальнейшем операции в направлении станции Мга.

Частям 55-й армии была поставлена задача овладеть населенным пунктом Усть-Тосно и поселком Ивановское и очистить от противника западный и восточный берега реки Тосно в районе двух железнодорожных и одного шоссейного мостов через эту реку". [70]

Увы, к участию в этой операции была привлечена всего одна стрелковая дивизия.

Для обеспечения продвижения наших частей на западном берегу реки Тосно, а также с целью захвата, разминирования и удержания указанных

трех мостов была намечена высадка десанта в устье реки Тосно. Организация десантной операции была возложена на командование Ленинградской ВМБ.

Для участия в высадке десанта были выделены: а) отряд высадки в составе шести бронекатеров, одного сторожевого катера МО, шестнадцати катеров ЗИС-5 и шести катеров КМ; б) десантный отряд 942-го стрелкового полка 268-й дивизии в количестве 300 человек (в том числе взвод моряков-автоматчиков – 50 человек).

С 13 ч. 05 мин. до 13 ч. 20 мин. первый эшелон десанта при поддержке артиллерии и под прикрытием дымовых завес был высажен в назначенные места. Несмотря на сопротивление со стороны противника, десант был высажен без потерь. Незначительные повреждения получили два катера ЗИС, и два человека были ранены. Быстрыми и решительными действиями десант сломил сопротивление автоматчиков противника и уже через 40 минут овладел шоссейным и железнодорожным мостами.

Действия наших частей в районе населенного пункта Усть-Тосно и высадка десанта в районе поселка Ивановское были для немцев настолько неожиданными, что они были вынуждены оставить Усть-Тосно, не успев вывести из строя мосты через реку Тосно.

В 14 ч. 22 мин. в районе поселка Ленспиртстрой на четыре катера ЗИС была принята рота второго эшелона десанта в составе 100 человек и в 14 ч. 55 мин. высажена в назначенном месте без потерь.

19 августа наступательную операцию 55-й армии поддержали эсминцы «Стройный» и «Строгий», канонерские лодки «Зея», «Ока» и «Сестрорецк», железнодорожные батареи № 12, 19, 1104, 1105, 1106, 1107, 1112, 1113 и 1115, батареи Ленинградской и Осиновецкой военно-морских баз № 380, 470, 597, 598, 599, 600, 601 и 180-мм батарея НИМАПа.

20 августа в 3 часа ночи батальон немцев ворвался в Усть-Тосно. Завязались ожесточенные уличные бои. Десантников поддерживали три советских бронекатера. Однако бронекатера № 101 и № 102 получили серьезные повреждения от артиллерийского огня противника.

Уже перечисленные корабли Балтийского флота продолжали вести интенсивный обстрел батарей противника в районе населенный пунктов Красный Бор, Песчанка, Поповка, Захожье, Николькое, Воскресенское, Роджественно и Павлово. Огонь морских орудий неоднократно рассеивал скопления немецкой пехоты в районах поселков Ивановское, Пела, Никольское, Воскресенское и скопление танков на дороге Никольское – Воскресенское.

Всего с 19 по 22 августа морская артиллерия провела 356 стрельб,

выпустив около 4400 снарядов. При этом было рассеяно до 25 скоплений пехоты, отбиты две танковые атаки противника, в 37 случаях подавлены вражеские батареи.

Операция закончилась частичным успехом. В ходе десантной операции советские войска удержали плацдарм на левом берегу Невы в районе Ивановского, но полностью овладеть районом Усть-Тосно не смогли.

Очередная выдержка из журнала боевых действий 768-го тяжелого артиллерийского дивизиона резерва Главнокомандования вермахта: «25.8.42. Утром была проведена стрельба дежурного орудия в Стрельне. Целями был Главный почтамт в Петербурге для второго заряда и Финляндский вокзал для третьего заряда. У первой цели наблюдался сильный длительно державшийся дым. Стрельба маскировалась совместным огнем одной батареи 708-го берегового дивизиона РГК и 531-го берегового дивизиона РГК. Это мероприятие оказалось вполне целесообразным. Противник не опознал дежурное орудие и вел беспокоящий огонь по всем трем частям, расположенным в Стрельне. Дивизиону придана 515-я береговая батарея РГК».

27 августа части Ленинградского фронта во взаимодействии с 54-й и 2-й ударной армиями Волховского фронта начали Синявинскую контрнаступательную операцию, ставившую целью частичный прорыв блокады. Кроме того, операция должна была сорвать план германского командования «Нордлихт» («Северное сияние») по захвату Ленинграда. Операция «Нордлихт» должна была начаться в сентябре 1942 г.

Со стороны Ленинградского фронта в наступлении участвовали три стрелковые дивизии и одна стрелковая бригада. Железнодорожные батареи № 12, 19, 1112, 1113, 1114 и 1120 и батареи Ленинградской и Осиновецкой военно-морских баз № 470 и 602, оказывая огневую поддержку частям 8-й армии, с 6 ч. 00 мин. до 7 ч. 00 мин. и с 19 ч. 12 мин. до 19 ч. 44 мин. вели огонь по штабам, резервам и немецким батареям в районах населенных пунктов Мга, Сологубовка, Лезье, Погорелушка, Синявино, Келколово, Рабочий поселок № 6, Рабочий поселок № 2 и совхоз «Торфяник».

27 августа начали наступление войска 8-й армии Волховского фронта и, прорвав оборону противника, стали продвигаться к Синявину. В районе Рабочего поселка № 8, Мишкино, Поречья противнику удалось задержать продвижение наших войск. Начались многодневные ожесточенные бои. Германское командование перебросило сюда 12-ю танковую и 170-ю пехотную дивизии. Продвижение Красной Армии замедлилось. Одновременно войска Волховского фронта пытались развернуть

наступление на Тосно. Но после трехдневных упорных боев наши войска были вынуждены перейти к обороне.

2 сентября четыре стрелковые дивизии 55-й армии приступили к форсированию реки Тосно. И на этот раз морская артиллерия интенсивно поддерживала наступление частей. К стрельбам даже подключили линкор «Октябрьская Революция», 305-мм орудия которого использовались в исключительных случаях. 3 сентября с 20 ч. 28 мин. до 20 ч. 29 мин. линкор произвел огневой налет по германской батарее в районе поселка Сосновая Поляна.

Канонерская лодка «Селемджа» и три сторожевых катера МО 3 сентября в 3 ч. 18 мин. прибыли в район огневой позиции в Шлиссельбургской губе для огневой поддержки фланга 128-й стрелковой дивизии в районе деревни Липки. В 4 ч. 05 мин. и 4 ч. 55 мин. «Селемджа» провела две стрельбы по батареям противника в районе Рабочего поселка № 1 и Рабочего поселка № 5, а в 5 ч. 10 мин. ушла на рейд Осиновец под прикрытие зенитных батарей. **(Сх. 21)**

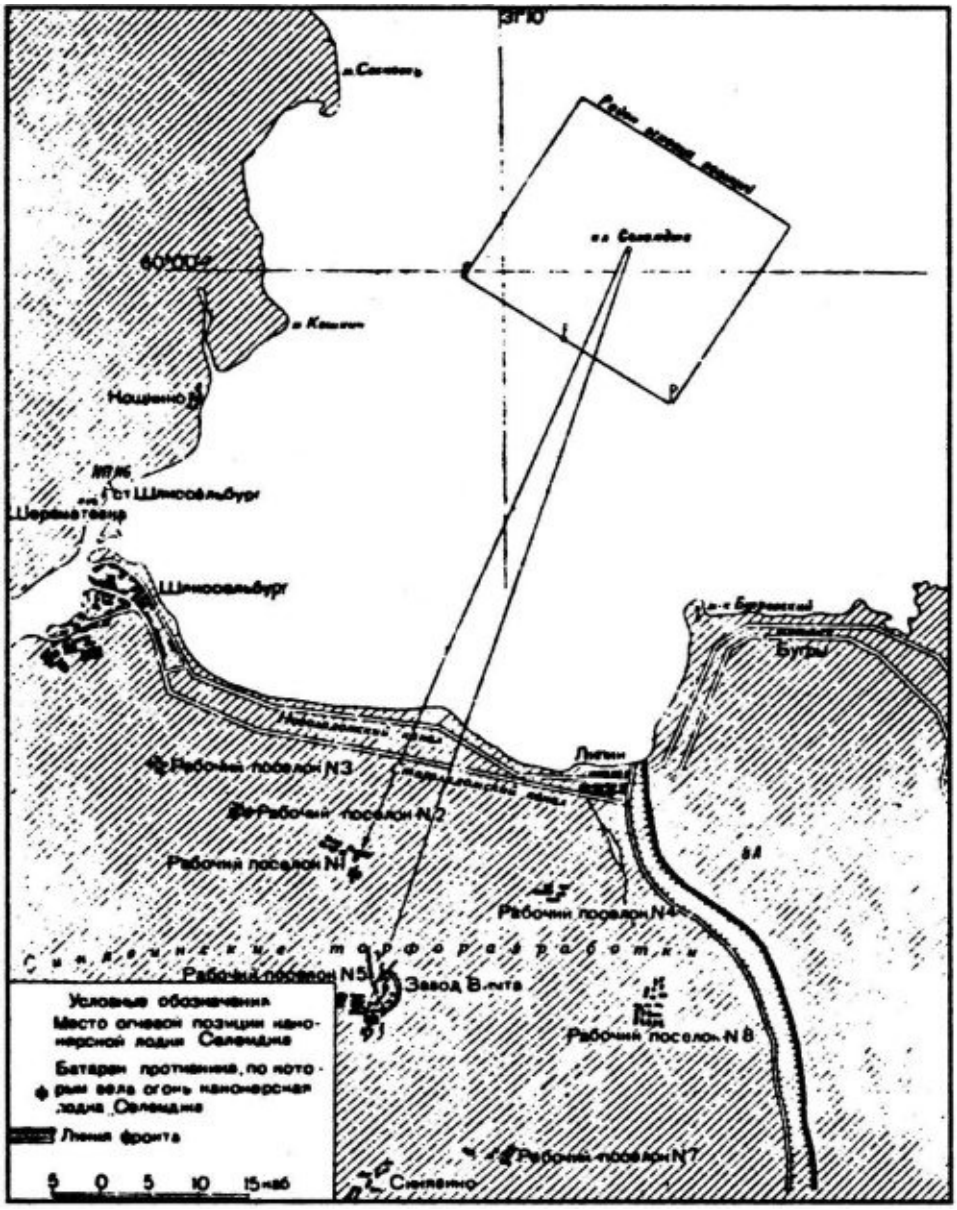

Схема огневой позиции и стрельбы канонерской лодки «Селемджа» при поддержке фланга 8-й армии 3 сентября 1942 г.

Батареи Ленинградской и Осиновецкой ВМБ № 101, 597, 598, 599, 602 и 778 в течение дня 3 сентября артиллерийским огнем подавляли батареи и рассеивали скопления войск противника в районах населенных пунктов Мга, Ивановское, Никольское, Покровское, Песчанка, Первый городок и Шлиссельбург.

Железнодорожные батареи № 1104, 1106, 1107, 1112, 1113, 1114, 1120 и эсминец «Строгий» в течение дня 3 сентября артиллерийским огнем подавляли батареи противника в районе поселка Красный Бор, рассеяли и частично уничтожили скопление немецкой пехоты в районах населенных

пунктов Степановка, Мга, Мустолово и Погорелушки.

В этот день эсминцы «Строгий», «Стройный», «Опытный», канонерские лодки «Ока» и «Сестрорецк» артиллерийским огнем с 13 ч. 06 мин. до 13 ч. 21 мин. надежно подавили четыре германские батареи в районе Красного Бора.

Участник боев немецкий офицер Вернер Хаупт позднее вспоминал: «Днем и ночью грохотала артиллерия, и с завыванием рушились сверхтяжелые бомбы. Каждый метр земли на Синявинских высотах был перепахан». [71]

Тут нужно маленькое уточнение – за сверхтяжелые бомбы Хаупт принял снаряды нашей морской артиллерии. Бомбы максимального калибра, сбрасываемые на Синявинских высотех 2–4 сентября, были ФАБ-100, да и то сбрасывались они редко, в подавляющем большинстве использовались АО-25, РС-82 и т. п.

Замечу, что артиллерийская дуэль не прекращалась и на западе от Ленинграда. Так, в ночь на 5 сентября магнитный тральщик «Пикша» с тралбаржой № 32, работавшие в открытой части Морского канала, подверглись артобстрелу из района Петергофа. В результате тральщик и баржа затонули у южной бровки Морского канала. Весь экипаж тральщика был спасен.

По батареям в районе Знаменка – Петергоф открыла огонь наша артиллерия, а два барражировавших И-16 начали штурмовать батареи и в районе Стрельны обстреляли прожектор.

С 19 ч. 36 мин. 6 сентября до 0 ч. 33 мин. 7 сентября железнодорожные батареи № 1115 и 1108 артиллерийским огнем подавляли батареи немцев в районе Волочково и Стрельны. 180-мм батарея № 19 с 7 сентября с 1 ч. 40 мин. до 11 ч. 10 мин. произвела огневые налеты по железнодорожным станциям Гатчина-Товарная, Гатчина-Балтийская и Гатчина-Варшавская. Любопытно, что один из 180-мм снарядов существенно отклонился от цели и угодил в Гатчинский аэродром, в результате чего там был серьезно поврежден истребитель.

9 сентября части войск Невской оперативной группы Ленинградского фронта в составе 86-й и 46-й стрелковых дивизий форсировали Неву и высадили десант в районе Анненское – Арбузово. Переброска десанта была проведена без участия моряков на надувных лодках А-3. Артиллерия и авиация флота обеспечивали боевые действия наших войск.

Железнодорожные батареи № 1112, 1113, 1114 и 1120 с 13 ч. 50 мин. до 17 ч. 00 мин. и с 20 ч. 50 мин. до 22 ч. 19 мин. заставили молчать батареи противника в районах Захожье, Мга, Келколово, Мустолово, Рождественно

и Воскресенское.

Батареи Ленинградской и Осиновецкой ВМБ № 380, 597, 598, 599, 600, 601 и 778 9 сентября с 14 ч. 30 мин. до 22 ч. 03 мин. вели артиллерийский огонь по батареям, огневым точкам и живой силе немцев в районах населенных пунктов Рабочий поселок № 5, Марьино, Второй Городок, Отрадное, Песчанка, Воскресенское, Захожье, Мустолово, Покровское, Никольское, Анненское и Московская Дубровка.

Всего в период с 9 по 11 сентября морская артиллерия произвела 138 стрельб и израсходовала 1870 снарядов крупного и среднего калибра. Однако решить всех проблем сухопутных войск морская артиллерия не могла. Немцы спешно перебросили в район наступления наших войск шесть свежих дивизий, в том числе одну танковую. Во второй половине сентября немцы нанесли сильные фланговые удары и отбросили советские войска.

Обстрелы Ленинграда немцы проводили почти ежедневно. Так, 18 сентября из района Петергоф – Знаменка с 11 ч. 44 мин. до 12 ч. 25 мин. немцы обстреливали Минную, Купеческую и Каботажную гавани Кронштадта, выпустив двадцать три 210-мм снаряда. В результате обстрела на масляном складе № 1 было убито 20 человек и возник пожар. Одно прямое попадание снаряда получила канонерская лодка «Красное Знамя», было повреждено носовое 130-мм орудие, пробит правый борт, убит один и ранен один человек.

Батарея Ижорского укрепленного сектора № 318 18 сентября с 12 ч. 22 мин. до 12 ч. 40 мин. вела артиллерийский огонь по немецкой батарее в районе Знаменки.

А вот информация с другой стороны. Из журнала боевых действий 768-го тяжелого артиллерийского дивизиона резерва Главнокомандования вермахта: «18.9.42. Привязной аэростат, наземное размещение которого (50 ґ 50) является маленькой целью для орудий дивизиона. Принимая во внимание недостаточность и большую стоимость боеприпасов, аэростат не представляет для нас достойной цели. Поэтому 138-й артиллерийской группе была послана просьба разрешить дивизиону обстреливать важные и сохранившиеся промышленные объекты, а также интенсивно используемые транспортные объекты в юго-восточной части Петербурга. Далее нами было предложено перевести одну батарею в Пушкин, севернее дворца, и к этому еще устроить наблюдательный пункт дивизиона на высоте 155,3, севернее Карвала, для наблюдения за обстрелом Петербурга. Целью этих мероприятий является бдение огня с использованием полной дальности стрельбы по промышленным кварталам восточной, северо-восточной и

северной части Петербурга, которые до сих пор почти не обстреливались нашей артиллерией».

В ночь на 26 сентября началась операция по форсированию реки Невы в верхнем ее течении в районе Московской Дубровки. В 2 часа ночи на всем фронте Невской оперативной группы началась артиллерийская подготовка для обеспечения высадки десанта на левый берег Невы в районе Лобаново – Второй Городок. Артиллерийская подготовка продолжалась полтора часа. В 3 часа ночи части первого эшелона вышли из траншей и начали продвигаться к урезу воды. Они сели в деревянные саперные лодки, вскоре успешно форсировали Неву и захватили переднюю линию траншей противника. Второй эшелон десанта доставить на левый берег реки до наступления рассвета не удалось из-за несвоевременного выхода сухопутных частей к местам посадки.

Эсминцы «Стройный», «Строгий» и «Опытный» с 2 ч. 09 мин. до 6 ч. 00 мин., а канонерские лодки «Зея» и «Ока» и 180-мм батарея НИМАПа с 2 ч. 08 мин. до 3 ч. 32 мин. ставили неподвижные огневые завесы в районах совхоза «Торфиник» и поселка Лобаново. Батарея Осиновецкой ВМБ № 380 с 2 ч. 10 мин. до 3 ч. 39 мин. также ставила неподвижную огневую завесу в районе Марьино.

В 4 ч. 48 мин. канонерки «Зея» и «Ока», эсминцы «Стройный» и «Опытный», а также учебное судно «Ленинградсовет» были обстреляны противником. На «Оке» три человека получили ранения, а остальные корабли жертв и повреждений не имели.

С 2 ч. 00 мин. до 7 ч. 03 мин. железнодорожные батареи № 1104, 1105, 1106, 1112, 1113, 1114, 1115 и 1120, батареи Ленинградской ВМБ № 597, 598, 599, 600 и 601 и батареи Осиновецкой ВМБ № 380, 602 и 778 обеспечивая операцию Невской оперативной группы, периодически вели огонь по батареям и узлам сопротивления немцев в районах населенных пунктов Захожье, Ивановское, Отрадное, Анненское, Московская Дубровка, Первый Городок, Второй Городок, Дачи, Марьино, Колколово, Мустолово, Горы и в районе Беляевского болота (в 5 км южнее Шлиссельбурга).

Железнодорожная батарея № 1113 с 7 ч. 50 мин. до 8 ч. 00 мин. произвела проверку пристрелки в районе Мустолово и к юго-востоку от него. Батарея Ленинградской ВМБ № 600 с 9 ч. 50 мин. до 10 ч. 52 мин. выпустила три снаряда для пристрелки репера в районе Арбузово.

Железнодорожная батарея № 1112 с 8 ч. 12 мин. до 8 ч. 16 мин. произвела огневой налет по эшелону противника юго-западнее населенного пункта Горы, где было отмечено пять больших взрывов. Та же батарея с 11 ч. 35 мин. до 12 ч. 45 мин. вела огонь по неприятельскому поезду на

станции Пелла, в результате чего на станции наблюдался пожар. Железнодорожная батарея № 1120 с 14 ч. 12 мин. до 14 ч. 14 мин. произвела два выстрела по автоколонне немцев на дороге юго-западнее деревни Захожье, и движение на дороге было приостановлено.

С 14 ч. 00 мин. до 14 ч. 35 мин. батарея Ленинградской ВМБ № 600 и железнодорожная батарея № 1120 по очереди вели огонь по немецкой батарее в районе Мустолово. Железнодорожная батарея № 1114 с 14 ч. 30 мин. до 15 ч. 00 мин. стреляла по вражеской батарее южнее деревни Захожье.

С 17 ч. 06 мин. до 19 ч. 51 мин. железнодорожные батареи № 1112, 1114, 1120 и батареи Ленинградской ВМБ № 600 и 601 вели огонь по батареям противника в районах населенных пунктов Захожье, Отрадное, Горы, Мустолово и Келколово.

С наступлением темноты части Невской оперативной группы начали подносить к урезу воды прибывшие из тыла переправочные средства и налаживать паромную переправу. Мелкими группами наши войска переправлялись на левый берег Невы под сильным артиллерийским огнем противника.

С 22 ч. 52 мин. до 22 ч. 55 мин. батарея Ленинградской ВМБ № 601 и железнодорожная батарея № 1120 по очереди произвели огневой налет по неприятельской батарее севернее деревни Горы. С 23 ч. 10 мин. до 23 ч. 12 мин. железнодорожная батарея № 1120 обстреливала батареи немцев в районах Мустолово и Воскресенское.

В последующие дни, до 6 октября, на левый берег Невы были переправлены 330-й, 268-й и 284-й стрелковые полки, 239-й полк морской пехоты, части 11-й отдельной стрелковой бригады. Кроме того, было перевезено 28 орудий, 291 миномет, 312 пулеметов, около 4000 снарядов и другое вооружение и грузы.

С 25 сентября по 1 октября 1942 г. на огневую поддержку войск морская артиллерия израсходовала 4700 снарядов калибра 100–180 мм, произведя 347 стрельб. В результате были уничтожены 12 артиллерийских и минометных батарей, три дзота, скопления живой силы противника и автоколонны.

Тем не менее, наступление Красной Армии вновь захлебнулось. По приказу Ставки бои на Невском пятачке были прекращены. В ночь на 7 октября в соответствии с решением командующего Ленинградским фронтом началась эвакуация войск с левого берега Невы.

7 октября с 21 ч. 15 мин. до 24 ч. 00 мин. железнодорожные батареи № 1112, 1113 и 1115 и батарея ленинградской ВМБ № 597 вели огонь для

нейтрализации батарей противника в районах населенных пунктов Отрадное, Мустолово и Келколово. Батарея Осиновецкой ВМБ № 380 с 21 ч. 55 мин. до 24 ч. 00 мин. стреляла по немецкой батарее в районе восточнее поселка Второй Городок, а батарея той же базы № 778 с 22 ч. 02 мин. до 23 ч. 30 мин. вела огонь по двум батареям противника в районе восточнее поселка Московская Дубровка. Обе немецкие батареи прекратили огонь.

В официальных советских документах утверждается, что из района Московской Дубровки был эвакуирован весь личный состав. Увы, подавляющее большинство солдат, переправленных через Неву, назад не вернулись.

Операции войск Волховского фронта выходят за рамки работы. Я лишь скажу, что большая часть 2-й ударной армии попала в котел и была уничтожена немцам. Эрих Манштейн писал: "Ко 2 октября удалось закончить бои в котле. Со стороны противника в этом сражении участвовала 2-я ударная армия, состоявшая не менее чем из 16 стрелковых дивизий, 9 стрелковых бригад и 5 танковых бригад. Из них в котле было уничтожено 7 стрелковых дивизий, 6 стрелковых бригад и 4 танковые бригады. Другие соединения понесли огромные потери во время безуспешных попыток с целью деблокирования окруженных сил. Нами было захвачено 12 000 пленных, противник потерял свыше 300 орудий, 500 минометов и 244 танка. Потери противника убитыми во много раз превышали число захваченных пленных.

Если задача по восстановлению положения на восточном участке фронта 18-й армии и была выполнена, то все же дивизии нашей армии понесли значительные потери. Вместе с тем была израсходована значительная часть боеприпасов, предназначавшихся для наступления на Ленинград. Поэтому о скором проведении наступления не могло быть и речи. Между тем Гитлер все еще не хотел расстаться с намерением овладеть Ленинградом. Правда, он готов был ограничить задачи наступления, что, естественно, не привело бы к окончательной ликвидации этого фронта, а к этой ликвидации в конце концов се сводилось. Напротив, штаб 11-й армии считал, что нельзя приступать к операции против Ленинграда, не пополнив наши силы и вообще не имея достаточного количества сил. За обсуждением этих вопросов и составлением все новых планов прошел октябрь". [72]

Наступление – наступлением, а артиллерийская дуэль продолжалась ежедневно по всему периметру обороны Ленинградского фронта. Так, к примеру, 1 октября с 9 ч. 00 мин. до 9 ч. 03 мин. батареи Кронштадтского

укрепленного сектора № 121 и 132 произвели огневой налет по гаваням Териоки и Ино. По гавани Ино было выпущено пятнадцать 154-мм снарядов, а по гавани Териоки – десять 152-мм.

Железнодорожная батарея № 19 1 октября с 5 ч. 35 мин. до 5 ч. 50 мин. произвела огневой налет по аэродрому противника в районе Красногвардейска (Гатчины), выпустив по нему 20 снарядов. Обеспечивая эту стрельбу, железнодорожные батареи № 1121 и 190 с 2 ч. 28 мин. до 2 ч. 37 мин. и с 5 ч. 30 мин. до 5 ч. 55 мин. одновременно вели огонь по неприятельским батареям в районам Викколово и поселка Володарского.

С 6 ч. 09 мин. до 6 ч. 10 мин. железнодорожная батарея № 1111 произвела огневой налет по финской батарее в районе деревни Хамаляйне. С 13 ч. 15 мин. до 13 ч. 45 мин. железнодорожная батарея № 1111 стреляла по немецкой пехоте, обнаруженной в районе деревни Константиновка.

По заданию начальника артиллерии Ленинградского фронта железнодорожная батарея № 1109 с 17 ч. 48 мин. до 17 ч. 50 мин. произвела огневой налет по предполагаемому месту нахождения шестиорудийной батареи противника в районе населенного пункта Немецкая Колония. Немцы на обстрел не реагировали.

Батарея Ижорского укрепленного сектора № 319 с 23 ч. 24 мин. до 23 ч. 29 мин. вела огонь по батарее противника в районе населенного пункта Луизино, а батарея того же сектора № 318 с 23 ч. 34 мин. до 23 ч. 36 мин. произвела огневой налет по батарее противника в районе Петергофа.

И это все только за один рядовой день – 1 октября – блокады Ленинграда, когда значительная часть морской артиллерии была привлечена к поддержке плацдарма у Московской Дубровки.

С конца лета 1942 г. активизировалась финская дальнобойная артиллерия. 7 октября в 10 ч. 10 мин. финская батарея произвела один выстрел из залива из района форта Ино. Около 11 ч. 00 мин. из района деревни Тайкина (в 3 км северо-западнее форта Ино) финны выпустили три снаряда по форту «Комсомольский».

По разработанному плану батареи № 114, 122, 130 и 131 Кронштадтского укрепленного сектора открыли ответный огонь по наблюдательным постам и предполагаемым батареям противника в районе города Териоки и к западу от него. Батарея № 131 с 11 ч. 08 мин. до 11 ч. 33 мин. вела огонь по району юго-западнее деревни Матсякюля (в 10 км западнее железнодорожной станции Териоки) и по финской батарее в районе поселка Ривьера (1 км юго-восточнее железнодорожной станции Териоки). Батареи № 114 и 122 с 11 ч. 32 мин. до 12 ч. 07 мин. выпустили

по восемь 152-мм и 203-мм снарядов по собору в городе Териоки. Батарея № 130 с 11 ч. 26 мин. до 13 ч. 26 мин. вела огонь по финской батарее в районе севернее форта Ино.

7 октября финны до 12 ч. 52 мин. продолжали вести огонь по форту «Комсомольский». С 10 ч. 10 мин. до 12 ч. 52 мин. они выпустили 11 снарядов.

Батарея Кронштадтского укрепленного сектора № 112 с 20 ч. 00 мин. до 20 ч. 10 мин. произвела огневой налет по гавани Териоки.

Как обычно, в тот же день, 7 октября, велась стрельба и по германским батареям. Батарея Кронштадтского укрепленного сектора № 153 (на форту «Северный № 4») с 10 ч. 18 мин. до 10 ч. 23 мин. вела огонь по батарее противника в районе парка Александрия и выпустила пять 100-мм снарядов. С 10 ч. 28 мин. до 10 ч. 32 мин. германская батарея из района поселка Поэзия обстреляла пятью снарядами форт «Северный № 4». Стрельба немцев была безрезультатной.

В тот же день с 10 ч. 30 мин. до 10 ч. 45 мин. и с 11 ч. 08 мин. до 11 ч. 17 мин. немцы из района Петергофа обстреливали гавань Ораниенбаумского военного порта. Первый раз было выпущено семь, а второй девять снарядов.

Батарея Кронштадтского укрепленного сектора № 343 с 11 ч. 28 мин. до 11 ч. 30 мин. произвела огневой налет по батарее противника в районе северо-восточнее железнодорожной станции Новый Петергоф. Батареи того же сектора № 613 и № 153 с 12 ч. 09 мин. до 15 ч. 45 мин. вели огонь по германским батареям в районе дачи Розовый Павильон и к северо-востоку от нее.

Батарея Кронштадтского укрепленного сектора № 776 с 15 ч. 46 мин. до 16 ч. 29 мин. и батарея того же сектора № 775 с 17 ч. 41 мин. до 18 ч. 18 мин. стреляли по великокняжескому дворцу в Знаменке, в котором помещались резервная группа войск и наблюдательный пост немцев. В ходе этой стрельбы, а также утренней стрельбы батареи № 776 было отмечено десять прямых попаданий во дворец и два попадания в расположенные рядом огневые точки немцев.

Железнодорожная батарея № 1109 с 11 ч. 40 мин. до 11 ч. 55 мин. произвела огневой налет по району Красного Села, а с 12 ч. 45 мин. до 12 ч. 55 мин. выпустила 50 снарядов по германскому аэродрому в районе Пушкина.

Около 18 ч. 15 мин. немцы из района Стрельны открыли огонь по Кировскому заводу в Ленинграде. Стрельба велась 210-мм снарядами. С 18 ч. 19 мин. до 18 ч. 28 мин. железнодорожные батареи № 1108, 1119 и

1121 выпустили по шесть снарядов по этой батарее. Батарея противника замолчала.

9 октября железнодорожная батарея № 1117 с 1 ч. 37 мин. до 1 ч. 57 мин. вела огонь по 150-мм батарее немцев в районе Стрельны.

В этот день с 15 ч. 00 мин. до 15 ч. 06 мин. германская батарея из района поселка Володарского выпустила 10 снарядов по району сигнально-наблюдательного поста № 332 (Канонерский остров). Около 16 ч. 15 мин. германская 150-мм батарея из района Стрельны вела огонь по ленинградскому торговому порту.

Железнодорожная батарея № 1117 с 16 ч. 17 мин. до 16 ч. 37 мин. дважды вела огонь по 150-мм германской батарее в Стрельне, и оба раза немцы прекращали стрельбу.

Около 18 ч. 30 мин. германская 210-мм батарея из Стрельны вела огонь по Кировскому району Ленинграда. Железнодорожные батареи № 1108 и 1117 по очереди с 18 ч. 33 мин. до 18 ч. 37 мин. произвели огневые налеты по этой батарее. Немцы стрельбу прекратили.

10 октября в 21 ч. 00 мин. «командующий флотом запросил у Народного Комиссара Военно-Морского Флота разрешения перебросить в Кронштадт два 180-мм транспортера из состава железнодорожной батареи № 19, находившейся в районе Ленинграда. Командующий флотом считал необходимым такое усиление артиллерии Кронштадтского укрепленного сектора для организации борьбы с дальнобойной артиллерией противника, обстреливавший Кронштадт с северного направления. Оперативная обстановка и наличные перевозочные и подъемные средства позволяли осуществить переброску каждого транспортера за десять дней». [73]

Любопытный момент: совершенно секретная «Хроника…» повествует о войне эзоповым языком. Дальнобойная артиллерия неведомого «противника» обстреливает Кронштадт, да еще так, что для борьбы с ней не хватает десятков стволов 130-254-мм калибра фортов «Риф», «Тотлебен», «Обручев» и др.? А ведь простому офицеру-артиллеристу и невдомек будет, что это финны, в отношении которых уже в начале 1950-х годов было велено проявлять политкорректность и не поминать всуе.

13 октября батареи Кронштадтского укрепленного сектора № 775 и 121 с 13 ч. 45 мин. до 15 ч. 11 мин. выпустили соответственно девять и семь снарядов по живой силе противника в районах железнодорожной станции Новый Петергоф и поселка Куоккала (Репино). Кроме того, батарея № 121 с 14 ч. 11 мин. до 14 ч. 40 мин. вела огонь по финской батарее в районе поселка Куоккала. На батарее противника были отмечены пожар и сильный взрыв, и она прекратила стрельбу.

В этот день с 14 ч. 45 мин. до 16 ч. 40 мин. железнодорожные батареи № 1121 и 1109 по очереди вели огонь по германским железнодорожным батареям в районе Красного Села. В районе цели наблюдалось более десяти больших и малых взрывов.

14 октября с 12 ч. 33 мин. до 17 ч. 20 мин. железнодорожные батареи № 1108, 1117, 1118, 1119 и 1122, батарея Кронштадтского укрепленного сектора № 121, 153, 154, 343, 668, 775, 776 и батарея Ижорского укрепленного сектора № 318 вели артиллерийский огонь по батареям и живой силе противника в районах населенных пунктов Новый Петергоф, Агакули, Знаменка, Ижорка, Лесной Питомник, поселок Володарского, слобода Егерская и парк Александрия.

С 15 ч. 00 мин. до 17 ч. 16 мин. и с 18 ч. 20 мин. до 18 ч. 25 мин. железнодорожная батарея № 1119 вела артиллерийский огонь по автомашинам противника на дороге в районе слободы Павловская. В результате стрельбы движение по дороге было приостановлено и подбиты две автомашины.

Батарея Кронштадтского укрепленного сектора № 130 с 18 ч. 01 мин. до 18 ч. 08 мин. обстреливала финский железнодорожный состав в районе станции Ино, а железнодорожная батарея № 1108 с 18 ч. 25 мин. до 18 ч. 28 мин. вела артиллерийский огонь по перекрестку дорог в районе Красного Села, в результате чего движение по дороге прекратилось.

С 17 ч. 17 мин. до 17 ч. 35 мин. два самолета Як-1 вели разведку артиллерийских позиций немцев в районе Стрельна – Новый Петергоф.

Нашими наблюдателями 13 и 14 октября было отмечено, что в Петергофской гавани производилась какая-то работа, оттуда раздавался шум моторов катеров, а истребительная авиация барражировала над районом Петергофа. Начальник штаба флота предполагал, что немцы доставили в Петергоф катера для активных действий в Невской губе. В 17 часов 14 октября командующий флотом приказал начальнику артиллерии КБФ немедленно произвести массированный артиллерийский налет на Петергофскую гавань и северную часть шлюпочного канала, идущего от ковша ко дворцу.

Железнодорожные батареи № 1117, 1118 и 1119 выполнили приказание командующего флотом, они с 18 ч. 00 мин. до 18 ч. 15 мин. произвели массированный огневой налет по гавани и северной части шлюпочного канала в Новом Петергофе. Всего было выпущено 97 снарядов калибра 130 мм. Цель была надежно накрыта.

19 октября железнодорожная батарея № 19 с 0 ч. 40 мин. до 0 ч. 50 мин. произвела огневой налет по железнодорожной станции и складам

немцев в районе Красногвардейска. Всего было выпущено пятнадцать 180-мм снарядов. Обеспечивая эту стрельбу, железнодорожные батареи № 190, 1116 и 1121 с 0 ч. 39 мин. до 0 ч. 57 мин. одновременно вели огонь по батареям противника в районе населенных пунктов Хамаяляйне, Сосновая Поляна и Стрельна.

21 октября железнодорожная батарея № 18 с 0 ч. 00 мин. до 2 ч. 02 мин. выпустила пятнадцать 180-мм снарядов по железнодорожной станции Гатчина-Товарная. Во время обстрела транспортер № 2 этой батареи подвергся артиллерийскому обстрелу противника, в результате чего один человек был убит и один ранен. Транспортер перешел на другую позицию. С 0 ч. 00 мин. до 0 ч. 15 мин. железнодорожные батареи № 1104, 1106, 1107 и 1108, обеспечивая стрельбу железнодорожной батареи № 18, вели огонь по батареям противника в населенных пунктах Соболево, София, Хамаляйне и Красное Село.

В этот день с 9 ч. 16 мин. до 9 ч. 45 мин. батарея противника из района Сосновой Поляны выпустила 12 снарядов по Ленинградского торговому порту.

По случаю обстрела Кронштадта адмирал Трибуц устроил подчиненным очередной разнос. На служебно-эзоповом языке это звучало так: "Подведя итог организации борьбы с четырехчасовым обстрелом Главной военно-морской базы, проведенной артиллерией противника накануне днем, командующий флотом нашел, что контрбатарейная борьба нашей артиллерии была организована плохо, борьба с корректировщиками огня противника организована не была, наша артиллерия при стрельбе расходовала мало снарядов и опаздывала с открытием огня. Командующий флотом приказал:

1) командующему Военно-воздушными силами флота – произвести тщательную фоторазведку железнодорожных путей и станций на участке Петергоф – Стрельна и совхоза «Беззаботный» с целью нахождения железнодорожных батарей противника;

2) командующему Военно-воздушными силами флота, командиру Главной военно-морской базы и начальнику артиллерии флота – организовать совместный удар по обнаруженным батареям противника;

3) командиру Главной базы и начальнику артиллерии флота – по обнаружении вражеских батарей немедленно открывать по ним мощный артиллерийский огонь всеми имеющимися в распоряжении средствами, не жалея снарядов;

4) командиру Главной базы – своевременно применять дымовые завесы для маскировки базы". [74]

27 октября с 15 ч. 32 мин. до 15 ч. 49 мин. противник произвел огневой налет на Ленинград, обстреляв Торговый порт, Васильевский остров и Выборгский район. Военные объекты не пострадали. Только плавучая база «Полярная звезда» получила десять осколочных пробоин в борту, и два человека на ней получили ранения.

В этот день железнодорожные батареи № 1108, 1117 и 1119 вели огонь по германским батареям, обстреливавшим Ленинград из района Стрельны.

31 октября 180-мм железнодорожная батарея № 18 с 0 ч. 15 мин. до 0 ч. 24 мин. вела огонь по германскому эшелону на станции Гатчина-Товарная. При этом транспортер № 2 во время стрельбы сам был обстрелян противником. На транспортере была разбита радиостанция, убит радист и тяжело ранены три человека. Железнодорожные батареи № 1106, 1109 и 1121 с 0 ч. 10 мин. до 0 ч. 50 мин. обстреливали батареи противника в районах населенных пунктов Хамаляйне, Кирпузи и Соболево, прикрывая стрельбу железнодорожной батареи № 18.

3 ноября после годичного ремонта наконец-то была восстановлена башня № 2 на линкоре «Марат». Теперь он получил возможность стрелять девятью 305-мм орудиями. С 16 ч. 15 мин. до 18 ч. 15 мин. башня № 2 стреляла по южному берегу Финского залива.

На следующий день, 4 ноября, «Марат» с 13 ч. 35 мин. до 14 ч. 04 мин. вел огонь по германской батарее в районе железнодорожной платформы Петергофские фонтаны. Было выпущено двенадцать 305-мм фугасных снарядов. Батарея противника прекратила стрельбу.

5 ноября адмирал Трибуц приказал командиру Главной военно-морской базы и командующему эскадрой для рассосредоточения кораблей по зимней дислокации перебазировать лидер «Минск» и эсминцы «Славный» и «Грозящий» в Ленинград. Переход из Кронштадта было приказано произвести Морским каналом, обеспечив полную безопасность перехода предварительным тралением фарватеров, огнем артиллерии, действиями военно-воздушных сил и постановкой дымовых завес.

Днем 6 ноября артиллерия противника произвела обстрел Ораниенбаума, Кронштадта и мыса Лисий Нос. Прямым попаданием снаряда на линкоре «Марат» был выведен из строя котел, убит один и ранено пять человек. На Морском заводе попаданием снаряда был разрушен шлюпочный цех.

Железнодорожная батарея № 1117 и батареи Кронштадтского и Ижорского укрепленных секторов № 318, 343, 611, 775 и 777 с 12 ч. 37 мин. до 17 ч. 49 мин. вели артиллерийский огонь по батареям противника в районах населенных пунктов Большие Лики, Кузнецы, Большой

Симоногонт, Новый Петергоф, совхоз «Беззаботный» и парка Александрия.

С 17 ч. 20 мин. до 23 ч. 17 мин. противник вел методический артиллерийский обстрел НИМАПа. Всего по полигону было выпущено 28 снарядов калибром 240–310 мм. В результате попаданий снарядов получили повреждения связь и наружная электросеть.

Железнодорожные батареи № 19, 1104, 1105, 1106 и батарея Ленинградской ВМБ № 470 поочередно с 18 ч. 58 мин. до 23 ч. 37 мин. вели огонь по германскому железнодорожному транспортеру, обстреливавшему НИМАП из района южнее населенного пункта Ладога. Всего по транспортеру было выпущено 33 снаряда калибром 180 мм и 102 снаряда калибром 130 мм. Неприятельский транспортер несколько раз прекращал стрельбу.

По сему поводу в журнале боевых действий 768-го тяжелого артиллерийского дивизиона резерва Главнокомандования вермахта говорится: "6.11.42. Во второй половине дня дивизион выпустил 28 снарядов с целью звукомаскировки орудия на железнодорожной установке, стрелявшего из района Ново-Лисино по складу взрывчатых веществ на Пискаревке, по батарее юго-восточнее Рыбацкого. Во время огневого налета батареей противника по району наших позиций произошло два прямых попадания в размещение штабной батареи, причинивших потери в личном составе, особенно рабочей команды, приданной штабной батарее и здесь размещенной.

Потери: штабная батарея – 1 убит, 5 ранены, 3 батарея – 1 ранен, рабочая команда – 3 убиты, 4 получили тяжелые контузии".

7 ноября с 1 ч. 06 мин. до 2 ч. 27 мин. немцы из района Нового Петергофа артиллерийским огнем обстреляли Кронштадт и мыс Лисий Нос. В Кронштадте на морском заводе возник пожар, который вскоре был потушен. Всего по Кронштадту было выпущено 39 снарядов, а по Лисьему Носу 26 снарядов. С 1 ч. 13 мин. до 2 ч. 10 мин., для прикрытия Кронштадта была поставлена дымовая завеса береговыми установками и катерами-дымзавесчиками.

В эту ночь, с 1 ч. 20 мин. до 2 ч. 30 мин., батареи Кронштадтского укрепленного сектора № 143, 153, 343, 613, 611 и 777 и железнодорожная батарея № 1118 вели артиллерийский огонь по германским батареям в районе Нового Петергофа, населенных пунктов Знаменская Колония, Знаменка, Кузнецы, Заводы, парк Александрия и совхоз «Беззаботный».

Батарея Кронштадтского укрепленного сектора № 279 на форте «Северный № 7» с 1 ч. 14 мин. до 1 ч. 18 мин. вела артиллерийский огонь по финской батарее в районе железнодорожной платформы Оллила.

Батарея стрельбу прекратила.

8 ноября «батареи Кронштадтского укрепленного сектора № 114 и 279 с 13 ч. 39 мин. до 16 ч. 38 мин. вели артиллерийский огонь по батареям и бронепоезду противника в районе населенных пунктов Оллила и Куоккала». [75]

На самом деле стрельба велась по 180-мм финскому железнодорожному транспортеру.

9 ноября с 0 ч. 17 мин. до 4 ч. 10 мин. из Кронштадта в Ленинград перешли лидер «Минск» и эсминцы «Славный» и «Грозящий». Немцы артиллерийским огнем с южного берега залива обстреливали наши корабли на переходе из Кронштадта в Ленинград. Жертв и повреждений не было.

Железнодорожные батареи № 190, 1109, 1110, 1111, 1118, 1119, 1121 и 1122 с 1 ч. 47 мин. до 2 ч. 41 мин. неоднократно артиллерийским огнем подавляли батареи противника, обстреливавшие наши корабли на коммуникации Кронштадт – Ленинград из районов населенных пунктов Стрельна, Ижорка, Поэзия, Заводы, поселок Володарского, Сосновая Поляна, Ивановка, Викколово, совхоз «Беззаботный» и парк Александрия. Железнодорожная батарея № 1117 с 1 ч. 35 мин. до 2 ч. 28 мин. вела огонь по прожекторам противника в районе Знаменки, в результате чего прожекторы прекратили работу. Батареи Кронштадтского укрепленного сектора № 153, 343 и 776 с 2 ч. 01 мин. до 2 ч. 47 мин. вели артиллерийский огонь по батареям и прожекторам противника в районах населенных пунктов Знаменка, Викколово, Луизино и Заводы.

Два самолета МБР-2 и девять самолетов У-2бис с 23 ч. 35 мин. 8 ноября до 6 ч. 40 мин. 9 ноября для обеспечения перехода кораблей из Кронштадта в Ленинград произвели 20 самолето-вылетов на бомбардировку противника в районах Петергофа, Урицка и Красного Села. Было сброшено десять авиабомб ФАБ-100, 72 бомбы АО-25, 112 бомб ЗАБ-1э и четыре РС-82. По донесению экипажей, был подавлен огонь трех батарей и двух отдельных орудий, а в Красном Селе возникли два пожара. Самолеты были обстреляны зенитной артиллерией и пулеметами и освещались тремя прожекторами из районов Красного Села и Стрельны.

13 ноября 180-мм железнодорожные батареи № 18 и 19 с 13 ч. 12 мин. до 13 ч. 50 мин. произвели испытание флегматизаторов, [76] ведя огонь по германской батарее в районе поселка Володарского.

В ноябре 1942 г. шла интенсивная переброска войск и имущества из Кронштадта в Ленинград. Германская артиллерия всячески пыталась воспрепятствовать этому. В ночь на 20 ноября два грузовых каравана совершили переход по Северному фарватеру Невской губы. В шестом часу

утра в двух с половиной милях к юго-западу от мыса Лисий Нос столкнулись тральщики № 34 и № 48, шедшие с караваном из Ленинграда в Кронштадт. В результате полученных повреждений тральщик № 48 затонул.

К 9 часам утра остальные суда этого каравана благополучно прибыли в Кронштадт. Другой караван, шедший из Кронштадта в Ленинград, был зажат передвигавшимся льдом в районе Петровского фарватера. Для оказания помощи каравану из Ленинграда вышли тральщик «Молотов» и два буксира. Учитывая приближение рассвета и возможность обстрела каравана противником, около 7 ч. 30 мин. с тральщика «Тюлень» и парохода «Энгельс» были сняты пассажиры-солдаты (440 человек) и отправлены по льду на берег для дальнейшего следования в Ленинград. Из-за малой видимости (тумана и снегопада) противник долгое время ничего против кораблей, затертых льдом, не предпринимал. Около 11 ч. 20 мин. немцы с южного берега Финского залива открыли артиллерийский огонь по каравану, который стал прикрываться дымовыми завесами. Обстрел с перерывами продолжался до 13 ч. 25 мин. На пароходе «Энгельс» крупным осколком снаряда был пробит фальшбот, на тральщике «Тюлень» повреждены надстройки, имелось много мелких осколочных пробоин в надводной части обоих бортов, убит один и ранены два человека. К 16 ч. 00 мин. весь караван прибыл в Ленинград.

23 ноября командующий ВВС Балтийского флота приказом № 071/оп выделил 25-ю эскадрилью 15-го авиаполка (самолеты У-2бис) для осуществления систематической борьбы с батареями противника, обстреливавшими Ленинград. Самолеты эскадрильи должны были действовать в темное время суток. Для получения задач по контрбатарейной борьбе командир 25-й эскадрильи с 24 ноября поступал в оперативное подчинение начальнику артиллерии флота. Использование самолетов 25-й эскадрильи для решения других задач было воспрещено.

15 декабря батарея Кронштадтского укрепленного сектора № 279 с 13 ч. 25 мин. до 13 ч. 29 мин. и железнодорожная батарея № 18 с 15 ч. 10 мин. до 15 ч. 55 мин. вели артиллерийский огонь по финскому «бронепоезду» в районе железнодорожной платформы Оллила, выпустив 12 снарядов.

Я опять уделяю основное внимание в контрбатарейной борьбе морской артиллерии. Сухопутная же артиллерия во второй половине 1942 г. в основном была занята непосредственной поддержкой сухопутных войск. Так, к примеру, расход снарядов артиллерии Ленинградского фронта в декабре 1942 г. составил: 107-мм и 122-мм пушечных снарядов – 6,5 тысяч;

152-мм гаубичных снарядов для МЛ-20 – 10,9 тысяч, а расход 203-мм снарядов – ноль. [77]

Еще в ночь на 17 сентября был поднят лежавший на грунте в Ленинградском Торговом порту крейсер «Петропавловск». К 5 ч. 35 мин. утра он был уже переведен к Железной стенке Торгового порта. Затем крейсер перевели к Масляному Буяну на территорию завода № 189. В начале ноября ремонт в основном завершили и перевели корабль на огневую позицию к Железной стенке Торгового порта.

И вот 30 декабря крейсер «Петропавловск» с 16 ч. 37 мин. до 17 ч. 07 мин., произведя испытания материальной части артиллерии, выпустил шесть 203-мм снарядов по батареям противника в районах Новоселье и парка Александрия. Железнодорожные батареи № 190, 1109 и 1119 с 16 ч. 35 мин. до 17 ч. 13 мин. вели огонь по трем германским батареям в районах Стрельны и поселка Володарского, обеспечивая стрельбу крейсера.

31 декабря противник, по данным «Хроники…», «активности не проявлял». Наша артиллерия тоже в основном помалкивала. Лишь железнодорожные батареи № 1111 и 1119 поочередно с 11 ч. 45 мин. до 13 ч. 47 мин. вели артиллерийский огонь по батареям противника в районах населенного пункта Заводы и поселка Володарского.

Но, как только стрелка часов подошла к 12, морская артиллерия устроила большой новогодний салют. Досталось и немцам по всему побережью от Стрельны до Петергофа, и финнам в районе Териоки – Девашово.

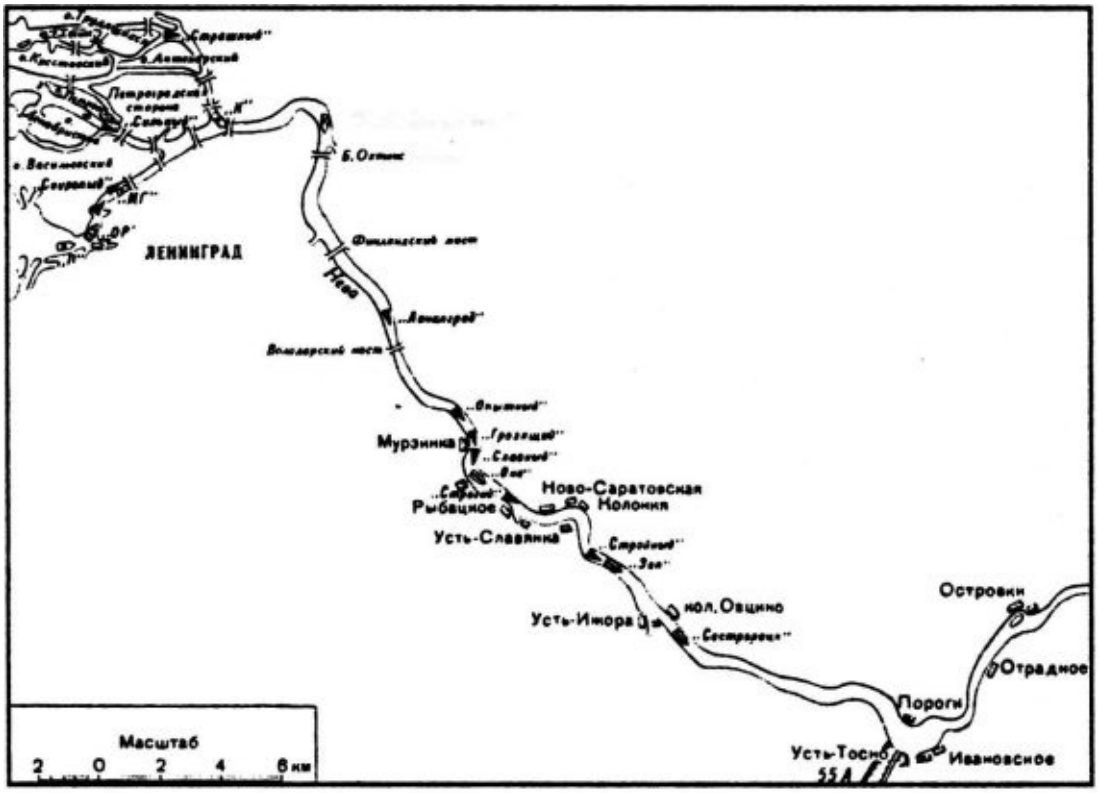
Глава 12 Операция «Искра»

Январь 1943 г. начался довольно рутинно. Вот, к примеру, 3 января: 130-мм батарея № 461 на острове Лавенсаари вела огонь по финской батарее на острове Соммерс. Результат неизвестен.

В этот день германская артиллерия обстреливала Ораниенбаум – несколько убитых (в документе: «незначительные жертвы»). Из района Стрельны германская батарея обстреляла торговый порт, угольную гавань и завод им. Кирова в Ленинграде. Железнодорожные батареи № 1108 (130-мм), № 1111 (130-мм) и № 1119 (100-мм) с 8 ч. 26 мин. до 13 ч. 16 мин. вели огонь по германским батареям в районах Новоселья, Стрельны и поселка Володарского. 130-мм батарея № 319 Ижорского укрепленного сектора с 13 ч. 55 мин. до 14 ч. 10 мин. вела огонь по батарее противника в районе Сашино, 152-мм батарея № 611 Кронштадтского укрепленного сектора с 16 ч. 15 мин. до 16 ч. 23 мин. стреляла по неприятельской батарее в районе населенного пункта Поэзия. Обе германские батареи огонь прекратили.

Еще 8 декабря 1942 г. началась подготовка к прорыву блокады Ленинграда на Шлиссельбургско-Синявинском выступе. К 3 января линия фронта проходила в непосредственной близости от города: на юге она была удалена всего на 4 км, на северо-западе, юго-западе и востоке – на 25–30 км.

Войска Ленинградского фронта занимали следующие позиции: 23-я армия обороняла Ленинград с северо-запада на Карельском перешейке; главные силы (42-я, 55-я и 67-я армии) прикрывали город с юга, юго-востока и востока, занимая рубеж Урицк, Пушкин, южнее Колпино, вдоль правого берега Невы до Шлиссельбурга и Осиновца. 67-я армия удерживала также небольшой плацдарм на левом берегу Невы у Московской Дубровки. 55-я отдельная стрелковая бригада, входившая в состав 67-й армии, прикрывала ледовую автомобильную дорогу на Ладожском озере. Войска Приморской оперативной группы удерживали позиции на ораниенбаумском плацдарме. **(Сх. 22)**

Дислокация кораблей Балтийского флота на р. Неве на 1 января 1943 г.

К 1 декабря 1942 г. в составе артиллерии Ленинградского фронта имелось 2748 пушек и 293 гаубицы, в том числе семьдесят 107-мм и 122-мм пушек, 118 – 152-мм пушек-гаубиц МЛ-20, 95 – 152-мм гаубиц и восемь 203-мм гаубиц Б-4.

"Войскам Ленинградского и Волховского фронтов противостояли с юга и востока 18-я немецкая армия (генерал-полковник Линдеман), в составе которой имелось до 26 дивизий, а на Карельском перешейке – до пяти финских дивизий из состава оперативной группы «Карельский перешеек». С воздуха 18-ю армию поддерживал 1-й воздушный флот. Наиболее сильную группировку противник сосредоточил в шлиссельбургско-синявинском выступе – до пяти дивизий, кроме того, до четырех дивизий находились в оперативном резерве. Дивизии были полностью укомплектованы (до 10–18 тыс. человек в дивизии) и подготовлены к действиям в лесисто-болотистой местности. В их составе имелось до 700 орудий и минометов, до 50 танков и штурмовых орудий.

Шлиссельбургско-синявинский выступ немцы превратили в мощный укрепленный район с узлами сопротивления, опорными пунктами, системой инженерных сооружений, противотанковых и противопехотных препятствий, минных полей. Оборона его против войск Ленинградского

фронта проходила вдоль левого, возвышенного и обрывистого берега Невы и состояла из двух-трех линий глубоких траншей. Она была насыщена многочисленными огневыми средствами: на километр фронта приходилось 30–40 огневых точек. Кроме того, здесь имелось шесть узлов сопротивления, в том числе в Шлиссельбурге, 1-м и 2-м Городках им. Кирова и опорный пункт в районе Лобаново.

Группировка германской артиллерии перед фронтом 67-й армии насчитывала до 40 батарей в Павлово, Келколово, Мустолово, Московской Дубровке, Шлиссельбурге, на стыке 67-й и 55-й армий – до 13 батарей в Воскресенском и Захожье.

Оборонительная позиция неприятеля перед войсками 8-й армии Волховского фронта также включала узлы сопротивления и опорные пункты в районах Липки, Рабочего поселка № 8, Гонтовой Липки и в других пунктах. Наконец, в глубине шлиссельбургско-синявинского выступа – в Рабочих поселках № 1, № 5 и в Синявино – противник оборудовал мощные узлы сопротивления, соединив их двумя линиями траншей". [78]

На самом деле всего в составе 18-й немецкой армии имелось девятнадцать пехотных и три авиаполевых дивизии, а также одна пехотная бригада СС. Из этих 23-х соединений только одна дивизия была выделена в армейский резерв. На каждую дивизию приходилось в среднем по 20 км фронта. Наиболее слабые 9-я и 10-я авиаполевые дивизии находились против ораниенбаумского плацдарма.

В операции Балтийский флот должен был участвовать силами 11 батарей стационарной береговой артиллерии (34 орудия калибра 406–100 мм), 16 батарей железнодорожной (32 орудия калибра 356–100 мм), артиллерией трех эсминцев и трех канонерских лодок (22 – 130-мм орудия).

Береговая артиллерия, как и корабельная, оперативно подчинялась начальнику артиллерии флота, но вызов огня осуществлялся по указанию командующего артиллерией Ленинградского фронта и по утвержденным им планам. Право на вызов огня предоставлялось также командирам наступавших соединений.

Для удобства управления железнодорожная артиллерия была разделена на две группы – городскую и № 2. В городскую артиллерийскую группу были сведены батареи железнодорожной артиллерии, оставленные на прежних огневых позициях для борьбы с артиллерией противника, обстреливающей Ленинград. В ней числилось восемь батарей, 180-мм транспортер батареи № 18 и два 180-мм транспортера батареи № 19. Городская артиллерийская группа непосредственного участия в прорыве

блокады Ленинграда не принимала. Группа № 2 состояла из северной и южной подгрупп. В северную подгруппу вошли семь батарей и 356-мм транспортер батареи № 11. Ее возглавил начальник бригады железнодорожной артиллерии. Южная подгруппа включала 11 батарей, два транспортера батареи № 18 и 356-мм транспортер батареи № 11. Командование группой № 2 принял на себя командир бригады. В резерве командира этой группы имелось три батареи (№ 1104, 1106 и 1116).

До январской наступательной операции железнодорожная артиллерия участвовала в ряде наступательных операций Ленинградского фронта. Но обеспечивала она их с постоянных огневых позиций или, во всяком случае, из постоянных районов, где батареи были развернуты с начала формирования бригады. Задачи, поставленные железнодорожной артиллерии в январской операции, требовали передислокации батарей и отдельных транспортеров на новые огневые позиции. Расположение последних выбиралось командирами дивизионов и отдельных батарей при помощи разведывательных групп.

30 декабря 1942 г. два батальона восстановительной железнодорожной бригады приступили к постройке железнодорожного тупика длиной 2300 метров в районе станции Каменка. К 4 часам утра 2 января 1943 г. его постройка была завершена. Инженерное оборудование огневых позиций осуществлялось с 1 по 12 января личным составом железнодорожной артиллерийской бригады и группой саперов инженерного отдела флота. За короткий срок в труднейших условиях болотистой местности были построены наблюдательные посты, землянки, укрытия для личного состава и боеприпасов, основные и запасные линии связи. В ночь на 12 января транспортеры и батареи перешли на новые огневые позиции. Здесь их тщательно и искусно замаскировали.

К началу операции все командиры батарей имели полные сведения о системе обороны противника, характере его оборонительных сооружений и данные о целях, по которым батареи должны действовать.

В своих ответственных полосах береговые батареи должны были вести огонь на подавление вражеских батарей. На артиллерийскую подготовку предусматривалось расходовать от 280 до 320 снарядов. Перед началом операции предварительная пристрелка реперов и целей в интересах маскировки запрещалась, поэтому огонь велся по площади.

Перед началом операции состав береговой артиллерии Балтийского флота существенно сократился, но не от воздействия противника, а по воле начальства. Во исполнение постановления ГКО от 20 декабря 1942 г. нарком ВМФ издал 30 декабря 1942 г. и 5 января 1943 г. приказы, в которые

Военному совету Балтийского флота предписывалось провести мероприятия по сокращению численности флота для передачи личного состава в Красную Армию.

В соответствии с этими приказами командующий Балтийским флотом 8 января приказал передать в состав войск Ленинградского фронта 190-й артиллерийский дивизион (восемь батарей с 45-мм и 76-мм орудиями), по четыре батареи из 196-го и 197-го отдельных артиллерийских дивизионов с 45-152-мм орудиями и две 76-мм полевые батареи Ижорского и Кронштадтского укрепленных секторов береговой обороны Кронштадтского морского оборонительного района, пять батарей со 120-мм орудиями 301-го артиллерийского дивизиона, 45-мм зенитную батарею и три 45-мм противокатерные батареи Ленинградской ВМБ, три батареи с 45-120-мм орудиями 302-го артиллерийского дивизиона Осиновецкой ВМБ.

Перечисленные дивизионы и батареи передавались в Красную Армию вместе с личным составом и материальной частью. Согласно приказу, кроме того, расформировывались семь береговых артиллерийских батарей (№ 132, 313, 322, 517, 611, 665) Кронштадтского морского оборонительного района, железнодорожная артиллерийская батарея № 190, несколько подразделений ВВС Балтийского флота, а их личный состав передавался в Красную Армию.

На основании приказа командующего Балтийским флотом от 13 января 1943 г. бронепоезд № 30 101-й морской бригады железнодорожной артиллерии со всей боевой техникой и личным составом 19 января был передан в состав Ленинградского фронта.

В ходе операции «Искра» советское командование решило пробивать коридор без попыток окружить хотя бы полк противника в «бутылочном горле», прямо по берегу Ладожского озера, зато без риска получить удар во фланг. Войска Ленинградского и Волховского фронтов здесь разделяли всего 12–15 км. Зимой 1943 г. задача ударной группировки Волховского фронта состояла в том, чтобы прорвать оборону немцев на участке Липка, Гайтолово, уничтожить оборонявшиеся здесь войска противника, овладеть Рабочими поселками № 1, № 5 и Синявино и, соединившись с войсками Ленинградского фронта, повернуть фронт наступления на юг и выдвинуться на линию река Мойка, поселок Михайловский, Тортолово.

Состав назначенной для наступления со стороны Ленинграда 67-й армии генерал-майора М.П. Духанова за счет резервов и перегруппировки некоторых соединений и частей с других участков фронта был значительно усилен. К началу операции армия имела в своем составе семь стрелковых дивизий; шесть стрелковых, одну лыжную и две танковые бригады, два

отдельных танковых батальона, минометную бригаду, двадцать два артиллерийских и минометных полка, шесть дивизионов тяжелой артиллерии Балтийского флота и пятнадцать инженерных батальонов.

Войска 67-й армии в операции «Искра» были построены в два эшелона. Первый эшелон составляли 45-я гвардейская, 268, 136-я и 86-я стрелковые дивизии. Каждая дивизия первого эшелона армии была усилена танковым батальоном, четырьмя-пятью артиллерийскими и минометными полками, истребительно-противотанковым артиллерийским полком и одним-двумя инженерными батальонами. Во втором эшелоне находились 13-я и 123-я стрелковые дивизии, 142-я и 123-я стрелковые бригады. В армейском резерве оставались 102-я и 138-я стрелковые, 34-я лыжная, 152-я и 220-я танковые бригады. Оборона пассивного участка фронта по правому берегу Невы на участке Пороги, Невская Дубровка, практически равного по ширине участку прорыва, возлагалась на 46-ю стрелковую дивизию и 11-ю стрелковую бригаду. Обеспечение Ладожской трассы с юга было возложено на 55-ю стрелковую бригаду, оборонявшуюся на льду Ладожского озера.

Таким образом, против оборонявших Шлиссельбургско-Синявинский выступ войск противника, равных по силам примерно шести пехотным дивизиям и имевших в своем составе до 700 орудий и минометов, командование Ленинградского и Волховского фронтов сосредоточило двадцать стрелковых дивизий, семь стрелковых, три лыжные и пять танковых бригад с общим количеством 4600 орудий и минометов и около 500 танков. Численное превосходство над противником было создано по пехоте в 4,5 раза, по артиллерии – в 6–7 раз и по танкам – в 10 раз.

В отношении танков ситуация была довольно своеобразная. В распоряжении командующего 18-й армией была 1-я рота 502-го тяжелого танкового батальона «Тигров». На 18 ноября 1942 г. в ней числилось девять Pz.III с 50-мм длинноствольной пушкой, семь Pz.III с 75-мм короткоствольной пушкой и шесть Pz.VI «Тигр». Наличие «Тигров» несколько нарушало общую картину подавляющего превосходства советских войск в танках. В роли средства борьбы с советской бронетехникой «Тигры» могли доставить немало неприятностей. Снижала эффект от использования новых немецких танков только болотистая местность, неблагоприятная для тяжелых танков. Также в подчинении 18-й армии находился 226-й батальон штурмовых орудий.

В 9 ч. 30 мин. 12 января в воздух был сотрясен одновременным залпом сотен советских орудий. Плотность огня на отдельных участках прорыва достигала 2–3 артиллерийских попадания на 1 кв. м. Передний край

обороны противника покрылся сплошными разрывами. В этих условиях командиры батарей лишились возможности корректировать огонь батарей. Их попытка отметиться по воздушному разрыву дистанционной гранатой тоже ни к чему не привела, так как воздух был наполнен разрывами снарядов зенитных батарей противника. Только командир 356-мм транспортера батареи № 11 мог осуществлять корректировку, так как ее разрывы резко выделялись, а наблюдательный пост был расположен всего в 2–3 км от целей.

В первые 5-10 минут немцы пытался отвечать одиночными орудийными выстрелами, но сразу же прекратил огонь, не в силах выдержать шквала огня. Впоследствии во время артиллерийской подготовки наши береговые батареи неоднократно отвлекались на подавление активных батарей противника. Так, например, разведка 402-го дивизиона обнаружила две интенсивно действующие батареи в районе крепости Шлиссельбург. Хотя они находились вне ответственных секторов 402-го дивизиона, его командир провел короткие, но мощные огневые налеты по целям, сосредоточивая в каждом огонь трех батарей. Враг прекратил обстрел наших войск.

В 11 ч. 20 мин. артиллерийская подготовка закончилась, огонь был перенесен в глубину обороны противника, темп стрельбы резко снизился. На этом этапе главной задачей береговой артиллерии являлось подавление артиллерийских и минометных батарей, мешавших продвижению наших сухопутных частей. Кроме того, она вела огонь по скоплению живой силы и техники. В этих случаях вызов огня производился командующим артиллерией 67-й армии через командиров артиллерийских групп.

С 12 по 18 января артиллерия флота провела 1205 стрельб и израсходовала 29 101 снаряд калибра 406–100 мм. В результате в 759 случаях подавлен огонь батарей противника, уничтожено восемь батарей и два отдельных орудия, разрушено 14 узлов сопротивления, в том числе наиболее мощные в районах Шлиссельбурга и на горе Преображенская. Кроме того, уничтожено два склада с боеприпасами, взорван железнодорожный эшелон с боевой техникой и снарядами, нанесен большой урон живой силе и технике противника.

По отзывам командующего артиллерией Ленинградского фронта и командира 136-й стрелковой дивизии, артиллерийская обработка узлов сопротивления противника, проведенная батареями группы № 2, была настолько эффективна, что артиллерия противника в этот период была в значительной степени парализована. Только батареи северной подгруппы провели 249 стрельб. Они разрушили 7 узлов сопротивления, в 48 случаях

подавили огонь вражеских батарей, кроме того, уничтожили артиллерийскую батарею, 21 танк, 48 автомашин, 7 самолетов на аэродроме, в районе целей вызвали 14 взрывов и пожаров.

Всего морская артиллерия провела 164 стрельбы (14 % общего числа стрельб), из них 76,6 % стрельб по огневым точкам и 23,4 % по укреплениям. В боевом применении морской артиллерии были и серьезные недостатки. Из-за того, что морская артиллерия, береговая в частности, своевременно не перенацеливалась на уничтожение сильных опорных пунктов врага, находившихся в глубине обороны, в руках противника до конца операции оставались мощные узлы сопротивления в районе 8-й ГЭС, в Шлиссельбурге, в рабочих городках и поселках на подступах к основному узлу обороны в районе Синявинских высот.

Вот только несколько цифр, характеризующих действие морской артиллерии. Содействуя наступающим частям 67-й армии, артиллерия Балтийского флота в течение 12 января 1943 г. израсходовала 9996 снарядов. Из них: 22 снаряда – 406-мм, 29 – 356-мм, 819 – 180-мм, 483 – 152-мм, 6315 – 130-мм, 728 – 120-мм, 410 – 102-мм и 1190 – 100-мм.

13 января израсходован 1861 снаряд. Из них: 3 снаряда – 356-мм, 310 – 180-мм, 126 – 152-мм, 1014 – 130-мм, 306 – 120-ии и 102 – 100-мм.

За 14 января артиллерия флота израсходовала 1496 снарядов. Из них: 12 снарядов – 356-мм, 15 – 180-мм, 10 – 152-мм, 1046 – 130-мм, 177 – 120-мм, 70 – 102-мм и 166 – 100-мм.

За 15 января на поддержку наступавших частей 67-й армии артиллерия флота израсходовала 1093 снаряда. Из них: 59 снарядов – 180-мм, 40 – 152-мм, 716 – 130-мм, 62 – 120-мм и 216 – 100-мм.

16 января на поддержку наступавших частей 67-й армии артиллерия флота израсходовала 2068 снарядов. Из них: 22 снаряда – 356-мм, 25 – 152-мм, 1532 – 130-мм, 65 – 120-мм, 80 – 102-мм и 344 – 100-мм. [79]

Всего за время наступательной операции с 12 января по 30 января для поддержки частей 67-й армии морская артиллерия провела 1205 стрельб и выпустила 20 216 снарядов.

Таблица 9 **Расход боеприпасов артиллерии КБФ во время проведения операции по прорыву блокады Ленинграда 12–30 января 1943 г.** [80]

Вид артиллерии	Количество снарядов		
	На поддержку частей 67-й армии	На другие задачи	Всего
Корабельная	3185	—	3185
Береговая	4232	2256	6488
Железнодорожная	12799	3658	16457
Итого	**20216**	**5914**	**26130**

Еще раз повторюсь: это лишь снаряды, израсходованные на поддержку войск 67-й армии.

18 января к 13 ч. 50 мин. окруженные в Шлиссельбурге подразделения немцев прекратили сопротивление. Было захвачено до 500 пленных. Всего, по советским данным, немцы потеряли в шлиссельбургско-синявинском выступе более 13 тысяч человек убитыми и 1261 пленными. Наши трофеи составили 222 орудия, 178 минометов, 512 пулеметов, 9 бронемашин, 26 танков, в том числе один «Тигр», захваченный в районе Рабочего поселка № 5 бойцами 18-й стрелковой дивизии. Этот танк отправили в Москву для детального изучения.

В ходе операции «Искра» войскам 67-й армии Ленинградского фронта и 2-й ударной армии Волховского фронта удалось продвинуться на 6–9 км и пробить вдоль берега Ладожского озера сухопутный коридор шириной от 8 до 11 км.

Захватить железнодорожную линию Мга – Кириши не получилось. Поэтому срочно приступили к строительству новой железной дороги южнее Ладожского озера. О ней мы поговорим несколько позже. А пока подведем некоторые итоги.

В ходе операции «Искра» с советской стороны участвовали 21 дивизия, 21 бригада и один укрепленный район, всего 302,8 тыс. человек. (Цифры приведены к началу операции). С 12 по 30 января 1943 г. безвозвратные потери составили 33 940 человек, санитарные – 81 142 человека, итого 115 082 человека. [81]

Следует отметить, что морская артиллерия помимо поддержки наступления 67-й армии в операции «Искра» ни на один день не прекращала артиллерийской дуэли с дальнобойными батареями финнов и немцев. Вот хроника только одного дня – 14 января 1943 г.: "В ночь на 14 января вражеская артиллерия, расположенная в районе Петергофа, обстреляла Ленинград, Кронштадт, Лисий Нос, ледовую дорогу Кронштадт – Горская и фарватер Кронштадт – Ораниенбаум.

Батареи № 153 (100-мм), № 343 (130-мм), № 613 (130-мм) и № 775

(130-мм) Кронштадтского укрепленного сектора с 0 ч. 39 м. до 1 ч. 45 м. вели огонь по батареям противника, обстреливавшим Ленинград и Кронштадт из районов населенных пунктов Новый Петергоф, Знаменка, Поэзия, Владимирово, Стрельна, поселок Володарского и парка Александрия. Во всех случаях неприятельские батареи приводились к молчанию.

В 0 ч. 55 м. стационарные дымовые станции № 2, 3, 4, 5, 6 и 9 во взаимодействии с аэросанями ставили дымовую завесу, прикрывая объекты Кронштадта от вражеского обстрела. Такое взаимодействие станций с аэросанями давало возможность скрыть от неприятельских корректировщиков не только объекты Кронштадта, но и береговую черту острова Котлин и создавало большое неудобство противнику при стрельбе.

Железнодорожная батарея № 1111 (130-мм) с 1 ч. 21 м. до 3 ч. 00 м. провела несколько стрельб по батареям противника в районах пунктов Новоселье, Новые Заводы, Стрельна и поселок Володарского, а также вела огонь по району Красного Села.

Днем артиллерия противника выпустила 80 снарядов по Ленинграду и по дамбе Морского канала, а также дважды обстреляла порт Ораниенбаум, выпустив по нему 89 снарядов. Кроме того, по острову Котлин было выпущено 5 и по фарватеру Кронштадт – Ораниенбаум 20 снарядов. Военные объекты не пострадали.

В 11 ч. 27 м. стационарные дымовые станции № 2, 3, 4, 5, 6 и 9 во взаимодействии с аэросанями ставили дымовую завесу, прикрывая объекты Кронштадта от вражеского обстрела.

Железнодорожные батареи № 19 (180-мм), № 1108, 1109, 1110, 1111, 1117 и 1118 (все по 130 мм) с 11 ч. 35 м. до 23 ч. 44 м. несколько раз вели огонь по вражеским батареям, обстреливавшим Ленинград и Кронштадт из районов населенных пунктов Стрельна, Викколово, Поэзия, Владимирово, Заводы, Новоселье и поселок Володарского.

Батареи 100-мм № 153, 130-мм № 343, 130-мм № 775, № 776 и 777 (обе по 100 мм) Кронштадтского укрепленного сектора и батареи 152-мм № 318 и 130-мм № 319 Ижорского укрепленного сектора с 11 ч. 36 м. до 22 ч. 56 м. вели огонь по батареям противника, обстреливавшим Ленинград из районов пунктов Новый Петергоф, парк Александрия, парк Михайловский, Знаменка, Поэзия и Владимирово. 100-мм батарея № 341 Ижорского укрепленного сектора с 17 ч. 36 м. до 17 ч. 39 м. обстреливала станцию Копорье.

130-мм железнодорожная батарея № 1109 по вызову начальника артиллерии 42-й армии с 21 ч. 00 м. до 22 ч. 42 м. произвела два

артиллерийских налета по району Красного Села, израсходовав 55 снарядов". [82]

В ходе операции «Искра» и в последующие недели немцы усилили обстрел Ленинграда. Так, в ночь на 21 января артиллерия противника (из района Петергофа и др.) обстреляла Ленинград, выпустив по нему около 120 снарядов, Кронштадт (90 снарядов), Ораниенбаум (29 снарядов) и Лисий Нос (30 снарядов). В Ленинграде в результате обстрела военные объекты не пострадали. В Кронштадте был поврежден плавучий кран, а в Ораниенбауме разрушен дом.

А вот любопытный абзац в «Хронике…»: «В ночь на 25 января противник выпустил (из неустановленного района) 3 снаряда по району Финляндского вокзала в Ленинграде». [83] Уж не «миролюбивые» ли финны постарались?

Днем 27 января в течение семи часов вражеская артиллерия обстреливала Ленинград. С 10 ч. 30 мин. две германские батареи открыли огонь по городу и по Торговому порту из района Стрельны, но к полудню они были подавлены артиллерией нашего флота. Однако в это же время в обстрел города последовательно включились еще не менее шести германских батарей из района Новополье – поселок Володарского. Вскоре возобновила стрельбу и замолчавшая батарея из района Стрельны.

С 13 ч. 00 мин. немцы использовали для обстрела города новые батареи – из районов совхоза «Беззаботный», Лесного Питомника и южнее Стрельны, маскируя их огнем ранее стрелявших батарей. Но, несмотря на большое количество этих батарей, все они подавлялись огнем артиллерии флота.

С 15 ч. 25 мин. (в течение последующего часа) вместо батарей, ранее обстреливавших город, немцы ввели в действие батареи, находившиеся на более удаленных позициях: в районе Владимирово – Павкуля. Продолжали стрелять также отдельные орудия из района совхоза «Беззаботный». По мнению командующего береговой обороной флота, такое последовательное включение вражеских батарей в стрельбу по городу указывало на то, что противник проводил специальную операцию по определенному плану.

К 17 ч. 30 мин. обстрел Ленинграда прекратился. В общей сложности в течение семи часов город обстреливали 15–17 неприятельских батарей, выпустивших около 400 снарядов. Городу были причинены значительные повреждения.

Железнодорожные батареи 180-мм № 18, 130-мм № 1108, 1109, 1110, 1111, 1117 и 1118 и 100-мм № 1119 с 10 ч. 49 мин. до 17 ч. 39 мин., 100-мм батарея № 143 и 130-мм батарея № 343 Кронштадтского укрепленного

сектора с 12 ч. 00 мин. до 16 ч. 47 мин. и 122-мм батарея № 342 Ижорского укрепленного сектора с 14 ч. 13 мин. до 20 ч. 20 мин. вели огонь по батареям противника, обстреливавшим Ленинград из районов населенных пунктов Стрельнинская Колония, Сашино, Натколово, Стрельна, Поэзия, поселок Володарского, Викколово, поселок Ленина, Кикенка, Павкуля, Порзолово, Владимирово, поселок Свердлова, Низино и Новый Петергоф.

Интенсивные обстрелы Ленинграда продолжались и в феврале 1943 г. Так, 9 февраля с 6 ч. 25 мин. до 16 ч. 40 мин. вражеская артиллерия (до 90 стволов и железнодорожный транспортер) методически обстреливала все районы Ленинграда, выпустив по городу 752 снаряда калибром 150 и 340 мм. Особенно интенсивно обстреливались Свердловский, Московский и Кировский районы города, а также Московский и Варшавский вокзалы. В городе были разрушения, убиты 18 и ранены 55 человек. Крупный (340-мм) снаряд разорвался в общежитии НИМАПа, там были убиты 3 и ранены 4 человека.

13 февраля две батареи НИМАПа – 406-мм и 180-мм, а также железнодорожные батареи 356-мм № 11 и 180-мм № 12 с 9 ч. 10 мин. до 23 ч. 40 мин., поддерживая части 67-й армии, вели огонь по германским батареям и узлам сопротивления в районах Келколово, 8-й ГЭС (Московская Дубровка) и Второго Городка. Были отмечены несколько прямых попаданий в здание 8-й ГЭС и два взрыва (один из них большой силы), уничтожена одна и приведены к молчанию три батареи противника. **(Сх. 23)**

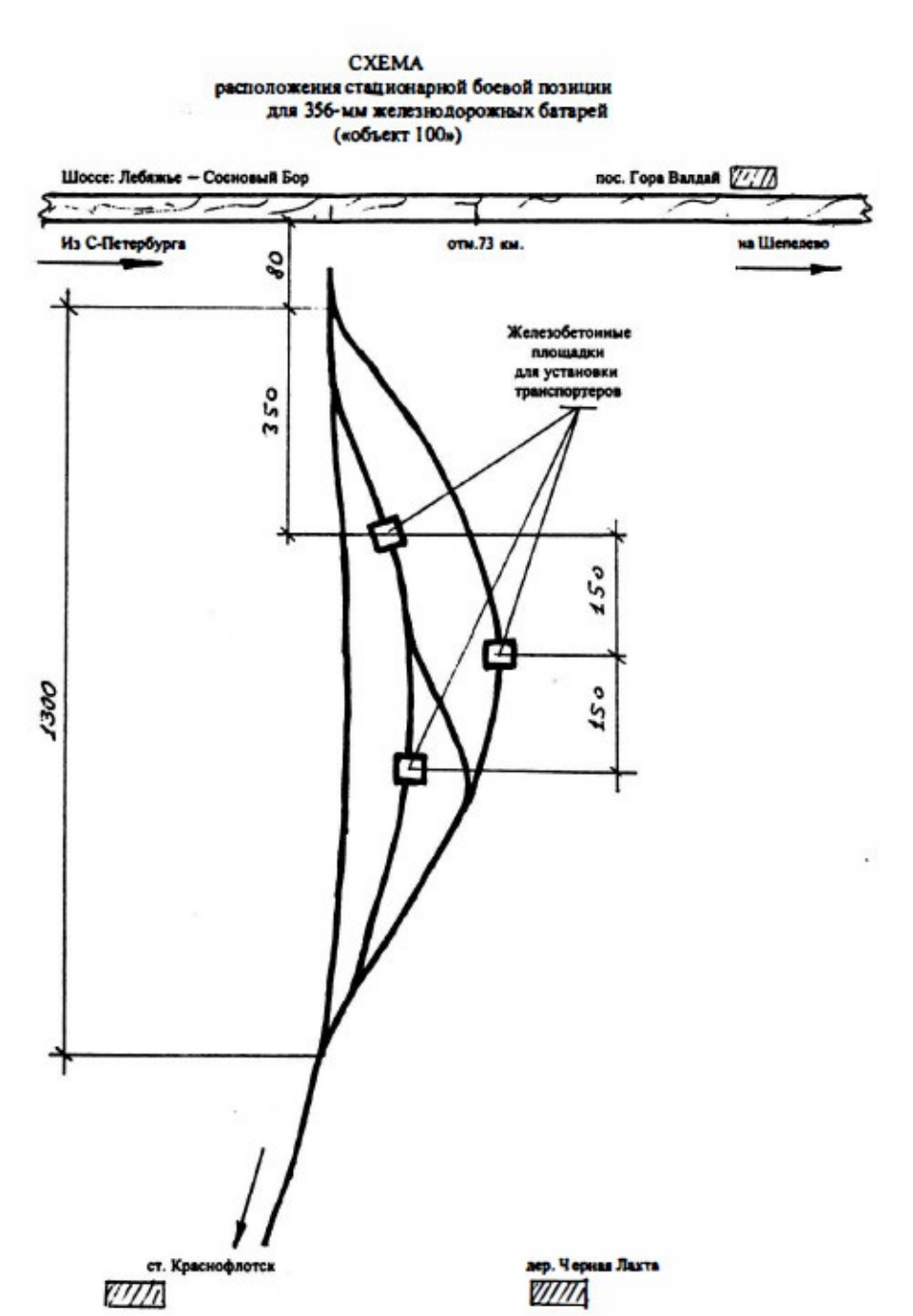

Схема расположения стационарной боевой позиции для 356-мм железнодорожных батарей («объект 100»)

Не могу не упомянуть и о любопытном инциденте, хотя он и не касается артиллерии, – бое аэросаней. 22 февраля «шесть аэросаней перешли из Шепелево на остров Сескар и пять аэросаней – с острова Сескар в Шепелево. Во время перехода из Шепелево на Сескар наши аросани были безрезультатно обстреляны с приблизившихся аэросаней

противника». [84]

Днем 28 февраля «вражеская артиллерия (из неустановленного района) выпустила 11 снарядов по Ленинграду, 265 по Кронштадту, 11 по Ораниенбауму и 14 по ледовой трассе Кронштадт – Малая Ижора; в Кронштадте были повреждены некоторые склады, казармы и дома; осколками снарядов повреждены сторожевой катер МО-302, гидрографическое судно „Рулевой“, торпедный катер № 63 и тральщик МЗ-1; были убиты 10 и ранены 20 человек». [85]

12 марта командир Ленинградской ВМБ представил Военному совету Балтийского флота проект дымомаскировки устья Невы и закрытой части Морского канала для прикрытия стоявших в устье Невы линкора «Октябрьская Революция» и крейсера «Петропавловск» от прицельного артиллерийского огня противника. Военные совет проект одобрил, и было приказано установить первую стационарную систему дымопусков к 1 апреля, а вторую – к 15 апреля.

Глава 13 180-мм пушки против люфтваффе

Постановление Государственного Комитета Обороны от 18 января 1943 г. предписывало построить железную дорогу протяженностью 33 км за предельно короткий срок – 20 дней. Непосредственные работы начались 22 января. Реально строительство было завершено даже с опережением графика, первые поезда по дороге пошли уже в ночь на 6 февраля 1943 г.

Трасса линии на протяжении около 10 км проходила всего лишь в 3–4 км от вражеских позиций и на открытой местности хорошо просматривалась. Поезда подвергались частым артиллерийским обстрелам, вызывавшим разрушение пути и подвижного состава. У железнодорожников эта трасса получила название «коридор смерти». На дороге было введено движение только в ночное время, причем одностороннее – одну ночь к Ленинграду, другую – в обратном направлении. Поезда шли с потушенными огнями, по принципу поточного, «караванного» движения. Они отправлялись вслед, то есть друг за другом через определенный интервал времени с обеспечением видимости машинистом хвоста впереди идущего поезда. При этом приходилось двигаться с малой скоростью и особой осторожностью.

В момент прохода поездов германская артиллерия открывала по ним огонь, последовательно перенося его от Рабочего поселка № 9 на Рабочий поселок № 1. Обстрелам также подвергались полустанок Шлиссельбург, железнодорожные мосты через Неву, Назию и Черную и полустанок Междуречье. Обычно обстрелы производились короткими огневыми налетами с расходом о 6 до 30 выстрелов калибра 15–24 см.

Только с 1 по 25 мая немецкая артиллерия выпустила по мостам 424, по полустанку Шлиссельбург – 428, по полотну железной дороги на участке Рабочий поселок № 4 – Рабочий поселок № 1 – 1210 и по разъезду Междуречье – 242 снаряда.

Огонь немцев был достаточно эффективным. Так, 3 марта 1943 г. в результате артиллерийского обстрела были уничтожены 41 вагон с боеприпасами и 10 вагонов с другими грузами. Движение приостановилось на двое с половиной суток. 16 марта прямым попаданием в эшелон было уничтожено еще 40 вагонов боеприпасов. Однако, несмотря на все эти трудности, железная дорога постоянно увеличивала поток грузов в

Ленинград. Если в феврале и марте 1943 г. в Ленинград проследовало 69 и 60 поездов, то далее поток перевозок постоянно возрастал, уже в апреле превысив значение в 150 поездов. Всего за 1943 г. по железной дороге было доставлено в город 4,4 млн. тонн грузов, что почти в три раза превышало объем перевозок по зимним и летним дорогам ладожской «дороги жизни».

Доставка грузов в Ленинград по железной дороге стала возможна исключительно благодаря контрбатарейной стрельбе нашей сухопутной и морской артиллерии. Для противодействия германским орудиям, обстреливавшим железную дорогу, были выделены мощные артиллерийские средства, объединенные в армейскую артиллерийскую группу дальнего действия 2-й ударной армии (311-й, 1106-й и 561-й пушечные артиллерийские полки, 21-й и 28-й армейские артиллерийские полки со средствами разведки). Большая часть полков этой группы (311-й, 1106-й и 28-й полки) располагалась на правом фланге армии и меньшая (21-й и 561-й полки) – на левом. Управление группой осуществлял штаб 28-го армейского артиллерийского полка. В таком положении группа действовала до конца мая 1943 г. Однако расположение полков на флангах армии значительно усложняло управление группой, тем более такими маломощными средствами, как штаб полка, и поэтому штаб артиллерии армии разделил группу на две группы дальнего действия – западную и восточную, действовавшие, по существу, самостоятельно.

Западной группой (28-й армейский артиллерийский полк, 311-й и 1106-й пушечные артиллерийские полки, с двумя взводами звуковой разведки и двумя отрядами аэростатов наблюдения) командовал командир 28-го армейского артиллерийского полка, а восточной (21-й армейский и 561-й пушечный артиллерийские полки) – командир 21-го армейского артиллерийского полка.

Для обеспечения работы аэростатов наблюдения и для борьбы с самолетами-корректировщиками противника выделялись по соответствующим заявкам самолеты истребительной авиации. Например, в мае 1943 г. командиру западной группы было выделено шесть истребителей, но фактически на задание их вылетело меньше (один был подбит, а остальные привлекались командиром авиаполка для выполнения других задач). Так, например, 27 мая, когда противник обстреливал мосты через Неву, в воздух поднялись только три истребителя, которые не могли помешать работе немецкого корректировщика, прикрытого своими истребителями, и мосту были нанесены серьезные повреждения.

Помимо армейских групп, к борьбе с артиллерией противника в полосе 2-й ударной армии привлекалась специальная группа дальнобойной

артиллерии Балтийского флота в составе 402-го и 405-го железнодорожные артиллерийских дивизионов, вооруженных 130-мм пушками, и 12-й отдельной железнодорожной батареи 180-мм орудий.

Одна из германских батарей систематически обстреливала временный железнодорожный мост через Неву в районе Шлиссельбурга. В свою очередь за батареей охотилось командование 28-го армейского артиллерийского полка.

Наши "сметливые артиллеристы построили в районе командного пункта в лесу вышку, с которой хорошо просматривался передний край обороны противника, а главное – мост через Неву. Батарея противника вела огонь с помощью самолета-корректировщика. Разговор летчика-наблюдателя с командиром батареи по радио шел открытым текстом на немецком языке.

На вышку взобралась с приемником девушка-разведчица, хорошо владевшая немецким языком. Она переводила и передавала по телефону на землю (на командный пункт) весь разговор, происходящий в эфире. Одновременно к мосту был направлен офицер-наблюдатель, обязанностью которого было доносить об обстреле моста, собирать осколки для определения калибра орудий, отмечать вехами направление стрельбы. Наблюдатель имел самостоятельную телефонную связь с командным пунктом.

Все приготовились к «охоте». И вот однажды в эфире звучит голос: «Дорогой Ганс, слушай меня. Вылетаю на работу, приготовься». На что последовал ответ: «Знаю, эту работу почему-то всегда поручают мне. Буду готов, Альфред. Подавай команду». Всю эту беседу немедленно перевела и передала отважная разведчица. Теперь контрбатарейщики знали, что батарея с позывным «Ганс» будет вести огонь по мосту о помощью корректировщика под именем «Альфред».

Альфред добросовестно передавал своему Гансу все данные о результате огня. Эти данные через переводчицу получал и командир контрбатарейной группы, который принял меры к подавлению батареи, одновременно передав приказ присланной химической роте приступить к задымлению моста.

Вскоре Альфред заговорил: «Ничего не вижу. Ухожу на посадку пить кофе. Когда дым рассеется, работу продолжим». Так прошло некоторое время. Наша «охота» за батареей «Ганс» упорно продолжалась.

И вот наступило 5 июля, когда Альфред снова пригласил Ганса открыть огонь по мосту. В результате тщательного анализа всех поступивших к нам разведывательных данных звуковой разведке удалось

достоверно засечь эту батарею, и на «Ганса» навалились шесть батарей, ведя огонь на ее уничтожение. В это время Альфред завопил: «Ахтунг! Ухожу на посадку – в воздухе Покрышев; ахтунг, кончаю работу!»

Как же было узнать о результате нашего огня?

Нам помог все тот же неугомонный Альфред. Видимо, он был неплохой летчик-наблюдатель.

На следующий день опять повисла «рама» над районом моста, но в этот раз Альфред вызывал некоего Вилли. Интересен был разговор, благо, что немцы не подозревали, что их слушают. «Вилли, Вилли!» – звал Альфред. Вилли отвечал: «Почему не работает Ганс, ведь это его задача?» Альфред с грустью произнес: «Бедняга Ганс после вчерашней истории приводит свое хозяйство в порядок, уж больно много вреда принесли ему Иваны».

Так стал известен результат уничтожения батареи. Надо отдать справедливость Гансу: он лучше справлялся со своей задачей по разрушению моста. У Вилли что-то не клеилось со стрельбой, и Альфред выругавшись ушел на посадку". [86]

В середине марта 1943 г. начались налеты 1-го воздушного флота люфтваффе на Ленинград и железную дорогу Шлиссельбург – Тихвин.

В ответ командование Балтийского флота нанесло авиаудары по удаленным аэродромам, где базировались германские бомбардировщики, а морская артиллерия – по ближним аэродромам, где базировались истребители, легкие разведывательные и связные самолеты.

В годы войны немцы называли наши легкие ночные бомбардировщики У-2 «хромыми воронами», «пилой для нервов» и т. д. Тем не менее, они сами в начале 1943 г. создали несколько таких же эскадрилий в составе 1-го воздушного флота. Они были сведены в легкобомбардировочную группу (Stoerkampfgruppe Luftflotte 1). Матчасть новой группы состояла из устаревших легких бомбардировщиков и учебных самолетов взятых из различных летных школ Люфтваффе. «Ночники» Stoerkampfgruppe летали на весьма разношерстной «коллекции», состоявшей из разнообразных бипланов, таких как Ar-66, Go-145, He-45, He-46 и W.34. Чтобы с большим эффектом использовать эти легкие машины, имевшие незначительный радиус действия, их надо было расположить как можно ближе к линии фронта. Поэтому вполне естественно, что группу разместили на передовом аэродроме в Гатчине.

Любопытно, что самые большие потери новая авиагруппа понесла 9 апреля 1943 г. вследствие… неметкой стрельбы наших артиллеристов. Цитирую «Хронику…»: «Один транспортер железнодорожной батареи

№ 19 (180-мм) с 1 ч. 10 м. до 1 ч. 18 м. и с 4 ч. 30 м. до 4 ч. 37 м. вел артиллерийский огонь по станции Гатчина-Товарная, вызвав там пожары и взрывы. Прикрывая эту стрельбу, второй транспортер батареи № 19 в то же время обстреливал неприятельскую батарею в районе населенного пункта Новая». [87]

Несколько 180-мм снарядов упали на летное поле Гатчинского аэродрома, в результате чего сгорели восемь He-46 и четыре Ar-66. Это было замечено советской разведкой, и уже 10 апреля один транспортер железнодорожной батареи № 19 с 4 ч. 10 мин. до 4 ч. 16 мин. вел артиллерийский огонь по Гатчинскому аэродрому. Прикрывая эту стрельбу, второй транспортер той же батареи с 4 ч. 10 мин. до 4 ч. 30 мин. стрелял по району города Красное Село.

После этого обстрелы Гатчинского аэродрома стали вестись почти ежедневно. 12 апреля один транспортер железнодорожной батареи № 19 с 1 ч. 30 мин. до 1 ч. 35 мин. и с 4 ч. 35 мин. до 4 ч. 42 мин. стрелял по этому аэродрому. Обеспечивая стрельбу, второй транспортер батареи № 19 с 1 ч. 30 мин. до 5 ч. 05 мин. вел огонь по германским батареям в районе Красное Село – Новое.

На следующую ночь все повторилось. На аэродроме был замечен большой пожар.

16 апреля германская артиллерия из района Стрельны, совхоза «Беззаботный» и поселка Ленина обстреляла Ленинград, выпустив 58 снарядов. Обстрелу подверглись корабли, стоявшие на Неве у Балтийского завода. Один снаряд попал в левый срез линкора «Октябрьская Революция». Взрывом выведена из строя 76-мм пушка и разрушено три каюты. Получил повреждения и эсминец «Сторожевой». Во время обстрела автомашины-дымзавесчики закрывали дымом район стоянки «Октябрьской Революции» и «Сторожевого».

В этот день железнодорожные батареи 152-мм № 1122, 130-мм № 1108, 1109, 1110, 1111, 1116, 1118, 100-мм № 1119, 130-мм батарея № 343 Кронштадтского укрепленного сектора, 130-мм батарея № 319 и 122-мм батарея № 342 Ижорского укрепленного сектора с 16 ч. 15 мин. до 23 ч. 55 мин. провели 68 стрельб по неприятельским батареям, обстреливавшим Ленинград из районов населенных пунктов Стрельна, Заводы, Каменка, поселок Ленина, поселок Володарского, Новополье, Горбунки, Лесной Питомник, Павкуля, Новоселье и совхоз «Беззаботный». В большинстве случаев германские батареи прекращали огонь.

В ночь на 18 апреля 180-мм железнодорожный транспортер батареи № 19 с 0 ч. 46 мин. до 0 ч. 54 мин. произвел артиллерийский налет по

немецкому аэродрому в Красногвардейске (Гатчине), а с 3 ч. 21 мин. до 3 ч. 25 мин. – по станции Гатчина-Товарная. Прикрывая эту стрельбу, транспорте 180-мм железнодорожной батареи № 18 и железнодорожные батареи 130-мм № 1108, 1109, 1118 и 100-мм № 1119 с 0 ч. 48 мин. до 3 ч. 58 мин. дважды вели методический огонь по наиболее активным неприятельским батареям в районе населенных пунктов Новая, Новополье, Каменевка, Стрельна, совхоз «Беззаботный» и поселок Володарского. Немцы выпустили 30 снарядов (105– и 155-мм) по стрелявшему транспортеру железнодорожной батареи № 19, но безрезультатно – жертв и повреждений не было.

Днем из района Стрельны немцы выпустили по Ленинграду 250 снарядов, большинство которых упало в районе стоянке линкора «Октябрьская Революция», крейсеров «Максим Горький» и «Киров» и эсминцев «Сторожевой» и «Грозящий». Несколько снарядов упало на территорию Адмиралтейства и Ленинградского военного порта, где были разрушены штамповочный цех, лаборатория Топливного отдела и караульное помещение. В районе флагманского командного пункта штаба Балтийского флота на Петроградской стороне упали 10 снарядов среднего калибра. В 13 ч. 43 мин. в «Октябрьскую революцию» попали да снаряда среднего калибра (один упал на верхней палубе против броневой рубки, а другой на юте). Вышла из строя вентиляция и электросеть корабля.

Во время обстрела крейсера «Киров» было обнаружено, что огонь вражеских батарей корректировался по радио на коротких волнах.

180-мм железнодорожные батареи № 18 и 19, 152-мм железнодорожная батарея № 1121, 130-мм железнодорожные батареи № 1110, 1111, 1116, 1117 и 130-мм батарея № 343 Кронштадтского укрепленного сектора с 12 ч. 15 мин. до 18 ч. 20 мин. несколько раз вели огонь по батареям противника, обстреливавшим Ленинград и наши боевые порядки из района Новополье – Заводы – Каменевка – Стрельна – совхоз «Беззаботный» – поселок Володарского.

Будни осажденного Ленинграда: Германская авиация в ночь на 21 апреля сбросила на Кронштадт 26 бомб, на Ораниенбаум – 14 бомб и на Лисий Нос – 8 бомб.

Транспортер 180-мм железнодорожной батареи № 19 с 1 ч. 12 мин. до 1 ч. 16 мин. стрелял по аэродрому противника в Красногвардейске и по станции Гатчина-Балтийская. Транспортер 180-мм железнодорожной батареи № 18 и 130-мм железнодорожные батареи № 1110 и 1118, прикрывая эту стрельбу, с 1 ч.12 мин. до 1 ч. 37 мин. вели огонь по батареям противника в районе Стрельна – Новая – поселок Володарского.

Все же батарея № 19 с 1 ч. 21 мин. до 1 ч. 45 мин. подверглась обстрелу со стороны противника. Жертв и повреждений не было.

Из района поселка Ленина немцы выпустили по Ленинграду 223 снаряда.

«152-мм батарея № 121 Кронштадтского укрепленного сектора с 10 ч. 45 мин. до 14 ч. 23 мин., 102-мм батарея № 279 с 15 ч. 41 мин. до 15 ч. 48 мин. и 152-мм батарея № 114 с 17 ч. 35 мин. до 17 ч. 46 мин. вели огонь по железнодорожным эшелонам в районе Куоккала – Оллила. 120-мм батарея № 111 привела к молчанию неприятельский бронепоезд на станции Оллила». [88]

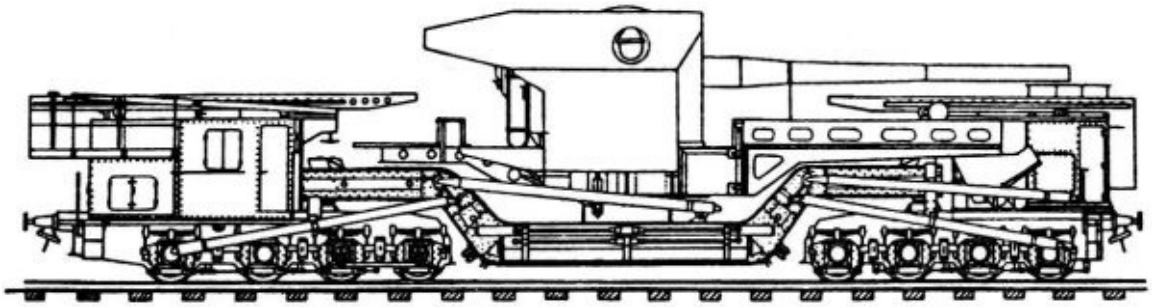
Ясно, что здесь под словом «бронепоезд» надо читать «финская железнодорожная установка с дальнобойными орудиями».

Любопытно, что именно 21 и 22 апреля интенсивным артобстрелам подвергается север Ленинграда, особенно Выборгский район. Обычно в «Хронике…» и в иных документах указывается, откуда велся обстрел, а тут «противник выпустил» столько-то снарядов, и всё!

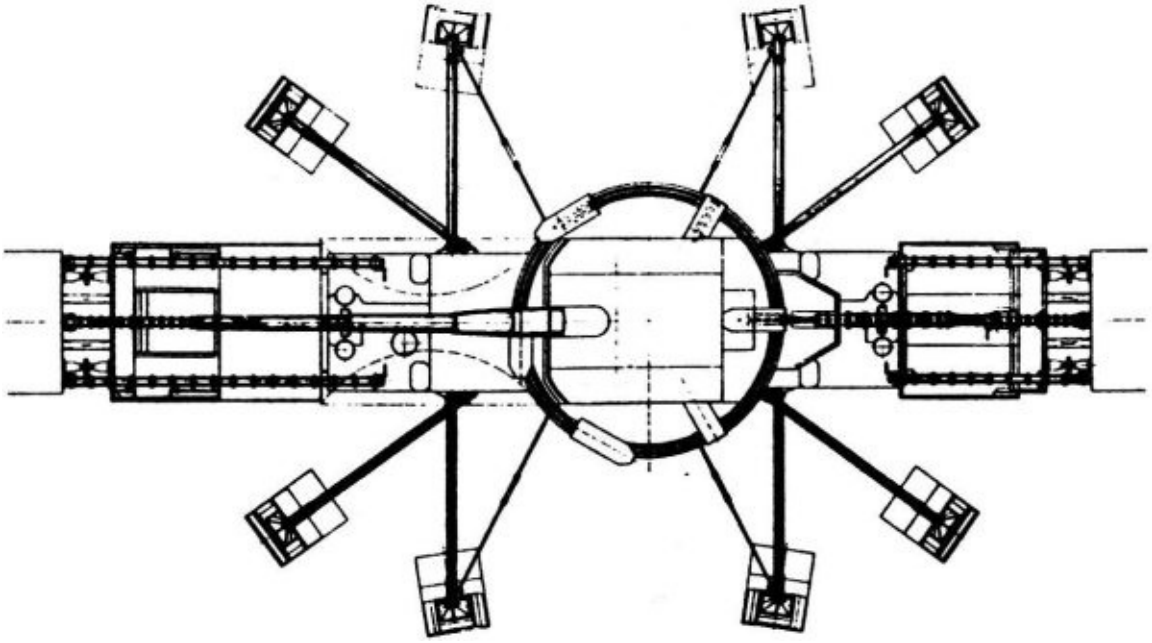
1 мая 1943 г. противник вел рутинный обстрел Ленинграда, выпустив до 200 снарядов. Обстрелу подверглись Васильевский остров, Московский, Кировский, Фрунзенский и Октябрьский районы. В результате обстрела эсминец «Славный» имел два попадания снарядов в котельное отделение. На корабле возник пожар, но был потушен, убиты 7 и ранены 5 краснофлотцев.

В течение дня 3 мая из района Петергоф – Стрельна немцы обстреливали Ленинград, выпустив 254 снаряда по Володарскому, Московскому и Кировскому районам. На заводе «Красный Нефтяник» дважды возникал пожар, но был ликвидирован, были повреждены жилые дома, имелись человеческие жертвы.

Несколько слов стоит сказать и о двух железнодорожных транспортерах ТМ-1-180, перевезенных на баржах в ноябре 1942 г. из Ленинграда в Кронштадт. Там они были поставлены на стационарные позиции в западной части острова Котлин рядом со старым фортом «Александр-Шанец» («Шанц»), откуда они могли действовать по финским позициям. Из этих двух 180-мм орудий была сформирована железнодорожная батарея № 19а. Правда, теперь железнодорожной она была только по названию, а фактически являлась стационарной батареей. Оставшиеся в Ленинграде два транспортера ТМ-1-180 по-прежнему считались батареей № 19. **(Сх. 24) (Сх. 25)**

Железнодорожный транспортер ТМ-1 -180 (вид сбоку)

Железнодорожный транспортер ТМ-1-180 (вид сверху)

Батарея № 19а периодически подавляла дальнобойные батареи финнов. Так, 8 апреля 1943 г. батарея № 19а с 17 ч. 00 мин. до 18 ч. 45 мин. трижды вела огонь на подавление неприятельской батареи, одновременно 130-мм батарея № 130 с форта «Комсомольский» («Риф»), прикрывая огонь батареи № 19а, обстреливала станции Тюрисевя и Ино.

19 мая железнодорожный транспортер батареи № 19а с 22 ч. 59 мин. до 23 ч. 41 мин. подавлял финские батареи, расположенные в районе Алипумала.

23 мая командующий Балтийским флотом адмирал Трибуц отдал приказ с 24 по 30 мая провести операцию по уничтожению финских дальнобойных батарей силами артиллерии Кронштадтского оборонительного района и ВВС флота.

24 мая 152-мм батарея № 114 Кронштадтского укрепленного сектора с 15 ч. 56 мин. до 16 ч. 13 мин. обстреляла батарею финнов в районе населенно пункта Заболотье (7–8 миль на северо-восток от станции

Куоккала на северном берегу Финского залива).

На следующий день, 25 мая, 152-мм батарея № 121 Кронштадтского укрепленного сектора с 13 ч. 39 мин. до 14 ч. 21 мин. обстреляла батареи финнов в районе Оллила – Куоккала.

28 мая 130-мм батареи № 211 и № 319 Ижорского укрепленного сектора и 180-мм батарея № 19а, 152-мм батарея № 121 и 102-мм батарея № 279 Кронштадтского укрепленного сектора с 3 ч. 05 мин. до 17 ч. 50 мин. вели огонь по финским батареям в районе Алипумала.

29 мая 120-мм батарея № 130 с 21 ч. 41 мин. до 21 ч. 47 мин. и 180-мм транспортер № 19а с 4 ч. 43 мин. до 4 ч. 44 мин. обстреляли финскую батарею в районе Вохнала и железнодорожный эшелон на станции Ино.

Батареи Кронштадтского укрепленного сектора – 152-мм № 121 и № 114, 120-мм № 111, 102-мм № 279 с 3 ч. 36 мин. до 4 ч. 51 мин. обстреляли северный берег Финского залива в районе Оллила – Куоккала – Териоки.

31 мая батареи Кронштадтского укрепленного сектора 180-мм № 19а и 130-мм № 130, а также 130-мм батарея № 319 Ижорского укрепленного сектора с 1 ч. 21 мин. до 7 ч. 22 мин. обстреляли батареи финнов в районе Иеремианмяки, Вохнала и Ино.

1 июня те же батареи возобновили артобстрел батарей финнов и скоплений войск. Таким образом, артиллерийские дуэли с финскими батареями велись почти каждый день, хотя и в гораздо меньших объемах, чем с немцами.

К примеру, 26 мая морская артиллерия выпустила по немцам 1414 снарядов, из них: 180-мм – 22, 152-мм – 93, 130-мм – 1127, 102-мм – 7 и 100-мм – 165. Причем 180-мм стреляли по железнодорожному узлу в Гатчине, а все остальные – по батареям дальнобойной артиллерии. Немцы в тот день выпустили по Ленинграду 242 снаряда и 235 снарядов по позициям нашей железнодорожной артиллерии.

5 июня для борьбы с финскими батареями был привлечен даже главный калибр форта «Красная Горка». 305-мм батарея № 311, 130-мм батареи № 211 и 319 Ижорского укрепленного сектора, а также 180-мм батарея № 19а, 152-мм батарея № 121 и 130-мм батарея Кронштадтского укрепленного сектора с 15 ч. 00 мин. до 15 ч. 20 мин. произвели огневой налет по финским батареям, расположенным в районах Вохнала, Витиккала и Куоккала.

11 июня 254-мм батарея № 123 и 152-мм батарея № 121 Кронштадтского укрепленного сектора с 2 ч. 00 мин. до 2 ч. 08 мин. и с 13 ч. 35 мин. до 15 ч. 15 мин. обстреляли финскую батарею в районе

Курносово и станцию Оллила. Батарея противника огонь прекратила, на станции возник большой пожар.

12 июня для обеспечения перехода наших кораблей 100-мм батареи № 153, 776, 777 и 130-мм батареи № 343, 613, 775 Кронштадтского укрепленного сектора и 130-мм железнодорожная батарея № 1118 с 0 ч. 03 мин. до 4 ч. 58 мин. обстреливали германские батареи в районе населенных пунктов Стрельна, Викколово, Заводы, Знаменская Колония, Левдузи и Коркули.

254-мм батарея № 123 и 100-мм батарея № 154 Кронштадтского укрепленного сектора с 0 ч. 05 мин. до 16 ч. 45 мин. периодически вели огонь по финским батареям в районе населенных пунктов Куоккала, Александровка и Стрельбище.

Транспортер 180-мм железнодорожной батареи № 18 с 0 ч. 30 мин. до 0 ч. 37 мин. вел огонь по району станции Гатчина-Товарная. После обстрела станции при отходе с огневой позиции транспортер подвергся артиллерийскому обстрелу со стороны противника, который выпустил 40 снарядов, в результате чего получили ранения 12 краснофлотцев.

Как германская, так и советская дальнобойная артиллерия в ходе артиллерийских дуэлей под Ленинградом показала хорошую боевую устойчивость. Характерный пример: в мае 1943 г. две 152-мм пушки Бр-2 (10-я батарея 73-го армейского артиллерийского полка) заняли огневую позицию в 2 км от переднего края. Пушки были поставлены в прочные укрытия, личный состав разместился в блиндажах, а снаряды были укрыты в перекрытых погребах. Обнаружив батарею, немцы подвергли ее мощному артиллерийскому обстрелу из орудий калибра 15–42 см, и, кроме того, бомбардировали ее с воздуха. За период с 11 по 26 мая по 10-й батарее немцы выпустили до 3000 снарядов и сбросили 70 авиационных бомб. В результате всех этих обстрелов на батарее было отмечено восемь прямых попаданий вражеских снарядов, из них два – в жилые землянки и шесть – в орудийные дзоты. На батарее был убит один и ранено четыре человека, разрушены одна землянка и два дзота. Повреждений орудий не было.

В течение лета 1943 г. огонь вражеской дальнобойной артиллерии неуклонно возрастал. Вот, к примеру, типовой, он же и самый длинный день – 24 июня. В первой половине дня немецкая артиллерия, действуя из районов Петергофа, Стрельны, поселка Ленина и поселка Володарского, выпустила по Ленинграду 325 фугасных снарядов и 21 шрапнель, по Канонерскому острову – 10 снарядов, по железнодорожной батарее № 1107 – 28 снарядов и по району Лисьего Носа – 25 снарядов. При обстреле противником города и кораблей, стоявших на Неве, в Ленинграде ставились

дымовые завесы. Один из снарядов попал в буксир «Бурун», стоявший в реке Смоленке. Корпус и механизмы судна получили тяжелые повреждения.

Судя по ответному огню нашей артиллерии, изрядно досаждали и финские батареи. «Батарея № 121 (152-мм) Кронштадтского укрепленного сектора с 8 ч. 07 м. до 13 ч. 12 м. вела огонь по неприятельской батарее в районе населенного пункта Куоккала. Батарея № 279 (102-мм) с 12 ч. 13 м. до 21 ч. 11 м. стреляла по двум батареям противника в районе Радуголь. Батарея № 123 (254-мм) с 16 ч. 40 м. до 17 ч. 10 м., испытывая свою материальную часть, произвела 4 выстрела по району Териоки. Батарея № 114 (152-мм) с 21 ч. 30 м. до 21 ч. 50 м. обстреляла батарею противника в районе населенного пункта Алакюля. (Все пункты на северном берегу Финского залива)». [89]

А вот ход артиллерийской дуэли спустя ровно месяц, 24 июля, противник с 5 ч. 17 мин. до 14 ч. 37 мин. и с 15 ч. 08 мин. до 22 ч. 33 мин. выпустил 234 снаряда по Ленинграду, Торговому порту, пригородам Ольгино и Лахта и устью реки Большой Невки. Обстрелом были частично повреждены корпуса учебного корабля «Комсомолец», сторожевого корабля «Ястреб» и плавучей базы «9 января». Замечу, что «Ястреб» достраивался на заводе № 190, а плавбаза стояла у Самсоньевского моста. В 12 ч. 35 мин. с Железной стенки Торгового порта ставилась дымовая завеса для прикрытия линкора «Октябрьская Революция» от артиллерийского обстрела.

В свою очередь наши 100-мм батарея № 154 и железнодорожные батареи выпустили по вражеским артустановкам 1057 снарядов калибра 100–180 мм.

Для противодействия участившимся артналетам немцев на Ленинград командование Ленинградского фронта потребовало перебазировать в Ленинград 402-й и 405-й дивизионы 101-й морской бригады железнодорожной артиллерии из «восточной группы» (среднего течения реки Невы). 10 августа батареи 402-го и 405-го дивизионов закончили передислокацию из состава восточной группы артиллерии фронта в Ленинград. Железнодорожные батареи 402-го дивизиона заняли новые позиции в районе станции Ленинград-Витебская, а железнодорожные батареи 405-го дивизиона – в районах пригорода Старая Деревня, поселка Ольгино и мыса Лисий Нос.

Глава 14 Создание контрбатарейного корпуса

Как уже говорилось, активность германской артиллерии постоянно росла. В отдельные дни августа 1943 г. немцы выпускали по Ленинграду до 500 снарядов. В сентябре в городе разорвалось 5479 снарядов.

Командование Ленинградского фронта в свою очередь интенсивно занялось реформированием структуры артиллерийских частей.

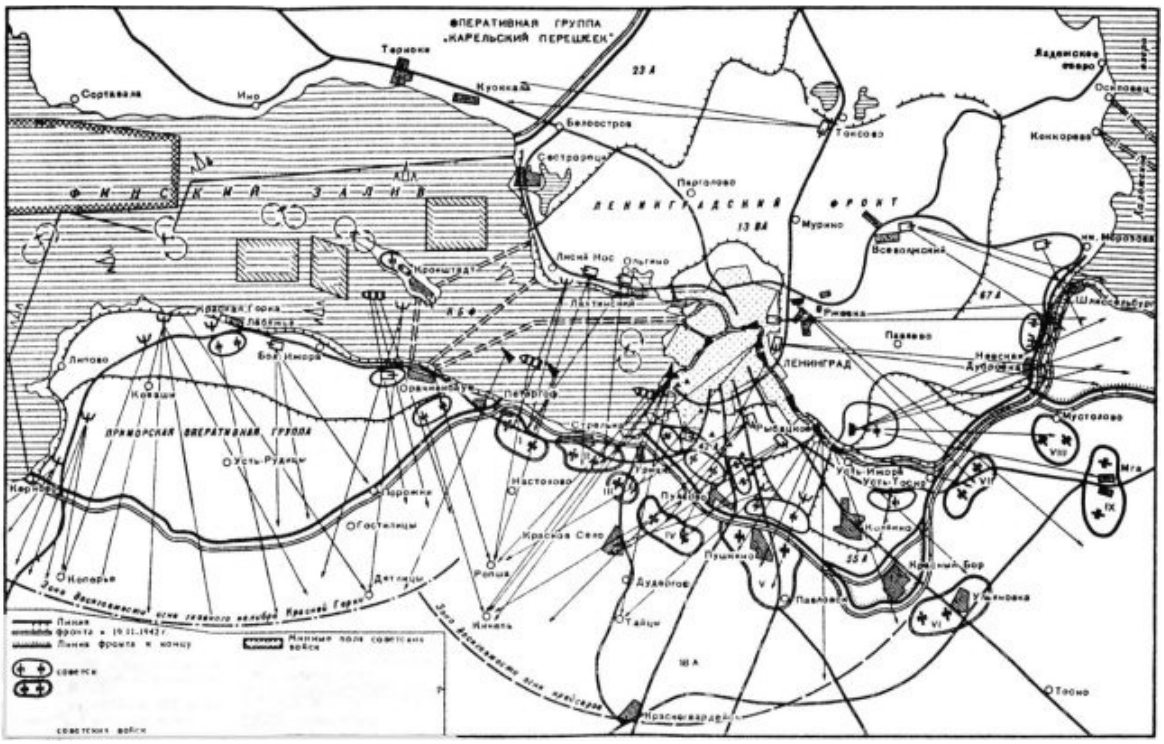
Так, к 1 августа в состав 42-й армии передали 51-ю пушечную бригаду (18-го артдивизиона) и два тяжелых дивизиона (409-й отдельный тяжелый пушечный артдивизион и 404-й дивизион железнодорожной артиллерии Балтийского флота). В группе дальнего действия армии состояло уже 117 орудий (в том числе 152-мм – 88, 130-мм – 8, 122-мм – 21). По числу орудий артиллерия группы дальнего действия 42-й армии почти не уступала немецкой, но была несколько слабее по ее мощности калибров и дальности стрельбы. Из имевшихся в армии 88 орудий калибра 152 мм только 10 пушек (Бр-2) могли стрелять до 25 км, а остальные (гаубицы-пушки) – лишь до 17,2 км; 130-мм пушки имели дальность стрельбы до 25,4 км; 122-мм пушки – до 19,7 км. А так как основная масса артиллерии противника, обстреливавшая Ленинград, располагалась глубоко в тылу, на удалении 17–25 км от огневых позиций наших батарей, то только часть немецких батарей находилась в зоне досягаемости наших пушек.

Для более эффективного воздействия по беззаботнинской артиллерийской группировке противника командование фронта перебросило в июле-августе 1943 г. на территорию Приморской оперативной группы два пушечных полка (129-й корпусный артиллерийский полк и 126-й пушечный артиллерийский полк) и дивизион 101-й морской железнодорожной артиллерийской бригады КБФ, образовав из них контрбатарейную группу Приморской оперативной группы (ПОГ). С этого времени беззаботнинская группировка противника стала обстреливаться и с тыла, и с фронта.

Артиллерия группы дальнего действия 42-й армии, батареи Балтийского флота и группы дальнего действия Приморской оперативной группы вели напряженную борьбу с вражескими обстрелами города, стремясь снизить их эффективность. Огневым ударам подвергались не только осадные батареи противника, но и его жизненно важные тыловые

объекты, штабы и боевые порядки войск. Артиллерия Балтийского флота только с 1 июля по 4 августа провела 2065 стрельб, израсходовав 22 718 снарядов. Артиллерия одной 42-й армии израсходовала в июле 1943 г. 82 354 снаряда и мины, из них на борьбу с артиллерией и минометами противника 25 924, в том числе только группа дальнего действия израсходовала около 15 600 снарядов и мин. [90]

Помимо систематического огня на нейтрализацию немецких батарей, с 6 по 15 июля контрбатарейной группой 42-й армии и артиллерией КБФ были организованы стрельбы на уничтожение четырех наиболее активных в обстреле города немецких батарей (цели № 229, 571, 519 и 530) с расходом до 300 снарядов на цель. В августе подобные же меры были предприняты против трех немецких батарей (цели № 229, 507 и 535), [91] причем одна из них (№ 507) подвергалась мощному огневому удару дважды – 4 и 19 августа. Кроме того, согласно плану «Огневого противодействия обстрелу г. Ленинграда», утвержденному командующим артиллерией фронта, контрбатарейные группы 42-й армии и Приморской оперативной группы (51-я пушечная артиллерийская бригада, 12-й гвардейский, 14-й гвардейский, 73-й, 1486 армейские артиллерийские полки и 129-й корпусный артиллерийский полк) вели 4, 5 и 6 августа круглосуточный методический огонь по тылам и жизненно важным объектам противника, чтобы вынудить осадные немецкие батареи вступить в борьбу с нашей артиллерией и отказаться от обстрела города. Такой же огонь вели по плану командующего артиллерией 42-й армии в течение трех суток, с 18 по 21 августа, подразделения 51-й пушечной артиллерийской бригады и 1486-го армейского артиллерийского полка. **(Сх. 26)**

Участие артиллерии и авиации КБФ в контрбатарейной борьбе в 1943 г.

В середине лета начались склоки между сухопутным и морским командованием о методах контрбатарейной стрельбы. Кроме того, армейское командование пыталось присвоить морские железнодорожные установки и, по крайней мере, часть береговых стационарных орудий. Найти весь комплект документов по этой склоке автору не удалось, и приходится цитировать лишь отдельные документы.

Так, 30 июля 1943 г. адмирал Трибуц «донес командующему войсками Ленинградского фронта, что расход артиллерийского боезапаса превысил лимиты, утвержденные наркомом ВМФ, и цифру, установленную самим командующим фронтом. Наличие боезапаса на складах было ограниченным. В то же время постановка задач артиллерии флота продолжалась. В день проводилось до 100 стрельб (не считая восточной группы), причем надежная корректировка была возможна только по двум-трем целям, а остальные стрельбы велись на подавление по данным наблюдения воздушно-звуковой разведки и наблюдательных пунктов самих батарей. Командующий флотом просил установить лимит на ближайшую неделю для восточной группы артиллерии флота (у которой 30 июля остался только неприкосновенный запас) и максимальный расход на контрбатарейную борьбу на урицком направлении, из расчета проведения части стрельб на подавление стреляющих батарей. Командующий флотом донес, что на установленный лимит будет направлена просьба наркому

ВМФ». [92]

К письму Трибуца можно добавить, что за первый квартал 1943 г. морская артиллерия провела 4446 артиллерийских стрельб с расходом 53 945 снарядов: 38 – 406-мм, 114 – 356-мм, 7 – 305-мм, 19 – 254-мм, 19 – 203-мм, 1084 – 180-мм, 2264 – 152-мм, 40 225 – 130-мм, 353 – 122-мм, 2522 – 120-мм, 692 – 102-мм, 6608 – 100-мм.

Следует заметить, что летом началась стрельба с кораблей из орудий калибром 180 мм и 305 мм. (Зимой и весной они почти не стреляли). Так, 30 июля крейсер «Киров» выпустил 27 – 180-мм снарядов по германской батарее в районе Новополье, обстреливавшей Ленинград.

В этом иди в другом отдельном письме (документ датирован августом 1943 г.) Трибуц указал командующему Ленинградским фронтом генерал-полковнику Л.А. Говорову на ряд неправильных "примеров использования артиллерии флота и высказал свои предложения относительно улучшения организации контрбатарейной борьбы. В письме указывалось, что, ведя повседневную борьбу с батареями противника на урицком направлении, артиллерия флота несет столь высокое напряжение и производит такой большой расход боеприпасов, что, по его мнению, уже в августе выйдет из строя 25 % морских орудий, используемых на фронте. Мотивировалось это тем, что при выполнении требования командующего артиллерией фронта расходовать ежесуточно на контрбатарейную борьбу 1300 снарядов в артиллерии флота в течение одного месяца изнашивалось бы 30 лейнеров, в то время как промышленность могла подавать ежемесячно только 7-10 лейнеров. Адмирал Трибуц утверждал, что все основные артиллерийские группировки противника, обстреливавшие Ленинград, выделены в зону борьбы артиллерии флота, что эти зоны были установлены командующим артиллерией фронта еще в октябре 1942 г. и что с того времени положение немецких батарей сильно изменилось в связи с отходом их глубже в тыл.

В письме были жалобы и на то, что морской артиллерии ставились задачи, которые с успехом могли быть выполнены армейской артиллерией. В частности, приводился пример, что артиллерий Приморской оперативной группы вовсе не используется для контрбатарейной борьбы, а артиллерия 42-й армии ведет ее только на дальностях стрельбы 12–14 км. Указывалось на ряд существенных недостатков в организации разведки и правления артиллерией, а также в составлении планов контрбатарейной борьбы, которые к тому же нередко к морякам поступали слишком поздно, вследствие чего не оставалось времени на подготовку их выполнения. Так, например, план огневого удара по батареям противника на 27 июля в штаб береговой обороны Балтийского флота поступил поздно вечером (в 22 час.

30 мин.) 26 июля; такой же план на 3 августа поступил в 20 час. 2 августа.

«Считаю своим долгом доложить, – говорилось в письме адмирала Трибуца, – что одной из причин плохой контрбатарейной борьбы с артиллерией противника, обстреливавшей город Ленинград, является отсутствие координации и управления контрбатарейной борьбой в общем масштабе. На сегодня фактически все управление, осуществляемое штабом артиллерии Ленинградского фронта, сводится к поздним телефонным звонкам, переспросам и напоминаниям о том, что нужно подавлять, и т. д., то есть к вопросам, ничего общего не имеющим с боевым управлением»". [93]

Стоит заметить, что в первой половине 1943 г. в составе береговой обороны флота было только две батареи звуковой разведки. Слабо использовалась и авиация. Так, за второй квартал 1943 г. она произвела лишь 15 вылетов на разведку и 8 на корректировку. Только в трех случаях стрельбы были прокорректированы полностью, в остальных задания были не выполнены ввиду неблагоприятных метеорологических условий и отсутствия достаточного авиационного прикрытия.

Кроме того, в составе береговой артиллерии Балтийского флота имелся 6-й воздухоплавательный отряд аэростатов, оперативно подчиненный 18-му отдельному артиллерийскому дивизиону Кронштадтского укрепленного сектора. Он использовался для разведки и корректировки артиллерийского огня, ведшегося по южному берегу Финского залива на участке Урицк, Петергоф. Отряд базировался на Лисий Нос. Всего во втором квартале 1943 г. аэростаты сделали 120 подъемов, из них 13 дневных. Корректировку огня они осуществляли в 46 случаях. В конце июня отряд был передан Ленинградскому фронту.

13 августа Трибуц и Военный совет Балтийского флота отправили наркому ВМФ Кузнецову жалобу на Говорова. В жалобе говорилось, что Военный совет "категорически возражает против передачи 101-й морской бригады железнодорожной артиллерии из состава флота в состав Ленинградского фронта по следующим соображениям:

1. Бригада в условиях, в которых находился в это время флот, выполняла, кроме задач, которые ставил фронт (борьба с дальнобойной артиллерией, уничтожение командных пунктов и огневых позиций при активных операциях фронта), свои морские задачи – обеспечение путей сообщения Ленинград – Кронштадт.

2. Бригада была уже однажды в 1941 г. подчинена Ленинградскому фронту. Трудность организации пополнения кадрами, необходимость замены и ремонта материальной части, непрерывное снабжение боезапасом

и лейнерами в том же году заставили возвратить бригаду в состав флота.

3. Железнодорожная артиллерия в составе флота как артиллерия маневра предназначена при движении на запад прикрывать и содействовать морскому флангу армии совместно с флотом, прикрывать наши коммуникации и места базирования флота вместо стационарных батарей, материальная часть которых не могла быть подана на флот из-за расстрела существовавших батарей и отсутствия новых поступлений от промышленности". [94]

Для сравнения скажу, что большая часть железнодорожной артиллерии Германии принадлежала вермахту, а меньшая часть – кригсмарине. Причем, в вермахте железнодорожная артиллерия состояла много лет и до войны. Боеприпасы к железнодорожным установкам калибра 15, 17, 24, 28 см и т. д. были взаимозаменяемы с боеприпасами сухопутных орудий тех же калибров.

На мой взгляд, было вполне разумно принять железнодорожную артиллерию на вооружение Красной Армии в 1920-х, но, в крайнем случае, в конце 1930-х годов. Но «менять коней на переправе» в 1943 г. было, по меньшей мере, глупо. Тем более что к лету 1943 г. на вооружении артиллерии Красной Армии не было орудий калибра 100, 120, 130, 180, 305 и 356 мм. В итоге не только материальную часть, но и личный состав, боеприпасы и лейнеры пришлось бы постоянно требовать у флота.

Между тем еще в мае 1943 г. в резерве Ставки Верховного Главнокомандования, а также на Центральном и Брянском фронтах началось формирование артиллерийских корпусов прорыва. По аналогии возник вопрос о целесообразности создания и в Ленинграде артиллерийского корпуса, но со специальной задачей контрбатарейной борьбы. Для изучения этого вопроса на месте командующий артиллерией Красной Армии Маршал артиллерии Н.Н. Воронов командировал на Ленинградский фронт своего представителя генерал-лейтенанта артиллерии М.П. Дмитриева с группой офицеров штаба. С 23 августа по 2 сентября генерал Дмитриев изучал этот вопрос и затем в докладе на имя командующего артиллерией Красной Армии изложил свои соображения.

Приведу наиболее интересные выдержки из этого доклада.

"Огневые позиции батарей (орудий) противника, ведущих обстрел города, находятся в сфере досягаемости огня только дальнобойной нашей артиллерии (в основном свыше 20 км).

Из наблюдений в течение всего периода обстрела города можно сделать следующие выводы:

а) чаще всего противник производит огневые нападения по различным

районам города, ведя огонь одновременно несколькими батареями (орудиями), до 8 батарей в течение 2–3 минут.

б) помимо этого, ведется направленный огонь по отдельным заводам, местам скопления людей, приурочивая обстрел по времени к часам окончания работы смен заводов и предприятий…

Артиллерия Ленинградского фронта 1.9.43 г. имеет в свом составе артиллерийские части (апапы), вооруженные либо 152-мм гаубицами-пушками с дальностью до 18 км, либо 122-мм пушками обр. 1931/37 г. с дальностью до 21 км и два отдельных тяжелых пушечных дивизиона (400-1 и 409-1), имеющих на вооружении 152-мм пушки Бр-2 с дальностью до 27 км. (Всего 10 пушек Бр-2).

Как указывалось выше, огневые позиции батарей (орудий) противника, ведущих огонь по Ленинграду, располагаются глубоко от переднего края и удаление их от огневых позиций наших батарей находится в пределах от 17 до 25 км.

Таким образом, только незначительная часть огневых средств противника находится в сфере предельных дальностей наших 122– и 152-мм систем. Поэтому, несмотря на достаточное количество средств артиллерийско-инструментальной разведки и корректировочной авиации, огонь наших батарей малоэффективен и не всегда возможен (превышение удаления над дальностью систем). Кроме того, в Ленинградском фронте с большими трудностями разрешается вопрос прикрытия самолетов-корректировщиков истребительной авиацией.

Наряду с этим в составе береговой обороны Краснознаменного Балтийского флота имеется 101-я морская железнодорожная артиллерийская бригада, насчитывающая 58 орудий калибра от 130 до 356 мм с дальностями от 25 до 38 км.

Указанная бригада формально привлечена для борьбы с артиллерией противника, но используется недостаточно эффективно, должным образом не контролируется в силу того, что ее подчиненность Ленфронту окончательно не определена…

Считаю необходимым проведение следующих мероприятий, вполне возможных в конкретных условиях Ленинградского фронта:

1. Для координации действия и наиболее эффективного использования всех артиллерийских средств создать специальный контрбатарейный артиллерийский корпус с включением в состав его следующих действующих артиллерийских частей фронта и частично артиллерии береговой обороны КБФ.

2. Особое значение имеет включение в состав корпуса 101-й морской

железнодорожной артиллерийской бригады КБФ, имеющей в своем составе 58 мощных орудий с дальностями от 25,5 до 37,7 км и являющейся, по сути дела, самым действенным средством борьбы с дальнобойной артиллерией противника, ведущей огонь по Ленинграду.

Учитывая ряд специфических особенностей 101-й морской железнодорожной артиллерийской бригады (вопросы специально подготовки личного состава для стрельбы по морским целям, вопросы морских традиций, вопросы снабжения боеприпасами и лейнерами, ремонт и восстановление матчасти, пополнение личным составом и пр.), целесообразно включение бригады в состав артиллерийского корпуса только на период существования условий, позволяющих противнику вести артиллерийский обстрел Ленинграда. На этот период бригада, оставаясь в составе КБФ, переходит в полное оперативное подчинение командира корпуса, выполняя огневые задачи, получаемые от командира корпуса. С изменением условий (удаление фронта от города) бригада выходит из оперативного подчинения корпуса, переключаясь на выполнение своих прямых задач, получаемых от командования КБФ". [95]

Как видим, Дмитриев в самом спорном вопросе о железнодорожной артиллерии пошел на компромисс.

Командующий артиллерией Красной Армии одобрил доклад генерала Дмитриева и внес Верховному Главнокомандующему соответствующие предложения.

16 сентября 1943 г. Сталин в приказе № 0419 указал на недостаточность принимавшихся Военном советом Ленинградского фронта мер по контрбатарейной борьбе и приказывал создать для этой цели «Ленинградский контрбатарейный корпус», включив в него следующие артиллерийские части: 51-ю пушечную артиллерийскую бригаду, 12-й и 14-й гвардейские, 73-й армейский, 126-й пушечный и 129-й корпусный артиллерийские полки, 409-й отдельный тяжелый пушечный артиллерийский дивизион, 101-ю морскую железнодорожную артиллерийскую бригаду береговой обороны, 3-й и 4-й гвардейские и 792-й разведывательные артиллерийские дивизионы и батарею звуковой разведки КБФ, 12-ю, 52-ю отдельные корректировочные авиационные эскадрильи и эскадрильи флота, 1-й воздухоплавательный дивизион аэростатов наблюдения.

В 101-ю морскую железнодорожную артиллерийскую бригаду в то время входили шесть отдельных дивизионов (402-й, 403-й, 404-й, 405-й 406-й и 407-й) и три отдельные батареи (11-я, 18-я и 19-я).

Командиром корпуса был назначен гвардии полковник Н.Н. Жданов,

исполнявший до этого должность командующего артиллерией 67-й армии, начальником штаба корпуса – полковник Селиванов, бывший начальником штаба артиллерии 42-й армии.

По приказу Ставки в корпусе должно было состоять 186 орудий калибра 122–356 мм. Фактически же к 1 октября в корпусе было 194 орудия, в том числе 135 дальнобойных орудий 122-152-мм калибра, составлявших около 45 % всех имеющихся во фронте орудий подобного типа.

Таблица 10 Боевой состав 3-го Ленинградского контрбатарейного артиллерийского корпуса на 1 октября 1943 г. [96]

Артиллерийские части	Количество орудий наземной артиллерии				Всего
	122-мм пушки	152-мм гаубицы-пушки	152-мм пушки	220-мм мортиры	
Дальность стрельбы, км	19,7	17,2	25,0		
73-й армейский артиллерийский полк	14	4	—	1	19
126-й пушечный артиллерийский полк	—	12	—	—	12
12-й гвардейский армейский артиллерийский полк	4	20	2	—	26
14-й гвардейский армейский артиллерийский полк	3	18	—	—	21
51-я пушечная артиллерийская бригада	—	36	—	—	36
409-й тяжелый пушечный артиллерийский дивизион	—	—	6	—	6
129-й корпусный артиллерийский полк	16	—	—	—	16
Итого	**37**	**90**	**8**	**1**	**136**

В 101-й морской железнодорожной артиллерийской бригаде состояло 37 – 130-мм, 10 – 152-мм, 8 – 180-мм и 3 – 356-мм пушки.

Артиллерия корпуса была разделена на восточную (приморское направление, 28 стволов), западную (45 стволов), юго-западную (24 ствола), южную (19 стволов), юго-восточную (21 ствол) группы и группу усиления (101-я морская железнодорожная артиллерийская бригада). По количеству стволов, дальности стрельбы и мощности артиллерийских снарядов последняя группа была самой сильной.

Организация корпуса позволила полнее использовать мощь

дальнобойной артиллерии и все виды артиллерийской разведки (авиацию, аэростаты, технические средства) и, кроме того, применять более точные методы стрельбы.

Одним из важных видов разведки вражеских батарей была оптическая. Этому способствовала и равнинная местность в окрестностях Ленинграда, а также удачное расположение наблюдательных пунктов на крышах зданий, подъемных кранах, трубах заводов и т. д. Поначалу пункты наблюдения на деревьях давали существенные ошибки из-за качания деревьев. В конце концов, деревья стали закреплять оттяжками.

Из 1513 огневых позиций артиллерийских батарей, обнаруженных артиллерийскими разведывательными дивизионами летом 1943 г., 28 % этих позиций были определены пунктами оптической разведки.

Замечу, что наши авиаторы недолюбливали посты наблюдения за излишнее любопытство. Вот, к примеру, из «Хроники…» за 21 августа 1943 г.: "С 18 ч. 04 м. до 19 ч. 20 м. восемь самолетов Пе-2 (73-го бомбардировочного авиаполка) под прикрытием 13 самолетов Як-7 (21-го истребительного авиаполка) летали на бомбардировку неприятельской артиллерийской батареи в районе населенного пункта Горбунки. По донесению экипажей, с 18 ч. 08 м. до 18 ч. 33 м. самолеты сбросили по батарее 16 бомб ФАБ-250 и 12 бомб ФАБ-100. Цель была закрыта облачностью, поэтому результата удара летчики не наблюдали. В районе действия самолеты были обстреляны сильным зенитным огнем.

В 19 ч. 02 м. пост Службы наблюдения и связи № 331 на западной оконечности дамбы Морского канала донес, что восемь наших самолетов сбросили 11 бомб в воду, не долетев до Нового Петергофа". [97]

Корректировка огня нашей артиллерии с воздуха, по крайне мере, до создания контрбатарейного корпуса, велась эпизодически средствами лишь одной 12-й эскадрильи. И только с 24 июня 1943 г. к ней присоединилась вторая – 49-я корректировочная эскадрилья. До 24 августа 1943 г. эти эскадрильи сделали 683 самолето-вылета, из них 38 вылетов (4,5 %) – 49-я эскадрилья. Всего эскадрильи произвели 600 вылетов дневных и 83 (12,2 %) ночных. На разведку они совершили 152 вылета, из них 20 ночных и 90 – на фотографирование (87,8 % вылетов – 12-я отдельная корректировочная авиаэскадрилья). На корректирование стрельбы артиллерии эскадрильи сделали 135 самолето-вылетов, из них 32 (24 %) ночных; причем 12-я эскадрилья совершила 115 самолето-вылетов, из них 32 ночных.

До 24 августа 1943 г. в 12-й эскадрилье к этому времени погибло 8 машин и 10 летчиков. Среди сбитых самолетов был один Ил-2, один Су-2,

два «Кертис» O-S2 и пять истребителей типа «Киттихоук».

После сформирования контрбатарейного корпуса ему были приданы 12-я и 52-я корректировочные эскадрильи, а для их защиты – 283-й истребительный полк.

Существенную роль в контрбатарейной борьбе сыграли и аэростаты наблюдения. Поскольку аэростаты были легко уязвимы от артиллерийского огня, их приходилось отодвигать на 10–12 км от переднего края, поэтому их применение для целеуказания или корректировки стрельбы сильно ограничивалось. За 22 месяца осады города двумя аэростатами наблюдения сделано 2710 подъемов, то есть в среднем по четыре подъема аэростата в сутки. Среднее время пребывания одного аэростата в воздухе составляло 1 час 27 минут.

Помимо разведки батарей противника, с аэростатов корректировался огонь наших артиллерийских групп дальнего действия. Всего с помощью аэростатов наблюдения корректировалось 538 стрельб, из которых 151 стрельба по артиллерийским батареям противника, причем 14 батарей было уничтожено (9,3 %), остальные подавлены.

Из-за громоздкости организации работы аэростатов наблюдения, большой их уязвимости от огня противника, и в первую очередь от его авиации, приходилось использовать аэростаты преимущественно ночью, что снижало эффективность работы. Так, например, в июне 1943 г. было произведено 243 подъема, из них 162 ночью (160 часов в воздухе) и 81 днем (42 часа в воздухе). За это время с помощью аэростатов наблюдения было обнаружено 20 артиллерийских и минометных батарей, 12 железнодорожных эшелонов и «бронепоездов», 7 автоколонн и проверены данные других видов артиллерийской разведки по 70 батареям противника. В 32-случаях подъема аэростатов наблюдения корректировался огонь наших батарей по железнодорожным эшелонам и батареям противника.

Потери оболочек аэростатов наблюдения (наблюдатели в большинстве случаев благополучно приземлялись с помощью парашютов) были ощутимы, а в некоторые месяцы особенно велики. Так, за один месяц (14 января – 14 февраля 1943 г.) одиннадцать аэростатов было сожжено самолетами-истребителями и один – артиллерийским огнем противника.

Для уменьшения потерь на Ленинградском фронте по инициативе офицеров 1-го воздухоплавательного дивизиона аэростатов наблюдения стали применять подъемы ложных аэростатов наблюдения. Для этого использовались выбракованные оболочки аэростатов заграждения, к которым прикрепляли гондолы с чучелами вместо наблюдателей. С 18 апреля по 30 июня 1943 г. было произведено 98 подъемов ложных

аэростатов, чтобы отвлечь артиллерийские батареи противника от обстрела города и мостов у Шлиссельбурга, а также вызвать его самолеты-истребители под огонь наших зенитных батарей. За это время было потеряно три оболочки, а противник по ложным аэростатам выпустил 1229 снарядов и потерял два самолета Fw-190. Любопытно, что по настоящим аэростатам наблюдения противник за то же время выпустил 828 снарядов и сжег два аэростата.

Какими бы средствами артиллерийской инструментальной разведки ни был определен калибр стрелявшего орудия, он считался предположительным. Только обмер осколков разорвавшихся снарядов делал эти данные достоверными. Определение же калибра стрелявшей батареи противника раскрывало некоторые весьма важные данные разведки, в том числе факты смены батарей и другие изменения в группировке артиллерии противника.

Для сбора и обмера осколков в полках групп дальнего действия создавались команды осколочников. Действия этих команд состояли в фиксации времени начала и окончания стрельбы и подсчете числа выстрелов. По окончании обстрела команда отыскивала воронки, изучала неразорвавшиеся снаряды, собирала осколки с клеймами, замеряла диаметр и глубину воронок и в итоге определяла калибр стрелявшей батареи, а в отдельных случаях и марку орудий. Так, к примеру, был определен калибр железнодорожной установки, обстреливавший из района Гатчины Смольный и 5-ю ГЭС.

Большое значение работа осколочников имела для выявления ложных, а в отдельных случаях и кочующих германских батарей. Уже в первые недели блокады осколочниками была создана «коллекция-выставка» образцов осколков снарядов противника.

В штабе контрбатарейного корпуса сравнивали данные о неприятельских батареях, добытые летчиками, наземными наблюдателями, осколочниками и звукометристами.

После захвата нашими войсками огневых позиций противника в нескольких случаях приводилась их топометрическая привязка, а затем производилось сравнение точности фотометрического и звукометрического методов разведки:

Таблица 11

№ цели	Вид разведки	Ошибки, м	
		Продольные	Боковые
№ 253	Звукометрическая	−30	+5
	Фотометрическая	−15	−15
№ 206а	Звукометрическая	−35	+105
	Фотометрическая	−15	−25
№ 279	Звукометрическая	−45	+33
	Фотометрическая	+30	−22

Об эффективности звукометрической разведки можно судить по любопытному примеру. В конце 1943 г. посты звукометрической разведки неоднократно давали координаты немецкой батареи, расположенной в топком болоте на синявинских торфоразработках.

После захвата нашими войсками этого района выяснилось, что звукометристы были правы.

Немцы вбили в грунт сваи, уложили прочный деревянный настил, на котором и установили 15-см орудия. У нас эту трехорудийную 15-см батарею называли целью № 279. Наши артиллеристы провели топографическую привязку позиции «болотной батареи» и выяснилось, что разница между акустическими и топографическими координатами составляла по дальности 45 м, а боковая – 13 м.

На позиции были хорошо заметны следы огня нашей артиллерии: развороченные землянки и снарядные ровики, а также два сильно поврежденных орудия.

Ну а пока в нашей артиллерии шли великие реорганизации, артиллерийские дуэли не прекращались ни на один день.

Как мы помним, Трибуц жаловался генералу Говорову и наркому Кузнецову на нехватку снарядов. А его подчиненные затеяли войну с рыбаками. Так, «Хроника…» от 16 августа 1943 г. повествует: «В 19 ч. 14 м. в районе завода пишущих машин обнаружена шлюпка, с которой ловили рыбу. С 19 ч. 48 м. до 20 ч. 01 м. железнодорожная батарея № 1118 (130-мм) шестью снарядами обстреляла ее. В 20 ч. 10 м. шлюпка была вытащена противником на берег». [98]

Любопытно, как наши артиллеристы на таком расстоянии могли различить, кто ловил рыбу – немцы или местные жители? Не исключено, что рыбаки еще и благодарили артиллеристов – от шести 130-мм снарядов столько глушенной рыбы!

Увы, подобные стрельбы по шлюпкам, ловившим рыбу у берега, [99] продолжались и далее, хорошо хоть для этого не привлекались

двенадцатидюймовки линкоров.

В середине августа 1943 г. на Ленинградском фронте артиллерийские дуэли перешли в настоящее артиллерийское сражение. Так, 17 августа германская артиллерия в течение суток вела интенсивный обстрел Ленинграда и района Стрельны, Ижорки и Викколово, выпустив по городу с 9 ч. 00 мин. до 23 ч. 00 мин. 479 снарядов, а по району 5-й ГЭС – еще 125 снарядов. С 10 ч. 07 мин. до 10 ч. 50 мин. артиллерия противника из района населенного пункта Коркули выпустила 15 снарядов по мысу Лисий Нос, а из района населенного пункта Порзолово с 16 ч. 00 мин. до 16 ч. 22 мин. – 21 снаряд по Ораниенбауму. В Ораниенбауме было частично разрушено здание насосной станции.

В устье Невы для прикрытия линкора «Октябрьская Революция» при обстреле противником Ленинграда дважды (в 10 ч. 07 мин. и в 14 ч. 30 мин.) ставились дымовые завесы.

180-мм, 152-мм и 130-мм железнодорожные батареи и стационарные 130-мм и 100-мм батареи Кронштадтского укрепленного сектора в течение суток 17 августа вели огонь по вражеским батареям, обстреливавшим Ленинград из районов Стрельны, населенных пунктов Заводы, Викколово, Коркули, Новополье, Павкуля, Ижорка, Владимирово, Горбунки, Аннолово, Пендолово, Антропшино, Ладога, Пабузи, Ново-Лисино, поселка Свердлова и совхоза «Беззаботный». Всего батареи провели 118 стрельб и израсходовали 1103 снаряда. Германские батареи в 92 случаях прекратили огонь.

К стрельбе привлекли даже крейсер «Максим Горький», который с 13 ч. 12 мин. до 13 ч. 49 мин. выпустил восемьдесят 180-мм снарядов по батарее в районе Новополье. Стрельба крейсера корректировалась самолетом Пе-2, который прикрывали два истребителя Як-7.

Кроме того, германские батареи были в этот день атакованы восемью истребителями Ил-2 и четырьмя бомбардировщиками Пе-2.

152-мм батарея № 121 Кронштадтского укрепленного сектора с 12 ч. 23 мин. до 20 ч. 22 мин. провела три стрельбы по финской железнодорожной установке в районе железнодорожной станции Куоккала, обстреливавшей боевые порядки наших войск. Батарея выпустила 69 снарядов, в районе цели отмечены взрывы трех складов боеприпасов и склада с горючим.

152-мм батарея № 112 Кронштадтского укрепленного сектора с 12 ч. 45 мин. до 14 ч. 07 мин. выпустила 42 снаряда по той же железнодорожной установке, 6 снарядов попали в цель.

Восемь самолетов Ла-5 из 4-го гвардейского истребительного

авиаполка группами по четыре самолета с 17 ч. 25 мин. до 19 ч. 50 мин. летали на бомбардировку финской железнодорожной установки в районе железнодорожной станции Куоккала. Самолеты сбросили по ней 16 бомб ФАБ-100. По донесению летчиков, было отмечено прямое попадание в цель одной бомбы, вызвавшее взрыв большой силы. Самолеты были безуспешно обстреляны зенитным огнем финнов.

В результате артиллерийского обстрела и бомбардировки с воздуха, как было установлено совместными наблюдениями трех корректировочно-наблюдательных постов, финская железнодорожная установка была уничтожена.

По-видимому, речь шла о 180-мм трофейном транспортере ТМ-1-180, и он был не уничтожен, а только сильно поврежден.

22 августа с 7 ч. 07 мин. до 7 ч. 57 мин. линкор «Октябрьская Революция» с позиции у Железной стенки в Ленинградском Торговом порту провел учебно-боевую стрельбу главным калибром (305-мм), выпустив 31 снаряд по германским батареям в районе Стрельна – Каменевка. После стрельбы линкор переменил свое место, перейдя к стенке судостроительного завода им. Орджоникидзе. Переход корабля прикрывался дымовой завесой.

Для дезориентации противника в ходе стрельбы линкора 130-мм железнодорожные батареи № 1101, 1103, 1116 и 1117 выпустили 82 снаряда по немецким батареям в районах населенных пунктов Знаменка, Коркули и Заводы.

В ночь на 22 августа самолеты авиации дальнего действия бомбардировали германские батареи беззаботинской группировки. При этом 130-мм железнодорожные батареи № 1114 и 1115 вели огонь по зенитным батареям немцев, обстреливавшим наши дальние бомбардировщики.

Подобное взаимодействие авиации и морской артиллерии было продолжено и в последующие дни. 23 августа морская авиация нанесла мощный удар по германским батареям в районе Горбунки – Павкуля. Шестнадцать бомбардировщиков Пе-2 четырьмя группами по четыре самолета под прикрытием 24 истребителей Як-7 с 14 ч. 06 мин. до 17 ч. 57 мин. с высоты 3200–1800 метров бомбардировали эту батарею, сбросив 30 бомб ФАБ-250 и 22 бомбы ФАБ-100. По донесению летчиков, на огневой позиции батареи было вызвано два больших взрыва. Десять самолетов Ил-2 двумя группами по четыре и шесть машин под прикрытием десяти истребителей Як-7 с 14 ч. 20 мин. до 15 ч. 00 мин. нанесли бомбово-штурмовой удар по той же батарее противники, сбросив 28 бомб ФАБ-100,

42 бомбы АО-25 и 49 реактивных снарядов РС-82. Затем восемь самолетов Ил-2 двумя группами по четыре самолета под прикрытием четырех Як-7 и пяти И-16 с 14 ч. 30 мин. до 17 ч. 50 мин. снова нанесли бомбово-штурмовой удар по той же батарее.

130-мм железнодорожные батареи во время налетов флотской авиации подавляли зенитные батареи немцев. Всего четыре батареи выпустили 234 снаряда.

31 августа 32 флотских бомбардировщика Пе-2 в сопровождении восьми истребителей Як-7 бомбардировали германские батареи в районе поселка Коркули. Самолеты сбросили 66 бомб ФАб-250 и 48 ФАБ-100. Попаданий не наблюдалось. В районе цели бомбардировщики были обстреляны сильным зенитным огнем противника.

Шесть 130-мм железнодорожный батарей прикрывали налет, выпустив по зенитным батареям противника 112 снарядов.

Однако, несмотря на все усилия наших артиллеристов и летчиков, обстрелы Ленинграда не ослабевали. К примеру, 3 сентября немцы из района Коркулей и совхоза «Беззаботный» с 10 ч. 40 мин. методическим огнем обстреливали Ленинград. Огонь был усилен на время с 14 ч. 05 мин. до 15 ч. 42 мин., а с 15 ч. 50 мин. противник вновь возобновил методический обстрел. По городу было выпущено 447 снарядов.

Ответный огонь морская артиллерия вела как бы двумя способами. В первом огонь велся по всем стрелявшим батареям. В итоге было выпущено 509 снарядов калибра 100–152 мм. Кроме того, часть 180-мм, 153-мм и 130-мм железнодорожных батарей с 11 ч. 29 мин. до 18 ч. 45 мин. вела огонь по двум заранее выбранным батареям. По батарее в районе поселка Павкуля выпущено 816 снарядов, а по батарее в районе поселка Владимирово – 542 снаряда.

С 14 ч. 20 мин. до 15 ч. 25 мин. самолет Пе-2 под прикрытием четырех Як-7 вел корректировку огня железнодорожных батарей. Таким образом, артиллерия вела огонь почти 8 часов, а корректировка велась всего час.

В свою очередь немцы обстреляли 130-мм железнодорожные батареи № 1110 и 1116. По первой было выпущено 85 – 203-мм снарядов, а по второй 20 снарядов, из которых 12 были 210-мм. На батарее № 1110 была повреждена материальная часть.

Итого за 3 сентября немцы выпустили 552 снаряда, а наши – 1867 снарядов. Тут стоит заметить, что по весу выпущенных снарядов немцы не особенно уступали нашим морякам, а, возможно, и превзошли их. Вес наших 130-мм снарядов (а их было свыше 90 % в выстрелах 3 сентября) всего 33 кг, а вес взрывчатки в среднем 2,7 кг, у германских же 20,3-см

снарядов эти цифры составляют 122 кг и 9 кг, а у 21-см гранаты Gr.40 вес 136 кг и вес взрывчатого вещества 21,7 кг.

5 сентября Военный совет Ленинградского фронта издал директиву, которую без преувеличения можно назвать взбучкой командованию Балтийского флота, 13-й воздушной армии и артиллерии фронта. В директиве утверждалось, что все три командования выполняли задания чисто формально, «не заботясь о результатах». «Наносившиеся авиационные и артиллерийские удары были неэффективными. Несмотря на большое количество привлекавшейся авиации, в результате слабой подготовки экипажей прямых попаданий до сих пор почти не было. Плохая подготовка авиакорректировщиков и недостаточная подготовка артиллерии к стрельбе с воздушными наблюдателями и звуко-корректировкой в большинстве стрельб не приводила к накрытию цели поражающими залпами». [100]

Далее шли угрозы о «персональной ответственности». Было указано, «что бомбометание без попадания в цель и стрельба без накрытия цели будут рассматриваться как невыполнение боевой задачи». [101] А за «невыполнение боевой задачи» в военное время полагался трибунал.

Ну, директивы – директивами, а немцы продолжали стрелять по Ленинграду. 11 сентября с 13 ч. 22 мин. до 18 ч. 00 мин. в Ленинграде упало 240 снарядов. Один из них попал в линкор «Октябрьская Революция». Отдельный отряд дымомаскировки и дегазации Ленинградской ВМБ с 16 ч. 53 мин. до 8 ч. 06 мин. ставил дымовую завесу в устье реки Большая Нева для прикрытия военных объектов от обстрела.

14 сентября немцы с 9 ч. 49 мин. до 23 ч. 50 мин. периодически обстреливали Ленинград, выпустив по городу до 578 фугасных и до 86 шрапнельных снарядов, в результате чего в городе возникло несколько пожаров.

Интенсивные обстрелы Ленинграда продолжались и после создания контрбатарейного корпуса. Так, 24 сентября немцы с 13 ч. 47 мин. до 16 ч. 40 мин. вели обстрел Ленинграда и устья реки Большая Нева, выпустив 81 снаряд, а с 15 ч. 00 мин. до 17 ч. 00 мин. выпустили по городу еще 33 фугасных и 10 шрапнельных снарядов.

Отдельный отряд дымовой маскировки и дегазации с 13 ч. 49 мин. до 15 ч. 25 мин. ставил дымовую завесу для прикрытия от обстрела кораблей, стоявших в устье реки Большая Нева.

На линкоре «Октябрьская Революция» двумя 24-28-см снарядами было выведено из строя 120-мм орудие и причинены незначительные повреждения корпусу и зенитному вооружению. Один человек был убит,

девять ранено и один контужен.

Кроме того, немцы 26 сентября с 8 ч. 50 мин. до 18 ч. 51 мин. обстреливали Ленинград, выпустив по городу 1012 снарядов.

2 октября адмирал Трибуц, готовясь к наступательным боям на западном направлении, приказал командующему Кронштадтским морским оборонительным районом выбрать огневые позиции для железнодорожных батарей: на западном фланге в районе населенных пунктов Долгово – Ракопежи (с сектором обстрела от береговой черты на юг) и на восточном фланге в районе Малая Ижора – Ораниенбаум (с сектором стрельбы от населенного пункта Ропша на запад).

4 октября с 11 ч. 31 мин. до 14 ч. 02 мин. германские батареи из района Стрельны, Викколово и Владимирово обстреливали Ленинград, устье Невы и Ленинградский Торговый порт, выпустив 75 снарядов. Отряд дымомаскировки прикрывал районы обстрелов дымзавесами. Один вражеский снаряд попал в линкор «Октябрьская Революция» – имелись потери в личном составе и повреждения материальной части. В это же время германские батареи из района Нового Петергофа обстреляли населенный пункт Мартышкино, выпустив 39 снарядов, из которых 25 не взорвались.

В качестве особого успеха контрбатарейного корпуса в секретном издании «Артиллерия в оборонительных операция Великой Отечественной войны» приводится подавление вражеских батарей 16 октября 1943 г.: "В полдень 16 октября 1943 г. до 11 батарей финско-койровской и ханноловской группировок противника открыли огнь по боевым порядкам нашей артиллерии в районах Автово, Авиагородок, Мясокомбинат, Пулково, выпустив за три часа свыше 600 снарядов…

В 16 час. 10 мин. противник шестью батареями открыл огонь по Ленинграду. Ответным огнем 12-го гвардейского армейского артиллерийского полка, 51-й пушечной артиллерийской бригады и восточной контрбатарейной группы эти батареи противника были нейтрализованы. Однако в 16 час. 50 мин. противник возобновил огонь, введя в действие, кроме батарей беззабонинской группировки, шесть батарей урицко-володарской группировки и отдельные батареи из района Пендолово, всего 12 батарей. Тогда командир корпуса подал команду по паролю «Гром». Одновременно огневым налетом двух групп и 101-й морской железнодорожной артиллерийской бригады с общим расходом 410 снарядов и повторным огневым налетом через 10 минут большая часть батареи противника был подавлена; только отдельные батареи продолжали беспорядочный огонь по центральным и южным районам города. Борьбу с

этими батареями продолжала вести восточная контрбатарейная группа и 101-я морская железнодорожная артиллерийская бригада до приведения противника к молчанию.

В 18 час. 20 мин. противник вновь открыл огонь. На этот раз стрельба велась по огневым позициям нашей артиллерии из района его артиллерийских группировок. Вслед за этим противник возобновил обстрел центра города частью батарей беззаботнинской группировки.

3-й Ленинградский контрбатарейный артиллерийский корпус вновь произвел огневой налет, на этот раз по паролю «Шквал». Огонь велся по батареям прикрытия противника (урицко-володарская группировка) и по некоторым батареям беззаботнинской группировки. На огневой налет израсходовано 150 снарядов.

В ответ на это противник усилил огонь артиллерии и ввел в действие новые батареи. Тогда командир корпуса подал команду по паролю «Молния», согласно которому корпус произвел всеми своими средствами одновременный огневой налет по всем наиболее активным батареям володарской, финско-койровской и беззаботнинской группировкам артиллерии противника. В результате этого огневого налета основная масса батарей, обстреливавших город, была приведена к молчанию, за исключением отдельных батарей, продолжавших стрельбу до наступления темноты.

Всего 16 октября со стороны противника действовало 33 батареи и 29 отдельных орудий, которые выпустили 1640 снарядов, из них около 200 разорвались в самом городе. Части 3-го Ленинградского контрбатарейного артиллерийского корпуса за этот день израсходовали 1620 снарядов всех калибров". [102]

Судя по всему, значительная часть германских орудий была повреждена. На следующий день, 17 октября, по Ленинграду было выпущено всего 7 снарядов. Кроме того, по Ораниенбауму выпущено четырнадцать 15-см снарядов.

Но уже 18 октября имело место оживление огня вражеской артиллерии. Противник в 2 ч. 48 мин. с неизвестного направления выпустил два снаряда по Лесной гавани в Ленинграде, а с 9 ч. 53 мин. до 19 ч. 00 мин. из района Стрельны и Калиновки обстреливал Ленинград, выпустив по городу 94 снаряда. С 12 ч. 13 мин. до 12 ч. 39 мин. немцы из того же района обстреляли мыс Лисий Нос, выпустив по нему 5 снарядов.

В тот же день адмирал Трибуц приказал начальнику Инженерного отдела флота обеспечить переброску четырех железнодорожных батарей (шесть 130-мм и два 152-мм железнодорожных транспортера) из

Ленинграда в Ораниенбаум, а командиру 101-й морской бригады железнодорожной артиллерии – начать перевозку 25 октября.

26 октября с 12 ч. 30 мин. до 18 ч. 30 мин. германские батареи выпустили по Ленинграду 124 снаряда, еще шестнадцать 28-см снарядов выпущено по Кронштадту.

27 октября началась погрузка железнодорожных транспортеров на баржи для перевозки из Ленинграда в Ораниенбаумский порт.

"Погрузка железнодорожных транспортеров весом по 125 тонн каждый и прочего подвижного состава производилась на паромную баржу, специально оборудованную рельсовыми путями. Дело происходило в Ленинградском морском торговом порту. Выполнялась работа с помощью 200-тонного плавучего крана. Все это время не прекращался довольно интенсивный обстрел порта, но сорвать погрузку он не смог.

С наступлением темноты два тральщика взяли баржу на буксир и под прикрытием катера-дымзавесчика потащили ее из Невской губы на запад. В это время и были приведены в готовность береговые и корабельные батареи – все, что могло своим огнем воспрепятствовать вражеской артиллерии сорвать буксировку.

В Ораниенбаумский порт караван прибыл затемно. По специально проложенному настилу паровоз вытянул транспортеры, платформы и вагоны на причал, и батареи отправились на отведенные им места". [103]

28 октября железнодорожные батареи 356-мм № 11, 180-мм № 19, 130-мм № 1104, 1105 и 1107 с 7 ч. 45 мин. до 8 ч. 31 мин. вели огонь по тыловым объектам, штабам, железнодорожным станциям и артиллерийским батареям противника в районах населенных пунктов Новоселка, Ханнолово, Александоровка и города Пушкин с целью обеспечения разведывательной операции 42-й армии. Всего было израсходовано 55 снарядов.

Нашим перевозкам на Ораниенбаумский пятачок сильно досаждал огонь финских дальнобойных батарей. Поэтому 30 октября 152-мм батареи № 121, 131 и 133 и 130-мм батарея № 130 Кронштадтского укрепленного сектора и 180-мм железнодорожная батарея № 19 с 15 ч. 27 мин. до 15 ч. 35 мин. произвели огневые налеты по железнодорожным станциям Териоки и Метсякюля, казарме в районе населенного пункта Куоккала и по батареям противника в районе населенного пункта Курносово и мыса Иониеми, израсходовав 25 снарядов.

2 ноября в Ораниенбаумский порт была доставлена 152-мм железнодорожная батарея № 1122. А 130-мм железнодорожная батарея № 1116, доставленная в Ораниенбаум 29 октября, на следующий день уже

вышла на боевую позицию. Батарея № 1122 вышла на боевую позицию 4 ноября.

4 ноября немцы выпустили по Ленинграду 411 снарядов. На следующий день в Ленинграде упало 228 снарядов.

В официозе министерства обороны «Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны» говориться о превентивных действиях контрбатарейного корпуса 6 ноября как о триумфе. Тут не грех привести и длинную цитату: "Накануне праздника, то есть 6 ноября, вся артиллерия корпуса произвела одновременный пятиминутный огневой налет по 18 наиболее активным батареям и пяти жизненно важным центрам противника (Аннино, Красное Село, Пушкин, Слуцк, Саблино). По окончании огневого налета в течение одного часа по тем же объектам велся методический огонь.

Противник вначале слабо реагировал на наш огонь и только с 3 час. до 6 час. 7 ноября вел более интенсивный огонь по позициям нашей артиллерии. В борьбу включились примерно 16 батарей беззаботнинской и финско-койровской группировок, которые выпустили более 300 снарядов крупных калибров. Затем активность артиллерии противника несколько снизилась.

В 10 час. 30 мин. 7 ноября немцы вновь усилили огонь по огневым позиции ям нашей артиллерии, введя в действие до 20 батарей. В ответ на это 3-й Ленинградский контрбатарейный артиллерийский корпус нанес массированный огневой удар по тем же целям и в том же порядке, что и 6 ноября. Противник также усилил огонь по нашим батареям. К 12 час. С его стороны действовало уже более 24 батарей.

В 12 час. 15 мин. 7 ноября корпус во второй раз ввел в действие план массированного огневого удара, после чего интенсивность огня артиллерии противника стала резко снижаться. С 13 часов и до наступления темноты действовали лишь отдельные батареи, которые вели огонь по переднему краю и ближайшей глубине нашей обороны.

У командования корпуса имелись основания считать, что противник не выпустил 7 ноября по городу ни одного снаряда из-за навязанного ему плана борьбы. Огонь противник вел только по районам Автово и Мясокомбината, годе располагались огневые позиции нашей артиллерии. За день боя 7 ноября части корпуса израсходовали 2905 снарядов и поставленную задачу выполнили.

Таким образом, в первом случае можно отметить типичный тактический пример массового огневого воздействия по батареям противника с целью нейтрализации их огня о городу, во втором –

упреждающий огневой удар, преследовавший цель уберечь город от вероятного обстрела противника. Характерно, что в том и другом случае наша артиллерия не только нейтрализовала или запрещала немецким батареям вести огонь, но и отвлекала его на себя". [104]

Данными немецкой стороны я, увы, не располагаю, но «Хроника…» описывает события 6–7 ноября более прозаично.

6 ноября немцы выпустили по Ленинграду 255 снарядов, а 7 ноября с 10 ч. 20 мин. и до вечера – 253 снаряда.

Ведя контрбатарейную стрельбу, 130-мм железнодорожная батарея 6 ноября выпустила 162 снаряда, а на следующий день 180-мм железнодорожная батарея № 18 и тринадцать 130-мм железнодорожных батарей выпустили 1469 снарядов. В 37 случаях 7 ноября батареи противника прекращали стрельбу.

Самолет-корректировщик Пе-2 7 ноября с 15 ч. 15 мин. до 15 ч. 31 мин. летал на корректировку артиллерийского огня железнодорожных батарей, но из-за неблагоприятной погоды возвратился, не выполнив задания.

Кроме этого, 6 ноября 356-мм батарея № 11 и 180-мм железнодорожная батарея № 18 с 8 ч. 30 мин. до 9 ч. 35 мин. выпустили 66 снарядов по городу Павловску и его окрестностям. В резиденции Павла Петровича после реставрации выставили несколько десятков фотографий вида этих залов в 1944 г. Сейчас число этих фотографий заметно поубавилось. Я в июне 2008 г. спросил экскурсовода, показывавшего на снимок: «Похоже на попадание крупнокалиберного снаряда?» «В Павловский дворец не попал ни один снаряд, все повреждения от поджога дворца отступающими немцами», – единым духом отчеканила ученая девица.

Отдельной задачей, поставленной контрбатарейному корпусу, была «защита от разрушения неприятельской артиллерией завода „Большевик“».

Обуховский завод, переименованный в начале 1920-х годов в «Большевик», был с 70-х годов XIX века крупнейшим артиллерийским заводом России. В конце 1941 г. объем промышленного производства на заводе резко снизился, но с начала 1943 г. вновь возрос. Завод выполнял важные оборонные заказы, в том числе изготавливал стволы к 130-мм установкам Б-13 и 152-мм установкам Б-38, а также лейнеры к ним.

В 1943 г. обстрелом завода занималась группировка из 9-10 батарей прикрытия, расположенных в районе Федоровское – Ладога – Антропшино. Главная роль отводилась железнодорожной установке, калибр которой был, судя по осколкам снарядов, 42 см. Установка действовала с нескольких

позиций северо-западнее Ново-Лисина.

Защищать завод от разрушения было приказано контрбатарейному корпусу. Для этого была выделена юго-восточная группа корпуса в составе 14-го гвардейского артиллерийского полка (три 122-мм установки А-19 и восемнадцать 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20) и 403-го дивизиона железнодорожной артиллерии Балтийского флота (четыре 130-мм батареи), а также самолеты-корректировщики и 1-й воздухоплавательный дивизион.

Развернув несколько постов звукометрической разведки, удалось обнаружить вражеские орудия, ведшие огонь по заводу с расстояния 28 км из района северо-западнее Ново-Лисина. После огневого удара по железнодорожной установке она замолчала. Через некоторое время над этим районом пролетели наш разведчик, доставивший фотоснимок, на котором был виден железнодорожный ус. [105] Сам транспортер ушел. Был ли он поврежден, неизвестно, во всяком случае, огня по «Большевику» он не вел.

Германские обстрелы Ленинграда продолжались до конца года. Так, 19 ноября немцы с 11 ч. 52 мин. до 15 ч. 00 мин. из района Стрельны и Викколово выпустили 468 снарядов по Ленинграду и Ленинградскому Торговому порту. Два самолета «Хенкель-126» корректировали стрельбу.

152-мм железнодорожная батарея № 1122 и девять 130-мм железнодорожных батарей приступили к подавлению германской артиллерии и выпустили 228 снарядов. В ответ немцы выпустили 80 снарядов калибра 21–28 см по 130-мм железнодорожным батареям № 1101, 1102 и 1103.

На следующий день, 20 ноября, «305-мм батарея № 311 Ижорского укрепленного сектора и железнодорожные батареи 130-мм № 1116 и 152-мм № 1122 с 15 ч. 18 мин. до 16 ч. 25 мин. выпустили 41 снаряд по штабу противника в районе населенного пункта Гостилицы, а также по германским батареям в районе населенных пунктов Большой Узигони и Настолово. Снаряды ложились в районе целей». [106]

22 ноября немцы с 11 ч. 46 мин. до 14 ч. 50 мин. и с 15 ч. 40 мин. до 17 ч. 00 мин. из района населенных пунктов Стрельна, Викколово и Знаменка вели артиллерийский огонь по Ленинграду. Было выпущено 366 снарядов, из которых 226 фугасных снарядов по устью реки Невы. Повреждений кораблей не было. Возникли и были сразу же потушены два небольших пожара в зданиях тыла Ленинградской ВМБ. В течение всего обстрела устье Невы и территорию тыла Ленинградской ВМБ прикрывали дымзавесы береговой станции дымопуска и катеров Отдельного отряда дымомаскировки и дегазации Ленинградской ВМБ.

Противник из неустановленного района с 14 ч. 32 мин. до 14 ч. 47 мин. обстрелял шестью снарядами госпиталь № 6 в Кронштадте. Потерь и повреждений не было. Как мы помним, рядом с госпиталем в Кронштадте была установлена дальнобойная батарея.

8 декабря в 9 ч. 45 мин. немцы обстреляли 40 снарядами огневую позицию 130-мм железнодорожной батареи № 1100. Первым попаданием 15-см снаряда был выведен из строя транспортер, один человек убит и четверо ранены.

29 и 30 декабря немцы обстреливали Ленинград и Кронштадт. В Ленинграде у стенки завода № 189 был поврежден транспорт № 557 «Тинна», а в Кронштадте – ледокол «Тасуя». Кроме того, получили прямые попадания Кронштадтской Морской завод, дом и здание школы оружия учебного отряда Балтийского флота.

1943 год – решающий год Великой Отечественной войны – закончился на Ленинградском фронте сравнительно тихо. Шли рутинные перестрелки с накоплением сил 2-й ударной армии на Ораниенбаумском пятачке.

Подведем некоторые итоги. По данным Ю.Г. Перечнева: [107]

Таблица 12 **Результаты контрбатарейной борьбы за третий квартал 1943 г.** [108]

Дата подавления	№ цели	Характеристика цели	Привлекаемый калибр, мм	Расход боеприпасов	Результаты
18 июля	863	3-орудийная 150-мм батарея	130	294	Проявила себя через 5 дней
17 июля	753	2-орудийная 210-мм батарея	130	346	Проявила себя через 6 дней
26 июля	715	3-орудийная 105-мм батарея	130	393	Уничтожена
27 июля	530	2-орудийная 170-мм батарея	130	320	Безрезультатно. Проявила себя через час
28 июля	530	То же	180	352	Проявила себя одним орудием через 2 часа
30—31 июля	530-А	180-мм орудие	130	886	Безрезультатно. Проявила себя через 5 часов

Дата подавления	№ цели	Характеристика цели	Привлекаемый калибр, мм	Расход боеприпасов	Результаты
30—31 июля	534-А	2-орудийная 170-мм батарея	152	168	Проявила себя через 2 дня
19 августа	534-А	То же	130	456	Уничтожена
		152	250		
		180	79		
27 июля	508	170-мм орудие	152	277	Безрезультатно. Проявило себя через сутки
5 сентября	508	То же	130	250	Проявило себя через 9 дней
			152	200	
			180	76	
2 сентября	542	2-орудийная 170-мм батарея	130	366	Безрезультатно
			152	74	
			180	75	
3 сентября	542	То же	130	252	Надежно подавлена. Проявила себя через 25 дней
			152	224	
			180	73	
3 сентября	508-А	210-мм орудие	130	385	Проявило себя через 8 дней
			152	155	
			180	133	
15 сентября	508-А	То же	130	325	Проявило себя через 9 дней
			152	144	
			180	144	
4 сентября	534	2-орудийная 210-мм батарея	130	245	Проявила себя через 7 дней
			152	190	
			180	63	

Таблица 13 **Число стрельб и расход боеприпасов артиллерией КБФ во второй половине 1943 г.** [109]

Соединение и часть	Третий квартал		Четвертый квартал	
	проведено стрельб	расход боеприпасов	проведено стрельб	расход боеприпасов
101 МЖДАБ	3947/3779	45277/41579	881/786	13017/10712
Кронштадт-ский СБО	806/321	8309/4320	170/50	2270/651
Ижорский СБО	145/38	1079/402	149/12	1132/127
Островной СБО	32/2	627/84	30/3	412/46
Корабли	160/67	3218/1536	9/4	75/32
Итого:	**5090/4207**	**58510/47921**	**1239/855**	**16906/11568**

Примечание. В числителе указано общее число, в знаменателе приведены данные о контрбатарейной борьбе.

101-я бригада в целях контрбатарейной борьбы во второй половине 1943 г. провела 4565 стрельб с расходом 52 291 снаряд, тогда как корабли и другие части береговой артиллерии провели только 497 стрельб с расходом 7198 снарядов.

Важное место в боевой деятельности морской артиллерии занимали мероприятия по обеспечению надежной защиты батарей от ударов артиллерии и авиации противника. Боевой опыт в сентябре-декабре 1941 г. показал, что одной только маскировкой батарей нельзя обмануть противника. Он распознавал наличие в данном районе батареи по звуку или вспышкам пламени. Поэтому в береговой артиллерии стали применяться маскировочные дымы. Это не только лишало противника возможности вести визуальное наблюдение, но и затрудняло бомбометание и прицельный артиллерийский огонь. В бригаде железнодорожной артиллерии дымы использовались для маскировки передвижения железнодорожных батарей, прикрытия действий по свертыванию на позициях. Применялась также постановка ложных дымовых завес. Кроме того, чтобы ввести в заблуждение противника о месте расположения батареи, сооружались ложные огневые позиции с обязательной имитацией стрельбы.

В бригаде железнодорожной артиллерии было разработано наставление по огневой маскировке, в котором каждой батарее рекомендовалось создать запасную и две ложные позиции. В наставлении указывалось, что стрельба 130-мм орудий должна маскироваться одновременной стрельбой полевых орудий, а стрельба из 152-мм, 180-мм орудий – огнем береговых 130-мм орудий.

Для стрельбы по вражеским батареям орудиями железнодорожной

артиллерии калибра 180 мм и выше применялся следующий тактический прием. Для орудия (транспортера) выбиралась временная огневая позиция. Специальные подразделения топографов делали привязку позиции, проводилась полная подготовка исходных данных. Транспортер наносил с нее артиллерийский удар, быстро свертывался и уходил. Как правило, противник открывал по временной позиции сильный артиллерийский огонь, но транспортера там уже не было. Такой способ позволил наносить внезапные артиллерийские удары, не подвергая опасности личный состав и артиллерийскую технику.

Сухопутная артиллерия Ленинградского фронта с сентября по декабрь 1943 г. "провела 2207 стрельб на нейтрализацию батарей противника, 49 стрельб на подавление или надежное подавление и ни одной стрельбы не провела на уничтожение.

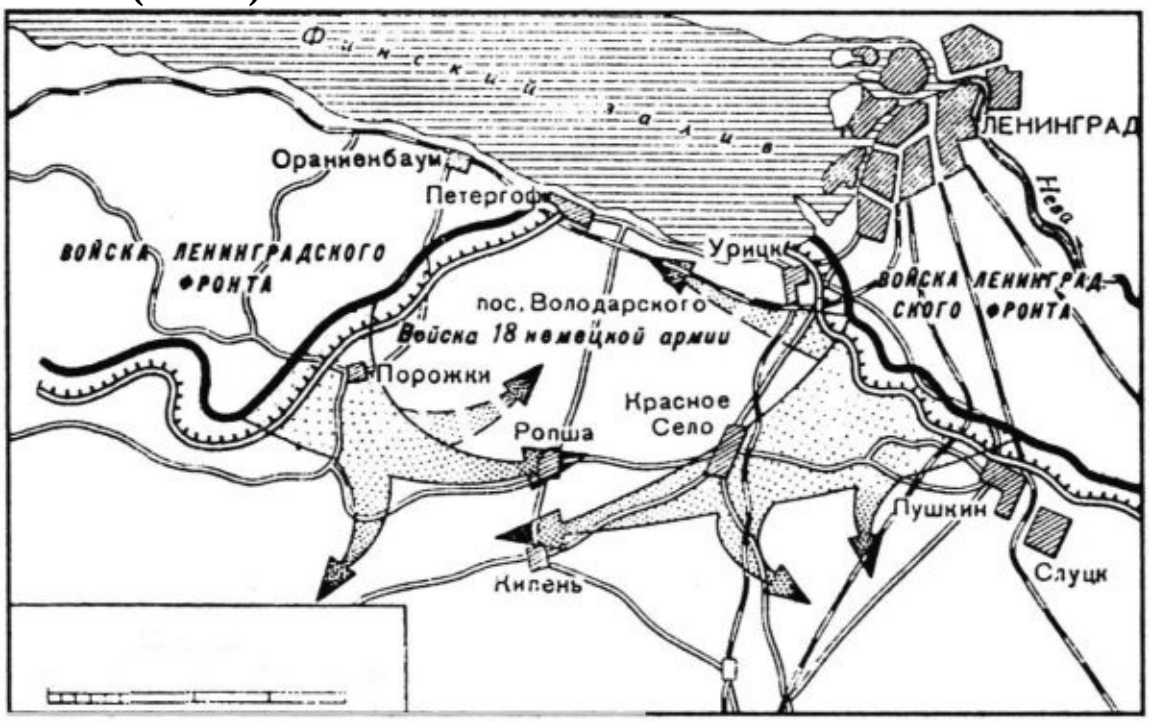
По тем же данным, общий расход снарядов 3-го Ленинградского контрбатарейного артиллерийского корпуса за три последних месяца 1943 г. составил 63 998 снарядов, из них израсходовано на нейтрализацию огня батарей противника 42 037 снарядов (65 %); на подавление (частичное уничтожение) батарей – 10 575 снарядов (17 %); на уничтожение складов, наблюдательных пунктов, железнодорожных эшелонов и пристрелку реперов – 2748 снарядов (4 %); на обеспечение действий войск – 7401 снаряд (12 %); и, наконец, на воспрещение производства работ и движения в расположении противника – 1237 снарядов (2 %). Таким образом, и на этот раз факты подтверждают, что основным видом огня в контрбатарейной борьбе являлся огонь на нейтрализацию.

Ведение огня на уничтожение батарей противника практиковалось весьма редко и только в 1942 г., когда эти батареи располагались относительно близко (на дальности 10–12 км). Однако по мере отдаления вражеских батарей глубже в тыл штаб артиллерии фронта убедился в бесцельности этого мероприятия и в 1943 г. отказался от планирования огня на уничтожение". [110]

Всего в 1943 г. артиллерия Ленинградского фронта израсходовала 296,2 тысячи 107-ии и 122-мм пушечных снарядов, 139,1 тысячу 152-мм гаубичных снарядов, 350,1 тысячу 152-мм снарядов к МЛ-20 и Бр-2 и 22,6 тысяч 203-мм снарядов.

Глава 15 Окончательный прорыв блокады

Утром 14 января 1944 г. части Ленинградского фронта перешли в наступление с целью окончательного снятия блокады Ленинграда. К началу операции перед войсками фронта (перед 2-й ударной, 42-й и 67-й армиями) располагались войска левого крыла 18-й немецкой армии в составе двенадцати дивизий с частями усиления. Непосредственно на приморском направлении перед 2-й ударной армией (на фронте до 75 км – от Керново до Петродворца) оборонялись пехотная дивизия СС «Полицай», моторизованная дивизия СС «Нордланд», 9-я и 10-ч авиаполевые дивизии противника. **(Сх. 27)**

План операции по разгрому немцев под Ленинградом в январе 1944 г.

На красносельском направлении перед 42-й армией (на фронте 34 км – от Урицка до Путролово) противник имел 126-ю, 170-ю и 215-ю пехотные дивизии. Далее перед фронтом 67-й армии, на участке (исключительно) Путролово, Гонтовая Липка, немцы имели 11-ю, 24-ю и 225-ю пехотные дивизии.

Кроме того, на красносельском направлении две дивизии противника находились в резерве.

Войска Ленинградского фронта (на фронте общей протяженностью 160 км) имели к началу наступления три армии [111] в составе пяти

стрелковых корпусов (26 дивизий), трех стрелковых бригад, частей укрепленных районов и частей усиления. Таким образом, Ленинградский фронт в труднейших условиях блокады сумел создать превосходство в силах. Соотношение сил на всем фронте к 14 января было в нашу пользу и выражалось соотношением: в дивизиях 1: 2; в людях 1: 3; в орудиях 1: 2,6; в зенитных орудиях 1: 3,4; по минометам 1: 4; в танках 1: 6; по самолетам 1: 5.

Превосходство в силах на направлении главных ударов наших войск было создано еще более высокое и по живой силе, и по артиллерии. Оно было более чем четырехкратное.

Общий замысел командования фронта в операции по разгрому левого крыла 18-й армии немцев сводился к тому, чтобы концентрическим ударом 2-й ударной армии с северо-запада в юго-восточном направлении и 42-й армии с востока в юго-западном направлении прорвать вражескую оборону на гостилицком и красносельском направлениям, окружить и уничтожить стрельнинскую группировку противника. После соединения войск 2-й ударной и 42-й армий в районе Ропши и образования общего фронта обе армии должны были развивать удар в южном направлении на Волосово и Гатчину. На 67-ю армию, действовавшую на вспомогательном направлении, на первом этапе операции возлагалась задача сковать противостоявшего ей противника, чтобы не позволить ему перебросить резервы на направление нашего главного удара.

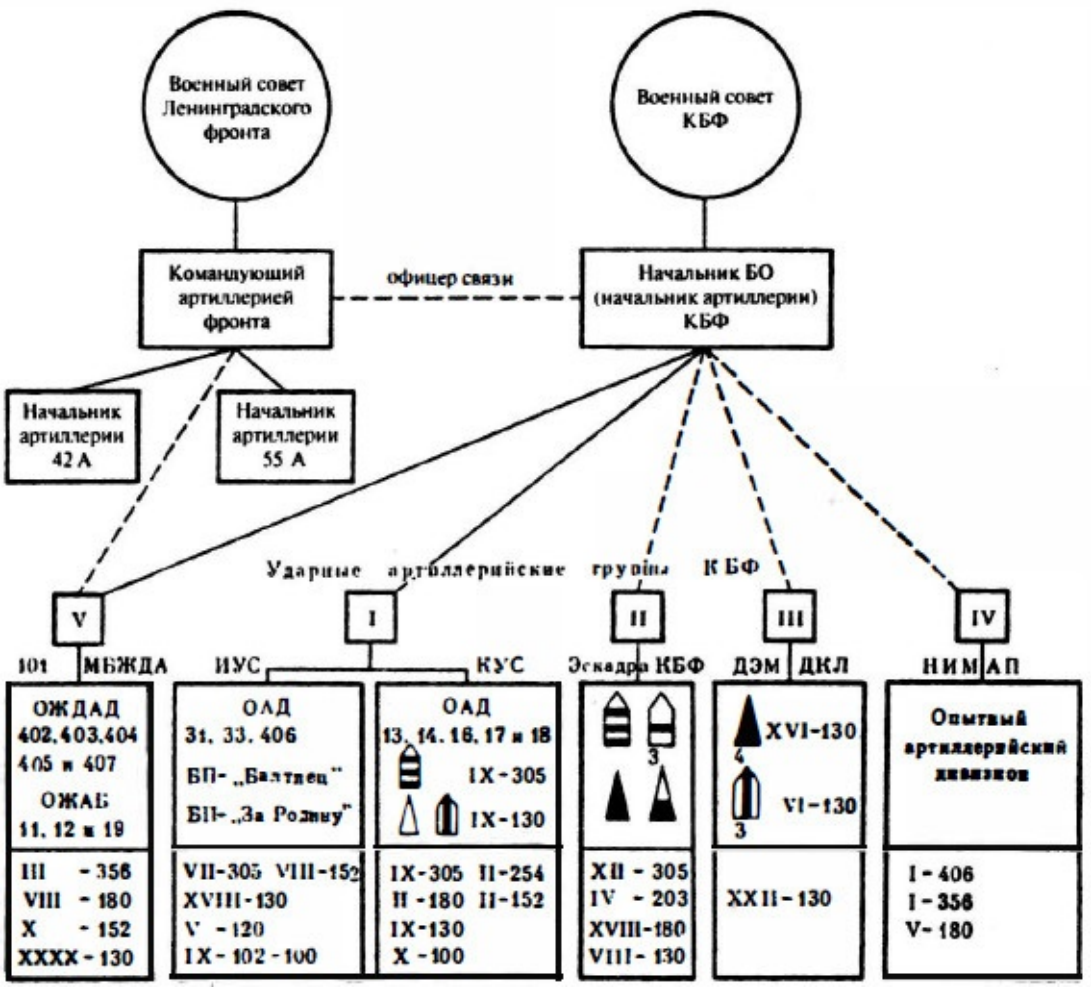
Для проведения операции Балтийский флот выделил 215 стволов калибра 406–100 мм. Больше всего было стволов 130-мм калибра – 43,2 %. Привлечение крупнокалиберной береговой, железнодорожной и корабельной артиллерии обеспечивало поражение целей, находившихся на значительном удалении от передней полосы обороны противника. Морская дальнобойная артиллерия, воздействуя на тактическую глубину расположения противника, облегчила нашим войскам преодоление мощных оборонительных рубежей как со стороны ораниенбаумского плацдарма, откуда наступала 2-я ударная армия в общем направлении на Ропшу, так и со стороны Ленинграда, где в направлении на Красное Село действовала 42-я армия.

Таблица 14 Состав артиллерии КБФ в январской операции 1944 г. [112]

Калибр орудий, мм	Корабельная	Стационарная	Железнодорожная	Всего орудий
406—356	—	2	3	5
305	21	7	—	28
254—203	3	2	—	5
180	18	7	8	33
152	—	8	10	18
130	50	12	40	102
120	—	5	—	5
102—100	—	19	—	19

Примечание. Не учтены орудия калибра менее 100 мм, в состав корабельной артиллерии включены девять 130-мм орудий резерва.

При подготовке операции из всей артиллерии флота было создано пять артиллерийских групп, каждая из которых получила свои строго определенные задачи. **(Сх. 28)**

Организация командования морской артиллерии и ее боевой состав в операции 14–25 января 1944 г. под Ленинградом

На направлении действия 42-й армии артиллерийская подготовка началась 15 января и продолжалась в течение 1 часа 40 минут. На позиции противника обрушилось 220 тысяч снарядов и мин. Артиллерия 42-й армии вела прицельный огонь по траншеям, огневым точкам, дзотам, наблюдательным постам, узлам связи. Артиллерия флота в составе 2-й, 3-й, 4-й и 5-й групп вела интенсивную стрельбу по артиллерийским батареям, узлам дорог и командно-наблюдательным пунктам.

В 11 ч. 00 мин. войска 42-й армии перешли в наступление на участке Урицк, Большое Казьмино. Батареи 5-й артиллерийской группы в это время действовали по батареям противника в глубине его обороны, но скоплениям живой силы и техники. В тот день они открывали огонь 136 раз и израсходовали 4130 снарядов. По вражеским опорным и командным пунктам, складам и узлам дорог было проведено 49 стрельб, на что потребовалось 1963 снаряда.

Успех огня морской артиллерии в первый день операции обеспечивался корректировкой каждого разрыва. Этому способствовали разнородность стрелявших калибров и выделение для морской артиллерии целей, удаленных от переднего края (его обрабатывала полевая артиллерия). Для контроля стрельбы успешно использовались периоды ведения методического огня. С 15 января установилась погода с низкой облачностью, что не давало возможности использовать самолеты-корректировщики. Это усложнило корректировку и контроль стрельб. Однако, несмотря на плохую видимость и большую плотность огня, около 70 % стрельб проводилось с корректировкой.

С 16 по 19 января 5-я артиллерийская группа держала под методическим огнем жизненные центры противника (Константиновна, Слобода Павловская, Красный Хутор, Красное Село), вела контрбатарейную борьбу, воздействовала по скоплениям живой силы и техники. Дальнобойные батареи балтийцев, осуществляя огневой контроль за вражескими прифронтовыми коммуникациями, срывали попытки немцев подтянуть резервы на помощь своим отступающим войскам.

Железнодорожные транспортеры, меняя огневые позиции и следуя за войсками, подавляли артиллерию и узлы сопротивления противника, расчищая путь пехоте и танкам. Артиллеристы железнодорожных батарей оказали существенную помощь стрелковым частям в овладении опорными узлами вражеской обороны в районе Красное Село, Воронья Гора. Информированность о расположении штабов, командных пунктов, узлов

связи, батарей, укреплений и огневых точек противника позволила вести огонь на их поражение и уничтожение. Отличная работа всех средств артиллерийской разведки и наблюдения обеспечивала ведение меткого огня по заданным целям.

Широкий размах в ходе операции, как уже отмечалось, получила контрбатарейная борьба.

В итоге ожесточенных боев подвижные части 2-й ударной и 42-й армий вечером 19 января 1944 г. соединились в районе Ропши и начали наступление на гатчинский плацдарм. В связи с этим линия фронта отодвинулась далеко за пределы досягаемости огня стационарной береговой артиллерии. Дальнейшую огневую поддержку могла оказывать только железнодорожная артиллерия.

20 января командующий Ленинградским фронтом приказал командующему 2-й ударной армией передислоцировать к исходу 21 января оперативно подчиненные ему 406 дивизион и бронепоезда «За Родину» и «Балтиец» на правый фланг армии в район Калище, Долгово. К 15 часам назначенного дня батареи 406-го дивизиона перешли из района Ораниенбаума в район Калище с задачей нарушать сухопутные коммуникации противника нанесением огневых ударов по узлам шоссейных и железных дорог в местах подхода резервов, вести контрбатарейную борьбу. Для прикрытия батарей 406-го дивизиона от ударов авиации в район Калище были переброшены 2 зенитные батареи.

Чтобы полнее использовать железнодорожную артиллерию, командующий Ленинградским фронтом 24 января приказал непосредственно подчинить ее командующему артиллерией фронта. Огонь железнодорожной артиллерии имел особое значение, так как полевая артиллерия при сравнительно ограниченной дальности ее огня не успевала сопровождать быстро движущуюся пехоту, тогда как железнодорожная артиллерия продолжала успешно содействовать огнем наступавшим частям, осуществляя маневр траекториями и колесами. Большинство стрельб в этот период проводилось без корректировки, так как самолеты-корректировщики из-за неблагоприятных метеорологических условий не могли быть использованы, а наблюдательные посты не успевали продвигаться за боевыми порядками пехоты.

Боевая деятельность 101-й морской бригады железнодорожной артиллерии получила высокую оценку советского командования. 24 января 1944 г. нарком ВМФ послал командованию Балтийского флота радиограмму. В ней говорилось: "В боях по прорыву блокады [113] Ленинграда особенно хорошо себя показали артиллерийские дивизионы

под командованием Гранина, Волновского, Барбакадзе, Жук, Крайнова, Видяева и батареи под командованием Рябцева и Копыляева. За отличную работу командирам и бойцам дивизионов объявляю благодарность и о Ваших успехах докладываю Правительству". [114]

24 января советские войска стремительным ударом овладели городами Пушкин и Павловск, очистив от противника мощные узлы обороны и железнодорожные станции Ульяновка и Саблино. После отвода противником ряда частей с синявинско-мгинского участка войска 67-й армии и Волховского фронта вышли непосредственно на подступы к городу Тосно. Артиллерия 101-й морской бригады железнодорожной артиллерии, кораблей и расположенной в районе Ивановских порогов 180-мм батареи, чтобы воспрепятствовать отходу противника в западном и юго-западном направлениях, провела 115 стрельб, уничтожив при этом большое количество автотранспорта, техники и живой силы.

26 января советские войска штурмом взяли Гатчину, превращенную противником в крепость с развитой системой долговременных сооружений. С падением этого узла обороны немецко-фашистских войск был сокрушен весь так называемый Северный вал – стальное кольцо укреплений вокруг Ленинграда.

Таблица 15 Расход боеприпасов артиллерией КБФ в январской операции 1944 г. [115]

Калибр орудий, мм	Расход боеприпасов	Процент от общего расхода боеприпасов
406	33	0,14
356	109	0,46
305	236	1,00
254	89	0,38
203	996	4,23
180	2834	12,03
152	2190	9,29
130	15360	65,18
120	28	0,12
102—100	1690	7,17

Артиллерия Краснознаменного Балтийского флота выполнила стоявшие перед ней задачи по обеспечению наступления сухопутных

частей под Ленинградом. За 14 дней операции она провела 1005 стрельб, выпустив по врагу около 23,6 тыс. снарядов калибра 406–100 мм. Оказывая совместно с армейской артиллерией огневое содействие наступающим войскам и ведя напряженную контрбатарейную борьбу, морская артиллерия решила и ряд крупных самостоятельных оперативных задач. Так, в первые дни боев она целиком обеспечивала приморский фланг Ораниенбаумской группы войск (полевая артиллерия и войска в это время были сосредоточены на участках прорыва). Когда под угрозой полного окружения стрельнинская группировка противника пыталась пробиться на юг, морская артиллерия на пути ее отхода поставила мощный огневой заслон и уничтожила много живой силы и техники.

Январская операция – первый случай в истории, когда береговая и корабельная артиллерия использовалась в таких больших масштабах для содействия сухопутным войскам при прорыве глубоко эшелонированной обороны противника.

Согласно «Хроники…», 101-я морская бригада железнодорожной артиллерии 15 января вела огонь:

а) по батареям противника в районах населенных пунктов Горбунки, Новополье, Владимирово, Настолово, совхоз «Беззаботный», Аввкуля, Стрельна, поселок Володарского, посеклок Ленина, Немецкая Колония, Пендолово, Новая, Зайцево, Мендухари, Новеселки, Ханнолово, Алекскандровка, Кирпузи, Соболево и Антропшино. Огнь открывался 136 раз, израсходовано 4130 снарядов. Батареи противника в трех случаях были подавлены, и в десяти случаях их огонь был нейтрализован. При стрельбе по цели № 399 в районе Антропшино был вызван большой пожар;

б) по вражеским опорным и командным пунктам, складам и узлам дорог было проведено 49 стрельб, израсходовано 1963 снаряда; результаты стрельб остались неизвестными.

2-я группа артиллерии флота вела огонь по опорным командным и наблюдательным пунктам, узлам дорог и складам противника в районах насаленных пунктов Русское Койрово, Большое Виттлово, Пиккола, Киргоф, Красное Село, Малое Виттолово, Большие Тайны, Дудергоф, Воронья Гора, Ивановка, Каупилово, Констатиновка, Ханнолово, Финское Койрово, поселок Володарского и Ново-Паново. Проведено 22 стрельбы и одна стрельба по неприятельской батарее. Израсходовано 1406 снарядов.

При стрельбах кораблей было отмечено 8 сильных взрывов и 4 пожара, из них в районе цели № 23 три взрыва и большой пожар (огонь вел крейсер «Максим Горький» и 406-мм орудие НИМАПа); в районе цели № 16 большой силы взрыв и пожар (огонь вел лидер «Ленинград»); в районе

цели № 2 и батареи в этом же районе четыре сильных взрыва и два больших пожара (огонь вел эсминец «Свирепый»).

3-я группа артиллерии флота вела огонь по узлам дорог, складам, опорным пунктам, наблюдательным командным пунктам противника в районе Пушкина, Софии, Павловского дворца, Федоровского городка и парка Александрия. Проведено было десть стрельб, израсходовано 1432 снаряда. При стрельбах по целям № 53 и № 56 канонерскими лодками «Ока» и «Зея» наблюдались в районе цели № 53 взрыв большой силы и в районе цели № 56 два сильных взрыва, сопровождавшихся большими пожарами.

4-я группа артиллерии флота обстреливала огневые позиции батарей противника в районах Александровки (цель № 21), Малые Кобози (цель № 46) и высоты 112,0 (цель № 23). Всего было проведено три стрельбы, израсходовано 212 снарядов. Было отмечено пять взрывов и сильные пожары в районе целей № 21 и № 23.

По оценке начальника штаба береговой обороны фронта, наиболее эффективно стреляли крейсер «Максим Горький», эсминец «Свирепый», лидер «Ленинград», канонерские лодки «Зея», «Ока» и артиллерия 4-й группы.

Противник в течение 15 января обстрелял 105-ю снарядами Торговый порт Ленинграда, 10-ю снарядами – Ольгино, двумя снарядами – Кронштадт и один снаряд выпустил по станции Горская. Повреждений не было, ранены два матроса.

16 января артиллерия немцев вела огонь главным образом из районов поселка Володарского, Стрельны, совхоза «Беззаботный», Владимирово, Пушкина, Слуцка и Пендолово. Неприятельская артиллерийская группировка в районе Порзолово, Низино Сашино и Большой Симоногонт проявила слабую активность, так как противник, повидимому, приступил к эвакуации частей свой артиллерии из этого района.

17 января немецкая артиллерия с 1 ч. 07 мин. до 1 ч. 43 мин. из неустановленных районов обстреляла двадцатью снарядами Выборгский, Петроградский, Октябрьский, Московский районы и Торговый порт Ленинграда и четырьмя снарядами – Ораниенбаум.

18 января корабли эскадры вели огонь по батареям, опорным пунктам и узлам шоссейных дорог противника. Крейсер «Максим Горький» с 12 ч. 50 мин. до 16 ч. 30 мин. обстрелял 75 снарядами цели в районах Красное Село, Капорское, Большие Тайцы и Русско-Высоцкое. Линкор «Октябрьская Революция» с 15 ч. 28 мин. до 16 ч. 28 мин. израсходовал 20 снарядов по цели Капорское и с 17 ч. 00 мин. до 19 ч. 00 мин. 20 снарядов

по Красному Селу. Крейсер «Петропавловск» с 12 ч. 50 мин. до 13 ч. 50 мин. обстрелял 72 снарядами Красное Село и Капарское. Лидер «Ленинград» с 12 ч. 01 мин. до 16 ч. 00 мин. вел контрбатарейную борьбу с батареями противника в районе поселка Володарского, израсходовав 44 снаряда. Эсминец «Свирепый» с 15 ч. 37 мин. до 16 ч. 00 мин. выпустил 20 снарядов по батареям в том же районе. Эсминец «Опытный» 19-ю снарядами обстрелял перекресток дорог в районе населенного пункта София. По данным корректировочных постов, «Ленинград» и «Свирепый» прямыми попаданиями снарядов подавили батарею противника и две батареи привели к молчанию.

19 января в 7 ч. 43 мин. крейсер «Киров» перешел на новую огневую позицию в устье реки Невы у Университетской набережной и в 8 ч. 10 мин. открыл огонь по объектам противника. Корабли эскадры обстреливали узлы дорог, живую силу и технику противника: линкор «Октябрьская Революция» с 8 ч. 00 мин. до 12 ч. 00 мин. шестнадцатью снарядами в районе Эргелево; крейсер «Киров» с 8 ч. 00 мин. до 16 ч. 15 мин. – 69-ю снарядами в района Капорское, Коврово – Зайево, Телези; крейсер «Максим Горький» в это же время – 64-мя снарядами в районах Русско-Высоцкое, Мухолово; лидер «Ленинград» с 15 ч. 34 мин. до 16 ч. 39 мин. – пятьюдесятью снарядами в районе поселка Володарского.

Артиллерия крейсера «Петропавловск» в течение дня 19 января 57 раз открывала огонь по скоплениям живой силы и техники немцев в районах Петергофа, Сашино, Низино, Кузнецы, Марьино, Узигонт и Капорская. Крейсер израсходовал 808 снарядов. По данным контрольных наблюдательных пунктов, огнем крейсера были уничтожены 29 автомашин, три орудия, 68 повозок и до трехсот солдат и офицеров противника, разрушен мост, вызваны взрывы и пожары.

В ночь на 20 января 1944 г. войска 2-й ударной и 42-й армий осуществляли полное окружение остатков войск стрельнинской группировки немцев. К 2 часам ночи наши танковые части соединились в районе населенного пункта Михайловка, а к 8 часам утра в районе Русско-Высоцкое соединись и пехотные части.

20 января крейсера «Киров» и «Петропавловск» вели огонь по скоплению пехоты и техники противника в районах Тайцы и София. 130-мм железнодорожные батареи № 1106 и № 1119 101-й морской бригады железнодорожной артиллерии, два железнодорожных транспортера и две батареи (406-мм и 180-мм) НИМАПа с 6 ч. 00 мин. до 18 ч. 00 мин. вели огонь по батареям противника в районах Федоровское (5 км юго-восточнее Слуцка), Сабры (9 км восточнее Красногвардейска) и по скоплениям живой

силы и техники немцев в районах Антропшино (5 км южнее Слуцка) и Семрино (14 км юго-восточнее Красногвардейска). Вследствие плохой видимости результаты обстрела установить не удалось.

К 20 января в числе трофеев армии было захвачено 265 орудий, из них 85 тяжелых – 152-406-мм. За это время противник оставил на поле боя до 25 тысяч трупов солдат и офицеров. Наши войска взяли в плен более тысячи немецких солдат и офицеров. [116]

20 января войска Ленинградского фронта успешно закончили первый этап фронтовой операции.

Тем не менее, морская артиллерия продолжала обстрелы отдельных частей вермахта, еще остававшихся в пределах ее досягаемости. Так, в ночь на 23 января 1944 г. крейсера «Максим Горький» и «Петропавловск», эсминец «Опытный» и канонерская лодка «Сестрорецк» с 0 ч. 00 мин. до 8 ч. 00 мин. вели огонь по узлам дорог и войскам противника в районах Пязелево и Попово, израсходовав 22 снаряда. 180-мм батарея № 470 Ленинградской ВМБ из района мыса Пороги с 3 ч. 46 мин. до 6 ч. 30 мин. обстреляла двадцатью снарядами развилку дорог в районе Ново-Лисино. Батарея 101-й морской железнодорожной артиллерийской бригады вела огонь по узлам дорог в районах Красногвардейска, станции Антропшино, Волги и мызы Марьино. Результаты действий артиллерии не были установлены.

На следующий день, 24 января, крейсер «Петропавловск» выпустил 40 снарядов по скоплениям войск противника в районах Пязелево и Попово. Две батареи 1-й гвардейской морской бригады железнодорожной артиллерии вели огонь по дорогам в районах населенных пунктов Кабролово, Ново-Лисино и Стекольное.

25 января две 180-мм и две 130-мм батареи 1-й гвардейской морской бригады железнодорожной артиллерии и батарея Ленинградской ВМБ вели огонь по скоплениям железнодорожных эшелонов и автотранспорта противника на дорогах в районах Красногвардейска, Сабр, Владимирской, Ханнолово, Ново-Лисино, разъезда Стекольный, поселка Саблино и города Тосно. Результаты обстрела установлены не были.

В ночь на 26 января наши войска овладели Гатчиной.

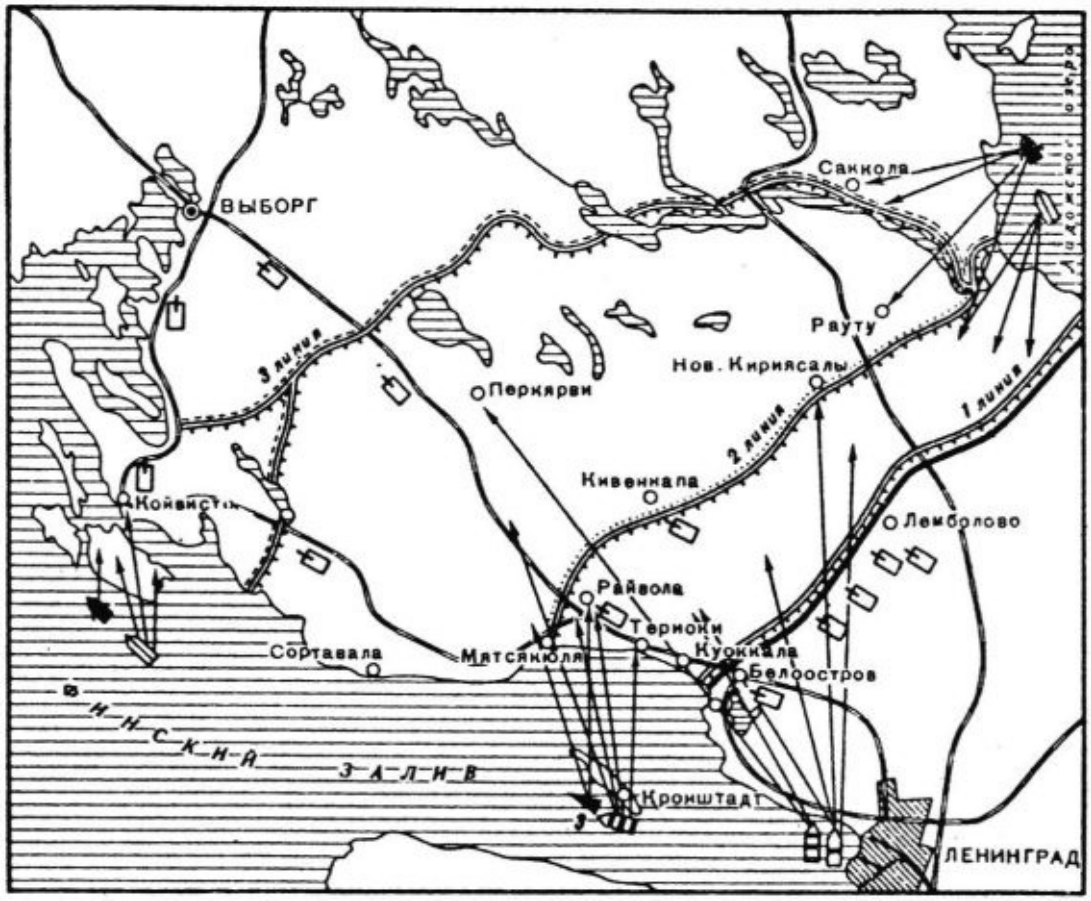
27 января в 8 часов вечера Ленинград салютовал войскам Ленинградского фронта 24-мя артиллерийскими залпами из 324 орудия. Город был окончательно освобожден от блокады. Закончилась величайшая в истории человечества артиллерийская дуэль.

Но на Карельском перешейке остались финские войска, и морские артиллеристы начали подготовку к уничтожению финской группировки.

Глава 16 Разгром финских войск на Карельском перешейке

После окончательного снятия блокады финны уже не рисковали стрелять по Ленинграду, но продолжали обстреливать северные форты Кронштадтской крепости, а также наши корабли в восточной части Финского залива. Соответственно, им отвечали огнем форты крепости и корабли.

101-я морская бригада железнодорожной артиллерии Балтийского флота за отличное выполнение боевых задач была переименована в 1-ю гвардейскую морскую бригаду железнодорожной артиллерии. Эту бригаду было решено направить на фронт в район Нарвы. Однако 10 февраля командующий Ленинградским фронтом приказал вывести из ее состава два дивизиона и направить их в оперативное подчинение 23-й армии для обеспечения троицкого и белоостровского направлений. Как уже говорилось, 23-я армия с лета 1941 г. сдерживала финнов на Карельском перешейке. **(Сх. 29)**

Огневое содействие кораблей и 1-й гвардейской морской бригады железнодорожной артиллерии при прорыве обороны противника на Карельском перешейке

Перебазирование 403-го и 405-го дивизионов железнодорожной артиллерии было начато уже 11 февраля. В каждом дивизионе состояло по девять 130-мм транспортеров. 403-й дивизион занял огневую позицию в районе железнодорожной станции Грузино, а 405-й – в районе станций Песочная – Черная Речка. 19-я 180-мм железнодорожная батарея в тот же день вышла на огневую позицию в районе станции Левашово. Понятно, что 130-мм и 180-мм морские орудия нужны были не для обстрела переднего края обороны противника, а для борьбы с дальнобойной финской артиллерией и поражения тыловых объектов. В конце февраля – марте 1944 г. в борьбу с финской артиллерией включились и другие железнодорожные батареи.

Дуэли нашей дальнобойной артиллерии с финской происходили почти каждый день. Таковой день 24 марта 1944 г.: 130-мм железнодорожные батареи № 1114, 1116, 1117, 1118 и один 180-мм транспортер батареи № 18 неоднократно открывали огонь по неприятельским батареям перед фронтом

23-й армии в районе Старого Белоострова. Батареи противника прекратили стрельбу. Батарея № 153 Кронштадтского укрепленного сектора вела артиллерийский огонь по району населенного пункта Раяйоки.

19 марта для подавления финских батарей привлекли форт «Красная Горка». С 14 ч. 49 мин. до 15 ч. 00 мин. батарея № 311 вела артиллерийский огонь по железнодорожной станции Ино, выпустив двадцать два 305-мм снаряда, которые ложились в районе цели. Стрельба корректировалась самолетом.

4 апреля финская артиллерия из района Оллила – Куоккала обстреляла наши позиции в районе мыса Дубовый и города Сестрорецка. Ответным огнем стационарных батарей № 121 и № 153 Кронштадтской крепости огонь финнов был подавлен.

К началу июня 1944 г. интенсивность артиллерийских дуэлей резко возросла. Вот, к примеру, 6 июня стационарная батарея № 343 и железнодорожные батареи № 1109 и 1119 с южного берега Финского залива (Ижорский укрепленный сектор) с 11 ч. 04 мин. до 11 ч. 55 мин. вели огонь по трем финским батареям на северном берегу залива в районе населенного пункта Алипумала (западнее форта Ино), вражеские батареи прекратили стрельбу.

В этот день железнодорожная батарея № 19 и батарея № 133 с острова Котлин с 11 ч. 09 мин. до 11 ч. 11 мин. произвели совместный огневой налет на финскую батарею в районе населенного пункта Мятсякюля (7 км северо-восточнее мыса Иониеми).

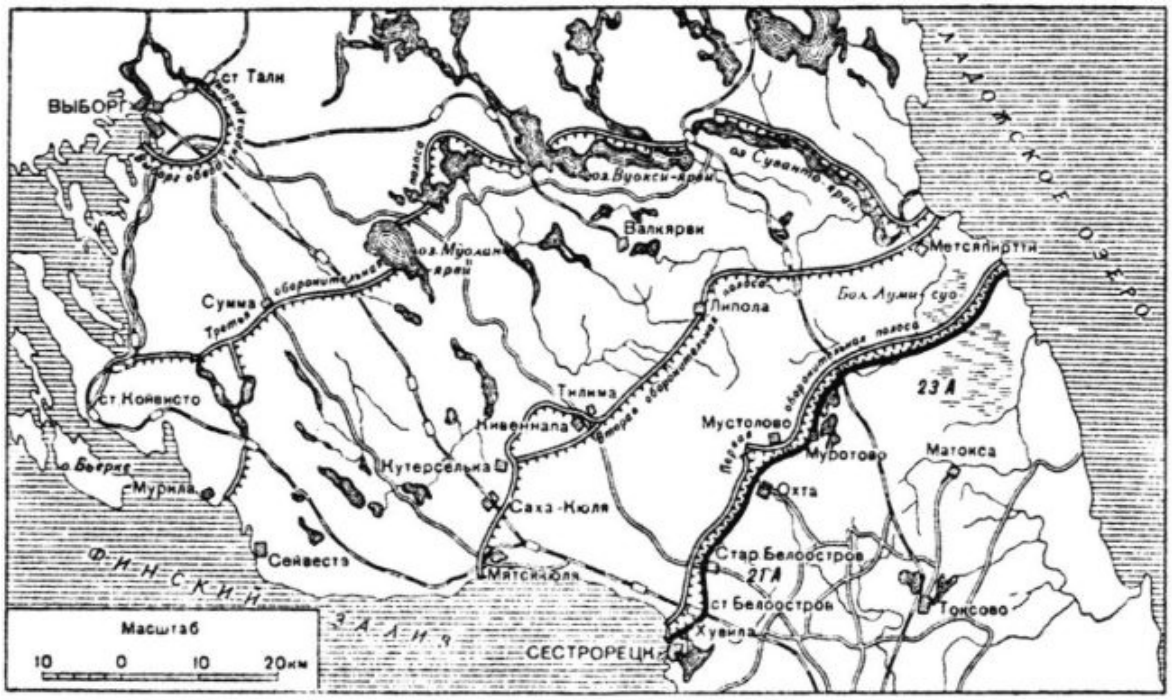
Батарея № 133 Кронштадтского укрепленного сектора обстреливала развилку дорог в районе Териоки и батарея № 153 (того же сектора) – наблюдательный пост в районе населенного пункта Оллила. Батареи № 111, 114 и 131 Кронштадтского укрепленного сектора и железнодорожные батареи № 1113 и 1118 в течение дня 6 июня неоднократно открывали огонь по финским батареям в районах населенных пунктов Оллила, Куоккала, Заболотье и в районе озера Каллеловский Разлив. Вражеские батареи прекратили стрельбу.

К лету 1944 г. финны построили на Карельском перешейке мощную систему укреплений, существенно превосходившую знаменитую линию Маннергейма.

Первая оборонительная полоса проходила по линии фронта, установившейся в сентябре 1941 г. Она представляла собой систему полевых укреплений с сильными узлами обороны и опорными пунктами, прикрывавшими наиболее важные направления (железную дорогу Ленинград – Выборг, Приморское шоссе, район Старого Белоострова).

Вторая – главная – оборонительная полоса проходила в 20–30 км от первой. Она начиналась в районе Ваммелсуу и Метсякюля у побережья Финского залива, шла затем на восток через Сахакюля, Кутерселькя, Кивеннапа, южнее Рауту до Вуоксинской водной системы и заканчивалась в районе Тайпале. Эта полоса обороны сооружалась длительное время и к лету 1944 г. была в основном построена. Мощный рубеж обороны, имевший 926 долговременных железобетонных сооружений и убежищ, прикрытых густой сетью гранитных надолбов и противопехотных препятствий, был рассчитан на длительное сопротивление.

Третья полоса обороны проходила в 30–40 км южнее и юго-западнее Выборга через район Купарсаари и далее до Вукосинской водной системы до местечка Тайале у Ладожского озера. Это была частично восстановленная линия Маннергейма с вновь построенными опорными пунктами на подступах к Выборгу. Кроме того, финны создали еще внешний обвод укреплений, прикрывавших непосредственно город. Центральная часть выборгского оборонительного рубежа проходила по южной и юго-восточной окраинам города, причем сооружения были созданы по крепостному принципу. Выборг имел также внутренний оборонительный обвод и был подготовлен к круговой обороне. **(Сх. 30)**

Оборонительные полосы финнов на Карельском перешейке

Советским войскам на Карельском перешейке противостояли 3-й и 4-й финские армейские корпуса, объединенные 15 июня 1944 г. в оперативную группу «Карельский перешеек». В группу входили 2-я, 3-я, 10-я, 15-я и 18-я

пехотные дивизии, единственная финская бронетанковая дивизия, одна пехотная и одна кавалерийская бригады, а также много отдельных частей. Всего у финнов было 100 тысяч человек, 960 орудий и минометов, 110 танков и свыше 200 самолетов. К лету 1944 г. 23-я армия имела в своем составе два стрелковых корпуса – 115-й и 98-й. Всего 6 стрелковых дивизий, 17-й укрепрайон и 38 артиллерийских дивизионов.

Но этих сил Сталину показалось недостаточно, и на Карельский перешеек в апреле 1944 г. скрытно перебросили 21-ю армии. Следует заметить, что эта армия не имела никакого отношения к 21-м армиям, сражавшимся в 1941–1943 гг. на различных фронтах. Предпоследняя 21-я армия была сформирована в июле 1943 г. Она участвовала в Смоленской операции и в конце октября 1943 г. ее остатки влились в состав 33-й армии, а управление 21-й армии выведено в резерв Ставки. Из новых частей с прежним управлением и была сформирована новая 21-я армия. В апреле 1944 г. ее командующим стал генерал-полковник Д.Н. Гусев. В состав 21-й армии входили 30-й гвардейский, 97-й и 109-й стрелковые корпуса (итого 9 стрелковых дивизий), а также 22-й укрепрайон.

В апреле 1944 г. по приказу Ставки были сняты с фронта два артиллерийских дивизиона прорыва – 5-й гвардейский Сталинградский и 15-й. Их доукомплектовали в районе Вязьмы и перебросили на Карельский перешеек. Замечу, что по штату в артиллерийский дивизион прорыва входили гаубичная батарея большой мощности (24 гаубицы Б-4), тяжелая пушечная бригада (35 гаубиц-пушек МЛ-20), тяжелая гаубичная бригада разрушения (32 – 152-мм гаубицы), а также 84 – 122-мм гаубицы, 72 – 76-мм пушки и 108 – 120-мм минометов.

Кроме того, на Карельский перешеек были переброшены пять отдельных дивизионов особой мощности резерва Ставки. В каждом дивизионе имелось три батареи двухорудийного состава. На вооружении дивизионов особой мощности состояли 305-мм гаубицы обр. 1915 г. и 280-мм мортиры Бр-5. Замечу, что в 1939–1940 гг. наше командование не удосужилось перебросить из Киевского военного округа 305-мм гаубицы обр. 1915 г., и в штурме линии Маннергейма самыми тяжелыми орудиями были 280-мм обр. 1915 г. и Бр-5.

С воздуха наступление войск должна была прикрывать 13-я воздушная армия. Всего в этих трех армиях насчитывалось около 260 тысяч человек, 5,5 тысяч орудий и минометов, 881 пусковая реактивная установки, 628 танков и самоходных артустановок и свыше 700 самолетов.

Приморские фланги обеспечивали: со стороны Финского залива – Краснознаменный Балтийский флот, а со стороны Ладожского озера –

Ладожская военная флотилия.

Так как труднопроходимая лесистая и болотистая местность на Карельском перешейке затрудняла широкое применение тяжелой боевой техники, командующий фронтом генерал армии Л.А. Говоров принял решение нанести главный удар силами 21-й армии на приморском направлении – вдоль северо-восточного побережья Финского залива. Это давало возможность нашему командованию широко использовать морскую артиллерию для прорыва обороны противника и высаживать десанты с моря в помощь войскам, наступавшим на Выборг.

23-я армия в первые дни наступления должна была оборонять занимаемый рубеж от Ладожского озера до Охты, а с выходом соединений 21-й армии к реке Сестре перейти в наступление.

Три армии Ленинградского фронта, сосредоточенные на Нарвском участке фронта, получили приказ активизировать свои действия и не допустить переброски немецко-фашистских войск из Прибалтики на Карельский перешеек.

За несколько дней до наступления советское командование распространило дезинформацию о крупном наступлении наших войск в районе Нарвы. Были созданы ложные радиосети и проведен ряд иных мероприятий.

В Выборгской операции от Балтийского флота участвовало 12 кораблей (в том числе линкор и два крейсера), 25 стационарных и 15 железнодорожных батарей в составе 125 береговых орудий калибром 406–100 мм и 49 корабельных орудий калибра 305–130 мм

Железнодорожная артиллерия вела пристрелку и стрельбу с временных огневых позиций, построенных личным составом еще в мае 1944 г. Тогда же были оборудованы командно-наблюдательные пункты для командиров дивизионов и батарей в 500-1000 м от переднего края, а в сухопутные войска назначены офицеры связи с подвижными радиостанциями и шифровальщиками.

За несколько дней до операции железнодорожные батареи заняли огневые позиции ближе к линии фронта, на железнодорожных станциях Грузино, Горталово, Пери и на шести тупиковых позициях, построенных в районе Левашово, Дибуны, Черная речка, Сортавала.

К началу операции артиллерия флота имела на берегу Финского залива и в глубине материка хорошо развитую сеть наблюдательно-корректировочных постов дивизионов и батарей, а некоторые из них располагались в боевых порядках пехоты, на переднем крае. Кроме того, для артиллерийской разведки и корректировки огня использовались

отдельный разведывательный артиллерийский дивизион, эскадрилья самолетов-корректировщиков и аэростаты наблюдения. Корректировочная авиация действовала по специально составленному плану.

9 июня в 8 ч. 05 мин. артиллерия Ленинградского фронта открыла ураганный огонь по финским позициям. Одновременно началось разрушение целей противника артиллерией Балтийского флота в районах населенных пунктов Камешки, западнее Александровки и юго-восточнее Оллила. Огонь на разрушение оборонительных сооружений первой полосы вели: батареи № 112, 113, 114, 122, 123 и железнодорожная батарея № 19а Кронштадтского укрепленного сектора, железнодорожные батареи № 18, 1112, 1114, 1116, 1117, 1118 (северная группа батарей морской железнодорожной артиллерийской бригады), одно 406-мм и одно 356-мм орудия НИМАПа, линкор «Октябрьская Революция», крейсера «Киров» и «Максим Горький». Всего было израсходовано 2176 снарядов калибром от 406 до 130 мм.

Одновременно со стрельбой на разрушение артиллерия флота вела огонь с целью подавления активно действовавших неприятельских батарей. В подавлении их принимали участие батареи № 111, 121, 153, 154, 279 и 611 Кронштадтского укрепленного сектора и железнодорожные батареи № 1104, 1105, 1106, 1107, 1108, 1110, 1112, 1113, 1114, 1116, 1117, 1118 и 1120, которые в течение дня израсходовали свыше тысячи снарядов, стреляя по 25 целям.

Финны, оказывая активное сопротивление, вели артиллерийский огонь по нашим наблюдательным постам и по районам мыса Дубовский и Сестрорецка.

Канонерские лодки «Волга» и «Кама», находившиеся на Кронштадтском и Восточном рейде, с 9 ч. 30 мин. до 10 ч. 50 мин. по заявке армии вели артиллерийский огонь по району Куоккала, выпустив двадцать четыре 130-мм снаряда.

Интенсивный огонь вели и 130-305-мм орудия форта «Красная Горка». Участник боев П.Е. Мельников писал: "На этот день нашей [117] и 312-й двенадцатидюймовой батарее поставлена задача: огневыми ударами по районному центру Райвола, цели № Г-215 и Г-216 нарушить управление и воспрепятствовать подходу резервов противника.

В 5 часов 3 минуты батарее объявлена боевая тревога.

В 5 часов 58 минут установили связь с самолетом-корректировщиком. Через 15 минут самолет доложил о готовности корректировать огонь нашей батареи.

В 6 часов 15 минут батарея открыла огонь по цели № Г-215, дистанция

198 кабельтовых, азимут 04–32 и по цели № Г-216, дистанция 195 кабельтовых, азимут 04–24.

В 6 часов 22 минуты батарея стрельбу прекратила, выпустив по врагу 11775 килограммов металла.

Одновременно с нами по Райволе вела огонь 312-я батарея, которая выпустила примерно столько же металла.

Самолет-корректировщик сообщал: «В районе цели наблюдаю до шести очагов пожаров и большой силы взрыв». Значит, попали хорошо, куда надо!" [118]

Любопытно, что до сих пор ни у отечественных, ни у финских историков нет точных данных о составе дальнобойной артиллерии финнов на Карельском перешейке в июне 1944 г. Известно, например, что у поселка Келломяки (Коморово) находилось три 254,45-мм пушки. Еще одно такое орудие находилось у поселка Ваммелсуу (ныне Серово). Там же стояли три 152/45-мм пушки Кане.

Что же касается старого форта Ино, то там были толи 152/45-мм пушки, толи 254/45-мм. Понятно, что финские генералы знают точно, но помалкивают.

В районе озера Местерявви (ныне озеро Красное недалеко от поселка Песочное) дислоцировалась 1-я железнодорожная батарея в составе четырех трофейных транспортеров ТМ-1-180. Судя по всему, на Карельском перешейке была и железнодорожная батарея из трех транспортеров ТМ-3-305. Однако финские историки отрицают ее участие в боях, причем довольно невнятно.

10 июня в 6 часов утра артиллерия Балтийского флота, взаимодействуя с 21-й армией, открыла огонь по наблюдательным постам, узлам связи и узлам дорого финнов в районах населенных пунктов Уусикюля, Куоккала, Келломяки, Ривьера, Райвола, по железнодорожным станциям Териоки и Райвола и по наиболее активным финским батареям. Огонь вели эсминцы «Вице-адмирал Дрозд», «Сильный», «Славный» и «Страшный», канонерские лодки «Волга», «Зея», «Кама» и «Ока», батареи № 111, 112, 113, 114, 122, 123, 131, 133, 154, 279, 611, 613 и железнодорожная батарея № 19а (Кронштадтский укрепленный сектор), батареи № 311, 312, 331 и железнодорожная батарея № 12 (Ижорский укрепленный сектор), железнодорожные батареи № 18, 19, 1104, 1105, 1106, 1107, 1108, 1110, 1112, 1113, 1114, 1116, 1117, 1118 и 1120.

С 12 ч. 08 мин. до 13 ч. 02 мин. по вызову армии батарея № 112 Кронштадтского сектора и эсминец «Сильный» произвели стрельбу на разрушение узла сопротивления финнов в районе Куоккала, выпустив 94

снаряда.

С 14 ч. 10 мин. финны под давлением наших частей начали отходить из района Куоккала – Оллила. В это время артиллерия флота перенесла огонь по отходившим войскам противника и перекресткам дорог.

О силе артиллерийского огня и бомбовых ударов авиации 9-10 июня говорят следующие данные. Только на небольшом участке в районе Белоострова было уничтожено 130 дотов, дзотов, бронированных колпаков и других оборонительных сооружений. Почти все проволочные заграждения были снесены, противотанковые препятствия разрушены, минные поля уничтожены, траншеи вспаханы, причинен большой урон в живой силе. Как показали пленные, противник потерял в этот день около 70 % состава частей, занявших траншеи после нашей артиллерийской подготовки.

Следуя за огневым валом, наши бойцы успешно форсировали реку Сестру, прорвали первую полосу обороны противника и начали продвижение по Выборгскому шоссе. Батареи железнодорожной артиллерии неоднократно сменяли огневые позиции для более эффективного воздействия по отступающим немецко-фашистским войскам. Продвижение железнодорожной артиллерии обеспечивала восстановительная железнодорожная бригада. Она быстро исправляла повреждения железнодорожного полотна и сооружений и разминировала дорогу. Части Красной Армии продвигались настолько быстро, что железнодорожные батареи в первые два дня боевых действий несколько отставали. К 23 часам 13 июня железнодорожный путь был восстановлен до станции Райвола, а в 4 часа утра 14 июня железнодорожные батареи начали продвижение на Териоки. К этому времени войска Красной Армии вышли на вторую сильно укрепленную линию обороны противника.

За первые 4 дня наступления артиллерия флота провела 582 стрельбы и израсходовала более 11 тысяч снарядов калибром от 406 до 100 мм. В результате артиллерийского огня только по данным корректировочных постов было разрушено 34 узла обороны и 24 отдельных дота и дзота, уничтожено 15 артиллерийских орудий, в 294 случаях подавлен огонь вражеских батарей, вызвано 88 больших взрывов боеприпасов и 54 пожара, 67 раз рассеивались и частично уничтожались большие скопления живой силы и техники противника на железнодорожных станциях, узлах дорог и в населенных пунктах.

Второй этап операции, так же как и первый, начался артиллерийской подготовкой атаки с целью прорыва второй линии обороны противника на рубеже Мятсякюля, Кивеннапа. Артиллерийская подготовка была

назначена на 8 часов 14 июня. Для ее осуществления были выделены пять стационарных, шесть железнодорожных батарей и три канонерские лодки. В ночь на 14 июня железнодорожные батареи начали сосредоточиваться на станции Райвола. Первой прибыла батарея № 1117 406-го дивизиона. За ней с интервалом между эшелонами 1000 м следовала батарея № 1116. Около 5 часов утра 14 июня под паровозом 1116-й батареи лопнул рельс, что на час задержало продвижение всех других батарей. В связи с этим в артиллерийской подготовке участвовала только батарея № 1117, которой пришлось выполнять часть задач, возложенных на другие батареи. В период артиллерийской подготовки (с 8 ч. 00 мин. до 9 ч. 25 мин.) эта батарея выпустила 600 снарядов. Остальные батарей подошли лишь к концу артиллерийской подготовки и по существу приняли участие лишь в боевых действиях по артиллерийскому обеспечению продвижения 21-й и 23-й армий.

О роли огня береговой артиллерии свидетельствует следующий пример. 15 июня враг оказал упорное сопротивление нашим наступающим войскам в районе города Мятсякюля, где он опирался на развитую систему инженерных сооружений, включавших бронеколпаки, доты и дзоты. Армейское командование вызвало огонь семи батарей Кронштадта и девяти батарей железнодорожной артиллерии (две 356-мм, четыре 254-мм, восемь 180-мм, двадцать четыре 152-мм, десять 130-мм орудий). С 5 м. 44 мин. до 20 ч. 56 мин. 15 июня береговые батареи провели 74 стрельбы и израсходовали 1326 снарядов. Вечером войска 21-й армии, используя успех артиллерии, штурмом овладели городом Мятсякюля.

Позже Маннергейм напишет в своих мемуарах, что гром советских тяжелых орудий был слышен в Хельсинки на расстоянии 220–270 км.

Позиции финской 180-мм железнодорожной батареи с 10 по 14 июня непрерывно подвергались артобстрелам советских железнодорожных установок и атакам авиации. Всего к вечеру 14 июня по ней было выпущено около 2 тысяч снарядов калибра 130–180 мм.

15 июня нашим штурмовикам удалось серьезно повредить два финских транспортера ТМ-1-180. После этого оба уцелевших транспортера своим ходом (на дизелях) ушли на огневые позиции у Хумалиоки (Ермилово) – Койвисто (Приморск).

16-17 июня 1-я финская железнодорожная батарея перешла в местечко Симола (Васкелово) примерно в 20 км от Ладожского озера.

Следует заметить, что при штурме Карельского вала эффективно действовала не только морская, но и сухопутная артиллерия. Характерный пример действия двух 203-мм гаубиц Б-4 4-й батарей 18-й гвардейской

гаубичной бригады против «дота-миллионера». Доты такого типа получили у финнов название «миллионеры», поскольку их строительство обходилось в миллион финских марок. Капитан И.И. Ведмеденко вывел гаубицу на прямую наводку на дистанцию 800 м до дота. Сам капитан находился в наблюдательном пункте в 150 м от дота. Из 140 выпущенных 203-мм снарядов 96 попали в дот. «Миллионер» был разрушен, а Ведмеденко получил звание Героя Советского Союза.

Понятно, что расчет Б-4, не имевший щитов, был бы немедленно уничтожен пулеметно-пушечным огнем дота, если бы не шквал огня многочисленных орудий, прикрывавших Б-4. Подобными «успехами» мы обязаны маршалу Тухачевскому, сорвавшему производство 406-мм гаубиц. Чтобы покончить с «миллионером», потребовалось бы не девяносто шесть 203-мм снарядов, а всего один-два 406-мм снаряда. Причем дот был бы поражен не прямой наводкой с 800 метров, а навесной стрельбой с дистанции 4-10 км с закрытой позиции вне действия огня пулеметов и пушек финских дотов.

Огонь морской артиллерии не прекращался ни на один день. Так, 14 июня батареи № 113, 131, 132 и 133 Кронштадтского укрепленного сектора, батарея № 311 Ижорского укрепленного сектора, железнодорожные батареи № 12, 19а, 1116, 1119, 1121 и 1122, бронепоезд «Балтиец» и канонерские лодки «Волга», «Зея», «Кама» и «Ока» (канонерки находились на огневых позициях в районе маяка Толбухин) перед началом наступления наших войск с 8 ч. 00 мин. до 9 ч. 25 мин. вели артиллерийский огонь по узлам сопротивления, командным пунктам, штабам и активным батареям финнов перед фронтом 21-й армии. Было нанесено четыре огневых удара. В промежутках между ударами батареи вели методический огонь. Стреляли 40 орудий: четыре 305-мм, два 254-мм, пять 180-мм, пятнадцать 152-мм и четырнадцать 130-мм; выпущено 945 снарядов. Артиллерийским огнем были подавлены шесть финских батарей, разрушен узел сопротивления, вызваны 26 взрывов и 11 пожаров, в шести случаях были рассеяны войска противника.

16 июня с 4 ч. 45 мин. до 15 ч. 25 мин. береговые батареи № 311, 331, 332 и 343, железнодорожные батареи № 12, 1109, 1119, 1121 и 1122, бронепоезд Ижорского сектора и канонерские лодки «Волга», «Зея» и «Ока» (канонерки стояли на Кронштадтском рейде) вели артиллерийский огонь по батареям, узлам сопротивления, скоплениям живой силы и складам противника на берегу Финского залива в районе Анттонала – Сейвестэ. Во второй половине дня стрельбу батарей корректировал самолет Ил-2. Всего было выпущено 999 снарядов, из которых 130 – 305-мм. В том

числе канонерские лодки выпустили 223 – 130-мм снаряда. В 33 случаях был подавлен огонь финских батарей, в районе целей вызваны три взрыва и несколько пожаров.

16 июня Маннергейм отдал приказ отойти и занять оборону на линии Выборг – Купарсаари – Тайпале. Первый фланг IV армейского корпуса в этот день был отброшен к водному рубежу Финский залив – озеро Куолемаярви (озеро Пионерское) – озеро Каукярви (озеро Красавица) – озеро Пэркярви (озеро Большое Кирилловское), где 4-я дивизия генерал-майора Аути, переброшенная из Восточной Карелии, удерживала советские войска на направлении главной железной дороги в ожидании того, как сложится обстановка на направлении Кивеннапа (Первомайское). Там, в 25 км к югу, на линии Ваммелсуу – Тайпале сражалась 3-я дивизия генерал-майора Паяри. Ей угрожала опасность окружения. 17 июня 3-ю дивизию отвели на правый фланг, тем самым опасная ситуация была ликвидирована. Спустя три дня финский IV армейский корпус занял оборону на линии Выборг – Купарсаари – Тайпале в полосе Выборг – Вуокса. III армейский корпус после сдерживающих боев занял позиции на водном рубеже Вуокса – Суванто – Тайпале, где он оборонял предмостное укрепление возле Вуосильми.

17 июня отступающие финские войска вышли из зоны поражения береговых стационарных батарей Кронштадтской крепости. Поэтому от флота наступающие части Ленинградского фронта поддерживала только железнодорожная артиллерия, а со стороны моря – отряды канонерских лодок и бронекатеров.

Для содействия войскам 21-й армии на выборгском направлении железнодорожные батареи заняли огневые позиции в районе станции Перкярви (405-й дивизион и батарея № 19), на станции Лаунатиски (406-й дивизион) и станции Мустамяки (батарея № 18). Они вели огонь по узлам сопротивления противника. 19 июня на рассвете наши 180-мм батареи № 18 и 19, опередив артиллерию 21-й армии, с предельных дистанций открыли огонь по городу и железнодорожной станции Выборг, а 20 июня войска Ленинградского фронта овладели этим городом.

Маннергейм, Рюти и К *о* как и в 1939–1940 гг., так и в 1941–1944 гг. были уверены, что Англия и США в критический момент защитят Финляндию. И 20 июня первыми в Выборг ворвались тяжелые танки «Черчилль», но, увы, с красными звездами на башнях.

С 17 по 20 июня батареи железнодорожной артиллерии провели 137 боевых стрельб и израсходовали 1794 снаряда калибром 180–130 мм. Среди отличившихся соединений и частей в боях по прорыву сильно

укрепленной, развитой в глубину долговременной финской обороны на Карельском перешейке в приказе Верховного Главнокомандующего от 21 июня 1944 г. была отмечена бригада железнодорожной артиллерии.

С 21 июня и до середины июля 1944 г. железнодорожная артиллерия продолжала оказывать содействие 21-й армии. Севернее Выборга действовали 405-й дивизион и батарея № 18, оперативно подчинявшиеся командующему артиллерией 21-й армии. Задачи выполнялись в тесной связи с действиями передовых частей армии. Для этого 25–29 июня в корпуса, в оперативной полосе которых действовали железнодорожные батареи, высылались офицеры связи. Поддерживая части 21-й армии, железнодорожная артиллерия нарушала движение противника по дорогам и подавляла огонь неприятельских батарей в районе населенных пунктов Тианхара и Ханхийоки.

Всего с 9 по 30 июня батареи железнодорожной артиллерии, осуществляя непрерывную поддержку наступающих частей Красной Армии, провели 1077 стрельб и израсходовали 17377 снарядов. По этапам операции проведенные стрельбы распределялись следующим образом. В период боевых действий по обеспечению продвижения 21-й и 23-й армий от Белоострова до Выборга было проведено 519 стрельб и израсходовано 9108 снарядов калибра 356 и 100 мм. Стрельбы проводились по различным целям, из них 343 стрельбы по батареям противника, 38 по узлам сопротивления, 35 по скоплениям живой силы, 50 по дорогам, 20 по железнодорожным станциям, 13 по штабам, командным и наблюдательным пунктам. В период стабилизации фронта после занятия Выборга для обеспечения боевой деятельности наших войск было проведено 272 стрельбы, а по обеспечению высадки десантов на острова Выборгского залива – 286.

Оказывая поддержку сухопутным войскам, береговая и корабельная артиллерия 9-17 июня провела 946 стрельб и израсходовала 19 776 снарядов. Число стрельб с корректировкой превышало 83 %.

12 июля командование Ленинградского фронта отдало приказ 21-й и 23-й армиям перейти к обороне. На этом, собственно, и закончились активные боевые действия на Карельском перешейке. По мнению автора, возможности для дальнейшего наступления у советских войск были далеко не исчерпаны, и переход к обороне был вызван не военными, а политическими соображениями.

В Выборгской наступательной операции [119] в составе Ленинградского фронта состояло 188,8 тыс. человек. В ходе операции безвозвратные потери составили 6018 человек, а санитарные? 24 011

человек. [120]

Итак, за месяц две наши армии – 21-я и 23-я – при сравнительно небольших потерях сумели разгромить финские войска и очистить от них Карельский перешеек. Это красноречиво свидетельствует о том, что потери и медленный темп наступления в 1939–1940 гг. объясняется не какими-то особыми качествами финских солдат и слабостью Красной Армии, а исключительно безграмотными действиями советских военачальников.

Не будем забывать, что в июне 1944 г. Красная Армия на огромном фронте до Черного моря вела бои с вермахтом, венгерскими, румынскими, словацкими частями. Да еще плюс всякая мелочь – дивизии СС из французов, прибалтов, «западенцев», «голубая дивизия» и т. д. – этак полтора-два десятка дивизий наберется.

А на Карельском перешейке и в Карелии у нас танков «кот наплакал» – несколько отдельных бригад. Не было даже танковых дивизий, не говоря уж о танковых армиях.

В заключение стоит сказать несколько слов о судьбе финских железнодорожных установок 1-й железнодорожной батареи со 180-мм установками. 27 июня они заняли позицию на станции Нурми в 10–12 км северо-западнее Выборга и в последующие дни, с 28 июня по 7 июля, произвели семь боевых стрельб, выпустив 75 снарядов по Выборгскому железнодорожному узлу, острову Сорвали (в самой северной части Выборгского залива), по переправам на остров Уурансаари (остров Высоцкий в Выборгском заливе), по акватории острова Суонионсари (в Выборгском заливе, ныне остров Крепыш). 30 июня огонь финской 1-й железнодорожной батареи по советским точкам управления огнем на острове Сорвали, по данным финнов, «был особенно удачным…» Отличилась батарея и 4 июля. При отражении высадки десанта на остов Суонионсари одним метким выстрелом (огонь вели два орудия) было потоплено советское десантное судно. 17 июля батарея участвовала в контрбатарейной перестрелке и выпустила 17 снарядов по советской артиллерии, размещенной на острове Суонионсаари. 27 июня 1-я железнодорожная батарея обстреляла гавань Уурансаари, выпустив 6 снарядов. Это была последняя стрельба батареи. Все вышесказанное мною почерпнуто исключительно из финских источников.

Много позже советские артиллеристы осмотрев финские ТМ-180 сделали выводы: "Из орудия № 54 26 июля было сделано около 30 выстрелов. Из орудия № 86 4 июля – около 220 выстрелов. Из орудия № 102 (также 4 июля) – около 110 выстрелов. [121]

Короче, финны в очередной раз решили навешать лапшу на уши

нашим стратегам, что, честно говоря, в 1944–1947 гг. было сделать совсем не трудно.

Потрясает полнейшее неведение наших генералов и адмиралов о состоянии финских вооруженных сил. Ну, Бог с ним, с 1941 годом. Сейчас речь идет о 1944–1946 годах!

К примеру, наши адмиралы даже не знали, что у финнов остался в строю броненосец береговой обороны «Вайнаманен». Наши летчики его несколько раз «топили» в 1939–1940 гг., а также в 1941–1942 гг. Последний раз броненосец «утопили» 16 июля 1944 г. в порту Котка. На самом деле там была потоплена германская зенитная плавбатарея «Ниобе». Любопытно, что в книге, изданной в 1946 г., я сам видел красивую картинку, где советские самолеты топят «Вайнаманен».

Лишь в начале февраля 1947 г. (!) при подписании договора с финнами наши военные узнали о том, что «Вайнаманен» не потоплен, а стоит в Турку цел и невредим.

Любопытно, что еще 5 октября 1944 г. председатель Союзной Контрольной комиссии в Финляндии первый секретарь Ленинградского бюро А.А. Жданов потребовал от наших военных: «Надо все побережье взять под контроль. Если этого не сделать, то эти жулики нас все время будут обманывать».

О 1-й финской железнодорожной батарее наши военные может краем уха чего и слышали, но найти ее не могли. Но вот какой-то финский солдат проинформировал военный отдел Контрольной комиссии, где «жулики» прячут батарею. Члены комиссии сами, без сопровождения финнов, отправились туда и «между Карьяа и Сало в очень длинном и довольно глубоком песчаном карьере, охраняемом военным отрядом, окруженном проволочным заграждение и укрытом маскировочной сетью» были обнаружены железнодорожные транспортеры.

Остальные ТМ-1-180 и три ТМ-3-12 финны не прятали, а демонстративно поставили на Ханко, на старых советских позициях. Естественно, что сверхдальние 305-мм снаряды для ТМ-3-12 финны Контрольной комиссии не показали, а тоже куда-то спрятали. О них финские историки рассказали лишь в конце 1990-х годов после развала СССР.

Контрольная комиссия потребовала передать все финские железнодорожные установки Советскому Союзу. Финны чуть не плакали, отдавая ТМ-1-180 и ТМ-3-12. Что касается изготовленной финнами четырехорудийной 152-мм батареи с орудиями Кане, то, по заключению Контрольной комиссии, «матчасть орудий расстреляна и требует замены

стволов». Их и оставили финнам в утешение.

После ремонта на заводе «Большевик» возвращенные из финского плена ТМ-1-180 и ТМ-3-12 состояли на службе в ВМФ СССР. В мае 1961 г. были законсервированы последние установки. А в 2002 г. на открытой площадке Центрального Музея Великой Отечественной войны на Поклонной горе был установлен «пленный» транспортер ТМ-3-12 с 305-мм стволом М.А. № 127, изготовленным на Обуховском заводе в 1915 г. для черноморского линкора «Александр III».

Сотрудникам музея стоило огромных усилий доставить это уникальное орудие с места консервации в поселке Лебяжье в Москву.

Раздел II Севастополь

Глава 1 Сон разума советских адмиралов

В ходе осады Ленинграда в 1941–1944 гг. советские генералы и адмиралы допустили достаточно оперативных и тактических ошибок, о многих из которых упомянуто в этой книге. Стратегическая ошибка были лишь одна. Военные и политики не оценили возможностей ВПК Ленинграда, а главное, «артиллерийского зонтика» из сотен дальнобойных морских орудий. Было очевидно, что немцы споткнуться лишь у самых окраин Ленинграда в радиусе действия 12-дюймовых орудий «Красной Горки» на Ораниенбаумском пятачке. Соответственно, не была вовремя проведена эвакуация сотен тысяч негодных для обороны города людей, в первую очередь детей и стариков. В остальном наши генералы и адмиралы воевали, как умели, не допуская непоправимых стратегических ошибок, и, в конце концов, город Петра и Ленина выстоял, а германские и финские завоеватели нашли смерть на его подступах.

А вот с Севастополем все произошло иначе. Наши адмиралы постоянно принимали самые нерациональные решения. Создается впечатление, что если бы на их месте сидели агенты Абвера, то им явно оказалось бы не под силу натворить такое.

Начну с нашей военно-морской доктрины. Суть ее вкратце сводилась к тому, что Англия одна, а вероятнее всего вместе с Францией, Японией и другими морскими державами нападет на «первую в мире страну социализма».

И вот флот супостатов подходит к нашим главным военно-морским базам и начинает громить их из орудий главного калибра. Соответственно, все наши флоты готовились к бою на минно-торпедной позиции в районе своих главных баз.

Эскадры супостатов должны были нарваться на наши многочисленные средние и малые подводные лодки, а затем попасть на минные поля и под обстрел береговых батарей. И тут-то вылетят десятки скоростных торпедных катеров, как с экипажами, так и радиоуправляемых, а также сотни бомбардировщиков и торпедоносцев. Ну а довершат разгром супостата быстроходные крейсера и эсминцы.

Увы, эти планы не имели ничего общего со стратегией и тактикой войной на море. Атаки флота на укрепленные военно-морские базы почти всегда кончались неудачей. Единственный успех с 1800 г. по 1945 г. сопутствовал британскому флоту, напавшему в 1882 г. на Александрию. Но

не надо забывать, что большинство египетских орудий заряжалось с дула, а прислуга их попросту разбежалась.

В 1915 г. англичане и французы попытались с моря захватить Дарданеллы. Благо, укрепления турок были древние, орудия слабы, да и личный состав не уступал египтянам в Александрии. Результат – пять британских и один французский линкор были потоплены, несколько линкоров получили серьезные повреждения. Так, французский линкор «Голуа» спасся, лишь выбросившись на мель.

Больше попыток атаковать военно-морские базы с моря никто в Первой мировой войне не делал. Понятно, что ни британские адмиралы, ни адмиралы других стран никогда не планировали нападение силами линкоров и крейсеров на советские ВМБ.

Предвижу возражения читателей, мало знакомых с историей нашего ВМФ, мол, всегда большинство предвоенных планов, составленных генералами и адмиралами, не реализуется, это явление не только нормальное, но и неизбежное. Святая правда! Но и генералы, и адмиралы обязаны иметь планы боевых действий на все случаи. А наши зациклились на бое на минно-артиллерийской позиции с «Гранд Флитом»!

Хуже всего было то, что все наши довоенные судостроительные программы были рассчитаны на этот вариант. К 22 июня 1941 г. в нашем ВМФ имелось подводных лодок и торпедных катеров больше, чем в любом другом флоте мира. Но 90 % подводных лодок были малыми и средними, все торпедные катера, за исключением трех опытных, были реданного типа – маломореходные и способные действовать лишь в районе своих ВМБ.

Тральщиков строилось крайне мало, а десантные корабли вообще не строились. И это притом, что до 1918 г. у нас было построено несколько десятков десантных судов типа болиндер и эльпидифор, и имелся большой опыт по высадке с них морских десантов.

Невозможно понять ход мыслей наших генералов и адмиралов. Вот, к примеру, к 22 июня 1941 г. Красная Армия располагала 545 танками КВ-1 и КВ-2 весом 48–52 тонны. Во второй половине 1941 г. планировалось изготовить еще 1000 танков КВ.

Но никто из генералов и адмиралов не подумал о способах транспортировки танков КВ морским путем. Ладно, нет специальных десантных судов, так хоть придумали бы приспособления для их перевозки на грузовых судах. Увы, никто об этом и думать не желал. Забегая вперед, скажу, что немцы в 1942 г. на Черном море быстро научились перевозить трофейные КВ на десантных баржах. Подобные баржи десятками клепались в Варне, Николаеве, Линце и других верфях.

Положение со средствами ПВО флота к 1941 г. было буквально катастрофическим. До революции Морское ведомство выбирало для флота пушки, руководствуясь исключительно целесообразностью установки их на кораблях и не особенно оглядываясь на армию. Так, Морское ведомство независимо от Военного министерства в 1914–1916 гг. заказало себе около трехсот 37-мм и 40-мм зенитных автоматов. Первые изготавливал Обуховский сталелитейный завод, а вторые – британская фирма Виккерс.

В советское же время корабельные зенитные системы принимались на вооружение лишь после того, как их примет на вооружение Красная Армия. [122] Замнаркома обороны по вооружению маршал М.Н. Тухачевский и руководство Артуправления уделяли недостаточно внимания созданию автоматических зенитных пушек, считая, что для борьбы с воздушным врагом достаточно 7,62-мм пулеметов «Максим» и универсальных (дивизионно-зенитных) пушек. На флоте же для борьбы с авиацией были составлены таблицы зенитной стрельбы для всех орудия калибра 180 мм, 152 мм, 130 мм, 102 мм, 76 мм, 75 мм и т. д., а также созданы осколочные снаряды с дистанционными взрывателями для всех этих калибров.

Самое любопытно, что ни генералам, ни адмиралам не надо было думать над проблемой зенитных автоматов. В конце 1930 г. – начале 1931 г. фирма «Рейнметалл» в секретном порядке поставила в СССР свои 2-см и 3,7-см зенитные автоматы, то есть «фляки», с которыми вермахт и кригсмарине будут воевать всю войну. Причем, «Рейнметалл» поставил не только несколько десятков готовых автоматов, но и всю технологическую документацию на их производство, а также полуфабрикаты для изготовления еще нескольких десятков автоматов.

У нас Тухачевский и компания поручили изготовление 20– и 37-мм автоматов заводу им. Калинина (№ 8) под Москвой в деревне Подлипки. Завод не имел опыта в производстве автоматических орудий и был перегружен заказами на 45-мм противотанковые и танковые пушки, 76-мм зенитные орудия и т. п. Завод № 8 кой-как сляпал шестьдесят одну 20-мм пушку 2К и шесть 37-мм пушек 4К. Но, увы, эти пушки никак не желали вести автоматический огонь.

Тухачевскому и К *о* было плевать на зенитные автоматы, в результате работы над автоматами фирмы «Рейнметалл» были прекращены.

Лишь после устранения Тухачевского и большей части руководства Артуправления в 1938–1939 гг. были созданы образцы 37-мм и 45-мм автоматов, «содранные» с 40-мм автомата Бофорс. Эти автоматы отличались низкой скорострельностью и нерациональной схемой автоматики. [123] Но, как гласит французская пословица, «за неимением

лучшего спят с женой».

37-мм автомат 61К с воздушным охлаждением более-менее устраивал руководство Красной Армии. Но флоту нужен был его 45-мм аналог и с водяным охлаждением. Но, увы, из-за экономии и стремления к унификации на вооружение был принят 37-мм автомат 70К [124] с воздушным охлаждением. Автоматы 70К начали поступать во флот лишь в начале 1940 г. и до 1945 г. были единственными корабельными зенитными автоматами, серийно выпускавшимися в СССР.

Численность морской истребительной авиации была, вроде бы, достаточно высокой – свыше 760 машин, из которых 346 находились на Черном море. Однако среди них не было ни одного дальнего истребителя. А может наши конструкторы были не в состоянии спроектировать хотя бы аналог двухмоторного истребителя Ме-110? Или отечественная промышленность не в состоянии была наладить их серийное производство? Вовсе нет. Все страны мира имели двухмоторные дальние истребители. Даже поляки к августу 1939 г. испытали и готовились запустить в серию двухмоторный истребитель PZL-38 Wilk. Да и наши конструкторы под руководством Петлякова в 1939 г. спроектировали двухмоторный дальний истребитель «100», [125] первые полет которого состоялся в декабре того же года.

В мае 1940 г. командование ВВС решило переделать истребитель «100» в пикирующий бомбардировщик. Это произошло, надо полагать, под впечатлением от успешного боевого применения германского пикировщика Ю-87 в Польше.

Возможно, командование ВВС и было право. Пикировщик был куда нужнее армейской авиации, чем дальний истребитель. И войну мы выиграли без дальних истребителей.

Но флот уже в 30-х годах XX века была мало боеспособен без дальних истребителей. Разумеется, им была альтернатива в виде авианосной авиации, но в СССР работы по авианосцам не шли дальше эскизных проектов на ватмане.

Почему-то в 1930-е годы или в мае 1940 г. никто из наших мудрых адмиралов не написал Сталину письмо с требованием создания дальних истребителей для флота? Увы, Иосиф Виссарионович всезнающим Богом не был. Ему доложили авиационные начальники, и притом весьма обоснованно, о необходимости создания пикировщика. Вроде никто не возражает, адмиралы в тряпочку молчат. Ну и ушло несколько недель на переоборудование «100» в бомбардировщик. Так появился пикировщик Пе-2.

Лишь с началом войны решили на базе Пе-2 сделать истребитель Пе-3. Пока переделывали, да то, да сё, в итоге в сентябре 1941 г. Пе-3 был запущен в малосерийное производство. Всего в 1941 г. изготовили 1671 бомбардировщик Пе-2 и 196 истребителей Пе-3.

Однако первые Пе-3 направили в три истребительных полка… ПВО Москвы. Проку от них там не было. В итоге немногочисленные Пе-3 использовались в качестве бомбардировщиков или для сопровождения транспортных самолетов с Vip-персонами. Лишь в марте 1942 г. 9-й истребительный авиаполк с Пе-3 был передан Северному флоту.

В итоге все флоты СССР к 1941 г. были привязаны к своим базам, то есть к силам береговой обороны. Но при этом наши адмиралы строили в больших количествах линкоры, тяжелые и легкие крейсера, лидеры и эсминцы, задача которых – действия на большом удалении от своих баз, но не строили кораблей для обороны побережья – броненосцев береговой обороны, морских мониторов, канонерских лодок и т. п.

О том же, как линкоры и крейсера будут действовать без истребительного прикрытия, никто из адмиралов не думал. Точнее, может кто и думал, но делился мудрыми мыслями с женой в постели или за бутылкой с сослуживцами.

Так случилось, что Балтийский флот до середины 1944 г. мог обходиться без дальних истребителей, но на Черном море ситуация была более чем катастрофическая.

Не нужно быть адмиралом, достаточно и 8-классного образования, чтобы понять, что на Черном море боевые действия могли идти лишь в трех вариантах.

Первый – война с ведущими морскими державами, на стороне которых выступит Турция (например, Крымская война 1854–1855 гг.).

Второй – война с ведущими морскими странами против Турции, Германии и других стран, не имевших возможности послать большой флот в Черное море. Пример – Первая мировая война.

Третий – война при нейтралитете Турции. Пример – Великая Отечественная война.

Во втором и третьем вариантах мореходные килевые торпедные катера и подводные лодки под прикрытием дальних истребителей могут даже без крупных надводных кораблей контролировать все Черное море, то есть пресечь все выходы в море военных и торговых судов противника, а при необходимости – и нейтралов.

Ну а теперь рассмотрим первый, самый худший для России вариант. Предположим, Англия в союзе с Италией и Турцией объявит войну

Советскому Союзу. А британские лорды Адмиралтейства, перебрав виски, решат атаковать Севастополь и расстрелять его орудиями линкоров.

Возникает вопрос, где лучше встретить супостата? На подходе к Севастополю или у Босфора? Многие критики – от любителей-историков (седых мальчиков в коротких штанишках) до адмиралов и профессоров Военно-морской академии – обвиняют меня в том, что я, спустя 50 или более лет и зная все последующие события, могу легко рассуждать, мол, N должен был поступить так, а М – эдак. Пардон, но я историей занимаюсь с третьего класса и везде пишу, что вот умные генералы и адмиралы поступали верно, а N выбрал наихудший вариант. Популярно говоря, умные люди раньше делали в унитаз, а N навалял кучу в гостиной.

Еще в 1853 г. перед Крымской войной командование Черноморского флота рассматривало вариант вторжения союзного флота в Босфор. А уже с 1878 г. встречный бой с британским флотом в проливе Босфор стал официальной доктриной Черноморского флота. Тогда дело не ограничилось разработкой бумажных планов. Вся судостроительная программа Черноморского флота была ориентирована на бой в Босфоре.

Со времен парусного флота кораблестроители всех стран стремились до предела увеличить бортовой залп корабля. Но вот в 1883 г. в Николаеве и Севастополе закладываются три однотипных броненосца «Екатерина II», «Чесма» и «Синоп». Это были первые крупные военные суда, заложенные на Черном море после Парижского мира. Несколько позже, в 1891 г., заложили близкий к ним по типу броненосец «Георгий Победоносец».

Все эти броненосцы отличало необычное расположение артиллерии. Шесть 305-мм пушек были расположены в трех барбетных установках – две на носу и одна на корме.

У русских броненосцев типа «Екатерина II» на борт могло стрелять только четыре из шести 305-мм орудий. Зато вперед могли вести огонь четыре 305-мм пушки. Дело в том, что эти броненосцы были специально спроектированы для встречного боя в Проливах. Во встречном бою огневая мощь «Екатерины II» была, по меньшей мере, в два раза больше, чем у любого английского, французского или немецкого броненосца. Специально для боя в Проливах строили малые миноносцы, минных заградители и т. п.

Именно в Босфоре, а не у Севастополя русское командование собиралось вести бой на минно-артиллерийской позиции. Для создания артиллерийской позиции в Босфоре был учрежден так называемый «особый запас». Он создавался в условиях полной секретности, и даже в закрытых документах для высших офицеров его назначение по возможности не раскрывалось. Первоначально в составе «особого запаса»

были тяжелые береговые орудия (штатные для береговых крепостей) и некоторое количество полевых орудий. Так, в 1894 г. только в Одессе в «особом запасе» состояло 78 орудия калибра 107–280 мм, а к 1895 г. число орудий возросло до 116.

Впервые в истории специально для Босфора в начале 1890-х годов была сконструирована 9-дюймовая (229-мм) легкая мортира. Она легко перевозилась и не требовала сложных установочных частей. Но за все надо платить, и дальность огня мортиры не превышала 3 км. Но при ширине Босфора от 500 до 3700 метров этого вполне достаточно.

В 90-х годах XIX века Черноморская эскадра и Особый запас несколько раз приводили в полную боевую готовность для броска в Босфор.

Русские броненосцы могли добраться из Севастополя до Босфора за 18 часов, а британские с Мальты – полным ходом в самом лучшем случае за 72 часа. Замечу, что в XIX веке и в первой половине XX века линкор мог пройти 18 часов полным ходом – зачастую это было одним из элементов ходовых испытаний корабля при его сдаче, а идти 72 часа полным ходом – 100-процентная гарантия погубить машины.

В 30-40-х годах XX века эта разница еще более увеличилась. Теоретически допускаю, что в 1939–1941 гг. британская эскадра и могла прийти с Мальты за 72 часа. Но английская авианосная авиация была весьма слаба и не могла обеспечить достаточного авиационного прикрытия «Гранд Флита» в Черном море даже против авиации Черноморского флота, не говоря уж о ВВС Красной Армии.

Переброска же достаточного истребительного прикрытия на Черноморский театр потребовала бы от двух до шести недель в различных вариантах.

К тому же не будем забывать, что СССР в 1930-1940-х годах располагал великолепной агентурной сетью как в Лондоне, так и в Стамбуле. Наша разведка была в курсе всех действий британского кабинета, а в Стамбуле советское консульство располагалось на берегу Босфора, и ни один корабль не мог пройти мимо его окон незамеченным.

В 1939–1941 гг. Черноморский флот и десантные части Красной Армии могли легко занять верхнюю часть Босфора. Да и без этого корабли Черноморского флота могли поставить тысячи мин у входа в Босфор, а самолеты – закидать минами весь узкий пролив.

Риторический вопрос, что было выгоднее – ждать противника у Севастополя или встретить его у Босфора, и лишь в случае неудачи встретить его на второй линии обороны. Ответ очевиден. Но для этого

нужны были дальние истребители и мореходные килевые торпедные катера, а главное, нормальные адмиралы. Пусть не Нельсоны, пусть заурядные личности, но с рациональным мышлением.

Глава 2 Накануне

К 22 июня 1941 г. корабли Черноморского флота дислоцировались следующим образом:

В Севастополе базировались:

Эскадра в составе: линейного корабля «Парижская Коммуна», бригады крейсеров (крейсера «Красный Кавказ», «Червона Украина», «Красный Крым») и Отряда легких сил (крейсера «Ворошилов», «Молотов», лидеры «Москва» и «Харьков», эсминцы «Бойкий», «Быстрый», «Безупречный», «Беспощадный», «Бодрый», «Смышленый», «Сообразительный», «Незаможник» и «Шаумян»);

1-я бригада подводных лодок (13 подводных лодок, находившихся в строю): Л-5, Д-5, С-31, С-32, С-33, С-34, Щ-204, Щ-205, Щ-206, Щ-208, Щ-209, Щ-210, Щ-211;

2-я бригада подводных лодок (8 подводных лодок, находившихся в строю): М-31, М-32, М-33, М-34, М-35, М-36, М-58, М-62; в ремонте М-59, М-60, А-1, А-2, А-3, А-5;

1-я бригада торпедных катеров (в числе которых имелось 10 катеров Г-5 «волнового управления», которые должны были наводиться на противника с самолетов МБР-2), бригада траления, сторожевые корабли и катера охраны водного района (ОВР) главной базы. В текущем ремонте (на заводе № 201): крейсер «Красный Крым», эсминцев «Железняков»; подводные лодки Л-4 и Щ-207.

В капитальном ремонте подводные лодки Л-6, Д-4 и Д-6. Проходили заводские испытания подводные лодки Л-24 и Щ-216. Достраивались эсминцы «Способный» и «Совершенный».

В Одессе базировались: дивизион канонерских лодок в составе: «Красный Аджаристан», «Красная Армения», «Красная Грузия», а также старый крейсер «Коминтерн» (бывший «Кагул»).

На порт Очаков базировалась 2-я бригада торпедных катеров.

На военно-морскую базу (ВМБ) Новороссийск базировались:

Корабли ОВР, 10-й отдельный учебный дивизион подводных лодок (7 единиц, из которых в строю в Новороссийске подводные лодки Щ-201 и М-52; подводная лодка Щ-202 – в Феодосии на испытании торпед; подводные лодки Щ-203, М-51 и М-55 – в различных видах ремонта в Севастополе, и подводная лодка М-54 – в среднем ремонте в Херсоне).

В ВМБ Поти находились: подводная лодка А-4 из состава 6-го

дивизиона подводных лодок 2-й бригады подводных лодок, базировавшегося на Поти (остальные четыре подводные лодки находились на ремонте в Севастополе).

На ВМБ Батуми базировались: эскадренные миноносцы «Фрунзе» и «Дзержинский», временно выведенные из состава эскадры и приданные ВМБ Батуми.

На ремонте в Николаеве находились: лидер «Ташкент» (на нем производилась замена вооружения: щитовые установки Б-13 заменяли на башенные Б-2ЛМ, а 45-мм пушки 21К – на автоматы 70К), эсминец «Бдительный», канонерская лодка «Красная Абхазия» и подводные лодки Щ-212, Щ-213, Щ-214 и Щ-215.

Там же, в Николаеве, на плаву достраивались:

легкие крейсера проекта 68 «Фрунзе» (техническая готовность 33 %, плановый срок ввода в строй 1942 г.), «Куйбышев» (27 %, 1942 г.);

лидеры проекта 48 «Киев» (48,9 %, 1942 г.) и «Ереван» (25,4 %, 1942 г.);

эсминец проекта 7У «Свободный» (83,8 %, 1941 г.);

эсминцы проекта 30 «Огневой» (50,8 %, 1942 г.) и «Озорной» (21,2 %, 1942 г.);

подводные лодки проекта XIIIбис: Л-23 (89,9 %, 1941 г.), Л-25 (63,2 %, 1941 г.);

подводная лодка проекта IXбис: С-35 (40,4 %, 1941 г).

Кроме того, на стапелях находились линкор «Советская Украина», тяжелый крейсер «Севастополь», легкие крейсера «Свердлов» и «Орджоникидзе», пять эсминцев проекта 30, четыре сторожевых корабля проекта 29, три подводные лодки проекта IXбис и три подводные лодки проекта XVI.

Итого к 22 июня 1941 г. Черноморский флот имел в строю и ремонте 1 линкор, 5 крейсеров, 17 лидеров и эсминцев, 2 сторожевых корабля, 44 подводные лодки, 4 канонерские лодки, 2 минных заградителя, 12 тральщиков, 78 торпедных катеров, 24 охотника за подводными лодками.

Кроме того, в составе Черноморского флота было три транспорта и 33 буксира.

Торговый Азово-Черноморский флот состоял из 102 судов общей вместимостью 191 030 брт и 17 наливных судов общей вместимостью 125 336 брт.

Сразу же после начала Великой Отечественной войны Черноморский флот стал пополняться катерами морпогранохраны НКВД, а также торговыми и рыболовецкими судами. Всего к 18 июля от погранохраны

было принято 94 катера, а от гражданских ведомств – 147 судов.

В составе флотской авиации находилось 625 самолетов, из них 167 – гидросамолеты. (По другим данным всего было 624 самолета, из них 138 бомбардировщиков, 346 истребителей, 140 разведчиков).

В подавляющем большинстве истребители были представлены старыми машинами типа И-16. Лишь перед самой войной авиация Черноморского флота получила новые истребители: шестнадцать МиГ-3 и семь Як-1.

Командованию Черноморского флота подчинялась Дунайская речная флотилия, созданная летом 1940 г. в дельте Дуная после занятия советскими войскам Бессарабии. К 22 июня 1941 г. в состав флотилии входили: 5 мониторов («Ударный», «Железняков», «Ростовцев», «Мартынов», «Жемчужин»), 2 канонерские лодки («Буг» и «Днестр»), 22 бронекатера проекта 1125, 7 катеров-тральщиков, отряд глиссеров и несколько вспомогательных судов.

Помимо того, в состав Дунайской флотилии входили 96-я отдельная авиаэскадрилья (6 истребителей И-154 и 8 истребителей И-15), зенитные и береговые артиллерийские батареи, стрелковая и пулеметная роты. С началом войны флотилии был придан 4-й Черноморский отряд погрансудов НКВД (4 пограничных сторожевых катера типа «МО» и несколько малых катеров других типов).

Советскому флоту противостоял слабый румынский флот. Он состоял из четырех эсминцев итальянской постройки, одной (!) подводной лодки «Дельфинул», трех торпедных катеров, двух минных заградителей водоизмещением 812 т и трех малых канонерских лодок водоизмещением 440 т.

Зато на Дунае в составе румынской флотилии имелось семь мониторов постройки 1905–1915 гг. Для охраны побережья и дельты Дуная румыны располагали примерно 25 катерами водоизмещением от 3,5 до 50 т.

Спору нет, что и малые флоты, как, например, финский в 1941–1944 гг. или израильский в 1973 г., могут наносить ощутимые удары более сильному противнику. Но румыны – неважные моряки, это говорили и их союзники немцы. Они нерешительно действовали и в Первую, и во Вторую мировые войны.

Еще в 1940 г. румыны приступили к постановке минных заграждений вблизи своих портов, о чем они опубликовали официальное сообщение в печати 7 июля 1940 г. и 20 февраля 1941 г. Наконец, с 15 по 19 июня 1941 г. два румынских эсминца, минный заградитель «Адмирал Мурджеску» и транспорт «Кароль I» поставили в районе Констанцы минное заграждение

из шести частей (всего около тысячи якорных мин и более 1800 минных защитников германского и британского производства).

Забегая вперед, скажу, что сообщения румынских газет командование Черноморского флота проигнорировало, а постановку у Констанцы прошляпило.

Флот Болгарии был еще меньше крошечного флота Румынии. В его составе не имелось ни подводных лодок, ни эсминцев, а самыми крупными кораблями были три патрульных судна типа «Храбрый» постройки 1906–1908 гг. водоизмещением 100 т, со скоростью 17 узлов, вооруженных двумя 47-мм пушками и двумя торпедными аппаратами каждый.

Итак, впервые за два века Черноморский флот фактически остался без противника на море. Наши адмиралы в Москве и в Севастополе были крайне растеряны. Ведь они с начала 1920-х годов готовились к отражению атак британского «Гранд флита» с десятками линкоров, крейсеров и авианосцев.

В свое время Вольтер изрек: «Если бы Бога не было, его следовало бы выдумать». Наши адмиралы Вольтера не читали, но действовали по его принципу: они выдумали себе противника и полгода с ним воевали, понеся при этом большие потери. Кому-то это покажется клеветой, даже кощунством. Поэтому попробуем разобраться, с кем действительно воевал наш Черноморский флот.

В Наркомате ВМФ, в Главном морском штабе в Москве и командование в Севастополе дружно определили себе в противники ВМФ Италии и германские ВДВ. Они твердо верили, что с началом войны, а то и за несколько дней до нее итальянский флот пройдет турецкие Проливы, атакует Севастополь и высадит большой десант в Крыму. Одновременно немцы сосредоточат на аэродромах Румынии свои ВДВ, а затем выбросят воздушный десант в Крыму.

Какие же события послужили поводом для появления столь химерических планов? Действительно, в конце мая 1941 г. немецкий воздушный десант захватил греческий остров Крит. В ходе операции немцы задействовали около 500 самолетов Ju-52, то есть почти все свои военно-транспортные самолеты, и 70 планеров типа DFS-230. Всего было высажено 22 тысячи десантников, из которых коло 10 тысяч прыгали с парашютами, а остальные приземлялись на самолетах и планерах. Воздушным путем на остров было доставлено 353 легких орудия – 3,7-см противотанковые пушки, 7,5-см безоткатные пушки и 5-см минометы, а также 771 мотоцикл.

На острове находилось 32 тысячи англичан, прибывшие на Крит за

несколько недель до вторжения. До прибытия англичан на острове вообще не было аэродромов. Англичане оперативно построили один аэродром в Малеме. К началу операции там было всего 9 британских истребителей: три биплана «Гладиатор», три палубных «Фулмара» и три «Харрикейна». На Крите имелась всего одна относительно приличная гужевая дорога, а железных дорог не было вообще.

До британских авиабаз в Египте было около 600 км, до итальянских баз в Киренаике – 350 км, до Афин – 300 км, а до ближайшего германского аэродрома на острове Милос – менее 150 км. На единственном британском авианосце «Формидебл» осталось только четыре истребителя «Фулмар».

Вопреки словоблудию британских историков и журналистов, английские австралийские и новозеландские части на Крите в подавляющем большинстве дрались без энтузиазма. Цифры говорят сами за себя: в ходе боев погибло около 2,5 тысяч англичан, в плен попало 10 тысяч, еще около 20 тысяч было эвакуировано морем.

Но, несмотря на вышесказанное, немцы заплатили самую дорогую цену за победу: 3250 десантников погибли или пропали без вести, 3400 получили серьезные ранения, было потеряно свыше половины транспортной авиации рейха.

Гитлер заявил генералу Курту Штудент, командующему десантом на Крите: «История парашютистов закончена». [126] В итоге, никаких немецких или иных воздушных десантов летом 1941 г. не было и не планировалось не только в Крыму, но и на всем восточном фронте. Лишь несколько групп германских парашютистов было выброшено в зоне действий групп армий Север и Центр. Но это были не ВДВ, а рота специального назначения из диверсионного полка «Бранденбург». А собственно ВДВ впервые были посланы на Восточный фронт в октябре 1941 г. под Ленинград, да и то в качестве элитной пехоты, а парашюты они больше не применяли.

Допускаю, что наши адмиралы могли не знать мнение фюрера о ВДВ и число потерь в Критской операции. Но понять разницу между Богом забытым греческим островом и Крымом мог любой старшеклассник.

ВВС флота только в Крыму располагали 23 сухопутными и 7 гидроаэродромами, а на юге Украины – еще 21 сухопутным и пятью гидроаэродромами. В случае высадки десанта в Крыму советские истребители и бомбардировщики, базируясь на крымских аэродромах, могли делать по 4 и более вылетов в день. Зато до ближайших румынских аэродромов было свыше 450 км, что полностью исключало в 1941 г. действия вражеских истребителей над Крымом или вблизи его.

Крым покрыт густой сетью железных и шоссейных дорог, обеспечивающих быструю (за несколько часов) переброску войск с одного края полуострова на другой. Десятки советских дивизий в случае десанта за день-два могли быть доставлены в Крым через Перекоп и Керченский пролив.

К началу войны в Крыму дислоцировались две стрелковые (106-я и 156-я) и одна кавалерийская (32-я) дивизии, а также ряд частей усиления. В первые же дни войны по всему Крыму были сформированы 33 истребительных батальона, каждый из которых по штату должен был иметь 205 человек.

Тяжелые 305-мм орудия линкора, а также 180-мм пушки трех крейсеров простреливали большую часть полуострова вплоть до Симферополя.

Таким образом, даже если бы немцы не потеряли на Крите ни одного парашютиста и ни одного самолета Ju-52, то любой их десант в Крым в июне 1941 г. был бы гарантированно уничтожен.

Что же касается итальянского флота, то он к июню 1940 г. – времени вступления Италии в войну на стороне Гитлера – был силен только на бумаге.

12 ноября 1940 г. устаревшие английские бипланы «Суодфиш» торпедировали в порту Таранто итальянские линкоры «Литторио», «Андреа Дориа» и «Конте де Кавур», причем последний итальянцы не сумели ввести в строй до самого конца войны. А в марте 1941 г. в сражении у мыса Матапан англичане потопили новейшие крейсера «Зара», «Пола» и «Фиуме», а линкор «Витторио Венето» был серьезно поврежден и едва дотянул до берега. Модернизация же старого линкора «Андреа Дориа» еще не была закончена.

К 22 июня 1941 г. погибли тяжелый крейсер «Сан Джоржио», легкие крейсера «Армандо Диас» и «Бартоломео Колеони». Из 70 подводных лодок к 22 июня 1941 г. англичане потопили 19, а еще 15 действовали в Атлантике.

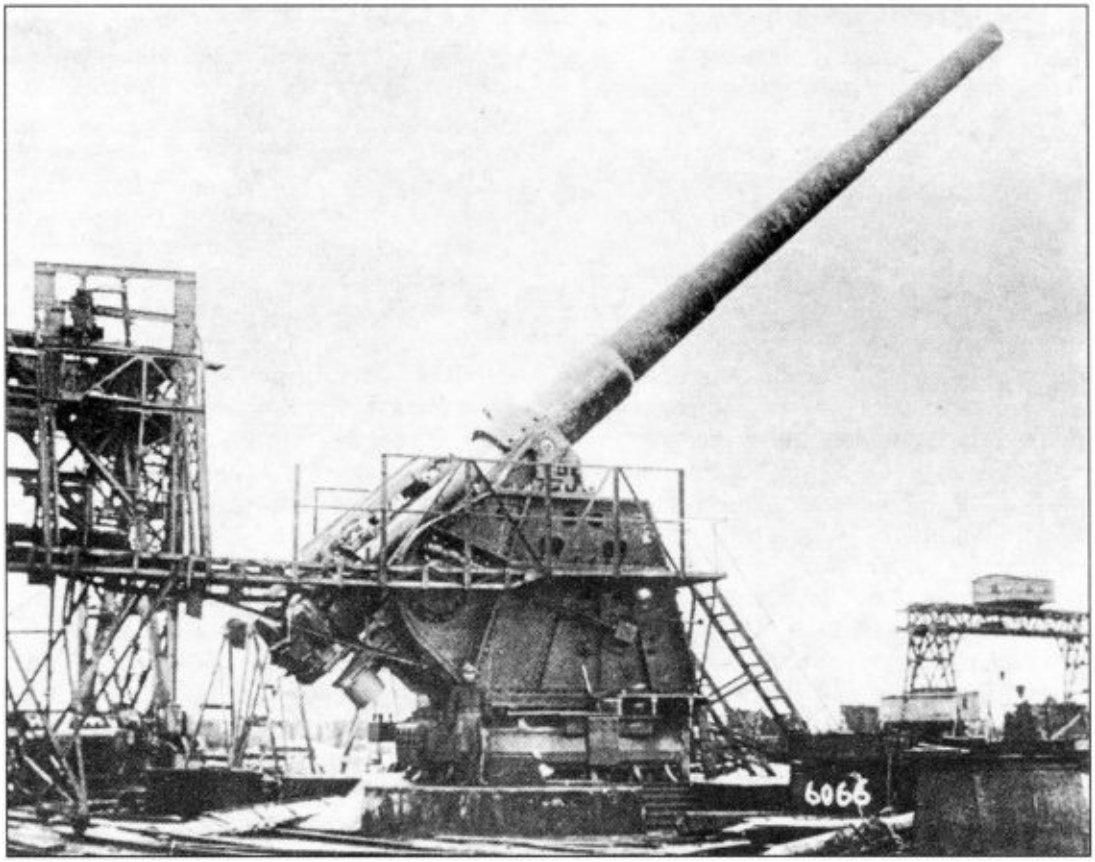
В итоге к июню 1941 г. итальянский флот с большим трудом поддерживал свои коммуникации с Ливией. Дело дошло до обстрелов британскими линкорами Генуи и других итальянских городов.

Оставшиеся в строю итальянские линкоры и крейсера боялись даже атаковать британские конвои, регулярно пересекавшие Средиземное море от Гибралтара до Александрии и Порт-Саида.

ЛЕНИНГРАД

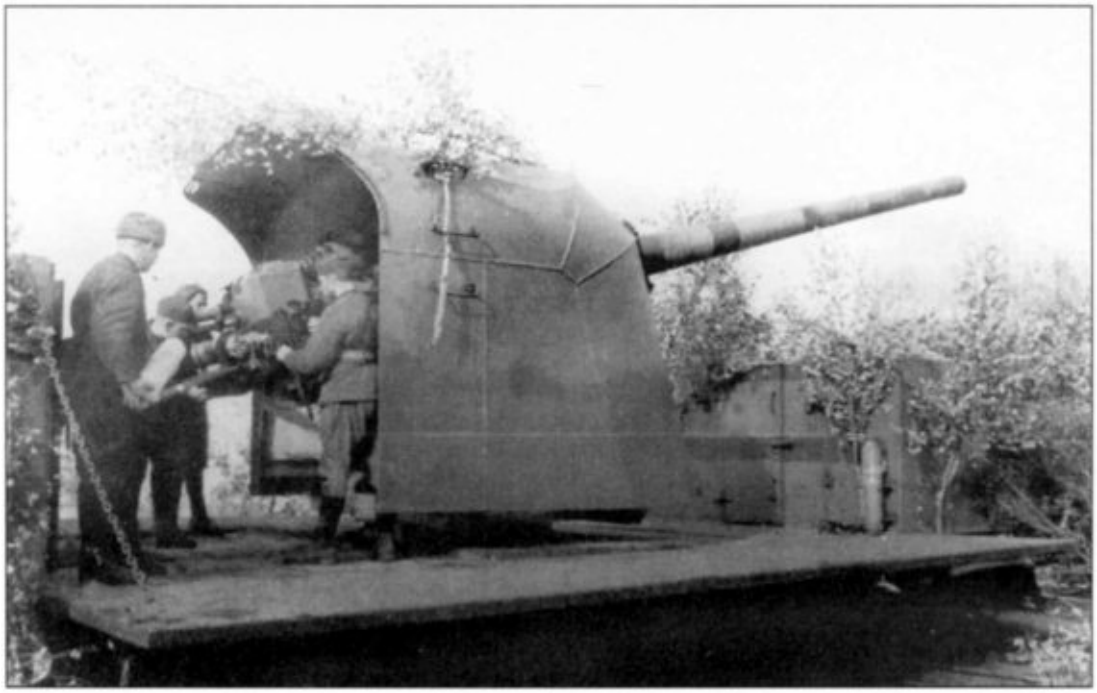
203-мм гаубица Б-4 на боевой позиции

356-мм орудие на НИМАПе

305-мм гаубица образца 1915 г. на позиции. Ленинградский фронт. Карельский перешеек. Июнь 1944 г.

130-мм железнодорожная установка Б-57 в готовности к открытию огня. 130-мм морская пушка устанавливалась на четырехосную платформу. Такие артсистемы использовались только на Ленинградском фронте. Октябрь 1941 г.

Батарея лейтенанта Нарядчикова на Якорной площади Кронштадта. Апрель 1942 г. (Фото В. Васюшинского)

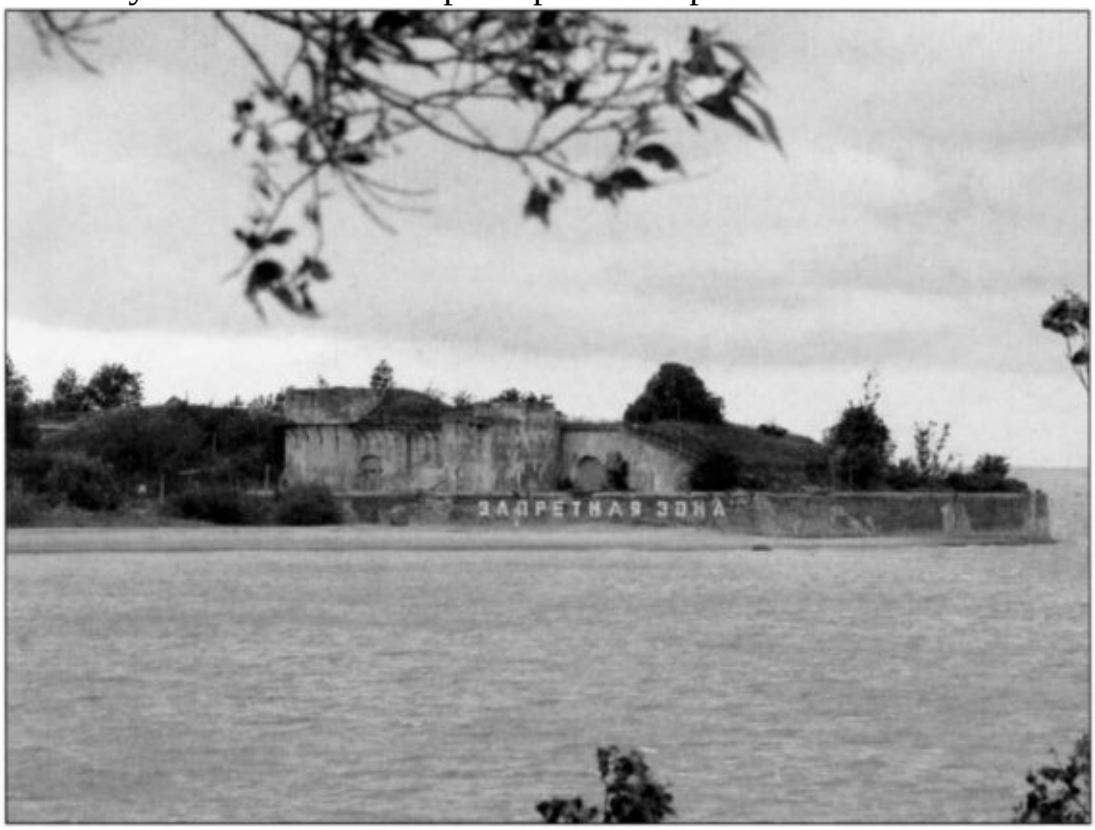
Батарея 10-дм орудий на форту «Риф»

152-мм пушка Кане. Форт «Красная Горка»

130-мм установка Б-13. Форт «Красная Горка»

Форт «Риф»

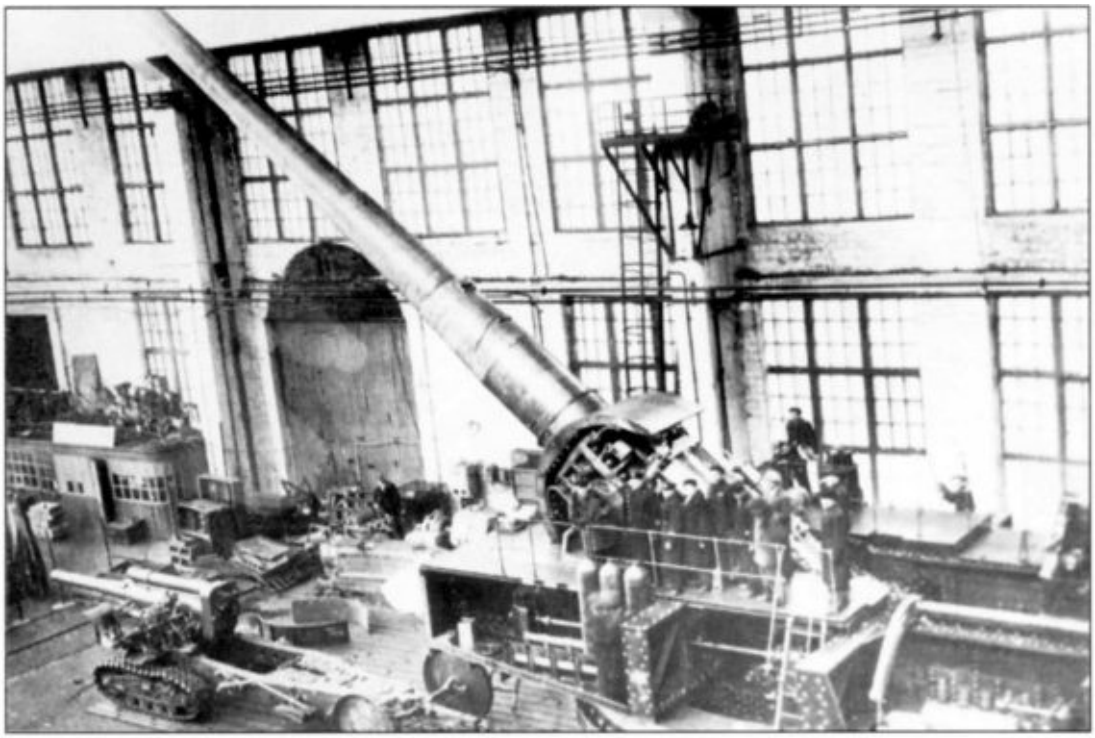
Полигонная установка Дурляхера, с которой производились стрельбы 356—368-мм сверхдальнобойными снарядами

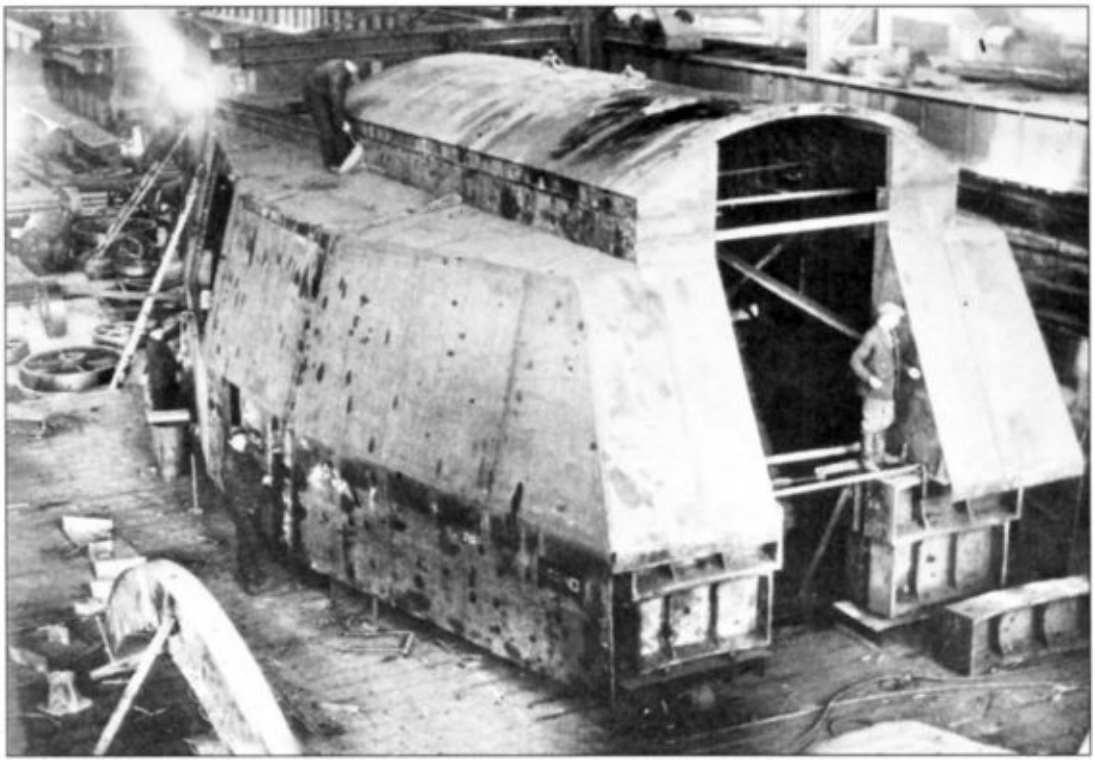
305-мм гаубица образца 1915 г. на позиции (Карельский перешеек)

152-мм гаубица-пушка МЛ-20 на позиции

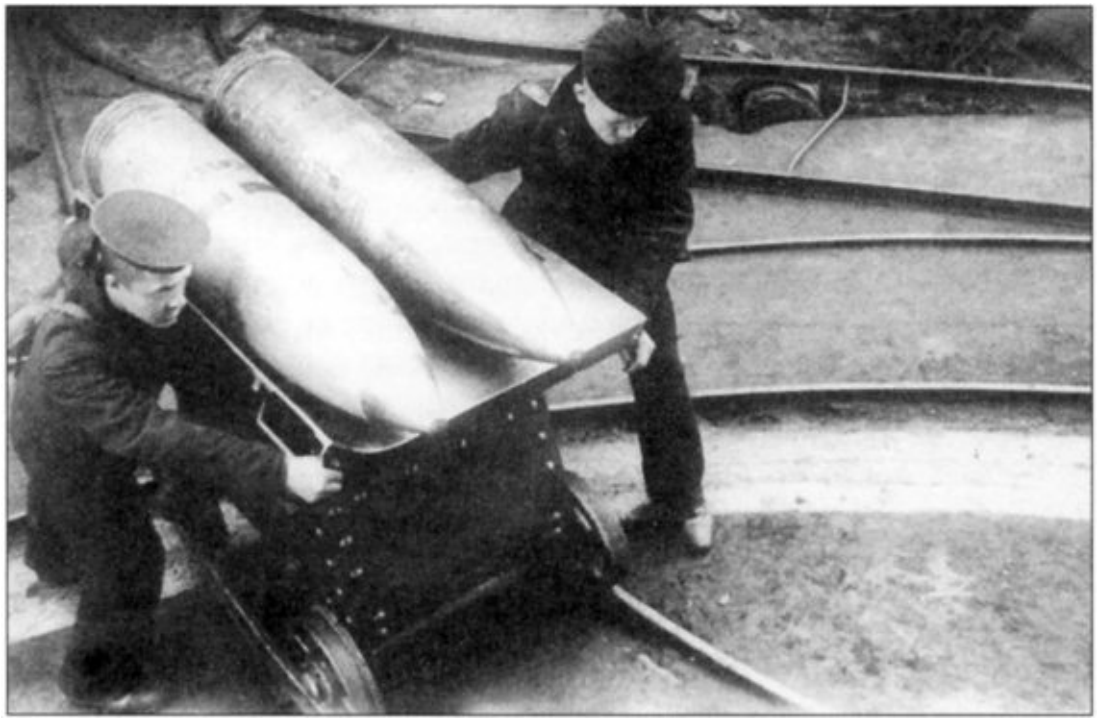
406-мм пушка Б-37 на установке МП-10. (В левом нижнем углу самое мощное орудие сухопутных войск – 203-мм гаубица Б-4)

Броневой щит для 406-мм орудия

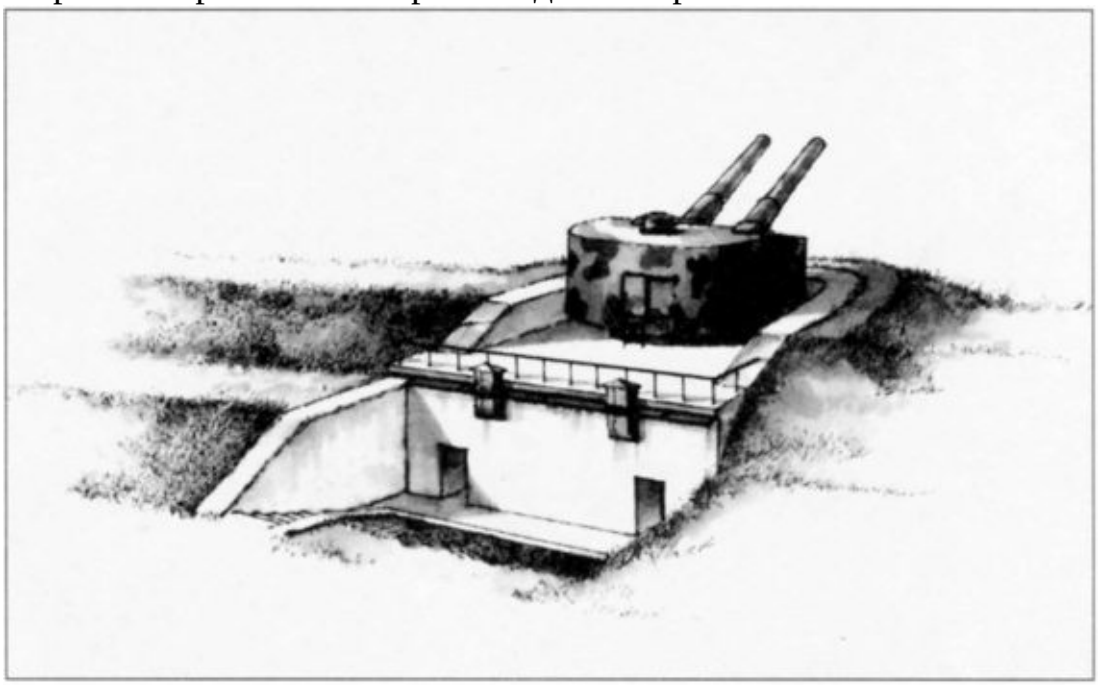
180-мм железнодорожный транспортер ТМ-1-180 на форту «Красная Горка»

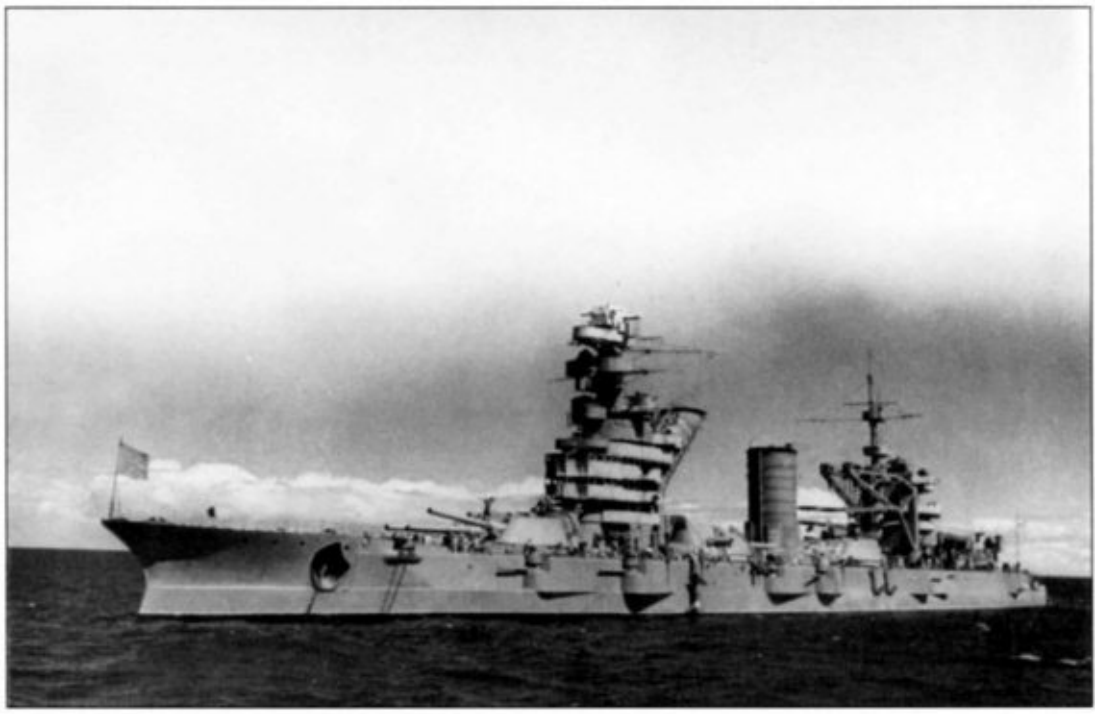
Подача снарядов на 305-мм открытой батарее форта «Красная Горка»

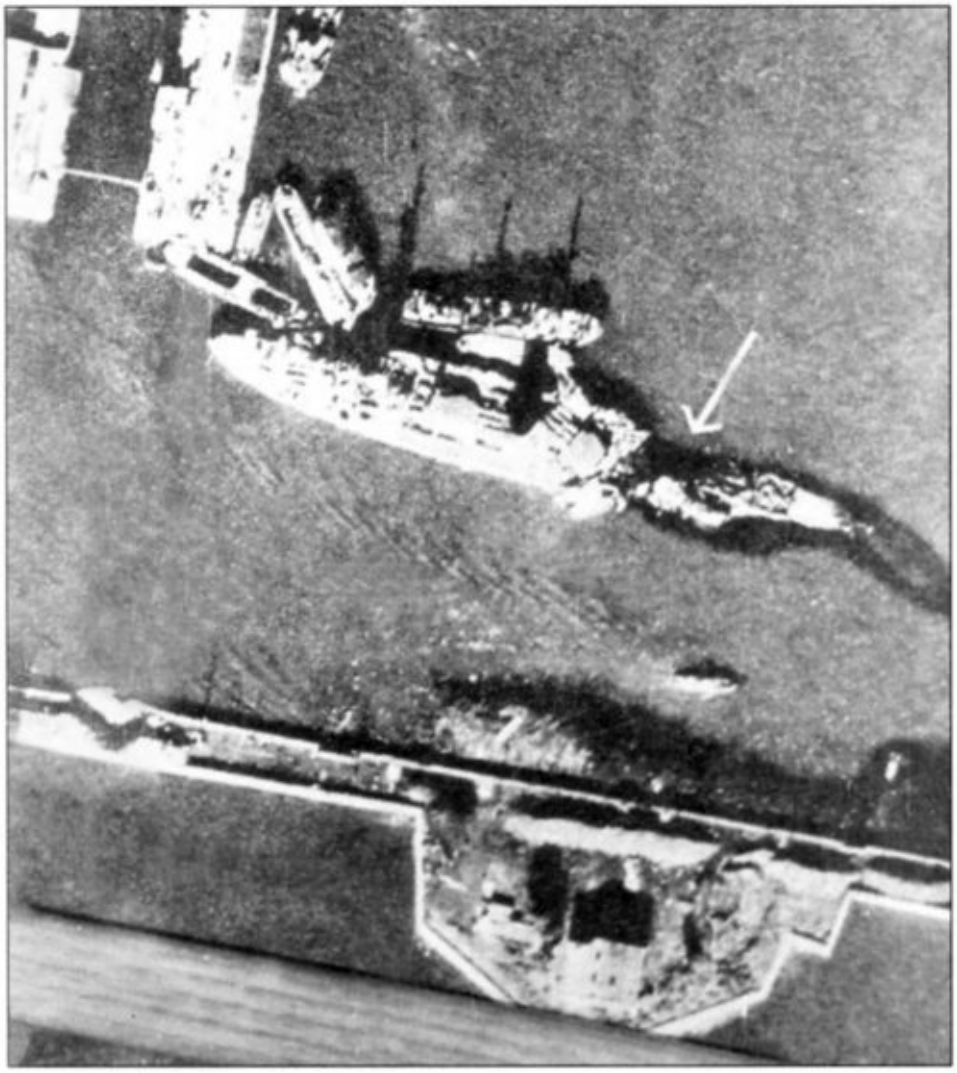
Форт «Северный № 1» Кронштадтской крепости

203-мм башенная установка форта «Серая лошадь». Реконструкция В.Ф. Ткаченко

Линкор «Октябрьская Революция» после модернизации

Стрелкой указаны повреждения линкора «Марат»

152/45-мм пушка Кане на боевой позиции на станке Металлического завода

152-мм пушка Кане под Ленинградом

305-мм гаубица образца 1915 г.

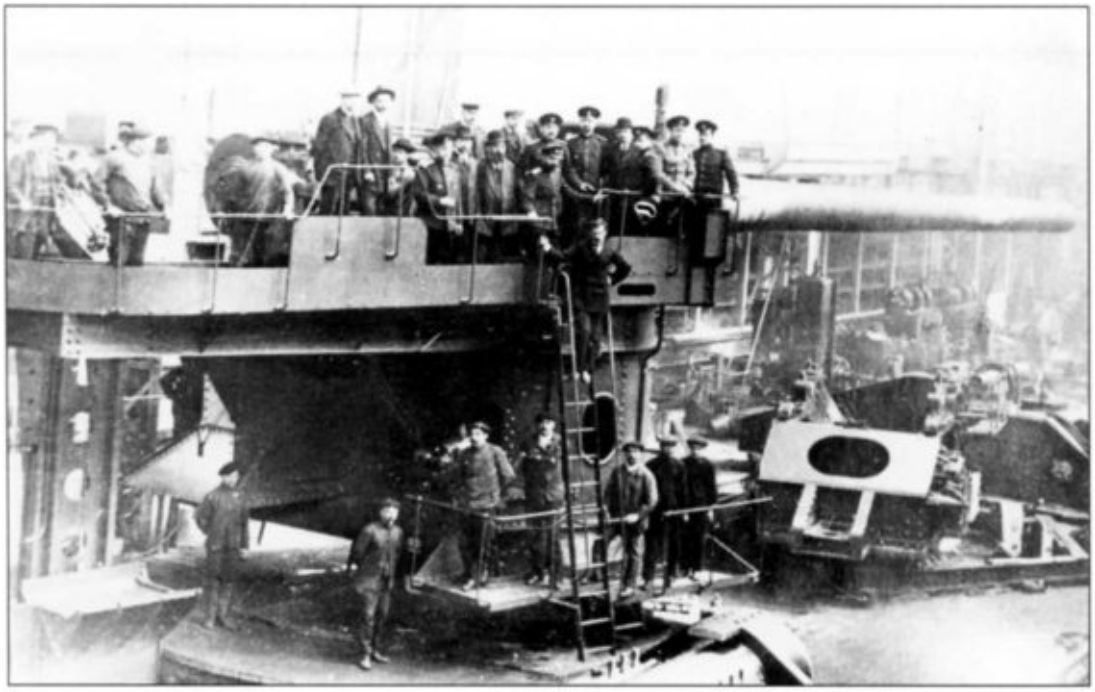
100-мм артустановка Б-34

305-мм железнодорожная установка ТМ-3-12

Подача 180-мм боеприпасов на железнодорожном транспортере ТМ-1-180

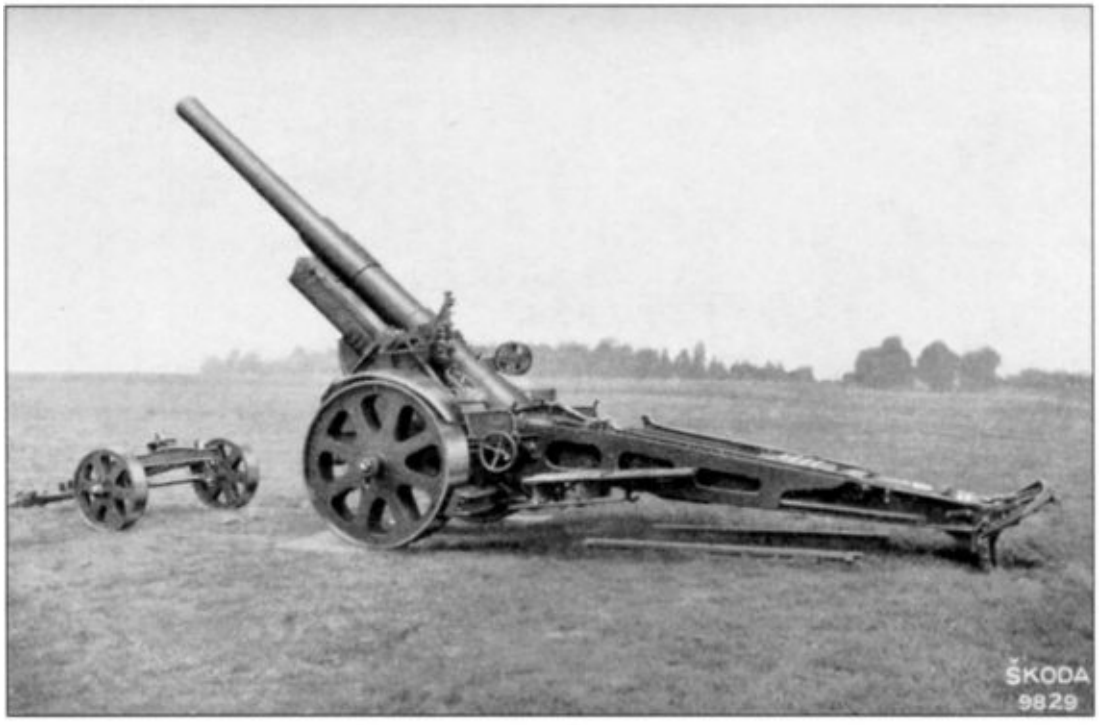
12/52-дм (305/52-мм) открытая установка для форта «Красная Горка»

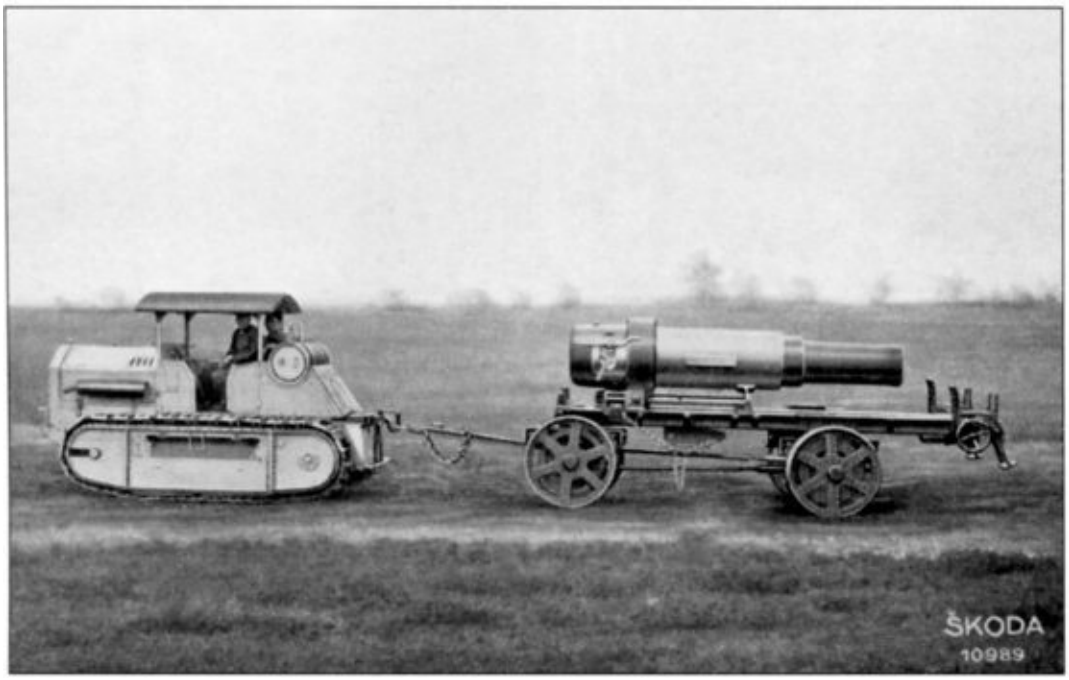
Форт «Обручев»

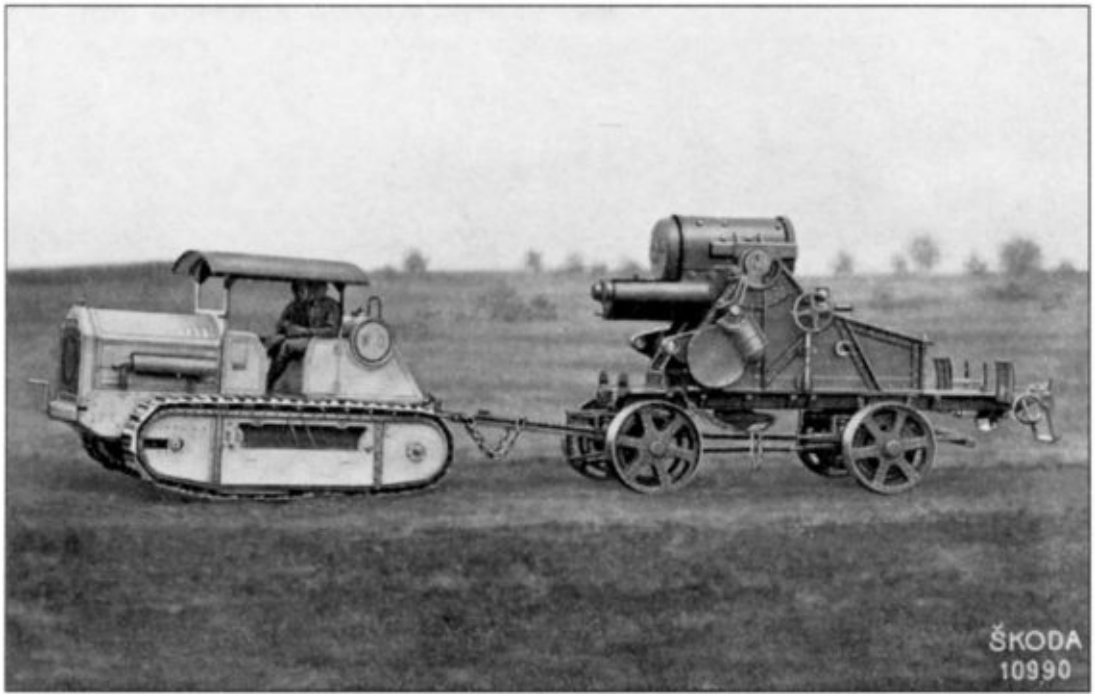
17-см германская пушка образца 18, обстреливавшая Ленинград в течение года, захвачена советскими войсками. Январь 1943 г.

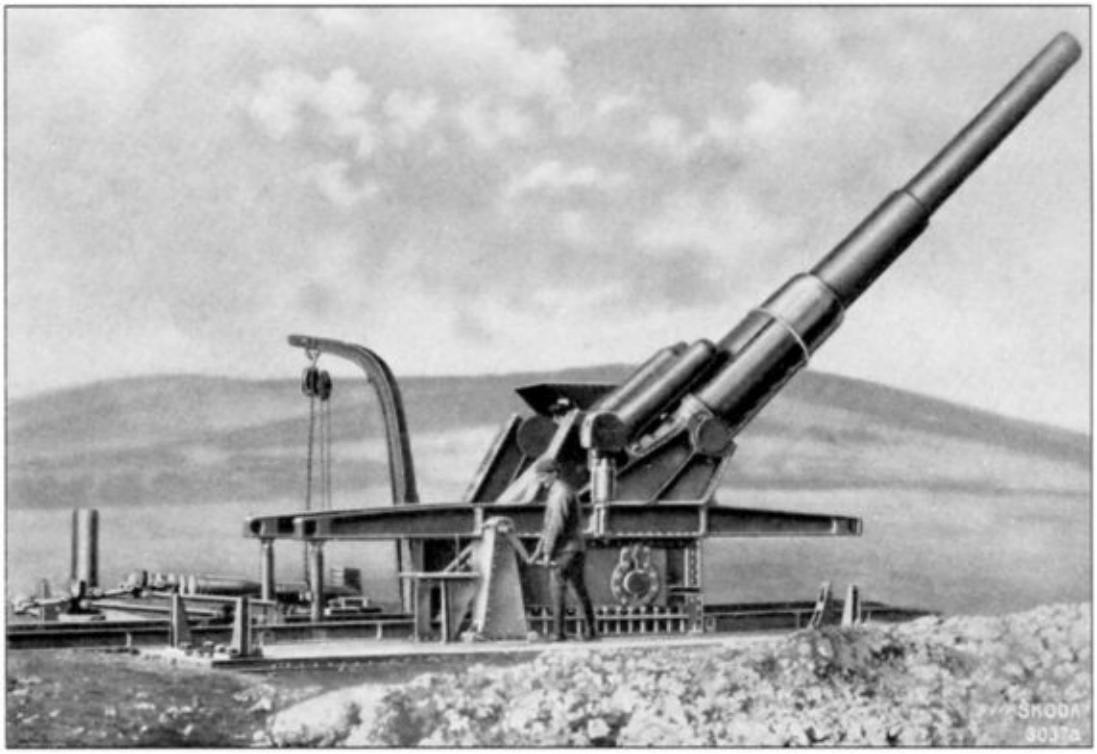
152/56-мм пушка фирмы «Шкода»

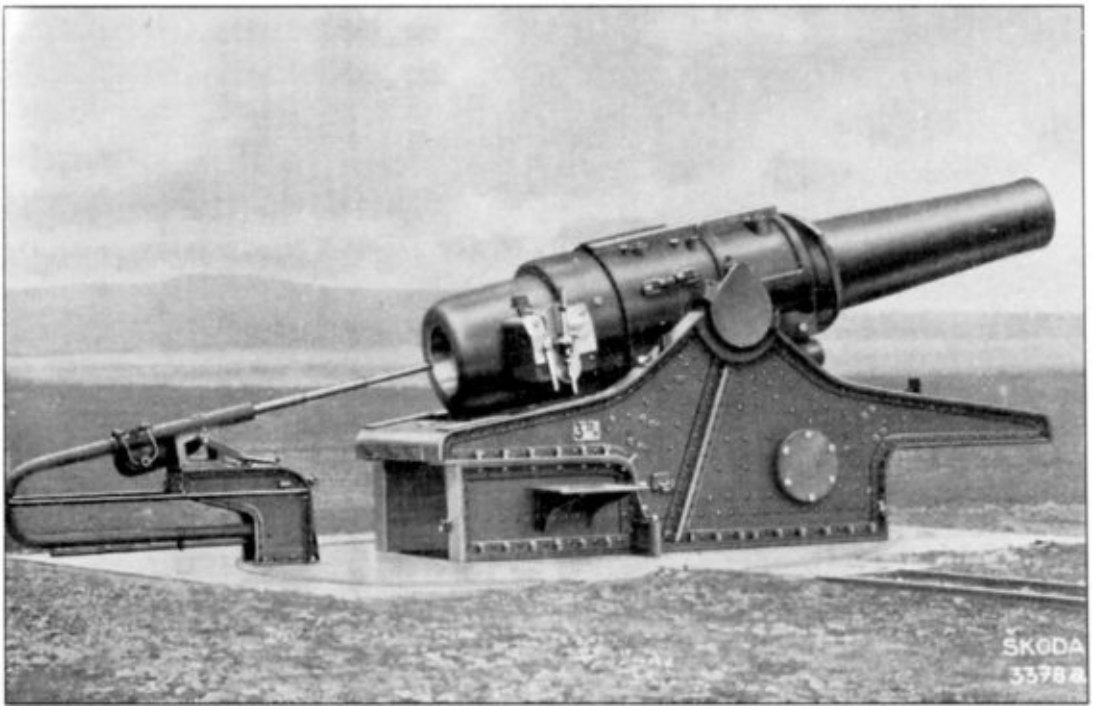
305-мм мортира фирмы «Шкода». Перевозка ствола

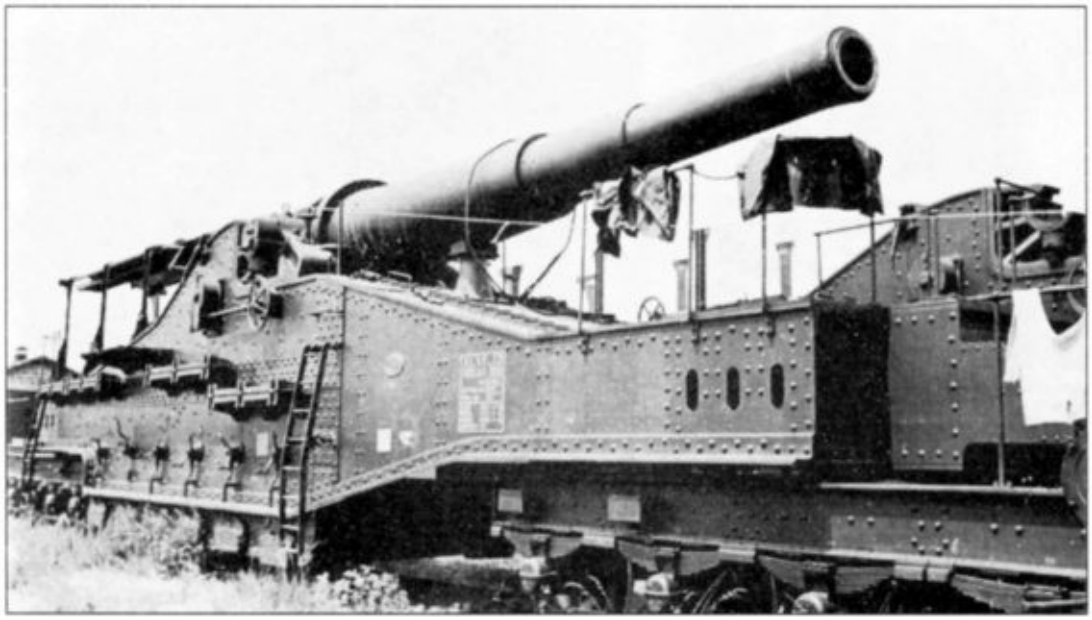
305-мм мортира фирмы «Шкода». Перевозка лафета с люлькой

240-мм пушка фирмы «Шкода»

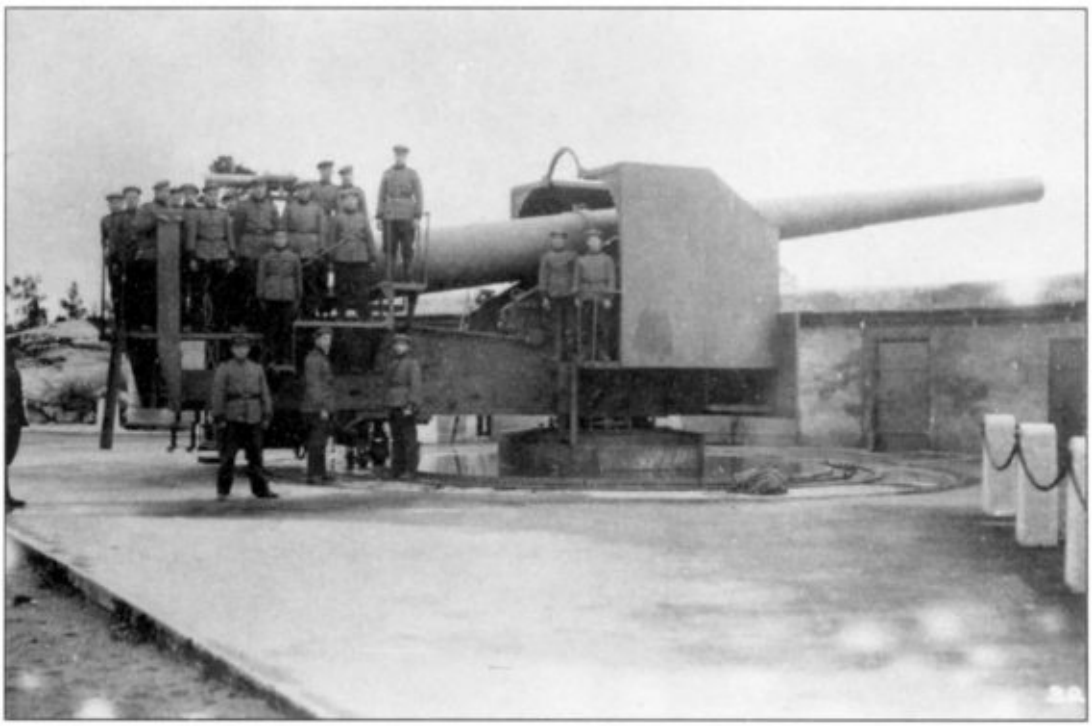
420-мм мортира фирмы «Шкода»

Германская 320-мм пушка М93 на лафете 320-мм орудия М74 со сдвижной нижней частью

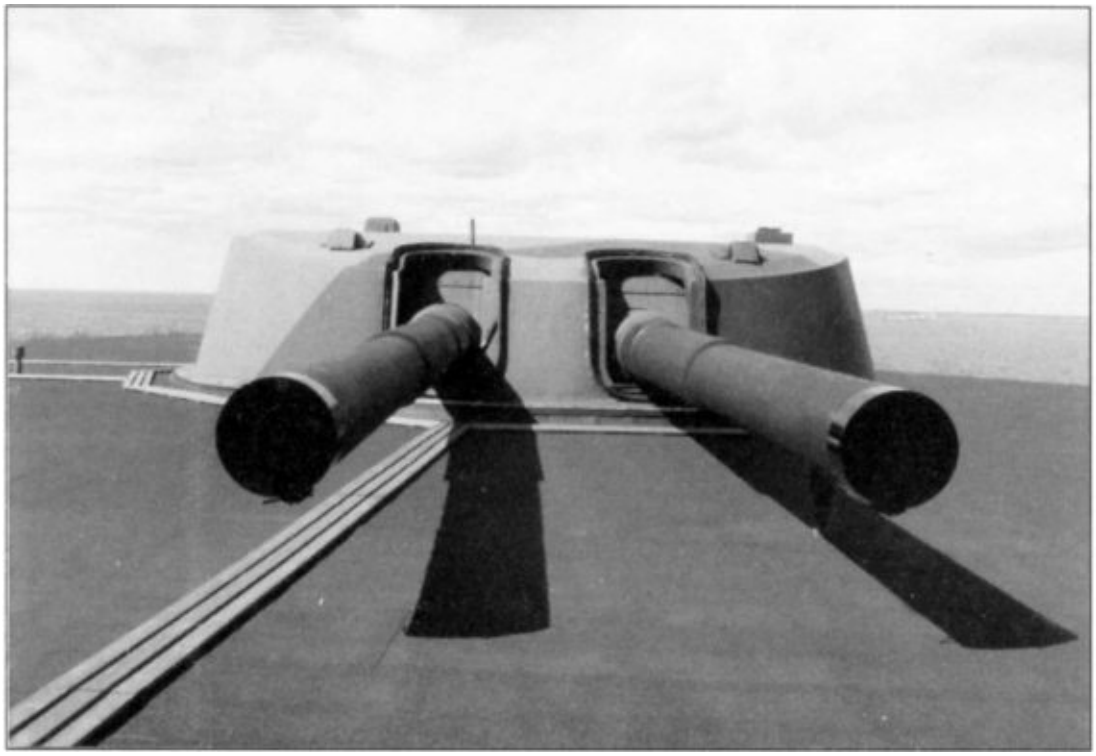
Выстрел из германской 15-см железнодорожной установки K(E)

254-мм пушка на станке Дурляхера, переделанная финнами

203/50-мм береговая пушка, модернизированная финнами (ствол перевернут, и противооткатные устройства оказались вверху)

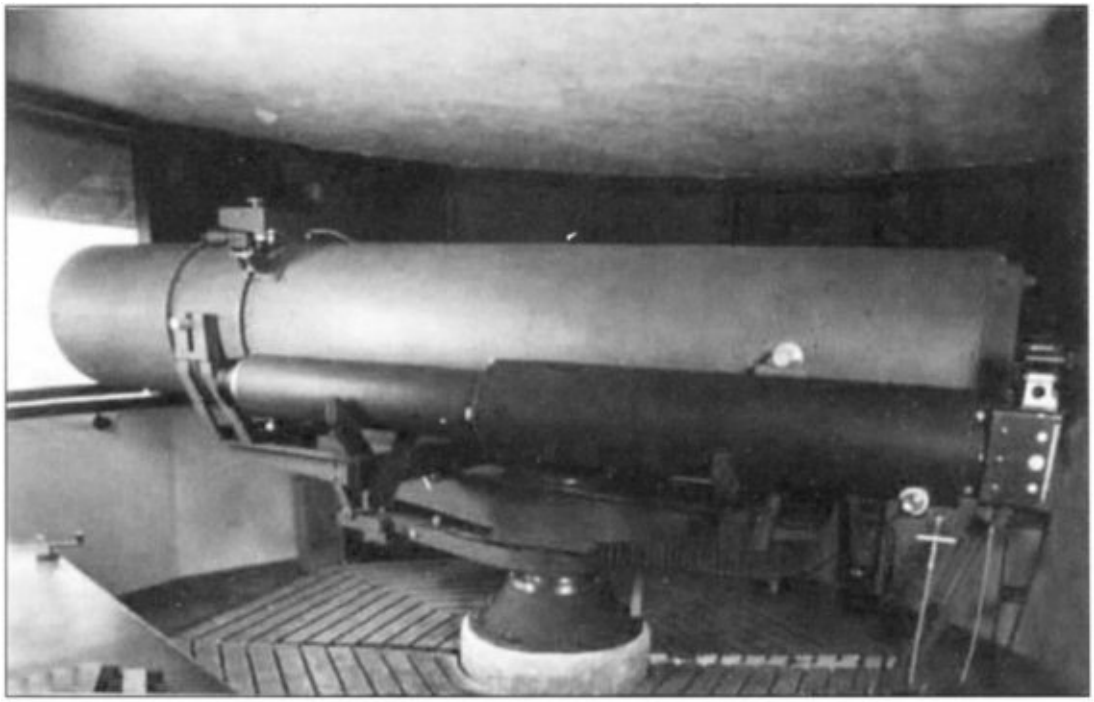

305-мм башенная установка финнов на о. Кунвасари, однотипная с башенными установками «Красной Горки»

Финский наблюдательный пункт на крыше дачи на берегу Финского

залива

Финские огромные телескопы и фотоаппараты для корректировки стрельбы по Ленинграду и Кронштадту

СЕВАСТОПОЛЬ

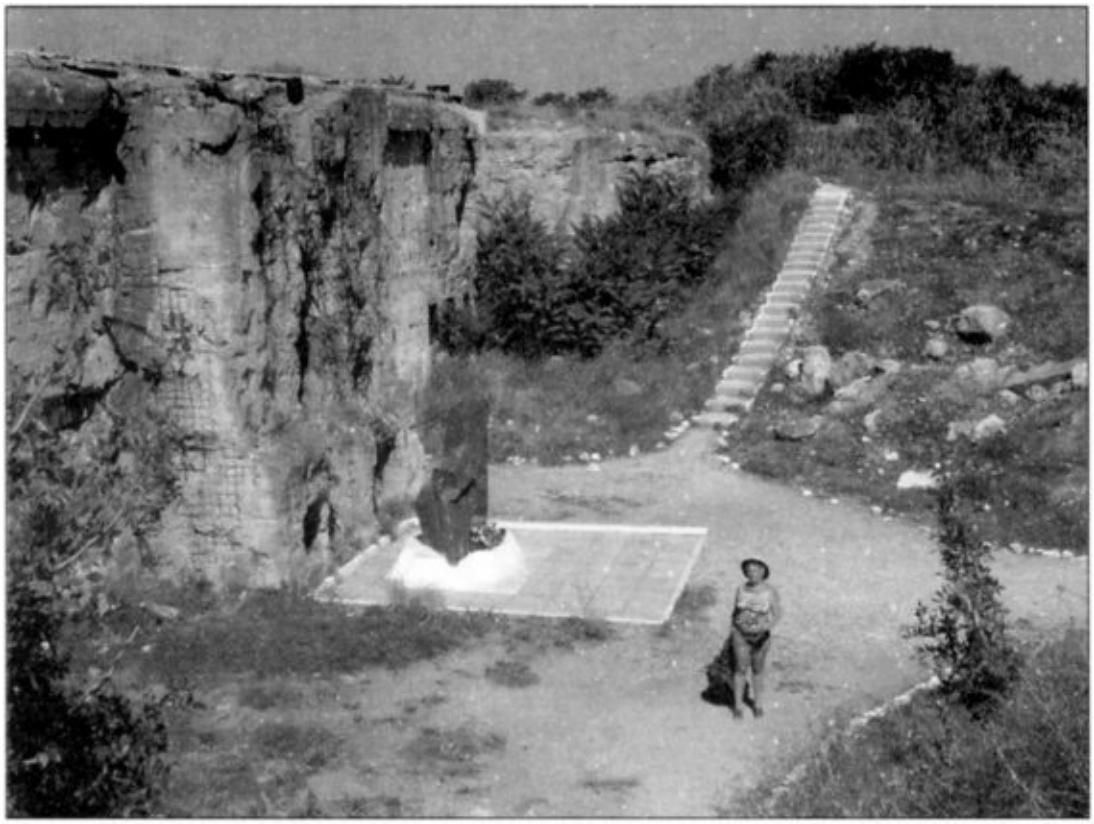
130-мм установка Б-13 на Сапун-горе

152-мм береговое орудие Кане в Севастополе

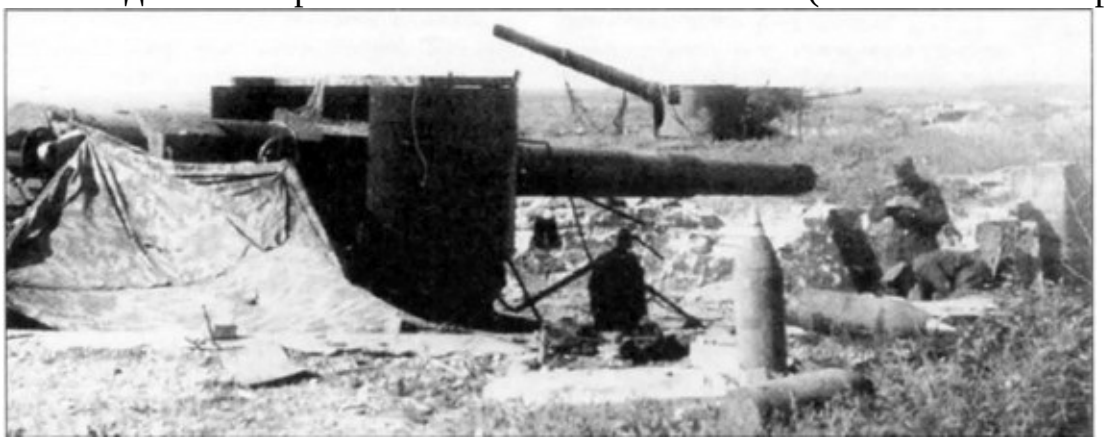
А.Б. Широкорад у колодца башни на 35-й батарее

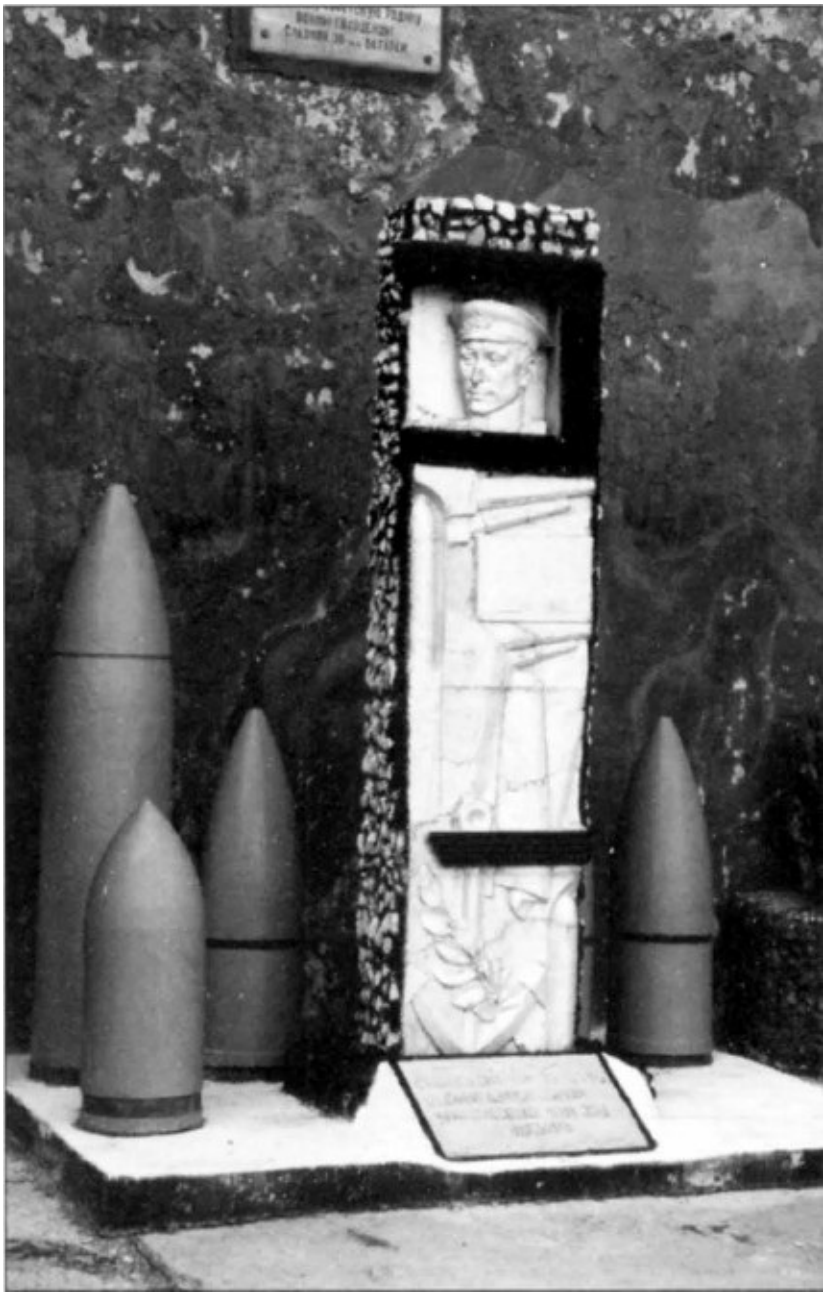
Вход на 35-ю батарею. Рядом – памятник ее защитникам

Вид на батарею № 19 около Балаклавы (Фото В.В. Костриченко)

Разбитые орудия батареи № 10

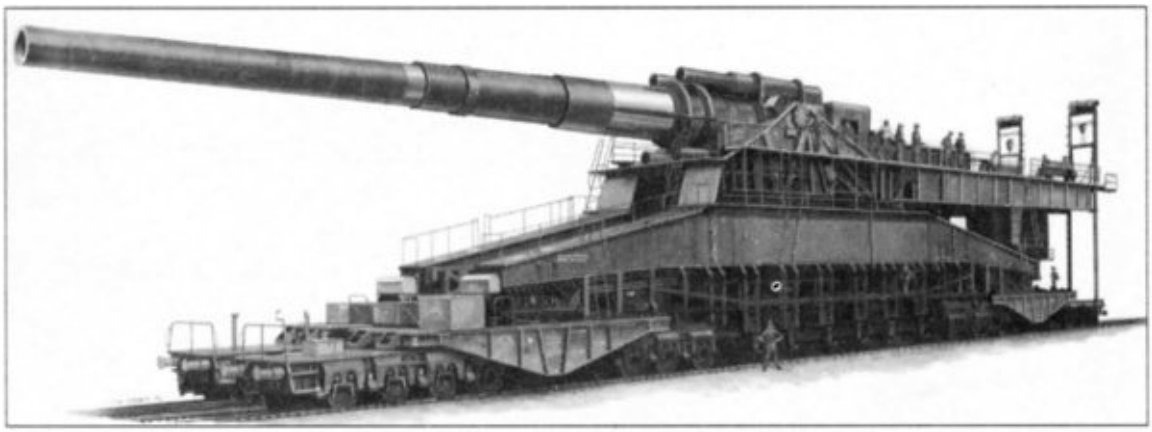
Памятник Г.А. Александеру на 30-й батарее под Севастополем

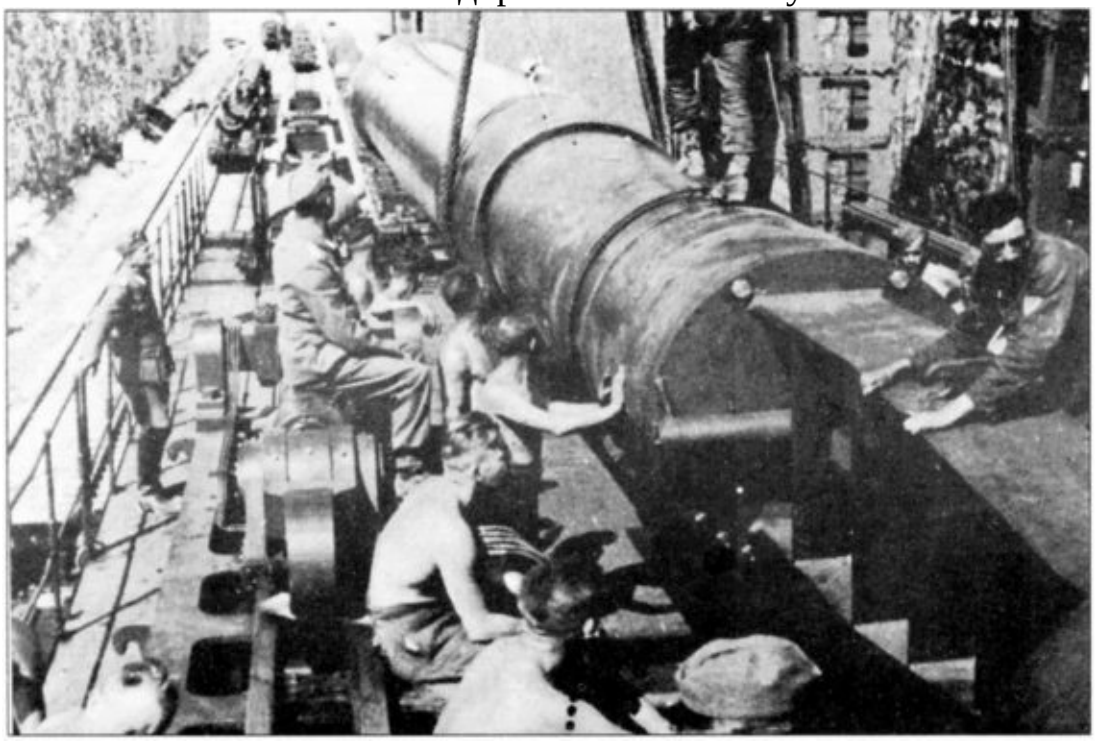
Носовые 180-мм установки крейсера «Киров»

Взорванные казематы береговой батареи № 35 на Херсонесском полуострове. 2002 г. (Фото из книги Иванова В.Б. «Тайны Севастополя. Тайны подземные». Севастополь: КИЦ «Севастополь», 2005)

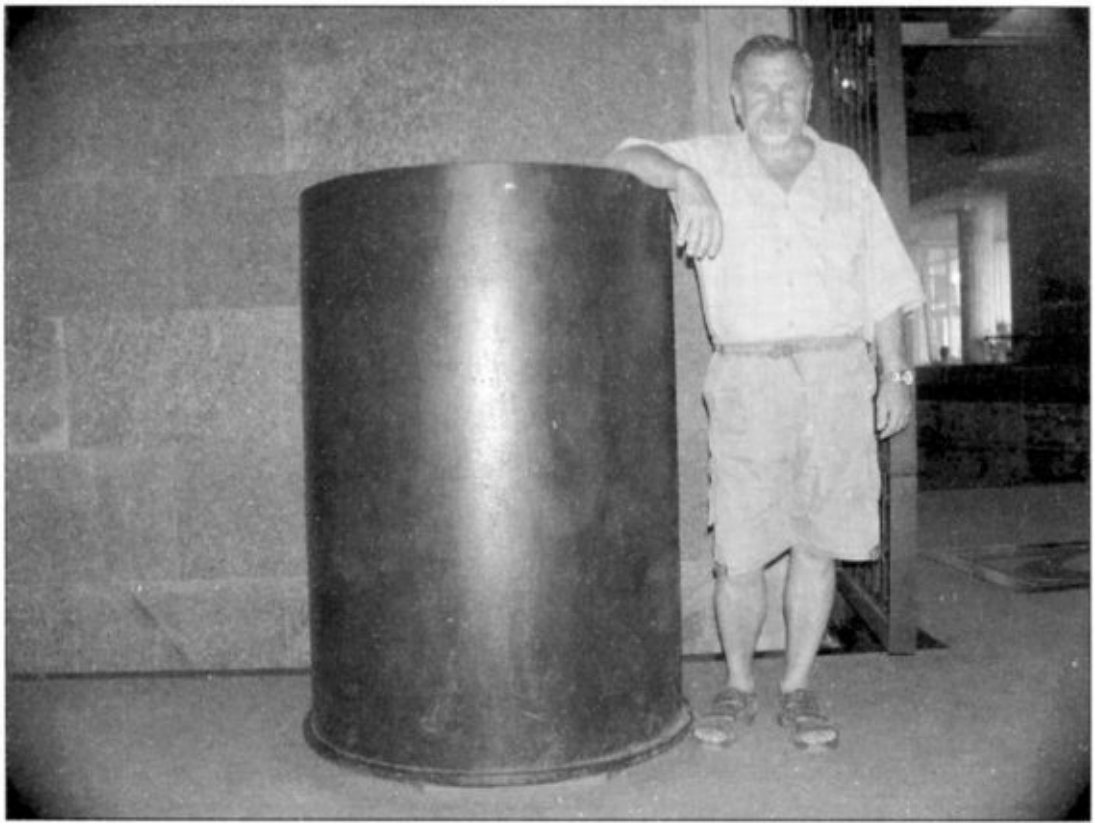
80-м железнодорожная установка «Дора»

Ствол 80-м орудия «Дора» длиной 32,48 м и весом 400 т

Разрушения батареи № 30 от действия 60-см германских снарядов

Гильза от 80-см пушки «Дора». Рядом А.В. Широкорад

Немецкая 15-см гаубица образца 40, захваченная под Севастополем

15-см гаубица образца 40

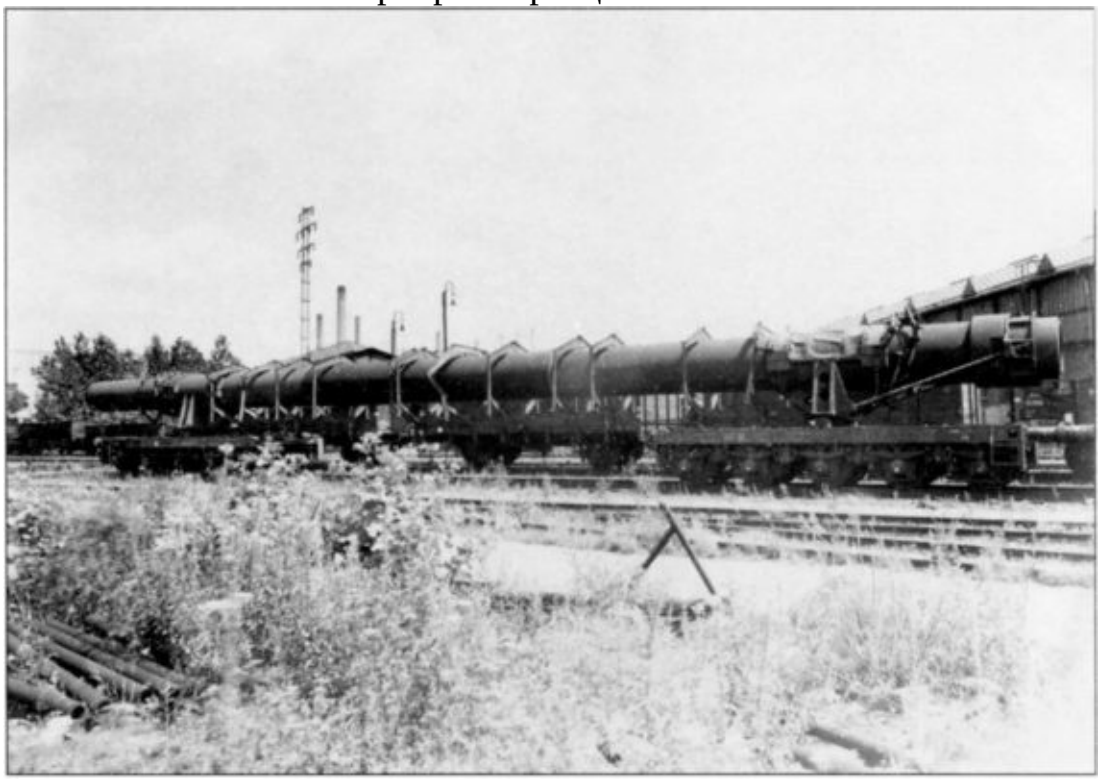
Германский реактивный 32-см снаряд

Осколок 60-см германского снаряда

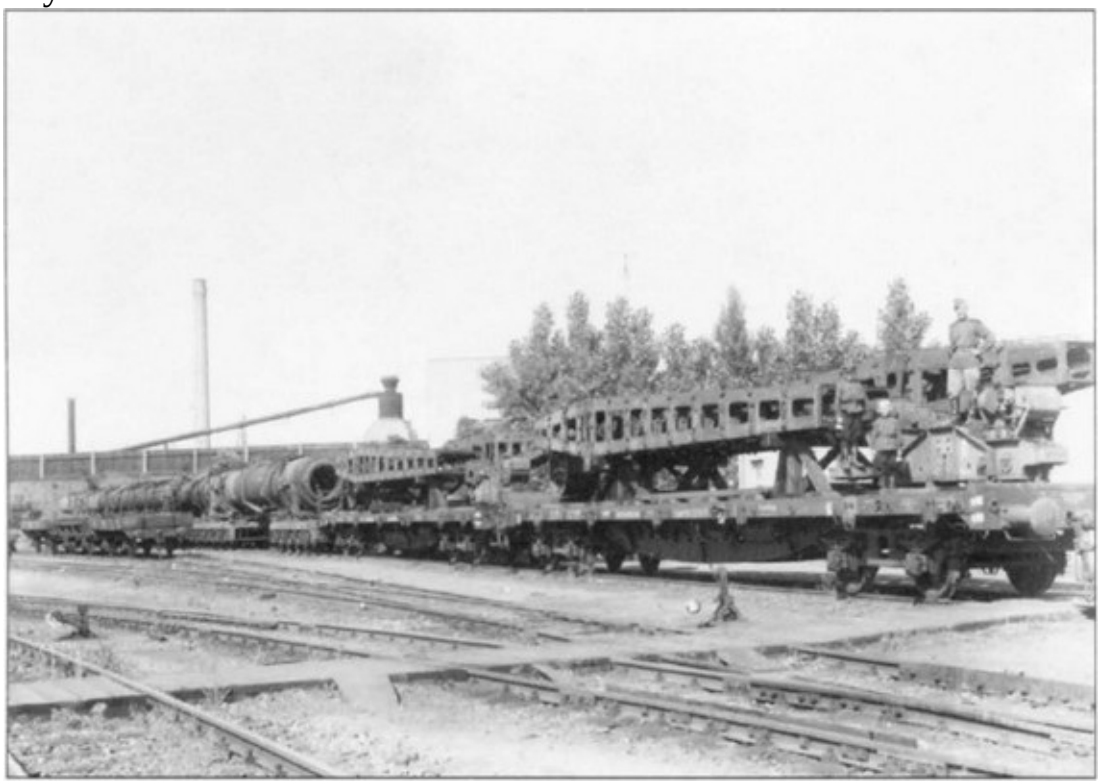

Повозка ствола 21-см мортиры образца 18. Захвачена в Севастополе в 1944 г.

Секретный эшелон: перевозка в СССР самой мощной пушки – 80-см пушки «Густав». Официально факт перевозки до сих пор не признан

Министерством обороны, а все отчеты о перевозке засекречены. Ствол «Густава»

Ствол и детали лафета «Густава»

Советские дети – «сыновья полка» – позируют на фашистском чудовище

В такой ситуации посылка нескольких крупных кораблей в Черное море стала бы катастрофой для Италии и лично для Бенито Муссолини. Для этого нужно было пожертвовать итальянской армией в Африке и оставить без защиты итальянское побережье. Я уж не говорю о катастрофической нехватке топлива у итальянского флота летом 1941 г.

Наконец, англичане вряд ли упустили бы шанс уничтожить итальянскую эскадру на пути в Дарданеллы. В Черном море у турок не было мест базирования для большого флота, да и их главные военно-морские базы Стамбул и Измир не имели достаточно хорошей ПВО.

Турецкое правительство смертельно боялось вовлечения страны в войну. В Стамбуле хорошо помнили уроки Первой мировой войны и понимали, что вступление в войну раз и навсегда лишит страну контроля над Проливами, а то и вообще положит конец существованию турецкого государства. Другой вопрос, что турки были готовы и «невинность соблюсти, и капитал приобрести», то есть, закрыть глаза на небольшие, по их мнению, нарушения нейтралитета.

Помимо всего прочего, появления итальянского флота на Черном море не хотела… Германия. Да, да, именно Германия! Современные историки смотрят на события 1941 г. сквозь призму победы 1945 г. А тогда и Гитлер, и руководители других европейских государств мыслили совсем иными категориями. По их мнению, заключение общеевропейского мира должно было произойти если не в 1941 г., то, по крайне мере, в 1942 г. Причем Гитлер уже в июне 1941 г. всерьез был озабочен, как ограничить захватнические планы Муссолини. По этой причине немцы не дали Италии оккупационной зоны во Франции и категорически отказались передать ей хотя бы часть французского средиземноморского флота.

Дуче несколько раз затевал с фюрером разговор о Крыме и каждый раз получал резкий отказ. Гитлера приводила в бешенство сама мысль, что кто-то посягает на «зону отдыха арийцев». 24 июня 1941 г. фюрер истерично кричал собравшимся генералам: «Я никогда не допущу в Крым итальянцев!» Вечером начальник генштаба генерал Гальдер занес его слова в дневник.

Возникает резонный вопрос – почему же эти факторы не были приняты во внимание советским руководством? Дело в том, что в 30-90-х годах XX века советская разведка, бесспорно, являлась лучшей в мире. В 1939–1941 гг. Берия и Сталин знали практически все секреты Гитлера и Муссолини. Тот же план «Барбаросса» за несколько недель до войны стал известен Берия во всех деталях. Но, увы, информация, добытая разведкой, не спускалась ниже членов политбюро, начальника генштаба и других высших руководителей. Сложилась совершенно фантастическая по глупости ситуация. Гитлер и его окружение в плане «Барбаросса» практически не предусматривали участия германского ВМФ. Ни планом «Барбаросса», ни другими предвоенными документами не предполагалась даже посылка немецких военных судов в Черное море.

Наконец, 21–23 июня 1941 г. в Стамбуле произошла детективная история с нашим пассажирским лайнером «Сванетия» (водоизмещение 5050 т, 244 каютных места), обслуживавшим пассажирскую линию Одесса – Ближний Восток. О ней мы расскажем позже, здесь же нам важно, что лайнер первые восемь военных месяцев стоял в Босфоре.

Возникает риторический вопрос: как сотни наших «штирлицев» из консульства, с палубы «Сванетии» и т. д. не смогли углядеть приближение к Стамбулу итальянского флота? Зато его одновременно увидели нарком Кузнецов из окна своего московского кабинета и в Штабе Черноморского флота в Севастополе.

Глава 3 Война с виртуальным противником

С 14 по 18 июня 1941 г. у западных берегов Крыма состоялось большое ученье Черноморского флота. По сложившейся традиции, задачей учения была отработка действий сухопутных войск и кораблей по высадке и отражению морского десанта. За учениями наблюдал заместитель наркома ВМФ адмирал И.С. Исаков. В своих мемуарах нарком ВМФ Николай Герасимович Кузнецов писал: «20 июня из района учений в Севастополь вернулся Черноморский флот и получил приказ остаться в готовности № 2».

В продолжение 19 и 20 июня корабли производили прием топлива, продовольствия и боезапаса.

После учений, как обычно, сотни офицеров, краснофлотцев и старшин были отпущены в город. В Доме флота и в театре имени Луначарского давались концерты для моряков, вернувшихся с учений.

Адмирал Исаков должен был, как положено, провести разбор учений и на три-четыре дня задержаться в Севастополе. Но по неведомым причинам он отказался участвовать в разборе и отправился на вокзал. О войне адмирал узнал в поезде.

Командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф.С. Октябрьский вечер 21 июня провел с супругой на концерте в Доме Красной Армии и Флота, а затем повел друзей, приехавших из Ленинграда, к себе домой. После застолья Филипп Сергеевич лег спать. Разбудил его звонок из штаба флота с сообщением о телеграмме из Москвы.

В 0 ч. 55 мин. 22 июня телеграмма наркома о переходе на оперативную готовность № 1 ушла из Москвы во флоты и флотилии.

В штабе Черноморского флота в ночь с 21 на 22 июня дежурил начальник штаба контр-адмирал Н.Д. Елисеев. Но, как позже писал оперативный дежурный по Черноморскому флоту Н.Т. Рыбалко, Елисеев заглянул к нему около 23-х часов и сказал: «Я на несколько минут отлучусь домой». Появился он только во втором часу ночи уже с телеграммой от наркома.

В штабе Черноморского флота телеграмму получили в 1 ч. 03 мин. 22 июня. В 1 ч. 15 мин. командующий Черноморским флотом объявил готовность № 1.

Около трех часов ночи дежурному сообщили, что посты СНИС и ВНОС, [127] оснащенные звукоуловителями, слышат шум авиационных моторов.

Севастопольское начальство долго спорило, что делать в случае налета на главную базу, даже звонили в Москву своему наркому и в Генштаб Г.К. Жукову. В конце концов, решили открыть огонь.

А тем временем германские самолеты уже были над городом. Внезапно включились прожекторы, и открыли огонь зенитные батареи Севастополя. Всего город защищали сорок четыре 76-мм зенитные пушки, подчинявшиеся флоту. Постепенно к огню береговых зениток стали подключаться и зенитные орудия на некоторых кораблях. Задержка в стрельбе на кораблях была связана с тем, что к трем часам ночи еще ни один корабль не перешел на боевую готовность № 1. Сделано это было гораздо позже. Так, к примеру, флагманский корабль линкор «Парижская Коммуна» перешел на боевую готовность № 1 лишь в 4 ч. 49 мин., то есть уже после вражеского налета.

В 3 ч. 48 мин. на Приморском бульваре взорвалась первая бомба, через 4 минуты на берегу напротив Памятника затопленным кораблям взорвалась еще одна бомба. Но это полбеды. В штаб флота оперативному дежурному с постов связи, с батарей и кораблей доносили, что в лучах прожекторов видны сбрасываемые парашютисты. Генерал-майор Моргунов доложил, что недалеко от 12-й батареи береговой обороны сброшено четыре парашютиста.

– Усилить охрану штаба! – последовала реакция дежурного по штабы Н.Т. Рыбалко.

Сработал «критский синдром». В городе началась паника. Поднятые по тревоге моряки и сотрудники НКВД бросились искать парашютистов. Поднялась беспорядочная стрельба.

Наутро выяснилось, что никаких парашютистов нет, а на улицах только среди мирных жителей подобрали 30 человек убитыми и свыше 200 ранеными. Понятно, что это дело не двух бомб.

Тем не менее, «критский синдром» продолжал действовать. Рано утром 22 июня Крымский обком партии (секретарь обкома Булатов) телеграфировал горкомам и райкомам партии о введении военного положения в Крыму: «…приведите в боевую готовность партаппарат, все средства воздушной обороны. Поднимите отряды самообороны, мобилизуйте для них автомашины, вооружите боевым оружием, организуйте сеть постов наблюдения за самолетами и парашютными десантами, усильте охрану предприятий, важнейших объектов…»

Но вернемся в Севастополь. К четырем часам утра вражеский авианалет кончился, а еще через 13 минут над городом появились наши истребители. Налет производили пять самолетов Не-111 из 6-го отряда эскадрильи KG4, базировавшейся на аэродроме Цилистрия в Румынии. Они сбросили 8 магнитных мин, две из которых попали на сушу, и сработали самоликвидаторы. По советским данным зенитчики сбили две «Хенкеля», но на самом деле все германские самолеты вернулись на свой аэродром.

В начале пятого часа 22 июня Октябрьский позвонил Жукову и бодро отрапортовал: «Вражеский налет отбит. Попытка удара по кораблям сорвана. Но в городе есть разрушения».

С большим трудом подчиненным удалось убедить Октябрьского, что никакой попытки удара по кораблям не было, равно как и не было мифических парашютистов. Адмирал все еще сомневался, но в 4 ч. 35 мин. разрешил на всякий случай протралить фарватеры Северной и Южной бухты, а также входной фарватер к бонам.

Бригада траления немедленно приступила к работе, но ни одной мины обнаружено не было. А в тот же день вечером, в половине девятого, у входа в Северную бухту прогремел мощный взрыв – взорвался буксир «СП-12». К месту гибели буксира немедленно рванулись катера, но подобрать из воды удалось лишь пятерых из 31 члена экипажа.

В 1962 г. в своих мемуарах вице-адмирал И.И. Азаров написал о «СП-12»: «Это были первые жертвы войны от магнитно-донных мин, тогда еще нам неизвестных. Их ставила немецкая авиация при налете на Севастополь». [128]

После войны в печати появились и другие легенды о германских магнитных минах, и как наши герои-моряки сумели распознать их действие и научились с ними бороться. Увы, на самом деле с первыми донными магнитными минами красные военморы познакомились еще в 1919 г. в боях на Северной Двине с английской речной флотилией. В СССР впервые магнитными минами занялось «Остехбюро» в 1923 г. Первая отечественная магнитная мина «Мираб» была принята на вооружение в 1939 г. Другой вопрос, что к началу войны наш ВМФ располагал всего лишь 95 минами «Мираб». А самое интересное, что немцы в 1940 г. продали СССР образцы своих магнитных мин. Но из-за системы советской тотальной секретности о минах «Мираб», равно как и о покупке германских магнитных мин руководство флота не соизволило известить даже командующих Балтийским и Черноморским флотами, я уж не говорю о простых минерах. И действительно, секреты закупленных еще в 1940 г. германских мин нашим морякам приходилось раскрывать уже в ходе войны, зачастую платя

за них собственными жизнями.

Вновь вернемся в штаб Черноморского флота. Пока по всему Крыму ловили парашютистов, отрабатывая «критский вариант», в штабе флота царил «итальянский синдром». Из неизвестных источников постоянно появлялись слухи о проходе итальянского флота через Дарданеллы и выходе оного в Черное море.

Действительно, в 12 часов дня 22 июня министр иностранных дел Италии Чиано ди Кортелаццо вызвал советского посла Н.В. Горелкина и сделал ему официальное заявление от имени итальянского правительства: «Ввиду сложившейся ситуации, в связи с тем, что Германия объявила войну СССР, Италия, как союзница Германии и как член Тройственного пакта, также объявляет войну Советскому Союзу с момента вступления германских войск на советскую территорию, т. е. с 5.30 22 июня». [129]

На этом все и ограничилось. Ни один итальянский боевой корабль даже не собирался идти в Проливы.

25 июня турецкий посол Хайдор Актай посетил МИД и передал Молотову вербальную ноту, где говорилось: «Турецкий посол имеет честь довести до сведения Народного комиссариата иностранных дел, что при наличии положения, созданного войной между Германией и СССР, Правительство Республики решило провозгласить нейтралитет Турции». [130]

Однако у наших адмиралов по сему поводу было свое мнение.

Еще в начале июня 1941 г. командующий Черноморским флотом адмирал Октябрьский, ссылаясь на разведку флота, доложил наркому ВМФ Кузнецову, что в Черное море вошли 10–12 германских подводных лодок.

9 июня Кузнецов доложил Сталину о том, что в Керченском проливе установлен противолодочный дозор из двух малых охотников, в поддержку дозора выделены два торпедных катера и три самолета МБР-2, а также выслан тральщик для установки в Керченском проливе противолодочных сетей. [131]

Адмиральские страхи и установка противолодочных сетей не остались незамеченными для младшего командного состава. С 22 июня на флоте началась «перископомания». Уже 24 июня в 11 ч. 30 мин. и в 13 ч. 20 мин. канонерская лодка «Красная Армения» была дважды «атакована» подводной лодкой противника. 25 июня в 11 ч. 15 мин. у мыса Сарыч близ Севастополя заметили перископ подводной лодки. Почти одновременно пограничный малый охотник в районе реки Шохе (между Туапсе и Сочи) обнаружил и атаковал подводную лодку. В нескольких километрах другую подводную лодку заметили с наземного пограничного поста. И пошло,

поехало…

«По данным разведывательного отдела флота на 29 июня на Черном море действовало 7–8 германских подлодок. Из них три якобы базировались на Созопол (Болгария). Но еще раньше, 26 июня, Ф.С. Октябрьский в телеграмме командирам военно-морских баз, к числу „главных и сильных врагов“, кроме авиации, причислил и подводные лодки, которых, как указывалось в телеграмме, „немцы притащили в Черное море, видимо, не один десяток“. 2 июля в донесении Наркому ВМФ командующий флотом докладывал: „Сейчас точно установлено, что на Черноморском театре у наших военно-морских баз работает минимум 10–12 подводных лодок“. Видимо, на основании этого донесения на следующий день адмирал Н.Г. Кузнецов докладывал Государственному Комитету Обороны о том, что „порт Варна используется для базирования 10–12 немецких подводных лодок, действующих у наших берегов“». [132]

Немедленно был организован поиск вражеских подводных лодок. В районе главной базы три пары гидросамолетов МБР-2 во взаимодействии с тремя ударно-поисковыми группами сторожевых катеров осуществляли его ежедневно. При входе на внутренний рейд базы 4 сторожевых катера вели круглосуточное визуально наблюдение за перископом подводных лодок. Они же прослушивали район шумопеленгаторами. Кроме того, на внешнем рейде были выставлены противолодочные сигнальные сети. Вход на рейд в Северную бухту был защищен тремя линиями бонового заграждения, а для индивидуальной защиты линкора и крейсеров к утру 23 июня непосредственно в Северной бухте были поставлены противоторпедные сети. Воздушную разведку в районе главной базы осуществляли самолеты МБР-2. Над городом барражировали наши истребители.

Приказом адмирала Октябрьского командир Новороссийской военно-морской базы обязан был производить два раза в сутки ближнюю воздушную разведку радиусом в 70 миль от базы и один раз в сутки дальнюю воздушную разведку до Синопа и Чива, однако не нарушая территориальных вод Турции. На командира Батумской ВМБ возлагалась организация двукратной воздушной разведки до меридиана Трабзон, также без нарушения территориальных вод Турции.

На командование ВВС Черноморского флота было возложено осуществление дальней воздушной разведки: утром по маршруту Сулина – Констанца – Босфор – Зунгулдак, вечером – по маршруту Зунгулдак – Босфор. Воздушная разведка турецких и болгарских портов производилась скрытно, без залета в территориальные воды этих государств.

Вечером 12 подводных лодок вышли в море. Командование флотом

выделило им 12 участков по всему побережью Черного моря. Но лишь три лодки Щ-205, Щ-206 и Щ-209, отправленные к берегам Румынии и Болгарии, могли принести хоть какую-то пользу в войне с Германией и Румынией. Одна лодка была послана к турецкому порту Самсун, а остальные прикрывали подступы к Одессе, Севастополю, Керчи, Новороссийску и Батуми.

В дозоры у крымского и кавказского побережья высылались не только подводные лодки, но и сторожевые катера, и корабли, а в отдельных случаях даже эсминцы.

Транспортные суда стали сопровождаться сторожевыми катерами, тральщиками, а особо ценные суда – эсминцами и даже крейсерами.

Самолеты-разведчики доложили, что в Черном море обнаружено от 10 до 20 неприятельских подводных лодок. Узнав об этом, нарком Кузнецов 7 июля приказал Военному Совету Черноморского флота выставить противолодочные сети в Керченском проливе для недопущения прохода подводных лодок в Азовское море. Замечу, что в Азовском море максимальная глубина всего 13 м.

9 июля Кузнецов доложил Сталину о том, что в Керченском проливе установлен противолодочный дозор из двух малых охотников, в поддержку дозора выделены 2 торпедных катера и 3 самолета МБР-2, а также выслан тральщик для установки в Керченском проливе противолодочных сетей. [133]

Между тем вражеские лодки начали действовать. Уже 24 июня в 11 ч. 30 мин. и в 13 ч. 20 мин. канонерская лодка «Красная Армения» у Тендровской косы была дважды «атакована» подводной лодкой противника.

24 июня командир Одесской военно-морской базы контр-адмирал Г.В. Жуков доносил адмиралу Октябрьскому, что на Одесском рейде трижды бомбили обнаруженную вражескую подводную лодку, наблюдали на воде даже масляное пятно.

25 июня в 11 ч. 15 мин. у мыса Сарыч близ Севастополя заметили перископ подводной лодки. Почти одновременно пограничный малый охотник в районе реки Шохе (между Туапсе и Сочи) обнаружил и атаковал подводную лодку. В нескольких километрах другую подводную лодку заметили с наземного пограничного поста.

Из дневника адмирала Октябрьского: "28 июня. В.Г. Фадеев докладывает, что якобы вчера между 8-10 часами его катера-охотники уничтожили одну подводную лодку противника в районе главной базы. Признаки: подводные взрывы на месте бомбежки, масляные пятна, сильное травление воздуха.

А сегодня вечером, около 20.30, наблюдали на вест от Херсонесского маяка большой столб воды, фонтан (травился воздух), и слышен был сильный взрыв, по-видимому, мины на нашем минном поле. Что-то много подводных лодок противника в районе главной базы…

…Доложили, что ночью с 28 на 29.06 подводная лодка М-33, возвращаясь с позиции, в 40 милях на норд-вест от Херсонесского маяка, в 5 кабельтовых от себя обнаружила подводную лодку противника. Командир заметил искрение, по-видимому, выхлоп из дизеля, а когда развернулся для атаки, лодка погрузилась. Долго думал и упустил время. Говорит, думал – своя. [134]

Начальник штаба с разведотделом (Елисеев И.Д., Намгаладзе Д.Б.) доложили (часть этих данных дает наша военная разведка):

1 – Идет сосредоточение транспортов на Анатолийском побережье, до 40 единиц.

2 – В Болгарии в Варне насчитывается до 2000 немецких матросов.

3 – В Варну якобы скоро прибывает более 30 немецких торпедных катеров.

4 – В Констанце сосредоточиваются десантные понтоны.

5 – Босфор прошло большое количество подводных лодок (вошли в Черное море).

6 – В Констанцу доставлено из Германии большое количество морских мин.

7 – Немцы организовали свою ВМБ, помимо Констанцы, и в Варне.

8 – Турки продолжают пропускать через проливы немецкие военные корабли, идущие в Черное море".

6 июля «В 12 ч.15 м. в трех милях на норд от Константиновского равелина находился наш МО-4, якобы по нему была выпущена торпеда с подводной лодки противника. Командир и его акустик (акустика „Посейдон“) ничего не видели и не слышали. Торпеда прошла мимо катера. Один другого стоит: командир МО-4 и командир вражеской подводной лодки».

Вот что писал генерал-лейтенант П.И. Батов: «Поскольку Ставка Верховного Главнокомандования и Южный фронт тогда не интересовались положением в сухопутных войска Крыма – им было не до нас! – нам приходилось получать ориентировку преимущественно через штаб флота. У меня сохранились выписки из разведывательных и других штабных документов того времени. Чего тут только нет! 22 июня: в Констанце готовится десант… авиаразведкой обнаружены 10 транспортов противника… направление на Крым. 24 июня: на траверзе Шохе

обнаружена подводная лодка… концентрация судов в районе Констанцы свидетельствует о подготовке десанта… на аэродромах Бухареста скопление шестимоторных транспортных самолетов для переброски парашютистов. 27 июня: итальянский флот проследовал через Дарданеллы в Черное море для высадки десанта в Одессе и Севастополе. 28 июня: подтверждается наличие в Констанце 150 десантных катеров. В первой половине июля то же самое – из района Констанца, Тульча, с аэродромов Румынии можно со дня на день ждать десантов, как морских, так и воздушных. 7 июля штаб Дунайской флотилии сообщил, что из портов Болгарии и Румынии в неизвестном направлении вышли 37 транспортов с войсками…». [135]

Но в Москве в Генштабе и командование Черноморского флота разгадали подлый замысел неприятеля – высадить в Крыму крупный морской и воздушный десант. Маршал Б.М. Шапошников срочно позвонил командующему сухопутными войсками Крыма генерал-лейтенанту П.И. Батову:

– Вы понимаете, голубчик мой, что успех немецкого десанта в Крыму до крайности обострил бы положение не только на Южном фронте. Из Крыма один шаг на Тамань и к кавказской нефти. Принимайте все меры противодесантной защиты как на берегу, так и внутри Крыма. Как у вас отношения с Октябрьским?

– Борис Михайлович, – ответил Батов, – лучших отношений желать не нужно. Обе стрелковые дивизии укрепляют оборону побережья, 156-я несет охрану его юго-восточной части, от Керчи до Севастополя, а 106-я – на юго-западе, включая Евпаторийское побережье. Против воздушных десантов мы выставили 33 истребительных батальона, созданных с активной помощью пограничных войск. В основном они их местных жителей, ядро составилось из коммунистов и комсомольцев. Эти батальоны контролируют железную дорогу Армянск – Феодосия и районы, удобные для посадки самолетов.

Через пару дней в штабе генерал-лейтенанта Батова телефоны раскалились до красна. Один за другим сыпались доклады:

– Получены данные о высадке воздушных десантов на перевале дороги Симферополь – Алушта и близ дороги Бахчисарай – Севастополь.

– Тысячи десантников высаживаются с кораблей в районах Судака и Керчи.

Началось! В воздух поднялись истребители, штурмовики и бомбардировщики. Леса и горы прочесывали десятки тысяч солдат, пограничников и местных жителей из истребительных батальонов.

В штабе ждали донесений. Но вот раздаются сконфуженные голоса командиров, прочесавших просторы Крыма:

– Противник не обнаружен!

– На пляжах Судака и Керчи никто и слыхом не слыхивал о десантниках.

Увы, никаких немецких или иных воздушных десантов летом 1941 г. не было и не планировалось не только в Крыму, но и на всем восточном фронте. Лишь несколько групп германских парашютистов было выброшено в зоне действий групп армий Север и Центр. Но это были не ВДВ, а рота специального назначения из диверсионного полка «ранденбург».

2 июля Октябрьский доложил наркому Кузнецову «свою оценку положения в болгарских портах на Черноморском театре. Многими источниками подтверждено, что немцы организовали в порту Варна базу для своего флота. В городе, домах отдыха и санаториях размещено много немецких матросов. В городе создана сильная система ПВО. Залив заминирован. Организована мощная береговая оборона. Ожидалось прибытие из Германии большого количества торпедных катеров, а итальянцы собирались провести в Черное море свои эскадренные миноносцы под болгарским флагом. Кроме того, было точно установлено, что на Черноморском театре у наших ВМБ действовало 11–12 немецких подводных лодок, и все они, видимо, базировались на болгарские порты Варна и Бургас. Имелись сведения о том, что подводные лодки противника базировались также и на Сизополь». [136]

5 июля Октябрьский получил от разведки сведения о сосредоточении большого числа транспортов противника в районе Браилов – Галац, наличие транспортов и сосредоточение большого количества десантных болиндеров в портах от Варны до Констанцы. В результате у адмирала появилось предположение о готовившейся противником десантной операции. Октябрьский срочно связался с командиром Одесской ВМБ контр-адмиралом Г.В. Жуковым и предупредил его:

– Гавриил Васильевич, противник может предпринять десантные операции в районе Одесской ВМБ, особенно на участке от Жебриян до Одессы, во фланг и тыл частям Красной Армии, находившимся в Бессарабии.

– Спасибо за предупреждение, Филипп Сергеевич! Мы организуем противодесантную оборону. Но в основном надеемся на вас, на флот.

– Для организации противодействия возможным десантным операциям противника приказываю вам немедленно отозвать торпедные катера из Жебриян в Очаков и постоянно держать отряд торпедных катеров

в Днестровском лимане с полным количеством торпед. Срочно приступайте к постановке минного заграждения в районе Бугаза и подготовьте минирование остальных мест возможной высадки десанта по вашему усмотрению, – приказал Октябрьский.

Затем командующий связался с командиром Новороссийской ВМБ, предупредил об угрозе морского десанта и «предложил ему беречь торпедные катера для нанесения ударов по надводному противнику и десантным транспортам в случае их появления, и иметь на каждом катере полный запас торпед. Использование торпедных катеров для целей ПЛО допускалось лишь в исключительных случаях. Было предложено немедленно приступить по ранее разработанным планам к постановке минного заграждения эсминцами типа „Н“ и тральщиками в районе Керчи, Новороссийска и Туапсе». [137]

Далее я, избегая обвинений в предвзятости, вновь процитирую «Хронику…»: "Исходя из того, что, по агентурным данным, из портов Болгарии и Румынии в течение 5 и 6 июля в неизвестном направлении вышли 37 транспортов с войсками, а из-за плохой погоды 6 и 7 июля воздушная разведка просматривала море недостаточно, командующий Черноморским флотом [138] потребовал от всех командиров военно-морских баз и соединений флота усилить бдительность и наблюдение. Командующий указал также на то, что имелись сведения о подготовке противника к морскому десанту и, возможно, одновременно к воздушному десанту". [139] Срочно «в дозор» были направлены еще пять подводных лодок.

На пути вражеского десанта, направлявшегося в Одессу, были поставлены подводные лодки М-33 и М-34.

8 июля в 21 ч. 36 мин. на перехват транспортов с десантом из Севастополя вышли эсминцы «Бойкий», «Бодрый» и «Беспощадный». Однако ночной поиск кораблей противника в районе острова Фидониси результатов не дал. И 9 июля в 12 ч. 23 мин. три эсминца вернулись в родной Севастополь. Как говориться, тяжело искать черную кошку в темной комнате, особенно когда ее там нет.

13 июля нарком Кузнецов «предупредил Военный Совет Черноморского флота, что… на Черном море возможны активные действия противника, поэтому оборона побережья на ближайшие дни должна считаться основной задачей Черноморского флота». [140] Какие тут могут быть претензии к Октябрьскому? Московское начальство требует, чтобы Черноморский флот защищал берега от десантов, наши самолеты и корабли доносят о вражеских «шестимоторых самолетах», многочисленных

вражеских кораблях и подводных лодках… Думаю, что 99 % наших, британских и германских адмиралов поступили бы так же, как Филипп Сергеевич. Другой вопрос, что 1 % адмиралов (Нельсон, Поль Джонс, Макаров и т. д.) поступили бы иначе.

Замечу, что приказы из Москвы о борьбе с вражеским десантом поступали и позже. Так, 17 августа начальник Главного Морского штаба ВМФ адмирал И.С. Исаков передал Октябрьскому директиву, где говорилось, что «по агентурным данным немцы готовят десант в Крым из румынских и болгарских портов и что десант будет поддержан авиацией, действующей из района Николаева». [141]

А 13 сентября 1941 г. "заместитель начальника ГМШ сообщил Военному Совету ЧФ, что в Бургасе (Болгария) находились шесть транспортов, 20 000 немецких солдат и значительное количество артиллерии. В Варне строилось 16 самоходных барж, предназначенных для перевозки танков в намеченном на 1 октября немецком десанте в районе г. Батуми (Зеленый Мыс); четыре баржи были уже готовы. Расстояние Варна – Батуми противник рассчитывал покрыть в двое суток.

Начальник штаба Черноморского флота приказал начальнику Разведывательного отдела тщательно следить за подготовкой немецкого десанта.

Военный Совет Закавказского фронта считал целесообразным отработать план взаимодействия сухопутных частей с Черноморским флотом на случай их совместных действий по обороне Кавказского побережья в границах фронта.

Для отработки этого плана в штаб фронта был командирован начальник штаба Потийской ВМБ. Для усиления этой базы предполагалось придать ей один-два крейсера типа ЧУ, [142] три подводных лодки, два эскадренных миноносца". [143]

Честно скажу, если бы это не было написано в совершенно секретной «Хронике…», я бы решил, что это писал ребенок или весьма нетрезвый человек. Представим себе флотилию десантных барж, идущих из Бургаса (кстати, нейтрального порта) к Батуми. Им понадобилось бы не два, а минимум три-четыре дня на оный круиз. Но и за два дня вся эта тихоходная флотилия, лишенная истребительского прикрытия, могла быть легко уничтожена тремя-четырьмя эсминцами, не говоря уж о крейсерах и линкоре. Ну, предположим, что каким-то чудом немцам удалось бы высадиться у Батуми. Так через пару дней командование Закавказского фронта подтянуло бы туда два десятка дивизий, а Черноморский флот пресек бы подвоз подкреплений и боеприпасов. Да десант бы с голоду сдох

на Зеленом Мысу!

Прошло две недели. Немцы прорвались в Крым через Перекоп, идут бои за город Армянск, а наш Главный Морской штаб не унимается. 27 сентября «заместитель начальника ГМШ сообщил начальнику штаба ЧФ, что, по данным разведывательного управления Генерального штаба РККА, немцы готовят воздушный десант в Крым. В Болгарии сосредоточены три немецких авиадивизии и парашютные войска, в Варне и Бургасе – тяжелые бомбардировщики и транспортные самолеты». [144]

Любопытно, что понимали наши штабисты под немецкими тяжелыми бомбардировщиками – двухмоторные Не-111 или Ju-88? Других-то серийных бомбардировщиков у немцев не было.

Сколько боевых выходов в море в 1941 г. совершили наши крейсера, эсминцы, сторожевые корабли и катера на поиски виртуального противника у берегов Крыма и Кавказа, посчитать невозможно. Только подводные лодки в 1941 г. для несения дозоров у своих военно-морских баз совершили 84 боевых похода, длившихся в общей сложности свыше 730 суток. [145] Надо ли говорить, как за это время износились механизмы надводных кораблей, катеров и подводных лодок?! А ведь в 1941 г. Черноморский флот лишился судоремонтных баз в Одессе, Херсоне, Николаеве, Севастополе и Керчи. В кавказских же портах судоремонтная база к началу войны почти отсутствовала. В результате в ходе решающих боев 1942 г. значительная часть наших кораблей и подводных лодок оказалась в небоеспособном состоянии.

Между тем атмосфера ожидания вражеских надводных и подводных армад, постоянно накаляемая московским и севастопольским начальством, давала о себе знать. Так, днем 8 июля 1941 г. гидросамолет МБР-2, осуществлявший поиск итальянских подводных лодок, атаковал подводную лодку М-52, стоявшую в дозоре у Новороссийска в ожидании итальянской эскадры.

Всего через неделю у Новороссийска произошло подобное боевое столкновение. Утром 14 июля в районе мыса Утриш транспорт «Кубань» пытался протаранить итальянскую подводную лодку. Итальянской оказалась наша М-51, сменившая на позиции № 10 подводную лодку М-52.

А 23 сентября в 20 ч. 44 мин. стоявшая на позиции № 1 в 20 милях от Севастополя подводная лодка М-111 выпустила торпеду по итальянскому крейсеру, идущему громить главную базу Черноморского флота. Вернувшись на следующий день в Севастополь, командир лодки старший лейтенант А.А. Николаев узнал сразу две новости: плохую – торпеда прошла мимо, и хорошую – итальянский крейсер оказался нашим

войсковым транспортом «Восток». [146]

Как видим, потерь в этих трех инцидентах не было исключительно из-за безграмотного действия личного состава. Но сами инциденты хорошо иллюстрируют бестолковость и нервозность командиров наших судов, задерганных начсоставом.

Что же произошло? Куда делся противник? После войны наши моряки захватили румынские архивы, адмиралов и офицеров морского штаба, и тогда выяснилось, что румынский флот всю войну находился под защитой своих минных заграждений и береговых батарей. Румынские военные суда лишь сопровождали свои торговые суда, шедшие вдоль береговой черты, а с конца 1941 г. стали сопровождать свои конвои и до захваченных советских портов, опять же вдоль берега. Восточнее захваченного немцами Севастополя румынские корабли никогда не ходили.

За всю войну не было ни одного боя наших и румынских надводных кораблей. Румынские эсминцы и другие надводные корабли не только не предпринимали набеговых операций с целью нарушения нашего судоходства или обстрела береговых объектов, но даже не ставили активных минных заграждений.

Румыны не хотели рисковать ни кораблями, ни собственными шкурами. В результате весь небольшой румынский флот в полном составе оказался у причалов своей главной базы Констанца к моменту прихода туда Красной Армии.

Увы, полная пассивность румынского флота была признана Министерством обороны РФ лишь в 1996 г., в официальном издании «Три века Российского флота»: «Флот Румынии не был готов к войне, доснабжать и обучать его немцам пришлось в ходе военных действий. Действия флота Румынии в 1941 г. сводились к непосредственной охране баз и прибрежных водных коммуникаций». [147] А немцы и итальянцы в 1941 г. не имели на Черном море ни одного боевого корабля или даже катера.

Единственная подводная лодка противника, действовавшая на Черном море в 1941 г. и начале 1942 г., была румынская «Дельфинул». Поэтому о ней следует рассказать подробнее. В 1941–1942 гг. лодка совершила 9 боевых походов. Естественно, что румыны всячески пытаются «героизировать» действия «Дельфинула». На самом деле все эти походы имели более пропагандистское, чем боевое значение. В первый поход вечером 22 июня лодка вышла в дозор у Констанцы в 60 милях восточнее базы.

Второй поход с 10 июля по 20 июля 1941 г. – на коммуникацию

Севастополь – Новороссийск.

Третий поход с 12 августа на 10 суток – в район Одессы.

Четвертый поход с 3 сентября по 19 сентября – на коммуникацию Севастополь – Новороссийск. При этом 9 сентября «Дельфинул» якобы выпустила торпеды по крейсеру «Коминтерн». Увы, на крейсере их и не заметили.

В ходе пятого похода с 2 по 7 ноября 1941 г. «Дельфинул» отличилась. 5 ноября в 4 милях юго-восточнее Ялты лодка торпедами потопила советский танкер водоизмещением в 12 тысяч тонн (!). Затем лодку преследовали 10 часов советские корабли и сбросили на нее свыше 90 глубинных бомб. За это командир лодки Константин Кошачеку по прозвищу «Биби» получил орден «Mihai Viteazul» 3-го класса.

После войны румынские и германские историки стали искать, что же потопила «Дельфинул» 5 ноября 1941 г. И вот известный германский историк Ровер нашел жертву – пароход «Урал» водоизмещением 1975 т. Увы, такого судна в Черноморском пароходстве вообще не было. Был, правда, пароход «Ураллес», но его потопила германская авиация 30 октября 1941 г. в Евпаторийском порту.

Позже румынские и наши «любители-маринисты» подыскали «Дельфинулу» новую жертву, да еще какую! – Танкер «Кремль» (бывший «Союз водников») водоизмещением аж в 18,7 тысяч тонн! Но, увы, опять случилась неувязочка. Оный танкер 3 ноября в 20 ч. 03 мин. подорвался на германской неконтактной мине у Стрелецкой бухты (Севастополь) и получил незначительные повреждения в носовой части. 11 ноября в 18 ч. 52 мин. танкер «Кремль» в сопровождении двух сторожевых катеров вышел из Севастополя и днем 14 ноября благополучно прибыл в Туапсе.

И вообще, по советским закрытым данным 5 ноября 1941 г. ни один наш боевой корабль или транспорт не атаковывался подводной лодкой, а наши сторожевые катера никого не бомбили глубинными бомбами. Так что, в кого попала торпеда «Дельфинула» и за что «Биби» получил орден «Михая», остается загадкой Второй мировой войны.

После этого славного подвига румынское командование решило использовать «Дельфинул» на коммуникации Батуми – Стамбул. Там наши транспорты ходили редко, держась кромки территориальных вод Турции, а то и заходя в них. Эскорта боевых кораблей по понятным причинам у них не было. Шансы потопить кого-либо у «Дельфинула» были минимальные, но зато маневрирование у берегов Турции было делом безопасным, разве что существовала опасность налететь на плавучую мину, сорвавшуюся с минрепа оборонительных турецких заграждений. «Дельфинул» трижды

выходила на эту коммуникацию.

И, наконец, 25 июня 1942 г. лодка вышла в свой девятый и последний боевой поход к берегам Крыма. По румынским данным 27 июня 1942 г. «Дельфинул» обнаружила советский конвой и вскоре заняла позицию для атаки. Эскорт конвоя обнаружил и атаковал лодку. Вскоре к ним присоединились и патрульные самолеты. С 4 ч. 26 мин. до 15 ч. 31 мин. на лодку было сброшено 240 глубинных бомб.

28 июня 1942 г. советский самолет подкараулил лодку в надводном положении и пушечно-пулеметным огнем повредил ей руль.

1 июля 1942 г. около 8 часов утра «Дельфинул» была обнаружена советскими противолодочными силами, которые преследовали лодку на протяжении 13 часов. Команда субмарины насчитала 328 взрывов глубинных бомб. Преследователи отстали только после того, как лодка выпустила на поверхность через торпедный аппарат обломки и дизельное топливо.

Увы, все это фантазии лейтенанта-комендора Корнелиу Лангу, который командовал лодкой в ее девятом походе. В подробнейшей «Хронике…» и других служебных документах нет ни одного упоминания о подводных лодках противника с 27 июня по 3 июля 1942 г.

За девять походов «Дельфинул» фактически не потопила и не повредила ни одного советского военного или торгового судна. Единственное разумное объяснение этого – нежелание командиров лодки приближаться к нашим судам и входить в опасные районы.

3 июля 1942 г. «Дельфинул» вернулась из девятого похода в Констанцу и через несколько дней вошла в сухой док для капитального ремонта. Больше она в море не выходила.

Итак, опереточный румынский флот не представлял серьезной опасности для Черноморского флота. В крайнем случае, его легко можно было блокировать в главной базе Констанце. Выход в набеговую операцию одного или всех четырех румынских эсминцев неизбежно стал бы катастрофой для Королевского флота. Весь 1941 год советская авиация господствовала над центральной частью Черного моря, а ни люфтваффе, ни тем более королевские ВВС не располагали в Румынии дальними истребителями для прикрытия кораблей в море. Новые советские крейсера проектов 26 и 26бис и эсминцы проектов 7 и 7У обладали преимуществом не только в артиллерии, но и в скорости. Тем более что уйти румыны могли только в Констанцу.

Но весь «сыр-бор» как раз в том, что Октябрьский воевал не с румынами, а с немцами и итальянцами. Во всех директивах из Москвы и в

разведданных о Королевском флоте почти ничего не говорится, а всё – о немецких десантах и итальянских кораблях и подводных лодках.

Мне меньше всего хочется, чтобы кто-нибудь из читателей решил: вот, мол, какой плохой адмирал Октябрьский, выдумал себе виртуального противника и играл с ним в «морской бой». Октябрьский был одним из лучших советских адмиралов, но, увы, у него не хватило ни ума, ни здравого смысла понять всю нелепость этих германо-итальянских страшилок. Повторяю еще раз, не Филипп Сергеевич придумал миф о вторжении флота супостата в Черное море. Это московские военморы выдумывали идиотские планы войны за британских, германских и итальянских адмиралов. И если искать виновников этой виртуальной войны, то это прежде всего нарком Кузнецов, начальник Главного Морского штаба Исаков, наша славная морская разведка и лишь потом идет командующий Черноморским флотом.

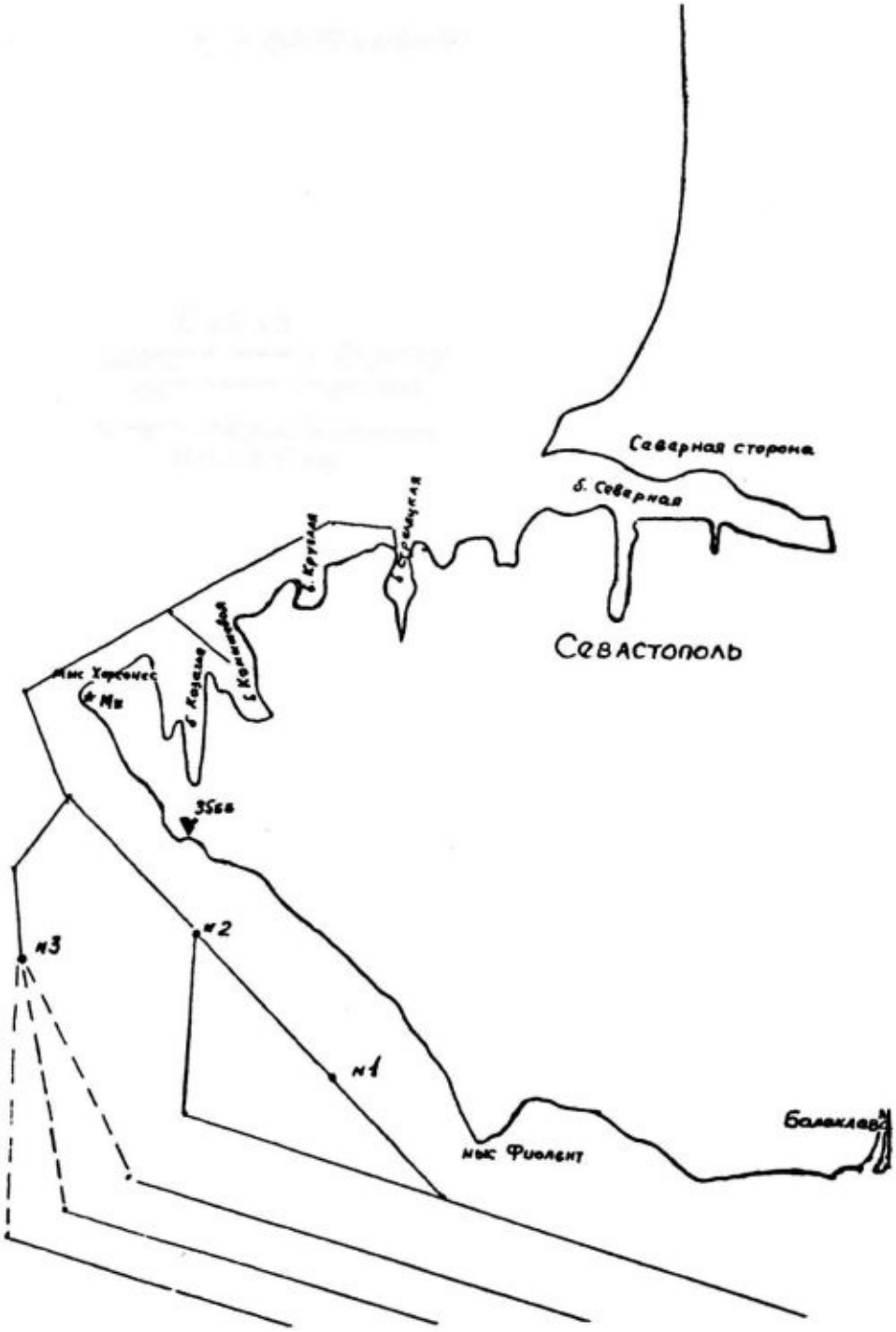
А как же Ставка, Сталин, Берия? Куда они смотрели? Да, они, несомненно, виноваты, что недоглядели за Кузнецовым и Исаковым, живших мифами 1930-х годов. Но с 22 июня, как правильно сказал Павел Иванович Батов, Ставке было не до Черноморского флота. Немцы взяли Минск и Киев, подступали к Ленинграду и Москве, а Ставка должна была разбираться, на кой черт наши адмиралы выставляют корабельные дозоры у Поти и Батуми?!

Думаю, что рано или поздно какой-нибудь любитель сенсаций придумает версию о том, что злодеи адмирал Канарис и папаша Мюллер подбросили Берия дезинформацию о вторжении итальянского флота и десяти тысячах крылатой пехоты генерала Штудента на «шестимоторных самолетах», готовых вот-вот выброситься в долинах Крыма. Заранее предупреждаю, это полнейшая чушь. Германская разведка готовила только высококачественную дезинформацию, и им в голову не пришел бы подобный бред. За шестьдесят послевоенных лет вышли многочисленные мемуары германских генералов и разведчиков, «за бугром» были раскрыты десятки тысяч германских и итальянских секретных документов, но, увы, нигде нет и намека на подобную дезинформацию. Германский генштаб, готовя нападение на СССР, фактически игнорировал наш флот, считая, что вермахт самостоятельно может до зимы 1941 г. взять Москву, Ленинград и дойти если не до Урала, то до рубежа Петрозаводск – Горький – Астрахань с занятием Кавказа.

Глава 4 Мины против своих кораблей

Как уже говорилось, немцы начали войну на Черном море с попытки закупорить наши корабли в Северной бухте. Сделано это было довольно бездарно, и в дальнейшем германские авиационные мины не представляли серьезной угрозы Черноморскому флоту.

Однако командование Черноморского флота решило помочь немцам и приказало поставить оборонительные минные заграждения на подходах ко всем нашим портам – Севастополю, Одессе, Керчи, Новороссийску, Поти, Батуми и др. Правда, при этом были оставлены узкие фарватеры для прохода своих судов, в частности, у Севастополя было три таких фарватера. **(Сх. 31)**

Подходные военные фарватеры через минные заграждения в период обороны Севастополя 1941–1942 гг.

Любопытно, что в России до 1917 г. постановкой минных заграждений у своих военно-морских баз занималась… армия! Все береговые батареи, входившие в приморские крепости, принадлежали Сухопутному ведомству. Таким образом, армия занималась установкой подводных мин в

прибрежных районах. Для этого у нее были свои минные заградители – небольшие пароходы. Основным типом мин, использовавшихся русской армией при защите своих портов, с 1876 г. были гальванические мины. А активные минные постановки производились гальваноударными (автоматическими) минами. Гальванические мины приводились в боевое положение с берега с помощью кабеля («магистрального проводника»), подключенного к электрической батарее. К одному магистральному проводнику присоединялись десять гальванических мин. Основным преимуществом гальванических мин над гальваноударными являлась возможность прохода собственных судов по минам, находящимся в небоевом положении. При необходимости минер замыкал контакт, и мины становились гальваноударными, то есть могли взрываться при ударе о корпус корабля. Армейские гальванические мины были якорные и донные, причем, якорные гальванические мины по своему устройству почти не отличались от флотских гальваноударных мин.

В 1941 г. на Черном море использовались исключительно мины ударного действия (гальваноударные). Они были дешевле, и ставить их было проще, чем армейские мины, управляемые с берега, а об опасности их для собственных судов почему-то никто не подумал. Естественно, что мины ставили по заранее разработанному плану, который предусматривал вторжение итальянского флота в Черное море.

Утром 22 июня нарком Кузнецов приказал Военному Совету Черноморского флота произвести постановку оборонительных минных заграждений. Через несколько минут корабли Черноморского флота получили приказ начать минные постановки у всех наших военно-морских баз. Причем, мины ставились по плану, утвержденному в первой половине 1941 г.

Утром 23 июня крейсера «Коминтерн», «Красный Кавказ» и «Червона Украина», минный заградитель «Островский», лидер «Харьков» и 4 новых эсминца «Бойкий», «Безупречный», «Беспощадный» и «Смышленый» начали ставить минные заграждения у берегов Севастополя. Всего было поставлено 609 мин и 185 минных защитников. Минные постановки в районе главной базы Черноморского флота продолжались и в дальнейшем. На следующий день крейсера «Красный Кавказ» и «Червона Украина», лидер «Харьков» и два эсминца продолжили постановку минного заграждения. Было выставлено 330 мин и 141 минный защитник.

Кроме того, минные заграждения были выставлены в районах Одессы, Керченского пролива, Новороссийска, Туапсе и Батуми. Всего с 23 июня по 21 июля для создания оборонительных минных заграждений было

выставлено 7300 мин и 1378 минных защитников, то есть более 73 % имевшихся на флоте морских якорных мин и более половины минных защитников.

Прошло 30 лет, и вот в 1981 г. «Воениздат» выпустил для «офицеров ВМФ, слушателей и курсантов военно-морских заведений» солидный труд Г.И. Хорькова под редакцией полного адмирала Н.Н. Алексеева и вице-адмирала В.Д. Яковлева «Советские надводные корабли в Великой Отечественной войне». И вот как там оцениваются эти минные постановки: "Крейсера ставили мины при маневрировании в строю фронта в две линии с расстоянием между минами в линии, равным наименьшему минному интервалу. Точность постановки минных заграждений в прибрежном районе обеспечивалась наличием достаточного числе береговых навигационных ориентиров, а мин в заграждениях – удержанием в период постановки расчетных курса и скорости корабля и интервалов между сбрасыванием очередных мин. Для повышения скрытности минных постановок и уменьшения вероятности противодействия сил противника мины ставились преимущественно в темное время суток.

Одновременно с крейсерами мористее внешней линии мин эсминцы ставили линию минных защитников. Мины ставились с углублением, рассчитанным на поражение крупных надводных кораблей. Поставленные минные заграждения находились в зоне огня береговых батарей, расположенных в районе Севастополя.

В интересах минных постановок в северо-западной части Черного моря периодическую разведку производили самолеты-разведчики МБР-2 с задачей своевременного обнаружения надводных кораблей противника и подводных лодок. Западнее о. Змеиный были развернуты в виде дальнего дозора подводные лодки. Мористее районов постановки мин несли дозор базовые тральщики и сторожевые катера МО с задачей обеспечения противолодочной и противокатерной обороны заградителей. На переходе из базы в район постановки мин охрану крейсеров осуществляли эскадренные миноносцы.

Для отражения в момент постановки мин удара вражеских кораблей в случае их обнаружения силами разведки и дозоров в Севастополе в 3-часовой готовности к выходу в море находился отряд прикрытия в составе крейсера и трех эскадренных миноносцев, приводились в готовность к стрельбе береговые батареи, в готовности к вылету на аэродроме дежурили подразделения самолетов-бомбардировщиков. Противовоздушная оборона заградителей выполнялась истребительной авиацией флота способом «дежурство на аэродроме».

Привлечение к минным постановкам крупных кораблей эскадры, способных принять на борт большое число мин и обладавших большой скоростью, а также хорошим защитным вооружением, позволило выполнить задачу в короткий срок, что в условиях уже начавшейся войны имело важное значение". [148]

Неужели в 1981 г. Хорьков не мог спросить наших адмиралов, от кого же делались все эти предосторожности. Ведь получается, что первые несколько месяцев Черноморский флот воевал с несуществующим противником.

Справедливости ради надо сказать, что на Балтике также началась постановка минных заграждений, на которых позже погибли десятки советских кораблей. И, в отличие от Черноморского флота, где минная постановка прошла без потерь, балтийцы ухитрились потерять на минах эсминец «Гневный», а крейсер «Максим Горький» был тяжело поврежден и едва дошел до базы.

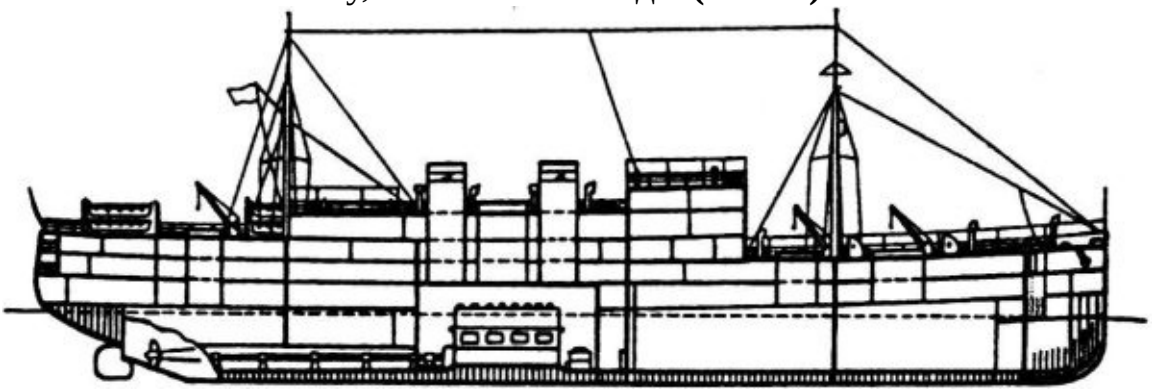
В книге «Три века истории российского флота» говорится: «Эти заграждения у баз без особого воздействия на противника сильно затрудняли впоследствии действия своих сил и привели к гибели двух эсминцев, торпедного и двух сторожевых катеров, трех наших транспортов и танкера». [149]

Понятно, что уже в ближайшие недели начались подрывы наших кораблей на собственных минах. Так, 30 июня паровая шаланда «Днепр» вышла из Севастополя и взорвалась на мине. Шаланда направлялась в Николаев для переоборудования в сторожевой корабль.

19 июля в 7 ч. 47 мин. в 14,5 км южнее Керчи у мыса Панагия на минном поле подорвался и затонул транспорт «Кола» вместимостью 2654 брт. Транспорт «Кола» вышел из Новороссийска в Феодосию вместе с транспортом «Новороссийск», шедшим головным с лоцманом на борту. «Кола» в темноте отстал, потерял из виду «Новороссийск» и, опасаясь подводных лодок, на рассвете стал прижиматься к берегу, вышел на наше минное заграждение и подорвался.

На следующий день примерно в том же районе, у мыса Кыз-Аул в 9 милях от берега в 5 ч. 57 мин. транспорт «Десна» водоизмещением 6160 т (грузоподъемностью 2926 брт) подорвался на мине. Транспорт «Десна» следовал за транспортом «Армения» из Севастополя в Ялту и Керчь. После поворота «Армении» в Ялту капитану «Десны» было приказано зайти в Ялту за лоцманом, но он этого не сделал, продолжал следовать прямым курсом в Керчь и, не имея обстановки плавания в районе Керчи, вышел на наше минное поле и подорвался на нем. Жертв на транспорте не было.

«Десна» осталась на плаву, но лишилась хода. **(Сх. 32)**

Теплоход «Армения». Продольный разрез

На помощь «Десне» из Феодосии по боевой тревоге вышел морской охотник СКА-012. Обнаружив полузатопленный транспорт, СКА-012 подошел к его борту и, выбирая момент, когда палуба катера поднималась на волне до фальшборта «Десны», моряки начали принимать на руки обессилевших от качки пассажиров транспорта. Затем катер, со всеми предосторожностями следуя по минному полю, передавал людей на буксир, стоявший в безопасном месте, и возвращался обратно.

Через несколько часов показались шедшие из Новороссийска на помощь «Десне» катера СКА-033, СКА-043, СКА-053 и СКА-063. Головным шел СКА-043 с командиром отряда капитан-лейтенантом Г.М. Муратовым на борту. Подойдя к месту аварии, Муратов приказал остальным катерам отойти к югу и нести противолодочную оборону, а сам на полном ходу пошел к «Десне», но, не дойдя 6–7 кабельтовых, подорвался на мине. Взрывом оторвало кормовую часть катера до ходового мостика. На высоко задранной носовой части катера с рулевой рубкой находились оставшиеся в живых несколько членов экипажа.

К подорвавшемуся СКА-043 подошел СКА-012, взял его на буксир и попытался отвести с минного поля. Но глубоко погруженная часть катера СКА-043 коснулась второй мины. Раздался взрыв, и СКА-043 перевернулся и затонул. [150] Погибли 14 человек, в том числе и капитан-лейтенант Г.М. Муратов, политрук С.Г. Косенко и командир катера старший лейтенант Н.А. Картунов. Одиннадцать человек команды были спасены.

Пассажиры и экипаж с «Десны» были сняты, а сам транспорт отбуксирован в Керчь.

После этих подрывов "начальник штаба Черноморского флота передал распоряжение всем командирам военно-морских баз о категорическом запрещении плавания пароходов без лоцманов или конвойного корабля в районах Одессы, Севастополя, Керчи, Новороссийска, Туапсе и Батуми.

Командующий Черноморским флотом [151] приказал командиру Новороссийской ВМБ и старшему морскому начальнику в Керчи немедленно произвести следствие и отдать под суд Военного трибунала капитана транспортов «Кола» и «Десна»". [152]

На следующий день после гибели «Колы», 21 июля в 12 ч. 10 мин. недалеко от Железного порта (район Николаева) «взорвалась и затонула на нашем минном поле шедшая с зерном парусномоторная шхуна „Ленин“. Погибло три и спасено два человека. Самолет МБР-2, прилетевший спасать людей, при посадке разбился. Экипаж был подобран». [153] Позже шхуна «Ленин» была поднята немцами и введена в состав их транспортной флотилии.

Через два дня, 23 июля, шхуна «Дзыпша», следовавшая без лоцмана в Керченском проливе, сошла с фарватера, подорвалась на нашем минном заграждении и затонула.

27 июля в 19 ч. 09 мин. из Севастополя вышел конвой в составе транспортов «Ленин», «Ворошилов» и «Грузия». Охранял их всего лишь один сторожевой катер СКА-026.

Магнитные компасы, забортный лаг и электролаг на «Ленине» не были выверены. Свежий ветер вызывал дрейф судна, течение за мысом Фиолент из-за своей переменчивости затрудняло определение курса. В результате судно оказалось на краю фарватера у нашего минного заграждения. В 23 ч. 20 мин. пароход потряс сильный взрыв в районе между трюмами № 1 и № 2. Через 10 минут все было кончено. Судно затонуло на глубине 94 м.

На грузопассажирском пароходе «Ленин» (бывший «Симбирск») вместимостью 2713 брт по официальным данным находилось 700 призывников, 458 эвакуированных и 92 члена команды. Кроме того, на борту было около 400 тонн цветного металла в слитках и активы одесского госбанка. Однако, на самом деле на «Ленине» находилось гораздо больше людей. По официальным данным погибло 650 человек, по неофициальным – от 2000 до 2500 человек.

Из дневника адмирала Октябрьского: "Принял у себя на БФКП [154] капитана парохода «Ленин» тов. Борисенко и нашего военного лоцмана тов. Свистуна. Оба остались живы после этой ужасной катастрофы. Очень много погибло женщин, стариков и детей. А сколько? Капитан не знал, сколько у него на борту было людей. Это непостижимо, но это так. Будут уточнять в Одессе…

31 июля

Наконец, кое-что уточнили в связи с походом из Одессы на Кавказ парохода «Ленин». Все шло по линии гражданской и Морфлота. Пароход

«Ленин» взял на борт около (точно никто не знает) 1250 пассажиров и 350 тонн груза (цветные металлы в слитках). На борт прибыл наш военно-морской лоцман тов. Свистун, и пароход «Ленин» вышел из Одессы.

Кто были пассажиры? Эвакуированные семьи – женщины, старики, дети, это примерно половина, а вторая половина пассажиров – мобилизованные, которые отправлялись по директивам в учебные центры армии. По всем данным, ориентировочно погибло до 900 человек. Все говорит за то, что лоцман с капитаном, идя ночью прибрежным фарватером на Ялту и боясь, чтобы не вылезти на скалы (им все казалось, что они очень близко от берега), сильно взяли вправо и задели наше минное заграждение. Взрыв был под мостиком корабля. Корабль после взрыва держался на воде всего 5–7 минут".

Военный трибунал, не вникая в детали, без технической экспертизы и т. д., скоропалительно приговорил военного лоцмана лейтенанта И.И. Свистуна к расстрелу.

15 августа в открытом море в 150 км к югу от Тендры погиб на собственной мине буксир «Снег».

22 сентября в 5 ч. 55 мин. на нашем минном заграждении у Новороссийска подорвался транспорт «Крым» вместимостью 4867 брт. Погибли два человека. В 14 часов транспорт был отбуксирован в Новороссийский порт.

30 сентября эсминец «Совершенный», проходивший ходовые испытания на Херсонесской мерной миле, подорвался на нашем минном заграждении и получил пробоину в правом борту площадью 30 кв. м. Были затоплены 1-е и 2-е котельные и 1-е машинное отделения. Эсминец отбуксировали в Севастополь, где позже он был добит германской авиацией.

27 октября на переходе Керчь – Новороссийск погиб на своей мине катер-тральщик № 536 «Серов».

9 ноября в 18 ч. 20 мин. транспорт «Десна» вместимостью 2920 брт, следуя по фарватеру, подорвался на своей мине и затонул.

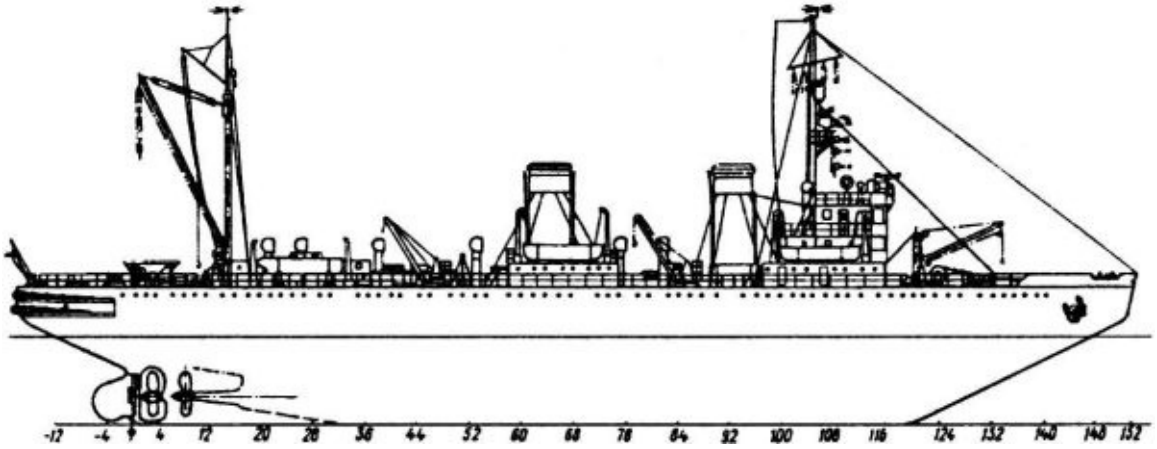
17 ноября произошла совсем детективная история. Согласно «Хронике…» в этот день в 20 ч. 35 мин. транспорт «Ногин», ледокол «Макаров», тральщик «Щит» и сторожевой катер вышли из Севастополя в Туапсе. [155]

А вот в «Справочнике потерь…» говорится, что ледокол «Макаров» 17 ноября вышел из Туапсе в Севастополь. Другие авторы, пишущие об обороне Севастополя, также путаются. Но интересно другое – ледокол бесследно исчез. Несколько слов стоит сказать об этом ледоколе. Он был

построен для России в Англии. Полное водоизмещение 4600 т. Три паровые машины тройного расширения общей мощностью в 6400 (6500) л.с. и шесть цилиндрических паровых котлов располагались в двух машинных отделениях и работали на три вала. Ледокол развивал скорость полного хода 14 узлов, экономичного хода – 8 узлов. Запас топлива в 700 т угля обеспечивал дальность плавания экономичным ходом 3300 миль. Штатная численность экипажа 149 человек.

1 января 1917 г. ледокол введен в состав флотилии Северного Ледовитого океана под названием «Князь Пожарский». 7 февраля 1920 г. его переименовали в «Лейтенант Шмидт», а 12 июля 1921 г. – в «Степан Макаров».

В конце 1925 г. ледокол перешел на Черное море. До 22 июня 1941 г. «С. Макаров» обеспечивал продление навигации на Азовском море. С началом боевых действий на Черном море ледокол был мобилизован и вооружен как вспомогательный крейсер. На корабле установили 5 одноорудийных 130-мм артустановок (3 в носовой части и 2 на корме), а также два 12,7-мм пулемета ДШК. **(Сх. 33)**

Ледокол «Макаров»

24 июля 1941 г. ледокол «С. Макаров», имея в охранении пять кораблей Черноморского флота, успешно отбуксировал из Николаева в Севастополь плавучий док грузоподъемностью 5000 т. В период с 7 по 9 августа 1941 г. «С. Макаров» совместно с буксиром «Силин» (капитан П.М. Бондаренко) под охраной канонерской лодки «Красная Армения» провел успешную буксировку железного плавучего дока «Марти» (4000–6000 т). На палубе дока находилось 26 паровозов, 10 тендеров и 52 локомотивные бригады. При завершении эвакуации из Николаева ледокол «С. Макаров» под обстрелом немецкой артиллерии вывел из порта корпус недостроенного крейсера «Куйбышев». При прохождении Днепро-Бугского и Очаковского каналов караван трижды подвергался налетам авиации, но

умелое маневрирование и зенитный огонь эскорта помогли благополучно завершить переход. 22 октября 1941 г. Ледокол участвует в буксировке крупного плавдока из Ейска в Керчь. Последний заход в Мариупольский порт «С. Макаров» совершил 25 сентября 1941 г. Тогда он вывел в море корпус недостроенного теплохода «Пролетарий».

Германский автор Ю. Мейснер в книге «Советские корабли в Великой Отечественной войне» (Лондон, 1977) пишет: «Судьба ледокола „С. Макаров“ неизвестна, почти наверняка – погиб. Согласно сообщениям, полученным от военнопленных, потоплен советскими самолетами западнее мыса Тарханкут в январе 1942 года при попытке уйти».

В газете «Флоту Україні» севастопольский историк Виталий Костриченко писал: «Откуда появились слухи о предательстве экипажа исчезнувшего ледокола? Возможно, что эти утверждения – плод фантазии „особистов“, состряпавших в свое время не одно подобное дело об „измене“. Интерпретации о судьбе исчезнувшего „С. Макарова“ можно было услышать самые разнообразные: дескать, на ледоколе был бунт и часть экипажа хотела сдаться немцам. Капитан, комиссар и особо рьяные коммунисты были выброшены за борт. Однако радист ледокола успел открытым текстом выйти в эфир и сообщить командованию Черноморского флота о происшедшем. Затем то ли советская авиация, то ли наша подводная лодка перехватили и утопили мятежный ледокол… По другой версии – ледокол ушел к немцам и какое-то время служил у противника, курсируя между Констанцей и Одессой. После войны кто-то якобы видел „макаровские“ краны в румынском порту Констанца. Клеймо предателей не обошло и семьи пропавших без вести моряков. Вплоть до середины пятидесятых годов им не выплачивались пенсии. В извещениях о гибели членов экипажа (подписанных заместителем начальника Черноморского пароходства А. Поликарповым) в качестве места гибели судна фигурировало Соленое озеро (Таманский полуостров). Датой гибели „С. Макарова“ называлось 26 сентября 1941 года (хотя в последний поход судно ушло 17 ноября). Бои в районе Соленого озера действительно проходили, но 26 сентября 1943(!) года… Долгие годы ледокол числился без вести пропавшим судном». [156]

На самом же деле ледокол вышел из Севастополя. А наши «секретчики» в очередной раз довели дело до маразма и присвоили «С. Макарову» на время перехода название ледокол «Керчь». Зачем это сделано – психически здоровому человеку не понять. А главное, никто кроме «особистов» и командира ледокола, об этом не знал.

И вот утром 18 ноября 1941 г. радисты Севастопольской охраны

водного района приняли радиограмму, повергшую командование в недоумение: «Ледокол „Керчь“. Подорвался на мине. Тону. Вышлите катера». Больше таинственный ледокол «Керчь» на связь не выходил. Поскольку о кодовом переименовании «С. Макарова» командованию Севастопольского оборонительного района никто не сообщил, то эту радиограмму приняли за очередную хитрость супостата, каким-то образом захватившего советские коды. Никаких катеров в условиях густого тумана, низкой облачности и интенсивного парения никто, естественно, посылать не стал.

Ледокол «Макаров» пошел ночью по фарватеру № 3 между минными полями, поставленными нашими мудрыми адмиралами в начале войны, хотя и был приказ торговым судам проходить фарватер лишь в светлое время суток. В итоге ледокол погиб на собственной мине недалеко от мыса Фиолент.

11 декабря в 14 ч. 20 мин. танкер «Апшерон», шедший из Туапсе в Севастополь с 5000 тоннами мазута по фарватеру № 3 подорвался на советской плавающей мине (немцы ставили лишь донные мины) и в 16 часов затонул.

Новый 1942 год начался с новых потерь на своих минах. 8 января 1942 г. при перевозке войск из Новороссийска в Феодосию на своей мине в районе Мысхако подорвался эсминец «Способный». Носовая часть корабля по 41-й шпангоут была оторвана. Погибли 84 десантника и 20 человек команды. Эсминец «Железняков» с трудом отбуксировал «Способный» в Новороссийск. Ремонт эсминца затянулся почти на полтора года. В строй «Способный» вошел лишь в середине мая 1943 г.

Транспорт «Коммунист» вместимостью 1940 брт вышел из Новороссийска 19 февраля и должен был прийти в Севастополь 23 февраля, но бесследно исчез. Через несколько дней транспорт «Восток», следуя в Севастополь, встретил шлюпку с двумя обледеневшими трупами членов экипажа транспорта «Коммунист».

Еще более страшная трагедия произошла 1 марта – транспорт «Чапаев» водоизмещением 5000 т в 7 ч. 13 мин. налетел на минное заграждение и затонул. Погибли 120 бойцов пополнения, десять 37-мм зенитных автоматов, 1000 т боеприпасов и 240 лошадей.

Нарком Кузнецов пришел в ярость и 3 марта указал Военному Совету Черноморского флота на гибель большого количества транспортов по причине плохой организации их переходов. «Последняя гибель транспортов „Коммунист“ и „Чапаев“, – указывал нарком, – свидетельствует о том, что Военный Совет флота не обеспечил должного

порядка и безопасности перевозок на своих коммуникациях при господстве нашего флота на Черном море. Народный Комиссар обратил внимание Военного Совета на то, что плохая организация защиты своих коммуникаций продолжает оставаться неизменной, и приказал в кратчайший срок навести порядок. Предлагалось обратить особое внимание на проверку кадров военных лоцманов». [157]

Как всегда, у нас виноват стрелочник. И опять расстреляли несколько лоцманов, а боевые корабли и транспорты продолжали гибнуть на своих же минах.

Уже через три дня после грозного приказа наркома Кузнецов, 6 марта, эсминец «Смышленый» подорвался на нашем минном заграждении (ш = 45°01ў; д = 36°46ў). В результате взрыва было затоплено 1-е машинное отделение, и командир приказал стать на якорь. После прибытия в район стоянки эсминца лидеров «Ташкент» и «Харьков» он снялся с якоря и в сопровождении лидеров своим ходом пошел в Новороссийск. Во время перехода на корабле затопило 2-е и 3-е котельные отделения. Эсминец потерял ход. Сильные волны не позволили взять его буксир, и эсминец начало заливать. 7 марта в 8 ч. 07 мин. в точке с координатами ш = 44°43ў и д = 36°45ў он затонул. Когда корпус эсминца погрузился в воду, взорвались глубинные бомбы. От динамического удара погибли почти все члены команды, покинувшей корабль. «Ташкент» и «Харьков» подняли из воды лишь двоих человек.

Список потерь от собственных оборонительных заграждений может занять не одну страницу. На них гибли корабли и спустя несколько лет после окончания войны. Но зато на этих заграждениях не подорвался ни один корабль противника, по крайней мере, до занятия соответствующих портов германскими войсками.

Помимо этого наши оборонительные минные заграждения под Севастополем приводили к напрасным потерям наших боевых кораблей и транспортных судов от авиации и артиллерии противника. Не только быстроходные эсминцы и крейсера, но и тихоходные транспорты осенью 1941 г. – весной 1942 г. могли в темное время суток пройти большую часть пути от Новороссийска и войти затемно в Северную бухту. Замечу, что германская авиация в то время на Черном море ночью не могла вести атаки наших кораблей. Но, увы, из-за мин нашим кораблям приходилось вставать на якорь на подходах к севастопольским минным заграждениям и ждать рассвета, а затем идти за тральщиками, высланными из Севастополя, с черепашьей скоростью по узкому фарватеру под огнем германской дальнобойной артиллерии и под вой германских пикирующих

бомбардировщиков Ju-87. Надо ли говорить, что все фарватеры были хорошо известны вражеским летчикам и артиллеристам.

28 ноября 1941 г. в 22 ч. 00 мин. крейсер «Красный Кавказ», шедший в Севастополь с грузом боеприпасов и маршевым пополнением, «из-за плохой видимости и штормовой погоды не мог пройти фарватером через минное заграждение в районе Севастополя и вследствие ограниченного запаса топлива был возвращен в Новороссийск». [158]

13 января 1942 г. эсминец «Бойкий» вышел из Новороссийска в Поти. «На военном фарватере Новороссийской военно-морской базы он столкнулся с транспортом и, получив повреждения, вернулся в Новороссийск». [159]

Из-за мин были существенно ограничены возможности обстрела вражеских береговых объектов. Вот характерный пример. 3 декабря 1941 г. в 20 ч. 07 мин. крейсер «Красный Кавказ» в сопровождении тральщиков ТЩ-25 и ТЩ-26 вышел из Северной бухты в район Балаклавы и, «маневрируя между берегом и внутренней кромкой минного заграждения, с 21 ч. 33 мин. до 21 ч. 43 мин. обстреливал дер. Черкез-Кермен. Выпущено 20 снарядов. ТЩ-25 обстрелял высоту 471, 7, выпустив 30 снарядов, и ТЩ-21 выпустил 60 снарядов по высоте 566,2. Стрельбы велись по площадям». [160] Не позавидуешь командиру крейсера, маневрирующему между Сциллой и Харибой.

Физически невозможно перечислить все бедствия из-за преступного приказа Кузнецова о постановке минных заграждений у черноморских портов.

Будучи опытным моряком, командующий Черноморским флотом прекрасно понимал, какой вред наносят эти минные поля. Вытралить свои мины полностью в ходе боевых действий Черноморский флот физически не мог, я уж не говорю о том, какой вой подняли бы в Москве Кузнецовы и Исаковы. Тогда Октябрьский пошел на тактическую хитрость и обозвал траление собственных мин «расширением фарватера». Вроде бы, чисто техническое мероприятие, можно и в Москву не докладывать.

В течение многих недель суда ОВР ГБ [161] тралили собственные минные заграждения. Цитирую «Хронику…»: «Минный заградитель „Дооб“, шесть тральщиков-катеров, четыре сторожевых катера и шхуна „Курортник“ (ОВР ГБ) в течение для производили тральные работы по очистке и расширению ФВК № 3 ГБ. На кромках фарватера затралено и уничтожено восемь наших мин». [162]

Замечу, тральные работы шли под воздействием германской артиллерии и авиации, и серьезно расширить фарватер у Севастополя не

удалось. Собственные минные заграждения удалось окончательно вытралить лишь в начале 1950-х годов.

В книге Р.Ф. Октябрьской «Штормовые годы» говориться: "Адмирал Ф.С. Октябрьский писал позднее: «Мне казалось – и в те дни, и впоследствии – что это тоже давление прошлого, как и постановка оборонительных минных заграждений в районе главной базы».

Да, взгляды на постановку оборонительных минных полей командующего флотом и наркома ВМФ Кузнецова расходились. Ф.С. Октябрьский впоследствии писал: «Зачем нужно было с первых дней войны ставить минные заграждения? Против кого их ставили? Ведь противник-то сухопутный, он на море имеет главным образом авиацию да торпедные катера, которым мины – не помеха. Вот, несмотря на то, что мины будут больше мешать нам, чем противнику, заставили нас ставить мины, на которых больше погибло своих кораблей, чем противника. У нас одних эсминцев погибло на своих минах три: „Дзержинский“, „Смышленый“, „Совершенный“». [163]

Я не думаю, что эти высказывания являются «остроумием на лестнице». Глупость минных постановок очевидна. Но тут возникает естественный вопрос, почему Филипп Сергеевич, получив приказ Кузнецова, не обратился лично к Сталину: «Кузнецов говорит о вторжении итальянского флота и германских подводных лодок в Черное море, но никаких конкретных фактов не приводит. По имеющимся в штабе Черноморского флота данным никаких итальянских и германских судов нет ни в Черном море, ни в Проливах. Прохождение вражеских судов через Проливы к нашим военно-морским базам займет несколько дней. За это время можно десять раз поставить любые минных заграждения. Считаю постановку заграждений преждевременной».

Спору нет, у вождя хватало головной боли с поражениями сухопутных войск, но уверен, что телеграмма от Октябрьского была бы им рассмотрена.

Обращаясь к Сталину, Октябрьский мог бы достичь сразу трех целей – изменить ход войны на Черном море, подорвать позиции, а то и свалить наркома Кузнецова и, возможно, уменьшить потери от своих мин на Балтике и в Тихом океане. На Балтике немцы и финны неоднократно использовали советские минные заграждения против нас же. А непродуманная постановка с 12 по 30 июля 1941 г. 9105 мин и минных защитников у Владивостока и еще трех военно-морских баз Приморья привела к гибели подводных лодок М-49 и М-63 и не менее десяти других судов. И это у невоевавшего флота.

Увы, Великая Отечественная война, похоже, ничему не научила наших

генералов и адмиралов. В 2007 г. официальное издание Министерства обороны РФ «Военно-исторический журнал» в октябрьском номере разродился двумя пламенными рецензиями: «Псевдонаучные исследования военных действий в Северном Причерноморье» подполковника А.В. Лобанова и «Разбавленная анекдотами хроника с многочисленными ошибками и неточности» начальника научно-исследовательской исторической группы ВМФ капитана 1 ранга Е.Г. Мачикина.

Я прочитал и ахнул: Светлой июльской ночью 1941 года из французского порта Брест, крадучись, вышли линкоры «Шарнхост», «Гнейзенау» и крейсер «Принц Евгений» и двинулись в далекий африканский порт Дакар, где взяли на буксир поврежденный англичанами французский линкор «Ришелье», а затем пошли обратно на север. Без потерь прошли под дулами гигантских пушек британской крепости Гибралтар в теплое Средиземное море. Весь личный состав британского флота по такому поводу взял месячный отпуск. На соединение с эскадрой из Тулона вышел линейный крейсер «Страсбург». При встрече с германскими кораблями французские моряки выстроились на палубе и дружно запели: «Дойчланд, Дойчланд юбер аллес». Затем вся дружная компания, приветствуемая турецкими властями, прошла Дарданеллы и Босфор и двинулась к Севастополю.

Однако наш мудрый адмирал Октябрьский предвидел оное действо и выставил у Севастополя мины. Узнав об этом, адмиралы Редер и Дарлан заплакали от горя и отменили свой злодейский план нападения на наш город-герой.

«Что за чушь!» – воскликнет читатель. Пардон, я лишь популярно изложил часть статьи Лобанова: «Да, вблизи Севастопольской бухты вражеских кораблей не наблюдалось, но в Бресте (Франция) находились немецкие линкоры „Шарнхост“, „Гнейзенау“ и крейсер „Принц Ойген“, прорыв которых через Гибралтар в Средиземное море и далее через Дарданеллы и Босфор в Черное был отнюдь не фантастическим вариантом. Поддержку этим кораблям могли оказать линейный крейсер „Страсбург“, линкор „Ришелье“ и тяжелые крейсеры, имевшиеся в распоряжении французского вишистского правительства».

Хорошо, что сей журнал не читают во Франции. Там команда «Страсбурга» считается национальными героями. Они затопили свой корабль в ноябре 1942 г. в Тулоне, когда немцы захватили южную часть Франции. А то нашим дипломатам пришлось бы извиняться за сей пассаж.
Ну как тут спорить?

Глава 5 Как Октябрьский оставил Севастополь без боеприпасов и зенитной артиллерии

20 июня 1942 г. 5 ч. 10 мин. Адмирал Октябрьский вышел из бункера. Севастополь весь в дыму, сплошные пожарища. Вернувшись, он записал в дневнике: «Тяжело, больно, жаль город-красавец. Получил от Буденного телеграмму. Он недоволен, что противник прорвался к Северной бухте, требует восстановить положение. А чем? Где войска? Где боезапас?»

– Дежурный! – крикнул адмирал. – Записывай телеграмму. «Елисееву, копия Исакову. Положение с людьми и особенно боезапасом на грани катастрофы… Бои продолжаются жестокие. Надо еще раз пойти на риск направить мне крейсер „Молотов“, который доставит хотя бы 3000 человек маршевого пополнения; прошу вооружения и максимум комплектов боезапаса, что я уже просил в своих телеграммах. Срочно шлите. Жду. Октябрьский».

Но, увы, севастопольские батареи из-за нехватки снарядов вскоре замолчали. И после падения главной базы, давая отчет, командующий Северо-Западным фронтом С.М. Буденный писал: "Помимо преимущества противника в танках и господства его в авиации причиной преждевременного падения Севастополя явилось отсутствие значительных запасов боевого снабжения, и в частности, боезапаса, что было основной ошибкой командования Крымским фронтом. Не числовое соотношение сил решило борьбу в конечном итоге к 3.07.42 г., а ослабление мощи огня защитников. При наличии боезапаса СОР [164] мог продержаться значительно дольше".

В отчете также отмечалось, что «к началу 3-го штурма Севастополя СОР имел меньше 2,5 боекомплекта снарядов крупного калибра, меньше 3-х боекомплектов снарядов среднего калибра, меньше 6 боекомплектов мелкого калибра и около 1 боекомплекта мин, что совершенно недопустимо. В то же время период длинных ночей не был использован для подвоза при еще слабой блокаде Севастополя». [165]

Боюсь, что эрудированный читатель поморщится от столь длинной цитаты, мол, о нехватке снарядов в Севастополе указано во всех изданиях, посвященных обороне города-героя. Зачем толочь воду в ступе еще раз. Совершенно верно. Писали все, тяжело вздыхали и ставили точку. Я же не

адмирал и не академик. Им все ясно, а мне не ясно, например, куда делся боекомплект Черноморского флота?

Я беру в руки книгу «История Севастопольского арсенала Черноморского флота Российской федерации», выпущенную в 1999 г. в Севастополе ветеранами арсенала, и на странице 133 читаю: «Основные запасы артиллерийско-стрелкового боезапаса Черноморского флота находились в Севастополе на артбоескладе № 7, в других базах флота боезапас имелся только для береговых батарей». И это было вполне разумно – главная база флота располагала достаточным числом подземных хранилищ боеприпасов. Так, еще перед войной флоту были предоставлены огромные хранилища в инкерманских штольнях, недоступных для действия авиабомб. К августу 1941 г. весь боезапас главной базы Черноморского флота был укрыт в подземных хранилищах.

А теперь я беру ветхий отчет «Итоги работы артотдела Черноморского флота за два года отечественной войны», отпечатанный в 1943 г. в Поти в четырех экземплярах с грифом «совершенно секретно» (примечание для детей и внуков Павлика Морозова: гриф снят 20 октября 1992 г.).

Там говорится, что командование Черноморского флота в середине октября 1941 г. решает вывезти значительную часть боезапаса Черноморского флота из Севастополя на Кавказ. В отчете не говорится, «кто велел», но ясно, что не обошлось без командующего Черноморским флотом. А вот была ли директива на сей счет от наркома, это, как говориться, «вопрос на засыпку».

Видимо, командование Черноморского флота уже тогда считало, что Севастополь падет в ближайшие недели, а то и дни и решило эвакуировать на Кавказ боекомплект, зенитную артиллерию, медицинский персонал и т. д. Прямо говорить о сдаче города, по понятным причинам, никто не решался, и все делалось под соусом создания на Кавказе новых баз для флота. Нужен в новых базах боекомплект для морских пушек? Нужен! Нужны зенитные орудия? Нужны! Но это же логика мирного времени, а тут десятки тысяч солдат и матросов грудью защищают Севастополь, а у них тайно вывозят самое необходимое.

А, кстати, в тылу боекомплекта для морских орудий было пруд пруди. При царе-батюшке боекомплект хранился в базах флота, а также в Петербурге и Николаеве. То же было и в первые годы советской власти. И лишь в 1930-х годах началось строительство больших центральных складов. Основными были склады: № 145 на станции Бурмакино Ярославской железной дороги; № 142 в городе Горький и № 2004 на станции Часовня Верхняя близь Ульяновска. Там хранились снаряды,

заряды, мины, торпеды и т. д.

И вот оттуда-то и начал поступать флотский боекомплект на Кавказ. Посмотрим в «Итоги…»: «…начавшие поступать с октября месяца 1941 г. из центральных складов транспорты с боезапасом в Новороссийск, в короткий срок забили склады, и большое количество боезапаса оставалось под открытым небом. Доходило до того, что по неделям прибывшие вагоны оставались неразгруженными. Это положение легко объяснить, если вспомнить указанное в 1-м разделе, что военно-морские базы имели крайне ограниченные складские площади, которые еле обеспечивали нужды самой базы». [166]

Всего, согласно тем же «Итогам…», за первые 24 месяца войны на Черноморский флот от промышленности и с центральных складов поступило 305/52-мм выстрелов – 1920, 203/50-мм выстрелов – 781, 180-мм выстрелов – 17 648, 152-мм – 6951, 130-мм – 137 196 выстрелов и т. д. Причем, речь идет только о морских пушках. Боекомплект для сухопутных орудий, принадлежавших флоту, считался отдельно. Так, только для 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20 было поставлено 44 282 выстрела.

Итак, в Новороссийске все склады забиты флотским боезапасом, а в середине октября 1941 г. по приказу командования Черноморского флота в Поти выехала «оперативная группа Артотдела». Мест для складирования боеприпасов там не было. Насилу подыскали:

"1. Рабочий поселок законсервированного строительства Азотно-Тукового комбината в районе станции Бродцеули.

2. Часть помещений винзавода в совхозе Варцихе, находящихся в 4 км от станции Риони.

3. Хоз. город местного полка в г. Махарадзе (станция Озурготы).

4. Несколько складов в районе г. Сухуми (селение Михайловка).

5. Часть складских помещений Батумского Укрепленного сектора в г. Батуми…

…В средних числах октября месяца 1941 г. была составлена ведомость вывоза боезапаса из Главной базы. В складах Севастополя оставлялись только готовые выстрелы из расчета на три месяца расхода для нужд береговой артиллерии и кораблей поддержки.

Согласно этой ведомости подлежало вывозу из Севастополя:

Таблица 16

Наименование калибра боезапаса	Количество (шт.)		Вес (т)
	Готовые выстрелы	Элементы	
305/52-мм/клб	969	1404	1652
203/50-мм/клб	697	—	160
100-мм	2643	—	581
152-мм	704	—	70
Наименование калибра боезапаса	**Количество (шт.)**		**Вес (т)**
	Готовые выстрелы	**Элементы**	
122-мм	990	—	44
120/50-мм/клб	1505	6542	314
100/47, 100/51, 100/56-мм/клб	9812	12 444	780
76-мм (обр. 31 г., 15/28 г., 14/15 г., 02/30 г.)	26 970	72 518	1241
75/50-мм/клб	—	5458	66
45/46-мм/клб	46 660	41 247	264
7,62-мм винтовочные патроны	24 000 000	—	750
Всего подлежало вывозу тони:			**6916**

Кроме готовых выстрелов, в Севастополе была оставлена часть элементов для сборки их в выстрелы, но обстановка вынудила и эти элементы отправить на Кавказ. Таким образом, дополнительно подлежало вывозу:

Таблица 17

Наименование калибра	Элементы (шт.)	Вес (т)
305/52-мм/клб	120	60
203/50-мм/клб	410	60
152/45-мм/клб	3905	390
130/55, 130/50-мм/клб	2378	170
100-мм	4089	120
85-мм	4462	80
76-мм обр. 31 г., 15/38-г.	25 290	250
45/46-мм/клб	3566	10
Всего в тоннах:		**1120**

Таким образом, всего было намечено к вывозу 8036 тонн. Но фактически обстановка заставила вывезти гораздо больше. Всего было вывезено около 15,0 тысяч тонн". [167]

Довольно забавная картина получилась: в конце 1941 г. корабли Черноморского флота вывезли из Севастополя боезапас весом 15 тыс. т, а в первой половине 1942 г. ввезли 17 тыс. т.

Зачем все это делалось? Ведь формально никто не собирался сдавать Севастополь в конце 1941 г. На батареях Севастополя стояли орудия всех представленных к вывозу калибров. Наконец, рассмотрим даже самый худший и маловероятный случай – падение Севастополя в ноябре-декабре 1941 г. Так, пардон, тыловые склады были завалены морскими снарядами всех основных калибров.

Как мы помним, в главе «Снарядный голод» приведены цифры, красноречиво показывающие, что за всю войну было расстреляно и утеряно 18–25 % имевшихся снарядов морских орудий крупного и среднего калибра.

А ведь бравые адмиралы помимо боекомплекта для морских пушек вывезли из Севастополя 1241 тонну 76-мм выстрелов и 750 тонн 7,62-мм винтовочных патронов. Этих-то на складах ГАУ было навалом. Так, еще в 1950-х годах на складах оставались сотни тысяч 76-мм снарядов, изготовленных в 1914–1917 гг.. [168] А вот у защитников Севастополя к началу июня их почти не осталось!

Далее опять процитирую «Итоги…»: «Вследствие того, что транспорты из Севастополя уходили один за другим, то к концу ноября месяца 41 г. и началу декабря 41 г. причалы Поти и Батуми оказались

забитыми боеприпасами». [169] Убирать снаряды было некому. «Работу в основном выполняли краснофлотцы кораблей. [Вместо того, чтобы воевать!? *А. Ш.*] Все же к концу декабря месяца 41 г. причалы в Поти были очищены, а с причалов Батуми боезапас был убран только к маю месяцу 1942 г.». [170] Долетел бы до Батуми один Не-111, сбросил бы пару бомб на огромные штабеля боеприпасов, и что бы осталось от порта и города?

Возможно, найдутся оппоненты в лампасах, которые заявят, что, мол, часть боеприпасов, вывезенных из Севастополя, не годилась для использования в имевшихся артсистемах. Враки! На войне годится все! Если малограмотные чеченцы переделывали артиллерийские снаряды в дистанционно управляемые фугасы, то почему этого не могли сделать защитники СОРа?

В Севастополе был мощный Морской завод и другие предприятия. Наконец, был специальный морской «Артремонтный завод», имевший 116 станков. Там можно было переделать любые снаряды, скомплектовать любые выстрелы. К примеру, все снаряды от 76-мм полковых, дивизионных и горных пушек взаимозаменяемы, а снарядами от 6-дюймовых пушек Кане можно стрелять из 152-мм гаубиц и 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20, и т. д.

Рассмотрим, к примеру, самые мощные севастопольские 305-мм башенные батареи № 30 и № 35, которых так боялись немцы. Почему они замолчали? Батарея № 30 с 1 ноября 1941 г. по 17 июня 1942 г. выпустила по врагу 1243 снаряда. Около 1000 снарядов выпустила батарея № 35. Наконец, 853 – 305-мм снаряда выпустил единственный черноморский линкор. А где были остальные снаряды? Ведь перед войной на кораблях, береговых батареях и складах имелось 305/52-мм снарядов: 9670 фугасных, 4108 бронебойных, 1440 дальнобойных обр. 1928 г. и 441 шрапнель. В ходе войны от промышленности поступило 305/52-мм снарядов: в 1941 г. – 1020 шт., в 1942 г. – 1674 шт., а всего до конца войны – 6186 шт. Итого, имелось и было произведено 21 845 снарядов, а всего за войну израсходовано только 4511 снарядов, то есть 20,6 %! Таким образом, снаряды были, но кто-то не отпускал их фронту.

Кроме того, для десяти устаревших 305-мм береговых орудий на Дальнем Востоке к 22 июня 1941 г. имелось 4283 снаряда, которые вполне подходили к 305/52-мм орудиям батарей № 30, № 35 и линкора «Парижская Коммуна». Из них, кстати, 464 дальнобойных снаряда образца 1928 г. хранились рядом на центральных складах. Я уж не говорю о тысячах 305-мм гаубичных снарядов, хранившихся на складах РККА. Единственные же тридцать 305-мм гаубиц обр. 1915 г., состоявшие на вооружении РККА с

начала 1941 г. до июня 1944 г., хранились в Орловском военном округе.

Наши мудрые начальники решили вернуть 305-мм снаряды в Севастополь лишь 26 июня 1942 г. В этот день в 17 ч. 30 мин. эсминец «Сообразительный» вышел из Поти с грузом 305-мм снарядов. Полутонные снаряды пытались разместить в нижних помещениях, но они там не помещались. Пришлось класть их прямо на палубу, поперек, на правом и левом шкафутах. Но эсминец отправили зачем-то не прямо в Севастополь, а в Новороссийск, куда он прибыл в 4 часа утра 27 июня. Но уже в 6 ч. 45 мин. «Сообразительный» вышел из гавани для спасения лидера «Ташкент». Через три часа «Сообразительный» доставил в Новороссийск 1900 человек, снятых с лидера. В последующие четыре дня, с 28 июня по 2 июля, «Сообразительный» зачем-то пять раз гоняли по маршруту Новороссийск – Поти и обратно, и ночью 2 июля эсминец был поврежден в ходе налета германской авиации. Куда делись 305-мм снаряды, установить не удалось.

Прошу извинения у читателя – много цифр, но, увы, о том, что из Севастополя в начале осады была вывезена основная часть боеприпасов, и что морских снарядов на центральных складах и на Кавказе было с избытком, никто до меня не писал, и без цифр и цитат меня просто объявят клеветником.

Но вернемся к отчету С.М. Буденного от 12 июля 1942 г. Первой причиной падения Севастополя он считал «преимущество противника в танках», второй – господство авиации противника, и лишь третьей – отсутствие боезапаса. На самом деле главной причиной была последняя. С танками Семен Михайлович фантазировал, о чем мы еще поговорим. А вот на счет господства авиации… Кто в этом виноват? Только ли Геринг?

12 октября 1941 г. в Северной бухте германской авиацией потоплен крейсер «Червона Украина». А теперь процитирую «Штормовые годы» Риммы Октябрьской: "Вражеские самолеты все чаще избирательно подвергали бомбардировкам места стоянок кораблей, заводы, доки. 11 ноября они нанесли удар по докам, где стояли на ремонте поврежденные эсминцы. После жестокой бомбежки в районе бухты Голландия вспыхнул пожар на Килен-площадке в районе учебного отряда.

«Какое это варварство по отношению к гражданскому населению, детям, старикам! – записал 18 ноября командующий в своей тетради. – Еще раз осмотрел город. Нигде никого не видно. Думаю, к 25 ноября в основном эвакуацию закончим. Сегодня уходит большой теплоход „Украина“. Она, помимо раненых, увозит на Кавказ училище БО, ПВО ЧФ для кавказских ВМБ, гражданское население, всего более 4000 человек»". [171]

Пардон, я что-то не пойму: немцы отчаянно бомбят Севастополь, а артиллерийские установки и другое вооружение ПВО Севастополя теплоход «Украина» увозит в Батуми, (куда он благополучно прибыл 20 ноября 1941 г.). Да ведь Батуми никто не бомбил и не будет бомбить!

А пароходы с зенитными пушками всё уходили из Севастополя на Кавказ. 5 декабря в 18 ч. 30 мин. из Севастополя вышел транспорт «Жан Жорес». Он вез в Поти четыре зенитные пушки, «1500 т боезапаса артиллерийского отдела Черноморского флота». [172] В тот же день транспорт «Белосток» вывез из Севастополя (!!!) 180 тонн боезапаса, а транспорт «Львов» – 250 тонн.

После оставления Крыма в СОР сосредоточились три зенитных артиллерийских полка (61-й, 62-й и 122-й) и пять отдельных зенитных артиллерийских дивизионов. Итого около 40 зенитных батарей (160 пушек калибра 76 мм и 85 мм и 36 пушек калибра 45 мм и 37 мм).

И вот адмирал Октябрьский с 12 по 20 ноября отправляет из Севастополя в порты Кавказа две трети зенитной артиллерии – два полка и три отдельных дивизиона. После этого в Севастополе остались лишь 61-й полк, 92-й и 114-й дивизионы. Замечу, что 92-й дивизион был не кадровым, а наспех сформированным из курсантов Военно-морского училища береговой обороны имени ЛКСМ. Матчасть – восемь 76-мм и четыре 85-мм пушки – тоже были учебными, причем 76-мм орудия крайне изношены.

Мало того, Октябрьский 25 декабря вывез из Севастополя одну из двух радиолокационных станций РУС-2.

И сейчас находятся у нас «морские стратеги», оправдывающие вывоз большей части зенитной артиллерии на Кавказ. Мол, надо было прикрывать с воздуха корабли Черноморского флота в бухтах Кавказского побережья.

Увы, в 1941 г. германская авиация бомбила лишь объекты, на которые непосредственно наступали части вермахта. Не стали исключением и порты Кавказа. До весны 1942 г. никаких налетов на Туапсе, Сочи, Поти и Батуми не было! Лишь эпизодически пролетали самолеты-разведчики.

У немцев не так много было бомбардировщиков, чтобы распылять силы, и они сосредоточили их против Севастополя. А что Октябрьский увел флот в порты Кавказа, немцы знали и были этому очень рады. Пусть стоят там и не мешаются.

Ну а если бы в люфтваффе нашелся бы свой Октябрьский и велел бы в декабре 1941 г. или январе 1942 г. вместо Крыма бомбить порты Кавказа? Так там еще до войны была сравнительно неплохая система ПВО, правда, не флотская, а сухопутная.

В Новороссийске дислоцировался 434-й зенитный артиллерийский дивизион, в Туапсе – 485-й зенитный артиллерийский полк, в Сочи – 371-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион, в Поти – 365-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион, а в Батуми – 8-я бригада ПВО.

Добавим сюда зенитную артиллерию кораблей Черноморского флота, будет не так уж мало. А вдруг мало? Так можно было попросить еще зенитных пушек, и было у кого. В конце 1941 г. – начале 1942 г. их еще хватало на центральных складах. Кстати, в 1941 г. было произведено 85-мм зенитных пушек: в первом полугодии – 1670, во втором полугодии – еще 1701, а в 1942 г. их изготовили 2761 штуку.

Можно было попросить и командование 3-го корпуса ПВО в Баку, благо ни город, ни нефтепромыслы никто ни в 1941 г., ни в 1942 г. не бомбил.

Наконец, через Кавказ и Каспий шел огромный поток военной техники союзников. Можно было и оттуда получить несколько батарей.

Да и вообще, в обороне портов Кавказа решающую роль должны были играть истребители, а не зенитная артиллерия. Там было достаточно и флотских, а главное, сухопутных истребителей. Уже 2 ноября 1941 г. истребительные эскадрильи 62-го смешанного авиаполка перелетели из Крыма в Анапу. А 16 ноября в Новороссийск из Крыма перелетели 93-я и 101-я отдельные истребительные эскадрильи. В случае необходимости остававшиеся в СОР истребители могли перелететь на Кавказ за пару часов.

Самое же интересное, что еще до войны Черноморский флот отвечал за оборону района Севастополя, в том числе и зенитную, а от Адлера и до турецкой границы за оборону побережья Кавказа, включая ПВО, отвечал Закавказский военный округ.

Замечу, что Октябрьский вывез из Севастополя не только боеприпасы и зенитную артиллерию, но и многое другое, крайне необходимое защитникам города. Так, например, осенью 1941 г. из Севастополя была вывезена значительная часть медперсонала Черноморского флота, причем не гинекологи и дантисты, а хирурги, анестезиологи, рентгенологи и т. д.

Я далек от мысли, что Октябрьский был вредителем. Чем в действительности он руководствовался, доподлинно мы никогда не узнаем. Скорей всего, он действовал как купец или, как теперь говорят, «крепкий хозяйственник». Севастополь, мол, все равно сдадут, и посему свой хозяйство – корабли, боеприпасы, зенитную артиллерию, медперсонал и т. д. – хорошо бы увезти куда подальше и спрятать, как спрятали в Поти линкор «Парижская коммуна». До конца войны супостат так и не узнал, где

сховался наш линкор. Как жаль, что дальше не было канала, а то увел бы его Филипп Сергеевич в Красноводск, а то и во Владивосток.

Впервые о вывозе Октябрьским боеприпасов и зенитной артиллерии из Севастополя было написано в моей книге «Битва за Черное море» (М.: АСТ: Транзиткнига, 2005). Позже и другие авторы стали критически подходить к деятельности командующего Черноморским флотом. Так, Мирослав Морозов полностью привел доклад Октябрьского Сталину от 5 ноября 1941 г. Замечу, что в «Хронике…» в докладе были сделаны купюры.

«Положение Севастополя под угрозой захвата… Противник занял Дуванкой – наша первая линия обороны прорвана, идут бои, исключительно активно действует авиация… Севастополь пока обороняется стойко частями флота, гарнизона моряков. Прорвав фронт в районе Ишуня, противник рассеял крымские армии, остатки которых до сих пор бродят по горам Ай-Петри. Противник занял Евпаторию, Феодосию, Алушту и другие пункты. Севастополь до сих пор не получил никакой помощи армии. Мною брошено все, что было на оборону базы. Резервов больше нет. Одна надежда, что через день-два подойдут армейские части: если этого не будет, противник ворвется в город. Исходя из обстановки, мною было написано два донесения о положении и принятых мерах. Несмотря на столь серьезное положение, я до сих пор не получил никаких руководящих указаний от своего Наркома. Как же действовать в данной обстановке? Правильно я действую или нет? Утверждены мои мероприятия или нет? Докладываю третий раз, прошу подтвердить, правильны ли проводимые мной мероприятия. Если вновь не будет ответа, буду считать свои действия правильными… Если обстановка позволит довести дело эвакуации до конца, после выполнения намеченного плана ФКП [173] флота будет переведен в Туапсе, откуда будет осуществляться руководство флотом и боевыми действиями на Черноморском и Азовском театрах".

Под «намеченным планом» Октябрьский подразумевал практически полный отвод на Кавказ кораблей, авиации, зенитной артиллерии, всех запасов, мастерских и судоремонтного завода. Фактический командующий ЧФ пытался максимально отдалиться от вопросов обороны города, поскольку не верил в ее успех и боялся ответственности за провал. Не приходится сомневаться, что полное осуществление этого замысла привело бы к падению Севастополя, даже при условии храброй обороны его немногочисленными наземными войсками". [174]

Тут мне бы не хотелось «вешать всех собак» на Филиппа Сергеевича. За постановку мин у Севастополя нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов несет еще

большую ответственность, чем Октябрьский.

А вот в ночь на 7 ноября 1941 г. Кузнецов отправляет вице-адмиралу Левченко в Севастополь директиву Ставки Верховного Главнокомандования № 1882, в которой говорилось: «Часть зенитной артиллерии из оставленных районов использовать для усиления ПВО Новороссийска… Эвакуировать из Севастополя и Керчи на Кавказ все ценное, но не нужное для обороны». [175]

Это как понимать? Зенитную артиллерию надо направить в Новороссийск, но в то же время оставить в Севастополе все нужно для обороны. А что, зенитная артиллерия не нужна для обороны СОРа?

Предвижу возражения, мол, подписал директиву № 1882 ни один Кузнецов, первой стоит подпись Сталина. Но когда немцы стояли в нескольких километрах от Москвы и Ленинграда, мог ли Верховный главнокомандующий вникать в вопросы передислокации отдельных зенитных батарей? Он доверял авторитету Кузнецова. И зря!

Глава 6 Крым готовится к обороне

21 августа 1941 г., на 61-й день войны, Адольф Гитлер подписал директиву № 441412/41, которая фактически должна была стать для верховного командования сухопутных войск планом ведения русской кампании. Там говорилось:

"Предложение главного командования сухопутных войск от 18 августа о продолжении операции на Востоке расходится с моими планами. Я приказываю следующее:

Важнейшей задачей до наступления зимы является не захват Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на реке Донец и блокирование путей подвоза русскими нефти с Кавказа…

Захват Крымского полуострова имеет первостепенное значение для обеспечения подвоза нефти из Румынии. Всеми средствами, вплоть до ввода в бой моторизованных соединений, необходимо стремиться к быстрому форсированию Днепра и наступлению наших войск на Крым, прежде чем противнику удастся подтянуть свежие силы". [176]

За четыре дня до директивы Гитлера советское командование в Крыму получило директиву Сталина. Я приведу ее полностью, естественно, не из пиетета перед Верховным, а ввиду ее чрезвычайной важности для обороны полуострова. В директиве приказывалось:

"1) Для обороны Крыма сформировать 51-ю отдельную армию (на правах фронта), с непосредственным подчинением Верховному Главнокомандованию. Штаб армии иметь в районе Симферополя.

2) На армию возложить задачи:

а) не допускать врага на территорию Крымского полуострова с суши, моря и воздуха;

б) удерживать Крымский полуостров в наших руках до последнего бойца;

в) действиями Черноморского флота воспретить подход и высадку на Крымский полуостров десантов противника.

3) В боевой состав войск вновь сформированной 51-й армии включить 106-ю, 156-ю, 271-ю и 276-ю стрелковые дивизии; 40-ю, 42-ю и 48-ю кавалерийские дивизии.

4) Командующему 51-й армией в оперативном отношении подчинить Черноморский флот, в отношении выполнения задач, касающихся обороны Крыма.

5) Военному Совету 51-й армии:

а) за счет призыва людских ресурсов Крыма до 1895 г. включительно сформировать две-три стрелковых дивизии и необходимое число бронеплощадок.

б) немедленно развернуть с привлечением местного населения инженерные работы по усилению обороны территории полуострова, прочно закрыв, в первую очередь, пути на полуостров, фронтом на север, на рубежах: Юзкуй, ст. Ново-Алексеевка, Люблинка на Чонгарском перешейке.

Перво-Константиновака и «свх» на Перекопском перешейке, северная оконечность Арабатской стрелки, Тюп-Джанкой, ст. Сивыш, Таганаш, Джейтуган, Камышевка, Рулевка, Уржин и Ишунь;

в) очистить немедленно территорию полуострова от местных жителей – немцев и других антисоветских элементов;

г) для организации обороны Крыма использовать все материальные средства территории полуострова; все ценное и ненужное для обороны эвакуировать". [177]

Перед самым началом войны из Краснодара в Симферополь были передислоцированы Управление отдельного 9-го стрелкового корпуса, вновь сформированная на Северном Кавказе 106-я стрелковая дивизия, 73-й отдельный батальон связи, 19-й отдельный саперный батальон. Там в состав корпуса вошли 156-я стрелковая и 32-я кавалерийская дивизии. Командовать корпусом был назначен участник Первой мировой войны и боев в Испании генерал-лейтенант П.И. Батов. Корпус предназначался главным образом для противодесантной обороны. 106-я стрелковая дивизия должна была оборонять район Евпатории, 156-я – район Феодосии, а 32-я кавалерийская дивизия находилась в резерве в районе Симферополя. Корпусных артиллерийских частей еще не было. В Симферополе находилось интендантское военное училище и в Каче – авиационное училище, которое готовило летчиков-истребителей.

17 августа Военный Совет Черноморского флота получил из Москвы от наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова сообщение: «По агентурным данным, немцы готовят десант в Крым из румынских и болгарских портов, и десант будет поддержан авиацией, действующей из района Николаева». [178]

Ну, допустим, малограмотная «агентура» клюнула на фальшивку, так неужели Николай Герасимович со товарищами из Наркомата могли всерьез предположить, что четыре румынских эсминца смогут прикрыть от пяти крейсеров, десяти эсминцев, подводных лодок и торпедных катеров армаду транспортов, перевозящих большой немецкий десант. А ведь для занятия

Крыма требовались войска, по меньшей мере, корпуса! И после этого у нас Кузнецов считается великим флотоводцем!

В результате большая часть сил 51-й армии была сосредоточена вдоль побережья, а не у Перекопа и Чонгара.

С 15 августа по 9 сентября 1941 г. из Крыма в Ставропольский край было выселено около 50 тысяч немцев, а вместе с лицами, состоящими с ними в браке, 61 184 человека.

К 4 июля мобилизация первой очереди личного состава в Крыму была завершена. Призвали около 10 тысяч коммунистов, то есть более трети состава областной партийной организации. Из 153 тысяч трудоспособных колхозников было мобилизовано 43 тысячи (около 30 %).

В 1987 г. Академия наук выпустила претенциозный труд А.В. Басова «Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945». Там говорится: «Не было случаев уклонения от явки на призывные пункты или самовольных уходов. Все свидетельствовало об организованности населения, его патриотизме и высоком политико-моральном подъеме». [179]

На самом же деле практические все мобилизованные крымские татары после вторжения немцев на полуостров попросту дезертировали.

К сожалению, не сохранились или хранятся в совершенно секретных архивах документы, показывающие реальную ситуацию в Крыму в июле-октябре 1941 г. Поэтому автору приходится пользоваться бравыми мемуарами наших военных и гражданских начальников.

24 июня 1941 г. Совнарком принял постановление «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов» для борьбы с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе. Организация этих батальонов, их вооружение, обучение и руководство боевой деятельностью возлагалось на управление НКВД районов. Батальоны эти формировались только из надежных проверенных людей из числа партийного, комсомольского и советского актива.

Всего в Крыму было создано 33 истребительных батальона. В каждом батальоне по штату должно было числиться 205 человек в составе двух стрелковых рот или кавалерийских эскадронов.

17-й истребительный батальон Старокрымского района обеспечивал город, 11 сельсоветов, 34 колхоза, где до войны проживало около 21 тысячи человек. Батальон имел общевойсковую организацию – стрелковую роту, кавалерийский эскадрон и взвод связи.

22-й истребительный батальон был создан в Кировском районе. Он состоял из двух стрелковых рот и взвода связи и имел на вооружении 220

винтовок старых образцов, ручной пулемет, три пистолета ТТ, 100 гранат и 5 автомашин. Штаб 22-го батальона находился во Владиславовке.

Основной задачей истребительных батальонов ставилась борьба с воздушными, а также морскими десантами противника. (Везде мерещились жуткие призраки линкоров Дуче!). В оперативном отношении истребительные батальоны подчинялись командирам соединений Красной Армии по территориальному расположению.

В конце августа 1941 г. личный состав батальонов с казарменного положения был переведен на квартирное и снят с централизованного довольствия.

7 июля 1941 г. вышел приказ Наркомата здравоохранения о массовой подготовке медицинских сестер и санитарных дружинниц. Около двух тысяч девушек, в основном комсомолок, окончили в Крыму курсы медсестер и были направлены на фронт. Почти 6 тысяч комсомольцев помогали ухаживать за ранеными и больными в бывших крымских здравницах, теперь превращенных в госпитали.

На предприятиях Севастополя, Симферополя и Керчи было срочно начато производство минометов. До ноября 1941 г. включительно предприятия Крыма выпустили 2 тысячи ротных 50-мм минометов и 70 тысяч мин к ним, более 800 батальонных 82-мм минометов и 60 тысяч мин. Было изготовлено 40 тысяч противотанковых гранат, 300 тысяч ручных гранат, 50 тысяч противотанковых мин и 150 тысяч противопехотных мин. В Керчи наладили производство зажигательной смеси.

Осенью 1941 г. в Крыму было сформировано 7 бронепоездов. Три из них оборудовали на Севморзаводе («Орджоникидзевец», «Войковец» и «Железняков»). Бронепоезд № 74 был оборудован на заводе им. Войкова, бронепоезд «Смерть фашизму» – в железнодорожной мастерской станции Сараголь (сейчас станция Айвазовская), а «Горняк» – на Камыш-Бурунском железорудном комбинате. Установить название седьмого бронепоезда мне не удалось.

В первых числах сентября началось формирование дивизий народного ополчения. 1-я, 2-я и 3-я Крымские стрелковые дивизии создавались в Феодосии, Евпатории и Симферополе соответственно. 4-я Крымская дивизия формировалась на южном берегу Крыма в районе Судак – Балаклава. В ее составе кроме трех тысяч ополченцев имелось некоторое количество пограничников. Позже эти дивизии народного ополчения были переформированы в стрелковые дивизии и получили номера 320-я, 321-я, 172-я и 184-я соответственно.

Работы по созданию укреплений на Крымском перешейке начались

лишь в августе 1941 г. 18 августа Октябрьский доложил Кузнецову, что, "несмотря на то, что еще 14 июля и 2 августа им ставился вопрос перед командиром 9 стрелкового корпуса об усиленном строительстве оборонительных сооружений на севере Крыма, в настоящее время ведутся оборонительные работы только на Перекопе и в районе Чонгарского моста. Сиваш для пехоты и танков проходим, местами совершенно осыхает, но никаких оборонительных сооружений на побережье Сиваша не велось. Качество работ очень низкое.

На Перекопе окопы вырыты в одну линию, без необходимой глубины обороны. Проволочные заграждения в ряде мест проведены в один кол. Начата постройка пяти-шести дотов. Работал лишь одни саперный батальон. Местное население привлечено недостаточно. Руководство работами осуществлялось второстепенными исполнителями". [180]

В заключении командующий Черноморским флотом сделал вывод, что существующее положение со строительством оборонительных рубежей Перекоп – Сиваш – Чонгар недопустимо. Такой оборонительный рубеж для противника серьезной преградой не будет. Октябрьский попросил Кузнецова срочно доложить Сталину о состоянии дел на Перешейке.

Черноморский флот располагал несколькими десятками «свободных» пушек среднего калибра (100-152-мм). Под «свободными» я подразумеваю орудия, находившиеся на складах, а также на тех береговых батареях, которые не могли быть использованы в этой войне. К августу 1941 г. немцы захватили Прибалтику, бои шли на Лужском рубеже, немцы форсировали в нескольких местах Днепр и шли к Перекопу. Что нужно было делать с этими пушками? Ответ очевиден даже для хорошиста-старшеклассника – отправить их на Перекоп и побережье Сиваша или на укрепление сухопутной обороны Севастополя.

Но нарком Кузнецов и адмирал Октябрьский и в августе продолжали игру в виртуальный флот дуче. В августе 1941 г. формируется Каркинитский сектор береговой обороны Главной базы (КСБО). В состав сектора вошли:

– управление КСБО;

– стационарная батарея № 17 (три 130-мм орудия) на Бакальской косе (ныне село Стерегущее);

– подвижная батарея № 725 (четыре 152-мм МЛ-20 на мехтяге) в городе Армянске;

– стационарная батарея № 27 (три 152/45-мм орудия) в Ярылгаче;

– стационарная батарея № 28 (четыре 152/45-мм орудия) в Ак-Мечети (ныне поселок Черноморское);

– подвижная батарея № 727 (четыре 152-мм МЛ-20) в Ишуни;

– стационарная батарея № 124 (три 152/45-мм орудия) в п/о Литовском;

– стационарная батарея № 121 (четыре 152/45-мм орудия) в деревне Брулевке.

Командиром Каркинитского сектора был назначен полковник Е.Т. Просянов.

Обратим внимание: часть батарей могла действовать на Перекопе, а стационарные батареи № 717, 27 и 28 предназначались для действий против кораблей виртуального противника. Благо, раз супостат виртуальный, то его линкоры и крейсера запросто могли плавать по мелководному Каркинитскому заливу.

Но этого нашим адмиралам показалось мало. По всему крымскому побережью были поставлены береговые батареи:

– стационарная батарея № 26 (три 130-мм пушки) на мысе Чауда в Феодосийском заливе;

– стационарная батарея № 32 (три 130-мм пушки) на мысе Киик-Атлама у поселка Орджоникидзе в 6 км восточнее Коктебеля;

– стационарная батарея № 735 (четыре 100-мм пушки) в Судаке;

– стационарная батарея № 478 (четыре 100-мм пушки) в Судаке;

– стационарная батарея № 4 (три 102-мм пушки) в Евпатории.

10 октября Военный совет Черноморского флота доложил наркому Кузнецову, что в связи с прорывом противника на нашем Южном фронте и захватом почти всего северо-западного побережья Азовского моря, а также в связи с подготовкой противника к захвату Крыма для Черноморского флота необходимо утвердить следующие мероприятия:

1. Организовать сектор береговой обороны Азовской военной флотилии в пунктах:

а) на косе Очаковской, где поставить три 130-мм орудия, сняв для этой цели два орудия с плавбатареи № 3 и одну пушку с батареи № 242;

б) на косе Сазальникской, куда перевести батарею № 717 с косы Бакальской (130-мм орудия);

в) на косе Долгой, куда перевести батарею № 718 с Тендры (130-мм орудия);

г) в городе Ейске, куда перевести батарею № 232 из района главной базы (100-мм орудия);

д) в порту Ахтари, куда перевести батарею № 242 из района главной базы (130-мм орудия). [181]

«Народный Комиссар ВМФ 11 октября одобрил эти мероприятия, за

исключением одного, – он не дал согласия на снятие батареи в Каркинитском заливе; кроме того, он предложил для укрепления ПВО у побережья Азовского моря и базы Туапсе использовать зенитные части СОР». [182]

Таким образом, Октябрьский попросил, а Кузнецов разрешил снять 130-мм пушки Б-13 с плавбатареи № 3, стоявшей в Севастополе, и вывести из Севастополя 130-мм батарею № 242 и 100-мм батарею № 243. Зачем? Оборонять побережье Азовского моря от того же злодея Муссолини.

Мне в очередной раз совестно утомлять читателя дислокацией отдельных батарей, но как иначе избежать многочисленных обвинений в очернительстве деятельности наших героических адмиралов? Хотя, честно говоря, со мной лампасники в основном предпочитают спорить не цифрами и фактами, а исключительно на эмоциональном уровне. И что самое забавное, делать это в казенных кабинетах и в казенное время, то есть за счет налогоплательщиков, включая меня и моих читателей.

Все же часть стационарных батарей в августе – начале сентября 1941 г. была размещена на Крымском перешейке. Среди них были:

– батарея № 121 (четыре 152/45-мм пушки Кане) на берегу Сиваша у села Брулевка (в 15–16 км к юго-востоку от железнодорожной станции Армянск);

– батарея № 122 (четыре 120/50-мм пушки) в 8 км на северо-запад от железнодорожной станции Таганаш (Соленое Озеро);

– батарея № 123 (четыре 130-мм пушки) у деревни Тюп-Джанкой (ныне Предмостное) в восточной части Сиваша;

– батарея № 124 (четыре 130-мм пушки) на полуострове Литовский в 6 км западнее железнодорожной станции Армянск;

– батарея № 125 (три 130-мм пушки) на Чонгарском полуострове;

– батарея № 126 (три 120/50-мм пушки) у деревни Средний Сарай;

– батарея № 127 (четыре 100-мм пушки) у деревни Геническая Горка (урочище Геническое) на Арабатской стрелке.

Между Ишунью и Армянском находилась и подвижная батарея № 724 (четыре 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20).

Все стационарные батареи, за исключением 126-й, были сведены в 120-й отдельный Чонгарский артиллерийский дивизион береговой обороны под командованием капитана В.Ф. Моздалевского. В распоряжение51-й армии был передан флотский бронепоезд «Орджоникидзе» под командованием капитана С.Ф. Булыгина.

Понятно, что этих орудий было недостаточно для прикрытия перешейка. Еще хуже было то, что пушки ставились без инженерной

подготовки позиций. Высота орудия на временном бетонном или деревянном основании составляла около двух метров без щита и около 3,5 метров со щитом. Установленные на равнинной местности, почти не замаскированные от наземного и воздушного наблюдения, орудия хорошо просматривались с суши и воздуха и представляли прекрасную мишень для неприятельской артиллерии и авиации.

На строительство укреплений на Перешейке было согнано несколько тысяч местных жителей. Крымский обком из ресурсов народного хозяйства выделил 3886 кубометров лесоматериалов, 108 т цемента и много других стройматериалов.

Ко времени подхода немцев командующий 51-й армией генерал-полковник Ф.И. Кузнецов предельно рассредоточил свои силы, ориентируясь в первую очередь на морские и воздушные десанты супостата. В итоге с севера Крым защищали примерно 30 тысяч солдат, из них 7 тысяч на Перекопе. Около 40 тысяч были разбросаны по всему побережью, и до 25 тысяч находились в центральной части полуострова.

По приказанию Ф.И. Кузнецова, изданному после выхода немецких войск на западный берег Днепра в район Каховки, три дивизии 9-го корпуса были выдвинуты на север: 276-я дивизия (под командованием генерал-лейтенанта И.С. Савинова) на Чонгарский полуостров и Арабатскую стрелку, 106-я дивизия растянулась на 70 км по южному берегу Сиваша на Перекопские позиции. Три кавалерийские дивизии – 48-я под командованием генерал-майора Д.И. Аверкина, 42-я (полковник В.В. Глаголев) и 40-я (полковник Ф.Ф. Кудюров) – имели противодесантные задачи; 271-я дивизия под командованием полковника М.А. Титова находилась на противодесантной обороне в районе Симферополя; четыре сформированные в Крыму дивизии – 172-я моторизованная полковника И.Г. Торопцева, 184-я полковника В.Н. Абрамова, 320-я полковника М.В. Виноградова, 321-я полковника И.М. Алиева – ставились на оборону побережья.

Все танки 51-й армии имелись только в 172-й моторизованной дивизии в 5-м танковом полку. Там было 10 танков Т-34 и 56 плавающих танков Т-37 и Т-38, ранее принадлежавших 4-му воздушно-десантному корпусу и вывезенных в Крым на ремонт.

В Крыму базировалось около 82 самолетов ВВС Черноморского флота (53-я авиабригада и 9-й истребительный авиаполк), а также группа бомбардировщиков Краснодарских курсов усовершенствования ВВС (39 самолетов СБ, 9 самолетов ДБ-3). ВВС собственно 51-й армии состояли из 82-го и 247-го истребительных авиаполков.

Глава 7 Бои за Перекоп

12 августа немецкие части форсировали Днепр в нескольких километрах выше Херсона в районе города Алешки. [183]

Подавляющее большинство частей советской 9-й армии бежало на восток. П.И. Батов писал: «С гребня Перекопского вала, особенно в ясную погоду после дождя, открывался хороший обзор на 15–20 километров. В сухое время проклятая крымская пыль кого угодно ввела бы в заблуждение – едет одна повозка, а в воздухе такая пылевая завеса, будто дивизия на марше. Но с 3 сентября пошли дожди, и в бинокль можно было видеть, как вдалеке мимо наших позиций движется с запада и уходит по северному берегу Сивашей бесконечный поток воинских частей. Это отходила 9-я армия. Ни одно подразделение не повернуло в Крым. И не могло сделать этого. У них была другая задача: прикрыть подступы к Донбассу». [184]

Странная логика. Главной задачей 11-й армии был Крым, а затем Кавказ, но никак не Донбасс. Что такое Донбасс? Это не только шахты, а и сгусток железных дорог. Туда без проблем за считанные дни можно было перебросить десятки дивизий. А вот переброска войск в Севастополь морем была крайне сложна даже без советских мин и германских бомбардировщиков. Да и из Севастополя дивизии шли до Перекопа дольше, чем дивизии с Урала до Донбасса по железной дороге. Казалось бы, что мешало уставшим дивизиям 9-й армии пройти Перекоп и, отдохнув несколько дней, влиться в ряды защитников Крыма?

Увы. Среди советских историков не нашлось Талейрана, который бы сказал об отходе 9-й армии на восток: «Это хуже, чем преступление, это – ошибка».

Рано утром 12 сентября передовые отряды немцев подошли к Перекопу. Это хорошо описал Пауль Карель: "Во главе наступления следовали мотоциклисты и бронемашины разведки полка «Лейбштандарт Адольф Гитлер». За ними следовали передовые соединения 73-й пехотной дивизии. Штурмбанфюрер Майер, находившийся среди солдат своей головной роты, разглядывал горизонт в бинокль. Ничего – нигде никакого движения. Вперед. Мотоциклетный взвод фон Бюттнера двигался вдоль берега в направлении Адамани, откуда просматривалась территория слева и справа от Турецкого вала. Вдруг, точно духи ниоткуда, на горизонте появилось несколько всадников, которые мгновенно вновь исчезли, – советский дозор.

Требовалась бдительность.

– Рассредоточиться!

Тишина настораживала. Мотоциклисты встали на подножки с левой стороны своих машин, чтобы спешиться в любой момент, не теряя ни секунды. Стрелки в колясках перенесли тяжесть тела вправо и изготовились к прыжку на землю.

Был седьмой час утра. Мотоциклетная часть под командованием командира группы Вестфаля осторожно приближалась к первым домам Преображенки. Она располагалась поблизости от главной дороги из Берислава к Перекопу. Из села выходило стадо овец. Вестфаль помахал рукой пастуху:

– Убери стадо с дороги, парень. Мы спешим!

Но татарин, похоже, не понял. Или не захотел понимать? Вестфаль открыл дроссельную заслонку своего мотоцикла и под надсадный рев двигателя помчался прямо на стадо. Овцы перепугались, заблеяли и бросились врассыпную. Пастух что-то закричал и послал за ними собаку. Все без толку. Овцы бежали прочь от дороги. Через мгновение засверкали вспышки пламени, раздался грохот взрыва. Овцу разорвало на куски. Стадо выбежало на минное поле. Точно мало было рвущихся повсюду мин и жалобного предсмертного блеяния умиравших овец, внезапно открыла огонь вражеская артиллерия. Фугасы падали и рвались в деревне и около нее. Мотоциклисты спешились и побежали к Преображенке по дороге на Перекоп. Внезапно впереди путь им преградила настоящая стена огня. На противоположном конце села, всего в нескольких сотнях метрах от передовой немецкой части, стоял советский бронепоезд: он осыпал снарядами и поливал пулеметными очередями роты Майера и Штиффатера. Последствия были ужасны.

– В укрытие!

Солдаты лежали, прижавшись к земле. Пули свистели у них над головами. Но это стрелял, как скоро стало ясно, не бронепоезд: стреляли русские пехотинцы из хорошо замаскированных окопчиков и траншей всего в каких-нибудь 50 метрах впереди.

Штурмбаннфюрер Майер приказал своим отступить из Преображенки. Бронемашины разведки открыли огонь по бронепоезду из 20-мм пушек, чтобы дать возможность другим отойти под прикрытием дымовой завесы. Тем временем солдаты из 2-й роты Майера выкатили 37-мм противотанковую пушку и тоже принялись обстреливать поезд. Но не успели они сделать и нескольких выстрелов, как орудие было поражено прямым попаданием. Полетели в разные стороны куски железа, и грохот

металла заглушил крики людей.

Сам Майер тем временем вместе со связными перебежками прокрался к дальнему концу села. Отсюда он мог видеть основательно подготовленную оборону противника на Перекопе – окопы, колючая проволока, бетонные доты. Он понял, что осуществить внезапный прорыв здесь не удастся. Еще одна попытка, и от соединения ничего не останется. Группенфюрер Вестфаль, который пробрался вперед вместе с Майером, вдруг позвал санитара. Вестфалю оторвало руку взрывом. Справа и слева от него валялись убитые и раненые солдаты его группы.

– Убираемся отсюда, – повторил штурмбаннфюрер Майер и дал сигнал к отходу.

Связные отправились передавать приказ. Заревели моторы приближавшихся сзади мотоциклов. Не задерживаясь, разведчики погрузили раненых и тела убитых товарищей в коляски и тут же умчались прочь. Бронемашины разведки поставили дымовую завесу на подходе к Преображенке, чтобы противник не видел их маневра. Под прикрытием дыма роттенфюре [185] Гельмут Бальке трижды отправлялся на передовую, чтобы забрать раненых. Последнего, унтерштурмфюрера [186] Рерля, Майер притащил на себе. Снарядный осколок разворотил Рерлю спину. Он умер на руках командира.

Первая попытка 11-й армии ворваться в Крым с ходу передовыми частями 54-го корпуса провалилась. Часом позже генерал-лейтенант Билер, командир 73-й пехотной дивизии, прочитал донесение Майера и Штиффатера: «Взять Перекоп с ходу не получится. Подробный рапорт о боевом столкновении прилагается»". [187]

12 сентября артиллерия Черноморского флота впервые открыла огонь по врагу на Перекопском перешейке. 725-я подвижная батарея (четыре 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20) обстреляла «скопление живой силы противника и уничтожила наблюдательный пост».

На войне случайность часто определяет ход истории. В тот же день, 12 сентября, недалеко от Перекопа при посадке взорвался на русской мине маленький связной самолетик «Физилер Шторх». [188] На нем вместе с пилотом погиб командующий 11-й армией генерал-полковник фон Шоберт.

Через полчаса в палатке командующего 56-м танковым корпусом генерала-полковника Манштейна зазвонил телефон. Командующий армией генерал-полковник Буш без предисловий зачитал телеграмму ОКХ: [189] «Немедленно направить генерала пехоты фон Манштейна в распоряжение группы армий „Юг“ для принятия командования 11-й армией».

Эрих Манштейн родился в Берлине в 1887 г. Потомственный военный.

В 1913–1914 гг. учился в Военной академии, в 1914–1918 гг. воевал на Восточном фронте, затем в Сербии, а закончил войну на Западном фронте. В 1939 г. в ходе Польской кампании Манштейн – начальник штаба группы армий «Юг» (командующий фон Рундштедт). Затем группа армий была переброшена во Францию.

В русской кампании Манштейн отличился, командуя 56-м танковым корпусом, который совершил стремительный рейд из Восточной Пруссии через Двинск (Даугавпилс) до озера Ильмень.

17 сентября 1941 г. Манштейн прибыл в Николаев и принял командование 11-й армией.

К 1 сентября 1941 г. в составе 11-й германской армии находились: 30-й армейский корпус генерала Зальмута (22-я, 72-я, 170-я пехотные дивизии), 54-й армейский корпус генерала Ганзена (46-я, 50-я, 73-я пехотные дивизии), 49-й армейский корпус генерала Коблера (1-я и 4-я горнострелковые дивизии).
Командованию 11-й армии с 16 сентября была подчинена 3-я румынская армия в составе 5-й, 6-й и 8-й кавалерийских бригад. [190] А 10 сентября прибыла моторизованная дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер». [191]

Румынскими войсками Манштейн командовал впервые, поэтому небезынтересно узнать его первые впечатления. "Штаб 11-й армии составлял как бы связующее звено между маршалом Антонеску и командованием группы армий и консультировал Антонеску по текущим вопросам. Однако к моменту моего прибытия получилось так, что Антонеску сохранил в своем распоряжении только 4-ю румынскую армию, которая вела наступление на Одессу. 11-я армия, находившаяся теперь в непосредственном подчинении штаба группы армий, получила в свое распоряжение для дальнейшего движения на восток 3-ю румынскую армию…

Что касается румынской армии, то она, несомненно, имела существенные недостатки. Правда, румынский солдат, в большинстве происходящий из крестьян, сам по себе непритязателен, выносил и смел. Однако низкий уровень общего образования позволял только в очень ограниченном объеме подготовить из него инициативного одиночного бойца, не говоря уже о младшем командире. В тех случаях, когда предпосылки к этому имелись, как, например, у представителей немецкого меньшинства, национальные предрассудки румын являли препятствием к продвижению по службе солдат-немцев. Устарелые порядки, как, например, наличие телесных наказаний, тоже не могли способствовать повышению

боеспособности войск. Они вели к тому, что солдаты немецкой национальности всяческими путями пытались попасть в германские вооруженные силы, а так как прием их туда был запрещен, то в войска СС.

Решающим недостатком румынских войск было отсутствие унтер-офицерского корпуса в нашем понимании этого слова. Теперь у нас, к сожалению, слишком часто забывают, скольким мы были обязаны нашему прекрасному унтер-офицерскому корпусу.

Немаловажное значение имело далее то, что значительная часть офицеров, в особенности высшего и среднего звена, не соответствовала требованиям к военным этого уровня. Прежде всего не было тесной связи между офицером и солдатом, которая у нас была само собой разумеющимся делом. Что касается заботы офицеров о солдатах. то здесь явно недоставало «прусской школы».

Боевая подготовка из-за отсутствия опыта ведения войн не соответствовала требованиям современной войны. Это вело к неоправданно высоким потерям, которые в свою очередь отрицательно сказывались на моральном состоянии войск. Управление войсками, находившееся с 1918 года под французским влиянием, оставалось на уровне идей Первой Мировой войны". [192]

Сразу по прибытии в Николаев Манштейн понял невозможность выполнения 11-й армией планов верховного командования. Позже он писал: "Задача, поставленная перед армией Главным командованием, нацеливала ее на два расходящихся направления.

Во-первых, она должна была, наступая на правом фланге группы армий «Юг», продолжать преследование отходящего на восток противника. Для этого основные силы армии должны были продвигаться по северному берегу Азовского моря на Ростов.

Во-вторых, армия должна была занять Крым, причем эта задача представлялась особенно срочной. С одной стороны, ожидали, что занятие Крыма и его военно-морской базы – Севастополя возымеет благоприятное воздействие на позицию Турции. С другой стороны, и это особенно важно, крупные военно-воздушные базы противника в Крыму представляли собой угрозу жизненно важному для нас румынскому нефтяному району. После взятия Крыма входящий в состав 11-й армии горный корпус должен был продолжать движение через Керченский пролив в направлении на Кавказ, по-видимому, поддерживая наступление, которое должно было развернуться со стороны Ростова.

У германского Главного командования, следовательно, в то время были еще довольно далеко идущие планы на кампанию 1941 года. Но скоро

должно было выясниться, что эта двоякая задача для 11-й армии была нереальной". [193]

14 сентября германские части вышли на линию Владимирская – Перво-Константиновка – Макаровка. Подвижные батареи Черноморского флота открыли по ним огонь. Батарея № 725 произвела 43 выстрела, а батарея № 727 – 80 выстрелов. В этот день на Арабатской стрелке была отстреляна и введена в строй 100-мм батарея № 127.

Тем временем Манштейн решил собрать силы 11-й армии в кулак и 24 сентября прорвать оборону русских на перешейке.

Чтобы набрать достаточно сил для вторжения в Крым, Манштейну пришлось до минимума оголить свои войска на материке, перебросив на полуостров дивизию «Лейбштандарт» и 49-й горнострелковый корпус. 30-й корпус генерала фон Зальмута, в состав которого входили 72-я и 22-я пехотные дивизии, должен был держаться своими силами на позициях в Ногайской степи, поддерживаемые только румынской 3-й армией. Причем, 22-я пехотная дивизия заняла северный берег Сиваша до Арабатской стрелки.

16 сентября немцы заняли Геническ и, по донесению командира расположенной там морской полевой батареи № 127 двинулись при поддержке танков по Арабатской стрелке. Однако в тот жен день к стрелке подошли канонерские лодки Азовской военной флотилии «Дон», «Рион» (бывшие грязеотвозные шаланды, каждая имевшая на вооружении две 130/55-мм и две 45-мм пушки) и № 4 (вооружение: две 76-мм пушки 34К и две 45-мм пушки) и открыли огонь по германским войскам. [194]

17 сентября подразделения 275-й стрелковой дивизии окончательно очистили от немцев Арабатскую стрелку. В последующие дни у стрелки дежурили несколько кораблей Азовской военной флотилии, которые периодически поддерживали огнем наши войска.

Но Манштейна мало интересовали Арабатская стрелка и Сиваш, бросать своих солдат в «гнилое море» он не собирался. По плану Манштейна 54-му корпусу генерала Хансена предстояло первым делом прорвать оборону противника на Перекопском перешейке фронтальной атакой. Для достижения этой непростой цели Хинсен получил в свое распоряжение всю армейскую артиллерию и части ПВО. В дополнение к двум его пехотным дивизиям – 73-й и 46-й – в оперативное командование Хансена поступила расположенная чуть глубже к тылу 50-я пехотная дивизия. Столь значительными ударными силами вполне можно было пробить фронт шириной всего в 7 км.

24 сентября в 5 часов утра германская артиллерия и минометы

открыли ураганный огонь по советским позициям на Перекопе. Одновременно самолеты люфтваффе наносили удары как по переднему краю обороны, так и на десятки километров вглубь. В 7 часов утра 46-я и 73-я пехотные дивизии перешли в наступление по всему фронту обороны 156-й стрелковой дивизии.

Все советские источники говорят о десятках или даже сотнях германских танков 11-й армии. В свою очередь Манштейн утверждает, что у него вообще не было танков, за исключением 190-го легкого дивизиона штурмовых орудий. В его составе было 18 StuG III Ausf C/D, то есть 7,5-см самоходных установок на шасси танка T-III. И лишь 3 ноября 1941 г. в состав немецкой группировки в Крыму вошел 197-й дивизион штурмовых орудий в составе 22-х StuG III Ausf C/D. Наши генералы любили преувеличивать силы противника, но и немцы столь же любили преуменьшать свои силы. Так что, истина лежит где-то посередине.

А Манштейн действительно в какой-то момент мог остаться без танков, а позже получить их. Мало того, он говорил только о вермахте и не учитывал танки, находившиеся у СС («Лейбштандарт») и у румын.

Но вернемся к наступлению немцев на Перекоп. Наступление на правом фланге вдоль Сиваша быстро захлебнулось. Там заранее были размещены фугасы – морские мины типа КБ, управляемые по проводам. Взрыв фугасов нанес большой урон противнику. Много немцев погибло от огня морских батарей № 124 и № 725.

В ночь на 25 сентября передовые части 156-й стрелковой дивизии были отведены на основной рубеж обороны: дамба, в 4 км юго-восточнее деревни Перво-Константиновка – отдельный дом, расположенный в 1,2 км юго-восточнее отметки 22. С рассветом немецкая авиация усиленно бомбардировала передний край нашей обороны, Турецкий вал и глубину обороны до села Ишунь. В 10 часов утра противник силой до четырех пехотных полков при поддержке более 50 танков и под прикрытием сильного артиллерийского и минометного огня перешел в наступление на основную оборонительную линию Перекопских позиций, нанося главный удар вдоль Перекопского залива. После упорных боев наши части оставили город Перекоп и отошли за Турецкий вал, за исключением третьего батальона 417-го стрелкового полка, саперной роты и двух батарей, которые продолжали вести бой севернее Перекопа в районе Кантемировки.

Контратака 14 танков Т-37 и Т-38, приданных 156-й стрелковой дивизии, не удалась. Все 14 машин были уничтожены.

По приказу Манштейна к Перекопу подошла 50-я пехотная дивизия, прибывшая из района Одессы.

Бестолковое командование Ф.И. Кузнецова и К *о* должен был признать и советский историк Басов. Правда, сделал это он весьма деликатно: «Сложилась редкая в военной практике обстановка. Обороняющиеся в Крыму войска имели 8 стрелковых и 3 кавалерийских дивизии. Противник активно действовал только против одной из них (156-й на Перекопе), где он создал превосходящие силы по пехоте – более чем в 3 раза, по артиллерии – в 5–6 раз и абсолютное господство в воздухе. Две другие советские дивизии (106-я и 276-я) были скованы 22-й немецкой пехотной дивизией, которая демонстрировала готовность наступать по Чонгарскому перешейку и через Сиваш. Еще пять стрелковых и три кавалерийские дивизии были в глубине Крыма в готовности к отражению возможной высадки морских и воздушных десантов. И хотя эти дивизии были недостаточно вооружены и обучены, они могли успешно обороняться на заранее оборудованных рубежах». [195]

Стоит заметить, что в эти отчаянные дни, когда решалась судьба Крыма, наших адмиралов по-прежнему лихорадил «итальянский синдром». Так, 17 сентября нарком ВМФ сообщил Военном Совету Черноморского флота «для сведения, что в Софии 15–16 сентября ожидалось решение турецкого правительства о пропуске в Черное море 10 военных кораблей, купленных Болгарией у Италии». [196]

То есть Болгария должна была фиктивно купить итальянские линкоры, крейсера и эсминцы, и те под болгарским флагом должны были выйти в Черное море. Недаром говорят, что история повторяется дважды: первый раз как трагедия, а второй раз как фарс. В 1914 г. «Гебен» и «Бреслау» были фиктивно куплены Турцией, и это стало трагедией для русского флота, но в 1941 г. дуче не хотел и физически не мог продать свои корабли Болгарии. Любопытно, кто был автором нового фарса – сам нарком, или его кто надоумил?

До весны 1942 г. в Черном море не было ни одного немецкого или итальянского военного корабли или даже торпедного катера, а румынские четыре эсминца и подводная лодка «Дельфинул» ни разу не выходили на советские коммуникации. Так что конвоирование транспортов, которым занималась большая часть Черноморского флота от торпедных и сторожевых катеров до крейсеров включительно, была, как говориться, в пользу бедных. Зато адмирал Октябрьский постоянно ссылался в Москву и командованию фронта на занятость кораблей конвоированием транспортов, мол, некогда и нечем помогать сухопутным войскам.

Что же касается воздушного противника, то зенитное вооружение кораблей конвоев было довольно слабым, и чем гонять их, проще было

поставить в дополнение к 45-мм пушка по четыре-шесть 37-мм автоматов 7-К и дюжину 12,7-мм пулеметов на каждый ценный транспорт. А при необходимости можно было за пару часов переставить 37-мм и 12,7-мм установки с пришедшего в порт транспорта на другой, уходящий в море.

Десантобоязнь дошла до маразма. Так, 8 июля командование 157-й стрелковой дивизии, которая обороняла берега Кавказа от вражеского десанта, приказало артиллеристам обстрелять транспорт «Громов», совершавший обычный рейс по маршруту Туапсе – Новороссийск. [197]

В 7 часов утра 26 сентября две немецкие пехотные дивизии, поддержанные 100 танками (о танках упоминают только советские источники), начали наступление на позиции 156-й стрелковой дивизии. К 11 часам утра немцы заняли Турецкий вал и вышли к Армянску. Тем временем генерал Батов, командовавший советскими войсками на перешейке, поддтянул свежие силы: 383-й полк из 172-й стрелковой дивизии, 442-й полк и 106-й стрелковой дивизии и 865-й полк из 271-й стрелковой дивизии. Эти три полка контратаковали противника. В течение дня 26 сентября город Армянск 4 раза переходил из рук в руки. Немцы тоже сняли с побережья Сиваша какие-то части 22-й пехотной дивизии и ввели их в дело.

К вечеру Армянск остался за немцами. Но в ночь на 27 сентября в Армянск ворвалась 42-я кавалерийская дивизия. В ходе ночного боя из 2 тысяч кавалеристов было убито 500. Рано утром конницу поддержал 442-й стрелковый полк и 5-й танковый полк 172-й дивизии под командованием майора С.П. Баранова. Неприятель был выбит из Армянска. 28 сентября 5-й танковый полк, преследуя врага, перешел Турецкий вал.

Успех контрудара советских войск на Перекопе в значительной степени был обусловлен изменением ситуации в Северной Таврии, где 26 сентября войска 9-й и 18-й армий Южного фронта перешли в наступление севернее Мелитополя.

Как уже говорилось, Манштейн бросил на Перекоп лучшие части своей армии. 30-й немецкий корпус еще кое-как держался, а вот 4-я горная дивизия (немцы иногда именовали ее горной бригадой) румын бросилась бежать. В германском фронте образовалась 15-километровая ничем не прикрытая брешь. Несколько позже побежала и 6-я горная дивизия румын.

Манштейн срочно приказал повернуть назад германский 49-й горный корпус и «Лейбштандарт», двигавшиеся к Перекопу. Кроме того, из района Днепропетровска по 18-й и 9-й армиям был нанесен сильный удар 1-й танковой группой фон Клейста.

7-8 октября немецкие танки вышли к побережью Азовского моря в

районе Мариуполя. В окружение оказалась большая часть войск 9-й и 18-й советских армий. Командующий 18-й армией генерал-лейтенант Смирнов был убит 6 октября, немцы нашли его труп. По германским данным в результате окружения 9-й и 18-й армий их трофеями стали 212 танков и 672 артиллерийских орудия, было взято 65 тысяч пленных. Советские данные об этой операции до сих пор засекречены.

Одним из результатов операции стал запрет командования вермахта на использование в Крыму единственной моторизованной части Манштейна – «Лейбштандарт Адольф Гитлер». «Лейбштандарт» был включен в состав 1-й танковой группы, которая двинулась на Ростов.

А теперь вернемся к событиям в Крыму. 26 сентября Военный Совет Черноморского флота доложил наркому ВМФ, что «командование 51-й армии и местные власти проявляют нервозность, непрерывно требуя помощи… Если противник прорвется через Перекоп или Чонгар, то наши наличные силы с их вооружением не смогут задерживать его дальнейшее продвижение, а все отойдут на Севастополь и Керчь. Военный совет считал целесообразным положить, если потребуется, 50 000 человек, но с Перекопа и Чонгара не отходить». [198]

Утром 26 сентября части 51-й армии попытались перехватить инициативу у немцев. Рано утром 49-я кавалерийская дивизия выбила немцев из Армянска. К утру части 172-й стрелковой дивизии заменили остатки 156-й стрелковой дивизии и заняли линию обороны от Чулга (так в документе, видимо, речь идет о станции Чонгар) до Перекопского залива.

271-я стрелковая дивизия к 17 ч. 30 мин. вышла на рубеж: южная окраина деревни Щемиловка и 2 км севернее Армянска. Дивизия потеряла до 15 % личного состава, причем потери командного состава достигли 50 %. 42-я кавалерийская дивизия к 16 часам вышла к валу в 2 км северо-западнее Армянска, но в 17 ч. 30 мин. под давлением немецкой пехоты, поддержанной сильным минометным и артиллерийским огнем, и бомбовыми ударами авиации, отошла к северо-западной окраине Армянска. Дивизия потеряла до 20 % личного состава.

Военный Совет Черноморского флота приказал командиру Керченской ВМБ немедленно погрузить на железнодорожные платформы 54-й зенитный дивизион и направить его на Перекоп в распоряжение генерал-лейтенанта Батова.

В ночь на 26 сентября морская авиация в составе 7 бомбардировщиков ДБ-2 и 24 гидросамолетов МБР-2 бомбила германские позиции на Перекопе и аэродромы Берислав, Шевченко и Чаплинка.

Днем 12 Пе-2 в сопровождении 22 ЛаГГ-3 снова наносили удар по

войскам противника на Перекопском перешейке. В районе Турецкого вала было выведено из строя 4 орудия, 3 автомашины, подавлена батарея и уничтожены 3 орудия полевой артиллерии и до двух взводов пехоты.

Фрайдорфская группа истребительной авиации бомбила и штурмовала войска противника на Перекопском перешейке и прикрывала наши войска, сделав 53 самолето-вылета. Были уничтожены 10 автомашин, батарея полевой артиллерии, 2 роты пехоты и сбит один Ю-87 противника. Наши потери: 4 самолета не вернулись с задания.

62-й авиаполк перебазировали с аэродрома Ейск на аэродром Кача.

С 13 ч. 30 мин. до 15 ч. 00 мин. авиация противника бомбила наши аэродромы Сарабуз, Кача и Евпатория. На аэродроме Сарабуз было убито 3 и ранено 12 человек, незначительно повреждены 2 ангара, выведены из строя 3 авиамотора и водомасляный заправщик, повреждены одни У-2 и трактор. На аэродроме Кача поврежден один МиГ-3.

Писать о боях за Перекоп очень трудно. Немецкие источники, а также закрытые советские армейские источники и «Хроника…» дают три различные версии одних и тех же событий.

Вот, например, советская армейская версия. «С утра 28 сентября войска оперативной группы снова атаковали противника в районе Щемиловки и севернее Армянска. 5-й танковый полк своими боевыми порядками перевалил за Перекопский вал, перехватил дорогу Чаплинка – Армянск, имея задачей преследовать противника в направлении совхоза „Червоний чабан“. Он вел там бой с тридцатью танками противника, препятствуя переходу вражеских резервов через Перекопский вал. Наши стрелковые части и подразделения захватили часть Перекопского вала к западу от старой крепости, но вынуждены были покинуть его. В ходе боев были зафиксированы свежие части немцев: пленные оказались из 65-го и 47-го полков 22-й пехотной дивизии, а также из 170-й дивизии 30-го армейского корпуса. В контратаках участвовали подошедшие средние танки противника. Войска оперативной группы (кавалеристы, части Торопцева) отходили опять к Армянску. Несколько часов шел бой в районе кирпичного завода и кладбища. Эти пункты переходили из рук в руки. В кавалерийской дивизии остались исправными всего два орудия». [199]

Вариант морской: 28 сентября «в 17 ч. 30 м. немецкая авиация произвела массовый налет на наступающие части 172-й стрелковой дивизии и причинила им большой урон. В 18 ч. 00 м. противник контратаковал наши части свежими силами (до шести батальонов с танками) в направлении Деде и вынудил их отходить. Командующий Оперативной группой приказал отвести 271-ю и 172-ю стрелковые и 42-ю

кавалерийскую дивизии в район Пятиозерья и перейти там к обороне». [200]

Манштейн же утверждает, что танков у него не было. И действительно, к тому времени «Лейбштандарт Адольф Гитлер» был переброшен на Ростов, а для действий в Крыму Манштейн мог привлечь лишь два корпуса: 30-й в составе 22-й, 72-й и 170-й пехотных дивизий и 54-й в составе 46-й, 73-й и 50-й пехотных дивизий (треть 50-й пехотной дивизии еще была под Одессой).

У Манштейна в Крыму был лишь два дивизиона штурмовых орудий. В составе 190-го дивизиона имелось 24 76-мм самоходные установки StugIII, созданные на базе танка T-III. В каждом взводе, состоявшем из двух орудий, имелся один бронированный транспортер боеприпасов Sd.Kfz.253 и одна машина передовых артиллерийских наблюдателей Sd.Kfz.252.

В сентябре в расположение войск 51-й армии прибыл дивизион гвардейских минометов. Первое применение «катюш» в Крыму состоялось 30 сентября между озерами Красное и Старое. Как писал П.И. Батов: "И вот «катюши» сработали. Мощный залп. Огненные струи. Взрывы. Немцы побежали. Наши – тоже. Редкое зрелище «атаки», когда обе стороны бегут друг от друга!

Пересекретничали. Надо было как-то оповестить людей переднего края, чтобы не пугались, если произойдет нечто неожиданное". [201]

30 сентября советские войска покинули Литовский полуостров, а 130-мм батарея № 124 была взорвана.

В ночь на 1 октября 61 гидросамолет МБР-2 бомбил войска противника на Перекопском перешейке и два гидросамолета ГСТ (советская копия летающей лодки «Каталина») – аэродром в Чаплинке.

Днем двенадцать Пе-2 в сопровождении четырнадцати ЛаГГ-3 снова бомбили войска противника на Перекопском перешейке. По советским данным уничтожено свыше батальона пехоты, 33 автомашины, 4 танка, полевая батарея трехорудийного состава, зенитное орудие и 3 бензоцистерны.

С начала октября до 16 октября германское командование производило перегруппировку своих войск, и на Крымском полуострове установилось временное затишье.

Манштейну удалось выбить себе подкрепление в виде 42-го корпуса в составе 132-й и 24-й пехотных дивизий, а также две румынские бригады: горную и кавалерийскую. С 21 сентября Манштейн перенес штаб 11-й армии в здание правления колхоза «Аскания-Нова», которое находилось в 30 км к северо-востоку от Перекопа. Правление располагалось в центре

огромного парка с ручьями и прудами, в которых гнездились цапли и фламинго. В парке паслись олени, лани, антилопы, зебры, зубры и т. д. Замечу, что этот райский уголок, созданный еще до революции, выбрал для размещения штаба и Фрунзе осенью 1920 г., готовясь к штурму Перекопа.

К началу октября состав советских войск изменился мало. Ишуньские позиции обороняла оперативная группа генерала Батова: справа 106-я и 271-я дивизии; в центре 156-я дивизия генерала П.В. Черняева, усиленная одним батальоном капитана С.Т. Руденко из 172-й дивизии и одним полком 321-й дивизии; на левом фланге – 172-я стрелковая дивизия.

3 октября маршал Б.М. Шапошников от имени наркома обороны приказал ускорить оборудование второго рубежа обороны по линии: Новый Букеж – Томашевка – Воинка и далее по реке Чатырлык. Туда же, в район Воинки, была направлена первая прибывшая из Одессы 157-я стрелковая дивизия полковника Д.И. Томилова.

Начальник Генштаба предлагал приступить к строительству третьего тылового оборонительного рубежа по линии: совхоз Тузлы-Шейх-Али – высота 27,7 – Менгермен – Саргил – Тайган – Ени-Крымчак – Андреевка – Камбары – Ашога-Джамин – Саки. По мнению многих инженеров-фортификаторов, предложенный рубеж через степную часть всего Крыма был очень невыгодным для обороны, особенно против превосходящих наши войска по маневренности германских частей.

9 октября последовало указание об ускорении строительства укреплений и в горных проходах: Старый Крым, Карасубазар, Шумхай, Бахчисарай, Симферополь, Ак-Манай.

Северо-восточную часть Крыма Ф.И. Кузнецов хотел оборонять войсками 9-го стрелкового корпуса (в составе 156-й, 271-й, 106-й, 277-й, 157-й стрелковых дивизий, 48-й кавалерийской дивизии и отдельного дивизиона гвардейских минометов капитана Небоженко) под командованием генерал-майора И.Ф. Дашичева.

Северо-западную часть Крыма должна была оборонять Приморская армия генерала И.Е. Петрова, в которую были включены 172-я, 25-я, 95-я стрелковые дивизии; 2-я, 40-я, 42-я кавалерийские дивизии; 51-й и 265-й артиллерийские полки и отдельный дивизион гвардейских минометов под командованием капитана Черняка.

В непосредственном подчинении командующего войсками Крыма оставались 320-я, 184-я и 421-я (бывшая Одесская) стрелковые дивизии, 15-я бригада ПВО, 136-й запасный полк, 52-й гаубичный артиллерийский полк и другие мелкие части. ВВС армии состояли из шести полков – 182-й, 247-й, 253-й истребительные, 21-й, 507-й бомбардировочные и 103-й

штурмовой. Командовал ВВС армии генерал-майор Е.М. Белецкий.

18 октября в 5 часов утра германская артиллерия начала артиллерийскую подготовку на Перекопском перешейке. В дело были введены 21-см мортиры обр. 18, 15-см тяжелые гаубицы и реактивные 15-см минометы Nb.W.41. Через полчаса в наступление пошла германская пехота. Ширина перешейка позволяла ввести в бой только три дивизии 54-го корпуса – 73-ю, 46-ю и 22-ю, а 30-й корпус ждал, пока в ходе наступления будет занято достаточное пространство.

На вспомогательном чонгарском направлении удар с целью сковывания советских войск наносил румынский горнострелковый корпус (1-я горнострелковая и 8-я кавалерийская бригады).

Первый удар немцы нанесли по 106-й стрелковой дивизии, но она отбила все атаки. Затем последовал удар вдоль Каркинитского залива, где оборону держал 361-й пехотный полк 156-й дивизии. За ним на второй позиции по реке Чатырлык занимала оборону на широком 20-километровом фронте 172-я дивизия полковника Ласкина численностью 7 тыс. человек. Все три стрелковые полка 172-й дивизии были вытянуты в одну линию.

Группировка из пяти дивизий (106-я, 271-я, 157-я стрелковые, 48-я и 42-я кавалерийские), расположенная между Ишунем и Чонгаром, могла угрожать прорвавшемуся противнику на любом из двух направлений. В оперативной сводке за первый день боя Военный Совет 51-й армии доносил, что враг вклинился в передний край обороны, понес большие потери.

К исходу 18 октября немцы заняли бромовый завод, деревню Асс и село «Участок № 8».

Флотская авиация делала все, что могла. В ночь на 18 октября 43 гидросамолета МБР-2 бомбили войска противника на Перекопском перешейке, шесть МБР-2 – аэродромы противника в селах Ново-Павловка, Чаплинка и Преображенка и три ГСТ – аэродром в селе Кульбакино, где предположительно был взорван минный склад и возникло восемь пожаров.

В первую половину дня 23 самолета Пе-2 в сопровождении 10 МиГ-3 снова бомбили немецкие войска на Перекопском перешейке. По советским данным уничтожено 10 танков, до пяти взводов пехоты и одна автомашина. Германским истребителем был подбит флотский бомбардировщик Пе-2, который сел горящим в расположение своих войск. Экипаж машины остался невредим.

В тот же день, 18 октября, в районе Балаклавы истребитель МиГ-3 таранил До-215, видимо, разведчик. Оба самолета рухнули в море, но наш

летчик успел выброситься с парашютом и был спасен.

Во вторую половину дня 6 ДБ-3 и 12 Пе-2 в сопровождении 15 МиГ-3, 4 ЛаГГ-3 и 9 Як-1 опять бомбили войска противника на Перекопском перешейке. По советским данным в районе села Кара-Казак № 3 было «уничтожено предположительно до двадцати танков и 30?40 автомашин. Наши истребители прикрытия в воздушном бою сбили два Ме-109. Прямыми попаданиями бомб уничтожены две батареи, 35-тонный танк, [202] два миномета и до трех взводов пехоты противника». [203]

Фрайдорфская группа истребительной авиации сделала 124 самолето-вылета по войскам противника на перекопском направлении и по аэродрому села Чаплинка. В воздушном бою было сбито 6 немецких самолетов, из них 3 Ме-109. Наши потери – 3 ЛаГГ-3.

С 10 ч. 55 мин. до 12 ч. 10 мин. авиация противника совершила интенсивный налет на район села Ишунь и группами от 2 до 15 самолетов бомбила станцию Джанкой. Пятнадцать Хе-111 бомбили район села Джаба.

Утром 19 октября на всем фронте Ишуньских позиций завязались ожесточенные встречные бои. Советские 157-я и 156-я стрелковые дивизии перешли в наступление с целью восстановить утраченные позиции, а немцы пытались развивать успех, достигнутый ими 18 октября. К исходу дня немцы ввели в бой 46-ю пехотную дивизию, а со стороны нашей 51-й армии была введена 48-я кавалерийская дивизия.

В результате боев 19 октября войска 51-й армии занимали положение:

106-я стрелковая дивизия закрепилась на рубеже: северо-западная и западная часть мыса с населенным пунктом Уржин Северный.

271-я стрелковая дивизия – на перешейке между заливом Сиваш и озерами Киятское, Круглое и Красное и выдвинула один батальон к селу «Участок № 9» для обеспечения правого фланга 157-й стрелковой дивизии.

157-я стрелковая дивизия к исходу дня удержалась на рубеже: южное побережье озера Красное – южная окраина села «Участок № 9» – северная окраина села Ишунь.

48-я кавалерийская дивизия заняла рубеж, проходивший от северной окраины села Ишунь, по южной окраине села «Участок № 8» до Каркинитского залива.

156-я стрелковая дивизия, понеся большие потери, к исходу дня отступила разброшенными частями и собиралась в районе населенных пунктов Ишунь, Чигир и Ново-Павловка.

172-я стрелковая и 42-я кавалерийская дивизии оставались на южном берегу реки Чатырлык.

20 октября немцы ввели в бой 50-ю пехотную дивизию, доведя число

дивизий на Ишуньских позициях до четырех. Наши источники трафаретно повторяют рассказ о ста германских танках. Видимо, танков у немцев не было, тем не менее, преодолевая упорное сопротивление наших 48-й кавалерийской и 157-й стрелковой дивизий, противник к 15 часам подошел ко второй оборонительной линии, а к вечеру занял село Ишунь и вклинился во вторую линию Ишуньских позиций. Передовые немецкие части форсировали устье реки Чатырлык. К концу дня 156-я стрелковая дивизия была практически уничтожена.

В первую половину дня 20 октября 9 МиГ-3 и 9 ЛаГГ-3 звеньями бомбили позиции противника на Перекопском перешейке. Уничтожено 2 танка, 9 автомашин, 8 повозок и до двух взводов пехоты.

Во вторую половину дня 8 Пе-2 в сопровождении 20 истребителей 51-й армии бомбили войска противника в районе села Ишунь. Уничтожены 4 танка, 7 автомашин, до 12 повозок и до двух взводов пехоты.

Фрайдорфская группа истребительной авиации, действуя по войскам противника на Перекопском перешейке, произвела 104 самолето-вылета, в которых было уничтожено и выведено из строя до 18 автомашин и до 750 человек пехоты. В воздушных боях сбито пять Ме-109. Наши потери составили один МиГ-3 и один И-5.

21-23 октября на перешейке продолжались упорные бои.

23 октября в 16 ч. 30 мин. в командование войсками Крыма вступил вице-адмирал Г.И. Левченко, назначенный на эту должность решением Ставки Верховного Главнокомандующего от 23 октября 1941 г. Тем же решением Ставки заместителем командующего войсками Крыма по сухопутным частям был назначен генерал-лейтенант П.И. Батов. Заместителем командующего Черноморским флотом по вопросам обороны главной базы был назначен контр-адмирал Г.В. Жуков.

24 октября войска Крыма были разделены на две группы: первая – 9-й стрелковый корпус в составе 276-й, 106-й, 271-й и 156-й стрелковых дивизий и 48-й кавалерийской дивизии; вторая – Приморская армия в составе 157-й, 172-й, 95-й, 25-й стрелковых и 2-й, 40-й и 42-й кавалерийских дивизий.

В соответствии с приказом по войскам Крыма № 0019 от 23 октября и с вводом в бой 95-й стрелковой дивизии и одного полка 25-й стрелковой дивизии Приморская армия в 9 часов утра 24 октября перешла в наступление по всему фронту, нанося главный удар в районе деревни Воронцовка. В задачу 9-го стрелкового корпуса входило прочно оборонять свои рубежи и контратаками содействовать продвижению Приморской армии.

Одновременно с наступлением наших частей противник также перешел в наступление. По всему фронту разгорелись ожесточенные встречные бои, протекавшие с неослабевавшим напряжением в течение всего дня. Особенно ожесточенные бои происходили в районах отметки 18,2 и населенных пунктов Чигир, Берды-Булат-Немецкий и Воронцовка. Части 9-го стрелкового корпуса удерживали свои позиции.

К исходу дня правый фланг Приморской армии отошел к северной окраине деревни Берды-Булат-Немецкий и к южной окраине деревни Воронцовка.

Левый фланг Приморской армии, продвинувшись вперед, вышел на рубеж: мост в 1 км юго-западнее Воронцовки, 1 км южнее населенных пунктов Биюк-Кичкари, Бой-Казак-Татарский и на запад до Каркинитского залива.

25 октября наши части продолжали наступление. Немцы упорно оборонялись. В итоге к концу дня 172-я стрелковая дивизия осталась на прежних позициях, а части 95-й стрелковой дивизии правым флангом вышли к деревне Берды-Булат-Немецкий и до исхода дня вели бой за овладение Воронцовкой. 2-я и 40-я кавалерийские дивизии и два полка 25-й стрелковой дивизии вели бой на прежних рубежах.

О событиях этого дня Манштейн писал: «25 октября казалось, что наступательный порыв войск совершенно иссяк. Командир одной из лучших дивизий уже дважды докладывал, что силы его полков на исходе. Это был час, который, пожалуй, всегда был в подобных сражениях, час, когда решается судьба всей операции. Час, который должен показать, что победит: решимость наступающего отдать все свои силы ради достижения цели или воля обороняющегося к сопротивлению». [204]

К вечеру 25 октября Манштейн произвел перегруппировку войск 11-й армии: вместо обескровленных 73-й и 46-й дивизий бросил в наступление 72-ю, 170-ю и свежую 132-ю пехотные дивизии, из резервов был сформирован сводный отряд 54-го армейского корпуса. Манштейн хотел перебросить на свой правый фланг и 22-ю пехотную дивизию, но она была скована боями на Сиваше и освободилась лишь 28 октября.

Утром 26 октября немцы вновь перешли в наступление. 172-я стрелковая дивизия сразу начала беспорядочно отступать к югу. 95-я стрелковая дивизия держалась до 15 часов, а затем медленно начала отступление. 25-я стрелковая дивизия отбила атаки немцев и осталась на прежних позициях.

27 октября немцы продолжали наступление. Наши части к 18 часам остались на рубеже: южная окраина села Берды-Булат-Немецкий, село

Мангит, деревня Дюрмен, деревня Каланчак, 1 км южнее села Биюк-Кичкары и на запад до Каркинитского залива. Все части Приморской армии понесли большие потери в личном составе. В полках насчитывалось от 200 до 500 человек. Управление войсками было нарушено. Появились блуждающие, разрозненные группы войск, не имевшие связи с командованием и потерявшие ориентировку.

Нависла непосредственная угроза прорыва фронта на левом фланге. По приказанию командования войсками Крыма, части 9-го стрелкового корпуса, за исключением 276-й стрелковой дивизии, также начали отходить на новый рубеж обороны, проходивший по линии населенных пунктов Чучак Северный, Чучак Южный, Каранки, Керлеут Южные, Масниково, Воинка и Ново-Николаевка.

276-я стрелковая дивизия продолжала оставаться на прежних позициях, южнее города Геническ, южнее станции Сальков и по южному берегу залива Сиваш до хутора Пасурман.

28 октября советские войска начали повсеместно отступать. Уже утром Манштейну доложили, что на некоторых участках «противник исчез». Как писал А.В. Басов: "В это время командный пункт оперативной группы П.И. Батова находился в Воронцовке. Связь опергруппы со штабом армии в Симферополе часто нарушалась. С подходом Приморской армии оперативная группа Батова перестала существовать. 172-я стрелковая дивизия перешла в подчинение генерала Петрова, а остальные дивизии – в подчинение командира 9-го корпуса генерала Дашичева. Какой-либо передачи командования от Батова Петрову не было. К тому же связь с дивизиями была нарушена…

Бывший командир 106-й дивизии генерал А.Н. Первушин восклицает в своих мемуарах: «Если бы в этот критический момент нам хотя бы одну свежую дивизию, хотя бы один танковый полк!.. тогда бы наступление немцев сорвалось». [205] У командующего войсками Крыма были, хотя и недостаточно боеспособные, 184, 320, 321, 421-я стрелковые дивизии. На правом фланге располагалась 276-я дивизия генерала И.С. Савина, по существу неатакованная и не связанная боями». [206]

Во второй половине дня 29 октября немцы обошли левый фланг Приморской армии, и к исходу дня их моторизованные колонны вышли в район село Айбары – село Фрайдорф, в 17 км юго-восточнее высоты 52,7 (правого фланга) и в 40 км южнее высоты 11,5 (левого фланга Приморской армии).

7-я бригада морской пехоты, находившаяся в резерве командования войсками Крыма и занимавшая позиции на третьем оборонительном

рубеже в районе населенных пунктов Старый Кудияр, Айбары, Аджи, Атман, Тотман и совхоз Тогайлы, неожиданно для себя очутившаяся в районе движения немецких моторизованных частей, не смогла задержать их.

Вечером командование войсками Крыма приняло решение об отводе войск на третий, частично подготовленный рубеж, проходивший по Крымскому предгорью, через населенные пункты Окречь, Таблды, Челле и Саки.

В тот же день заместитель командующего Черноморским флотом по сухопутной обороне главной базы и начальник Севастопольского гарнизона контр-адмирал Жуков приказом № 02 ввел в Севастополе и его окрестностях осадное положение.

Вечером 30 октября Манштейн приказал 30-м армейскому корпусу в составе 72-й и 22-й дивизий как можно скорее захватить Симферополь и затем прорваться к Алуште, чтобы лишить советские войска возможности занять оборону по северным отрогам гор. 54-й корпус (50-я, 132-я пехотные дивизии, моторизованная бригада Циглера) направлялся по западной части полуострова через район Евпатория – Саки, чтобы затем с ходу захватить Севастополь. 42-му армейскому корпусу в составе 46-й, 73-й и 170-й пехотных дивизий было приказано стремительно продвинуться на Керченский полуостров с тем, чтобы упредить советские войска и не дать им возможность создать оборону на Ак-Манайских позициях и в конечном счете захватить порты Феодосия и Керчь. Горнострелковый румынский корпус в составе двух бригад двигался во втором эшелоне.

30 октября организованное сопротивление советских войск на севере Крыма прекратилось и началось повальное бегство. Кому мои слова покажутся слишком резкими, я отправлю к «Хронике…»: "По отдельным отрывочным сведениям, поступавшим в течение дня, было известно, что в 11 ч. 40 м. 45 автомашин с немецкой пехотой подошли к станции Карагут (10 км севернее Саки). Около 13 часов в районе деревни Икар (12 км севернее Евпатории) противник выбросил воздушный десант, и 40 человек этого десанта двигались к железнодорожной станции Евпатория.

В 13 ч. 10 м. по дороге вдоль западного побережья Крыма между деревнями Ивановка (16 км южнее Саки) и Николаевка, было обнаружено движение четырех танкеток, а в 13 ч. 30 м. по дороге из Евпатории в Симферополь прошли 12 танков противника. В 15 ч. 10 м. немцы заняли город Саки. В 16 часов из деревни Бурлюк по дороге на восток показались бронемашины противника. В 16 ч. 15 м. из штаба ПВО донесли, что противник перерезал шоссе между Симферополем и Евпаторией на 37-м

км". [207]

Глава 8 Как это было у них

Когда речь заходит о бездействии Черноморского флота в период оставления Крыма в конце октября – начале ноября 1941 г. или Севастополя в конце июня – начале июля 1942 г., наши адмиралы, офицеры и военные историки в один голос утверждают, что Октябрьский действовал правильно. Мол, снятие войск с полуострова и их артиллерийская поддержка в 1941 г. не входили в задачу Черноморского флота. И вообще, мол, ни один флот в мире этого никогда не делал. То же самое говорят и о 1942 годе.

Честно говоря, мне эти байки надоели, и приходится отвлечься от темы и рассказать, как это делалось «за бугром».

В конце мая 1940 г. германские войска разгромили союзников и прижали к побережью британскую армию и значительную часть французских войск. Вот передо мной монография О. Роскилла «Флот и война» (М.: Воениздат, 1967) – официальное издание британского адмиралтейства, изданное по решению английской палаты общин: "Во второй половине дня 23 мая поступило приказание эвакуировать Булонь. Для эвакуации были направлены эскадренные миноносцы «Вимьера», «Веномес» и «Венеция». В 18.30 противник подверг порт сильной бомбардировке с воздуха. Через 50 минут над кораблями появились истребители английских военно-воздушных сил. После присоединения к кораблям эскадренных миноносцев «Уайлд Свон» и «Уитшед» все корабли начали входить в гавань. Эскадренные миноносцы «Уитшед» и «Вимьера» вышли первыми и, вступив в артиллерийскую перестрелку с батареями противника, пришвартовались к стенке. Каждый из кораблей принял на борт около 1000 человек, и в 20.20 все они вышли из гавани. Их место тотчас же заняли эскадренные миноносцы «Уайлд Свон», «Веномес» и «Венеция». Противник вновь открыл огонь по кораблям. Ввиду полученных повреждений и ранения командира эскадренному миноносцы «Венеция» пришлось уйти из гавани. Оставшиеся корабли продолжали вести бой весьма необычного характера: скорострельные морские орудия били прямой наводкой по танкам противника и его артиллерийским позициям, находившимся на удалении лишь нескольких сот метров. И без того тяжелое положение осложнялось тем, что орудия французских батарей береговой обороны, своевременно не выведенные из строя, теперь были повернуты в сторону кораблей. Однако эскадренные миноносцы «Уайлд

Свон» и «Веномес» сдерживали войска противника, и посадка людей продолжалась. Примерно в 21.30, имея на борту всего около 900 солдат и продолжая перестрелку с противником, корабли вышли из гавани и благополучно прибыли в Дувр. Число раненых и убитых на кораблях оказалось, как это ни странно, небольшим.

Однако адмирал Рамсей знал, что в городе оставалось еще много людей, и потому послал за ними эскадренный миноносец «Виндзор». В 22.30 эскадренный миноносец прибыл в гавань и принял на борт около 600 человек, включая раненых и диверсионный отряд моряков. Но имелись основания полагать, что на берегу все еще оставались люди, ожидавшие эвакуации. Адмирал Рамсей приказал еще двум эскадренным миноносцам выйти в Булонь, но из них только «Вимьера» достиг гавани. Рано утром 24 мая он вошел в разрушенный порт и пришвартовался к пирсу. К 02.45 этот небольшой корабль принял на борт не менее 1400 человек. Несмотря на перегрузку, он благополучно достиг Англии. Таким образом, из-под самого носа противника было эвакуировано 4360 человек. Около 300 уэльских гвардейцев остались на берегу…

На следующий день (24 мая) адмирал Рамсей усилил группу кораблей в районе Кале эскадренными миноносцами «Грэфтон», «Грэйхаунд» и «Бужа»; эвакуация войск, не участвовавших в боевых действиях, началась.

Эскадренные миноносцы оказывали артиллерийскую поддержку пехотным подразделениям на протяжении всего дня. В результате атак бомбардировщиков противника эскадренный миноносец «Уэссекс» был потоплен, а «Вимьера» и «Бужа» получили повреждения. Следующими в Кале прибыли эскадренные миноносцы «Вулфхаунд» и «Верити» с боеприпасами и морской пехотой для обороны порта. Приняв на борт раненых, они ушли в Англию. В ночь на 25 мая командир бригады получил приказ, в котором говорилось, что войска эвакуированы не будут и что он должен сражаться до последнего солдата. Однако возможность эвакуации, которая могла начаться в самую последнюю минуту, не исключалась. Учитывая крайне запутанную обстановку, что нередко приводило к отмене только что отданных приказаний и изменению составленных планов, адмирал Рамсей решил не отказываться от надежды спасти хотя бы часть гарнизона порта. Поэтому он сформировал и в ночь на 26 мая послал в Кале большую группу яхт, траулеров и дрифтеров; некоторые из них вели на буксире шлюпки. Эти маленькие суда вошли в порт, приняли людей, большей частью раненых, и перебросили их на большие суда, стоявшие на подходах к порту…

Вечером 27 мая положение казалось малоутешительным. Теннант

донес, что эвакуация возможна только с необорудованного побережья, и попросил немедленно выслать все наличные плавсредства, ибо «возможность продолжать эвакуацию вечером следующего дня при имеющихся средствах представляется сомнительной». Адмирал Рамсей приказал направить в Дюнкерк крейсер ПВО «Калькутта», войсковые транспорты, большое число эскадренных миноносцев, тральщики, дрифтеры и произвести посадку людей с побережья, используя для этого все катера и шлюпки, имевшиеся на кораблях. Временный отказ от использования гавани породил слухи о том, что город находится в руках противника. С корабля на корабль передавали отданный якобы приказ не подходить к городу; согласно другому такому же приказу кораблям предлагалось возвращаться в Англию. К полуночи 27 мая было эвакуировано 7669 человек, причем почти всех их посадили в гавани…

Серьезную тревогу вызвала уязвимость крупных быстроходных транспортных судов, обладавших большой грузоподъемностью. Одно из них уже было потоплено(«Куин оф Чаннэл»), а несколько других оказались поврежденными артиллерийским огнем и бомбами. Кроме того, экипажам таких судов, многие из которых участвовали в эвакуации Булони и Кале, требовался отдых. В связи с этим решили использовать крупные транспорты в темное время суток, а эвакуацию днем производить с помощью военных кораблей и малотоннажных судов…

20 эскадренных миноносцев, 19 тральщиков, 17 дрифтеров, 20–40 каботажных моторных судов, 5 пароходов каботажного плавания и много моторных катеров, буксиров, спасательных судов, а также корабельных и судовых катеров и шлюпок продолжали принимать людей с побережья. Принимались меры для сосредоточения еще большего числа катеров со всех рек и портов юга Англии…

29 мая эскадренные миноносцы «Монтроуз» и «Макэй» получили повреждения при столкновении и сели на мель. Эскадренные миноносцы «Уэйкфул» и «Грэфтон» были потоплены торпедными катерами противника, которые в темное время действовали на маршрутах движения кораблей и судов и представляли для нас наиболее серьезную угрозу. Войсковой транспорт «Мона Куин» подорвался на одной из магнитных мин, которые ставились противником на маршрутах перехода судов и в прибрежных водах. Однако наибольший ущерб причинили интенсивные удары с воздуха. Авиация противника потопила эскадренный миноносец «Гринейд» и повредила эскадренные миноносцы «Гэллант», «Ягуар», «Грейхаунд», «Интерепил», «Сэладина» и шлюп «Байдфорд»; потопила транспорты «Норманниа», «Лорина», «Фенелла» и повредила

«Кэнтербьюри». Пошли ко дну также торговое судно «Клан Макалистер», перевозившее восемь штурмовых десантных катеров, досмотровое судно «Кинг Орри» и судно специальной службы «Крестид Игл». Было потоплено (или получило повреждения) много мелких судов. Тем не менее в этот день в Англию удалось доставить 47 310 человек, включая примерно 2000 раненых. Из них 33 558 человек были посажены на суда в гавани, а 13 752 – с необорудованных участков побережья…

30 мая у французского побережья все еще царила неразбериха… Тем не менее в этот день с необорудованного побережья удалось принять рекордное число людей – 29 512, а общее число эвакуированных в этот день достигло 53 823 человек…

31 мая с необорудованных участков побережья удалось эвакуировать 22 942 человека и 45 072 человека из гавани, а всего 68 014 человек…

Эвакуацию предполагалось закончить в наиболее темные часы ночи на 2 июня, используя для посадки как необорудованное побережье в районе Мало, так и гавань. Однако вскоре выяснилось, что в такой срок эвакуировать всех невозможно. Район Мало и все три маршрута в Дувр находились теперь под артиллерийским обстрелом. Однако урон, причиненный нашим кораблям, не оказался очень большим. Поэтому решили продолжать эвакуацию до 07.00 2 июня. Общее число эвакуированных в этот день достигло 64 429 человек. Из них 17 348 человек были взяты на борт с берега и 47 081 – из гавани". [208]

Всего с 20 мая по 4 июня 1940 г. с французского побережья в Англию было эвакуировано 366 162 человека. Почти все британские военнослужащие, оказавшиеся окруженными в районе Дюнкерка, были эвакуированы. Потери союзников составили шесть английских и три французских эсминца, девять транспортов, а также несколько портовых судов, яхт и т. д.

Вот так было у них. Под огнем германских орудий британских эсминцы врывались в гавани и за считанные минуты брали по тысячи и более человек. Десятки тысяч британских и французских солдат были взяты с необорудованного побережья. Свирепствовали германские торпедные катера и авиация, были выставлены сотни германских магнитных мин. Но эвакуация была проведена практически полностью.

Вопрос, изучали ли Октябрьский и Кузнецов итоги операции «Динамо»? У них ведь был год с лишним!

Я уж не говорю о том, что с 12 апреля по 8 мая 1944 г. немцы из Крыма в Румынию морем эвакуировали 64 563 солдата, 9424 раненых, 11 358 гражданских лиц и 4260 военнопленных. И сделано это было в условиях

абсолютного превосходства русских на море и в воздухе.

Глава 9 Как это было у нас

29 октября 1941 г. заместитель командующего Черноморским флотом по обороне главной базы контр-адмирал Г.В. Жуков приказом № 02 объявил в Севастополе осадное положение.

В ночь на 30 октября морские стрелковые части Севастопольского гарнизона заняли сухопутные рубежи обороны: 2-й полк морской пехоты – участок Камары – Чоргунь – Шули; 3-й полк морской пехоты – участок Черкез-Кермен – деревня Заланкой; местный стрелковый полк – участок гора Азис-Оба – Аранчи – берег моря. В районе ст. Мекензиевы горы был сосредоточен в качестве резерва один батальон 8-й бригады морской пехоты, доставленный из Новороссийска на крейсере «Красный Кавказ».

На сухопутную оборону города было направлено также 16 вновь сформированных батальонов морской пехоты.

31 октября немцы установили две артиллерийские батареи: в 2 км севернее железнодорожной станции Альма и в 1,5 км восточнее ее. Германские пушки начали обстрел железной дороги и шоссе, прервав сообщение между Симферополем и Севастополем. В частности, эти батареи в ночь на 1 ноября расстреляли наши бронепоезда № 1 и № 2, [209] прорывавшиеся в Севастополь.

В связи с этим командование Приморской армии приказало своим частям пробиваться через горы. Узнав об этом, Манштейн приказал 132-й пехотной дивизии и моторизованной бригаде Циглера наступать на Севастополь, а 50-й пехотной дивизии повернуть на юго-восток и во взаимодействии с 30-м корпусом в горах севернее Ялты уничтожить Приморскую армию.

1 ноября передовые части 72-й пехотной дивизии вошли в Симферополь, а 124-й полк этой дивизии начал движение по шоссе к Алуште. Вскоре стала пробиваться в горы и далее к морю 22-я пехотная дивизия.

К исходу 3 ноября с занятием селений Шуры, Улу-Сала, Мангуш немцам удалось перехватить пути отхода советских войск. Штаб нашей армии в это время находился в Балаклаве. Генерал И.Е. Петров по радио приказал командиру 25-й дивизии генерал-майору Т.К. Коломийцу возглавить отход соединений армии, продолжать движение к Севастополю кратчайшей дорогой через Керменчик, Ай-Тодор, Шули, разгромив части противника, если они преградят путь.

4 ноября в 2 часа ночи под проливным дождем части 95-й стрелковой дивизии и передовой 287-й стрелковый полк 25-й дивизии атаковали немцев в селении Улу-Сала. В упорном бою был полностью разгромлен моторизованный отряд и 72-й противотанковый артиллерийский дивизион, захвачено 18 орудий противника, 28 пулеметов, до 30 автомашин, 19 мотоциклов.

4 ноября 421-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник С.Ф. Монахов, была выбита из Алушты 124-м пехотным полком 72-й пехотной дивизии.

4 ноября командующий войсками Крыма приказом № 1640 в связи с новой оперативной обстановкой в Крыму создал два оборонительных района – Керченский (КОР) и Севастопольский (СОР).

В состав Севастопольского оборонительного района были включены все части и подразделения Приморской армии, береговая оборона главной базы, все морские и сухопутные части и части ВВС Черноморского флота.

Командование сухопутными войсками и руководство обороной Севастополя было возложено на командующего Приморской армией генерал-майора Петрова, непосредственно подчиненного командующему войсками Крыма.

Заместителю командующего Черноморским флотом по сухопутной обороне Главной базы контр-адмиралу Жукову было приказано вступить в командование Главной базой.

В состав Керченского оборонительного района были включены все части и подразделения 51-й армии и сухопутные части Керченской военно-морской базы. Командование частями, действовавшими на Керченском полуострове, было возложена на генерал-лейтенанта Батова.

4 октября в 15 ч. 08 мин. в Ялтинский порт вошел сторожевой корабль «Петраш», имея на буксире минный заградитель «Гидрограф» (бывшее гидрографическое судно водоизмещением 1380 т). Вообще-то они, согласно «Хронике…» (стр. 213), шли в Туапсе, но зачем-то зашли в Ялту. Через 10 минут туда же пришел и транспорт «Черноморец». В тот же день «Петраш» вывел на буксире «Гидрограф», но вскоре суда были атакованы германской авиацией. «Гидрограф» получил пробоину и через некоторое время затонул в 19 милях на восток от Ялты.

К вечеру 6 ноября в Ялту вошли 1330-й полк 421-й стрелковой дивизии, 7-я бригада морской пехоты и батальон 172-й стрелковой дивизии. Генерал Петров приказал командиру Ялтинского боевого участка комбригу Киселеву немедленно отправить на автомашинах в Севастополь один батальон 7-й бригады морской пехоты, а остальной ее личный состав

подготовить для переброски туда же морем. Людей иметь на причале в готовности к погрузке к 20 часам. В Ялту были направлены эсминцы «Бойкий» и «Безупречный».

25-я стрелковая дивизия (без 31-го и 54-го полков), 95-я и 172-я стрелковые дивизии частью сил сдерживали противника в районе села Коккозы, обеспечивая вывоз материальной части армии в Алупку, и частью сил продолжали движение на Южный берег Крыма. 40-я и 42-я кавалерийские дивизии находились на марше, чтобы занять в соответствии с приказанием Петрова оборону на рубеже деревня Саватка – высота 302,8 – гора Самналых и перекрыть все дороги, идущие в район Байдар.

54-й стрелковый полк 25-й дивизии оборонял высоту 1472,6 в 8 км северо-восточнее Ялты, не допуская прорыва противника к городу.

7 ноября в 3 часа ночи в Ялте была закончена погрузка войск 7-й бригады морской пехоты на эсминцы «Бойкий» и «Безупречный». Корабли приняли на борт около 1800 человек и в 3 ч. 40 мин. вышли из Ялты. На рассвете они прибыли в Севастополь.

7 ноября 1941 г. произошла одна из самых страшных в истории человечества катастрофа на море – гибель санитарного транспорт «Армения». На нем погибло вдвое больше людей, чем на «Титанике» и «Лузитании» вместе взятых. Между тем судно было и не столь велико (водоизмещением 67000 т) и рассчитано на 518 каютных и 462 палубных пассажиров. Но в тот день людей набилось на судне буквально как сельдей в бочке. Очевидцы показывают, что пассажиры стояли на палубе, тесно прижавшись друг к другу.

Свыше полувека документы «Армении» хранились под грифом «совершенно секретно», и причин для этого было немало. Но начну по порядку.

Утром 6 ноября в Севастополе началась посадка на теплоход «Армения». На него погрузили несколько сотен раненых бойцов, а также эвакуируемых граждан. Погрузка шла в полном беспорядке, никто не только по фамилиям не переписывал садившихся на теплоход, не было даже точно известно их число. На «Армению» был посажен персонал главного госпиталя Черноморского флота, военно-морского госпиталя, развернутого на базе санатория «Максимова дача», санитарно-эпидемиологической лаборатории, 5-го медсанотряда, базовой флотской поликлиники и ряда гражданских лечебных учреждений.

Вечером того же дня «Армения» уходит из Севастополя и берет курс на Туапсе. Любопытно, что позже время выхода «Армении» было засекречено даже в секретной «Хронике Великой Отечественной войны

Советского Союза на Черноморском театре», где с точностью до минуты указано время выхода и входа в порт даже самых малых судов.

Уже в море теплоходу приказали подойти к Балаклаве, где у берега к ней причалили катера НКВД, с которых были перегружены деревянные ящики. На борт поднялись и «сопровождающие». Существует предположение, что там было золото и ценности из Крымских музеев.

А затем какой-то начальник велел теплоходу идти в Ялту, к которой уже подходили германские войска. Фамилия и имя-отчество «умника» у нас, как всегда, совершенно секретны. Нам уже 60 лет твердят о Великой Отечественной войне: «Никто не забыт, и ничто не забыто», и одновременно прячут концы в воду, чтобы никто не узнал фамилии тех, по чьей конкретно вине погибли тысячи людей.

Но кто бы ни отдал преступный приказ о походе в Ялту, вместе с ним должен нести ответственность и командующий флотом. Теплоход и так был забит людьми сверх положенной нормы. Рисковать столь ценным транспортом было попросту идиотизмом. В Севастополе стояли без дела десятки малых боевых и вспомогательных судов Черноморского флота, а также буксиры, шхуны и иные малые суда, принадлежавшие гражданским ведомствам, которые должны были вести эвакуацию войск и населения с Южного берега Крыма. А вот, повторяю, ценный транспорт «Армения» мог выйти из Севастополя на закате и утром быть у берегов Кавказа.

В этом случае у «Армении» была 100-процентная гарантия дойти целой и невредимой. (Если, конечно, не считать собственных мин). Германская авиация не имела тогда радиолокационных прицелов для ночной атаки кораблей в море. Напомню, что в 1941 г. ни один наш надводный корабль на Черном море не только не был потоплен, но даже не был атакован неприятельскими надводными кораблями или подводными лодками.

Сколько человек погрузилось на «Армению», сказать трудно. Согласно «Хронике…» и «Справочнику потерь…», там погибло около 5000 человек. Очевидцы же утверждают, что на борту было в полтора иди два раза больше народу. От нижних отсеков до капитанского мостика люди стояли плотной массой. Носилки с тяжелораненными поднимали вертикально, чтобы освободить место.

Во время стоянки в Ялте был получен приказ командующего флотом, что в связи с отсутствием авиационного прикрытия выход судна из порта запрещается до 19 часов, то есть до наступления темноты. Командир В.Я. Плаушевский приказ получил, но в 8 ч. 00 м. 7 ноября вышел из Ялты.

Замечу, что винить капитана, не выполнившего идиотский приказ

Октябрьского, нелепо. Филипп Сергеевич явно перепутал Ялту с Севастополем. В ноябре 1941 г. Севастопольская бухта была защищена многими десятками стволов зенитных береговых и корабельных орудий. Имелись средства маскировки кораблей, а при налете авиации производили задымление бухты. В Ялте же большой транспорт был как на ладони и представлял идеальную цель для вражеской авиации. Береговой зенитной артиллерии и средств маскировки там отродясь не бывало. В море «Армения» хоть могла маневрировать. Наконец, никто не знал, где находятся германские войска, и в любой момент на шоссе Алушта – Ялта могли показаться германские самоходки и моторизованная артиллерия. А далее следовал бы расстрел «Армении» с Массандровских высот. Любопытно, что 8 ноября, то есть на следующий день после трагедии, «начальник штаба Черноморского флота объявил по флоту, что предположительно Ялта занята противником». [210] Так наши славные адмиралы и воевали – «предположительно».

В море «Армению» прикрывали два сторожевых катера (всего четыре 45-мм пушки), а в воздухе барражировали на высоте 500 м два истребителя И-153 «Чайка».

В 11 ч. 25 м. в точке с координатами ш. = 44°15-5I и д. = 34°17– теплоход был атакован одиночным торпедоносцем Не-111, принадлежавшим 1-й эскадрильи авиагруппы I/KG28. Самолет зашел со стороны берега и с дистанции 600 м сбросил две торпеды. Одна прошла мимо, а вторая попала в носовую часть теплохода. Через 4 минуты «Армения» затонула. Погибли 7-10 тысяч человек, катера спасли только восьмерых.

После сброса торпеды Не-111 ушел в облака и скрылся. Истребители прикрытия даже не успели среагировать на происходящее.

Г.И. Ванеев и другие историки и литераторы хором возмущаются, мол, теплоход «был атакован самолетом-торпедоносцем, несмотря на то, что транспорт имел отличительные знаки санитарного судна». [211]

Но, увы, как говорят на Руси: «На сарае х… написано, а там дрова». Какие бы знаки не были написаны на теплоходе «Армения», он шел в конвое двух вооруженных катеров, а на борту теплохода были установлены четыре 45-мм пушки 21К. Так что германские летчики действовали в данном случае в полном соответствии с международным правом, хотя, вообще-то говоря, на него в 1941–1945 гг. плевать хотели обе стороны.

Интересный момент: координаты гибели «Армении» я привел из секретного «Справочника потерь…», но они оказались неточными. Сделано же сие было умышленно – не дай Бог кто полезет за золотом

«Армении». Попыток поднять судно или его груз в советское время не производилось. Видимо, власти считали, что моральные издержки от разглашения тайны гибели тысяч людей будут стоить партии дороже, чем стоимость ценностей.

421-я стрелковая дивизия, сформированная из погранвойск НКВД, трое суток удерживала Алушту и отступила лишь 4 ноября. К этому времени 48-я кавалерийская дивизия была вынуждена отойти из района Карасубазара на побережье в районе Куру-Узень – Алушта. Ее командир решил выбить немцев из Алушты и приморской дорогой прорваться в Севастополь. Однако предпринятая 5 ноября внезапная атака на Алушту не удалась.

Говоря о захвате немцами Крыма, нельзя не отметить бездеятельность огромного Черноморского флота. Сравнительно слабые немецкие части с ходу занимают Евпаторию, а затем движутся воль побережья Каламитского залива к Севастополю – вот уж лаковый кусочек для нашего флота! Колонны немцев могли быть стерты с лица земли огнем линкора, шести крейсеров, десятков эсминцев и канонерских лодок! Но, увы, увы…

Как уже говорилось, несколько советских дивизий отошли к Южному берегу Крыма. С моря весь Южный берег как на ладони, все дороги расположены на расстоянии 1–5 км от береговой черты и прекрасно видны с моря. Немцы же практически не имели артиллерии, способной вести огонь по морским целям на дистанции свыше 4 км. Численное превосходство в истребителях было на нашей стороне, а немцы имели всего лишь одну авиагруппу торпедоносцев Хе-111.

Посмотрим на карту Крыма и в Таблицы стрельбы корабельных орудий. Вот дальность стрельбы фугасным снарядом обр. 1928 г.: 305-мм пушек линкора «Парижская Коммуна» – 44 км; 180-мм пушек крейсеров проекта 26–38,6 км; 130-мм пушек старых крейсеров и эсминцев – 25,7 км. Таким образом, линкор «Парижская Коммуна» (с 31 мая 1943 г. «Севастополь») мог обстреливать Симферополь как со стороны Каламитского залива, так и со стороны Алушты. Любая точка Крыма южнее Симферополя была в зоне досягаемости советской корабельной артиллерии. Наконец, боевые и транспортные суда и катера Черноморского флота позволяли осуществлять за несколько часов переброску наших частей как из Севастополя на Южный берег Крыма, так и в обратном направлении.

Десятки торпедных и сторожевых катеров, буксиров, рыболовных сейнеров и т. д. могли без особых проблем брать людей прямо с необорудованного побережья Южного берега Крыма. Да и температура

воды позволяла даже вплавь добраться до судов. Вспомним эвакуацию британской армии в Дюнкерке, когда англичане бросили к необорудованному побережью все, что могло плавать – от эсминцев до частных яхт. Пусть погибло несколько эсминцев, но армия была спасена. А у нас с 1 октября по 11 ноября 1941 г. не только не был потоплен ни один корабль.

Неужели нашим титулованным военным историкам не понятно, что уставшим солдатам куда труднее через горы пробиваться к Севастополю и побережью Южного берега Крыма, нежели быть принятыми на борт кораблей и катеров и через несколько часов прибыть в Севастополь. Почему же их бросили?

Сразу после прорыва немцев на Перекопе адмирал Октябрьский принимает важное решение. В 17 часов 28 октября он садится на эсминец «Бойкий», и через 10 минут эсминец под адмиральским флагом выходит в открытое море. Как не вспомнить адмирала Макарова, который поднял свой флаг на самом легком и быстроходном крейсере «Новик» (ненамного больше «Бойкого») и отправился на перехват японских крейсеров.

А куда же направился наш адмирал? В Поти! Для обхода портов Кавказского побережья с целью их подготовки к приему кораблей на базирование.

Вернулся адмирал в Севастополь лишь 2 ноября. Риторический вопрос, а не могли ли это сделать несколько штабных офицеров. Сели бы на гидросамолеты ГСТ или на сторожевые катера МО-4 и провели спокойно подготовку. Я уж не говорю о том, что это можно было сделать на несколько недель раньше.

И вот прямо из рубки «Бойкого» у берегов Кавказа Октябрьский шлет телеграмму начальнику штаба флота "вывести из Севастополя: линкор «Парижская Коммуна», крейсер «Ворошилов», учебный корабль «Волга» и дивизион подводных лодок – в Поти; крейсер «Молотов» – в Туапсе; лидер «Ташкент» и один-два эскадренных миноносца типа «Бодрый», эсминец «Свободный» и два сторожевых корабля с группой работников штаба Черноморского флота отправить на Кавказ.

В Севастополе приказано оставить охрану водного района главной базы, два эскадренных миноносца типа «Незаможник», два-три эскадренных миноносца типа «Бодрый», два старых крейсера и дивизион подводных лодок 1-й бригады; в Балаклаве оставить дивизион подводных лодок 2-й бригады". [212]

И уже в 23 ч. 32 мин. 31 октября линкор «Парижская Коммуна» в охранении крейсера «Молотов», лидера «Ташкент» и эсминца

«Сообразительный» вышли из Севастополя и направились в… Батуми.

Итак, старый линкор, не сделав ни одного выстрела для защиты Одессы и Крыма, отправился в самый дальний угол Черного моря. Зачем? Может, для защиты столь важного порта?

3 ноября из Севастополя в Туапсе ушли крейсер «Красный Крым», эсминцы «Бодрый» и «Безупречный».

4 ноября начальник штаба Черноморского флота объявил по флоту, что побережье от Ялты до мыса Чауда занято противником. Ну, казалось бы, настало время для расстрела корабельной артилллерией немцев и румын, зажатых на 2-5-километровой полосе между морем и горами от Ялты до мыса Чауда? Вовсе нет. В объявлении об обстреле немцев ни слова. Далее следовало: «Ввиду этого всем судам запрещалось плавание между этими пунктами севернее широты 44°00ў. Крупным кораблям и транспортам при плавании между портами Кавказского побережья и Севастополем надлежало отходить от берега вплоть до параллели 43°». [213]

Напомню, что до 12 ноября 1941 г., когда наши войска уже были выбиты с Южного берега Крыма, потерь от вражеской авиации наши корабли в Севастополе и у берегов Крыма не имели. В Севастополе к этому времени авиацией были потоплены 21 августа несамоходная баржа СП-81 (1021 брт) и 1 октября моторная шхуна «Декабрист» (100 брт). Так что нахождение кораблей в главной базе флота было вполне возможно.

Другой вопрос, что адмирала Октябрьского напугали события 27 октября в Керчи. Местное начальство собрало у мола Широкого 50 вагонов с боеприпасами для 51-й армии, с 1430 выстрелами корабельных 130-мм пушек, а также с имуществом ВВС (2000 бомб ФАБ-100, 3200 бомб ФАБ-50 и 2000 реактивных снарядов). Рядом еще поставили баржу с боеприпасами.

С 14 ч. 22 мин. до 15 ч. 05 мин. 13 германских самолетов бомбили Керчь. Одна из бомб попала в баржу с боеприпасами. От ее взрыва сдетонировали эти 50 злополучных вагонов. Широкий мол и рядом стоявшие корабли были уничтожены. Помимо боеприпасов погибло 3000 т зерна, большое количество угля и разных товаров. Погибло 30 гражданских лиц и ранено 65. Без вести пропали 13 краснофлотцев. Затонули тральщик ТЩ-507 «Делегат» (2010 т, 2 – 45-мм пушки, 3 – 12,7-мм пулемета), буксир «Володарский», болиндер «Енисей» (450 т), баржи «Туапсе», Б-37 и Б-52.

Надо ли говорить, что керченская трагедия стала результатом не столько действий люфтваффе, сколько следствием преступной халатности керченских властей.

Глава 10 Силы Севастопольского оборонительного района

К началу обороны Севастополя силы береговой обороны состояли из трех дивизионов:

1-й отдельный артиллерийский дивизион (командир – майор К.В. Радовский):

– башенные батареи № 30 и 35 (по четыре 305-мм орудия в каждой);

– полубашенная батарея № 10 (четыре 203-мм орудия);

– открытая батарея № 54 (четыре 102-мм орудия);

2-й отдельный артиллерийский дивизион (командир – майор С.Т. Черномазов):

– береговые батареи № 2 (четыре 100-мм орудия), № 8 (четыре 45-мм орудия), № 12 (четыре 152-мм орудия), № 13 (четыре 120-мм орудия), № 14 (четыре 152-мм орудия, перевооруженная на три 130-мм орудия);

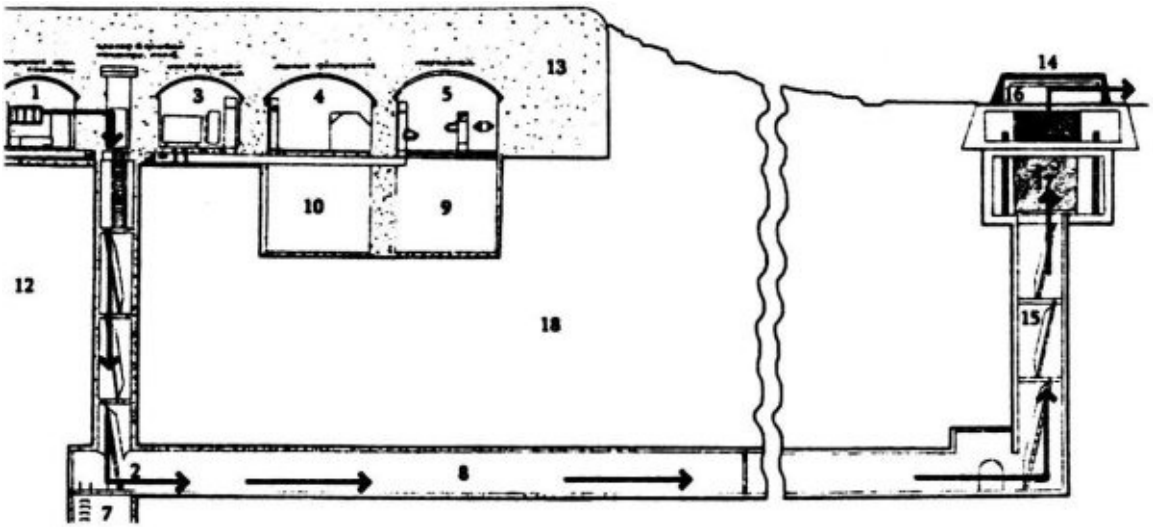
– береговые батареи № 18 (четыре 142-мм орудия) и № 19 (четыре 152-мм орудия);

отдельные подвижные батареи:

– подвижная батарея № 724 (командир – капитан М.В. Спиридонов, четыре 152-мм орудия);

– подвижная батарея № 725 (командир – капитан Г.В. Ясинский, четыре 152-мм орудия).

Поскольку башенные батареи № 30 и № 35 представляли собой основные узлы обороны Севастополя, о них следует рассказать поподробнее. **(Сх. 34)**

Разрез 35-й береговой батареи. Подземный путь командующего СОРа Октябрьского из КП СОРа на аэродром «Херсоне». Ночь 1 июля 1942 г. (Схема из книги Иванова В.Б. Тайны Севастополя Тайны земные. Севастополь: КИЦ «Севастополь», 2005.) 1 – помещение Командования СОРа; 2 – Проход в первый командным пост; 3 – центральный пост береговой батареи; 4 – жилые помещения для Командования СОРа; 5 – насосная – штабное помещение; б – вертикальная шахта в подземный ход; 7 – колодец с насосом для подъема воды; 8 – подземный ход в правый КП; 9 – подземные емкости для топлива; 10 – подземные емкости для воды; 11 – система фильтровентиляции; 12 – металлическая лестница; 13 – бетонный массив 4 м; 14 – правый командно-дальномерный пост КДП; 15 — вертикальная шахта с лестницей; 16 – бронированный козырек; 17 – система управления дальномером; 18 – скальный грунт; 19 – высота шахты – четыре лестничных пролета – 20 м. Длина потерны 260 м. Высота потерны 2,2 м. Стрелками обозначено направление движения командующего СОРа адмирала Октябрьского на аэродром «Херсоне».

В феврале 1911 г. петербургский Металлический завод представил проекты одно– и двухорудийной башенных установок. ГАУ предпочло проект двухорудийной установки, имевшей лучший критерий «эффективность/стоимость». Кроме того, двухорудийная установка по многим частям и механизмам была унифицирована с трехорудийными 305/52-мм башенными установками, изготавливавшимися Металлическим заводом для линкоров типа «Севастополь».

Две башенные установки образовывали батарею, представлявшую собой подземный городок, укрытый толстым слоем бетона. По проекту расстояние между осями башен было 53,4 м, а фактически имелось небольшое отклонение для каждой батареи. Вокруг каждой башни в виде

ромба располагались погреба: два снарядных длиной 18,3 м и два зарядных длиной 17,4 м. Высота погребов составляла 3048 м, а толщина бетонного свода 2895 м. В каждом снарядном погребе размещалось 201–204 снаряда, а в зарядном погребе 402–410 полузарядов.

В подбашенном помещении была рельсовая железная дорога с ручными вагонетками, в которых боеприпасы доставлялись из погребов к зарядному. Подъем боеприпаса зарядником осуществлялся с помощью электропривода. Высота подъема зарядника 4650 мм, время подъема 5 секунд.

Контракт на первые две башни для Севастополя был заключен с Металлическим заводом 12 ноября 1913 г. При этом срок ввода в строй (на месте) первой башни был определен 15 мая 1916 г., а второй – 1 июля 1916 г.

В начале 1914 г. в Севастопольской крепости приступили к строительству двух батарей: № 25 в районе бухты Казачья (у мыса Херсонес) и № 26 в районе реки Бельбек в 1 км от моря. Расстояние между башнями на обеих батареях было 64 м. Строительство шло довольно быстро. К августу 1914 г. на позицию батареи № 25 было доставлено 2 ствола 305/52-мм пушек.

Интересно, что даже недостроенные башенные батареи оказывали сдерживающее воздействие на противника. Так, линейному крейсеру «Гебен», обстрелявшему Севастополь 29 октября 1914 г., было приказано «держаться возможно дальше от 305-мм двухорудийных башен». Немцы и турки были уверены, что, по крайней мере, одна из батарей введена в строй.

20 сентября 1915 г. Ставка утвердила, что 305-мм пушки для Севастополя и Батума будут переданы на Балтику. То же произошло и с башенными установками.

В 1922 г. большевики приступили к достройке батареи № 8, так они переименовали батарею № 25. В сентябре 1925 г. были проведены первые стрельбы батареи. Однако окончательно она вступила в строй в 1928 г.

В 1929 г. батарею посетила делегация советского правительства во главе с И.В. Сталиным и группа высших офицеров германских вооруженных сил (рейхсвера) под руководством генерала Бломберга.

В 1930 г. батарея получила новый номер – 35.

Чтобы дать представить читателю об объеме работ, скажу, что для постройки батареи № 25 было выкопан котлован объемом 32,5 тыс. кубометров, и это в скальном грунте. Объем бетонных работ только на одной батарее приблизительно равнялся объему работ при строительстве

Днепрогэса. По расчетам бетонный блок должен был выдерживать прямые попадания 406-мм снарядов и 1000-кг бомб.

В 450 м севернее и 200 м южнее блоков батареи располагались командные посты с бронированными боевыми рубками и открытыми двориками для дальномеров. Орудийные блоки и командные пункты соединялись между собой подземными коридорами (потернами). Первым командиром батареи был Г.Б. Штейнберг.

В конце 1928 г. началась достройка башенной батареи № 26 на Северной стороне. Для строительства батареи № 26 с железнодорожной станции Мекензиевы горы к ней проложили железнодорожную ветку с нормальной колеей длиной 6,5 км.

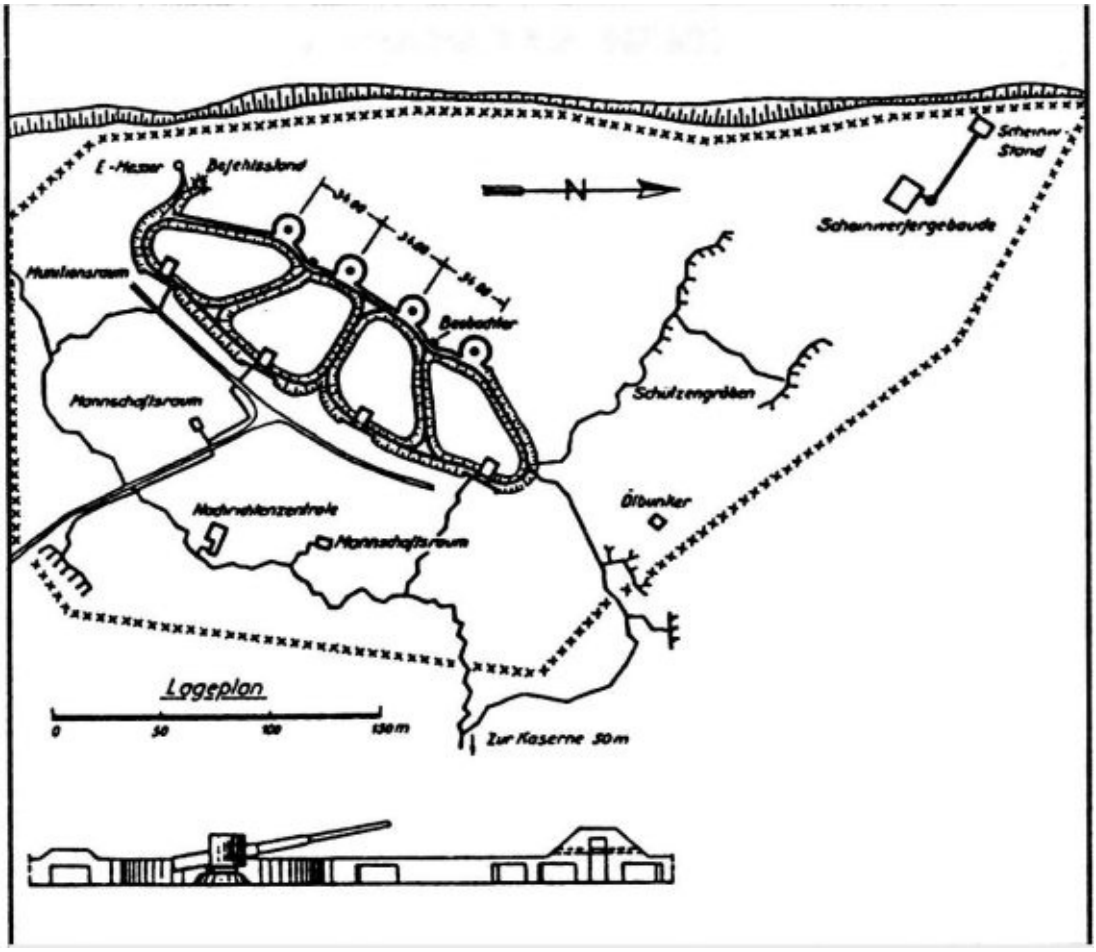
В 1930 г. батарею № 26 переименовали в батарею № 30. Летом 1933 г. были проведены первые стрельбы новой батареи.

В 1936 г. приступили к строительству командного пункта батареи, центрального поста и подземной галереи между командным пунктом и артиллерийским блоком. Командный пункт разместили внутри старого бетонно-земляного форта Бельбекской группы сухопутных укреплений, возведенного в начале XX века.

Одновременно со строительством командного пункта батареи создавали систему сопряженного наблюдения для корректировки стрельбы башенных батарей по морским целям. Такие посты, оборудованные на мысе Лукулл, в устьях рек Альма и Кача, у Херсонесского маяка, на мысе Фиолент и на горе Кая-Беш (западнее Балаклавы), имели дальномеры и визиры, установленные в железобетонных двориках, убежищах для личного состава и жилых помещениях.

В конце 1930-х годов в боекомплект линкоров и береговых батарей был введен фугасный дальнобойный снаряд обр. 1928 г. Существенный прирост дальности стрельбы снарядом обр. 1928 г. по сравнению со снарядами обр. 1919 г. объяснялся меньшим весом снаряда и лучшей аэродинамической формой. Если снаряд обр. 1911 г. весом 470,9 кг при начальной скорости 762 м/с имел дальность стрельбы 28,7 км, то фугасный дальнобойный снаряд обр. 1928 г. весом 314 кг при начальной скорости 950 м/с имел дальность 44 км.

Как уже говорилось, в состав 1-го дивизиона береговой обороны, кроме башенных батарей, входили открытые батареи № 10 и № 54. **(Сх. 35)**

203-мм батарея № 10 у поселка Мамашан

В 1925–1927 гг. в 12 км от Севастополя, немного южнее реки Кача была построена бетонная батарея № 10. На батарее установили четыре 203/50-мм пушки с линкора «Иоанн Златоуст» (акт о приемке снятых орудий подписан 2 июня 1925 г.). Пушки были изготовлены в Англии на заводе Виккерса.

Основания орудий помещены в бетонном дворике на расстоянии 34 м друг от друга на одной прямой. Обстрел пушек круговой. Доставка боеприпасов производилась по узкоколейке, проходившей во рву глубиной 2 м. Расстояние от орудий до погребов около 50 м. Командный пункт и дальномер находились в 50 м от крайнего левого орудия. В 200 м севернее батареи был установлен прожектор.

203-мм пушки поставили вместе с лафетными щитами 60-мм толщины, с которыми они и были в казематах линкора.

Батарея № 54 стала одним из детищ «виртуальной» войны с флотом дуче. Решение о ее строительстве было принято в первые дни войны. Назначение батареи – защита Каламитского залива от десанта итальянского

флота. Командиру батареи лейтенанту Ивану Заике удалось с помощью местного населения построить батарею и ввести ее в строй за 10 недель. Батарея № 54 была вооружена четырьмя 102/60-мм корабельными пушками Обуховского завода, помещенными в бетонированные дворики. Рядом построили ложную батарею.

В состав 2-го артиллерийского дивизиона входили батареи № 2, 8, 12, 13 и 14. Также как и в 1-м дивизионе, батареи 2-го дивизиона располагались как на Северной, так и на Южной сторонах Севастополя. Рассмотрим батареи с севера на юг.

Батарея № 12 на четыре 152/45-мм пушки Кане располагалась на Северной косе, на месте царской бетонной батареи № 4. В 1921 г. батарея получила номер 3, а 152/45-мм сухопутных пушки, увезенные Врангелем, были заменены на четыре 152/45-мм корабельные пушки.

Батарея № 2 на четыре 100-мм пушки Б-24 располагалась на Северной стороне на Константиновской батарее.

Батарея № 13 на четыре 120/50-мм пушки находилась на Южной стороне Большой бухты у Александровского мыса на месте бетонной батареи, построенной еще в 1897–1898 гг. Четыре 120/50-мм пушки установили там еще в 1913 г.

Батарея № 14 на четыре 152/45-мм пушки Кане находилась на месте старой царской батареи № 14. В 1922 г. она получила номер 5 и была вооружена четырьмя 152/45-мм корабельными пушками. В августе 1941 г. четыре 152/45-мм пушки были сняты с батареи и отправлены в северную часть Крыма. Взамен в середине ноября 1941 г. на их место установили три 130-мм пушки.

3-й дивизион состоял из береговых батарей № 18 и № 19.

Батарея № 18 на четыре 152/45-мм пушки находилась на мысе Фиолент на месте бетонной батареи № 20, построенной в 1914 г. В 1922 г. ее переименовали в № 9, а позже – в № 18.

Батарея № 19 на четыре 152/45-мм пушки находилась у входа в Балаклавскую бухту. Она построена в 1915 г. и имела № 22, в начале 1920-х годов ее переименовали в № 10, а затем – в № 19.

Подвижные батареи (на мехтяге) № 724 и № 725 имели по четыре 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20.

С 1854 г. по 1921 г. все наши военно-морские базы брались только с суши. Но, увы, в 1930-е годы ни сухопутное, ни морское начальство не интересовалось обороной военно-морских баз с суши. 16 декабря 1940 г. нарком ВМФ Кузнецов приказал организовать сухопутную оборону главных баз флота. Однако командующий Черноморским флотом

Октябрьский вместо того, чтобы немедленно начать строить укрепления вокруг Севастополя, благо, уже полтора года шла Вторая мировая война, лишь 3 февраля 1942 г. удосужился назначить комиссию для рекогносцировки рубежа сухопутной обороны.

Комиссия эта под председательством П.А. Моргунова наметила рубеж обороны от побережья восточнее Балаклавы через Сапун-гору, гору Сахарная Головка до реки Кача (высота 145,1 – отметка 74,0 – Сапун-гора – Сахарная Головка – высота 120,1 – Камышловский овраг – отметка 71,9 – овраг Барак – по реке Кача до горы Тюльку-Оба). Фронт обороны, проходивший в 5–8 км от города, был разделен на три сектора и два самостоятельных боевых участка – Балаклавский и Городской (Севастопольский).

Фактически работы по сооружению укреплений у Севастополя начались 3 июля 1941 г., то есть уже после начала войны. К началу ноября система обороны Севастополя включала в себя три рубежа: передовой, главный и рубеж прикрытия эвакуации.

Передовой рубеж обороны Севастополя проходил в 16–17 км от города. Протяженность рубежа по фронту достигала 40 км, а полоса обороны на нем имела глубину в 1,5–2,5 км. Командные высоты перед этим рубежом находились в руках противника, незначительная же удаленность рубежа от города позволяла противнику вести обстрел города и аэродромов дальним артиллерийским огнем.

Главный рубеж обороны проходил в 12–14 км от города. Его протяженность равнялась примерно 30 км, глубина обороны – от 1,5 до 3 км. В случае отхода наших войск на этот рубеж основные командующие над местностью высоты находились бы в руках противника.

Рубеж прикрытия эвакуации командовал над лежащей впереди его местностью, но из-за отсутствия растительности хорошо просматривался противником. Это облегчало авиации и артиллерии противника наносить удары по рубежу, протяженность которого равнялась 27 км, а глубина обороны на нем – от 1 до 5 км. В рубеж прикрытия эвакуации включался и рубеж, непосредственно прикрывавший Севастополь (Стрелецкая бухта, хутор Дергачи, Инкерман).

Ни один из рубежей к началу боевых действий не был завершен строительством.

Таблица 18 **Положение к 1 ноября 1941 г. на трех рубежах обороны Севастополя**

Сооружения	Рубежи			
	передовой	главный	тыловой	всего
Артиллерийские доты, шт.	29	25	28	82
Пулеметные доты и дзоты, шт.	92	57	71	220
Стрелковые окопы, для отделения	232	66	91	389
Противотанковые рвы, км	1,7	—	31,5	33,2
Проволочные заграждения, км	8	8	40	56

Перед всем передовым рубежом обороны было установлено 1700 погонных метров противотанковых надолб, 8726 противотанковых мин, 850 противопехотных мин, 29 фугасов.

На танкоопасных направлениях Дуванкойского и Аранчинского опорных пунктов были подготовлены огневые завесы, для которых использовались трубопроводы, уложенные в железобетонных лотках перпендикулярно этим направлениям и снабженные на обоих концах напорными баками с горючей жидкостью. Жидкость могла выпускаться из труб и поджигаться при помощи бутылок с горючей смесью специальными командами.

Сколько солдат и боевой техники дошло до Севастополя из Приморской армии, установить невозможно. Командование СОРа в донесениях в Ставку намеренно занижало свои силы. Вышедшие к Севастополю части сразу же подвергались переформированию. Так, на базе 184-й стрелковой дивизии был сформирован сводный полк НКВД; из 421-й стрелковой дивизии – 1330-й стрелковый полк численностью 1200 человек. Вышедшие 40-я и 42-я кавалерийские дивизии были слиты в одну 40-ю кавдивизию.

В донесении Приморской армии от 16 ноября приводится следующий боевой и численный состав: 1-й сектор – 1700 штыков, 18 орудий; 2-й сектор – 3939 штыков, 41 орудие, из них 4 зенитных; 3-й сектор – 5730 штыков, 43 орудия, из них 9 зенитных; 4-й сектор – 2789 штыков, 38 орудий, из них 9 зенитных. Резерв – 1200 штыков (1330-й стрелковый полк) и 743 сабли (40-я кавалерийская дивизия).

9 сентября командующий Приморской армией объявил боевой приказ № 002, согласно которому вся территория СОРа во всю глубину обороны, от центра Севастополя до передних рубежей сухопутного фронта, была разделена на четыре сектора.

Первый сектор справа опирался на южное побережье Крымского полуострова и слева граничил со вторым сектором по разграничительной линии, проходившей через высоты 253,9; 202,1 и 206,6, развилку дорог в 1 км севернее совхоза «Благодать», через высоты 113,2; 73,0 и хутор Делагарди.

Второй сектор граничил с третьим по линии, проходившей через высоты 193,2; 125,0; 79,4 и гору Суздальская.

Третий сектор граничил с четвертым по линии деревня Биюк-Отаркой, высоты 96,0; 82,4; деревня Камышлы и Трензина балка. **(Сх. 36)**

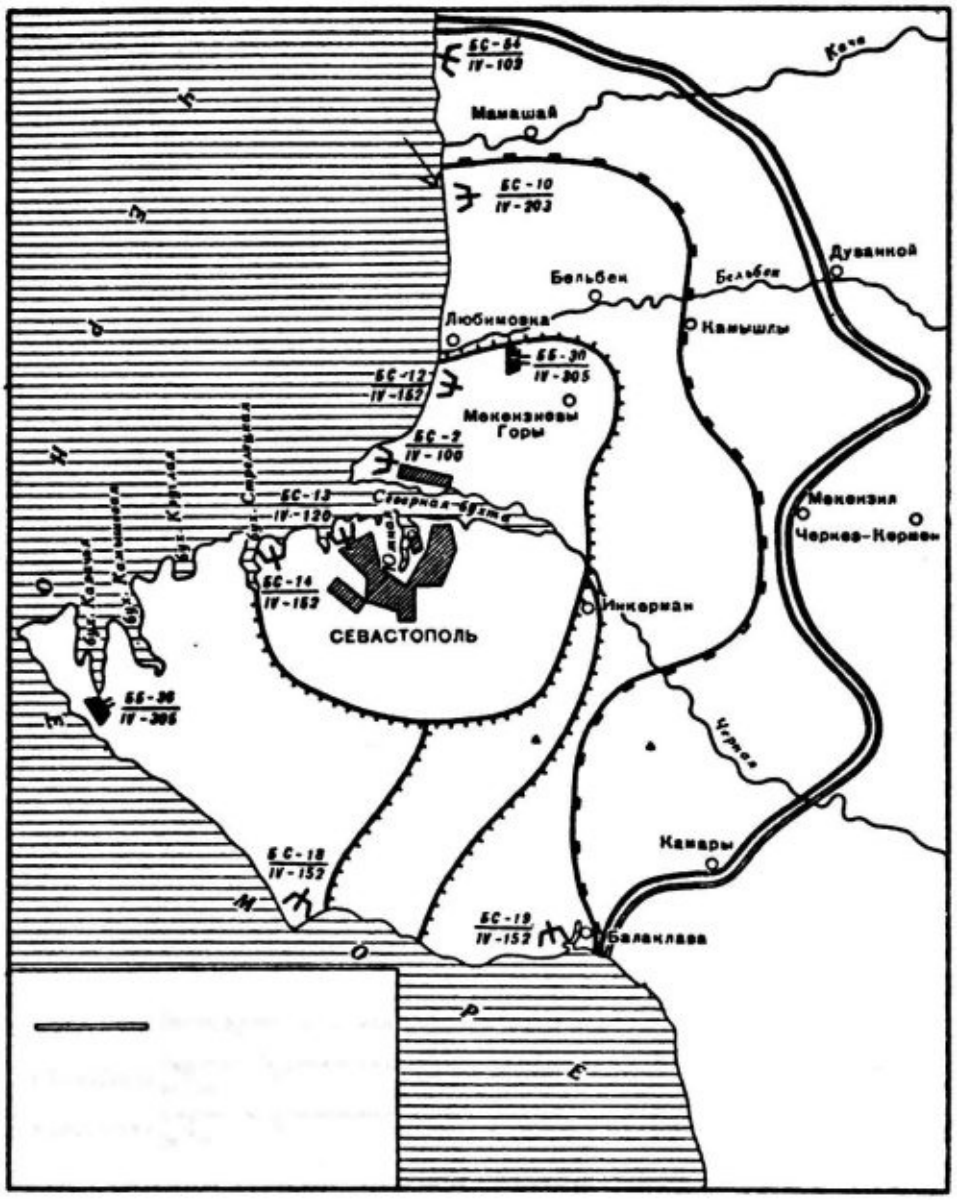
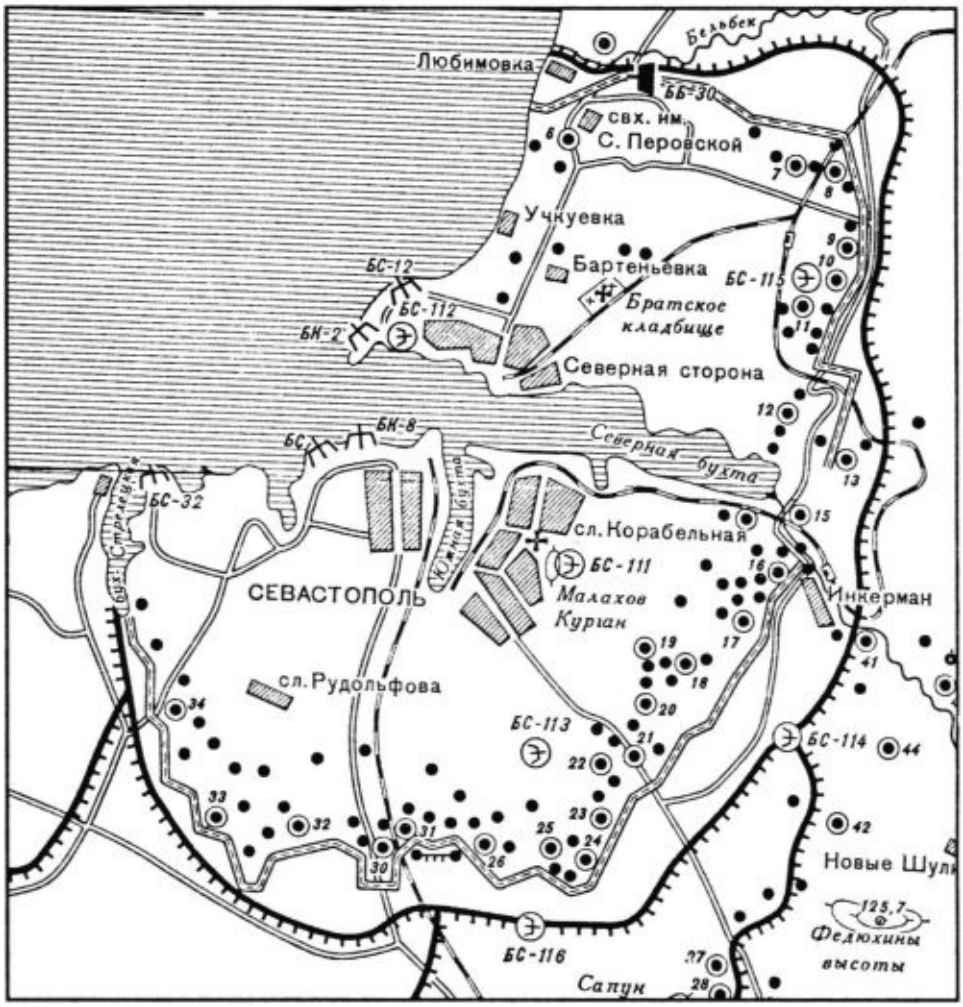

Схема расположения береговой артиллерии Севастопольской ВМБ к 30 октября 1941 г.

На 15 ноября 1941 г. первый сектор обороны был расположен на юге СОРа у Балаклавы и имел ширину 4 км. Сектор защищали 383-й [214] и 1330-й стрелковые полки, 35-я башенная береговая батарея, а также 19-я и 8-я открытые батареи (всего 8 – 152/45-мм пушек Кане). В составе полковой артиллерии были одна 76-мм полковая пушка обр. 1927 г., две 45-мм противотанковые пушки, одни 120-мм миномет и три 82-мм пушки. Кроме того, в дотах и дзотах было 14 морских орудий (1 – 100-мм, 6 – 75/50-мм и 7 – 45-мм 21К). **(Сх. 37)**

Центральная часть СОРа на 30 ноября 1941 г.

Далее к северу шел 2-й сектор обороны шириной 12 км. Сектор защищали 172-я стрелковая дивизия, 31-й стрелковый полк 25-й стрелковой дивизии. [215] Кроме полковой артиллерии в секторе находился отдельный минный дивизион 52-го артиллерийского полка, 1-й и 2-й дивизионы 134-го гаубичного артиллерийского полка, по одной батарее 57-го и 340-го артполков и 725-я (мобильная) береговая батарея. Всего имелось 13 – 155-мм французских гаубиц, [216] 8 – 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20, 14 – 122-

мм дивизионных гаубиц, 4 – 76-мм дивизионные пушки, 6 – 76-мм полковых пушек, 11 – 45-мм противотанковых пушек, один 120-мм миномет, 8 – 107-мм горных минометов и 33 – 82-мм миномета. Кроме того, в дотах и дзотах второго сектора было установлено 76-мм пушек: 4 полковые, 7 дивизионных и 5 зенитных, а также 7 – 45-мм пушек 21К. В третьем секторе находились 25-я стрелковая дивизия в составе 278-го стрелкового полка и 3-го полка морской пехоты, а также 7-я бригада морской пехоты. [217] Третьему сектору были приданы 69-й артиллерийский полк с шестью 76-мм орудиями, 99-й гаубичный артиллерийский полк с одиннадцатью 122-мм гаубицами, 724-я береговая мобильная батарея с четырьмя гаубицами-пушками МЛ-20, батарея 134-го гаубичного артиллерийского полка, 164-й отдельный противотанковый артдивизион, 26-й и 323-й отдельные зенитные дивизионы. Всего 4 – гаубицы-пушки МЛ-20, 4 – 152-мм гаубицы, 11 – 122-мм гаубиц, 12 – 76-мм зенитных орудий, 10 – 76-мм дивизионных пушек, 8 – 76-мм полковых пушек, 16 – 45-мм противотанковых пушек, 11 – 120-мм минометов, 6 – 107-мм горных минометов и 56 – 82-мм минометов. Кроме того, в дотах и дзотах находились: одна 100-мм морская пушка, [218] одна 76-мм дивизионная пушка и три 45-мм пушки 21К.

В четвертом секторе обороны находилась 95-я стрелковая дивизия в составе трех полков – 161-го, 241-го [219] и «местного стрелкового полка». Кроме того, в четвертый сектор была включена 8-я бригада морской пехоты в составе пяти батальонов, из которых первые четыре были батальоны бригады и пятый – батальон Учебного отряда Черноморского флота.

Четвертому сектору были приданы 57-й артиллерийский полк с двенадцатью 76-мм пушками, 397-й артиллерийский полк с двенадцатью 76-мм пушками, 97-й отдельный противотанковый артдивизион, 928-я, 227-я и 271-я зенитные батареи, 30-я, 10-я и 12-я батареи береговой обороны (4 – 305/52-мм, 4 – 203/50-мм и 4 – 152/45-мм орудий). Итого без орудий береговой обороны имелось 11 – 122-мм гаубиц, 9 – 76-мм зенитных орудий, 13 – 76-мм дивизионных орудий, 9 – 45-мм противотанковых пушек, 2 – 120-мм миномета, 17 – 82-мм минометов. Кроме того, в дотах и дзотах находилось 6 – 100-мм морских пушек, 4 – 76-мм дивизионные пушки, 2 – 75/50-мм пушки Кане и 8 – 45-мм пушек 21К.

Наконец, в резерве командования СОРа находился 265-й корпусный артиллерийский полк и 51-й артиллерийский полк. Всего 4 – 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20 и 23 – 107-мм корпусные пушки.

Глава 11 Первые недели обороны Севастополя

Официально первым днем обороны Севастополя считается 30 октября 1941 г. В этот день в 16 ч. 25 мин. самая северная береговая батарея Севастополя № 54 открыла огонь по немецкой мотоколонне бригады Циглера, двигавшейся по прибрежной дороге из деревни Ивановка на село Булганак. Батарея № 54 была расположена в 40 км к северу от Севастополя. Батарея выпустила 62 102-мм снаряда и рассеяла колонну. Командир батареи лейтенант И.И. Заика, как полагается, донес начальству, что уничтожил «колонну танков».

В 18 ч. 25 мин. с той же батареи донесли, что по той же дороге двигались до 90 вражеских танков и бронемашин, которые повернули в сторону села Булганак.

На следующий день, 31 октября, в 7 ч. 25 мин. из Севастополя вышел эсминец «Бодрый» (проекта 7). В районе Замрук – Николаевка он обстрелял немецкие колонны, приближавшиеся к Севастополю. Уже возвращаясь в базу, «Бодрый» подвергся нападению вражеской авиации. Далее процитирую С.А. Балакина: "В 16.25 на дистанции 60 кбт были обнаружены вражеские самолеты – 9 «юнкерсов» и 6 «мессершмиттов». «Бодрый» увеличил ход и через минуту открыл огонь. Пилоты люфтваффе (явно имевшие немалый опыт) действовали грамотно, заходя на цель выше облаков, а затем пикируя со стороны солнца. Всего немцы сбросили на советский эсминец 26 бомб и выпустили огромное количество пуль и снарядов. Причем, если бомбардировщики, сбросив свой груз, ушли, то истребители продолжали обстреливать корабль в течение часа – вплоть до его входа в Севастополь.

Прямых попаданий бомб не было, но некоторые из них взорвались в опасной близости от корабля, на расстоянии 7-10 м от корпуса. Осколки буквально изрешетили эсминец: по возвращении в Севастополь в надстройках и надводном борту насчитали около двух тысяч пробоин! Еще 19 пробоин оказалось в подводной части – по левому борту в районе ватерлинии. Из топливных цистерн начала вытекать нефть – как за борт, так и внутрь корабля. Давление в котельных отделениях резко упало, что вызвало снижение скорости. Вышли из строя дальномеры, различные приборы, загорелись дымовые шашки и 37-мм снаряды в кранцах. Потери

экипажа составили 4 человека убитыми и 49 ранеными (в числе последних был и командир эсминца капитан 3 ранга В.М. Митин)". [220]

Любопытно, что ни в «Хронике…», ни в «Потерях…» об этом инциденте даже не упомянуто. Там попросту сказано, что 31 октября в 17 ч. 37 мин. «Бодрый» прибыл в Севастополь. Видимо, дело свелось к атаке нескольких истребителей, расстрелявших моряков на палубе эсминца. А повреждения были столь незначительными, что эсминец даже не попал в списки поврежденных кораблей.

Замечу, что кроме «Бодрого» ни один корабль Черноморского флота не пытался поддерживать огнем наши части, отступавшие в Крыму. А может Октябрьскому это запрещала Москва? Нет, наоборот. Ставка приказывала использовать для обстрела побережья Крыма линкор, крейсеры и эсминцы. И какова реакция Октябрьского?

9-10 ноября была произведена фактически единственная попытка поддержать гибнущие советские войска на Керченском полуострове огнем кораблей Черноморского флота. В 22 ч. 25 мин. 9 ноября крейсер «Молотов» вышел из Туапсе в район Феодосия – Чауда для оказания артиллерийской поддержки частям Красной Армии. С 4 ч. 45 мин. до 4 ч. 53 мин. 9 ноября он выпустил 110 снарядов по пунктам скопления войск противника в районе селений Асун-Альчик, совхоз «Кенегез», Марфовка и Новоселовка.

На следующую ночь «Молотов», маневрируя южнее Эльчан-Кая, обстрелял скопления немецких войск в пунктах: Султановка, Джелллькеджи-Эли и Марфовка. Обстрел был закончен в 5 ч. 06 мин. Выпущено 100 снарядов.

А вот разнести вдребезги германские части, двигавшиеся к Севастополю по прибрежным дорогам от Евпатории и Алушты, наши корабли почему-то не могли. Можно было подойти ночью к побережью, выпустить за 20 минут десяток снарядов и уйти за пару часов в Севастополь или в отдаленные районы моря. Германская авиация ночью не летала и просто не сумела бы среагировать, да и РЛС в ноябре 1941 г. у немцев в Крыму не было.

В ночь на 1 ноября немцы заняли деревню Мангуш в 8 км восточнее Бахчисарая, а в 11 ч. 20 мин., выбив разведывательные части Севастопольского гарнизона, заняли Бахчисарай. Действуя вдоль побережья и обойдя батарею № 54, немцы заняли населенные пункты Альма-Тамак и Кача.

В районе деревни Николаевка батарея № 54 продолжала обстреливать противника. С 11 ч. 20 мин. до 11 ч. 30 мин. она обстреляла большое

скопление моторизованных частей в районе деревни Джавджурек, в 14 ч. 23 мин. – немецкую батарею в районе деревни Дорт-Куль, с 14 ч. 55 мин. до 15 ч. 10 мин. – моторизованную колонну, двигавшуюся по дороге из Николаевки в Дорт-Куль. В течение дня батарея выпустила свыше 130 снарядов.

В 17 ч. 10 мин. батарею № 54 атаковали 8 немецких пикирующих бомбардировщиков. Потерь и повреждений в материальной части не было, и батарея полностью сохранила свою боеспособность.

В тот же день в 12 ч. 40 мин. впервые заговорили огромные 12-дюймовые пушки 30-й башенной батареи. Чтобы представить эффект действия этих орудий, достаточно сказать, что в винсовхозе им. Софьи Перовской в 400 м от батареи при первом же залпе вылетали все стекла, и в мирное время при учебных стрельбах население совхоза эвакуировалось.

2 ноября 1941 г. с утра передовые части противника, скопившиеся в лесу у высот 204,6 и 259,5 и в районе Качи, курганов Маяк-Оба и Кара-Оба, перешли в наступление в направлении деревень Дуванкой и Аранчи. Весь день шли упорные бои. На северном участке атаки немцев были отбиты, и местный стрелковый полк к вечеру занимал прежние позиции. Лишь к ночи противник, предприняв новую атаку, потеснил правый фланг этого полка и занял село Эфендикой.

Ожесточенные бои завязались в районе Дуванкоя. 8-я бригада, 17-й батальон морской пехоты и батальон ВМАУ упорно сдерживали наступление врага. Бригада сохранила свои позиции, а батальоны отошли на рубеж хутор Кефели – деревня Дуванкой. К вечеру противник занял станцию Сюрень и отдельными мелкими группами в районе Дуванкоя просочился в расположение нашей обороны.

Эффективную поддержку нашим войскам оказали артиллеристы 203-мм четырехорудийной береговой батареи № 10, расположенной на берегу обрыва у устья реки Кача, а также 724-й подвижной батареи. Только огнем 10-й батареи было уничтожено 20 повозок, 20 автомашин и около 200 гитлеровцев. [221]

В 10 часов немцы с тыла (с юга) атаковали 102-мм батарею № 54. Атака была поддержана огнем трех тяжелых полевых орудий, установленных на высотах в 9–9,5 км юго-восточнее батареи № 54.

В 9 ч. 57 мин. все немецкие батареи открыли огонь, и до батальона вражеской пехоты на автомашинах и до 300 кавалеристов двинулись с рубежа село Новые Байдары – село Земрук на деревню Николаевка. Вскоре после обстрела противник нанес по нашей батарее бомбовый удар авиацией, затем вновь произвел продолжительный артобстрел. В результате

батарея № 54 была подавлена. К 13 ч. 20 мин. на ней вышло из строя три орудия из четырех, но ее команда продолжала отражать атаки врага пулеметным и ружейным огнем и гранатами. В 16 ч. 40 мин. командир батареи № 54 донес: «Противник находится на позициях батареи. Связь кончаю. Батарея атакована». Это было последнее его донесение.

Для спасения команды батареи № 54 в ночь на 3 ноября из Севастополя были высланы тральщик «Искатель», сторожевые катера № 031 и № 061. Подойти к берегу они не смогли и спустили две шлюпки. На них были приняты и доставлены на корабли 28 человек личного состава батареи, которые спустились с обрыва по скрученному телефонному проводу.

Возникает естественный вопрос, а не могло ли командование флота послать на помощь батарее № 54 еще утром пару эсминцев с 130-мм пушками? Замечу, что из полевых пушек, я уж не говорю о минометах, попасть в маневрирующий эсминец на дальности свыше 8 км шансов практически не было, за отсутствием соответствующих систем ПУС. А вот эсминцы могли разнести в клочья и полевые батареи, и пехоту противника.

Двоим краснофлотцам с батареи № 54 удалось пробиться в Севастополь. Командир батареи И.И. Заика позже попал к партизанам, а затем вновь служил на Черноморском флоте. Судьба остальных неизвестна.

Согласно «Хронике…», всего огнем батареи было уничтожено 15 немецких средних танков, тяжелый танк с 76-мм орудием, 7 автомашин с пехотой, трактор с орудием, автоцистерна и радиостанция. [222] По традиции, сие оставлю без комментариев, замечу лишь, что тяжелые танки впервые появились в вермахте в конце 1942 г. («Тигры»).

В течение дня 2 ноября 305-мм батарея № 30 периодически обстреливала немцев в Бахчисарае и в селе Альма-Тархан.

3 ноября немцы наступали на Севастополь вдоль долины реки Кача. В 20 часов, обойдя огневые точки Дуванкойского узла сопротивления, они заняли деревню Заланкой. В связи с усилившейся угрозой полного окружения, наши батальоны, действовавшие в долине реки Кача, в районе железной и шоссейной дорог, были отведены за линию обороны.

Батареи № 10 и № 30 продолжали обстреливать скопления вражеских частей на подступах к Севастополю и уничтожили до 25 танков, до эскадрона конницы и до 300 человек пехоты.

Приморская армия после боев 1 и 2 ноября с наступавшим противником оставила рубеж высота Кизил-Коба – село Мамак – Кукурековка и стала отходить по дорогам через деревни Мангуш, Бия-Сала, Ени-Сала, Кокковы и через хребет Яйла на южный берег Крыма, в Ялту и

Алушту.

Утром 3 ноября штаб Приморской армии вышел в район Балаклавы. К этому моменту 95-я стрелковая дивизия подходила к селу Бия-Сала, за ней следовали 25-я и 172-я стрелковые дивизии. Тяжелая артиллерия – 265-й корпусный артполк, 51-й и 52-й артполки – были на марше из района Ялты в Севастополь.

С 1 по 4 ноября батарея № 30 выпустила 142 12-дюймовых снаряда, а батарея № 10 – 276 10-дюймовых снарядов. По официальным данным огнем этих батарей было уничтожено 30 танков, 60 автомашин и до 650 человек пехоты противника.

5 ноября Октябрьский отправил телеграмму Сталину, где говорилось, что «…до сих пор Севастополь ни от кого не получил помощи. Крымская армия была рассеяна, а остатки Приморской армии бродили по горам. Для обороны главной базы флот бросил все, что имел, и больше ничего было дать. Единственная надежда оставалась на то, что через день-два подойдут свежие армейские части. Если этого не будет, противник прорвется к Севастополю». [223]

Октябрьский доложил также, что, несмотря на тяжелое положение, он не получил руководящих указаний по новой дислокации кораблей и частей, эвакуации и размещению тылов, мастерских и по ряду других неотложных вопросов.

Тогда же командующий доложил, что руководство сухопутной обороной он передал согласно приказу командующего войсками Крыма генерал-майору Петрову и предполагал по окончании эвакуации имущества главной базы на Кавказ перевести свой фронтовой командный пункт в Туапсе и оттуда руководить боевыми действиями флота на Азовском и Черноморском театрах.

Сталин не ответил Октябрьскому, а нарком Кузнецов приказал Октябрьскому остаться в Севастополе.

В ходе боев к 18 часам 5 ноября части сухопутной обороны главной базы заняли рубеж: от берега моря на высоту 64,2 (курган Маяк-Оба), высота 79,4, деревня Аранчи, гора Азис-Оба, станция Бельбек, высота 158,1, высота 278,4, деревня Черкез-Кермен. Дальше на юг изменений не произошло.

Ночью и в первую половину дня 7 ноября противник продолжал накапливать силы восточнее деревни Черкез-Кермен и вплотную подошел к верховью долины Кара-Кобя, а значительные части его прошли дальше на юг и скопились в районе деревень Уппа, Узенбаш и Айтодор.

В 14 ч. 30 мин. немцы перешли в наступление в направлении хутора

Мекензия и по долине Кара-Кобя. Два батальона немецкой пехоты при поддержке мощного артиллерийского и минометного огня в 14 ч. 50 мин. овладели хутором Мекензия.

Дальнейшее продвижение противника было остановлено упорными боями частей 2-го и 3-го полков морской пехоты при огневой поддержке артиллерии береговой обороны главной базы.

Новый рубеж нашей обороны прошел в 0,5 км западнее хутора Мекензия. Наступление немцев по долине Кара-Кобя успеха не имело.

7 ноября в боях впервые принял участие бронепоезд «Железняков», построенный работникам Севморзавода в октябре 1941 г. Бронепоезд состоял из бронепаровоза типа «Э», двух бронеплощадок на базе 60-тонных платформ и двух контрольных платформ с балластом. На каждой бронеплощадке было установлено по одной 76-мм пушке 34-К и по одной 76-мм пушке Лендера. Таким образом, все четыре орудия бронепоезда могли вести огонь как по наземным, так и по воздушным целям. Эффективность огня обеспечивалась морским зенитным дальномером ДМ-1,5. В течение последующих 8 месяцев осады города бронепоезд «Железняков» сделал 140 боевых рейсов.

8 ноября огонь по противнику вели уже обе башенные батареи – № 30 и № 35.

Внимательный читатель уже заметил, что первые две недели боев за Севастополь я даю по советским материалам. Пора дать слово и противнику. Манштейн писал об этих боях: «54-му армейскому корпусу, следовавшему вплотную за бригадой, была поставлена задача – прорваться через реки Бельбек и Черную и окончательно отрезать путь отступления на Севастополь частям противника, находящимся в горах. Однако корпус после активного преследования на подступах к крепости между реками Кача и Бельбек, а также при своем продвижении в горах к реке Черная натолкнулся на упорное сопротивление. Противник имел в крепости еще четыре боеспособные бригады морской пехоты, которые составили ядро группирующейся здесь армии обороны. Начала действовать крепостная артиллерия. Из оттесненных в горы частей Приморской армии довольно значительные силы добрались по горным дорогам до Севастополя, правда без орудий и транспорта. Они сразу же получили пополнение по морю. Многочисленные рабочие батальоны, составленных из рабочих этой крупной военно-морской базы и вооруженные оружием из крепостных складов, также усиливали ряды обороняющихся. Благодаря энергичным мерам советского командующего противник сумел остановить продвижение 54-го армейского корпуса на подступах к крепости. В связи с

наличием морских коммуникаций противник счел себя даже достаточно сильным для того, чтобы поддержке огня флота начать наступление с побережья севернее Севастополя против правого фланга 54-го армейского корпуса. Потребовалось перебросить сюда для поддержки 22-ю пехотную дивизию из состава 30-го армейского корпуса. В этих условиях командование армии должно было отказаться от своего плана взять Севастополь внезапным ударом с хода – с востока и юго-востока. К тому же обеспечить наступление с востока не было никакой возможности ввиду отсутствия дорог. Шоссейная дорога, обозначенная на захваченных нами картах, на самом деле не существовала. Ее начало обрывалось в труднодоступной скалисто-лесистой местности». [224]

Отдел тыла 11-й армии расположился в Симферополе, а сам Манштейн с «первым эшелоном штаба» разместился в большом селе Сарабуз в 18 км севернее Симферополя. Как писал Манштейн: «Мы удобно расположили там наши штабные службы в большой школе-новостройке; такие школы были выстроены Советами почти во всех крупных селах. Я сам с начальником штаба и несколькими офицерами жил в небольшом здании правления плодового колхоза… На этой скромной квартире мы оставались до августа 1942 года, лишь дважды, в июне 1942 года, когда наш штаб находился под Севастополем, отлучаясь на КП на Керченском участке». [225]

Почему Манштейн выбрал Сарабуз, а не, скажем, Бахчисарай, генерал-полковник нам не объясняет. Рискну высказать предположение, что немцы рассчитали, что Бахчисарай находится в радиусе действия батарей № 30 и № 35. Да и до окраины Симферополя «тридцатка» могла вполне достать, так что в Сарабузе было поспокойнее.

11 ноября немецкие войска нанесли удар в районе сел Варнутка – Кучук-Мускомья, где находилась 40-я кавалерийская дивизия. К исходу дня оба села были заняты противником.

Вместе с береговыми батареями интенсивный обстрел по скоплениям немецких войск вели крейсера «Красный Крым» и «Червона Украина», [226] стоявшие в бухте Севастополя. За 10 и 11 ноября «Красный Крым» выпустил 105 снарядов, а «Червона Украина» – 148 снарядов.

12 ноября 23 бомбардировщика Ю-88 произвели налет на Севастополь. Бомбежка длилась с 11 ч. 45 мин. до 12 ч. 24 мин. Главным объектом налета стал крейсер «Червона Украина», стоявший у Совторгфлотской пристани. В 12 ч. 08 мин. фугасная бомба взорвалась на расстоянии 5–7 м от правого борта корабля на траверзе 92-100 шпангоутов. Через несколько секунд вторая фугасная бомба взорвалась в районе 4-го торпедного аппарата на

шкафуте левого борта (83 шпангоут). Взрывом торпедный аппарат сорвало с фундамента и сбросило за борт. На палубе возник пожар.

Через 3 минуты 500-кг бронебойная бомба замедленного действия взорвалась на грунте в непосредственной близости от правого борта корабля, в районе 9-12 шпангоутов. Взрывом перебило якорь-цепь правого якоря и перлинь, заведенный на бочку. Крейсер носом прижало к пристани. Лопнул кормовой швартовый конец с левого борта.

В 12 ч. 12 мин. взрыв такой же бомбы был зафиксирован под днищем корабля с левого борта, в районе 48–54 шпангоутов. От взрывов корпус корабля завибрировал. Крейсер кренился на левый борт, и возник дифферент на нос.

Борьба за живучесть крейсера длилась 16 часов, но в 4 ч. 10 мин. 13 ноября корабль затонул.

В ходе налета кроме крейсера пострадали два эсминца (проектов 7 и 7У), ремонтировавшихся в Севастополе. Эсминец «Беспощадный» 22 сентября под Одессой в результате попадания авиабомбы потерял носовую часть по 44-й шпангоут и был отбуксирован в Севастополь. И вот 12 ноября «Беспощадный», стоявший у Миной пристани, получил прямое попадание в районе 3-го котельного отделения. 2-е и 3-е котельные отделения были затоплены, машины исправны. Корабль остался на плаву, но требовал капитального ремонта.

Поздним вечером 17 ноября «Беспощадный» был взят на буксир эсминцев «Шаумян» и отведен в порт Поти.

Другой эсминец, «Совершенный», к началу войны достраивался у стенки Севморзавода. 30 сентября 1941 г. во время ходовых испытаний на Херсонесской мерной миле в 16 ч. 42 мин. он подорвался на нашем минном заграждении и получил пробоину в правом борту площадью 30 кв. м. В результате оказались затопленными 1-е и 2-е котельные отделения и 1-е машинное отделение. Корабль отбуксировали в Севастополь и поставили в док. А теперь «юнкерсы» достали его в сухом доке Севморзавода. Бомба попала в 4-е машинное отделение.

В ходе этого налета было сбито два Ю-88, один из которых таранил истребитель МиГ-3, а другой сбит зенитным огнем.

Забегая вперед, скажу, что Октябрьский приказал к 20 ноября снять с крейсера «Червона Украина» артиллерию и установить ее на береговые батареи.

С 21 ноября по 15 декабря 1941 г. на сухопутных рубежах Севастополя было создано шесть 130-мм двухорудийных батарей.

– батарея № 111 (701) [227] – две 130-мм установки Б-13 с эсминца

«Совершенный», установлены на Малаховом кургане;

– батарея № 112 (706) – две 130-мм установки Б-13 с эсминца «Быстрый» установлены у лагеря училища береговой обороны на Северной стороне, недалеко от Константиновской батареи;

– № 113 (702) – две 130/55-мм пушки с крейсера «Червона Украина» установлены у Английского кладбища;

– № 114 (703) – две 130/55-мм пушки с крейсера «Червона Украина» установлены у хутора Дергачи;

– № 115 (704) – две 130/55-мм пушки с крейсера «Червона Украина» установлены у железнодорожной станции Мекензиевы горы;

– № 116 (705) – две 130/55-мм пушки с крейсера «Червона Украина» установлены у Максимовой дачи.

К исходу 12 ноября немцы заняли мыс Сарыч. Личный состав маяка и поста СНИС был вывезен, маяк Сарыч разрушен. При отходе огнем противника была потоплена шхуна. Потерь не было.

Как гласит «Хроника…», повторенная позже Г.И. Ванеевым и другими нашими историками: «Противник, подтянув свежие силы, с утра 13 ноября возобновил атаки против подразделений 40-й кавалерийской дивизии и передовых подразделений первого сектора обороны. Два батальона немцев с 35 танками наступали от высоты 198,4 вдоль Ялтинского шоссе и далее на высоту 440,8 и один батальон с танками – вдоль горной дороги от деревни Кучук-Мускомья на деревню Кадыковка». [228]

К исходу дня немцы овладели высотой 417,7, лесничеством, высотами 386,6 и 440,8, а часть сил 40-й кавалерийской дивизии, удерживавшая высоту 508,1, оказалась обойденной с флангов и окруженной.

С целью дезориентации противника и отвлечения части его сил от направления главного удара наше командование решило силами второго и третьего секторов нанести охватывающий удар и овладеть важным опорным пунктом – хутором Мекензия.

Опасаясь окружения своих частей в районе хутора Мекензия, а также считая, что советские войска переходят из северных секторов в общее наступление, командование 11-й немецкой армии срочно завершило переброску сюда 22-й пехотной дивизии. Это облегчило положение защитников южных секторов.

Из-за больших потерь 13 ноября 42-я кавалерийская дивизия была расформирована, и ее остатки влиты в 40-ю кавдивизию. Также была расформирована 421-я стрелковая дивизия, остатки которой были обращены на пополнение 1330-го стрелкового полка.

Бои за Севастополь 14 ноября и общее положение дел хорошо

изложено в «Хронике…». "Утром 14 ноября с целью восстановления утраченных позиций на правом фланге части первого сектора обороны перешли в наступление. Весь день шли бои с противником, упорно отстаивавшим захваченные рубежи. К 17 ч. 00 м. после упорных боев части 40-й кавалерийской дивизии и батальон школы НКВД вышли на линию высот: 386,6 – 482,2 – 198,4 и 555,3. Но в 18 ч. 00 м. батальон школы НКВД, будучи контратакован немецкими автоматчиками, вновь беспорядочно отошел, обнажив правый фланг 40-я кавалерийской дивизии…

В районе черкез-керменского плацдарма части третьего сектора перешли в наступление. Преодолевая упорное сопротивление врага, 3-й полк морской пехоты, наступавший с севера, к 15 ч. 00 м. перерезал дорогу и овладел безымянной высотой в 1,5 км западнее дер. Черкез-Кермен, и почти окружил группировку немецких войск в районе хутора Мекензия, но вследствие недостаточной настойчивости частей 7-й бригады морской пехоты полностью окружить и уничтожить эту группировку не удалось. Противник, сосредоточив свыше пехотного полка, контратаками из хутора Мекензия и дер. Черкез-Кермен приостановил наше дальнейшее наступление и оттеснил части 3-го полка морской пехоты к югу от дороги, связывающей дер. Черкез-Кермен с хутором Мекензия…

Командующий Черноморским флотом доложил Сталину, что состояние обороны Севастополя продолжало оставаться исключительно напряженным. Противник имел на фронте 50-ю, 72-ю и 132-ю пехотные дивизии немцев, 32-ю егерскую дивизию, 36-й мотополк, 118-й мотоотряд и кавалерийскую бригаду румын".

14 ноября вновь подошедшая 72-я пехотная дивизия противника начала наступать на город Балаклаву. Для восстановления положения на фронт были брошены все резервы. Однако сводный полк НКВД сумел удержать Генуэзскую крепость на Восточном берегу Балаклавской бухты.

Большую роль в обороне Балаклавы сыграла береговая батарея № 19 на западном берегу под скалой Мотам. Батарея была больше известна среди защитников Севастополя как батарея Драпушко, по имени ее командира. Немцы же называли эту батарею фортом «Кентавр-1».

152/45-мм батарея № 19 впервые открыла огонь по противнику 6 ноября 1941 г. На пределе дальности, развернув орудия на берег, артиллеристы смели огнем позиции немцев у деревни Шули (Терновка), где держал оборону 2-й полк морской пехоты. Всего 6 ноября было выпущено семьдесят 6-дюймовых снарядов. 7 ноября артиллеристам объявили первую благодарность командования за меткие стрельбы. Среди

защитников за батареей закрепилось домашнее имя – «Мамаша».

13 ноября немцы заняли господствующие над Балаклавой высоты, вплоть до горы Спилия и Генуэзской крепости. Шестидюймовые орудия 19-й батареи от позиции немцев отделяло расстояние в тысячу метров. Командование береговой обороны в полной мере использовало возможность батареи наносить удары по тылам противника. Пленные немцы рассказывали о кошмаре в Алсу, где огнем батареи были уничтожены два батальона вермахта. Для борьбы с батареей специально были подтянуты тяжелые орудия и минометы. Штурмовики обрушили на нее град авиабомб. За сутки на батарею обрушивалось до 300 снарядов.

15 ноября батарея № 19 поставила рекорд, выпустив 486 шестидюймовых снарядов.

К 21 ноября батарея была выведена из строя. И вот бойцы батареи с большим трудом перетащили две 152/45-мм пушки на новую позицию у 7-го километра Балаклавского шоссе у совхоза № 10. Фактически из четырех пушек удалось собрать две. И эти две пушки вновь заговорили к 17 декабря.

Защитников Балаклавы поддерживала и 152/45-мм батарея № 18 на мысе Фиолент. Впервые батарея открыла огонь по противнику 13 ноября. Немцы окрестили батарею № 18 фортом «Кентавр-2».

К середине ноября 1941 г. потери наших частей у Севастополя достигли 5000 человек, то есть до 20 % всего состава войск.

В 7 ч. 40 мин. 15 ноября в Севастополь прибыл транспорт «Абхазия» с войсками, переброшенными с Кавказа.

Севастопольский оборонительный район по-прежнему подвергался налетам вражеской авиации. 16 ноября с 12 ч. 06 мин. до 12 ч. 44 мин. двенадцать Ю-88 бомбили районе Инкермана. В 12 ч. 30 мин. бомба попала в баржу СП-4 (396 т), которая была под погрузкой боекомплекта. Снаряды сдетонировали. В результате взрыва погибло 12 человек и ранено 29. Баржа и рядом стоявший катер затонули. Затем последовал второй налет. Цитирую «Хронику…»: «С 15 ч. 30 м. до 20 ч. 07 м. 27 самолетов Ю-88 и Ю-87 снова бомбили главную базу и войска на фронте. При отражении налетов на главную базу наши летчики сбили два немецких самолета и зенитчики – один Ю-88. Наши потери – один МиГ-3». [229]

А вот что пишет по сему поводу Г.И. Ванеев: «Вражеская авиация дважды группами бомбила боевые порядки наших войск и город. Всего участвовало 39 самолетов. Авиабомбой у Сахарной балки были взорвана баржа с боезапасом. Убито 12 и ранено 29 человек. При отражении налетов на главную базу летчики сбили два немецких самолета и зенитчики – один.

Вел бой с вражескими истребителями и младший лейтенант Я.И. Иванов. Он сбил „Ме-109“, после чего заметил прорывающийся к Севастополю немецкий бомбардировщик. Иванов начал преследование, но кончился боезапас. Яков Матвеевич пошел на таран. „До-215“ был уничтожен, но при этом погиб и отважный летчик». [230]

Откуда взялись До-215 и таран Иванова, и почему их нет в «Хронике…», можно только гадать.

Командующий Черноморским флотом и СОР вице-адмирал Октябрьский получил директиву Ставки Верховного Главнокомандования от 19 ноября за № 004973, которой командование войсками Крыма упразднялось, а командующий Черноморским флотом и СОР с 22 часов этого дня подчинялся непосредственно Ставке.

На суше 16–20 ноября бои шли с переменным успехом. Несколько слов стоит сказать об активности нашей авиации. Так, 17 ноября шесть МБР-2, шесть И-5, четыре У-2, пять Ил-2, один Пе-2 и четыре И-16 бомбили и штурмовали войска противника в районе Кучук-Мускомья и Варнутки. Было уничтожено и выведено из строя 15 автомашин.

На следующий день шесть И-5 и четыре У-2 бомбили ночью вражеские войска в районе села Шули. Один И-16 при посадке скапотировал и сгорел, летчик остался невредим.

Днем пять МБР-2, четыре И-5, четыре У-2, пять Ил-2, четыре И-16 и два МиГ-3 бомбили и штурмовали вражеские войска на подступах к Севастополю. Уничтожено и выведено из строя до двух рот пехоты противника. Один И-16 упал в воду и затонул, летчик спасся.

20 ноября корабли Черноморского флота впервые обстреляли населенные пункты Южного берега Крыма, занятые немцами. Какие же корабли решил использовать для этого Октябрьский? Линкор? Пять крейсеров? Эсминцы? Нет. Подводные лодки. В ночь с 19 на 20 ноября подводная лодка «С-32» обстреляла Ялту, а подводная лодка «Д-4» выпустила 36 100-мм и 45-мм снарядов по Алуште. В обоих случаях немцы не отвечали (видимо, отвечать-то было некому), а лишь выключили освещение.

21 ноября в 12 ч. 30 мин. в Севастополь с грузом боеприпасов прибыл лидер «Ташкент». Он быстро разгрузился и уже в 20 ч. 10 мин. вышел из главной базы. Маневрируя за внутренней кромкой советского минного заграждения (жаль, что нельзя даже в романе написать, что говорили моряки о милых адмиралах, приказавших учинить сие заграждение), лидер обстрелял пункты скопления войск противника – Кача, Голумбей и Тас-Тепе. Всего было выпущено 145 130-мм снарядов. Затем лидер полным

ходом пошел к берегам Кавказа и 23 ноября в 11 ч. 40 мин. прибыл в Батуми.

Официальные советские историки считают временем окончания первого штурма Севастополя 21 ноября 1941 г. В этот день немцы силами одной пехотной дивизии перешли в наступление в направлениях на деревню Камары и деревню Нижний Чоргунь. Главный удар был нанесен в направлении на Камары.

Части первого и второго секторов оказывали упорное сопротивление и наносили вместе с артиллерией армии и береговой обороны главной базы большие потери наступавшему противнику. Но все же под нажимом превосходящих сил врага наши части первого сектора вынуждены были отойти на новые рубежи. К 10 часам немцы овладели деревне Камары. Однако коротким и сильным контрударом частей 514-й стрелковой дивизии деревня Камары была отбита, и полк закрепился на ее восточной окраине.

В результате этих боев части первого сектора к исходу дня обороняли рубеж: высота 212,1, западные скаты высоты 440,8 и восточная окраина деревни Камары.

Неоднократные атаки немцев на участке второго сектора на Чоргунском направлении были отбиты с большими потерями для противника, который в итоге боев отошел на исходные позиции.

В 20 часов 21 ноября на фронте первого сектора обороны немцы прекратили наступление. В последующие три недели немцы особой активности под Севастополем не проявляли.

С 23 ноября по 16 декабря по морю в Севастополь было доставлено маршевое пополнение в количестве 21 стрелковой роты и 7 специальных рот, всего 6500 человек. Для пополнения частей морской пехоты в тот же период было доставлено около трех батальонов 9-й бригады морской пехоты, а для частей береговой обороны и ПВО – отдельные роты моряков (до 1000 человек).

Кроме того, 9-15 декабря в Севастополь была доставлена 388-я стрелковая дивизия (10 817 человек, 35 орудий и минометов).

14 декабря П.И. Батов был снят с должности командующего 51-й армией, а на его место был назначен генерал В.Н. Львов.

В конце ноября 1941 г. адмирал Октябрьский впервые решился, надо полагать, из-за спада активности немцев, применить в боевых условиях 305-мм пушки линкора «Парижская Коммуна». 26 ноября в 18 ч. 40 мин. линкор покинул порт Поти, где он оставался с 4 ноября, и в сопровождении эсминца «Смышленый» направился к Севастополю.

В полночь на 28 ноября оба корабля прибыли в район главной базы и

находились у кромки своего минного заграждения. С 00 ч. 13 мин. до 00 ч. 30 мин. 28 ноября линкор выпустил 100 305-мм и 300 120-мм снарядов, а эсминец – 120 130-мм снарядов. Стрельба производилась по площади на ходу по херсонесской мерной миле на пути к Балаклаве, внутри минного заграждения. Вспомогательной точкой наводки служил красный огонь, установленный в точке с координатами ш = 40°29′,3 и д = 33°33′,6. Обстреляны скопления немецких войск в районе деревень Варнутка, Кучук-Мускомья, Хайто и Байдары.

В 2 часа ночи 28 ноября линкор «Парижская Коммуна» и эсминец «Смышленый» вышли за внешнюю кромку минного заграждения и 29 ноября в 9 ч. 20 мин. вошли в порт Поти. При входе в порт линкор ухитрился потопить буксир «Красный Октябрь», который пытался его отбуксировать в порт. Сам линкор сел при этом на мель, но вскоре был снят. Погибли капитан буксира и два краснофлотца. Это был единственный корабль, потопленный нашими крупными кораблями (линкорами и крейсерами) за всю войну.

В «Справочнике потерь военно-морского и торгового флотов Советского Союза Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» о «Красном Октябре» написано: «29 ноября в 9 ч. 20 мин. буксир „Красный Октябрь“ у входа в порт Поти в штормовую погоду перевернулся и затонул». [231]

27 ноября в 3 ч. 15 мин. Крейсер «Красный Крым», имея на борту 1000 бойцов маршевого пополнения, вышел из Новороссийска в Севастополь. 28 ноября в 6 ч. 25 мин. «Красный Крым» прибыл в Севастополь. Через полчаса туда же пришел эсминец «Железняков». Подошедший к главной базе в 22 ч. 00 мин. крейсер «Красный Кавказ» из-за плохой видимости и штормовой погоды не мог пройти фарватером через минные заграждения в районе Севастополя и из-за ограниченного запаса топлива возвратился в Новороссийск.

29 ноября эсминец «Железняков», стоя в Севастопольской бухте, выпустил по противнику 94 снаряда, а крейсер «Красный Крым» – 179 снарядов.

30 ноября в 23 ч. 34 мин. крейсер «Красный Крым» в сопровождении тральщиков ТЩ-21 и ТЩ-27 вышел из Севастополя в район Балаклавы. С 1 ч. 37 мин. до 2 ч. 38 мин. 1 декабря, маневрируя между берегом и внутренней кромкой минного заграждения, корабли обстреляли пункты скопления войск противника. Крейсер обстрелял деревни Варнутку и Кучук-Мускомью, выпустив 119 фугасных 130-мм снарядов. ТЩ-21 обстерля высоту 566,2, а ТЩ-27 – высоту 471,7 и деревню Кучук-

Мускомью. В 4 ч. 25 мин. «Красный Крым» возвратился в Севастополь.

В эту ночь, с 1 ч. 45 мин. до 2 ч. 15 мин. эсминец «Железняков», стоя на якоре в Северной бухте, обстрелял скопления немецких войск в селениях Залакой, Биюк-Отаркой и Черкез-Кермен. Все стрельбы проводились по площадаям.

С 12 ч. 45 мин. до 13 ч. 20 мин. 1 декабря крейсер «Красный Крым», стоя на якоре в Южной бухте, обстрелял скопления вражеских войск в районе села Шули, выпустив 60 снарядов.

С 14 ч. 00 мин. до 18 ч. 00 мин. «Красный Крым» и «Железняков», стоя на якоре в Северной бухте, снова вели огонь по скоплениям войск противника в районе Голубей и в Дуванкое. Всего «Железняков» 1 декабря выпустил 182 102-мм снаряда. Стрельба корректировалась постоянным корректировочными постами.

По данным разведки, эти обстрелы корабельной артиллерией нанесли противнику значительный ущерб в живой силе и технике. На следующий день тридцать немецких семитонных машин с ранеными вышли по направлению к Симферополю.

2 декабря во второй половине дня и вечером крейсер «Красный Крым» и эсминец «Железняков», стоя на якоре в Севастопольской бухте, обстреляли скопления войск противника на подступах к Севастополю. С 16 ч. 52 мин. до 17 ч. 15 мин. «Железняков» обстрелял деревню Дуванкой, выпустив 19 снарядов. С 17 ч. 35 мин. до 18 ч. 10 мин. «Красный Крым» обстрелял деревню Черкез-Кермен, сделав 60 выстрелов. С 22 ч. 41 мин. до 23 ч. 50 мин. «Красный Крым» обстрелял село Шули, выпустив 39 снарядов.

3 декабря крейсера «Красный Крым» и «Красный Кавказ» и эсминец «Железняков» обстреливали скопления войск противника на подступах к Севастополю. С 0 ч. 50 мин. до 1 ч. 00 мин. «Железняков» обстрелял немецкую пехоту в районе Черкез-Кермена, выпустив 60 снарядов. С 1 ч. 35 мин. до 2 ч. 19 мин. «Красный Кавказ» обстрелял район Теберти и Сюрень, сделав 80 выстрелов. С 16 ч. 15 мин. до 16 ч. 40 мин. крейсер «Красный Кавказ» вел огонь по тылам противника в районах Теберти и Бахчисарая. Произведено 27 выстрелов. С 16 ч. 11 мин. до 17 ч. 30 мин. крейсер «Красный Крым» обстрелял немецкую батарею, расположенную в 1 км южнее деревни Кучка, выпустив 28 снарядов.

В 20 ч. 07 мин. крейсер «Красный Кавказ» в сопровождении тральщиков ТЩ-25 и ТЩ-26 вышел из Севастопольской бухты в район Балаклавы и, маневрируя между берегом и внутренней кромкой минного заграждения, с 21 ч. 33 мин. до 21 ч. 42 мин. обстреливал деревню Черкез-

Кермен, выпустив 20 снарядов. Тральщик ТЩ-25 обстрелял высоту 471,7, выпустив 30 снарядов, а тральщик ТЩ-21 выпустил 60 снарядов по высоте 566,2. Стрельбы велись по площадям. После стрельбы «Красный Кавказ» направился в Новороссийск, а тральщики в 23 ч. 45 мин. возвратились в Севастополь.

Утром 4 декабря, в 6 ч. 48 мин., эсминец «Способный», эскортировавший транспорт «Белосток» и плавбазу «Львов», прибыл в главную базу.

Вечером 4 декабря эсминцы «Железняков» и «Способный», стоя на якоре в Севастопольской бухте, вели огонь по скоплению войск противника на подступах к городу. С 17 ч. 45 мин. до 18 ч. 00 мин. «Железняков» обстрелял район Орта-Кесек, выпустив 12 снарядов. С 22 ч. 20 мин. до 23 ч. 50 мин. «Способный» обстрелял район деревни Варнутки, израсходовав 60 снарядов.

4 декабря в 14 ч. 35 мин. лидер «Харьков», имея на борту 500 бойцов маршевых рот, вышел из Новороссийска в Севастополь.

5 декабря с 22 ч. 30 мин. до 23 ч. 50 мин. лидер «Харьков» обстреливал деревню Дуванкой, выпустив 28 снарядов. Стрельба велась по площади. В это же время эсминец «Способный» обстрелял Качу, выпустив 63 снаряда. Стрельба корректировалась корректировочным постом береговой обороны главной базы.

В 6 ч. 22 мин. 6 декабря лидер «Харьков» прибыл в Севастополь, имея на борту 500 бойцов маршевых рот.

В 16 ч. 20 мин. 5 декабря транспорт «Белосток» и плавбаза «Львов» в охранении крейсера «Красный Крым» вышли из Севастополя в Туапсе. На «Белосток» было погружено боезапаса ВВС 180 тонн, разного груза отделов флота 56 тонн, принято раненых 270 и пассажиров 20 человек. На «Львов» было принято боезапаса Приморской армии 250 тонн, раненых 320 и пассажиров 20 человек. На «Красный Крым» было принято 300 раненых и 100 пассажиров.

6 декабря с 14 ч. 10 мин. до 14 ч. 23 мин. эсминец «Способный» обстрелял село Шули, выпустив 58 снарядов. Стрельба велась по площади. Он же с 15 ч. 45 мин. до 18 ч. 00 мин. обстреливал район Биюк-Отаркой, выпустив 20 снарядов. Стрельба корректировалась постом № 3. Одновременно лидер «Харьков» девятью снарядами обстрелял район Алсу. Стрельба корректировалась постом № 2.

С 0 ч. 14 мин. до 1 ч. 27 мин. 6 декабря дальнобойная немецкая артиллерия обстреляла район холодильника в Южной бухте Севастополя, где стоял лидер «Харьков». Прямым попаданием снаряда на «Харькове»

было выведено из строя первое орудие и поврежден прицел второго орудия. Осколками снаряда был перебит кабель центральной наводки для торпедной стрельбы и повреждена кают-компания. Жертв не было. В 3 ч. 17 мин. «Харьков» был переведен в Корабельную бухту и поставлен у артиллерийских мастерских для исправления повреждений. Это первые повреждения корабля за 10 дней непрерывных обстрелов германских войск в районе Севастополя.

7 декабря с 15 ч. 57 мин. до 16 ч. 55 мин. эсминец «Способный», стоя на якоре в Северной бухте, обстрелял вражеские войска в пунктах Сюрень и Биюк-Атаркой. Выпущено 93 снаряда. Стрельбу корректировал пост № 3.

8 декабря эсминец «Способный», выйдя в 18 ч. 10 мин. из Севастополя в район Качи и маневрируя между берегом и внутренней кромкой минного заграждения главной базы, в 19 ч. 42 мин. обстрелял мотомеханизированные части и батареи противника, расположенные в 1 км южнее деревни Бурлюк. Произведено 70 выстрелов по площади.

С 23 ч. 38 мин. до 23 ч. 45 мин. лидер «Харьков», стоя на якоре в Северной бухте, обстрелял деревню Биюк-Мускомья, выпустив 30 снарядов по площади.

В 22 ч. 30 мин. эсминец «Способный», закончив стрельбу в районе Качи, за подходной точной фарватера № 3 догнал транспорт «Чехов» и вступил в охранение его.

9 декабря с 0 ч. 55 мин. до 1 ч. 30 мин. лидер «Харьков», стоя на якоре в Севастопольской бухте, обстрелял село Аджи-Булат, выпустив 60 снарядов, стрельба велась по площади.

Глава 12 Второй штурм Севастополя

17 ноября 1941 г. Красная Армия начала Ростовскую наступательную операцию. Она проводилась войсками Южного фронта и 56-й отдельной армии (переданной 23 ноября Южному фронту). Всего к операции были привлечены 31 дивизия и 8 бригад, итого 349 тыс. человек. За 16 дней наши войска на фронте 140–180 км продвинулись на 60–80 км.

Ростовская операция стала первым серьезным поражением германских войск во Второй мировой войне.

В ночь на 1 декабря Гитлер приказал фельдмаршалу [232] Рундштедту сдать командование группой армий «Юг» фельдмаршалу Рейхенау. Гитлер лично прилетел в Мариуполь, а затем в Полтаву, но существенно повлиять на обстановку не смог.

Советское наступление не могло не сказаться на ситуации в Крыму. Манштейн писал: «17 ноября из-за обострившегося положения под Ростовом командование группы армий потребовало немедленно выделить в ее распоряжение 73-ю пехотную дивизию и 170-ю пехотную дивизию. Все объяснения командования 11-й армии относительно того, что этим будет сорвано наступление на Севастополь, привели только к тому, что нам была оставлена 170-я пехотная дивизия, двигавшаяся по прибрежной дороге на соединение с 30-м армейским корпусом. Она все равно слишком поздно прибыла бы под Ростов. Но тем не менее без 73-й пехотной дивизии мы оказались лишенными резерва, необходимого для наступления на северном участке». [233]

Успех под Ростовым побудил Военный Совет Закавказского фронта составить план операции по освобождению Керченского полуострова, о чем 26 ноября доложили начальнику Генштаба. Предполагалось высадить 7–8 стрелковых дивизий с целью овладеть Керченским полуостровом, ослабить нажим на Севастополь, не допустить вывода войск противника из Крыма. Эту сложную операцию хотели подготовить за 10 дней. 30 ноября командующий войсками Закавказским фронтом генерал-лейтенант Д.Т. Козлов представил на имя Сталина план операции, предполагая привлечь к делу силы от 51-й и 44-й армий.

Ряд наших историков, в том числе А.В. Басов, считают, что 44-я армия только создавалась. На самом деле она была сформирована в июле 1941 г. в Закавказском военном округе на базе 40-го стрелкового корпуса. Первоначально 44-я армия включала в себя 20-ю, 77-ю горнострелковые

дивизии, 17-ю кавалерийскую дивизию и ряд отдельных частей. 44-я армия предназначалась для прикрытия государственной границы СССР с Ираном. 23 августа 1941 г. 44-я армия была включена в состав Закавказского фронта, а с октября 1941 г. переброшена на Северный Кавказ.

Первоначально планировалось форсировать Керченский пролив и попросту выдавить немцев с Керченского полуострова, тем самым облегчив положение Севастополя.

6 декабря на запрос А.М. Василевского о возможности высадки десанта Октябрьский предложил центр операции перенести на южное побережье полуострова и главными пунктами высадки считать Феодосию и Керчь, а основным пунктом посадки – Новороссийск; сковывающее направление – Судак; одновременно начать наступление из Севастополя (после прибытия туда 388-й стрелковой дивизии).

9 декабря в 16 ч. 09 мин. Октябрьский на крейсере «Красный Кавказ» вышел из Севастополя в Новороссийск для подготовки совместно с командованием Закавказского фронта Керченско-Феодосийской десантной операции.

Нескромный вопрос – а слетать на МБР-2 нельзя было? Как помним, при вторжении немцев в Крым боялись послать на несколько часов крейсера пострелять по Южному берегу Крыма. А тут гонять крейсер, игнорируя и авиацию противника, и мины?!

Окончательный вариант плана десантной операции был составлен к 13 декабря. Его основной задачей ставилось окружение войск противника на Керченском полуострове. 44-я армия, высаженная в Феодосии, должна была перерезать коммуникации противника и совместно с 51-й армией, высаженной в районе Керчи, уничтожить его. С выходом частей 51-й армии на Ак-Манайскую позицию обе армии должны были наступать в направлении Карасубазар и далее на Симферополь, Джанкой. 51-я армия должна была высадить на восточное и северное побережье Керченского полуострова 4 стрелковые дивизии (224-ю, 302-ю, 390-ю и 396-ю), одну 12-ю стрелковую бригаду, батальон морской пехоты Азовской флотилии, 4 артиллерийских полка. 44-я армия в районе Феодосии должна была высадить 157-ю, 236-ю и 345-ю стрелковые дивизии, 79-ю отдельную морскую бригаду, 105-й и 251-й горнострелковые полки, один артиллерийский полк. В резерве командующего фронтом находились 2 стрелковые дивизии (398-я и 400-я) и 126-й отдельный танковый батальон.

Учитывая предложение Октябрьского одновременно провести наступление из Севастополя, Генштаб запросил сведения о численности и вооружении Приморской армии. 9 декабря Военный Совет Черноморского

флота ответил, что весь гарнизон Севастопольского оборонительного района насчитывает 62 237 человек, в том числе на сухопутном фронте – 41 146 человек, резерв СОРа – 4884 человека. База для пополнения составляла 2799 человек, в том числе 146 человек – курсы комсостава, 624 человека – тыл фронта, 871 человек – тыл армии, 1158 человек – декабрьские призывники. Кроме того, по данным горвоенкомата на предприятиях числилось 3408 военнообязанных. Гражданское население Севастополя на 1 декабря 1941 г. составляло 51 244 человека, из которых 21 513 рабочих и служащих и 29 731 иждивенец.

Пополнение частям с 7 ноября по 5 декабря из флотского экипажа и 136-го запасного стрелкового полка составило 12 117 человек, 7105 винтовок, 43 пулемета. Из Северокавказского военного округа с 19 ноября по 4 декабря прибыли 4704 человека.

Таблица 19 Численный состав Приморской армии на 5 декабря 1941 г. [234]

Название части	Всего людей	Автомашины	Танки	Винтовки	Пулеметы ручные и станковые	Пушки и гаубицы	Минометы
Полевое укрепление армии	1337	121	—	623	25	—	11
Части 25-й стрелковой дивизии	5007	111	—	3543	51	35	94
Части 95-й стрелковой дивизии	3759	88	—	2044	48	45	10
Части 172-й стрелковой дивизии	9303	93	1	8063	198	13	107
Части 2-й кавалерийской дивизии	320	96	—	236	—	—	—
Части 40-й и 42-й кавалерийских дивизий	1493	7	—	973	7	2	—
765-й корпусный артиллерийский полк	1106	64	—	636	20	22	—
Отдельный танковый батальон	213	6	9	40	25	2	—
Части 421-й стрелковой дивизии	3438	111	—	2273	49	19	10
Местный полк	3494	—	—	3186	58	—	47
Части береговой обороны и главной базы	2878	49	—	1855	70	29	11
Части боевого обеспечения	2805	236	—	1846	21	14	—
Тыловые части	2599	98	—	473	6	—	—
Пересыльный пункт	1458	13	—	61	1	—	1
Маршевая рота флотского экипажа	2100	—	—	0	—	—	—
Итого	**41 389**	**1033**	**10**	**25 852**	**574**	**181**	**291**

В дополнение к данным, приведенным в таблице, следует сказать, что 2-я кавалерийская дивизия была переформирована во 2-ю стрелковую дивизию; 42-я кавалерийская дивизия – в 40-ю кавалерийскую дивизию; 9-я

бригада морской пехоты побатальонно роздана на пополнение дивизий; 7-я бригада морской пехоты находилась в резерве армии, а 421-я дивизия была уже расформирована.

К 15 декабря в Севастополь с Кавказа перебросили 388-ю стрелковую дивизию в составе 733-го, 778-го и 782-го стрелковых полков, 953-го артиллерийского полка, 667-го отдельного зенитного дивизиона, минометного дивизиона, 452-го мотострелковой разведывательной роты (без транспорта), 841-го отдельного батальона связи, 671-го саперного батальона, 486-й химроты, 505-й автороты (без транспорта). Общая численность дивизии составляла 10 817 человек и 30 орудий.

Всего с 23 ноября по 16 декабря Севастополь получил около 21 тыс. человек. [235]

К 17 декабря 1941 г. в составе артиллерия СОРа имелось 448 орудий и минометов. Ширина фронта обороны в это время оставалась прежней – 42 км. Средняя плотность артиллерии (не считая зенитной) равнялась 10,7 орудия и миномета на 1 км фронта обороны (7,4 орудия и 3,3 миномета), то есть почти совсем не отличалась от средней плотности во время первого наступления противника.

В сухопутной артиллерии по-прежнему не было орудий большой и особой мощности. Число же орудий среднего калибра, находившихся в строю на 17 декабря, не изменилось по сравнению с 15 ноября. По-прежнему имелось тринадцать 155-мм гаубиц французского производства, шестнадцать 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20, четыре 152-мм гаубицы, тридцать шесть 122-мм гаубиц. Возросло лишь с 22 до 24 число 107-мм пушек.

В дотах и дзотах на 17 декабря находилось восемь 100-мм морских пушек Б-24, восемь 75/50-мм пушек Кане, двадцать одна 76-мм дивизионная и полковая пушка и двадцать пять 45-мм пушек. Итого 62 пушки.

17 декабря Манштейн начал наступление, опередив советское командование. Атака немцев оказалась внезапной как по времени, так и по месту нанесения главного удара.

Бывший комендант второго сектора обороны Севастополя генерал-лейтенант И.А. Ласкин писал: «Из высказываний командарма Петрова в беседах с нами в эти дни можно было заключить, что он ожидал главного удара врага на Ялтинском направлении, как это было в ноябрьском наступлении… Маршал Советского Союза Н.И. Крылов (в те дни начальник штаба Приморской армии) писал, что замысел Манштейна в тот момент нам был неизвестен, хотя о походе к Севастополю крупных сил

врага в армии знали точно». [236]

Манштейн же решил наступать к Северной бухте Севастополя. Позже он писал: "Для того чтобы сломить сопротивление крепости, необходимо было в качестве предварительного условия по возможности скорее поставить под свой контроль порт – бухту Северную. Пока крепость имела морские коммуникации, при нынешнем положении дел противник по технической обеспеченности, а быть может, и по численности постоянно сохранял бы превосходство над нами. Поэтому главный удар должен был наноситься с севера или северо-востока в направлении бухты Северной, следовательно, совсем не так, как наносили удар союзники в Крымской войне, когда они имели господство на море. Для нас важен был не город, а порт. Только на севере наша армия могла использовать свою мощную артиллерию для поддержки наступления. Организация же ее боепитания через горы на южном участке при данных возможностях транспорта была нереальна, тем более что прибрежная дорога в любой момент могла быть взята под огонь противником с моря. Если укрепления противника на северном участке и были более сильными и многочисленными, чем на южном, то местность на южном участке – крутые скалистые горы – была чрезвычайно труднодоступной. К тому же дорожная сеть на южном участке была совершенно недостаточной. Чтобы создать ее, нужна была еще длительная работа.

Исходя из этих соображений, командование армии приняло решение наносить главный удар с севера или северо-востока. На юге решено было вести вспомогательное наступление главным образом с целью сковывания и отвлечения сил противника.

На севере должен был наступать 54-й армейский корпус, которому для этой цели были подчинены четыре дивизии (22-я, 132-я, 50-я пехотные дивизии и только подтянутая 24-я пехотная дивизия), а также большая часть тяжелой артиллерии.

Сковывающий удар на юге должен был наносить 30-й армейский корпус, имевший для этого в своем распоряжении кроме 72-й пехотной дивизии также переброшенную от Керчи 170-ю пехотою дивизию и румынскую горную бригаду. Со стороны Керчи была подтянута также 73-я пехотная дивизия, которая должна была составить резерв войск, наступавших с севера. Таким образом, на Керченском полуострове остался только штаб 42-го корпуса с 46-й пехотной дивизией.

В горах Яйлы действовал штаб румынского горного корпуса с подчиненной ему 4-й горной бригадой, так как здесь с самого начала развернулось сильное, хорошо подготовленное партизанское движение.

Партизанские отряды получили большое пополнение за счет рассеянных в горах частей Приморской армии и постоянно угрожали нашим коммуникациям как на дороге на Феодосию, так и на Севастопольском фронте южнее горной гряды.

Таким образом, охрана побережья обеспечивалась, помимо 8-й румынской кавалерийской бригады на восточном берегу, только немногими вновь созданными береговыми батареями да тыловыми подразделениями наших дивизий.

Конечно, если учесть, что советский флот имел господство на море, то этот фактор означал большой риск для командования армии (Манштейн очень хорошо думал об адмирале Октябрьском). Но этот риск казался оправданным, если наступление на Севастополь начнется достаточно скоро, раньше, чем противник успеет на Кубани или на Кавказе сформировать новые силы для высадки с моря.

Момент начала наступления имел, следовательно, большое значение. По нашим расчетам, необходимая перегруппировка войск и снабжение артиллерии боеприпасами могли быть закончены к 27 или 28 ноября. На этот срок и было назначено начало наступления.

Но здесь-то нам и помешала русская зима, причем двояким образом, что было особенно плохо. В Крыму начались непрерывные дожди, которые в кратчайший срок вывели из строя все дороги без твердого покрытия. Сеть же дорог с твердым покрытием в Крыму начинается только от Симферополя. С материка к Симферополю ведет только часто встречающаяся в этой стране «проселочная дорога», у которой выровнена лишь проезжая часть и по бокам которой прорыты кюветы. В сухую погоду такие дороги на глинистой почве южной России очень хорошо проходимы. Но в период дождей их пришлось сразу же перекрыть, чтобы они не вышли из строя совсем на долгий срок. Таким образом, с началом дождей армия практически теряла возможность обеспечивать свое снабжение автогужевым транспортом, во всяком случае, на участке от материка до Симферополя. К 17 ноября уже вышло из строя по техническим причинам 50 % нашего транспорта. На материке же, на севере, уже свирепствовал лютый мороз, который вывел из строя четыре паровоза из пяти, имевшихся тогда в нашем распоряжении южнее Днепра. Таким образом, снабжение армии ограничивалось теперь одним-двумя эшелонами ежедневно. Днепр покрывался льдом, но он был еще слишком тонок, навести же мост нельзя было из-за льда. Подготовка к наступлению из-за всего этого затягивалась. Вместо 27 ноября мы смогли начать артиллерийскую подготовку только 17 декабря". [237]

Манштейн планировал окончательно взять Севастополь к 21 декабря, то есть на 4-й день наступления.

17 ноября рано утром немцы после короткой, но сильной артиллерийско-минометной подготовки перешли в наступление по всему фронту главной базы. Главный удар они наносили 22-й, 132-й и 24-й пехотными дивизиями на фронте хутор Мекензия – гора Азис-Оба, имея намерение выйти через село Камышлы и пост Мекензиевы горы к северо-восточной оконечности Северной бухты. Вспомогательный удар наносила 50-я немецкая дивизия в районе деревень Верхний и Нижний Чоргунь с целью прорыва по долине реки Черная к Инкерману.

На участке фронта от берега моря до деревни Камары действовали части 72-й немецкой пехотной дивизии и 1-й румынской горнострелковой бригады. На участке между деревней Верхний Чоргунь и высотой 269,0 действовала 4-я румынская горно-стрелковая бригада.

Наиболее напряженные бои развернулись южнее и севернее долины реки Бельбек, в районе гор Кая-Баш и Азис-Оба. Батальон немцев при поддержке концентрированного артиллерийского огня и авиации, прорвал фронт нашего 287-го стрелкового полка у горы Кая-Баш. Первый батальон этого полка, понеся большие потери от огня, не выдержал натиска противника и отошел к высоте 192,0.

Одновременно полк немецкой пехоты, поддержанный танками, атаковал подразделение 8-й бригады морской пехоты у горы Азис-Оба. Понесшие тяжелые потери подразделения бригады под натиском превосходящих сил немцев, после упорного боя, к исходу дня отошли на свою тыловую позицию в 0,5 км западнее горы Азис-Оба. Этим отходом было создано чрезвычайно тяжелое положение как для 241-го стрелкового полка, оборонявшегося в районе высоты 204,5, так и для остальных частей третьего сектора, оборонявшихся южнее, на участке хутора Мекензия и высоты 264,1.

Использовав достигнутый днем успех, немцы вечером начали охватывать оба фланга 241-го стрелкового полка, создавая для него угрозу окружения. Несмотря на это, полк, перейдя к круговой обороне, продолжал упорно оборонять занимаемый район.

Для восстановления положения в районе села Камышлы из резерва третьего сектора была подтянута 7-я бригада морской пехоты, а из общего резерва – 40-я кавалерийская дивизия и 773-й стрелковый полк 388-й дивизии. Кроме того, в целях предотвращения возможного прорыва немцев через Камышловский овраг, к кордону Мекензия № 1 из общего резерва был выдвинут 778-й стрелковый полк, который занял оборонительные

позиции по западному берегу Камышловского оврага.

В районе хутора Мекензия утром батальон немцев атаковал позиции 3-го полка морской пехоты, а другой батальон напал на наши позиции между высотой 319,6 и горой Яйла-Баш. В результате упорного боя все немецкие атаки западнее хутора Мекензия были отбиты, и враг понес большие потери. Но батальону противника, наступавшему по долине между высотой 319,6 и горой Яйла-Баш, удалось немного потеснить наше боевое охранение с высоты 278,4, которое отошло на передний край передового рубежа обороны.

В районе селений Нижний и Верхний Чоргунь полк противника атаковал наши позиции в направлении высоты с итальянским кладбищем, и до батальона немцев наступало из района высот 287,4 и 181,4 в направлении Верхнего Чоргуня. Здесь в результате ожесточенных боев противник лишь незначительно потеснил подразделения нашего 2-го полка морской пехоты и к исходу дня овладел безымянными высотами в 1 км южнее и северо-восточнее Нижнего Чоргуня.

Авиация противника произвела несколько налетов на город и порт Севастополь. В Клеопиной балке разрушены 6 порожних нефтебаков, а на аэродроме Херсонесский маяк прямым попаданием бомбы поврежден капонир и самолет И-153. В городе мелись жертвы и разрушения. Всего в налетах участвовало 98 немецких самолетов.

Авиация главной базы утром и в течение всего дня 17 декабря бомбила и штурмовала вражеские войска на фронте СОРа, противодействуя наступлению их с севера и северо-востока. Семь МБР-2 бомбардировали вражеские войска в селениях Альма-Тамак и Бурлюк. Десять Ил-2, семь Як-1, девять И-16 и один МиГ-3 штурмовали войска противника в районе от отметки 2,7 до берега моря и на восточном склоне горы Азис-Оба. Уничтожены три танкетки, танк, три бронемашины, три автомашины, два штабных автобуса, четыре миномета и до двух взводов вражеской пехоты.

Всего за 17 декабря авиация главной базы провела 63 одиночных воздушных боя и сделала 115 самолето-вылетов, из которых на бомбо-штурмовые действия – 30, на прикрытие штурмовиков – 28, на воздушную разведку – 7 и на прикрытие главной базы – 50 вылетов.

В воздушных боях наши летчики сбили пять и подбили три самолета противника. Огнем зенитной артиллерии было уничтожено два Ю-88. Наша авиация потерь не имела.

Береговые батареи вели интенсивный огонь по германским войскам. Так, 30-я батарея 17 декабря выпустила по врагу 117 305-мм снарядов общим весом более 50 т.

С рассветом 18 декабря немцы ввели в бой свежие силы и продолжили наступление. Германские части в районе горы Кая-Баш и по южному берегу долины реки Бельбек продолжали углублять прорыв на участке 287-го стрелкового полка и окружать 241-й стрелковый полк. Под ударами превосходящих сил противника 287-й полк к исходу дня отошел на линию Камышловского оврага. Южнее его 54-й и 2-й Перекопские стрелковые полки в течение дня успешно отразили многочисленные атаки противника, но в связи с отходом 287-го полка и создавшейся угрозой обхода слева и выхода противника в тыл к концу дня отошли на рубеж: 1 км западнее хутора Мекензия, перекресток дорог, что в 5 км северо-западнее этого хутора и западный берег Камышловского оврага.

Южнее хутора Мекензия немцам ценой больших потерь удалось оттеснить оборонявшиеся здесь части второго сектора на рубеж восточных скатов высоты 256,2 и высоты 287,6, где наступление противника было приостановлено. Наши войска продолжали упорно оборонять свои позиции в районе высот 193,8 и 269,0.

В районе селений Нижний и Верхний Чоргунь весь день шли упорные бои. Здесь наши части неоднократно переходили в контратаки, стремясь отбить захваченные неприятелем высоты, которые три раза переходили из рук в руки, но к исходу дня остались за противником.

Авиация главной базы продолжала содействовать нашим частям. Ночью шесть ДБ-3 бомбардировали деревню Черкез-Кермен и село Шули, сбросив десять бомб ФАБ-100. Отмечены сильный взрыв и разрывы бомб в районе цели. На рассвете два МБР-2 снова бомбили эти селения.

В первую половину дня четыре Ил-2 и четыре И-16 штурмовали немецкие войска у хутора Мекензия. Во вторую половину дня три Ил-2 в сопровождении четырех И-16 снова штурмовали противника у хутора Мекензия. Штурмовики за день уничтожили танк, четыре автомашины и до трех взводов пехоты. Три Пе-2 бомбардировали Качу, сбросив 24 бомбы ФАБ-100.

Всего за 18 декабря авиация главной базы сделала 68 самолето-вылетов, из них: на бомбардировочно-штурмовые действия – 19, на разведку – 10, на сопровождение штурмовиков – 12 и на прикрытие главной базы – 27.

Пулеметным огнем противника был выведен из строя один Ил-2. Немецкая авиация с 8 ч. 26 мин. до 10 ч. 47 мин. группами по 5 самолетов сбрасывала бомбы в расположение наших частей у английского кладбища. Один До-215, производя разведку главной базы, в районе мыса Фиолент сбросил листовки.

Около 15 часов 18 декабря заместитель командующего СОРа контр-адмирал Жуков доложил Октябрьскому, что боезапаса осталось на один день и просил срочно выслать: мин 50-мм – 5000, 82-мм – 5000, 107-мм – 1000 и 120-мм – 1000 штук; выстрелов 76-мм дивизионных –1000, 76-мм горных – 1000, 122-мм гаубичных дивизионных – 1000, 107-мм корпусных – 1000, 152-мм к гаубицам 1937 г. – 500 штук. Этот боезапас требовалось доставить не позднее 12 часов 19 декабря на одном из военных кораблей.

19 декабря на фронте третьего сектора, в районе Камышловского оврага, все атаки противника были отбиты с большими для него потерями.

Тяжелая обстановка сложилась севернее долины реки Бельбек, на фронте четвертого сектора обороны. Здесь немцы нанесли основной удар из района высоты 190,1 по центру и правому флангу 8-й бригады морской пехоты. На левом фланге бригады под ударами превосходящих сил противника наши части оставили деревню Аранчи и укрепились западнее ее. В центре и на правом фланге части 8-й бригады под яростными ударами врага и под сильным артиллерийским и минометным огнем потеряли управление и отошли на запад. При этом они потеряли связь с соседом справа – 40-й кавдивизией, занимавшей с остатками 773-го стрелкового полка заранее подготовленные позиции на рубеже у шоссе.

К исходу дня 40-я кавдивизия контратаковала и восстановила связь с отошедшими частями 8-й бригады морской пехоты, задержав дальнейшее продвижение противника.

Южнее хутора Мекензия 19 декабря все атаки немцев были успешно отражены.

На рассвете 19 декабря пять МБР-2 бомбардировали Черкез-Кермен, Биюк-Отаркой и Дуванкой. В первую половину дня три Пе-2 и пять Ил-2 в сопровождении восьми И-16 и пяти Як-1 бомбили и штурмовали ангары на аэродроме Саки, скопление до 150 автомашин у деревни Бурлюк, зенитную батарею в районе Старые Лезы и пехоту врага в долине Биюк-Джаланчик.

Шесть Пе-2, два ДБ-3 и пять Ил-2 в сопровождении четырех Як-1 и шести И-16 бомбардировали и штурмовали войска противника в долине реки Бельбек. Были отмечены попадания в большие скопления войск. В районе Камышловского моста уничтожены 2 автомашины и 6 повозок противника.

Четыре ДБ-3 бомбардировали неприятельские войска в районе высоты 158,7.

Во вторую половину дня двенадцать Пе-2, два ДБ-3 и тринадцать Ил-2 продолжали наносить бомбовые и штурмовые удары по наступавшим немецким войска.

Авиация противника группами от двух до шести самолетов бомбила и обстреливала боевые порядки наших частей в районе села Камары, Камышловского моста и на участке 8-й бригады морской пехоты.

Вечером 19 декабря Октябрьский сообщил контр-адмиралу Жукову, что 20 декабря на транспорте «Абхазия» будет выслан боезапас и до 1500 бойцов 9-й бригады морской пехоты. Кроме того, на транспорте «Чапаев», который прибудет в Севастополь утром 20 декабря, отправлено: снарядов 152-мм – 1400, 152-мм 1937 г. – 2600, 75-мм – 5952, 76-мм 1927 г. – 5080 штук и 50-мм мин – 27 504 штуки. В Новороссийске больше боезапаса не осталось.

Около полуночи Военный Совет СОРа доложил Верховному Главнокомандующему Сталину (и в копиях – наркому ВМФ и командующему Черноморским флотом), что противник, сосредоточив крупные силы, при поддержке танков и бомбардировочной авиации, в течение трех дней вел ожесточенное наступление с целью овладеть Севастополем. Не считаясь с огромными потерями в живой силе и технике, немцы непрерывно вводили в бой свежие силы.

Наши войска упорно отстаивали оборонительные рубежи и за первые два дня боев понесли потери до 3000 человек. Также большие потери имелись в орудиях, пулеметах и минометах. Большинство батарей береговой обороны главной базы подавлены или расстреляны. Войска СОРа почти по всему фронту отошли на второй рубеж. Резервы израсходованы, нет снарядов наиболее нужных калибров: 107-мм корпусных, 122-мм гаубичных и 82-мм мин. Остальной боезапас также на исходе.

С 20 декабря в целях усиления войск, действовавших на фронте, будет введен в бой личный состав с кораблей, береговых батарей, зенитной артиллерии, аэродромной службы и др.

Если противник будет продолжать наступление в том же темпе, гарнизон Севастополя сможет продержаться не более трех суток.

По поручению Ставки Верховного Главнокомандования начальник Генштаба Красной Армии маршал Шапошников передал командующему Закавказским фронтом и командующему Черноморским флотом директиву Ставки № 005898 от 20 декабря. Ставка приказывала:

1. Подчинить во всех отношениях Севастопольский оборонительный район командующему Закавказским фронтом.

2. Командующему Черноморским фронтом немедленно выехать в Севастополь.

3. Командующему Закавказским фронтом немедленно командировать в

Севастополь крепкого общевойскового командира для руководства сухопутными операциями.

4. Командующему Закавказским фронтом немедленно отправить в Севастополь одну стрелковую дивизию или две стрелковые бригады.

5. Оказать помощь Севастопольскому оборонительному району авиацией Закавказского фронта силами не менее пяти авиаполков.

6. Немедленно отправить в Севастополь пополнение в количестве не менее 3000 человек.

7. Командующему Закавказским фронтом немедленно подать в Севастополь снаряды, учитывая, что снаряды 107-мм, 122-мм гаубичные и 82-мм мины совершенно израсходованы.

Нарком Кузнецов в телеграмме Военному Совету Закавказского фронта и Военному Совету Черноморского флота указал, что «Севастополь должен быть удержан во что бы то ни стало. Для Черноморского флота в данный момент это является главной задачей. Необходимо решительно использовать корабли и всю авиацию флота для разгрома противника под Севастополем. От редких эпизодических обстрелов врага надо перейти к систематической поддержке обоих флангов войск Севастопольского оборонительного района, а также из гавани воздействовать на войска противника перед вторым и третьим секторами обороны». [238]

Далее нарком указывал, что он считает целесообразным использовать для действий в Севастополе также новые эсминцы и крейсера. Авиация Черноморского флота, помимо непосредственной помощи войскам обороны главной базы, обязана периодически бомбить аэродромы противника в Крыму с таким расчетом, чтобы обеспечить оборону главной базы и корабли поддержки.

Согласно директиве командующего Закавказским фронтом Севастопольский оборонительный район (Приморская армия) с 20 декабря был включен в состав Закавказского фронта. 345-я стрелковая дивизия и 79-я особая стрелковая бригада исключались из состава 44-й армии и не позднее 20 декабря отправлялись в Севастополь. Дивизия должна была погрузиться на транспорты в Туапсе, а бригада – в Новороссийске.

Между тем немцы 20 декабря продолжали штурмовать Севастополь, но существенных успехов не добились.

Наша авиация активно поддерживала сухопутные силы. Всего за 20 декабря авиация главной базы сделала 143 вылета.

Рано утром 21 декабря немцы возобновили атаки на фронте второго, третьего и четвертого секторов. Главный удар немцы наносили на фронте третьего сектора обороны, в направлении Села Камышлы, высоты 192,0,

Инкермана, и яростно атаковали высоту с итальянским кладбищем и деревни Верхний и Нижний Чоргунь, чтобы ворваться в долину реки Черная.

В районе Камышловского оврага в первую половину дня немцы не предприняли активных действий, а в 12 ч. 30 мин. два пехотных полка при поддержке танков перешли в наступления, нанося главный удар в стык между 3-м полком морской пехоты и 54-м стрелковым полком. Завязался упорный бой в 1,5 км северо-западнее хутора Мекензия. Контратакой резервного 2-го батальона Черноморского флотского полуэкипажа, сформированного из личного состава 35-й батареи, а также 2-го и 3-го артдивизионов береговой обороны главной базы, противник был отброшен. На поле боя осталось до 300 трупов немцев. Были захвачены трофеи: 5 станковых и 3 ручных пулемета. 2-й Перекопский стрелковый полк захватил 2 противотанковых орудия и крупнокалиберный пулемет.

Части третьего сектора к исходу дня 21 декабря остались на прежних рубежах.

388-я стрелковая дивизия (без 773-го полка), перешедшая с 21 декабря в состав четвертого сектора, с утра вела упорные бои за высоту 192,0, которая четыре раза переходила из рук в руки. Обе стороны понесли тяжелые потери. Во вторую половину дня немцы, подтянув свежий полк и одиннадцать танков(?), снова перешли в наступление и к исходу дня овладели этой высотой. 388-я дивизия, потеряв более половины своего состав, была вынуждена отойти на запад и заняла рубеж, проходивший от стыка дорог в 1,5 км юго-западнее села Камышлы, через безымянную высоту в 0,5 км северо-западнее того же стыка дорог и безымянную высоту на 1 км юго-восточнее деревни Бельбек.

Тяжелые бои развернулись в районе деревень Верхний и Нижний Чоргунь. Здесь немцы ввели в бой только что прибывшую с Керченского полуострова 170-ю пехотную дивизию, усиленную танками, и решили использовать ее для наступления вдоль реки Черная. Весь день 21 декабря здесь шли исключительно ожесточенные бои. Атаки противника следовали одна за другой и разбивались о стойкость 2-го полка морской пехоты. Только к наступлению темноты, после ввода в бой свежих резервов, немцам удалось потеснить наши части к северо-западу и занять высоту в 1,5 км северо-восточнее деревни Верхний Чоргунь.

Авиация главной базы продолжала активно действовать по боевым порядкам сил противника. Всего за 21 декабря было сделано 152 самолето-вылета, из них: бомбардировщиками – 16, штурмовиками – 31, на их сопровождение – 27, на прикрытие кораблей и главной базы – 71 и на

разведку – 7 вылетов.

Получив директиву из Москвы, Октябрьский свернул свои работы на Кавказе и в тот же день прибыл на борт крейсера «Красный Кавказ». 20 декабря в 17 часов крейсер «Красный Кавказ» под флагом командующего Черноморским флотом, лидер «Харьков», крейсер «Красный Крым» и эсминцы «Бодрый» и «Незаможник» вышли из Новороссийска в Севастополь. На эти корабли была принята 79-я особая стрелковая бригада в полном составе (4000 человек) с вооружением.

Через 25 лет Октябрьский весьма драматически опишет этот поход: "Мы хорошо представляли, что фашистское командование примет все меры, чтобы не допустить корабли к Севастополю, потопить их на подходе к базе. Для этого у противника были все возможности.

Туман мешал нам войти в фарватер. Над отрядом нависла опасность оказаться на своем же минном поле.

Расчеты показывали, что туман нас задержит и скрытно нам к Севастополю не подойти. Мы вынуждены будем осуществлять прорыв днем. Напрашивался и такой выход: отойти к турецким берегам, а через сутки, на рассвете 22 декабря, прорываться в базу. Но за эти сутки может решиться судьба Севастополя! Или другая опасность: враг выйдет к Северной бухте, захватит всю северную сторону Севастополя, и тогда мы, безусловно, не сможем войти на Северный рейд, и корабли будут потоплены прямой наводкой артиллерии, которую враг несомненно установит на побережье бухты. Я решил рискнуть: прорваться в главную базу днем, под носом врага, исходя из того, что противник не ожидает такой дерзости, а когда обнаружит нас, не успеет развернуть все силы, чтобы покончить с нами.

Прорвавшись в базу, мы будем прикрыты зенитным огнем, огнем артиллерии нашей береговой обороны и своей, хотя и немногочисленной, но героической истребительной авиацией.

Было отдано приказание лидеру «Харьков» стать головным и следовать в Севастополь. Остальные корабли – крейсеры «Красный Кавказ», «Красный Крым» и эскадренные миноносцы «Бодрый» и «Незаможник» – легли в кильватер.

Обогнув Херсонесский маяк, корабли легли на Инкерманский створ. И тут враг обнаружил нас. Шквал огня. Снаряды падают поблизости. Фонтаны брызг поднимаются к небу. Начала бомбить авиация противника. Мы приняли бой.

А впереди был самый опасный отрезок пути. Миновав Херсонесский маяк, взяли курс на Северную бухту. В этот момент и Севастополь пришел

на помощь отряду кораблей. Соединения охраны водного района, береговой обороны, ПВО и военно-воздушные силы флота под командованием В. Фадеева, П. Моргунова, А. Хлебникова, Н. Острякова сделали все, чтобы обеспечить наш прорыв в базу.

Артиллерийскому и бомбовому ударам врага по нашим кораблям были противопоставлены отсекающие дымзавесы, контрбатарейные удары нашей тяжелой артиллерии береговой обороны, решительные атаки авиации. Корабли увеличили ход. Накал боя нарастал. Опоздав развернуть все свои силы против нашего отряда кораблей, враг спешил наверстать упущенное. Над нами усиливался гул его самолетов. На Инкерманском створе мы пережили тяжелые минуты. Стоя на ходовом мостике крейсера, я наблюдал, как неоднократно возле идущих в кильватер кораблей одновременно разрывались десятки авиабомб и снарядов. Сердце сжималось, когда видел, сквозь какой смертоносный каскад огня идут корабли. Особенно доставалось концевому эскадренному миноносцу «Незаможник»…

Мне и по сей день помнится момент прохода крейсером «Красный Кавказ» траверза Карантинной бухты. Откуда-то из-за облаков в образовавшийся просвет вынырнула группа немецких пикировщиков. Они шли перпендикулярно курсу наших кораблей и с высоты 200 метров бросили свой смертоносный груз. Две авиабомбы взорвались в 15–20 метрах от борта, другие две перелетели через корабль и врезались в воду на таком же примерно расстоянии от левого борта, но ближе к корме. Каким-то образом крейсер проскочил в вилке разрывов и остался цел. Войдя в гавань и отшвартовавшись в Сухарной балке, мы высадили 79-ю бригаду морской пехоты, которая с ходу контратаковала противника при поддержке корабельной артиллерии. Положение резко изменилось в лучшую сторону… Можно без преувеличения сказать, что с прибытием отряда кораблей силами морской пехоты и 345-й стрелковой дивизии, которая тоже подоспела вовремя, угроза, нависшая над Севастополем, была снята". [239]

Итак, в 13 ч. 00 мин. отряд кораблей вошел в главную базу. Во вторую половину дня крейсер «Красный Крым», лидер «Харьков» и эсминец «Бодрый», стоя на якоре в Северной бухте, вели огонь по войскам противника на подступах к городу.

«Красный Крым» обстрелял дачу Торопова в 2 км юго-западнее села Алсу, выпустив 30 снарядов. Лидер «Харьков» сделал 29 выстрелов по долине реки Бельбек. Обе стрельбы велись по площади.

Эсминец «Бодрый» обстрелял скопление вражеской пехоты в 2 км северо-восточнее горы Маяк-Оба, выпустив 25 снарядов. Стрельбу

корректировали с берега. В результате было рассеяно до батальона пехоты и подбит танк противника.

В 4 часа утра 21 декабря из Поти в Севастополь с грузом боезапаса вышел лидер «Ташкент». А в 4 ч. 30 мин. из Поти в Севастополь вышли: транспорт «Калинин», имевший на борту 1750 бойцов, четыре 76-мм и четыре 122-мм орудия; транспорт «Димитров» (1570 бойцов, четыре 122-мм и два 45-мм орудия) и транспорт «Серов» (1930 бойцов, семь 76-мм орудий 345-й стрелковой дивизии). Транспорты шли в охранении эсминцев «Способный» и «Шаумян».

Критическое положение для всей обороны создалось в связи с прорывом фронта по южному краю долины реки Бельбек, на участке 288-й стрелковой дивизии. Здесь утром 22 декабря полк немцев с фронта и группы автоматчиков с флангов повели наступление. К 10 часам немецкие автоматчики обошли левый фланг дивизии и заняли безымянную высоту в 1,5 км северо-западнее высоты 192,0.

388-я стрелковая дивизия не выдержала атаки противника с фронта и тыла и начала беспорядочно отходить по направлению к посту Мекензиевы горы. Нависла непосредственная опасность прорыва немцев к морю в районе деревни Любимовка и к 30-й батарее, а также выхода их к Северной бухте. Отдельные группы вражеских автоматчиков уже успели проникнуть в район Братского кладбища.

В этот момент наше командование бросило в контратаку прибывшую 21 декабря в Севастополь 79-ю особую стрелковую бригаду. Эффект контратаки был исключительный. Морская пехота нанесла сокрушительный удар и почти полностью восстановила позиции, оставленные 388-й дивизией. К исходу дня наши части вновь овладели высотами 192,0 и 104,5.

241-й стрелковый полк, вследствие отхода 388-й дивизии вновь оказавшийся в окружении, упорно отбивал атаки противника. С выходом к долине реки Бельбек подразделений 79-й особой стрелковой бригады этот полк коротким ударом прорвал кольцо и, вырвавшись из окружения, снова занял оборону в долине Бельбека в 0,5 км восточнее деревни Бельбек.

В общем, за 5 дней непрерывных боев немцы продвинулись на ряде направлений на 5–7 км и приблизились к центру города на расстояние до 7 км, то есть в пределах дальности огня дивизионной артиллерии.

С 17 по 21 декабря части СОРа потеряли только ранеными 6000 человек и не менее 2000 человек убитыми. Выведены из строя 22 орудия полевой артиллерии и 15 орудий береговой обороны главной базы. Большинство стволов корабельных и армейских орудий СОРа из-за частой

стрельбы имели большой износ.

388-я стрелковая дивизия «в бою оказалась нестойкой и существенного влияния на состояние обороны не оказала». Прибывшая 79-я особая стрелковая бригада и прибывающие 345-я стрелковая дивизия и танковый батальон позволили удержать Севастополь.

22 декабря в 00 ч. 05 мин. крейсер «Красный Кавказ» вышел из Северной бухты и, маневрируя между берегом и внутренней кромкой минного заграждения в районе Балаклавы, с 1 ч. 20 мин. до 1 ч. 55 мин. обстрелял пункты скопления войск противника у дачи Торопова и деревни Черкез-Кермен, выпустив 60 снарядов. Стрельба велась по площади. В 2 ч. 45 мин. «Красный Кавказ», имея на борту 500 человек раненых, направился в Туапсе.

В течение дня крейсер «Красный Крым», лидеры «Ташкент» и «Харьков», эсминцы «Бодрый», «Незаможник» и «Смышленый», стоя на якоре в Северной бухте, обстреливали вражеские войска на подступах к городу. «Красный Крым» выпустил 136 снарядов, «Ташкент» – 464, «Харьков» – 355, «Бодрый» – 400, «Незаможник» – 140 и «Смышленый» – 189.

В 19 ч. 30 мин. «Красный Крым» и «Незаможник» вышли из главной базы и, маневрируя в районе Балаклавы, с 20 ч. 25 мин. до 22 ч. 05 мин. вели огонь по скоплениям войск противника в районе деревни Верхний Чоргунь, дачи Торопова и деревни Кучук-Мускомья. Корабли стреляли по площади и выпустили по 100 снарядов каждый. В 22 ч. 05 мин. они вышли в Туапсе, причем «Красный Крым» имел на борту 400 человек раненых.

В 00 ч. 05 мин. 22 декабря из Туапсе в Севастополь вышли: транспорт «Курск», на борту которого находилось1900 бойцов, два 45-мм, пять 76-мм и пять 122-мм орудий; транспорт «Фабрициус» (1700 бойцов и четыре 76-мм орудия), транспорт «Красногвардеец» (1220 бойцов) и 12 миноносцев. В охранении их шли эсминец «Сообразительный» и тральщики «Щит» и «Взрыв».

В 6 ч. 10 мин. из Поти в Севастополь вышли крейсер «Коминтерн», эсминцы «Островский» и «Железняков», принявшие на борт 2773 бойца маршевых рот и 4,5 вагона боезапаса.

В 7 ч. 30 мин. в Севастополь в охранении тральщика «Защитник» и двух сторожевых катеров прибыл транспорт «Абхазия».

22 декабря немецкие войска атаковали вяло и без особого успеха. Тем не менее, командование СОРа решило сократить фронт между долинами рек Бельбек и Кача. В ночь на 23 декабря 1-й батальон 8-й бригады морской пехоты и 90-й стрелковый полк были отведены к долине реки Бельбек до

деревни Любимовка. Отступление значительно сократило фронт и позволило вывести в общий резерв для переформирования и пополнения наиболее утомленные и понесшие значительные потери части: 8-ю бригаду морской пехоты, 773-й стрелковый полк и 40-ю кавалерийскую дивизию. 203-мм батарея № 10 была взорвана, а ее личный состав отошел на батарею № 30.

В Приморскую армию начали прибывать части 345-й стрелковой дивизии. К 23 декабря прибыли две бронетанковых роты 965-го стрелкового полка и 1165-й стрелковый полк, разместившийся в районе Инкерманской долины, два батальона 1163-го стрелкового полка, которые разместились в районе кордона Мекензия № 1, и штаб дивизии, расположившийся на восточной окраине Инкермана.

23 декабря корабли Черноморского флота вели огонь по войскам противника на подступах к Севастополю. Лидер «Ташкент» произвел 257 выстрелов, лидер «Харьков» – 234, эсминец «Смышленый» – 109 и эсминец «Способный» – 100 выстрелов.

24 декабря полк немцев, поддержанный десятью танками (?), атаковал наши части в направлении на пост Мекензиевы горы. Ему удалось прорвать фронт малочисленного и ослабленного в предыдущих боях 241-го стрелкового полка и начать продвигаться к югу. Чтобы восстановить положение, из района кордона Мекензия № 1 был брошен в контратаку 1163-й стрелковый полк вновь прибывшей 345-й стрелковой дивизии, который заставил немцев отойти с большими потерями на исходные позиции.

За 23 и 24 декабря в Приморскую армию прибыло пополнение: 10 маршевых рот и 2 спецроты численностью 2764 человека, 201 человек моряков, 81-й отдельный танковый батальон (26 танков Т-26 и 180 человек) и 345-я стрелковая дивизия в полном составе, общей численностью 9955 человек.

24 декабря лидер «Ташкент», эсминцы «Способный», «Смышленый» и «Бойкий», стоя на якоре в Севастополе, в течение суток вели огонь по войскам противника на подступах к городу. «Ташкент» сделал 212 выстрелов, «Способный» – 190, «Смышленый» – 30 и «Бойкий» – 120 выстрелов.

25 декабря противник на фронте главной базы ограничился несколькими безуспешными атаками на участке второго сектора обороны в районе деревни Верхний Чоргунь и высоты с итальянским кладбищем.

Корабли флота в этот день, стоя на якоре в Северной бухте, продолжали обстреливать скопления немецких частей на подступах к

Севастополю в районах Шули, Алсу, Дуванкой, Мекензии и Мамашай. Лидер «Ташкент» выпустил 65 снарядов, эсминец «Смышленый» – 120, эсминец «Железняков» – 50, эсминец «Безупречный» – 148, тральщик ТЩ-11 – 70 снарядов.

К исходу дня 26 декабря немцы заставили отступить части 40-й кавалерийской дивизии, 241-го стрелкового полка и 8-й бригады морской пехоты. Они отошли в южном направлении и заняли оборону в 1 км севернее поста Мекензиевы горы и в 1 км северо-восточнее кордона Мекензия № 1. Еще две попытки противника наступать из района деревни Верхний Чоргунь были отбиты.

На следующий день боевые действия ограничились ленивой перестрелкой, авиация из-за плохих метеоусловий летала мало.

Вечером 27 декабря командование СОРа решило отбросить немцев от станции Мекензиевы горы силами 79-й стрелковой бригады.

Однако немцы рано утром 28 декабря упредили атаку бригады и сами перешли в наступление частью сил в направлении совхоза им. Софьи Перовской и частью – на пост Мекензиевы горы. Этому предшествовала полуторачасовая артиллерийская подготовка с применением тяжелой артиллерии и 15-см шестиствольных минометов. [240] По советским данным в наступлении участвовало до трех батальонов пехоты, усиленных 12 танками и поддержанных массированными ударами авиации.

К 11 ч. 50 мин. немцы прорвали оборону наших войск, и батальон противника с пятью танками (САУ) начал развивать наступление на пост Мекензиевы горы. А в это же время другой немецкий батальон с пятью танками потеснил левофланговые части нашей обороны и подошел на 1 км северо-восточнее совхоза им. Софьи Перовской и 0,6 км северо-восточнее Любимовки. Под угрозой захвата оказалась 30-я батарея, которую уже обстреливали немецкие автоматчики.

С введением в бой двух полков 345-й стрелковой дивизии наступление противника было остановлено.

На других участках фронта в этот день противник активности не проявлял.

28 декабря эсминец «Безупречный», тральщики ТЩ-15 и ТЩ-22, стоя на якоре в Северной бухте, обстреливали скопления войск противника на подступах к городу. «Безупречный» сделал 78 выстрелов, ТЩ-15 – 79, а ТЩ-22 – 40 выстрелов.

В 8 ч. 10 мин. 28 декабря крейсер «Молотов», приняв на борт 1200 бойцов 769-го стрелкового полка 386-й стрелковой дивизии и погрузив 15 вагонов боезапаса, вышел из Поти в Севастополь.

На действиях немцев под Севастополем уже начали сказываться последствия высадки советских войск на Керченском полуострове, произведенной 26 декабря. Тем не менее, Манштейн не хотел прекращать наступления. Он писал: "Но можно ли было отказываться от наступления на Севастополь в такой момент, когда казалось, что достаточно только последнего усилия, чтобы, по крайней мере, добиться контроля над бухтой Северной? К тому же казалось бесспорным, что легче будет высвободить силы из-под Севастополя после успеха на северном участке фронта, чем в случае преждевременного ослабления нажима на противника.

Итак, командование армии приняло решение, даже после высадки десанта у Феодосии, все же идти на увеличивавшийся с каждым часом риск отсрочки высвобождения войск из-под Севастополя. Поэтому вначале был только отдан приказ прекратить наступление 30-му армейскому корпусу, а 170-я пехотная дивизия была направлена на находившийся под угрозой Керченский полуостров. На северном же участке фронта – по согласованию с командиром 54-го армейского корпуса и командирами дивизий – должна была быть предпринята еще одна, последняя, попытка прорыва к бухте Северной. Как и всегда, войска прилагали все свои силы, 16-му пехотному полку под командованием полковника фон Холтица, наступавшему на направлении главного удара 22-й пехотной дивизии, удалось еще прорваться в полосу заграждения форта «Сталин»". [241]

Утром 29 декабря советское командование отдало приказ частям третьего и четвертого сектора перейти в контрнаступление с целью полного восстановления позиций, утраченных накануне. В это же время и противник перешел в наступление на пост Мекензиевы горы и кордон Мекензия № 1 с целью развития своего успеха, достигнутого 28 декабря. Разгорелись ожесточенные встречные бои.

В первую половину дня подразделения 1165-го стрелкового полка 345-й стрелковой дивизии, продвинувшись вперед, почти достигли своей цели, но, будучи контратакованы противником, подтянувшим свои резервы, отошли вновь на исходные позиции. С наступлением темноты немцы заняли пост Мекензиевы горы, но дальнейшее продвижение их на юг было остановлено.

На остальных участках фронта в этот день противник активности не проявлял.

Ночью, в 1 ч. 30 мин. 29 декабря, в Севастополь из Поти прибыл линкор «Парижская Коммуна». (Подействовал, наконец, на Октябрьского окрик из Ставки). Затем «Парижская Коммуна», крейсер «Молотов», эсминцы «Безупречный» и «Смышленый» и тральщик ТЩ-22 вели огонь из

Северной бухты по войскам противника на подступах к городу. Линкор произвел главным калибром 135 выстрелов, противоминным калибром – 184 выстрела. «Молотов» – 204 выстрела, «Безупречный» – 58, «Смышленый» – 158, ТЩ-22 – 75 выстрелов.

Г.И. Ванеев, ссылаясь на «Морской сборник» № 1/1967 г., писал: «Только артиллерией линкора было уничтожено 13 танков, 8 орудий крупного калибра, 4 трактора-тягача, 37 автомашин и большое количество живой силы противника». [242] И ладно бы сие было написано в 1955 г. или даже в 1975 г., а то ведь в 1995 г.! Ведь стрельба велась по площади по расчету. А Платонов ехидно заметил: «…первая стрельба главным калибром проведена с ошибкой места корабля 30?40 кабельтовых, [243] так как штурман выдал для расчетов свое место в Стрелецкой бухте, хотя корабль находился в Южной». [244]

Поздно вечером 29 декабря, стоя на якоре в Северной бухте, «Парижская Коммуна» и «Молотов» обстреляли войска противника на подступах к городу. Линкор главным калибром произвел 36 выстрелов и противоминным – 60, а крейсер выпустил 115 снарядов. В 00 ч. 25 мин. «Парижская Коммуна» и «Молотов» вышли из Севастополя и в 16 часов 30 декабря прибыли в Новороссийск. Больше линкор в районе Севастополя не покажется до окончания боевых действий на Черном море.

На сухопутном фронте 30 декабря весь день шли ожесточенные бои за овладение постом Мекензиевы горы и кордоном Мекензия № 1. Пост переходил из рук в руки несколько раз и к исходу дня остался в руках противника.

Как писал Манштейн: "Но на этом сила наступающих иссякла. 30 декабря командиры наступающих дивизий доложили, что дальнейшие попытки продолжать наступление не обещают успеха. Командование армии дало приказ окончательно приостановить наступление, после того как веские причины, приведенные им в докладе по телефону штабу фронта, убедили в необходимости этого и Гитлера. Более того, нам пришлось скрепя сердце отдать приказ об отводе войск с северного участка фронта на высоты севернее долины Бельбека. Без этой меры было бы невозможно высвободить необходимые силы. Нашим войскам, глубоко вклинившимся в расположение противника, трудно было бы долго держаться. То, что Гитлер был недоволен этим решением (хотя и не мог изменить его), так как оно противоречило только что отданному им строгому приказу, запрещавшему добровольно оставлять что-либо, ничего не значило в сравнении с ответственностью, которую я испытывал перед войсками, понесшими такие большие потери. Но, именно думая о своих войсках и о том, как сохранить

людей, мне пришлось принять это решение.

Итак, первая попытка штурмом взять крепость Севастополь потерпела неудачу. За нами осталось преимущество более плотного окружения крепости, для которого требовалось меньше сил; мы также захватили удобные исходные позиции для последующего наступления. 30-й армейский корпус на юге также захватил важные пункты на местности, необходимые для последующего наступления. Но это было слабым утешением, если учитывать понесенные жертвы". [245]

Тем не менее, советские историки считают датой прекращения второго штурма Севастополя не 30-е, а 31 декабря 1941 г. В этот день немцы атаковали наши позиции в направлении деревни Буденовка. В 10 часов утра два батальона немцев с шестью танками атаковали наши части, находившиеся к югу от поста Мекензиевы горы. Огнем артиллерии и контратакой нашей пехоты к 12 ч. 30 мин. атака немцев была отбита.

В 12 ч. 35 мин. в том же направлении два свежих батальона немцев пошли во вторую атаку. Одновременно еще один немецкий батальон атаковал наши позиции в направлении кордона Мекензия № 1. Атаки эти также были отбиты.

В 16 часов немцы, перегруппировавшись, произвели третью атаку, но уже силами до полка. Разгорелся ожесточенный бой. Под давлением превосходящих сил противника наши части немного отошли и закрепились на рубеже: южная окраина поста Мекензиевы горы и кордон Мекензия № 1.

Глава 13 Забытые десанты-Евпатория, Судак, Алушта

Бои в Крыму с 25 декабря 1941 г. по 2 января 1942 г. вошли в историю как «Керченско-Феодосийская десантная операция». В чем-то это справедливо, ведь основные боевые действия происходили на Керченском полуострове. Но в тени этого сражения остались небольшие десанты в Евпаторию, Судак и Алушту.

По первоначальному замыслу советского командования войска 51-й и 44-й армий должны были объединиться и развить наступление в направлении Карасубазара. Одновременно должны были наступать войска Приморской армии из Севастополя в направлении Бахчисарай – Симферополь. По ходу наступления должны быть высажены десанты: с Кавказа – в район Судака и Алушты, из Севастополя – в районы Евпатории и Ялты.

План наступления был составлен грамотно. Легко предположить, что даже небольшому числу немецких войск будет нетрудно удержать узкий керченский перешеек, а затем, подтянув резервы, контратаковать советский десант. Можно ли было надеяться, что части СОР, не имея достаточного количества гаубиц и мортир, да и боеприпасов к имевшимся орудиям имелось крайне мало, без тяжелых танков быстро прорвут глубоэшелонированную со сложным рельефом местности оборону немцев и выйдут на оперативный простор?

И тут важную роль должны были сыграть десанты в Судак, Алушту, Ялту и Евпаторию. Там было сосредоточено мало войск противника, да и в основном не немцы, а румыны. Благодаря этим десантам противник в Крыму мог оказаться практически в кольце. Десантники, высаженные у Евпатории и Судака, могли быстро перерезать дороги, связывавшие Севастополь с Симферополем, Феодосией и Керчью. Но, увы, командования Черноморского флота выделило для десантов ничтожные силы, да и те высаживались с большим интервалом времени. Везде даже малым силам десанта сопутствовала удача, но затем из-за отсутствия подкреплений и должной огневой поддержки кораблей десанты погибали, не сумев решить поставленных задач.

3 января 1942 г. адмирал Октябрьский сообщил находившемуся в Новороссийске начальнику штаба флота для доклада командующему

Кавказским фронтом, что в Севастополе был подготовлен десант для высадки в районе Евпатории в составе одного батальона в качестве первого эшелона и одного батальона в качестве второго эшелона. Высадку намечалось произвести как только позволит погода.

Район Евпатории благоприятствовал высадке десанта, что в свое время показала Крымская война. Но вот высаживать туда два батальона было, по меньшей мере, глупостью, если не преступлением. Нетрудно догадаться, что немцы могли перебросить туда значительные силы и легко уничтожить десант. Высаживать следовало как минимум дивизию. И командование СОРа могло выделить для десанта в Евпатории достаточно сил, благо, немцы в начале января и не помышляли о штурме города, тем более что к 4 января в Севастополь прибыла 386-я стрелковая дивизия.

Первый эшелон десанта в Евпатории состоял из усиленного батальона морской пехоты под командованием капитан-лейтенанта Г.К. Бузинова. В батальон была включены рота войск НКВД (100 чел.) из 24-й погранкомендатуры. Всего в десанте было более 700 человек.

Для высадки первого эшелона был сформирован отряд кораблей в составе быстроходного тральщика «Взрыватель», буксира «СП-14» и 7 сторожевых катеров типа МО-4 (МО-041, МО-081, МО-062, МО-0102, МО-0195, МО-0125, МО-036) из состава 1-го и 2-го дивизионов ОВР главной базы. Командиром отряда кораблей и командиром высадки был назначен уроженец Евпатории, начальник штаба Новороссийской военно-морской базы капитан 2 ранга Н.В. Буслаев, военкомом – военком ОВР главной базы полковой комиссар А.С. Бойко.

На буксир «СП-14» погрузили три танкетки (видимо, Т-38 или Т-39), а также три 45-мм противотанковые пушки.

В 23 ч. 30 мин. 4 января соединение скрытно вышло из Севастополя. В 2 ч. 41 мин. 5 января корабли с десантом подошли к точке тактического развертывания и по сигналу с флагмана направились к заранее условленным пунктам высадки у Евпатории. Часть сторожевых катеров МО с ходу подошла вплотную к берегу без всякого противодействия со стороны противника. В 3 часа ночи началась высадка с катеров на причалы Хлебной и Товарной пристаней. С левой стороны пассажирской пристани швартовался буксир «СП-14». Удачно причалил и тральщик «Взрыватель».

Высадка была произведена быстро и закончилась к 6 часам. Вместе с первым эшелоном десанта были высажены работники оргбюро обкома партии во главе с Я.Н. Цыпкиным и Ф.А. Павловым, чекисты во главе с капитаном госбезопасности Л.М. Полонским, работники милиции под руководством майора С.И. Иванова и капитана П.В. Березкина и работники

особого отдела Черноморского флота во главе с майором А.И. Галушкиным. Они должны были «восстановить в Евпатории советскую власть, а в случае неудачи десанта остаться в тылу врага для разведывательной и диверсионной работы».

Видимо, на помощь десантникам пришли местные жители, что дало повод Манштейну написать: «Одновременно в городе вспыхнуло восстание, в котором участвовала часть населения, а также просочившиеся, по-видимому, извне партизаны. Незначительные силы охранения, выделенные для обороны города и порта, не смогли помешать высадке и подавить восстание. Румынский артиллерийский полк, предназначенный для береговой обороны, оставил свои позиции». [246]

А теперь обратимся к «Хронике…»: "Корабли и десант подверглись обстрелу артиллерийским и минометным огнем противника и беспрерывной бомбардировке с воздуха. Ведя уличные бои, десант нес большие потери и в 9 ч. 00 м. продвижение его было приостановлено. Около 10 ч. 30 м. радиосвязь с десантом прекратилась.

Около 14 ч. 00 м. тральщик «Взрыватель» расстрелял весь боезапас своего 100-мм орудия. К этому времени он имел серьезные повреждения и большие потери в личном составе. Вскоре накатом волны «Взрыватель» был выброшен на мель в районе соляных промыслов.

Высланные из главной базы в Евпаторию торпедные катера № 91 и 111 с боезапасом в районе Качи были атакованы авиацией и обстреляны береговой батареей противника, в результате чего катер № 91 затонул, личный состав его погиб, а катер № 111 возвратился в главную базу. Вторично посланные в Евпаторию два торпедных катера с боезапасом задание не выполнили; № 111 сел на мель в районе Евпатории, а второй катер вернулся в базу, не найдя тральщика «Взрыватель». Немцы сняли катер с мели и ввели в строй под названием S-47.

В 23 ч. 32 м. поврежденный морской буксир «СП-14» и пять сторожевых катеров МО возвратились из Евпатории в Севастополь. Связь с высаженным в Евпатории десантом отсутствовала". [247]

Создается впечатление, что евпаторийский десант умышленно послали на убой. Авиация СОРа занималась всем, чем угодно, только не помощью десанту. Цитирую «Хронику…» за 5 января: "В первую половину ночи четыре И-153, четыре И-15 и два У-2 бомбардировали и штурмовали вражеские войска в районах селений Дуванкой, Гаджикой и Биюк-Отаркой. В Гаджикой было уничтожено девять автомашин и пять построек, а в Дуванкой возникли два пожара.

Два ДБ-3 и семь МБР-2 бомбили немецкий аэродром Сарабуз. Бомбы

были сброшены в расположение восьми самолетов, стоявших в северо-западной части аэродрома. Противник не оказывал противодействия.

Во вторую половину ночи два ДБ-3 бомбили селение и аэродром Карасубазар, но немецких самолетов на этом аэродроме не обнаружили; в селении были отмечены три сильных взрыва. Один ДБ-3 снова бомбил аэродром Сарабуз. Два И-15бис нанесли удар по вражеским автомашинам в селении Гаджикой, уничтожив три машины.

В первую половину дня один МБР-2 опять бомбил аэродром Сарабуз; разрывы бомб были отмечены в расположении десяти вражеских самолетов. Пять МБР-2, один ГСТ, три Пе-2, два Ил-2, четыре И-16 и два Як-1 бомбардировали войска противника в селениях Дуванкой, Биюк-Отаркой, Гаджикой, Орта-Кесек, Карасубазар и др.

Во вторую половину дня четыре Пе-2, два Ил-2, три И-16 и два Як-1 нанесли удар по немецким автоколоннам на дороге Симферополь – Курман-Кемельчи, на дороге Николаевка – Саки – Евпатория и на дороге Мамашай – Кача.

И лишь два Пе-2 в сопровождении четырех Як-1 бомбардировали вражеские войска в Евпатории (в районе Курзала)". [248]

Какой прок от ночных штурмовок истребителями «вражеских автомашин»? У них что, приборы ночного виденья были? А вот помочь десантникам авиация могла, да заодно и корректировать огонь корабельной артиллерии.

4 января в 5 ч. 07 мин. крейсер «Молотов» вошел в главную базу. А в Евпатории уже 2 часа шел бой. Посмотрим на карту. «Молотову» потребовалось бы пройти всего 12 км на север от Севастополя, чтобы Евпатория оказалась в зоне огня его 180-мм пушек, то есть потребовалось бы всего 20–25 минут полного хода.

Разумеется, десант могли поддержать и эсминцы огнем своих 130-мм орудий. Вместо этого 5 и 6 января крейсер «Молотов» и лидер «Ташкент», стоя на якоре в Севастопольской бухте, вели огонь по вражеским войска на фронте главной базы. «Молотов» сделал 251 выстрел, а «Ташкент» – 68 выстрелов.

Понятно, что Манштейн, в отличие от наших гениальных адмиралов и не менее гениальных генералов, сообразил, что потеря Евпатории может привести к потере всего Крыма. Он писал: «Хотя обстановка на феодосийском участке была очень серьезной, командование армии вынуждено было все-таки решиться на то, чтобы повернуть первый же направлявшийся туда на автомашинах с южного фронта из-под Севастополя полк (105-й пехотный полк) и послать его в Евпаторию с

задачей возможно скорее уничтожить высадившиеся здесь войска и поддерживающие их вооруженные элементы из населения. Находившиеся в распоряжении командования армии разведывательный батальон 22-й пехотной дивизии, несколько батарей и 70-й саперный батальон уже ранее были направлены в Евпаторию». [249]

6 января в 2 ч. 15 мин. эсминец «Смышленый» и базовый тральщик № 27 вышли из Севастополя в Евпаторию для высадки десанта. Но погода не благоприятствовала операции – дул 7-бальный юго-западный ветер, на море было волнение до 5 баллов. Все это помешало выполнению задания, и корабли ушли в главную базу. «Смышленый» в районе Евпатории был обстрелян немецкой батареей.

В тот же день в 20 ч. 26 мин. из Севастополя в Евпаторию для высадки десанта вышел еще один отряд кораблей в составе лидера «Ташкент», тральщика № 27 и двух сторожевых катеров МО. Но погода не улучшалось, по-прежнему дул юго-западный ветер силой до 7 баллов, волнение на море усилилось до 6 баллов, и от высадки пришлось отказаться.

6 января авиация СОРа наносила интенсивные удары по врагу. Цитирую «Хронику»: "В первую половину дня четыре Ил-2 в сопровождении четырех И-16 нанесли удар по войскам противника в лощине, что севернее отметки 35,7; были уничтожены две автомашины, три повозки и подавлены три минометные батареи.

Шесть Ил-2 в сопровождении восьми И-16, двух Як-1 и двух МиГ-3 нанесли штурмовой удар по десяти вражеским минометам в лощине к северу от отметки 37,5 и по орудию у отметки 48,68.

Во вторую половину дня четыре И-153 бомбардировочными и штурмовыми ударами уничтожили немецкую полевую батарею в районе высоты 133,3.

Шесть Пе-2, вылетая поодиночке, последовательно бомбили, а два Ил-2 в сопровождении четырех И-16 штурмовали скопление пехоты и минометные батареи противника в районе высоты 103,9". [250]

А в 60 км от Севастополя погибал евпаторийский десант, но туда не направлено ни одного самолета. На следующий день ВВС СОРа произвели 61 самолето-вылет, но Евпаторию опять не бомбили.

7 января в 1 ч. 27 мин. лидер «Ташкент», базовый тральщик № 27 и два сторожевых катера МО, вышедшие накануне в 20 ч. 27 мин. в район Евпатории для высадки десанта, прибыли в Севастополь и в 20 часов снова вышли в море с той же задачей.

В тот же день в 20 ч. 40 мин. из Севастополя в район Евпатории для высадки диверсионной группы вышла подводная лодка «М-33».

Рано утром 8 января недалеко от маяка подводная лодка «М-33» высадила 13 разведчиков во главе с батальонным комиссаром У.А. Латышевым, которые проникли в город и передали по радио о гибели десанта. Из-за шторма подводная лодка не смогла подойти к берегу и принять разведчиков. И 14 января наши разведчики были обнаружены в Евпатории немцами. В 15 ч. 49 мин. Латышев передал открытым текстом: «Мы подрываемся на своих гранатах. Прощайте!»

8 января в 1 ч. 45 мин. лидер «Ташкент» обстреливал батареи противника и прожектор в порту Евпатории. Немцы отвечали артогнем и светили прожекторами. Высаженная на берег разведгруппа донесла, что все пристани в порту были заняты немцами, причем на одной из пристаней находился прожектор, а на другой – батарея. Боя в городе не было. У вокзала горели дома. Не установив связи с ранее высаженным десантом и встретив сильное огневое сопротивление противника, отряд кораблей в составе «Ташкента», базового тральщика № 27 и двух сторожевых катеров МО в 8 часов утра вернулся в главную базу.

В Евпатории же тральщик «Взрыватель», выброшенный на берег, был расстрелян в упор германскими танками, вышедшими на пляж.

Манштейн писал: "Посланным в Евпаторию частям, находившимся сначала под командованием полковника фон Гейгля, а затем полковника Мюллера (командира 105-го пехотного полка), удалось в тяжелых уличных боях одержать верх над противником. Особенно упорное сопротивление оказывали повстанцы и партизаны, засевшие в большом здании. Не оставалось наконец ничего другого, как подорвать это здание с помощью штурмовых групп саперов. В боях в Евпатории наряду с многими храбрыми солдатами пал смертью героя и командир разведывательного батальона, подполковник фон Боддин, один из храбрейших наших офицеров и горяча любимый солдатами командир. Он был застрелен партизанами, находившимися в засаде.

7 января бой в Евпатории был кончен. Высадившиеся войска русских были частично уничтожены, частично взяты в плен. Было убито около 1200 вооруженных партизан". [251]

Десант в Судак планировалось провести синхронно с евпаторийским десантом. Первоначально намечалось высадить в ночь на 6 января усиленный батальон 226-го полка 63-й стрелковой дивизии 44-й армии. Доставку и высадку десанта должны были осуществить эсминец «Способный» и сторожевой катер.

5 января капитан 3 ранга Е.А. Козлов (командир «Способного») получил от начальника штаба Черноморского флота приказание в 20 ч.

5 января выйти из Новороссийска совместно со сторожевым катером СКА-0111 и к 6 ч. утра 6 января высадить десант в районе Судака, в случае противодействия противника прикрыть высадку артиллерией корабля. После высадки десанта обстрелять Судак и Биюк-Кучук. По выполнении задания вернуться в Феодосию.

Приняв на борт десант морской пехоты в количестве 218 человек из 226-го горнострелкового полка (из которых 35 человек с автоматами были посажены на СКА-0111 для первого броска), боезапас и продукты, корабли в 21 ч. 5 января вышли из Новороссийска. Но сторожевой катер не мог дать более 16 узлов, а затем из-за усилившейся волны и неисправности мотора его ход уменьшился до 10 узлов. Поэтому командир эсминца решил взять с катера десантников и выполнить задачу самостоятельно.

В 4 ч. 53 мин. 6 января «Способный» подошел к Судаку. Дул семибалльный ветер, море было до 5 баллов. Прямо на берег бил сильный накат волны. Пройдя вдоль берега до мыса Чеканный, командир эсминца решил произвести высадку в этом месте, так как мыс был прикрыт от ветра и бурунов.

В 5 ч. 40 мин. с эсминца спустили катер с 12 автоматчиками. Высадившись на берег, десантники противника вблизи не обнаружили и закрепились. После этого переброска десанта производилась одновременно катером и шлюпкой, которые брали по 35 человек с вооружением и сделали по 7 рейсов.

В 8 ч. 50 мин., подняв на борт катер и шлюпку, «Способный» снялся с якоря и с 9 ч. 21 мин. до 9 ч. 50 мин. обстреливал Судак и Биюк-Кучук, а затем пошел в Феодосию, куда и прибыл в 0 ч. 30 мин. 7 января.

Десантники попытались захватить германскую комендатуру [252] в поселке Новый Свет. Нападение было отбито, командир группы и несколько бойцов убито. Остальные десантники ушли в лес, на гору Перчем. Группа держала под наблюдением дорогу Алушта – Судак до прихода основных сил полка.

Замечу, что адмирал Октябрьский и Военный Совет Черноморского флота всеми силами противились высадке десантов, мотивируя это тем, что противник, учтя опыт Керчи и Феодосии, усилил оборону отдельных пунктов Южного берега Крыма и что поэтому малочисленные десанты успеха иметь не будут, так как не смогут соединиться со своими войсками в течение нескольких дней и будут уничтожены противником.

Кроме того, флот имел большие потери в корабельном составе. В связи с этим, а также учитывая дальнейшие операции флота и большие перевозки по обеспечению войск Крыма, Военный Совет флота просил

командующего флотом не организовывать в данное время дополнительных десантов, а ограничиться лишь действиями кораблей флота по поддержке фланга армии огнем корабельной артиллерии в ночное время.

Командующий фронтом в уточнение директивы от 8 января предложил высадить небольшие десанты в районе Мамашай – Кача и в южной части Евпаторийского залива с целью воздействовать на тылы противника, а через день-два соединиться со своими частями, наступающими на Дуванкой – Бахчисарай. В южной части Крымского полуострова, на участке Форос – Алупка – Ялта в ночь на 12 января провести набеговую операцию с одновременной высадкой десанта в районе Судака. Действия этого десанта поддержать огнем корабельной артиллерии.

10 января начальник штаба Черноморского флота доложил Военному Совету Кавказского фронта план десантной операции в районе Судака, утвержденный Военным Советом флота. План этот состоял в следующем:

1. Десант в районе Судака высадить с боевых кораблей (крейсера «Красный Крым», канонерской лодки «Красный Аджаристан», эскадренного миноносца «Сообразительный» и четырех сторожевых катеров МО) в составе 226-го горнострелкового полка (1750 бойцов при четырех 76-мм горных орудиях).

Начало высадки – в 1 час 00 мин. 13 января. Артиллерийская подготовка – по обстановке. Задача 226-го горнострелкового полка – во взаимодействии с Коктебельской группировкой наших войск овладеть районом Судак – Кутлак и действовать в направлении селения Салы для удара во фланг Сальской группировки противника.

После высадки десанта крейсер «Красный Крым» и эсминец «Сообразительный» с двумя сторожевыми катерами отходят в Новороссийск, а канлодка «Красный Аджаристан» и два сторожевых катера остаются в районе Судака для огневой поддержки высаженного десанта. Эти корабли должны прикрываться истребительной авиацией 44-й армии. Бомбардировочная авиация флота будет действовать по войскам противника на дороге Ялта – Судак.

2. Одновременно с высадкой десанта в Судаке, на сторожевых катерах МО произвести высадку десанта в Алуште в составе 35 человек. Задача диверсионного десанта – отвлечь внимание противника от десанта в районе Судака. С рассветом диверсионная группа будет снята теми же сторожевыми катерами МО.

3. Линкор «Парижская Коммуна» в охранении трех эсминцев будет обстреливать селение Салы, а крейсер «Красный Крым» – селение Старый Крым с 2 ч. 00 мин. до 3 ч. 00 мин. 12 января.

Как видим, план был составлен неплохо…

Замечу, что линкор «Парижская Коммуна» в январе 1942 г. действовал довольно интенсивно. Так, 5 января линкор в сопровождении эсминца «Бойкий» в 16 ч. 15 мин. вышел из Новороссийска в район Феодосии для обстрела позиции противника в районе селений Старый Крым и Салы. 6 января в 6 ч. 55 мин. линкор выполнил стрельбу, израсходовав 168 снарядов главного калибра, и возвратился в Новороссийск.

7 января «Парижская Коммуна» и «Бойкий» ушли из Новороссийска в Поти и прибыли туда 8 января в 10 ч. 30 мин. В 7 ч. утра 11 января «Парижская Коммуна» в охранении эсминца «Свободный» вышла опять для обстрела позиций противника в районе селений Старый Крым и Салы. Уже в море «Свободный» повернул на Поти, а его место заняли эсминцы «Бодрый» и «Железняков». 12 января с 2 ч. 32 мин. до 2 ч. 59 мин. линкор выполнил стрельбу главным калибром по позиция противника в районе селений Старый Крым и Салы, израсходовав 139 снарядов, и 8 ч. 35 мин. 13 января возвратился в Поти.

В 16 ч. 40 мин. 14 января канонерка «Красный Аджаристан», приняв на борт 580 человек десанта, совместно с отрядом высадочных средств, на которые также было принято 136 десантников, вышли из Новороссийска в район Судака.

В 13 ч. 15 января отряд корабельной поддержки (линкор «Парижская Коммуна» и эсминцы «Безупречный» и «Железняков») и отряд высадки (крейсер «Красный Крым» с 500 десантниками и эсминцы «Сообразительный» и «Шаумян», также с бойцами десанта) вышли из Новороссийска. В 14 ч. эти корабли обстреляли появившийся самолет-разведчик и, чтобы обмануть неприятеля, легли на курс 260°, который вел значительно южнее Севастополя.

В пути выяснилось, что подразделения десанта при посадке перепутали названия кораблей. Поэтому подразделение, которое должно было погрузиться на «Шаумян», оказалось на «Сообразительном». Выяснив это, командир 226-го горнострелкового полка по семафору поставил частям десанта, шедшим на эсминцах, новые задачи соответственно их новым местам высадки.

С наступлением темноты отряд изменил курс и в 22 ч. 30 мин. пришел в точку рандеву, но ни канонерки «Красный Аджаристан», ни сторожевых катеров не обнаружил. Не задерживаясь, отряд пошел к району высадки десанта, а канонерке и сторожевым катерам по радио было приказано следовать к месту высадки самостоятельно.

Навигационное обеспечение перехода осуществляли подводные лодки

«Щ-201» и «М-55». Одна стояла на якоре в 25 кабельтовых от Судака, а другая – в 5 милях к югу от первой. В назначенное время они включали огни, дальность видимости которых составляла 5–7 миль.

В 23 ч. «Сообразительный» и «Шаумян» пошли к своим местам высадки, а остальные корабли – к местам артиллерийских позиций. С 23 ч. 45 мин. 15 января до 0 ч. 25 мин. 16 января корабли обстреливали район высадки главных сил десанта.

15 января в 13 ч. линкор «Парижская Коммуна» вышел из Новороссийска и в ночь на 16 января обстрелял район Судака, выпустив 125 305-мм и 585 120-мм снарядов, причем часть из них была осветительными.

В полночь на 16 января эсминцы «Свободный» и «Шаумян» начали высадку десанта. Первый – в бухте Новый Свет, а второй – восточнее мыса Эльчан-Кая.

В 0 ч. 44 мин. 16 января началась высадка десанта с канонерки «Красный Аджаристан», которой удалось в назначенном месте удачно приткнуться носом к берегу, а в 1 час ночи началась высадка с «Красного Крыма». К 5 часам утра катера отряда высадки закончили переброску десанта с крейсера на берег, а в 6 часов закончила высадку и канонерская лодка. После чего корабли пошли в свои базы.

В 15 ч. 25 мин. 16 января в Новороссийск прибыл «Красный Крым», в 17 ч. 22 мин. – «Шаумян», а ровно в полночь – «Сообразительный». 17 января в 11 ч. 25 мин. в Новороссийск пришла канонерка «Красный Аджаристан».

В 9 ч. утра 17 января «Парижская Коммуна» в охранении эсминцев «Безупречный» и «Железняков» прибыла в Поти.

Дальнейшие действия десанта не ясны. О них молчит «Хроника…», а Г.И. Ванеев пишет коротко и неясно: «Противник не оказал существенного сопротивления десанту. Это объясняется тем, что его 30-й и 42-й корпуса в это время наступали на Феодосию. Войска Кавказского фронта отошли на Керченский полуостров и заняли оборону в самом узком его месте – на Акманайских позициях. В сложившейся обстановке 226-й горнострелковый полк не мог повлиять на обстановку и вынужден был перейти к обороне. Полк геройски удерживал занятый в Судаке прибрежный плацдарм». [253]

То есть войск противника вроде бы и не было, но полк вел с кем-то упорные бои. Надо ли говорить, что этим противником могли быть только татары.

В ночь на 23 января эсминец «Бодрый» доставил боеприпасы и продовольствие 226-му горнострелковому полку, действовавшему в районе

Судака. Несмотря на то, что в ночь на 23 января шторм достигал 9 баллов, эсминец выпустил по берегу 273 снаряда.

22 января командующий Черноморским флотом приказал в ночь на 23 января высадить десант в районе Судак – Новый Свет в составе 544-го горнострелкового полка 138-й горнострелковой дивизии. 544-му полку после высадки надлежало войти в подчинение командиру 226-го горнострелкового полка.

Для проведения этой десантной операции был выделен отряд кораблей в составе крейсера «Красный Крым», эсминцев «Сообразительный», «Безупречный» и «Шаумян» и отряд высадочных средств в составе базового тральщика № 412 и шести сторожевых катеров типа МО. Для обеспечения подхода кораблей к берегу в районе Судака находились подводные лодки «Щ-201» и «М-55». Корабли отряда находились в Туапсе, а отряд высадочных средств – в Новороссийске.

«Красный Крым» и «Шаумян» приняли на борт личный состав 554-го горнострелкового полка (1576 человек), после чего «Красный Крым» с эсминцами «Сообразительный» и «Безупречный» в 16 ч. 23 января вышли из Туапсе в Новороссийск. «Шаумян», получивший в Туапсе во время штора незначительные повреждения, шел самостоятельно. К 7 ч. утра 24 января все корабли, участвовавшие в операции, сосредоточились в Новороссийске.

В тот же день в 10 ч. 40 мин. отряд высадочных средств вышел из Новороссийска, а в 12 часов вышли и корабли с десантом.

В 22 ч. 15 мин. с «Красного Крыма» заметили красный огонь с подводной лодки «Щ-201», а вскоре обнаружили и отряд высадочных средств. «Красный Крым» и «Шаумян», став на якорь, спустили шлюпки и барказы, и в 23 ч. 30 мин. начали высадку десанта.

В это время «Безупречный» и «Сообразительный» отошли, первый – к западу, а второй – к востоку от места высадки, чтобы немедленно подавить огневые точки противника, если они откроют огонь по десанту с флангов. С «Безупречного» были спущены две шлюпки и отосланы к «Шаумяну» для помощи в высадке десанта.

Сторожевые катера МО, переправив отряд моряков с тральщика № 412 на берег, тоже подошли к «Шаумяну» и к «Красному Крыму» для помощи в высадке десанта. Катера в первую очередь перевозили с крейсера боезапас и продовольствие, а барказы высаживали личный состав десанта. Противник помех не оказывал.

Но высадочных средств не хватало, погодные условия осложняли перевозку десанта – на море было довольно сильное волнение, шлюпки

быстро обледенялись, разгрузка на берегу шла медленно, так как там имелась лишь одна небольшая пристань, у которой катера разгружались только по одному. Все это сильно затянуло высадку.

В 23 ч. 45 мин. с берега прибыл представитель 226-го горнострелкового полка и сообщил, что бои идут в районе селения Большой Таракташ. Он просил поддержать полк огнем корабельной артиллерии. Для более точного выяснения обстановки на берег был послан представитель флота, который возвратился в 3 ч. 30 мин. 25 января. А в 5 ч. 17 мин. «Сообразительный» открыл огонь по противнику.

К 6 часам утра 25 января высадка десанта в основном закончилась, лишь на крейсере «Красный Крым» оставалось еще 250 десантников. При усилившемся волнении моря для их высадки потребовалось еще более часа, а близость рассвета не позволяла кораблям задерживаться у места высадки. Поэтому в 6 ч. 05 мин. десантный отряд кораблей снялся с якоря и пошел в Новороссийск. Сторожевым катерам МО было приказано выгрузить с тральщика № 412 весь боезапас, принять с берега раненых и с рассветом отходить в Новороссийск.

В 16 ч. 30 мин. десантный отряд кораблей прибыли в Новороссийск. А тральщик № 412, полностью выгрузив боезапас и приняв на борт 200 раненых, в 8 ч. 30 мин. вышел из района Судака и в 17 ч. 05 мин. благополучно прибыл в Новороссийск. В 22 часа в базу вернулся последний сторожевой катер из отряда посадочных средств.

О судьбе второго и третьего судакских десантов известно немногое. В ночь на 17 января удалось высадить 1750 человек с четырьмя 76-мм полковыми пушками обр. 1927 г. под командованием майора Селихова. Румынский гарнизон бежал из Судака, не дожидаясь подхода десантников.

К вечеру 17 января десантники захватили Кучук-Таракташ и Биюк-Таракташ. Майор Селихов поставил по роте солдат на алуштинскую и грушевскую дороги. Для охраны Судака он оставил часть бойцов и две пушки и с главными силами приступил к решению основной задачи, поставленной перед полком: соединиться с Феодосийским десантом.

Передовая группа судакского десанта вошла в селение Оттузы и столкнулась с врагом. Ни один человек из этой группы не вернулся.

Видимо, как и при первом десанте, активное участие в боях принимали татарские отряды самообороны, что по идеологическим причинам не афишировалось ни в советское время, ни сейчас, при «самостийной» власти в Крыму.

В ночь на 26 января в Судаке был высажен 554-й горнострелковый полк под командованием майора Забродоцкого. Всего высадилось 1376

десантников и 150 морских пехотинцев. Высаженный полк также был не обстрелян и слабо вооружен. Высадка проходила под огнем артиллерии и танков противника. Десантники понесли большие потери. В районе Малого Таракташа были окружены и уничтожены около 800 человек. Уцелевшим десантникам пришлось уйти в лес на соединение с партизанами. В первый партизанский район с Селиховым пришло около 350 человек.

Синхронный с евпаторийским и судакским десант в Алушту провалился, так и не начавшись. Первый алуштинский десант был погружен на корабли в Новороссийске. В 17 часов 5 января крейсер «Красный Крым», базовый тральщик № 13 и четыре сторожевых катера МО вышли из Новороссийска в район Алушты для высадки десанта. Однако из-за «метеоусловий» командир крейсера А.И. Зубков решил вернуться обратно. В 13 ч. 30 мин. соединение благополучно прибыло в Новороссийск.

Глава 14 Бои за Севастополь. Январь-май 1942 года

Немецкое командование было серьезно озабочено ситуацией в Восточном Крыму, и с Южного фронта под Феодосию был срочно переброшен 30-й армейский корпус. Кроме того, Манштейн перебросил туда две дивизии из-под Севастополя.

А в Севастополь шли пополнения. Уже рано утром 1 января 1942 г. в главную базу прибыли транспорты «Абхазия» и «Белосток» под конвоем крейсера «Молотов» и лидера «Ташкент». «Абхазия» и «Белосток» доставили части 386-й стрелковой дивизии и маршевые роты.

Днем крейсер «Молотов» и эсминец «Смышленый», стоя на якоре в Севастопольской бухте, вели огонь по вражеским войскам, действовавшим против 3-го и 4-го секторов обороны Севастополя. «Молотов» выпустил 94 снаряда, а «Смышленый» – 56 снарядов.

На следующий день, 2 января, немцы начали постепенно отходить под ударами Приморской армии. «79-я особая стрелковая бригада овладела высотой 192,0 и безымянной высотой в 1,5 км юго-восточнее высоты 104,5. 345-я стрелковая дивизия к 15 ч. 00 м. вышла на перекресток железной дороги и шоссе в 2 км севернее кордона Мекензи № 1 и к исходу дня овладела безымянной высотой в 1,5 км восточнее высоты 104,5. 95-я стрелковая дивизия овладела высотой 104,5 и ее северо-западными скатами». [254]

Крейсер «Молотов» 2 января в 3 ч. 50 мин., имея на борту 340 раненых, вышел из Севастополя и уже в 16 ч. 15 мин. прибыл в Туапсе.

Лидер «Ташкент» и эсминец «Безупречный» 2 января, стоя на якоре в Севастопольской бухте, вели огонь по неприятельским войскам, действовавшим против 3-го и 4-го секторов севастопольской обороны. «Ташкент» сделал 64 выстрела, а «Безупречный» – 20 выстрелов.

Контратаки войск СОРа велись до 17 января, но удалось достичь лишь ограниченных успехов. Это и не удивительно – против германских укреплений под Севастополем требовалось большое количество тяжелых танков, а их у защитников СОРа не было. Выбить врага из Крыма могли лишь крупные десанты в Евпатории, Ялте и Алуште, но мы уже знаем об их судьбе.

10 февраля Октябрьский предоставил в Генштаб данные о силах СОРа.

Согласно им, Приморская армия состояла из семи стрелковых и одной кавалерийской дивизий, двух танковых батальонов, двух армейских артиллерийских полков и двух минометных дивизионов (один из них – гвардейский).

Всего было: личного состава – 69 853 человека, в том числе: штыков – 20 454, сабель – 1173, в артиллерии – 14 833, в автобронетанковых частях – 450 человек.

В частях морской пехоты было 12 128 человек, в том числе 7519 штыков.

Части береговой обороны насчитывали 4096 человек и орудий: 8 – 305-мм (из них два в ремонте), 12 – 152-мм, 15 – 130-мм, 4 – 100-мм и 4 – 45-мм.

Части военно-воздушных сил флота имели 95 самолетов, из них в строю – 76.

Протяжение фронта Севастопольского оборонительного района составляло 36 км. На один километр фронта приходилось 769 бойцов, 13,6 станковых пулеметов, 22,0 ручных пулемета, 10,8 средних и крупных минометов, 5,3 разных орудий; из этого количества 30 % пулеметов было эшелонировано во второй и третьей линиях обороны в стационарных огневых точках. [255]

В начале 1942 г. число виртуальных игр с итальянским флотом сократилось. Но рецидивы еще встречались. Так, 16 февраля недалеко от Севастополя на минах погибла «вражеская подводная лодка». Цитирую «Хронику…»: "С 1 ч. 52 м. до 4 ч. 25 м. гидроакустическая станция главной базы, находившаяся в трех милях к зюйд-весту от Херсонесского маяка (ш = 44°32’, д = 33°30’), отметила слабую работу дизеля в секторе, ограниченном пеленгами 180° и 190°.

В 9 ч. 22 м. – 9 ч. 24 м. эта же станция отметила два подводных взрыва по пеленгу 200°. Для осмотра водной поверхности по пеленгу взрывов был выслан сторожевой катер № 024, который в 15 ч. 00 м. в ш = 44°21’, д = 33°15’ (14,5 миль к зюйд-весту от Херсонесского маяка) обнаружил три небольших масляных пятна.

При дальнейшем обследовании района в 14 ч. 44 м. в ш = 44°21’, д = 33°28’ (8,5 миль от мыса Фиолент) снова было обнаружено масляное пятно протяжением около четырех миль и небольшое количество глушеной рыбы". [256]

Вроде бы все доказательства гибели субмарины налицо. Увы, в феврале 1942 г. на Черном море не было ни одной германской или итальянской подводной лодки, а единственная румынская подлодка

«Дельфинул» мирно стояла в Констанце весь 1942 год, равно как и 1943-й, и 1944-й!

Надо полагать, это было скорей всего наше судно или самолет (последнее маловероятно). Смотрю в списки наших погибших судов. [257] Вроде бы в феврале никто из своих не мог погибнуть на минах у Севастополя. Но, увы, сей талмуд содержит далеко не полный перечень погибших судов. Так, 11 ноября 1941 г. из Севастополя в Туапсе вышли судно «Красный Водолей» и морской буксир «СП-18». В Туапсе они до сих пор не прибыли, а в «талмуде» о них нет ни слова. Скорей всего, они стали жертвами собственных мин в районе Севастополя.

Зимние шторма сорвали многие десятки мин из минных заграждений, выставленных Октябрьским летом. В результате у Севастополя плавать стало опасно даже по фарватеру. Вот происшествия только одного дня 11 февраля 1942 г.: "В 10 ч. 00 м. базовый тральщик № 412, вышедший в 21 ч. 30 м. 9 февраля с транспортом «Красная Кубань» из Новороссийска в Севастополь, в точке ш = 43°01’, д = 34°10’ расстрелял плавающую мину образца 1908 г.

В 14 ч. 25 м. сторожевой катер № 024 в точке ш = 43°01’, д = 34°10’ расстрелял плавающую мину". [258]

Забегая вперед, скажу, что Октябрьский был очень озабочен потерей транспортов на своих минах. 4 марта «командующий приказал командирам военно-морских баз самим лично утверждать, контролировать и обеспечивать переход транспортов в районах своих баз, надежно прикрывать свои коммуникации с моря и воздуха, обеспечить конвои грамотными лоцманами, обеспечить надежный проход транспортов по фарватерам, а также вход их в базы и выход из баз, не допускать в дальнейшем гибели транспортов на своих минных заграждениях». [259]

Если быть последовательным, то Октябрьский должен был обратиться к Верховному с просьбой отдать под трибунал тех, кто оные мины ставил.

Как уже говорилось Октябрьский пошел на хитрость и обозвал траление собственных мин «расширением фарватера». Вроде бы, чисто техническое мероприятие, можно и в Москву не докладывать.

Возможно, кто-то из читателей попеняет автору, мол, говоря об осаде Ленинграда, писал о пушках, а здесь все больше о кораблях и минах. Так на подходах к Ленинграду у наших адмиралов хватило ума мин не ставить. А с германскими минами боролись более-менее успешно. А тут из-за собственных мин прекратили подвоз боеприпасов в Севастополь.

Но перейдем к делам чисто артиллерийским. Вывоз артиллерийских боеприпасов в феврале 1942 г. продолжался. 17 февраля в 13 ч. 20 мин.

крейсер «Коминтерн» с практически боезапасом прибыл из Севастополя в Батуми. [260]

Как это понимать? Что такое практические боеприпасы? Это артиллерийские выстрелы, в которых снаряды не снаряжены взрывчатым веществом. Заряды или полные, или половинные. Так, снарядить тротилом или каким-либо суррогатным ВВ артиллерийский снаряд – дело плевое, и мы уже знаем, что в Ленинграде это практиковалось. А для стрельбы по противнику и половинный снаряд сгодится, а за одно и износ канала будет существенно меньше.

Кстати, об износе каналов орудий. 8 декабря 1941 г. приказом командующего Черноморским флотом вице-адмирала Ф.С. Октябрьского командир батареи № 30 капитан Г.А. Александер был награжден орденом Красного Знамени за срыв наступления врага на Севастополь. В приказе говорилось: «С 1 по 20 ноября артогнем батареи уничтожено: 6 батарей противника, в том числе одна трухорудийная батарея на гусеничном ходу, свыше 40 танков и бронемашин, около 50 грузовых автомашин с живой силой, один паровоз с двумя вагонами, 12 пулеметных и минометных точек, свыше 25 подвод и более 1000 человек живой силы противника. В большинстве своем цель поражается с первого выстрела. За время боевых действий батарея имеет убитыми – 4 человека, ранеными – 3 человека».

Любопытный нюанс: что это за «трехорудийная батарея на гусеничном ходу»? Вряд ли здесь идет речь о 75-мм самоходках, которые наши командиры путали с танками. Буксируемых артиллерийских орудий на гусеничном ходу у немцев не было вообще, если не считать 20,3-см H.503(r), а по-русски – трофейных советских 203-мм гаубиц Б-4. Так что батарея № 30 уничтожила три Б-4, если не считать их очередными фантазиями нашего славного адмирала.

С 1 октября по 31 декабря 1941 г. батарея выпустила по врагу 1238 снарядов. Только за один день, 17 декабря 1941 г., орудия батареи произвели 117 выстрелов. Замечу, что живучесть 305/52-мм ствола составляет всего 200 выстрелов.

В итоге в среднем каждая пушка батареи выстреливала 309–310 раз. Но тут следует сделать два замечания. Во-первых, живучесть рассчитывается на полный заряд. А батарея № 30 в подавляющем большинстве случаев стреляла на дальность, обеспечиваемую уменьшенным зарядом. Кроме для 305-мм шрапнели, например, таблицы стрельбы были только для уменьшенных зарядов.

А во-вторых, критерием расстрела ствола с мелкой нарезкой было падение начальной скорости более чем на 4 %. Такая высокая точность

важна для стрельбы по удаленным быстро передвигающимся целям. Для стрельбы же по наземным целям, я уж не говорю о стрельбе по площадям, такой точности, явно, не требуется.

Тем не менее, стволы 30-й батареи нужно было менять в преддверии будущих боев. К этому времени уже существовали 305/52-мм лейнированные стволы, но на севастопольских батареях их не было.

До войны замена 305-мм стволов на береговых батареях производилась только с использованием специальных железнодорожных кранов. Но имевшийся на батарее кран был поврежден вражеским снарядом. Кроме того, использование громоздких и видимых за многие километры кранов нарушило бы скрытность работ. Поэтому было принято решение менять стволы без крана с применением домкратов и талей.

Ситуация осложнялась тем, что башни 30-й батареи находились всего в полутора километрах от линии фронта и отлично просматривались противником, не говоря уж о постоянном артиллерийском и минометном обстреле. Поэтому любые работы могли производиться здесь только в ночное время с тщательной светомаскировкой.

Для ускорения работ они были начаты одновременно в обеих башнях – в 1-й работала бригада Артиллерийского ремонтного завода № 1127 Черноморского флота, во 2-й – бригада ленинградского завода «Большевик» во главе с мастером Сечко. Объединенное руководство двумя бригадами, а также работами по доставке на огневую позицию батареи новых орудийных стволов (их везли по железнодорожной ветке со станции Мекензиевы Горы) осуществлял представитель Артиллерийского отдела Черноморского флота инженер 1 ранга А.А. Алексеев.

Уже сама доставка новых орудийных стволов к башням оказалась нелегким и опасным делом. Когда состав подходил к орудийному блоку батареи, неожиданно сошел с рельсов паровоз. Положение создалось критическое. С рассветом немцы могли обнаружить платформы со стволами и уничтожить их артиллерийским огнем, что означало бы крах всей операции. На выручку железнодорожникам бросился личный состав батареи. Практически вручную многотонный паровоз поставили на рельсы, и через полтора часа орудийные стволы были доставлены к башням.

Вся операция по замене стволов в обеих башнях заняла 16 суток, и 11 февраля батарея была в полной боевой готовности.

Замечу, что немцы именовали батарею № 30 фортом «Максим Горький-1», а батарею № 35 – фортом «Максим Горький-2».

305-мм башенная батарея № 35 провела первую боевую стрельбу 7 ноября 1941 г. по частям германской 132-й пехотной дивизии в районе

Мекензиевого хутора. Всего с 11 ноября по 7 декабря батарея произвела 329 выстрелов.

18 декабря в ходе отражения второго штурма во второй башне вследствие преждевременного выстрела (воспламенения заряда при не полностью закрытом затворе) произошел взрыв. Башня была выведена из строя. Далее стреляла только одна башня.

В итоге орудия 1-й башни были расстреляны на 85 %. За 45 дней рабочие Севморзавода и личный состав батареи все четыре ствола и отремонтировали 2-ю башню.

В феврале-марте 1942 г. были заменены изношенные стволы на шести (из восьми) 152-мм орудиях батарей № 18 и № 19.

Из пятнадцати 130-мм орудий береговой обороны СОРа, которые произвели 15 985 выстрелов, у трех орудий были сменены тела, а у семи заменены лейнеры. На четырех 100-мм орудиях Б-24, сделавших 4624 выстрела, были также сменены лейнеры.

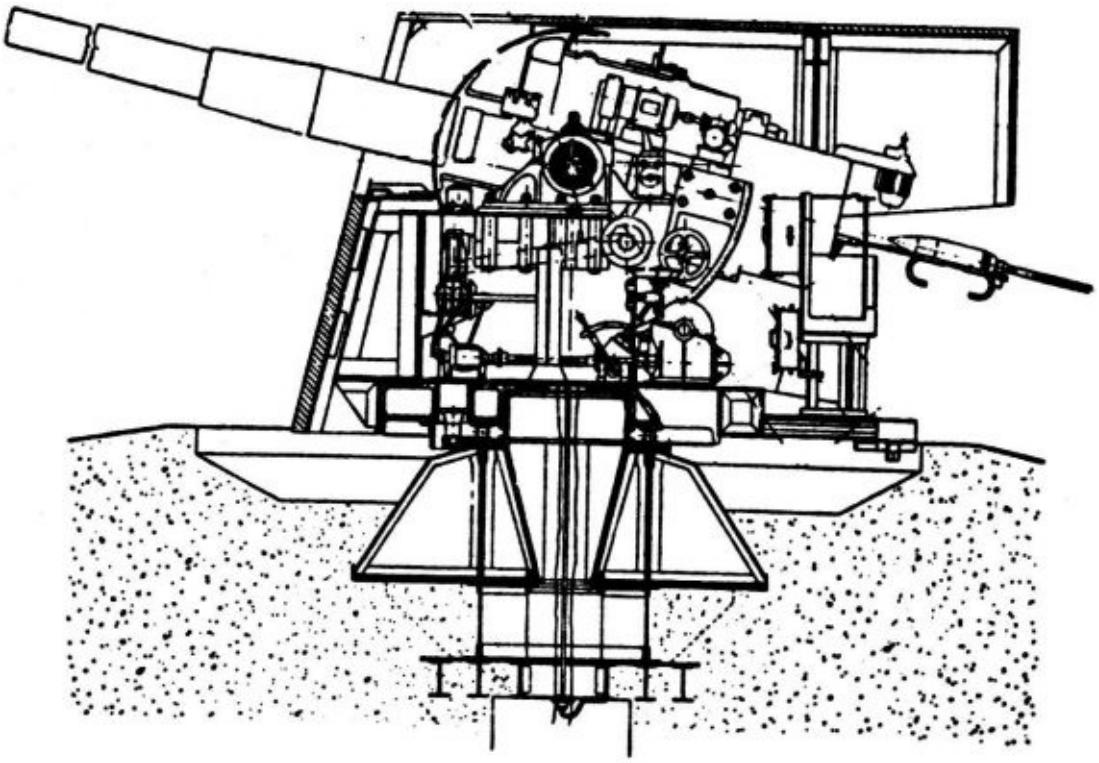
Производилась перестановка орудий с деревянных оснований на бетонные. При этом перерыв ведения огня этими батареями составлял не более одних-двух суток.

Выполнялись и другие инженерно-строительные работы по усилению защиты командных пунктов и личного состава на огневых позициях батарей.

К 10 мая 1942 г. береговая артиллерия Севастополя имела в своем составе 51 стационарное орудие калибра 100–305 мм, в том числе восемь 305-мм, одно 180-мм, десять 152-мм, семнадцать 130-мм, три 120-мм, восемь 100-мм и четыре 45-мм.

Из этого перечня почти все орудия известны читателю, неясно лишь появление одной 180-мм пушки.

В 30-е годы советское руководство разработало несколько планов усиления береговой обороны Черноморского флота и Севастополя в частности. Так, по ситуации на июнь 1934 г. в районе Севастополя (в документе сказано «в Севастополе») должны быть установлены во второй половине 1936 г. две четырехорудийные батареи 180-мм установок МО-1-180. Их производство должно было начаться на Ленинградском Металлическом заводе в октябре-декабре 1935 г. **(Сх. 38)**

180-мм установка МО-1-180

Еще одна четырехорудийная батарея МО-1-180 должна быть установлена в Керчи в 1934 г. Кроме того, в Керчи в конце 1936 г. должна быть построена двухбашенная батарея МБ-2-180.

Увы, сии планы так и остались на бумаге. В известной степени это связано с японской угрозой на Дальнем Востоке и необходимостью создания береговой обороны Тихоокеанского побережья.

В 1939–1940 гг. Главный морской штаб составил новый план усиления береговой обороны Черного моря, согласно которому в районе Евпатории и на мысе Фиолент должны быть построены по одной двухбашенной батарее МБ-2-180. Кроме того, на мысе Киик-Атлама (у поселка Орджоникидзе) предполагалось построить четырехорудийную батарею МО-1-180.

Реализации этого плана помешала Великая Отечественная война.

Видимо, одна из установок МО-1-180, предназначенная для крымских береговых батарей, была складирована в главной базе еще до начала войны. В начале 1942 г. ее видимо и ввели в строй.

Но вернемся к боевым действиям в районе Севастополя в феврале-марте 1942 г.

27 февраля в 3 ч. 43 мин. эсминец «Железняков» сделал 40 выстрелов по Евпатории и еще до рассвета вернулся в Севастополь. Тем же способом, то есть выйдя поздно вечером из Севастополя и вернувшись до рассвета,

эсминец «Шаумян» сходил на обстрел Ялты, по которой выпустил 78 102-мм снарядов.

Между 18 ч. 10 мин. и 18 ч. 40 мин. 28 февраля базовые тральщики «Мина» и № 27 и четыре сторожевых катера вышли из Севастополя в море, имея задачей высадить демонстративный десант в районе Алушты. Крейсер «Красный Крым» и эсминцы «Шаумян» и «Железняков» вышли в тот же район для огневой поддержки демонстративного десанта.

Несмотря на сильный огонь противника (этот район занимали румыны), в ночь на 1 марта десант был высажен. Крейсер «Красный Кавказ» выпустил по Алуште и окрестностям 82 130-мм снаряда. «Шаумян» и «Железняков» выпустили, соответственно, 55 и 52 102-мм снаряда. Десантники пробыли на берегу до 4 часов утра, а затем вернулись на корабли. 1 марта в 12 часов десантный отряд возвратился в Севастополь, а отряд корабельной поддержки отошел в квадрат дневного маневрирования.

С конца февраля 1942 г. увеличились потери советских кораблей и судов. Основных причин две – действия германской авиации и собственные оборонительные заграждения.

В конце февраля подорвался на своих минах в районе Севастополя транспорт «Коммунист» (1941 брт). Никто из членов экипажа не спасся. Через несколько дней транспорт «Восток», следуя в Севастополь, встретил шлюпку с двумя обледеневшими трупами членов экипажа «Коммуниста».

1 марта транспорт «Чапаев» (3566 т) подорвался на своем минном заграждении и затонул, и тоже у Севастополя. И, наконец, 6 марта в 5 ч. 05 мин. подорвался на своем минном заграждении по пути в Новороссийск эсминец «Смышленый». Команда самоотверженно боролась за живучесть, но через сутки, 7 марта в 8 ч. 07 мин., эсминец затонул. Весь экипаж погиб.

25 февраля германские торпедоносцы впервые в 1942 г. атаковали советские корабли. В 19 ч. 15 мин. при подходе к Севастополю три Хе-111 сбросили 4 торпеды на конвой в составе танкера «Москва», транспорта «Г. Димитров» и базового тральщика «Щит». Все торпеды прошли мимо, а немцы потеряли один Хе-111, видимо, по эксплуатационной причине, поскольку советские источники не упоминают о его сбитии.

Затем 2 марта в 3 ч. 55 мин. одиннадцать Хе-111 у мыса Утриш атаковали транспорт «Фабрициус» (3721 брт), шедший из Новороссийска в Камыш-Бурун. Одна торпеда попала в правый борт. Получив серьезные повреждения, транспорт выбросился на берег и был полностью разрушен штормом.

В тот же день германские Ю-88 потопили в Керченском порту

тральщик ТЩ-491 «Кизылташ». 21 марта германские бомбардировщики потопили в Севастопольском порту транспорт «Г. Димитров» (3689 брт).

23 марта одиночный Хе-111 атаковал в 40 милях южнее мыса Херсонес транспорт «Чапаев» (4760 брт), [261] шедший из Поти в Севастополь. В 19 ч. 55 мин. «Чапаев» получил попадание торпеды и в 20 ч. 09 мин. затонул. На транспорте находилось 233 бойца, восемь 122-мм, три 107-мм и десять 47-мм орудий, шесть автомашин, 195 т чугунного литья, 25 т обмундирования и 276 лошадей. Корабли охранения (эсминец «Шаумян» и два сторожевых катера) подобрали 173 человека. Погибло 86 красноармейцев и 14 человек из команды транспорта.

В тот же день, 23 марта, в 16 часов германские бомбардировщики бомбили порт Туапсе. В результате был потоплен минный заградитель «Островский» и гидрографическое судно ГС-13. На следующий день немцы повторили налет на Туапсе и потопили в порту транспорт «Ялта» (611 брт). А на плавбазе «Нева» (в других документах «Нева» именуется учебным кораблем) близким разрывом бомбы был разрушен корпус между 111 и 112 шпангоутами, и она села на грунт на глубине 8 м.

Из-за мартовских штормов погибли буксир «Гарпун», шхуны «Краб» и «Украина».

20 марта 1942 г. нарком Кузнецов издал приказ, где говорилось: «Перерыв коммуникаций противника есть часть борьбы за Крым». [262] Далее следовало: «Для увеличения радиуса действия применять буксирование и лидирование торпедных катеров и сторожевых катеров. [Любопытно, а ранее ни он, ни Октябрьский до этого додуматься не могли, особенно когда Одесса и Измаил были в наших руках? – *А.Ш.*]

Немедленно приступить к оборудованию части сторожевых катеров МО под приемку мин, используя опыт бронекатеров Дунайской военной флотилии; базой развертывания катеров иметь Севастополь.

Минные постановки авиацией производить с аэродромов в районе Анапы, а в случае необходимости использовать для подскока Херсонесский аэродром; выделение для этой цели трех самолетов недостаточно, количество их для минных постановок необходимо увеличить…

Военный Совет Черноморского флота доложил Военному Совету Крымского фронта, что в связи с усилением активности вражеской авиации на море дневной обстрел противника кораблями может немедленно привести к потере этих кораблей. Прикрывать же корабли достаточным количеством истребителей (не менее шести самолетов) в течение всего времени пребывания их в море невозможно вследствие ограниченного количества самолетов и малого радиуса их действий. Поэтому Военный

Совет флота просил разрешения продолжать использование кораблей для обстрела берега только ночью…

Так как эскадренные миноносцы были заняты охранением транспортов и кораблей, Военный Совет флота считал невозможным выделить постоянный отряд кораблей для артиллерийской поддержки армии". [263]

Опять же, риторический вопрос, зачем нужно было выделять эсминцы, а то и крейсер для охранения транспортов? Может от того же «призрака супермарине»? Ведь на март 1942 г. у немцев по-прежнему не было на Черном море ни надводных кораблей, ни подводных лодок, кроме паромов «Зибель».

Между прочим, 30 марта 1942 г. Октябрьский указал командирам военно-морских баз, соединений и кораблей, что корабли конвоя при движении с караванами уходят от транспортов на дистанцию до 10 кабельтовых. Командующий предупредил всех командиров кораблей, что подобные действия граничат с преступлением и что задача конвоя – охранять транспорты от надводного противника и прежде всего от его авиации – невыполнима, если корабль охранения будет находиться не в двух, а в 10 кабельтовых от транспорта.

А кто мешал Октябрьскому вооружить транспорты зенитными автоматами и 76-мм зенитными пушками?

Согласно данным «Итогов работы артодела Черноморского флота», к 22 июня 1941 г. на кораблях и складах Черноморского флота имелось 37-мм автоматов: корабельных 70К – 18, армейских колесных 61К, состоявших в ПВО Севастополя – 18, и, наконец, одна спаренная 37-мм установка 66К, предназначенная для строившихся кораблей. Кроме того, имелось 258 12,7-мм зенитных пулеметов типа ДШК. Зенитных 7,62-мм пулеметов типа «Максим» было несколько сот, но эффективность их по воздушным целям была невелика.

До конца 1941 г. Черноморский флот получил от промышленности 29 37-мм автоматических установок 70К; в 1942 г. – 40 установок 70К и 16 20-мм английских зенитных автоматов «Эрликон»; в первой половине 1943 г. – еще 69 установок 70К и 40 «Эрликонов». Что же касается 12,7-мм зенитные пулеметов, то только в 1942 г. Черноморский флот получил: наших типа ДШК – 264 штуки, спаренных Браунинга – 42 и счетверенных Виккерса – 22.

Любопытно, что потери зенитных автоматов на Черноморском флоте были крайне малы для этой тяжелой войны. Так, в 1941 г. не был утерян ни один (!) 37-мм зенитный автомат; в 1942 г. потеряно десять 37-мм автоматов 70К и два 20-мм «Эрликона», а в первой половине 1943 г. –

четыре 70К и два «Эрликона».

О чем это говорит? О том, что хотя Октябрьский «берег корабли», но зенитные автоматы он берег еще больше. А между тем ни 37-мм установки 70К, ни 20-мм «Эрликоны» – это не 305-мм и даже не 130-мм установки, монтаж, и демонтаж автомата на корабле занимал менее суток. Да и весогабаритные характеристики зенитных автоматов были невелики, и их можно было ставить практически на любой корабль вне зависимости от проекта. Так, к примеру, на Северном флоте на лидер «Баку» поставили уже в ходе войны 11 автоматов 70К, хотя по проекту их установка на этот корабль вообще не предусматривалась.

К началу войны большинство наших катеров – торпедных, сторожевых, катеров-тральщиков и других – были вооружены малокалиберными (7,62-мм) пулеметами. Экипажи катеров быстро смекнули, что проку от «Максимов» очень мало, и стали требовать 12,7-мм пулеметы ДШК. Дело дошло до отказов командиров и экипажей от выхода в море. Тогда вышестоящие командиры нашли вполне нормальный выход. Катер, возвратившись с задания, сдавал свой ДШК, который немедленно монтировали на другой катер.

И в 1941 г., и в 1942 г. на Черном море в боевых операциях единовременно участвовали лишь несколько кораблей, а остальные достраивались, ремонтировались или просто отстаивались в базах. Казалось бы, чего проще – передай на корабль, идущий в боевой поход, 37-мм зенитные автоматы и 12,7-мм ДШК вместе с боекомплектами и расчетами. Кстати, 45-мм корабельные полуавтоматы 21К (скорострельность 20–25 выстр./мин.) были не столь эффективным средством ПВО, но они тоже иногда сбивали вражеские самолеты. А сорокопяток у Октябрьского было пруд пруди: к 22 июня 1941 г. – 474 штуки, да еще до конца 1941 г. поступило 154 орудия.

Таким образом, переставляя хотя бы часть орудий калибра 37–45 мм и 12,7-мм пулеметов, можно было в несколько раз увеличить мощность ПВО кораблей. Так, на транспорте в 2–4 тыс. тонн водоизмещением можно было установить и 10 автоматов или полуавтоматов, а на транспорте 5-15 тыс. тонн водоизмещением – 20 и более таких установок. (Примерно таким в 1942 году было зенитное вооружение британских и американских транспортов, действовавших в опасных районах).

В ходе Второй мировой войны американские легкие крейсера несли от 24 до 32 40-мм автоматов, а также от 12 до 16 20-мм автоматов.

Хотя по проектам на наших лидерах и эсминцах (проектов 7 и 7У) не предусматривалась проектом установка автоматов типа 70К, но все равно

11 стволов, как на «Баку», не было пределом. На всех наших лидерах, эсминцах и крейсерах стояло по два громоздких и тяжелых пятитрубных торпедных аппарата. С самого начала войны было ясно, что использовать их на Черноморском флоте никогда не придется. Кстати, за всю войну торпедные аппараты наших надводных кораблей использовались всего один раз – на севере, да и то неудачно.

Риторический вопрос, кто мешал Октябрьскому приказать снять по одному, и то и оба торпедных аппарата с крейсеров, лидеров и эсминцев, а взамен установить несколько зенитных автоматов? А приспичит – вернуть их на место было делом двух-трех дней.

Тот же Октябрьский постоянно сетовал в своих дневниках, что, мол, у эсминцев проектов 7 и 7У слишком малая дальность плавания для Черного моря. Так кто же ему мешал разместить мазут в торпедных погребах взамен бесполезных, но опасных для своего же корабля «сигар»? Кстати, до этого додумался в 1943 г. его преемник адмирал Владимирский.

Пусть критики пеняют мне, что в документальном романе так много цифр, так много фактов. Но я хочу показать читателю реальную картину событий войны, чтобы он сам мог расставить все точки над «i» и решить, кто виноват в потоплении десятков наших судов вражеской авиацией, в прекращении снабжения Севастополя в 1942 г., а также в бездействии наших крупных кораблей в 1943–1944 гг., когда их участие могло кардинально изменить ход войны.

Думаю, наш читатель в подавляющем большинстве своем вдоволь начитался писаний наших военных историков и титулованных мемуаристов, где наши адмиралы героически отражали налеты тысяч «фашистских стервятников». Кстати, я никак не пойму, почему наших ветеранов не возмущает термин «атаки фашистских стервятников»? Раскрыв «Советский энциклопедический словарь» (М., 1982), я прочитал: «Стервятник – хищная птица семейства ястребиных… Питается падалью (полезен как санитар)». [264]

Командование Черноморского флота было настолько обеспокоено большой потерей транспортов, потопленных германской авиацией и погибших на собственных минах, что 24 марта Военный Совет Черноморского флота обратился к наркому ВМФ с просьбой о посылке на Черное море «самолетов Пе-2» [265] Одновременно был поднят вопрос о закупке транспортов в Турции. 28 марта Кузнецов сообщил, что в апреле Черноморский флот получит Пе-2 и истребители, а также «что за границей свободного тоннажа, который бы нам продали, сейчас нет». [266]

По приказу командующего Черноморским флотом для ПВО

транспортных судов на переходах с конца марта 1942 г. начали привлекаться пикирующие бомбардировщики Пе-2, поскольку радиус действия наших старых истребителей И-16 и новых Як-1 и МиГ-1 был крайне мал. Это был естественный выход из положения, который применялся и в других странах. Так, англичане переделали бомбардировщик «Блейнхейм I» в тяжелый истребитель «Блейнхейм IF», а немцы на базе бомбардировщика Ю-88 создали тяжелые истребители Ю-88С и Ю-88Г.

27 марта в 20 ч. 15 мин. в свой первый рейс в Севастополь из Новороссийска вышел транспорт «Сванетия». Откуда он взялся, мы выясним позже. В марте 1942 г. пассажирский лайнер «Сванетия» был обращен в санитарный транспорт и вооружен пятью 45-мм пушками 21К и двумя 12,7-мм пулеметами ДШК.

Конвой у «Сванетии» был более чем внушительным – лидер «Харьков», эсминцы «Незаможник» и «Шаумян» и два сторожевых катера. Явно, опасались проклятых макаронников.

«Сванетия» пришла в Севастополь 29 марта в 2 ч. 26 мин. ночи.

Вечером того же дня «Сванетия» в охранении эсминцев «Шаумян» и «Незаможник» вышла из главной базы в Туапсе, куда и прибыла 31 марта в 3 ч. 10 мин. ночи.

3 апреля «Сванетия» в охранении эсминцев «Бойкий» и «Незаможник» вышла из Новороссийска в Севастополь. У кромки минного заграждения ее встретил базовый тральщик № 27.

5 апреля в 3 ч. 24 мин. транспорт «Сванетия» в охранении эсминца «Бойкий» и двух сторожевых катеров прибыл из Новороссийска в Севастополь, доставив 382 человека маршевого пополнения, 245 т боезапаса, 350 т продовольствия и 194 т фуража. В 20 ч. 27 мин. «Сванетия», приняв на борт 120 раненых и 65 т разных грузов, в охранении эсминцев «Бойкий» и «Незаможник» вышла из Севастополя в Туапсе, куда прибыла 7 апреля в 4 часа утра.

14 апреля «Сванетия» вышла в свой третий и последний поход в Севастополь. 16 апреля в 3 часа ночи в охранении эсминцев «Бдительный» и «Свободный» и трех сторожевых катеров она прибыла из Новороссийска в Севастополь. На транспорте было доставлено: 151 человек маршевого пополнения, 191,5 т боезапаса, 681,5 т продовольствия и другие грузы. С 15 ч. 20 мин. до 16 ч. 10 мин. «Бдительный», стоя в Севастопольской бухте, сделал 30 выстрелов по скоплению вражеских войск в районе селения «Дача», что в 2,5 км юго-восточнее селения Камары.

16 апреля в Севастополе на «Сванетию» погрузили 221 раненого, 358

человек из 40-й кавалерийской дивизии, 60 жителей города и 65 летчиков, следовавших для получения новых самолетов. В тот же день в 21 ч. 20 мин. лайнер в охранении эсминца «Бдительный» вышел из гавани и двинулся в Новороссийск. На следующий день «Сванетия» была атакована торпедоносцами Не-111. Две торпеды попали в носовую часть судна. Лайнер потерял ход и стал погружаться с креном на левый борт и дифферентом на нос. Из 18 имевшихся на борту шлюпок успели спустить на воду лишь пять, три из которых были накрыты корпусом тонущего судна. Не уместившиеся в шлюпках люди бросались за борт в спасательных жилетах и без них.

По одной из версий, на палубу судна выскочили кавалеристы, не имевшие понятия о механизмах спуска шлюпок на воду. Они выхватили шашки и перерубили первые попавшиеся под руку блоки (лопаря), удерживающие шлюпки, и те, сорвавшись вместе с людьми, полетели за борт, переворачиваясь или разбиваясь о воду.

Продержавшись на плаву 18 минут, «Сванетия» затонула на глубине 2000 м, увлекая за собой в образовавшуюся воронку плававших рядом людей. Погибло 753 человека, в том числе 220 раненых и 112 человек команды.

Когда начался авианалет, эсминец «Бдительный» бросил транспорт и ушел за горизонт. По окончании налета «Бдительный» вернулся и начал спасение людей. Было спасено 143 человека, из которых 17 умерли на палубе эсминца от переохлаждения в воде.

Итак, благодаря усилению германской авиации и ошибкам наших адмиралов уже в начале весны резко ухудшилось снабжение Севастополя боеприпасами, топливом и продовольствием.

Но части СОРа продолжали удерживать занятые рубежи. А город… жил. Еще в ноябре 1941 г. по решению Совнаркома Крымской АССР в Севастополе были созданы Спецкомбинат № 1 для производства вооружения и Спецкомбинат № 2 для пошива военной обуви, одежды и другой амуниции. Практически все население было задействовано на оборону. Предприятия перешли на круглосуточную работу. Потребовалось много усилий для расчистки улиц от завалов. Стало проблемой снабжение города водой и продовольствием.

С января 1942 г. работа предприятий вошла в стабильный ритм. Заводы «Красный металлист», «Морской завод», «Молот», «Химчистка», спецкомбинаты систематически перевыполняли план. За январь-апрель 1942 г. предприятия изготовили около 180 тысяч ручных гранат, 30 тысяч противотанковых гранат, более 16 тысяч мин для 82-мм минометов, а также

много другой военной техники 135 различных наименований.

Женский труд в эти месяцы был основной силой на производстве и в укреплении обороны города. Женщины организовали многочисленные бригады по пошиву обмундирования и стирке белья.

Промышленные предприятия выпускали продукцию до 20-х чисел июня. За период обороны промышленность города дала фронту 2408 минометов, 113 720 мин, 305 699 ручных гранат, 231 549 противотанковых и противопехотных мин, 8715 авиабомб. Спецкомбинат № 2 изготовил 2930 пар ватных брюк, 3871 овчинный полушубок, 1322 бушлата, 1544 пары суконных брюк, 4018 рубах, 2190 пар рукавиц, 3142 сумок для гранат, 6843 брезентовых ведер, 2880 мешков для пороха и многое другое.

Жизнь в осажденном городе в основном проходила в подземных укрытиях. В Севастополе работало 25 подземных магазинов и ларьков. В феврале под землей был оборудован кинотеатр «Ударник», который организовал кинопередвижки для населения, выезжавшие в цеха, школы и учреждения. В городе выступали бригады артистов и писателей, работали шесть библиотек, которые выдали 32 960 книг.

До середины июня 1942 г. Севастополь снабжался водой и электроэнергией, работали бани, парикмахерские, почта, телеграф, выпускались газеты «Красный Крым», «Маяк Коммуны», «Красный Черноморец», «За Родину». В штольнях и самых надежных убежищах работали школы, которые закрылись только 20 мая.

Жители города по призыву Городского комитета обороны организовывали огороды, под которые были заняты 182 гектара скверов, садов, пустырей. С этих огородов до конца мая севастопольцы успели снять урожай ранних овощей.

Боевой дух населения Севастополя был высоким и устойчивым. Переживший оборону член-корреспондент АН СССР В.Г. Корт рассказывал: "Рядом с огородами – землянки, в которые перебрались жители города из разрушенных домов. Невзирая на разрывы снарядов, девушки на огороде полют. По зеленому склону горы женщина пасет корову, чтобы она не вошла в зону обстрела.

На Приморском бульваре сидят парочки. Упадет снаряд близко – встанут, передут подальше, но не уходят".

Рыбаки Балаклавы и Севастополя ставили сети в бухтах под огнем немецкой артиллерии. Когда выходили на лов кефали к Херсонесскому мысу или на лов камбалы в открытое море, их бомбили самолеты. Но город и фронт получали свежую рыбу и ракушки (мидии). По заданию командования рыбаки колхоза «Путь к социализму» доставляли на батареи

боеприпасы.

Глава 15 Легенды и мифы о севастопольских танках

Я попытался посчитать число немецких танков, уничтоженных под Севастополем, причем не по мемуарам, а по совершенно секретному 1-му тому «Хроники…» и по секретному 2-му тому. Насчитал две сотни, а потом плюнул – лень.

Ну а о мемуарах и говорить не приходится. Так, в воспоминаниях генерала П.И. Батова постоянно фигурируют крупные танковые соединения. То он говорит о 100 танках у Армянска на 6 октября, то «вечером 19 октября 170-я пехотная дивизия немцев, с которой действовало более шестидесяти танков поддержки пехоты, вырвалась к устью Чатырлыка». [267]

Увы, Павел Иванович, везде указывавший номера германских пехотных дивизий, нигде не указал названия танковых частей. Понятно, что такая же картина наблюдается и в других источниках: у Г.И. Ванеева, А.В. Басова, в «Хронике…» и т. д. То есть, немецкие танки ходят по Крыму сами по себе, без всякой организации, сбиваясь в стада по 50, 100 и более единиц.

Практически все художники и кинорежиссеры показывают нам десятки германских танков, штурмующих город-герой.

Мне очень нравится картина А.А. Дейнеки «Оборона Севастополя». Но причем тут подбитый германский танк T-III, двигавшийся к Южной бухте? Увы, ни одного T-III, равно как и всех другие германских танков – T-I, T-II, T-IV – ни в 1941-м, ни в 1942 г. не было в радиусе 200 км от Севастополя.

Впрочем, скажите спасибо Александру Александровичу, что нарисовал хоть T-III, а не T-VI. Увы, последующие художники и режиссеры, все как один, в сражениях 1941–1942 гг. изображают исключительно «Тигры», впервые примененные немцами летом 1943 г.! Названия и внешний вид германских танков начального периода войны все давно забыли, и везде фигурируют монстры 1943–1945 гг. Помните, в телефильме «Место встречи изменить нельзя» Шарапову объясняют, почему милицейский автобус назван «Фердинандом»: «Ну, у немцев была такая самоходка, ты ж был на фронте, видел». Ну, конечно, у лейтенанта Шарапова дня на фронте не проходило без подбития пары «Фердинандов». Для справки: немцы

выпустили менее 70 (!) единиц самоходных установок «Фердинанд», которые за всю войну лишь дважды появлялись на Восточном фронте – на Курской дуге (1943 г.) и у озера Балатон в 1945 г.

Так если «Тигры» наступали на Москву осенью 1941 г., то почему бы им не штурмовать Севастополь? Так, баснописцы с широкими лампасами и «корочками» заслуженных деятелей искусств обманули не только молодое поколение и родственников ветеранов, но и самих ветеранов. У людей, которым уже за 70, зачастую реальные события в памяти вытесняются выдуманными штампами, которые им вдалбливали аж 50 с лишним лет.

Римма Филипповна Октябрьская с возмущением писала мне: «В военно-морской академии в С.-Петербурге есть преподаватель по фамилии Доценко, он издал книгу о мифах, точно название не помню. Подвиг пяти черноморских моряков, остановивших колонну немецких танков ценой своих жизней, Доценко назвал мифом. Миф – это что? Согласно толковому словарю русского языка, это недостоверный рассказ, выдумка. Вот и плачет дочь Фильченкова, Майя Николаевна, погибшего на своей мине, взорвав танк, как и остальные четверо его товарищей. Плачет от обиды за отца. Доценко просто оплевал героев».

Увы, как уже говорилось, во время вторжения Манштейна в Крым у него было лишь два дивизиона 7,5-см САУ StuG III Ausf C/D – всего около четырех десятков. Вот и всё! Никаких немецких танков под Севастополем до мая 1942 г. не было!

А вот у защитников Севастополя танки были. Начну с того, что в Севастополь из Одессы в первой половине октября 1941 г. было доставлено 24 танка. Однако были ли эти танки отправлены в Степной Крым или остались в Севастополе, установить не удалось.

В первой половине ноября 1941 г. из Степного Крыма в Севастополь удалось выйти лишь 10 танкам. К 5 декабря в Севастополе имелось всего 9 танков, которые к тому времени состояли в отдельном танковом батальоне (ОТБ). Номера тот батальон не имел. В нем было 213 человек, 9 танков, 6 автомобилей и 2 пушки.

22 декабря 1941 г. транспорт «Жан-Жорес» вышел из Новороссийска в Севастополь в охранении эсминца «Бойкий». На его борту находился 81-й отдельный танковый батальон в составе 180 человек и 26 танков Т-26. Уже через 3 дня батальон занял позицию на кордоне Мекензия № 1.

По этому поводу Октябрьский записал в своем дневнике 24 декабря 1941 г.: «Сегодня прибыла вторая половина 345-й стрелковой дивизии и транспорт „Жан Жорес“ с батальоном танков. Танки старые, Т-26, всего 26, из них половина с 45-мм артиллерией, а половина вооружена только

пулеметами. Слабовато, но что поделаешь».

Позже в Севастополь был доставлен 125-й отдельный танковый батальон. На 10 мая 1942 г. 125-й ОТБ располагался в засаде в 4 км западнее хутора Мекензия и в 1,5 км северо-западнее маяка Восточный Инкерманский, а 81-й ОТБ был расположен в селении Голиково.

В начале июня 1942 г. по данным Г.И. Ванеева «в 81-м и 125-м отдельных танковых батальонах Приморской армии насчитывалось 47 танков разных типов (БТ-7, Т-37, Т-27, Т-26, Т-34) и 7 бронеавтомобилей (БА-10 и БА-20)». [268] По данным же Мощанского И., Савина А. «Борьба за Крым сентябрь 1941? июль 1942 г.» в 81-м ОТБ имелся 1 танк Т-34, 1 танк БТ-7 и 12 танков Т-26, «а также сформированный при нем из свободного личного состава танкистов один взвод автоматчиков? 40 человек, и один взвод противотанковых ружей? 12 ружей. Для большей маневренности оба взвода были посажены на тягачи Т-20 „Комсомолец“. Батальон имел задачу уничтожить возможный воздушный и морской десанты. На вооружении 125-го отдельного танкового батальона находилось 25 танков Т-26». [269]

В свою очередь по данным А.В. Басова [270] СОР располагал 38-ю исправными танками, и 9 танков находилось в ремонте.

Исходя из этих и других данных, выходит, что к 6 июня 1942 г. имелось исправных танков: один Т-34, один БТ-7, тридцать семь Т-26 и семь бронеавтомобилей (тяжелых с 45-мм пушкой БА-10 и БА-20, вооруженных пулеметом).

Впервые в 1942 г. командование СОРа использовало танки 8 июня 1942 г. Согласно Г.И. Ванееву события развивались следующим образом: "Чтобы восстановить передний край обороны на стыке третьего и четвертого секторов, генерал-майор И.Е. Петров приказал коменданту третьего сектора генерал-майору Т.К. Коломийцу своими силами перейти в контратаку и восстановить положение.

8 [июня] – понедельник.

Комендант третьего сектора Т.К. Коломиец возложил контратаку на 79-ю морскую стрелковую бригаду, усиленную стрелковым батальоном 2-го Перекопского полка морской пехоты, а также ротой танков 125-го отдельного танкового батальона из резерва армии.

На рассвете артиллерия третьего и четвертого секторов (134-й гаубичный, 18-й гвардейский артиллерийские полки) и береговая батарея № 724 открыли огонь на участке Камышлы – Бельбекская долина, а вскоре командир 2-го батальона 79-й бригады майор Я.М. Пчелкин повел своих бойцов в атаку. Завязался тяжелый и упорный бой. Первоначально

наметился успех, закрепить который не удалось, ибо другие батальоны бригады не были введены в бой, а предназначенный для атаки батальон 2-го Перекопского полка морской пехоты во главе с капитаном А.Н. Смердинским запоздал с выходом на исходный рубеж.

Несмотря на ураганный огонь врага, прибывший батальон А.Н. Смердинского смело бросился в атаку, подошел вплотную к вражеским окопам и вступил в штыковой бой с многочисленным врагом… Рукопашный бой во вражеских окопах продолжался, но враг подтянул свежие силы, и моряки были вынуждены, забрав раненых, отойти на исходные позиции. Танкисты не смогли оказать существенной помощи из-за слабости Т-26, которые вскоре после начала атаки были выведены огнем противника из строя". [271]

Причем, то же изложено и в «Хронике Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре».

А в «Борьбе за Крым» это звучит так: «В районе безымянной высоты (2 км южнее Камышлы) через боевые порядки пехоты в тыл 287-му стрелковому полку просочились до 250 автоматчиков противника с минометами. Для их ликвидации командование 25-й стрелковой дивизии выделило одну стрелковую роту и одну танковую роту в составе 6 машин. В результате решительных и внезапных действий автоматчики противника были уничтожены. Потери танковой роты: один человек убит, подбит один танк. Несколько позже танкисты приняли участие в ликвидации прорыва пехоты и 10 танков противника в районе оврага Мартыновский в направлении балки Графской. В этом бою советские танкисты проявили мужество и высокое мастерство. Ими было уничтожено четыре танка, три противотанковых орудия, большое количество пулеметов и более 100 солдат и офицеров противника. Собственные потери составили: один убит, один ранен, был подбит танк». [272]

Я не думаю, что тут авторы фантазируют, просто составители издания «Борьба за Крым» скопировали большое количество хвалебных донесений и не попытались их не то что бы сравнить с другими источниками, но даже критически оценить.

Процитирую вновь «Борьбу за Крым», точнее, не «Борьбу за Крым», а куски из «Доклада об использовании танков в Севастопольской операции с 1 июня по 1 июля 1942 года» (ЦАМО, ф. 216, оп. 4273, д. 9, л. 25).

"В этой сложной обстановке танковые батальоны получили задачу: совместно с частями 383-й стрелковой дивизии, 7-й бригады морской пехоты контратаковать противника и не допустить выхода его на рубеж высоты Карагач, Сапун Гора. На этом рубеже и к западу от него

развернулись ожесточенные бои. Действия танковых батальонов, находившихся в боевых порядках пехоты, определялись конкретной обстановкой. В случаях, когда превосходство в танках было на стороне противника, наши танки отходили в боевые порядки пехоты и совместно с ней из укрытий вели огонь на поражение. При равенстве сил или когда противник был слабее, танки при поддержке артиллерии стремительно атаковали его и не допускали к боевым порядкам пехоты. В этих боях, длившихся несколько дней, противник потерял 16 танков, 12 орудий, 9 минометов, значительное количество пулеметов и до 300 солдат и офицеров. Наши потери составили 9 танков, из них 2 на исходных позициях от прямого попадания бомб.

В последующие дни танкисты также вели ожесточенные бои. 81-й отдельный танковый батальон, отойдя на рубеж Казачьей бухты, отражая атаки численно превосходящего противника, 2 июля потерял последние 4 машины. Оставшийся в живых личный состав (4 офицера, 5 солдат и сержантов) во главе с командиром батальона был эвакуирован в город Новороссийск.

125-му отдельному танковому батальону к исходу 30 июня была поставлена задача отойти в район хутора Пятницкого и удерживать противника на рубеже Коммуна, хутор Познова.

1 июля 1942 года батальон, отражая яростные атаки, отходил на рубеж Камышовой бухты. 2 июля, подвергаясь непрерывной ожесточенной бомбардировке и артобстрелу, под натиском численного превосходящих сил противника батальон также отошел на рубеж Казачьей бухты.

3 июля командир батальона майор Листобаев, старший политрук Осокин и группа из пяти бойцов, имея один, последний уцелевший танк с 15 снарядами, вступили в неравную схватку с наседавшим противником. Дальнейшая их судьба неизвестна.

Таким образом, отражая атаки немецких войск в ходе третьего штурма Севастополя, танкисты проявили мужество и героизм. За весь период боевых действий не было отмечено ни одного случая трусости или ухода с поля боя. В июне-июле 1942 года ими было уничтожено 32 танка, 20 орудий, 9 минометов, 37 пулеметов, более 1500 солдат и офицеров противника". [273]

Комментарии к этому, думаю, сделает сам читатель.

Применение легких танков под Севастополем не могло быть эффективным из-за сложного рельефа местности и насыщенности позиций противника противотанковыми средствами. Но, как мы знаем, за всю оборону города у защитников был всего один (!) средний танк Т-34 и ни

одного тяжелого танка.

Советское командование в 1942 г. доставило на Керченский полуостров свыше ста тяжелых танков КВ и средних Т-34. Использовались они крайне неудачно и большей частью попали к немцам. Всего на Керченском полуострове только с 8 мая 1942 г. было потеряно свыше 500 танков. Почему же танки КВ не попали в Севастополь?

Это связано с непониманием роли тяжелых танков в обороне города, а главное, с тем, что доставить их в Севастополь было не на чем. Наши адмиралы и мэтры судостроения не догадались перед войной построить ни одного танкодесантного судна или, по крайней мере, судна двойного назначение, которое в мирное время могло перевозить народнохозяйственные грузы, а в военное – танки.

Это подтверждается и отчаянной просьбой Октябрьского в Ставку от 17 мая 1942 г. о посылке в Севастополь в числе других вооружений 25 танков КВ и 50 танков других типов. Причем, перебросить их предполагалось на линкоре «Парижская Коммуна».

Сделать это было вполне реально. Но, увы, Ставка отказала. Конечно, тут проще всего все свалить на Сталина. Но он, в отличие от наших последующих вождей от Хрущева до Ельцина, не допускал волюнтаристских решений и в данном случае поступил в соответствии с рекомендациями Кузнецова и К *о* , который во многом разделяет ответственность за сдачу Севастополя.

Рассказ о применении советских танков под Севастополем я закончу любопытным эпизодом. 27 февраля 1942 г. наши войска применили под Севастополем телеуправляемые танкетки. Это были старые машины типа Т-27, выведенные к тому времени из состава боевых частей и остававшиеся только в учебных подразделениях. Вооружение с танкеток сняли, а взамен поместили мощный заряд тротила. Управлялись танкетки по проводам. Аппаратура дистанционного управления была создана в Москве на заводе № 627 Наркомата электротехнической промышленности под руководством военного инженера 3 ранга А.П. Казанцева. Позже Казанцев стал известным писателем-фантастом. В Крым было доставлено 6 таких танкеток. В ночь на 27 февраля танкетки были доставлены на позиции в 1 км севернее Любимовки. В 6 ч. 30 мин. танкетки выпустили на немецкие позиции. Две танкетки взорвались на вражеских позициях, еще две взорваны до подхода к цели и две уничтожены артиллерийским огнем немцев.

Первая германская танковая часть прибыла в Крым в течение апреля 1942 г. Ей стала 22-я танковая дивизия, формирование которой было начато

во Франции в сентябре 1941 г. 22-я танковая дивизия успешно действовала на Керченском полуострове, и значительная часть наших историков впала в соблазн описать ее действия под Севастополем. В самом деле, по сведениям Информбюро под Севастополем действовало свыше 400 танков, и даже авторы 80-х годов писали о 450 германских танках, штурмовавших город-герой. Вот и приплели туда злополучную 22-ю танковую дивизию.

По данным «Борьбы за Крым» к 30 июня 1942 г., то есть к началу штурма Севастополя, в составе 22-й отдельной [274] танковой дивизии имелось:

28 танков T-II с 20-мм пушкой;

114 танков 38(t) чехословацкого производства с 37-мм пушкой;

12 танков T-III с 37-мм пушкой;

11 танков T-IV с 75-мм пушкой с длиной ствола в 24 калибра;

11 танков T-IV с 75-мм пушкой с длиной ствола в 40 калибров.

Итого 176 танков. [275]

Я не буду говорить, что эти цифры превышены даже для свежей дивизии, а 22-я танковая дивизия понесла существенные потери на Керченском полуострове. Беда для всех наших историков в том, что дивизии этой вообще не было в Крыму. На самом деле 22-я танковая дивизия с 21 по 24 мая 1942 г. прямо из-под Керчи была отправлена в 17-ю армию, которая наступала на Кавказ.

Замечу, в ходе обороны Севастополя Октябрьского очень волновали передвижения 22-й танковой дивизии. Вот дневниковая запись за 19 мая 1942 г.: «Получил сообщение: противник грузит 22 ТД (танковых дивизий) и на очереди 50 ПД. Куда они их отправляют – узнаем скоро, но, видимо, на Севастополь».

Тут я сделаю два небольших замечания. Первое: я цитирую дневники Октябрьского в основном по книге «Штормовые годы», и нетрудно догадаться, что расшифровка «ТД» принадлежит Римме Филипповне, которая, видимо, считала, что фашистские варвары бросили на Севастополь двадцать две (!) танковые дивизии. Второе: к весне 1942 г. нашей разведке удалось расшифровать румынский армейский шифр, и в Севастополе регулярно читали шифровки румынского полковника Тату, прикомандированного к штабу Манштейна, которые он отправлял в Бухарест.

Но вернемся к дневнику Октябрьского. Запись от 30 мая: «Не могу пока установить, где 22 ТД: или ушла под Харьков, или уже здесь, рассредоточена, замаскированы танки, готовятся».

Можно только сожалеть, что после войны Филипп Сергеевич,

посвятивший столько времени историческим изысканиям по обороне Севастополя, так и не выяснил, куда же все-таки была направлена злополучная 22-я танковая дивизия. Впрочем, это не пожелали сделать и наши профессиональные мастистые историки.

Вот, возьмем для примера книгу А.В. Басова «Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945», выпущенной Академией наук СССР под редакцией академика А.М. Самсонова, автора исторических трудов о Великой Отечественной войне. На странице 169 в таблице «Соотношение сил и средств сторон к началу июня 1942 г.» в графе танки видим, что у немцев было 450 танков, и соотношение сил по танкам было 1: 12 в пользу немцев. А на странице 319 в таблице «Сухопутные войска немецко-фашистского блока, действовавшие в Крыму в 1941–1944 гг.», составленной на основании «Сборника материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших ее сателлитов на советско-германском фронте за 1941–1954 гг.» (М., 1955–1956. Вып. 1–4) Басов пишет, что 22-я танковая дивизия отправлена с 21 по 24 мая в 17-ю армию.

Какие же настоящие германские танки были под Севастополем? Манштейн прекрасно понимал, что для штурма Севастополя нужны были тяжелые танки с толстой броней, но к маю 1942 г. такие немецкие танки существовали только в депешах красных командиров, направленных «наверх»: «Подбито 10… 20… 100 тяжелых танков противника…» Поэтому Манштейн и решил использовать трофейные тяжелые танки. Не менее восьми танков КВ, захваченных в исправном состоянии на Керченском полуострове, были отправлены под Севастополь. Туда же из Франции был доставлен 224-й отдельный танковый батальон, оснащенный тяжелыми французскими танками В-2 (всего 17 танков, из них 12 в огнеметном варианте). Вес танка В-2 составлял 32 т, вооружение: одна 75-мм и одна 47-мм пушка. Скорость хода 28 км/час. В огнеметном варианте 75-мм пушка заменялась огнеметом. Дальность стрельбы огнемета 40–45 м. Главным же достоинством В-2 была толстая броня (лоб и борта корпуса – 60 мм, башня – 56 мм).

Броню танков В-2 и КВ (лоб и башня 75 мм) не брали советские 45-мм противотанковые пушки и 76-мм полковые пушки, а 76-мм дивизионные орудия (Ф-22 и УСВ) могли поразить их лишь при удачных попаданиях. Любопытно, что немцы за успешные действия под Севастополем окрестили КВ «севастопольским танком». Официальное же обозначение танков КВ у немцев было Pz.753(r).

Кроме того, в боях за Севастополь участвовали два дивизиона (№ 190

и № 197) штурмовых орудий, то есть 75-мм самоходных пушек на шасси танка Т-3. По разным данным всего от 24 до 30 машин.

У румын в Крыму было 8 французских легких танков типа «Рено», изготовленных еще в годы Первой мировой войны, но данных об их боевом применении я не нашел.

Несколько слов стоит сказать и о радиоуправляемых германских танках. В апреле 1942 г. под Севастополь был доставлена легкая рота радиоуправляемого оружия из 300-го отдельного танкового батальона. Рота была оснащена танками B-IV (Sd.Kfs.301), управляемыми по радио. Танк весом 5–6 т был прикрыт 10-мм броней. Он мог, двигаясь со скоростью до 38 км/час, доставить 450-кг подрывной заряд к укреплению противника, а затем вернуться на исходную позицию. Кроме того, в составе роты был 1 танк радиоуправления, созданный на базе танка Т-III. (Танк пушки не имел).

Таким образом, если считать за полноценные боевые танки и штурмовые орудия, и радиоуправляемые танкетки, то у немцев не набралось бы под Севастополем и 100 машин.

Немцы не слали танковые армады в Крым как из-за нехватки танков на других фронтах, так и из-за нецелесообразности использования обычных (не штурмовых) танков для наступления на севастопольские укрепления. Дабы не спорить с «профессионалами» и «любителями», процитирую германский документ от 12 февраля 1943 г.: "…немецкие специалисты по возведению оборонительных сооружений [советских – *А.Ш.*] базировали свои укрепления на остатках возведенных еще до них, но, восстановив только часть старых дотов и дзотов… Рубеж обороны проходил по высота 76,9; 133,6; 192,0; 256,2; 169,4 (Сахарная головка); 230 (Сапун-гора); 271 (Горная); 306-3 (Кая-Баш). Крутизна их склонов превышает 45° и для танков они недоступны". [276]

Сказанное равно относится и к 1941 г., и 1944 г. Понятно, что ни Гальдер, ни Манштейн не хотели губить свои танки. А вот в обороне СОРа средние и тяжелые танки могли очень пригодиться при нанесении контрударов по прорвавшимся за линию обороны германским войскам. Но, как уже говорилось, доставить в Севастополь танки КВ и Т-34 на имевшихся судах было трудно, а придумать какую-либо импровизацию Кузнецов и «московские моряки» не пожелали.

Глава 16 Супер-мортиры-последний довод Манштейна

Итак, танки в борьбе за Севастополь в 1941–1942 гг. сыграли совсем незначительную роль. Исход же этого великого сражения решил Бог войны – артиллерия.

В ходе Великой Отечественной войны произошли два самых крупных в истории человечества артиллерийских сражения – под Ленинградом и под Севастополем. Причем, оба сражения не получили достаточного отражения в целом океане трудов наших военных историков, мемуаров генералов и адмиралов, художественной литературы и т. д. Писано и переписано о героях-политруках и в целом о роли партии, о гениальных военачальниках Жукове, Октябрьском и др., наконец, о танках, самолетах… А об артиллерии – так, вскользь.

До 1991 г. везде утверждалось, что Ленинград спасли коммунисты. Теперь кое-кто утверждает, что Питер спасла… интеллигенция. Причем, подразумевается антисоветски настроенная ее часть.

Увы, в обоих случаях дело решили «большие пушки». И под Ленинградом, и под Севастополем у нас был огромный перевес над противником в корабельной и береговой артиллерии. Так почему же мы отстояли Ленинград и сдали Севастополь?

Причин тут несколько.

Во-первых, не нашлось умников, предложивших вывозить из Кронштадта и Ленинграда боезапас, зенитную артиллерию, средства связи и т. д.

Во-вторых, корабли с мощным артиллерийским вооружением так и остались в Ленинграде и Кронштадте, а не ушли, как в Севастополе. При том, что германских бомбардировщиков под Ленинградом было существенно больше, чем в Крыму, и что Ленинград и Кронштадт полностью простреливались дальнобойной артиллерией противника, потери и повреждения кораблей Балтийского флота в ходе 900-дневной блокады были сравнительно невелики. Из крупных кораблей «смертельные» повреждения получили только линкор «Марат» и крейсер «Петропавловск». Да и то они продолжали использоваться в качестве плавбатарей, точнее, фортов, стоявших в воде, и успешно вели огонь по немцам из орудий главного калибра. **(Сх. 39)**

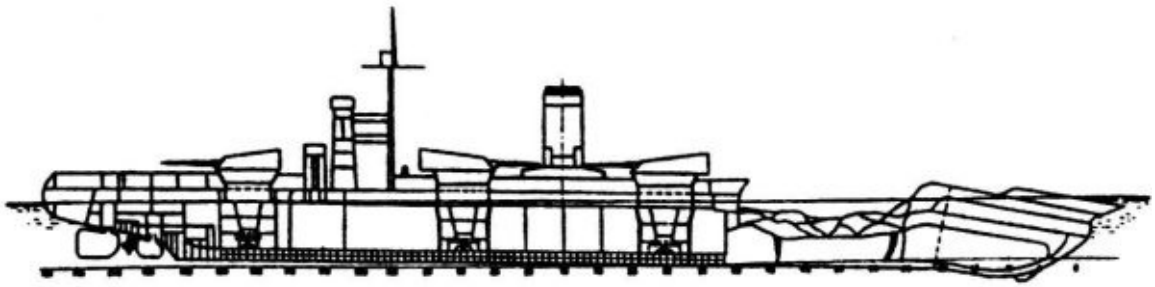

Схема разрушений линкора «Марат»

Причиной столь малых потерь было умелое применение маскировки, грамотное использование зенитного огня и истребителей. Риторический вопрос, кто мешал Октябрьскому держать побольше истребителей в Севастополе, благо, до его падения люфтваффе абсолютно не интересовали ни Поти, ни Батуми, где дислоцировались десятки истребителей Черноморского флота. В Севастополе хватало недостроенных и поврежденных кораблей. Так кто мешал из них сделать макеты боевых кораблей в качестве приманки для вражеской авиации? А для пущего сходства там можно было установить и 45-мм установки 21К, которые периодически обстреливали бы самолеты. Даже румыны, и те из буксиров делали макеты мониторов на Дунае.

Отвлечемся на секунду к событиям двадцатилетней давности. В ноябре 1920 г. Врангель увел в Бизерту все боеспособные корабли Черноморского флота. В Севастополе остались лишь броненосцы «Евстафий», «Иоанн Златоуст», «Потемкин» и «Три Святителя». [277] В 1919 г. наши заклятые союзники англичане, дабы эти броненосцы не достались ни белым, ни красным, взорвали их машины.

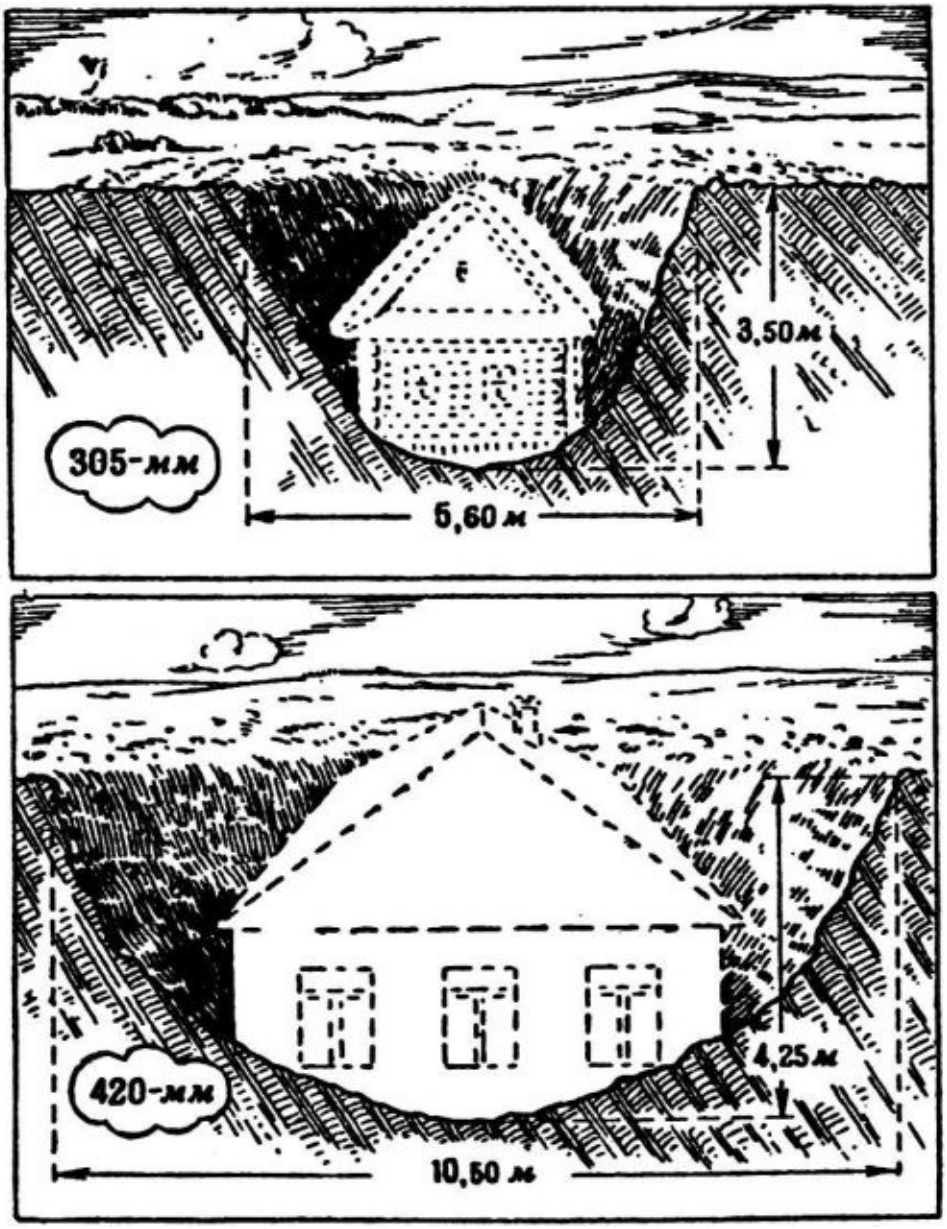
В 1921 г. наши военморы во главе с командующим Черноморского флота Э.С. Панцержанским осмотрели эти четыре мощных броненосца и сделали резонный вывод – восстановить их дороже, чем строить новые суда. Зато артиллерия броненосцев была в полном порядке, а на складах Морского ведомства и на Обуховском сталелитейном заводе хранились десятки новых тел 305/40-мм пушек и тысячи снарядов к ним. Соответственно, был сделан вывод: эти четыре броненосца следует превратить в стационарные батареи береговой обороны. В первом случае их следовало, частично притопив, посадить на мель, насыпать у бортов большой слой грунта, затем забетонировать борта и палубы, а также установить дополнительную броню на крыше башен. В таком случае артустановки броненосцев по живучести не уступали бы 305-мм батареям № 30 и № 35 в Севастополе и такой же башенной батарее на форту «Красная Горка» («Краснофлотский») в Кронштадтской крепости. Ниже

мы узнаем, как трудно было немцам справиться с батареями № 30 и № 35, а батарея на «Красной Горке» вела огонь в течение всей обороны Ленинграда и так и не была повреждена противником, несмотря на его отчаянные усилия.

Надо ли говорить, что четыре броненосца, обращенные в форты с их шестнадцатью 305-мм и десятками 203-мм и 152-мм пушек могли сыграть огромную роль при обороне Севастополя или Днепро-Бугского лимана. Средства на их переоборудование требовались ничтожные. Но тогдашний председатель Реввоенсовет Л.Д. Троцкий выступил против инициативы моряков-черноморцев. В результате все броненосцы пошли на лом в 1922–1923 гг.

Соответственно, и в 1941 г., если бы на Черноморском флоте и в Москве понимали, что Севастополь – ключ к Черному морю, можно было бы, в крайнем случае, превратить линкор «Парижская Коммуна» в непотопляемый форт в Севастополе. Благо, после сдачи города сей линкор не сделал ни одного выстрела по противнику и всю войну отстаивался в Поти и Батуми.

Теперь перейдем к третьему решающему фактору – рельефу местности. Под Ленинградом местность равнинная, благоприятствующая действию современных дальнобойных пушек (корабельных, береговых, железнодорожных и даже полигона Ржевка). А под Севастополем гористая местность, резко снижающая эффективность настильного огня дальнобойных пушек, а решающее действие имели орудия навесного боя – мортиры. Кстати немцы под Севастополем не использовали буксируемые и стационарные пушки калибром свыше 190 мм. Манштейн сделал ставку на мортиры и победил. **(Сх. 40)**

Такие воронки получались при разрыве гаубичных гранат при установке взрывателя на фугасное действие. У корабельных снарядов воронки чуть меньше из-за меньшего количества взрывчатого вещества

Итак, Широкорад опровергает всех советских историков? На каком основании? Придется перейти к конкретным фактам.

Вспомним военную историю. В 1854–1855 гг. в Севастополе русская артиллерия по числу пушек существенно превосходила союзную артиллерию, но те имели перевес в мортирах, то есть орудиях навесного огня. К моменту падения Севастополя против укреплений его Южной стороны союзниками было сосредоточено 638 орудий, из них 205 мортир. У нас на укреплениях Южной стороны имелось 1259 орудий, из которых

мортир было только 61! Исход хорошо известен.

В 1904 г. в Порт-Артуре крепостная артиллерия в несколько раз превосходила японскую в тяжелых пушках. Кроме того, в обороне участвовали броненосцы и крейсера русской эскадры. Японская же корабельная артиллерия в боях за Порт-Артур практически не участвовала. Но дело решили 280-мм мортиры японцев. Они разрушили главные форты русских и потопили броненосцы (кроме «Севастополя») в гавани Порт-Артура.

Через 10 лет, в 1914 г., японские мортиры сыграли решающую роль в падении хорошо укрепленной германской морской крепости Циндао.

А нашим адмиралам все уроки не впрок – ни с мортирами, ни с сухопутными укреплениями Севастополя, который в 1855 г. и в 1918–1920 гг. брали с суши 5 раз (!) и ни разу с моря. Тем не менее, к 22 июня 1941 г. Севастополь не был укреплен с суши, а самыми большими орудиями навесного огня в нем были 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20 и 155-мм французские гаубицы. Это 155/15-мм/клб гаубицы обр. 1917/38 г., созданные в 1917 г. фирмой Шнейдер и позже модернизированные поляками. Гаубицы стреляли снарядами весом 40 кг и 43,5 кг, максимальная дальность составляла 11,2 км. К 1 ноября 1939 г. в польской артиллерии имелась 341 такая гаубица. Часть из них была захвачена Красной Армией. И вот 13 гаубиц продолжили войну под Севастополем.

Советская реактивная артиллерия под Севастополем почти не применялась. Единственное исключение представлял 3-й гвардейский дивизион 8-го гвардейского полка РВГК, доставленный в Севастополь 31 декабря 1941 г. на транспорте «Чапаев». В составе дивизиона было 12 пусковых установок 82-мм снарядов М-8. Сразу по прибытии дивизион был направлен в район деревни Дергачи.

Попробую оценить артиллерийское вооружение СОРа к 15 ноября 1941 г. чисто формально. Как уже говорилось, всего имелось шестнадцать 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20 и семнадцать гаубиц калибра 152–155 мм, 36 – 122-мм гаубиц и 24 – 107-мм пушки.

Для сравнения, корпусный артиллерийский полк (3-го типа) перед войной имел по штату 24 гаубицы-пушки МЛ-20 и 24 – 122-мм и 107-мм пушки. По штату к 1941 г. в составе обычной стрелковой дивизии было положено иметь 12 – 152-мм гаубиц, а также 40 – 122-мм гаубиц.

Таким образом, вся артиллерия Севастополя (без стационарных береговых батарей) по своей мощи в полтора-два раза уступала мощи одной стрелковой дивизии, усиленной одним корпусным артиллерийским полком.

В ходе обороны Севастополя морем было доставлено некоторое количество 45-мм и 76-мм орудий, но орудия среднего калибра почему-то в Севастополь не поступали.

Особенно был слаб навесной огонь севастопольских орудий. Многочисленные мортиры и гаубицы немцев были упрятаны в лощинах и оврагах, а наши мощные береговые пушки были способны поразить любую цель на море на расстоянии в 30 и более километров, но ничего не могли сделать с мортирой на дистанции в 5–6 км.

Рельеф местности спас Ленинград, позволив морской (корабельной, железнодорожной и береговой) артиллерии расстреливать на дистанции до 40 км любую цель. А под Севастополем рельеф местности существенно уменьшал роль береговой и корабельной артиллерии.

Возникает вопрос, а что, у нас к 22 июня 1941 г. не было тяжелых гаубиц и мортир? Были и немало! Новых 203-мм гаубиц Б-4 было 849 штук, 280-мм мортир обр. 1914/15 г. было 25, а новых обр. 1939 г. – 47.

В первые недели войны нужды у Красной Армии в тяжелых гаубицах и мортирах не было, и их срочно отправили в тыл. До зимы 1941 г. было потеряно лишь 75 гаубиц Б-4, да и то не столько от огневого воздействия противника, сколько из-за халатности личного состава и отсутствия тягачей (их попросту бросали). Но за тот же период от промышленности было получено 105 гаубиц Б-4, и их общее числа в Красной Армии возросло до 879.

С 203-мм гаубичными снарядами ситуация была просто превосходная. К 22 июня 1941 г. имелось 395 тысяч таких снарядов. В 1941 г. было утрачено 66 тыс. снарядов, а получено от промышленности 166 тыс. снарядов.

Весной 1942 г. нужды в гаубицах и мортирах большой и особой мощности не было ни на одном фронте, кроме Севастополяи и Ленинграда.

В Закавказском военном округе к началу войны имелось 56 гаубиц Б-4 и 95 гаубиц находилось на Дальнем Востоке. Неужели хоть оттуда их нельзя было взять под Севастополь? Но, увы, не только 203-мм гаубицы, но и даже 152-мм гаубицы в Севастополь так и не были отправлены.

В конце концов, если армейское командование берегло свои орудия большой мощности для будущих боев, то почему нельзя было отправить под Севастополь старые системы, изготовленные до 1917 г. Благо, в позиционной войне все сойдет. В частности, на складах к началу войны имелось: 92 – 152-мм гаубицы Виккерса, 50 – 203-мм английских гаубиц марки VI, 25 – 280-мм мортир обр. 1914/15 г. фирмы Шнейдер и т. д.

О том, как из Севастополя вывозились боеприпасы, я уже писал и

думаю, к этому не стоит возвращаться.

А теперь попробую сравнить нашу артиллерию с германской. В ноябре 1941 г. Манштейн попытался взять Севастополь с наскока, но вскоре убедился, что только с артиллерией большой и особой мощности можно взять город.

Весной 1942 г. немцы доставили под Севастополь два минометных полка – 1-й тяжелый минометный и 70-й минометный, а также 1-й и 4-й минометные дивизионы. На вооружении 70-го минометного полка были шестиствольные установки 15-см Np.W.41. Полк имел трехдивизионный состав, в каждом дивизионе по 3 батареи, в каждой батарее по 6 пусковых установок. Таким образом, полк одновременно мог выпустить 324 38-кг осколочно-фугасные мины.

Тут стоит заметить, что наши военные историки, не говоря уж о литературной братии, всячески пытаются принизить боевые возможности германских 15-см шестиствольных минометов – «Иванов», как их называли наши солдаты, перед 132-мм реактивными снарядами М-13 («Катюша»). На самом деле это было очень эффективное орудие, а кучность германских снарядов была намного лучше, чем у М-8 и М-13. Другой вопрос, что немцы не могли позволить себе роскошь сосредотачивать десятки, а то и сотни пусковых установок 15-см Np.W.41 на 1 километр фронта, как это делало советское командование в 1943–1945 гг.

Любопытно, что в 1950–1953 гг. 15 cm Nb.W 41 применялся корейскими и китайскими войскам в ходе Корейской войны, и по оценке советских специалистов [278] шестиствольные минометы хорошо показали себя, в то время как 132-мм реактивные снаряды М-13 и их пусковые установки БМ-13Н действовали неудовлетворительно.

У немцев в Крыму 1-й тяжелый минометный полк был оснащен пусковыми установками рамочного типа, стрелявшими 28-см фугасными снарядами весом 82 кг и 32-см зажигательными снарядами весом 127 кг. При попадании 28-см фугасного снаряда в каменный дом, последний полностью разрушался.

При стрельбе 32-см миной по лугам с сухой травой, лесу и т. д. единичное попадание вызывало горение на площади до 200 кв. м с пламенем до 2–3 м по высоте, прямые попадания мин валили 30-40-см деревья и могли их поджечь. Для одновременно поджигания площади в один гектар было необходимо попадание 50 мин.

При одиночном попадании 32-см зажигательной мины в дом она пробивала стену и крышу дома и воспламеняла домашнюю утварь или другие горючие материалы (сено, доски, дрова и др.). Горящая нефть (50 л)

разбрызгивалась по фронту 20–25 м, в глубину на 10–15 м и по высоте на 2–3 м, оказывала соответствующее моральное действие и обжигала незащищенные части тела, матерчатая одежда пропитывалась горящими каплями нефти и воспламенялась.

Тяжелых пушечных батарей у Манштейна было немного. Наиболее мощными пушками были трофейные французские 19,4-см K.485(f) весом 29,6 т, вес снаряда 78 кг, дальность стрельбы 20,8 км. Пушки же германского производства имели калибр 15 см и 10,5 см.

Куда лучше была представлена артиллерия навесного боя – гаубицы и мортиры. Немцы стянули к Севастополю 10 батарей тяжелых 15-см гаубиц четырехорудийного состава и 6 батарей трехорудийного состава 21-см мортир обр. 18 (вес снаряда 113 кг, дальность стрельбы 16,7 км).

Более мощные установки были представлены под Севастополем в нескольких, а то и в одном экземпляре. Среди них:

28-см гаубица HL/12, изготовленная Круппом еще до Первой мировой войны. Вес ее снаряда 350 км, начальная скорость снаряда 376 м/с, дальность стрельбы 11 км.

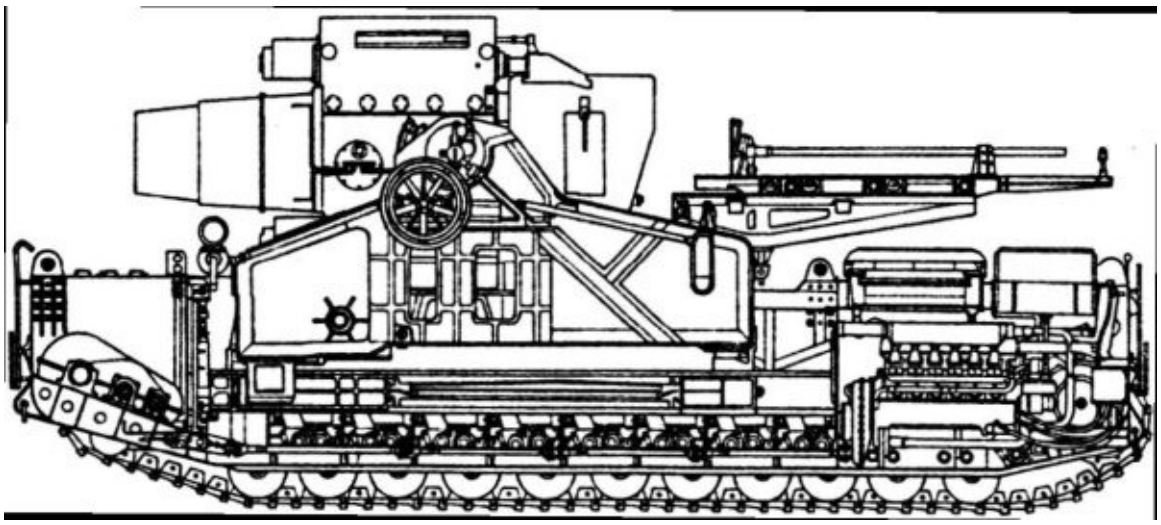
Несколько чешских 30,5-см мортир Mrs(t), созданных фирмой «Шкода» еще в годы Первой мировой войны. Вес снаряда 384 кг, дальность стрельбы 11 км.

Несколько 35,5-см гаубиц-мортир М-1, изготовленных в конце 1930-х годов фирмой «Рейнметалл». Вес снаряда 575 кг, начальная скорость снаряда 570 м/с, дальность стрельбы 20 км.

Одна 42-см мортира «Гамма», изготовленная фирмой Круппа в 1906 г. Вес бетонобойного снаряда 1020 кг, начальная скорость 452 м/с, дальность 14,2 км. (В отдельных случаях изготавливались и более тяжелые бетонобойные снаряды весом 2200 кг). «Гамма» выпустила по Севастополю 188 снарядов.

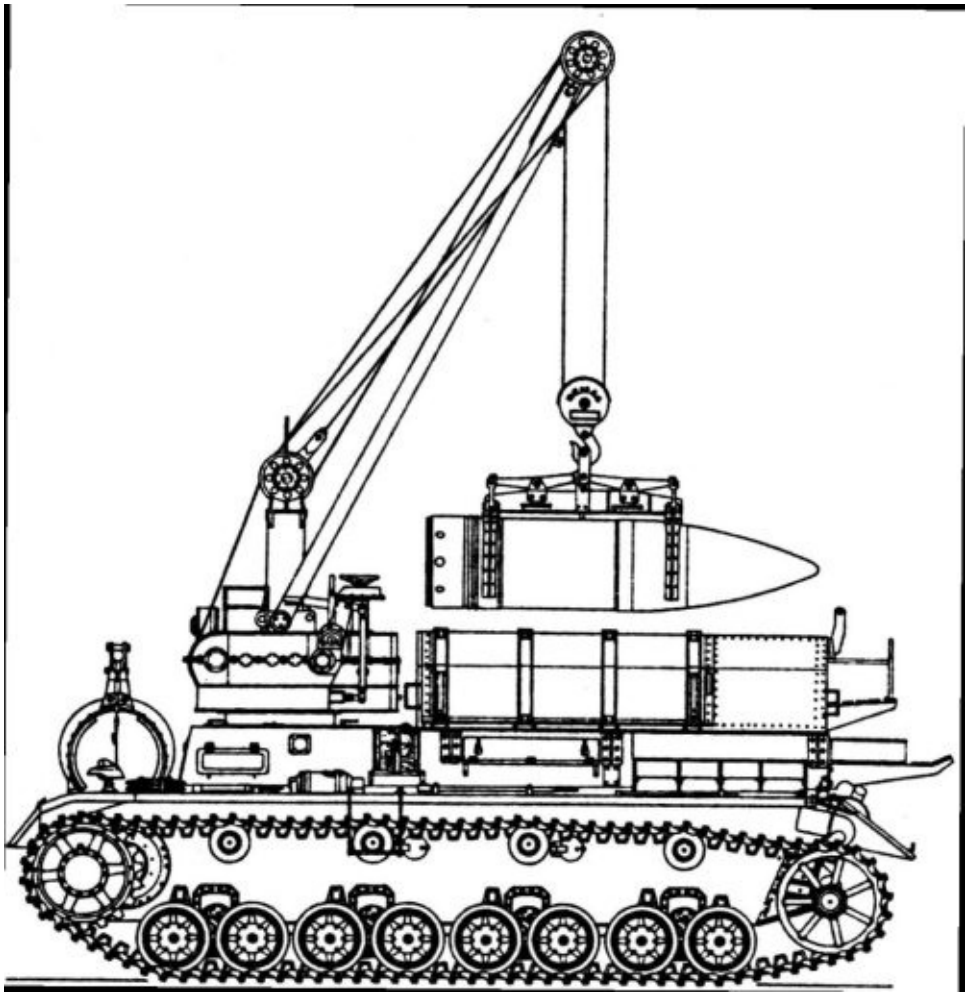
Одна 42-см гаубица H (t), изготовленная в 1917 г. на заводе «Шкода». Вес ее снаряда 1020 кг, начальная скорость 435 м/с, дальность 14,6 км.

Наряду со старым, но грозным оружием немцы послали под Севастополь и сверхсекретные новинки. В их числе были две 60-см самоходные мортиры фирмы «Рейнметалл», названные «Карлом» в честь генерала Карла Беккера. Каждая установка имела имя собственное. **(Сх. 41)**

60-см самоходная мортира

Максимальный угол возвышения установки «Карл» составлял 70°, что позволяло вести огонь с закрытых позиций, недосягаемых для артиллерийского огня противника. Вес установки вместе с шасси 120 т. Установка имела легкое бронирование толщиной 13 мм. Скорострельность составляла 1 выстрел за 5–6 минут. Максимальная скорость передвижения 10 км/ч. В боекомплект 60-см мортиры входили тяжелый и легкий бетонобойные снаряды весом 2170 кг и 1700 кг соответственно. Тяжелый снаряд содержал 348 кг взрывчатого вещества, дальность стрельбы им составляла 4500 м, а легкий снаряд – 280 кг и 6640 м соответственно. **(Сх. 42)**

Гусеничный транспортер снарядов на базе танка T-IV для 60-см мортиры

Весной 1942 г. 60-см мортиры «Один» и «Тор» были доставлены под Севастополь. Они выпустили по Севастополю 172 тяжелых бетонобойных и 25 легких бетонобойных снарядов. Снаряды были велики, а их скорость – мала (220 м/с и 283 м/с), так что защитники города хорошо видели их в полете и поначалу принимали за тяжелые реактивные мины.

4 июня 1942 г. Октябрьский записал в дневнике: "Неприятную весть передали: 16-дюймовым снарядом выведена из строя одна башня ББ-30 [береговая батарея № 30]. Башня получила прямое попадание, снаряд пробил крышу брони.

Сообщили, что обнаружен невзорвавшийся снаряд у ББ-30, длина его 2 метра, диаметр более 600 мм. Что-то фантастическое, проверяют".

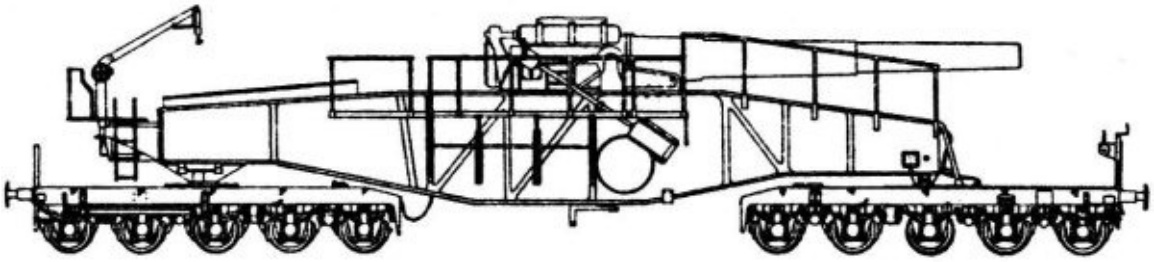
Филипп Сергеевич доложил о снаряде в Москву. Из Москвы ответили, что таких орудий у немцев нет и быть не может, а севастопольское начальство обвинили в паникерстве. Лишь фрагменты снарядов,

доставленные в Москву самолетом, убедили тыловых скептиков.

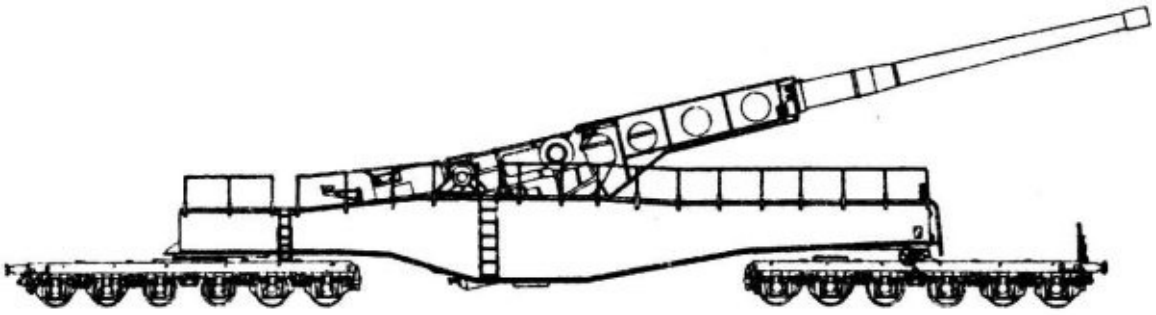
Вообще говоря, наши артиллеристы и после войны имели весьма смутное представление о германской тяжелой артиллерии. Так, в секретном труде «Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны», среди авторов которого аж 5 маршалов артиллерии и 8 генерал-полковников, утверждается, что под Севастополем у немцев было: «30 артиллерийских полков, две батареи осадной артиллерии, дивизион реактивных минометов и батарея 615-мм мортир, установленных на железнодорожных транспортерах». [279] Оставлю сей пассаж без комментариев.

Немцы доставили под Севастополь три 280-мм железнодорожные установки типа «Бруно». Вообще говоря, у немцев имелось 4 типа железнодорожных установок «Бруно»: «Короткий Бруно» (28 cm Kz.Br.K.(E)), «Длинный Бруно» (28 cm lg.Br.K(E)), «Тяжелый Бруно» (28 cm schw.Br.K(E)) и «Новый Бруно» (28 cm Br.KN(E)). К какому типу относились три установки, доставленные под Севастополь, к сожалению, выяснить не удалось.

«Короткий Бруно» стрелял фугасными снарядами весом 240 кг на дальность 29,5 км, а «Длинный Бруно» и «Тяжелый Бруно» стреляли 284-кг фугасными снарядами на дальность 36,1 км и 37,8 км соответственно. «Новый Бруно» стрелял 255-кг осколочно-фугасным снарядом на дальность 46,6 км. Объединяло все 4 установки то, что с пути они имели угол горизонтального обстрела всего в 1°, но с помощью специально поворотного круга «V-gele» могли поворачиваться на 360°. **(Сх. 43) (Сх. 44)**

28-см пушка «Тяжелый Бруно»

28-см пушка «Новый Бруно»

Все три установки «Бруно» базировались на полустанке Шакул (ныне Самохвалово) в 7 км к северу от станции Бахчисарай.

Железнодорожные пути, с которых установки вели огонь, располагались в односторонней выемке холма с западным крутым откосом высотой 5–7 м. С восточной стороны пути были закрыты вертикальными и горизонтальными маскировочными масками, что надежно укрывало транспортеры от визуальной наземной и воздушной разведки.

Послевоенные сказочники рассказывали байки о повреждении и даже уничтожении железнодорожных установок «Бруно» советской артиллерией и авиацией. Но на самом деле эти установки никаких повреждений не имели. Мало того, командование СОРа до последнего дня обороны Севастополя даже не знало о железнодорожных установках противника.

Любопытно, что разведгруппа партизан [280] под командованием политрука А.Д. Махнева обнаружила железнодорожные установки «Бруно», и в Севастополь была отправлена радиограмма: «18 июня – в 14.20 к северу от железнодорожного моста через р. Кача был обнаружен бронепоезд, идущий в направлении Бахчисарая. В 19.25 он проследовал на ст. Сюрень. 20 июня – в 19.45 бронепоезд был отмечен на ст. Сюрень, при этом он произвел несколько выстрелов из орудия в сторону фронта…»

Обвинить разведчиков за «утку» трудно, установки «Бруно» на ходу действительно имели вид бронепоезда – впереди и позади состава находились платформы с зенитными автоматами, рельсами и разобранными кругами «V-gele», а в середине – тепловоз, артустановка и вагон снарядный погреб.

Другой вопрос, что к 20 июня линия фронта проходила уже в 30 км от станции Сюрень, то есть до советских позиций не мог достать ни один германский бронепоезд.

Наконец под Севастополь немцы отправили самую мощную пушку в истории человечества – 80-см «Дору».

Еще в 1936 г. при посещении завода Круппа Гитлер потребовал у руководства фирмы создать сверхмощную артсистему для борьбы с долговременными сооружениями линии Мажино и бельгийскими фортами. Система должна была обладать углом вертикального наведения +65° и максимальной дальнобойностью 35–45 км. Проникающая способность снаряда предполагалась такой: броня – 1 м; бетон – 7 м; твердый грунт – 30 м.

Конструкторскую группу фирмы Круппа, занявшуюся разработкой нового орудия по предложенному тактико-техническому заданию, возглавил профессор Эрих Мюллер, обладавший солидным опытом в

данной области. В 1937 г. проект был закончен, и в том же году фирме Круппа выдали заказ на изготовление артсистемы. Немедленно началось ее производство.

Первое орудие было закончено в начале 1941 г. и обошлось в 10 миллионов рейхсмарок. Его назвали «Дора» в честь жены главного конструктора.

Затвор пушки клиновой, заряжание раздельно-гильзовое. Полная длина ствола составляла 32,5 м, а вес 400 т (!). В боевом положении длина установки была 43 м, ширина 7 м, а высота 11,6 м. Полный вес системы 1350 т.

Установка была железнодорожной, но стрелять она могла только со специального сдвоенного железнодорожного пути. С каждой стороны сдвоенного пути заводили по половине транспортера, то есть по четыре соединенные попарно пятиосные поворотные тумбы. На каждую пару тумб с помощью кранов укладывались две главные пролетные балки. Половины шасси соединялись поперечными связями. Таким образом, получался транспортер на 40 осях и 80 колесах по 40 колес на колее сдвоенного пути. Время подготовки орудия к стрельбе складывалось из времени оборудования огневой позиции (от трех до шести недель) и времени сборки установки (трое суток). Для оборудования огневой позиции требовался участок длиной 4120–4370 м и 250 человек.

«Дора» стреляла 7,1-тонными бетонобойными и 4,8-тонными фугасными снарядами, содержавшими, соответственно, 250 кг и 700 кг взрывчатого вещества. Максимальная дальность стрельбы фугасным снарядом составляла 48 км. Бетонобойный снаряд пробивал броню толщиной до 1 м, бетон – до 8 м, твердый грунт до – 32 м.

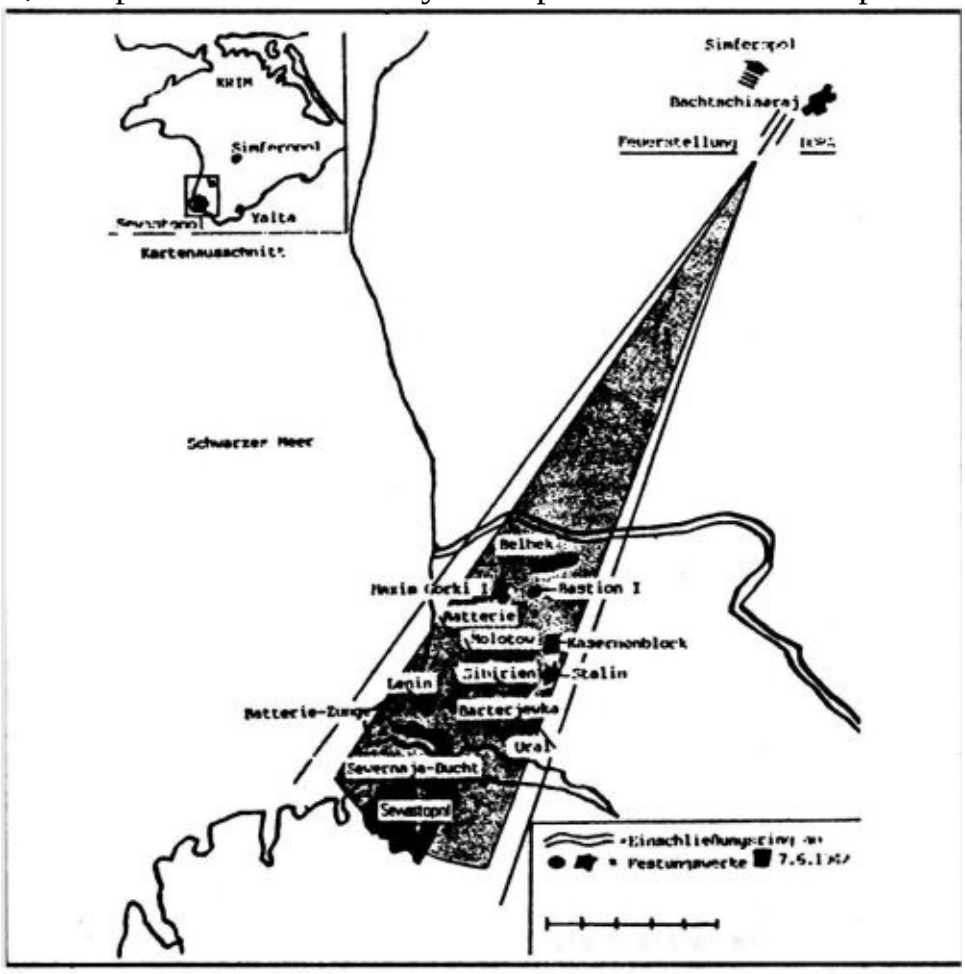
В феврале 1942 г. начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Гальдер приказал отправить «Дору» в Крым и передать в распоряжение командующего 11-й армией для усиления осадной артиллерии.

К этому времени «Дора» находилась на полигоне Рюгенвальд на побережье Балтийского моря. В апреле 1942 г. пушка и дивизион 672, обслуживавший ее (всего пять эшелонов), были перебазированы в Крым по маршруту: Рюгенвальд – Бремберг – Краков – Лемберг (Львов) – Запорожье – Днепропетровск – Мелитополь – Крым.

25 апреля 1942 г. эшелоны с разобранной артустановкой скрытно прибыли на полустанок Ташлых-Даир (ныне село Янтарное Красногвардейского района) в 30 км южнее железнодорожного узла Джанкой, где были тщательно замаскированы штатными средствами.

Позиция для «Доры» была выбрана в 25 км от расположения предполагавшихся к обстрелу целей в границах СОРа (в основном на Северной стороне) и в 2 км к югу от железнодорожной станции Бахчисарай.

Особенностью позиции было строительство ее в чистом поле, на участке, где не имелось ни сложного рельефа, ни скальных укрытий, ни хотя бы небольшого леска. Совершенно голый мергелевый холм между речкой Чурук-Су и железной дорогой Бахчисарай – Севастополь был вскрыт продольной выемкой глубиной 10 м и шириной около 200 м в направлении северо-восток – юго-запад. Восточнее холма до станции Бахчисарай была проложена километровая ветка, западнее холма уложили «усы», которые обеспечивали угол горизонтального обстрела в 45°. **(Сх. 45)**

Сектор стрельбы и район расположения целей относительно позиции орудия «Дора»

На участке подвоза артиллерийской системы к выемке и непосредственно в ней пути строились двух– и трехколейными для

перемещения монтажных кранов, а во время стрельбы – для параллельного размещения двух транспортно-заряжающих вагонов со снарядами и зарядами.

Работы по строительству огневой позиции велись в течение четырех недель. Было привлечено 600 военных строителей-железнодорожников, 1000 рабочих «Трудфронта» организации «Тодт», 1500 человек местных жителей и некоторое количество военнопленных, захваченных немцами при прорыве Перекопских позиций и взятии Керчи в октябре-ноябре 1941 г. Работы велись круглосуточно. Безопасность обеспечивалась надежной маскировкой и постоянным патрулированием над районом истребителей из состава 8-го авиакорпуса генерала Рихтгофена. Рядом с позицией построили батарею 88-мм зенитных орудий и батарею 20-мм зенитных автоматов.

Кроме того, «Дору» обслуживали дивизион дымомаскировки, две румынские пехотные роты охраны, взвод служебных собак и специальная моторизованная команда полевой жандармерии. Вычислительные группы в составе батареи производили все необходимые расчеты для стрельбы, а взвод артиллерийских наблюдателей использовал наряду с традиционными средствами инфракрасную технику. Итого, боевую деятельность орудия обеспечивало более четырех тысяч человек.

Оккупационной администрацией и гестапо весь район был объявлен запретной зоной со всеми вытекавшими из этого для военного времени последствиями.

В результате ни подпольщикам, ни партизанам, ни флотской и армейской разведке, ни хваленым органам НКВД до конца обороны Севастополя ничего толком не удалось узнать о «Доре». Правда, среди населения ходили слухи о немецкой «Царь-пушке» с самыми нелепыми подробностями.

5 июня, на рассвете, 1350-тонный транспортер с орудием и двумя тепловозами вышел из выемки на «усы». В определенной точке путей специальными домкратами и моторами приводов наведения орудие вместе с транспортером было окончательно наведено на цель. Бронебойный снаряд и гильзы из вагонов-погребов поданы на зарядный стол, а с него – в ствол, которому после заряжания придан угол возвышения 53° (стрельба велась уменьшенными зарядами, чтобы получить более крутую траекторию). После чего тепловозы и зарядные вагоны ушли в укрытие выемки.

В 5 ч. 35 мин. прозвучал первый громоподобный выстрел, от которого в вагоне-столовой батареи в 3 км от огневой позиции посыпалась с полок

посуда, а на станции Бахчисарай и прилегающих к ней постройках звуковой волной были выбиты все стекла. Через 44,8 с наблюдательные и измерительные посты отметили падение и взрыв снаряда в районе цели № 1 – полевого склада боеприпасов 95-й стрелковой дивизии (севернее станции Мекензиевы Горы). Следующие 7 выстрелов были произведены по старой береговой батарее № 16 южнее поселка Любимовка. Еще 6 выстрелов 5 июня были сделаны по открытой зенитной батарее ПВО Черноморского флота № 365 в километре юго-западнее станции Мекензиевы Горы. Последний выстрел прозвучал в 19 ч. 58 мин.

На следующий день, 6 июня, с 8 ч. 28 мин. до 19 ч. 45 мин. было сделано 16 выстрелов. Из них 7 по защищенному командному пункту зенитного дивизиона 61-го артиллерийского полка ПВО Черноморского флота в 700 м к северу от поселка Бартеневка, а 9 выстрелов – по штольням арсенала в Сухарной балке.

7 июня с 5 ч. 17 мин. до 9 ч. 48 мин. проведено 7 выстрелов по штольням арсенала в Сухарной балке.

11 июня с 3 ч. 38 мин. до 5 ч. 21 мин. сделано 5 выстрелов по редуту времен Крымской войны, который использовался как опорный пункт 95-й стрелковой дивизии.

17 июня с 4 ч. 48 мин. до 6 ч. 44 мин. сделано 5 выстрелов по башенной батарее № 30.

Последние 5 выстрелов были сделаны 26 июня опытной гранатой, время и цель их не установлены.

Увы, «гора родила мышь». Начну с того, что артиллерийские наблюдатели из дивизиона 672, имея отличные цейсовские приборы, так и не сумели увидеть падения семи своих снарядов. И только пять снарядов поразили цель. Наблюдательными постами дивизиона 672 отмечены попадания по батарее № 365, опорному пункту стрелкового полка 95-й стрелковой дивизии и по командному пункту зенитного дивизиона 61-го полка ПВО. Замечу, что батарея № 365 вызывавшая ужас у немцев, которые именовали ее форт Сталин, была всего навсего зенитной батарей с четырьмя старыми 76-мм пушками обр. 1915/28 г.

Замечу, что Манштейн в своей книге «Утерянные победы» писал: «Орудие одним выстрелом уничтожило большой склад боеприпасов на берегу бухты Северная, укрытый в скалах на глубине 30 м». Однако ни одна из штолен Сухарной балки не была взорвана огнем немецкой артиллерии до последних дней обороны Северной стороны Севастополя, то есть до 25–26 июня. А взрыв, о котором пишет Манштейн, произошел от детонации боезапаса, открыто выложенного на берегу бухты и

подготовленного для эвакуации на Южную сторону.

При стрельбе по остальным объектам снаряды легли на расстоянии от 100 до 740 м от цели.

Результаты применения установки «Дора» оказались ничтожны, по поводу чего Манштейн писал: «В целом эти расходы, несомненно, не соответствовали достигаемому эффекту». А начальник Генерального штаба вермахта генерал-полковник Гальдер оценил «Дору» так: «Настоящее произведение искусства, однако бесполезное».

Тут стоит заметить, что штаб 11-й армии выбирал цели довольно неудачно. В первую очередь целями для семитонных бронебойных снарядов «Доры» должны были стать береговые башенные батареи № 30 и № 35, защищенные командные пункты флота, Приморской армии и береговой обороны, узлы связи флота, штольни подземных арсеналов, спецкомбинаты № 1 и № 2 и склады горючего, укрытые в толще Инкерманских известняков.

Что же касается восьми снарядов, выпущенных по береговой батарее № 16, то это просто конфуз. 254-мм пушки там были сняты еще в конце 1920-х годов, и с тех пор там, кроме несчастного привидения, заснятого мной в 2002 г., [281] никого не было. Кстати, я облазил и отснял всю батарею № 16 вдоль и поперек, но никаких серьезных повреждений не обнаружил.

К 27 июня из ствола «Доры» с учетом полигонных испытаний было сделано около 300 выстрелов, и ствол ввиду полного износа отправили на ремонт в Эссен. Лафет и все оборудование по приказу Гитлера начали перевозить под Ленинград в район станции Тайцы, куда позднее прибыл и отремонтированный ствол. Туда же должны были перевезти вторую однотипную пушку «Густав». Наступление Красной Армии лишило немцев возможности использовать сверхмощные орудия под Ленинградом. С началом прорыва блокады Ленинграда пушки срочно эвакуировали в тыл.

Еще раз использовали «Дору» во время Варшавского восстания в сентябре-октябре 1944 г. По Варшаве было выпущено около 30 снарядов.

В 1944 г. планировалось применить «Дору» для стрельбы с французской территории по Лондону. Для этой цели были разработаны трехступенчатые реактивные снаряды H.326.

Кроме того, фирма Круппа спроектировала для «Доры» новый ствол с гладким каналом калибра 52 см. Длина ствола 48000/92,3 мм/клб. Лафет был почти одинаков с установкой «Дора». Дальность стрельбы предполагалась 100 км. Однако снаряд содержал всего 30 кг взрывчатого вещества, то есть фугасное действие его было ничтожно. Гитлер приказал

прекратить работы над 52-см стволом и потребовал создания орудия, стреляющего фугасными снарядами весом 10 тонн с 1200 кг взрывчатого вещества. Понятно, что создание такого орудия было фантазией.

Всего в Германии в ходе войны было изготовлено три 80-см орудия, из которых два в боевых условиях не стреляли.

22 апреля 1945 г. во время наступления в Баварии 3-й американской армии передовые патрули одной из частей при прохождении через лес в 36 км севернее горда Ауэрбах обнаружили в тупике железнодорожной линии 14 тяжелых платформ и разбросанные вдоль путей остатки какой-то огромной и сложной металлической конструкции, сильно поврежденной взрывом. Позже в близлежащем тоннеле были найдены и другие детали, в частности, два гигантских артиллерийских ствола (один из которых оказался неповрежденным), части лафетов, затвор и т. д. Командир части полковник Портер организовал сбор разбросанных деталей и после тщательного осмотра специалистами пришел к заключению, что все они являются частями двух сверхмощных артиллерийских орудий. Опрос пленных показал, что обнаруженные конструкции принадлежат сверхмощным орудиям «Дора» и «Густав». По завершении обследования остатки обеих артсистем сдали в металлолом.

Третье сверхмощное орудия – один из «Густавов» – оказалось в советской зоне оккупации, и дальнейшая его судьба западным исследователям неизвестна. Автор обнаружил упоминание о нем в «Отчете уполномоченного Министерства вооружение о работе в Германии в 1945–1947 гг.» т.2. Согласно отчету: «…в июле 1946 г. специальная группа советских специалистов по заданию Министерства вооружений предприняла изучение 800-мм установки „Густав“. Группой составлен отчет с описанием, чертежами и фото 800-мм орудия, и проведена работа по подготовке к вывозу 800-мм железнодорожной установки „Густав“ в СССР». Руководил группой инженер-майор Б.И. Житков. Установка была доставлена Советский Союз и отправлена на полигон Ржевка под Ленинградом. Там установку даже не попытались собрать, и ее узлы провалялись 4 года.

В 1950 г. эшелон с частями 80-см орудия «Густав» прибыл в Сталинград на завод «Баррикады». На заводе орудие изучалось в течение двух лет. По сведениям, полученным от ветеранов КБ, заводу было поручено создать аналогичную систему, но в архивах подтверждения этому я не нашел. Затем останки «Густава» были отправлены на заводской полигон Прудбой, где они хранились до 1960 г.

4 апреля 1959 г. директор завода С.Н. Атрощенко написал

председателю Сталинградского Совнархоза следующее ходатайство: "В 1953 г. завод обратился к бывшему Министру оборонной промышленности тов. Устинову Д.Ф. с просьбой списать 800-мм пушку общим весом 450–500 т в шихту. В просьбе нам было отказано и предложено хранить систему до особого распоряжения.

В настоящее время система находится на полигоне завода, ржавеет и занимает много нужного места.

Ввиду острого недостатка на заводе углеродистого лома прошу Вас решить вопрос об использовании указанной системы на переплавку". [282]

Началась бюрократическая переписка, и точка в деле «Доры» была поставлена 27 июля 1959 г. заместителем министра обороны маршалом А. Гречко и заместителем Председателя Совмина по оборонной технике С. Зверевым в письме заместителю Председателя Совмина Д.Ф. Устинову. Приведу текст письма полностью:

"По Вашему поручению Министерство обороны и Государственный комитет Совета Министров СССР по оборонной технике, рассмотрев вопрос о целесообразности дальнейшего хранения трофейной немецкой железнодорожной артиллерийской системы калибра 850 мм, считают возможным списать и сдать эту систему в лом, так как она не представляет какой-либо ценности.

Подготовку и сдачу системы в лом следует поручить Сталинградскому совнархозу. При этом необходимо предварительно установить возможность использования отдельных частей железнодорожных платформ для нужд совнархоза".

«Дора» была уничтожена в 1960 г. Орудие разрезали и переплавили в мартене цеха № 11 завода «Баррикады», заряды и снаряды взорваны на полигоне в Прудбое. Четыре железнодорожные платформы исчезли в неизвестном направлении. Может быть, они до сих пор валяются на какой-нибудь захудалой станции.

Вместе с орудием на завод «Баррикады» было доставлено семь гильз. Шесть из них впоследствии сдали на лом, а одна, использовавшаяся как пожарная бочка, уцелела и позже была отправлена на Малахов курган. В конце концов, ее передали в мемориал «Диорама Сталинградской битвы».

Но вернемся в 1942 год. Как уже говорилось, командование СОРа так и не смогло понять, кто обстреливал Севастополь. В разведсводках имелись сведения о 240-мм и 24-дюймовых (610-мм) железнодорожных установках и т. д.

После окончания боев в Крыму в мае 1944 г. специальная комиссия занималась поиском огневой позиции сверхтяжелого орудия в районах сел

Дуванкой (ныне Верхнесадовое) и Заланкой (Фронтовое), но безуспешно. Документов об использовании «Доры» также не оказалось среди трофеев Красной Армии, захваченных в Германии. Поэтому ряд официальных историков сделали заключение, что «Доры» под Севастополем вообще не было, а все слухи о ней – «деза» абвера.

Зато писатели патриотического жанра и мемуаристы-лампасники «оттянулись со вкусом» по «Доре» по полной программе. В десятках детективных историй героические разведчики, партизаны, летчики и моряки находили и уничтожали «Дору». Нашлись люди, которые «за уничтожение „Доры“» были награждены правительственными наградами, а одному из них якобы даже присвоили звание Героя Советского Союза.

Подводя итоги, можно сказать, что большие пушки, а точнее, мортиры решили исход битвы за Севастополь. Какие же выводы в артиллерийском отношении сделали наши славные маршалы и генералы? Я опять обращусь к секретному четырехтомному труду «Артиллерия в Великой Отечественной войне». Там в книге I «Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны» 82 страницы заняты главой «Артиллерия в обороне Одессы и Севастополя». Само по себе объединение этих двух сражений – полнейшая глупость. Там – равнина, здесь – горы; там – опереточное румынское воинство, здесь – 11-я армия Манштейна; там – успех, здесь – катастрофа. Семь страниц занимают выводы. Вот что говорится о Севастополе: "Централизованное управление артиллерией было достаточно гибким и оперативным… Широко используя маневр артиллерийским огнем, а в некоторых случаях и самой артиллерией, командование Приморской армии создавало на направлениях главного удара противника плотность артиллерии от 35–40 до 60–70 орудий и минометов (не считая 50-мм минометов) на 1 км фронта. В таких случаях (при достаточном количестве боеприпасов) артиллерийским огнем удавалось не только задержать продвижение противника на тех или иных рубежах, но и срывать его атаки.

Взаимодействие всех видов артиллерии в бою хорошо обеспечивалось заблаговременным планированием ее огня и маневра (поскольку такое планирование было возможно) и поддерживалось непрерывным и гибким ее управлением в ходе боя…

Успешные действия артиллерии всех видов и калибров в обороне Одессы и Севастополя объяснялись не только высоким моральным духом, порождаемым патриотизмом и ненавистью к врагу, а также боевым мастерством артиллеристов, но и хорошим инженерным оборудованием и маскировкой боевых порядков частей и подразделений…" [283] и т. д.

Итак, «все хорошо, прекрасная маркиза!..» Я так и не смог понять, зачем на такой аллилуйщине ставить гриф «секретно»? Она достойна доперестроечной «Правды» и учебников допризывника.

Глава 17 Последний штурм

28 мая командование СОРа получило директиву командующего Северо-Кавказским фронтом Буденного. [284] Там говорилось:

"1. Противник к наличному составу сил, блокирующих Севастопольский оборонительный район, с 20 мая начал интенсивную переброску своих войск к Севастополю с целью начать в ближайшем будущем активные действия. По данным всех видов разведки, перебрасывается около четырех пехотных дивизий, одной танковой дивизии и одной легкой пехотной дивизии.

2. Севастопольский оборонительный район имеет прочную систему обороны, могущую противостоять любому наступлению противника.

Приказываю:

1. Предупредить весь командный, начальствующий, красноармейский и краснофлотский состав, что Севастополь должен быть удержан любой ценой. Переправы на Кавказский берег не будет.

2. Создать армейский резерв; кроме того, иметь резерв в секторах обороны для нанесения мощных контрударов.

3. В борьбе против паникеров и трусов не останавливаться перед самыми решительными мерами". [285]

Между тем корабли Черноморского флота и транспорты продолжали доставлять в Севастополь боеприпасы и пополнения. Так, 27 мая в 2 часа ночи крейсер «Ворошилов» в охранении эсминцев «Сообразительный» и «Свободный» вышел из Батуми и в тот же день в 21 ч. 31 мин. прибыл в Севастополь с личным составом и вооружением 9-й бригады морской пехоты.

При входе в Северную бухту корабли были атакованы германскими самолетами – бомбардировщиками и торпедоносцами. Выпущенная по крейсеру при прохождении им первой линии бонов торпеда выскочила на берег в районе Херсонесского музея, но не взорвалась. Повреждений и жертв не было. Корабли уклонялись от атак маневрированием. Эсминцы отражали налет торпедоносцев огнем главного калибра.

На крейсере и эсминцах в Севастополь была доставлена 9-я бригада морской пехоты в составе 3017 человек, 8 122-мм, 8 76-мм и 17 45-мм орудий, 27 станковых пулеметов, 16 минометов, 1213 винтовок и 60 т боезапаса.

Помимо надводных кораблей к грузовым перевозкам с Кавказа в

Севастополь были привлечены и подводные лодки. Так, в 3 ч. 40 мин. 29 мая подводная лодка Л-4 прибыла из Новороссийска в Севастополь, доставив 50 т боезапаса и 11 т продовольствия. В 21 ч. 20 мин. лодка ушла в Новороссийск.

Наши официальные историки считают временем начала третьего штурма Севастополя 2 июня 1942 г. Действительно, в этот день немцы начали интенсивную артиллерийскую и авиационную подготовку штурма. 2 июня немцы выпустили по позициям защитников СОРа и кораблям около 6 тысяч снарядов.

2 июня в 40 милях южнее Ялты торпедоносцы Хе-111, базировавшиеся на аэродроме в Саки, потопили торпедой танкер «Громов» (836 брт). Танкер шел с грузом бензина из Туапсе в Севастополь. После гибели «Громова» перевозка топлива в Севастополь танкерами была прекращена, далее использовались только подводные лодки.

Со 2 по 7 июня немцы сделали 9 тысяч самолето-вылетов и сбросили на СОР 46 тысяч бомб крупного калибра. Вражеские самолеты непрерывными волнами по 30–40 машин совершали налеты на боевые порядки войск. Артиллерия противника выпустила 126 тысяч тяжелых снарядов. В среднем на каждый квадратный метр полосы нашей обороны на направлениях предстоящих ударов приходилось по 1,5 тонны снарядов.

В ночь на 6 июня в Севастополь пришли лидер «Ташкент», эсминец «Бдительный» и подводная лодка Л-5. Они доставили 510 человек маршевого пополнения, 12 человек летного состава, 71 т артиллерийских боеприпасов, 15 т авиационного бензина и 12 т продовольствия.

Манштейн спланировал на первом этапе наступления на Севастополь главный удар нанести 54-м армейским корпусом с севера и северо-востока. При этом задачей 132-й пехотной дивизии ставилось нанесение фронтального удара через долину р. Бельбек на высоты южнее ее, оставляя в стороне наш плацдарм в районе Любимовки. А действовавшая левее 22-я пехотная дивизия должна была фланговым ударом с востока южнее реки Бельбек через Камышловский овраг обеспечить 132-й дивизии успешное преодоление рубежа р. Бельбек. 50-я пехотная дивизия, наступавшая еще левее, должна была, продвигаясь через Камышлы, наносить удар в юго-западном направлении. На левом фланге корпуса 24-я пехотная дивизия получила задачу наступать в направлении Инкерманских высот с целью выхода на северное побережье Северной бухты и в район Инкерманского монастыря. На южном участке вспомогательный удар должен был наносить 30-й армейский корпус. В его задачу входил захват исходных позиций для последующего наступления на Сапун-гору и Балаклаву. Для этого 72-я

пехотная дивизия должна была наступать по обе стороны Ялтинского шоссе, а 28-я легкая пехотная дивизия – захватить северную гряду скалистых высот восточнее Балаклавской бухты. 170-я пехотная дивизия оставалась в резерве. По мнению Манштейна все эти действия германских войск, учитывая сильнопересеченную местность, могли быть решены только в ходе тщательно подготовленных наступательных боев с ограниченными целями.

Румынскому горному корпусу, действовавшему между двумя ударными немецкими группировками, ставилась задача сковать советские войска. Для этого 18-я румынская пехотная дивизия должна была атаками местного значения обеспечить наступление левого фланга 54-го корпуса, а 1-я румынская горнострелковая дивизия – поддерживать наступление правого фланга 30-го корпуса, захватив высоту Сахарная головка.

Между тем Октябрьский и после года войны не забывал о «критских страшилках». Вот его запись от 13 июня 1942 г.: «Дал задание своему штабу разработать план отражения комбинированного удара противника. Не исключено, что Манштейн осуществит в весеннем наступлении на Севастополь метод Крита и взятия Бельгийских крепостей (т. е. одновременно с решительным наступлением на фронте, как немцы делали в ноябре-декабре в первом и втором штурмах), произведет выброску парашютных десантов прямо в город и его окрестности. Это очень опасное для нас дело, если учесть, что у нас почти нет резервов».

Через 6 дней, 19 мая, он пишет: «Еще раз продумал систему обороны. Все неплохо, но очень слабый участок – аэродромы. Участок Сапун-горы, все, что между городом и до Инкермана по Сапун-горе – побережье, бухты – на всю эту площадь противник может бросить парашютистов. Учтем!»

Накануне штурма, в 2 ч. 55 мин. 7 июня, советская артиллерия произвела огневой налет на вражеские позиции. Однако из-за недостатка боеприпасов он длился всего 20 минут.

Через 2 часа началась артподготовка немцев. В воздухе одновременно действовало до 250 германских самолетов. Через полчаса в атаку пошли пехота и танки. Главный удар немцы наносили в направлении от Камышлы на пост Мекензиевы Горы, а вспомогательный – в направлении деревень Камары и Кадыковка.

В результате ожесточенных боев, длившихся весь день, на направлении главного удара враг вклинился в передний край нашей обороны в стыке между 79-й особой стрелковой бригадой и 172-й стрелковой дивизией и, потеснив левофланговые части 172-й дивизии и части 79-й бригады, к исходу 7 июня вышел на рубеж высот 64,4; 57,8 и

59,7. На остальном фронте севастопольской обороны многочисленные атаки вражеских частей были отбиты, и наши части удержали свои рубежи.

За день боев немцы и румыны потеряли до 300 человек убитыми. Наши потери составили убитыми и ранеными 1500 человек, было разбито 5 дотов, 6 оголовков, две 45-мм пушки и три 82-мм миномета.

За 7 июня немецкая авиация произвела до 2000 самолето-вылетов, сбросив до 9000 бомб.

На следующий день, 8 июня, германская авиация совершила свой первый налет в 5 часов утра, а пехота двинулась вперед лишь спустя 5 часов. Под натиском 50-й и 22-й германских пехотных дивизий, наступавших при поддержке авиации, артиллерии и танков, 79-я особая стрелковая бригада (третий сектор обороны) и 172-я стрелковая дивизия (четвертый сектор) к исходу дня отошли на рубеж: южные скаты высоты 192,0, 1 км северо-восточнее станции Мекензиевы Горы и юго-западные скаты высоты 104,5. При этом основные силы 747-го стрелкового полка 172-й дивизии попали в окружение противника.

К ночи 287-й стрелковый полк 25-й стрелковой дивизии (третий сектор) под натиском противника и в результате отхода 79-й бригады был вынужден развернуться фронтом на север южнее высоты 192,0.

Правофланговые части 95-й стрелковой дивизии (четвертый сектор) из-за отхода 172-й дивизии развернулись фронтом на восток. Остальные части четвертого сектора удерживали свои рубежи обороны.

На участке вспомогательного удара противника войска первого и второго сектора в этот день отразили все атаки и удержали свои рубежи.

9 июня немцы начали прорывать нашу оборону в стыке третьего и четвертого секторов, чтобы выйти к Северной бухте. В течение дня, подводя новые резервы пехоты и танков, противник вел ожесточенные атаки на участке между высотой 90,0 и постом Мекензиевы Горы. Особенно сильным атакам подверглись части 345-й стрелковой дивизии, вступившей в бой у поста Мекензиевы Горы. В результате упорных боев 287-й стрелковый полк 25-й дивизии, 79-я особая бригада, 345-я стрелковая дивизия и правый фланг четвертого сектора к исходу дня отошли на 400–800 м и заняли рубежи: поляна в 2 км северо-западнее хутора Мекензия, в 300 м севернее кордона Мекензия № 1, пост Мекензиевы Горы и высота 49,0. 172-я стрелковая дивизия была отведена в район станции Инкерман, где остатки ее подразделений приводились в порядок.

На остальных участках фронта севастопольской обороны 9 июня все атаки противника были отбиты.

На следующий день, 10 июня, наши войска после ожесточенных боев

были вынуждены оставить железнодорожную станцию Мекензиевы Горы и кордон Мекензия № 1.

С 8 по 10 июня в Севастополь на эсминцах «Свободный» и «Бдительный», двух тральщиках, а также на подводных лодках С-31, С-32 и Л-5 были доставлены 67 человек летно-технического состава ВВС флота, 265 т боезапаса, 15 7,62-мм пулеметов, 75 автоматов ППШ, 30 т авиационного бензина и 3 т продовольствия. На транспорте «Абхазия» были доставлены 250 человек маршевого пополнения, 37 бойцов Приморской армии, 261 т боезапаса, 100 т авиабоезапаса, 13 авиационных моторов, 168 т продовольствия и 90 т цемента.

10 июня в 2 ч. 05 мин. эсминец «Бдительный» вышел из Севастополя. На переходе в 5 ч. 50 мин. в 60 милях к юго-востоку от м. Айя «Бдительный» был безрезультатно атакован бомбардировщиками противника. В 11 ч. 30 мин. эсминец прибыл в Новороссийск.

Оставшиеся в Севастополе на день транспорт «Абхазия» и эсминец «Свободный» были неоднократно атакованы немецкой авиацией. В 9 ч. 55 мин. 10 июня от прямого попадания бомбы в кормовую часть транспорт «Абхазия» затонул у пирса № 1 Сухарной балки. На транспорте погибло 168 т боезапаса, 95 т авиабоезапаса и 96 т продовольствия.

В 13 часов 10 июня эсминец «Свободный», стоявший у артиллерийской стенки Корабельной бухты, получил 9 прямых попаданий бомб. На эсминце начались пожары и взрывы боезапаса. В 14 ч. 20 мин. эсминец затонул, погибло 56 человек.

11 июня наши войска контратаками отбили у неприятеля железнодорожную станцию Мекензиевы Горы, но на следующий день немцы вернули себе станцию и оттуда перешли в наступление к Трензиной и Графской балкам. 12 июня немцам удалось захватить стационарную морскую батарею № 705 у Сливной станции. Уйти смогли лишь 12 краснофлотцев из команды батареи.

Только за 12 июня части СОРа потеряли 735 человек убитыми и 1234 ранеными, уничтожено 12 орудий.

Вечером 12 июня в главную базу прибыли крейсер «Молотов» и эсминец «Бдительный». На крейсере было доставлено 2998 человек личного состава 138-й стрелковой бригады, 16 76-мм и 12 45-мм орудий, 8 120-мм минометов, 150 т боезапаса, 9 кухонь, 162 противотанковых ружья, 1005 автоматов ППШ, а также продовольствие и медикаменты. На эсминце прибыло 343 человека маршевого пополнения и 40 т боезапаса.

13 июня немцы изменили приемы наступательных боев и стали применять тактику «прогрызания» нашего переднего края. Она

заключалась в том, что первоначально на узком участке фронта производились массированные налеты авиации, вслед за ней на тот же участок бросались танки, прикрываемые, в свою очередь, массированным огнем минометов и артиллерии. Одновременно авиация противника бомбила огневые позиции нашей полевой артиллерии и стационарные батареи береговой обороны главной базы.

Потери частей СОРа за 13 июня составили 735 человек убитыми и 1234 ранеными. Было разбито 7 орудий, прожектор, 23 пулемета и 50 минометов. Три орудия были повреждены.

13 июня с 1 ч. 00 мин. до 3 ч. 40 мин. крейсер «Молотов» и эсминец «Бдительный», стоя на якоре в Севастопольской бухте и по выходе из главной базы, из района Херсонесского маяка, вели огонь по скоплениям войск противника в районах населенных пунктов: дача Торопова, Бахчисарай и Сюрень. Крейсер выпустил 90 снарядов, а эсминец – 350. В 3 ч. 45 мин. «Молотов» и «Бдительный» вышли из главной базы в Туапсе. На корабли было принято 910 раненых и личный состав погибших кораблей: со «Свободного» 101 человек, с «Абхазии» 30 человек. В 19 ч. 45 мин. «Молотов» и «Бдительный» прибыли в Туапсе.

13 июня в 4 ч. 40 мин. транспорт «Грузия» (4857 т) вошел в Севастопольскую бухту. При подходе к Минной пристани в Южной бухте транспорт был атакован немецкими самолетами и от двух прямых попаданий бомб в 4 ч. 48 мин. затонул. На транспорте находилось 708 человек маршевого пополнение и 526 т боезапаса. Большая часть людей спаслась вплавь и вылезла на Минную пристань.

13 июня адмирал Октябрьский получил донесение, что в Севастополе положение с боеприпасами «на грани катастрофы». Так, в зенитной артиллерии осталось по пятнадцать 76-мм снарядов на пушку. Из Москвы для снабжения Севастополя на Кавказ прибыли 20 транспортных самолетов «Дуглас».

15 июня в 2 ч. 20 мин. крейсер «Молотов» в охранении эсминца «Безупречный» с частями 138-й стрелковой бригады вышел из Новороссийска и в 23 ч. 59 мин. прибыл в Севастополь. В 20 ч. 40 мин. в Севастополь из Туапсе прибыла подводная лодка С-32. Из Новороссийска прибыли подводные лодки: М-33 – в 23 ч. 20 мин. и М-111 – в 23 ч. 59 мин. В 23 ч. 25 мин. прибыли базовые тральщики «Защитник» и «Взрыв», вышедшие из Новороссийска в 4 ч. 40 мин. На этих судах в Севастополь было доставлено 2325 человек личного состава 138-й стрелковой бригады, 1075 человек маршевого пополнения, 442 т боезапаса, 42 72-мм миномета, 1486 автоматов ППШ, 50 противотанковых ружей, 30 т бензина и 12 т

продовольствия.

Ключевым пунктом обороны Северной стороны Севастополя была 30-я башенная 305-мм батарея.

«За время с 1 февраля 1941 г. по 17 июня 1942 г. батарея уничтожила: 8 артиллерийских и 3 минометных батарей, 17 танков, 52 бронемашины, более 300 автомашин и около 1770 вражеских солдат. Была проведена 191 стрельба 1243 снарядами. 5 и 14 июня 1942 г. в результате прямых попаданий 600-мм снарядом башни были разрушены и выведены из строя». [286]

По германским данным только с 6 по 17 июня 1942 г. германская артиллерия сделал по батарее № 30 свыше 750 выстрелов из орудий среднего и крупного калибра. Кстати, немцы называли батарею № 30 «Максим Горький I», а батарею № 35 – «Максим Горький II». 17 июня пикирующие бомбардировщики Ю-87 сбросили на батарею № 30 двадцать бомб. Но кроме двух попаданий 60-см снарядов из самоходных мортир, все остальные снаряды и бомбы не причинили батарее даже небольших повреждений.

Согласно немецкому изданию «Борьба за Севастополь 1941–1942 гг.», к 17 июня "сосредоточенным артиллерийским обстрелом проволочные заграждения были прорваны, а минные поля засыпаны. Воронки, образовавшиеся в результате разрывов бомб и мин, облегчали наступление атакующих войск. Гарнизоны внешнего оборонительного пояса были большей частью уничтожены, а входившие в его состав легкие оборонительные сооружения разбиты…

На штурм батареи были назначены 213-й полк, 1-й и 2-й батальоны 132-го саперного и 1-й батальон 173-го саперного полков. Ранним утром 17 июня 1942 г. был предпринят штурм, продолжавшийся до полудня в направлении противотанкового рва, открытого к востоку от батареи поперек водораздела. Противник оказал упорное сопротивление. Огневые точки, стрелявшие по фронту и флангам, были приведены к молчанию с помощью пехотного и артиллерийского огня. Первый и второй батальоны 132-го саперного полка атаковали фортификационные сооружения, расположенные перед батареей, а 122-й держал удар против сооружений, расположенных на южном и западном склонах возвышенности. Продвижению атакующих частей препятствовали сильный артиллерийский и минометный огонь противника из долины реки Бельбек и с расположенных к югу склонов, а также огонь снайперов и контратаки. Около 14 ч. 30 мин. в результате повторного нападения западный склон возвышенности был занят. Удалось занять и подход к командному пункту

на восточной оконечности подземного хода.

В 14 ч. 45 мин. второй батальон 213-го полка начал атаку восточного склона и в 15 ч. 15 мин. достиг разрушенного фортификационного укрепления на отметке 400 м к востоку от первой бронированной башенной установки. Первый батальон 173-го саперного полка под защитой пехотного огня атаковал башенную установку. В 15 ч. 45 мин. шестеро саперов со связками ручных гранат проникли в установку и уничтожили ее гарнизон. Гарнизон второй установки яростно отстреливался сквозь отверстия, пробитые артиллерийскими снарядами в броневых листах башни. Атака саперов увенчалась успехом лишь благодаря фланговому обстрелу установки, который вели пехотные части. Противник был уничтожен ручными гранатами. В это же время наступавшая по северному склону пехота могла контролировать западный склон. В 16 ч. 30 мин. саперы после нескольких повторных попыток достигли сильно обороняемых главных входов, заграждаемых пулеметами. В результате всех этих действий гарнизон был заперт в блоках.

В следующие дни противник сражался внутри батареи, пуская в ход подрывные заряды, бензин и горючие масла (в башенные установки им предварительно было подвезено около 1000 кг взрывчатки и 1000 л горючих материалов). Перебежчики выдали расположение устройства батареи. В западной башенной установке 20 июня произошел взрыв, стоивший жизни трех саперов. Из-за сильных пожаров и дыма ворваться внутрь установки не представлялось возможным. Первый батальон 173-го саперного полка 22 июня был заменен третьим батальоном 22-го саперного полка. Для обороны гарнизон взорвал резервный выход; в тех же целях постоянно сжигались дымообразующие смеси и масла. Командир батареи, выползший 25 июня через водосток, на следующий день был захвачен в плен. Ударная группа 26 июня ворвалась внутрь блока и захватила еще 40 пленных. Большая часть гарнизона погибла от взрывов или задохнулась в дыму. Скопление легковоспламеняемых материалов в ходах сообщения способствовало распространению пожаров. Бронированные двери в местах взрывов были продавлены, а в других местах так деформировались от взрывной волны, что дым мог проникнуть во внутренние помещения. Железобетонные конструкции пострадали от взрывов незначительно". [287]

В дальнейшей судьбе командира батареи № 30 Александера много неясного. Приказом Управления кадров ВМФ № 00337 от 6 октября 1942 г. он исключен из списков начсостава ВМФ как пропавший без вести в Севастопольском оборонительном районе. После визита в 1992 г. в Севастополь германских военных историков, возглавляемых доктором

H.R. Neuman, в Севастополь из Германии были присланы копии документов разведывательного отдела штаба 11-й армии и 647-й группы тайной полевой полиции, из которых следует, что командир 30-й батареи майор Георгий Александер был захвачен в плен 27 июня 1942 г. и после допроса расстрелян как партизан (в документе дословно сказано: «…был захвачен в штатской одежде, имея при себе оружие, и хотел прорваться к партизанам»). Дата и место расстрела в документах не указаны, но, судя по датам составления документов, не позднее 26 июля того же года.

Недавно мне в руки попал уникальный документ – «Справка из Центрального Военно-морского архива», подписанная 19 марта 1999 г. начальником архива капитаном 1 ранга С. Тарасовым. Там приведена ксерокопия допроса краснофлотца Шаринова. Последний служил на батарее № 30, затем попал в плен, бежал и 5 сентября 1943 г. был допрошен начальником 6-го отдела ОКОС Черноморского флота подполковником Деркачевым. Прошу извинения у читателя за излишние подробности, но когда речь идет о персоналиях, лучше давать побольше ссылок, чтобы не иметь потом неприятностей от обиженных лиц.

Шаринов показал: "10 июня, приблизительно в 9 часов утра, когда была прервана телефонная и радиосвязь, противник количеством до трех рот ворвался на командный пункт батареи и занял нашу высоту после ожесточенного боя. Но сам КП, то есть боевая и радиорубка, взяты не были. Противник начал взрывать двери КП, но это не дало никаких результатов.

Часов около 12 я и командир батареи майор Александер спустились в центральный пост нашей батареи, который находился на 40 м ниже КП. В это время противник подложил фугас под боевую рубку и взорвал ее. Во время взрыва погибли: помощник командира батареи капитан Окунев, начальник связи младший воентехник т. Пузин и два краснофлотца.

Но и после взрыва противник побоялся войти в боевую рубку. Командир, комиссар батареи старший политрук Соловьев и я направились на батарею. Майор приказал мне во чтобы-то ни стало восстановить связь с КП дивизиона при помощи радистов 57-го артиллерийского полка, которым командовал подполковник Филимонович. Связь была восстановлена, но только односторонняя, то есть нам были слышны все рации Севастополя, а нас никто не слыхал. Это не дало никаких результатов. В это время батарея была окружена противником, который уже подбирался к брустверу. Командир батареи вышел в боевое отделение 1-й башни и уцелевшим одним орудием и последними тремя фугасными снарядами уничтожил три тяжелых танка противника. На бруствере в это время занимала позиции по

обороне суши рота командира 1-й башни старшего лейтенанта Теличко (куда делась эта рота со своим командиром, нам по сей день неизвестно). Факт тот, что противник ворвался на бруствер и начал взрывать башни. От первых же взрывов погибло около 15 человек личного состава.

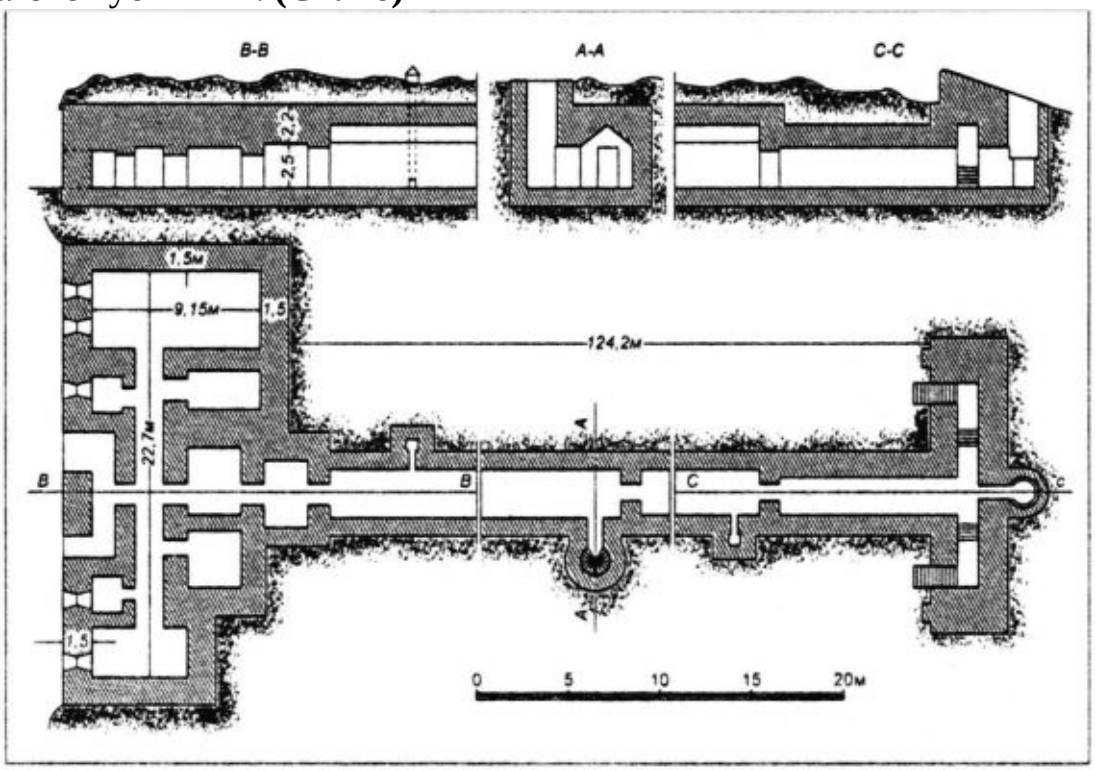
После этого последовал приказ командира батареи выходить всем оставшимся с над массива, прорваться с окружения и идти на Севастополь, но этого ничего не вышло, потому что противник блокировал двери, на которых установил пулеметы, автоматчиков, несколько противотанковых пушек и два прожектора.

Несколько раз личный состав во главе с командиром батареи пытались вырваться с над массива, но это не дало никаких результатов. Тогда комиссар т. Соловьев собрал политсостав батареи и после короткого совещания весь политсостав (за исключением секретаря партбюро, который был оставлен комиссаром батареи) во главе с комиссаром выскочили с над массива. Приблизительно через полчаса к нам приполз обратно комиссар, который был ранен двумя разрывными пулями. (Судьба остального политсостава, который пытался прорваться с комиссаром, неизвестна, есть предположение, что они все погибли). После всех этих попыток командир батареи собрал в коридоре массива весь личный состав и сказал: «Осталось одно – умереть, но не сдаваться противнику». Весь личный состав ответил одним словом: «Умрем!»

Командир отдал приказание взорвать батарею, но было уже поздно. Противник во время взрывов башен повредил кабели, а поэтому взорвать батарею было невозможно. Все это время противник продолжал рвать башни. После каждого взрыва гибло 15–20 человек, ждали очередного взрыва, знали, что еще будут гибнуть люди, каждый ждал своей очереди, но сдаваться не пошел ни один человек. Умирали, но не сдавались, а командир батареи, я и лейтенант Шорохов продолжали искать пути спасения для личного состава. И вот после четырех дней пребывания в таком положении командир части решил прорваться с оставшимся личным составом (приблизительно 45 человек команды, краснофлотцев и 5 человек женщин) в центральный пост, который находился в 800 м от батареи и на который можно было пройти по потерне. После моей разведки, во время которой было установлено, что противника в центральном посту нет, мы с оставшимся личным составом начали пробираться в центральный пост. (Когда мы спустились к потерне, противник пустил газ СО, от которого погибло 22 человека. И так, нас осталось 23 человека: командир батареи, я, лейтенант Шорохов, командир 2-й башни, который был ранен, 4 девушки, секретарь партбюро военврач 3 ранга и 14 краснофлотцев. Мы были в

очень тяжелом положении, продуктов нет, воды нет, свежего воздуха также нет. (Я уже упоминал, что центральный пост находился под землей на 40 м). Но все же духом не падали, искали выход из создавшегося положения, в этом нам помогла большевистская настойчивость. Я и замполит Туляев решили разобрать вентиляционную трубку и попытать счастья выйти через нее. Разобрать мы ее разобрали, но противник услыхал и пустил туда горючую смесь. От этого воздух у нас стал еще сгущеннее, и дышать стало еще тяжелее. Это было 15 июня. После этой попытки и последовавшей за ней неудачи мы не пали духом, а продолжали поиски.

И вот 16-го июня, вечером, я и лейтенант Шорохов во время осмотра потерны решили рыть туннель с потерны в сторону караульного помещения. Предложили командиру батареи, он дал свое согласие. Распределили людей на три смены и начали рыть. (При помощи штыков с самозарядных винтовок). Работали круглыми сутками, не переставая. Я и секретарь партбюро посменно охраняли подступы к этой туннели. Приходилось по 12 часов в сутки сидеть на цементном полу в потерне, в которой была вода, доходившая до 15 см. И вот в одну из моих смен фрицы, рассчитывая на то, что они отравили всех оставшихся газами СО, решили пройти с батареи на командный пост по потерне. Эта прогулка им стоила 15 человек убитыми. **(Сх. 46)**

План и разрез казематированной казармы и потерны Северного

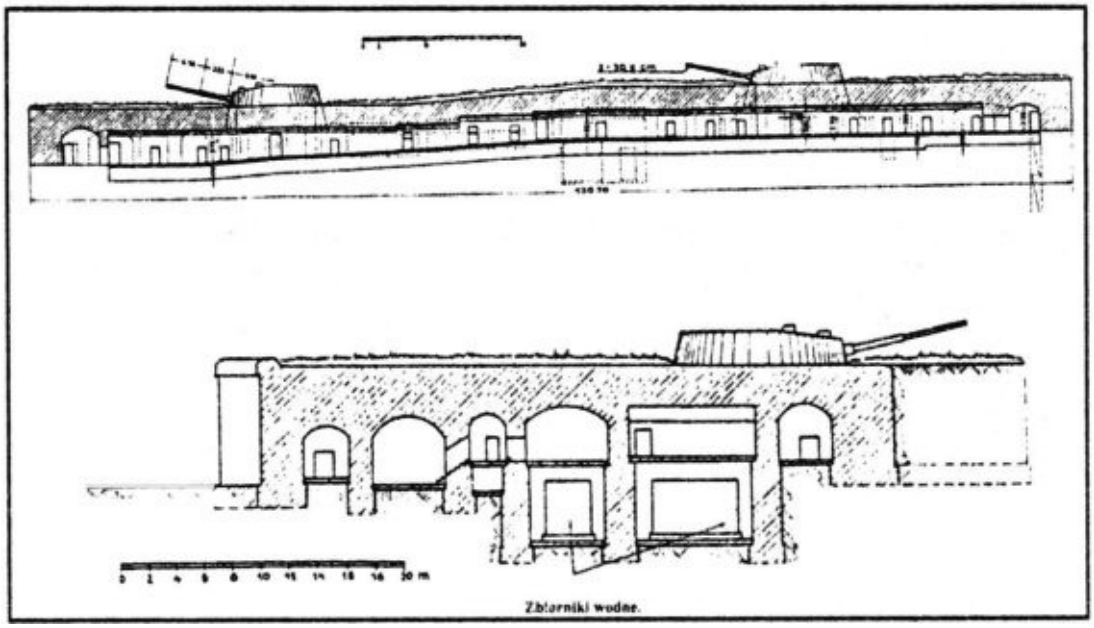
укрепления. Обмеры сделаны в 1942 г. немецкими инженерами во время оккупации Севастополя

После этого они предложили мне сдаться, в ответ я дал несколько очередей из автомата. Тогда немцы предупредили, что взорвут потерну. И вот через 1,5 часа в смену секретаря партбюро немцы выполнили свое обещание и взорвали потерну. От того взрыва погибли: 1) секретарь партбюро; 2) военврач 3 ранга и замполит Туляев.

Я и командир батареи получили сильные ушибы, но остались живы. Остальной личный состав работал в туннеле. Это было 25-го июня. К этому числу уже было прорыто около 70 м туннели. После взрыва командир части послал меня проверить состояние личного состава, который рыл туннель. Оказывается, силой взрыва было выброшено оставшиеся 2 м земли. На 10-е сутки мы увидели дневной свет. Личный состав, который рыл туннель, уцелел весь. И вот оставшиеся 20 чел. были распределены на группы по 5 чел., и ночью мы вышли на чистый воздух.

Майор, я, лейтенант Шорохов и еще 2 краснофлотца, забрав оружие, решили пробираться в лес, потому что в Севастополь не было никакой возможности пройти. Мы пробирались только ночами, ползти приходилось почти все время, по-пластунски за 4 суток мы проползли в тылу противника около 15 км.

Осталось каких-нибудь 2 км до лесу, когда мы были замечены и схвачены целой оравой немцев. Нас разоблачили и начали допрашивать. Но эти допросы ни к чему не привели. Выведать у нас они ничего не сумели. Мы знали, что нас должны расстрелять, но смерть нам была не страшна. После допроса командир части предложили мне, а так же сам рассказал немцам, за что мы должны погибнуть. И вот на протяжении 2-х часов мы им рассказали, сколько где и как мы своей частью истребили. После этого мы ждали расстрела. Ночью подошла машина, забрала сначала двоих – командира части и лейтенанта Шорохова. А днем мы, оставшиеся трое, удрали с поля с под немецкого охранения, и вот я снова нахожусь среди своих товарищей". **(Сх. 47)**

Немецкие чертежи 30-й батареи

Я умышленно привел длинную цитату, поскольку сейчас в исторической литературе бытует много версий о гибели 30-й батареи. Но вернемся к событиям третьего штурма Севастополя.

К полуночи 17 июня войска СОР занимали следующие рубежи:

Первый сектор (109-я и 388-я стрелковые дивизии): Генуэзская башня – западные склоны высоты 99,4 – западнее совхоза «Благодать» – высота 33,1 (исключительно) – 400 м западнее высоты 56,0 – хутор в 100 м восточнее отметки 36,0.

Второй сектор (386-я стрелковая дивизия, 7-я и 8-я бригады морской пехоты): южные и юго-восточные скаты Федюхиных высот – памятник сражению на Черной речке – высоты 72,5 – 126,1 – 67,1 – 119,9.

Третий сектор (25-я стрелковая дивизия и 79-я морская стрелковая бригада): высота 119,9 – юго-западные скаты высоты 115,7 – южный отрог Камышловского оврага (исключительно) – безымянная высота в 1 км южнее высоты 90,0 – высота 66,1.

Четвертый сектор (345-я и 95-я стрелковые дивизии): высота 66,1 исключительно – отроги Графской балки – 1 км южнее высоты 43,5 – 500 м северо-восточнее Бартерьевки – западные скаты высоты 36,1 и далее на запад до уреза воды.

К концу дня 18 июня остатки 95-й стрелковой дивизии оборонялись на рубеже: верхняя балка Голландия – Братское кладбище – деревни Буденновка и Учкуевка. На правом фланге 95-й дивизии противнику мелкими подразделениями удалось просочиться на побережье Северной бухты в районе балки Голландия.

К этому времени 345-я стрелковая дивизия вела бой на рубеже балок Трензина и Графская. 138-я стрелковая бригада, заняв верховья балок Графская и Сухарная, вела бой и создавала опорные пункты для прикрытия устья Сухарной балки и бухты Голландия.

Торпедные катера Д-3 и СМ-3, выйдя в ночь на 18 июня из Анапы, произвели набеговую операцию на порт Ялта с целью уничтожения торпедных катеров противника. В 4 ч. 05 мин. наши катера выпустили по порту 4 торпеды. Одна торпеда взорвалась в районе боновых ворот, а три – в порту. Кроме того, порт был обстрелян четырьмя 82-мм снарядами М-8 и пулеметным огнем. На отходе катера были обстреляны с берега артиллерийским и пулеметным огнем и получили повреждения, два краснофлотца были убиты и два ранены. В 18 часов торпедные катера пришли в Новороссийск.

В 1 час ночи 18 июня транспорт «Белосток» в охранении базового тральщика «Якорь» и пяти сторожевых катеров прибыл из Новороссийска в Севастополь. На подводных лодках, прибывших в Севастополь 17 июня и на транспорте «Белосток» было доставлено 360 человек маршевого пополнения, 80 человек разных воинских команд, 341 т боезапаса и 238 т продовольствия.

19 июня Октябрьский доложил Сталину, что войска СОРа потеряли до 23 тысяч человек.

Согласно «Хронике…», "в этот день на северном участке фронта противник подошел к Северным укреплениям, занял Бартеньевку и Братское кладбище. Тем самым немцы получили возможность вести прицельный артиллерийский огонь по всему городу и лишили защитников СОРа возможности пользоваться Северной и Южной бухтами.

Из создавшейся обстановки было видно, что остатки частей четвертого сектора, прижатые к северному побережью Северной бухты, долго не продержатся и будут истреблены немецкой авиацией…

В результате яростных атак на левом фланге северного участка фронта общий фронт 95-й стрелковой дивизии был нарушен, и дивизия вела бой на отдельных пунктах сопротивления. К исходу 19 июня наиболее ожесточенный бой продолжался в районе северных укреплений. В район расположения местного стрелкового полка к западу от северного дока прорвались тяжелые танки противника. Группы вражеской пехоты вышли на побережье Северной бухты в районе бухты Голландия и установили на берегу 2 пушки, простреливавшие всю Северную бухту". [288]

Спору нет, положение было тяжелым, но совсем не столь драматичное, как представлял его адмирал Октябрьский в донесении в Ставку и что

нашло отражение в «Хронике…» С тяжелыми немецкими танками все ясно, разве что это были наши КВ. Ну, установили немцы пару 37-мм противотанковых пушек или 75-мм пехотных орудий. И что из этого? Неужели их нельзя было уничтожить огнем береговых и полевых орудий? В конце концов, во время пребывания транспортов и боевых судов ставить на несколько часов дымовые завесы. Ведь иной раз во время налетов вражеской авиации дымом закрывали все севастопольские бухты чуть ли не на целый день. Другой вопрос, что командование Черноморского флота, заранее зная о приближении немцев к Северной бухте, не удосужилось вывезти оттуда соединения катеров-тральщиков. В результате при обстреле порта были потоплены или повреждены (и брошены) катера-тральщики № 565 («Фрунзе»), № 566 («Киров»), № 553, № 554, № 555, № 557, № 560 («Вега»), которые можно было перевести в бухты Камышовая, Стрелецкая, Карантинная и замаскировать там. Эти катера-тральщики могли пригодиться при эвакуации СОРа.

"Войска СОРа будут вынуждены, – докладывал далее Октябрьский Сталину, – если не будет оказана срочная помощь, немедленно сделать переход на новый рубеж обороны, проходивший по южному побережью Северной бухты, через гору Суздальская, Сапун-гору и высоты Карагач.

Севастопольскому оборонительному району необходимо:

1) 10 000 человек маршевого пополнения, половина которого должна быть вооружена;

2) вывезти раненых, число которых достигло 12 000, и для которых не хватает места, медсостава и медикаментов;

3) усилить оборону зенитной артиллерией;

4) дать хотя бы 25 Як-1 и 10 Ил-2;

5) немедленно поставить на линию Кавказ – Севастополь обещанные 20 самолетов «Дуглас» с ночными экипажами, так как подавать в Севастополь маршевое пополнение и все снабжение, а также вывозить раненых можно только ночью самолетами-ночниками и подводными лодками". [289]

В связи с выходом немцев к Северной бухте в районе башенной батареи № 35 у мыса Херсонес интенсивно шло строительство новой пристани.

20 июня Октябрьский записал в дневнике: «Крейсер „Коминтерн“ шел в Севастополь. Приказал вернуться: нельзя, утопят». Что же стоит за этой краткой записью? Действительно, 19 июня в 18 ч. 51 мин. крейсер «Коминтерн» в охранении базовых тральщиков «Защитник» и «Мина» и трех сторожевых катеров вышел из Новороссийска в Севастополь с

маршевым пополнением, боезапасом и продовольствием. В 20 ч. 45 мин. базовый тральщик «Взрыв» вышел из Новороссийска для усиления конвоя крейсера «Коминтерн». Однако 20 июня в 15 ч. 20 мин. «Коминтерн» вместе с судами конвоя вернулся в Новороссийск.

Риторический вопрос: а что, нельзя было разгрузиться в Карантинной, Стрелецкой, Камышовой бухте или даже в Балаклаве? Вспомним, что в годы Крымской войны в Камышовой бухте базировался французский флот, а в Балаклаве – английский.

Как уже говорилось, перестановка с одного корабля на другой зенитного автомата 70К занимала сутки, двое. Использование в боевых действиях большинства кораблей Черноморского флота в ближайшие неделю-две не предвиделось. Таким образом, на «Коминтерне» без проблем можно было установить 30–40 таких автоматов, причем, с учетом времени перехода из Новороссийска в Севастополь (не более суток), расчеты установок 70К могли оставаться на палубах, не занимая кубрики. Аналогично, до 10 автоматов 70К можно было установить на каждом базовом тральщике. Нетрудно подсчитать, каким шквалом огня встретил бы наш конвой германские самолеты.

Предположим самый худший вариант. При подходе к Севастополю «Коминтерн» получил бы тяжелые повреждения от мин или авиабомб. Тральщики охранения или буксиры, находившиеся в Севастополе, без проблем могли завести поврежденный корабль в Северную бухту или в многочисленные бухты на юге – Карантинную, Стрелецкую, Камышовую. В случае, если бы крейсер не удалось ввести в строй, то его экипаж влился бы число защитников СОРа, а орудия главного калибра и зенитные автоматы сыграли бы важную роль в защите Севастополя. Сам же крейсер, построенный еще в 1905 г., не представлял абсолютно никакой боевой ценности и в дальнейшем пару раз использовался как транспорт, а потом был затоплен для создания искусственной бухты в Поти.

К исходу 20 июня немцы заняли всю Северную сторону за исключением трех опорных пунктов: района Константиновской батареи, которую защищал личный состав ОХРа, и береговых батарей № 2 и № 12; района Михайловской батареи, защищаемой личным составом 110-го зенитного полка, береговой батареи № 702; и района Инженерной пристани.

В ночь на 21 июня вдоль всего южного берега Северной бухты строилась система укреплений.

23 июня немцам удалось овладеть Константиновской батареей, а уцелевшие ее защитники с наступлением темноты отправились вплавь к

южному берегу. Доплыло 40 человек.

23 июня из Новороссийска в Севастополь прибыли лидер «Ташкент» и эсминец «Безупречный», а из Туапсе – подводная лодка С-32. Эти суда доставили 529 человек маршевого пополнения, 102,4 т боезапаса, 35 т бензина, 106,3 т продовольствия, а также вооружение для перебрасываемой в Севастополь 142-й стрелковой бригады.

24 июня в связи с изменениями на сухопутном фронте севастопольской обороны была произведена новая нарезка секторов.

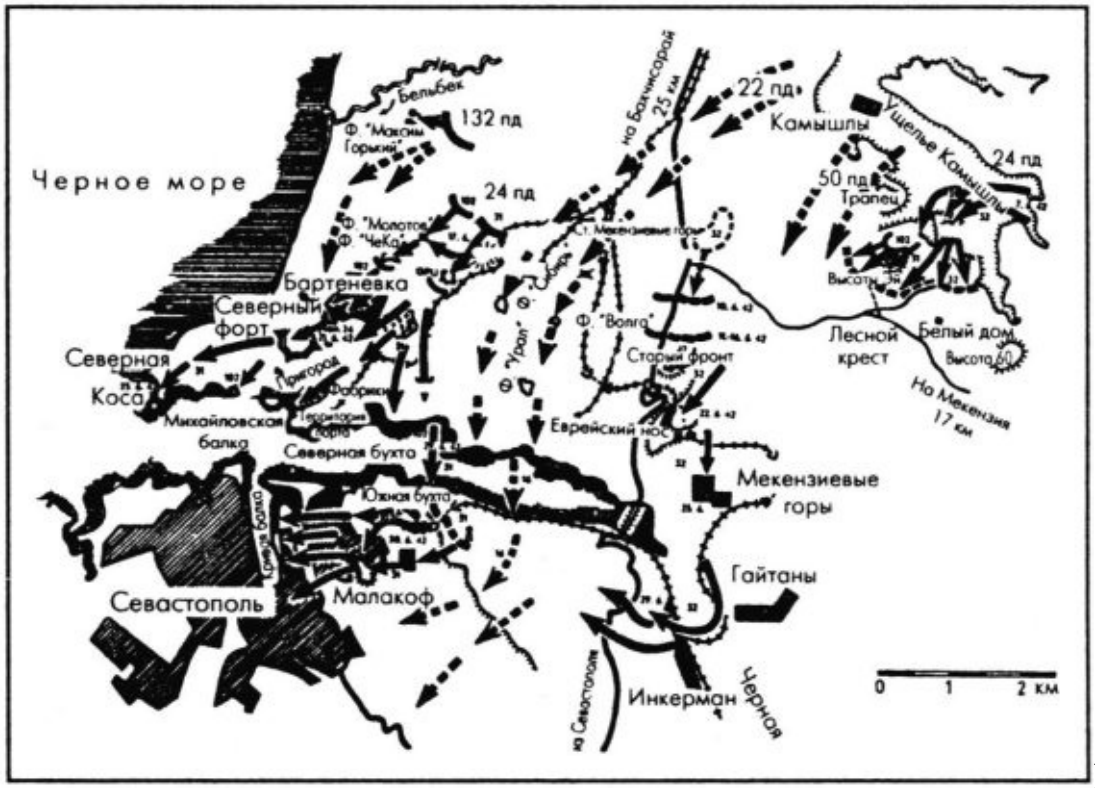
Части первого сектора обороняли рубеж от Балаклавы до высоты 113,2 (исключительно). Состав сил сектора был усилен двумя батальонами 9-й бригады морской пехоты и одним батальоном дотов береговой обороны главной базы.

Части второго сектора обороняли рубеж от высоты 113,2 до высоты 75,0 (исключительно). Из состава сил сектора была исключена 8-я бригада морской пехоты и включены в его состав два батальона дотов береговой обороны главной базы.

Части третьего сектора обороняли рубеж от высоты 75,0 до станции Инкерман. Из состава сил сектора исключены 79-я особая стрелковая бригада и 2-й полк морской пехоты, а включены в его состав 8-я бригада морской пехоты и один батальон дотов береговой обороны главной базы.

Части четвертого сектора получили для обороны район вдоль южного берега Северной бухты от станции Инкерман до Павловского мыска. В состав четвертого сектора вошли 79-я особая стрелковая бригада, 2-й полк морской пехоты, сводный батальон Черноморского флотского экипажа, рота местного стрелкового полка, сводная рота 177-го отдельного артиллерийского дивизиона береговой обороны и стационарные огневые точки по южному побережью Северной бухты. Бронепоезд «Железняков» был переброшен на Килен-площадку и придан 79-й особой бригаде.

К утру 24 июня все эти части заняли оборону побережья от Инкерманской электростанции до Павловского мыска. 345-я стрелковая дивизия заняла рубеж от станции Инкерман до Инкерманской электростанции. Остатки 138-й стрелковой бригады и остатки 95-й стрелковой дивизии (сводный полк 95-й стрелковой дивизии) были отведены в глубину. **(Сх. 48)**

Бои за Севастополь. Июнь 1942 г.

В задачу частей четвертого сектора входило не допускать высадки вражеского десанта с Северной стороны и прорыва вдоль Симферопольского шоссе.

В ночь на 24 июня командованием береговой обороны главной базы из частей обороны города и частей береговой обороны главной базы, прибывших с Северной стороны, был сформирован полк трехбатальонного состава численностью до 1500 человек. Ему была поставлена задача обороны побережья от станции Севастополь до Карантинной бухты. Полк к утру 24 июня занял указанный рубеж.

Днем 24 июня противник главный удар наносил на Инкерманском направлении. После ожесточенных боев к исходу дня немецкие части вышли на рубеж: высота 110,3 – маяк Восточный Инкерманский – балка Цыганская. На остальных участках фронта все атаки немцев были отражены, и наши войска оборонялись на прежних позициях.

Потери частей СОРа за 24 июня составили 261 человек убитых и 801 раненый.

Немецкая авиация произвела более 500 самолето-вылетов, сбросив свыше 2500 бомб.

Авиация главной базы в течение ночи на 24 июня произвела 16 самолето-вылетов на бомбардировку войск противника перед передним

краем обороны. Днем 8 Ил-2, 2 И-15, 4 И-153 в сопровождении шести Як-1, двух И-153 и одного И-16 штурмовали его войска и технику.

Прибывший в Севастополь к полуночи на 24 июня эсминец «Бдительный» доставил две роты 142-й стрелковой бригады (364 человека), 3 пулемета ДШК, 12 станковых пулеметов, 60 автоматов ППШ, четыре 75-мм пушки и 1600 зарядов к ним, а также 20 т боезапаса для Приморской армии. В 1 час ночи «Бдительный» вышел из Севастополя и в 12 ч. 40 мин. прибыл в Новороссийск.

В 12 ч. 40 мин. 24 июня эсминец «Безупречный» и в 14 ч. 05 мин. лидер «Ташкент» вышли из Новороссийска и в 23 часа прибыли в Севастополь. На «Ташкенте» было доставлено 1142 бойца, вооружение и боезапас 142-й стрелковой бригады и 10 т концентратов, а на «Безупречном» – 365 бойцов, вооружение и боезапас для 142-й стрелковой бригады и 5 т концентратов.

25 июня в 3 ч. 32 мин. базовые тральщики «Взрыв» и «Защитник», в 4 ч. 13 мин. сторожевой корабль «Шквал» и базовый тральщик № 412 и в 14 ч. 45 мин. эсминец «Бдительный» вышли из Новороссийска в Севастополь. «Бдительный», «Взрыв» и «Защитник» прибыли в Севастополь в 23 часа, а через полчаса прибыли «Шквал» и тральщик № 412. На кораблях было доставлено 1100 бойцов 142-й стрелковой бригады и ее вооружение, 64 т боезапаса для Приморской армии, 13,5 т продовольствия, 55 т медицинского имущества и 24 ящика консервов.

С утра 26 июня части 25-й стрелковой дивизии, 8-й бригады и 3-го полка морской пехоты отражали ожесточенные атаки противника, стремившегося прорваться в Инкерманскую долину. Весь день шли кровопролитные бои, доходившие до штыковых ударов и рукопашных схваток. Под воздействием превосходящих сил противника наши части отошли к югу. К вечеру части 25-й стрелковой дивизии, 8-й бригады и 3-го полка морской пехоты заняли рубеж: изгиб реки Черная – Каменный столб – Инкерманский монастырь – южный берег Инкерманской долины у устья реки Черная.

26 июня в 12 ч. 33 мин. эсминец «Безупречный» и в 13 ч. 55 мин. лидер «Ташкент» вышли из Новороссийска в Севастополь. На лидере находилось 944 бойца 142-й стрелковой бригады, 760 винтовок, 8 противотанковых ружей, 125 автоматов ППШ, 4 76-мм пушки с передками и 1360 выстрелов к ним, 26 т продовольствия, 20 т стрелкового боезапаса, 1,5 т груза ВВС флота, 3 т груза для Военного Совета флота и боезапас для Приморской армии. На «Безупречном» находилось 320 бойцов 142-й бригады, 20 т стрелкового боезапаса, 15 т продовольствия, 2 т грузов для

авиации и боезапас для Приморской армии.

В 18 ч. 57 мин. в 40 милях к югу от мыса Аю-Даг «Безупречный» был потоплен пикирующими бомбардировщиками Ю-87. Вскоре к месту гибели эсминца подошел лидер «Ташкент». Но в воздухе, согласно донесению командира лидера, появились германские самолеты. Поэтому «Ташкент», сбросив на воду спасательные круги и жилеты, полным ходом ушел в Севастополь. Через два дня подводные лодки М-112 и М-118 подняли из воды трех человек из команды эсминца. Остальные члены экипажа и 320 бойцов погибли.

Видимо, действия командира лидера были правильными. Но почему адмирал Октябрьский не мог выслать ночью в район гибели «Безупречного» катера с Кавказа и из Севастополя? Море было спокойным, там могли сесть и МРБ-2, наконец. Что касается подводных лодок М-112 и М-118, то они оказались там не по приказу комфлота, а случайно и спасали людей в инициативном порядке.

Лидер «Ташкент» прибыл в Севастополь в 23 ч. 15 мин. без потерь и повреждений.

27 июня в 1 ч. 50 мин. «Ташкент», приняв на борт 2100 раненых, вышел из Севастополя в Новороссийск. В 4 ч. 30 мин. лидер, находясь в 28 милях по пеленгу 120° от м. Айтодор, был обнаружен вражеской воздушной разведкой. И с 4 ч. 45 мин. в течение четырех часов «Ташкент» подвергся 86 атакам бомбардировщиков Ю-88 и Ю-87, сбросивших 336 бомб. Артиллерийским огнем лидера было сбито два самолета.

Прямых попаданий в «Ташкент» не было, но от близких разрывов бомб лидер получил три пробоины: в районе полубака, первого котельного отделения и румпельного отделения. Рулевое устройство и левая машина вышли из строя. Лидер принял коло 1000 т воды. Из команды корабля было убито 3 и ранено 10 человек, из числа принятых на борт раненых убито 6 и вторично ранено 5, а в затопленных кубриках погибло еще 50 человек.

В 6 ч. 45 мин. эсминец «Сообразительный», прибывший в 4 утра из Поти, и 4 сторожевых катера, а 7 ч. 20 мин. 4 других сторожевых катера, в 8 ч. 20 мин. 8 торпедных катеров и в 8 ч. 40 мин. эсминец «Бдительный» и еще 7 торпедных катеров вышли из Новороссийска для оказания помощи «Ташкенту». Кроме того, из Анапы на помощь лидеру в 8 ч. 45 мин. вышли 5 сторожевых катеров, от мыса Утриш – спасательное судно «Юпитер», из Геленджика в 10 ч. 35 мин. – морской буксир «Черномор».

В итоге в 20 ч. 15 мин. лидер «Ташкент» на буксире у «Бдительного» и «Юпитера» в охранении сторожевых и торпедных катеров прибыл в Новороссийск.

На фронте третьего сектора обороны бои не прекращались всю ночь на 28 июня. Особо ожесточенные бои завязались на рубежах 25-й стрелковой дивизии и 3-го полка морской пехоты, прикрывавших противнику выход в Инкерманскую долину.

Противник ввел в дело 21-см мортиры и 15-см шестиствольные реактивные минометы. Впервые за все время обороны германская авиация ночью поддерживала свои войска. Наши части отошли к станции Инкерман. 28 июня защитники СОРа потеряли 518 человек убитыми и 1108 ранеными.

В 3 ч. 35 мин. 28 июня базовые тральщики «Взрыв» и «Защитник» вышли из Новороссийска с 330 человеками маршевого пополнения, боезапасом и продовольствием для севастопольской оборон и в 23 ч. 25 мин. прибыли в Севастополь, но не в Северную бухту, а в Камышовую.

В тот же день, в 23 ч. 25 мин. в Камышовую бухту прибыли подводные лодки Д-5 и А-4, а также подводная лодка М-118, которые доставили: снарядов 152-мм – 203 шт., 122-мм – 706 шт., 85-мм – 223 шт., 76-мм – 1000 шт., консервов 14 т, автобензина 35 т, всего боезапаса 180 т.

После выгрузки в Камышовой бухте подводная лодка Д-5 приняла на борт 65 раненых и 41 человек эвакуированных членов семей ГК ВКП(б) и в 5 ч. 20 мин. 29 июня вышла в Новороссийск. После выгрузки, приняв на борт раненых, в это же время ушли на Кавказ подводные лодки М-118 и А-4.

29 июня в Севастополь прибыли подводные лодки: в 1 ч. 10 мин. Щ-209 с грузом снарядов и 32 т бензина; в 22 ч. 00 мин. Л-23 с грузом снарядов, 49 т бензина и 30 т продовольствия; в 22 ч. 45 мин. Л-4 с грузом снарядов и М-31 с грузом снарядов (70 – 152-мм) и консервов. Всего было доставлено 160 т боеприпасов.

Октябрьский и другие адмиралы и генералы слишком много времени посвящали фантазиям на тему о воздушных десантах, но проглядели морской десант, по сути дела решивший судьбу Севастополя. Какой мог быть морской десант? Ведь у немцев в июне 1942 г. еще не было флота на Черном море, а румынский Королевский флот тихо сидел в Констанце, лишь изредка конвоируя суда, идущие в румынский порт Одесса. Все верно. Но, поскольку на Черном море еще не было кригсмарине, за морские десанты взялся вермахт. Причем, не какие-то специальные части, а обычные пехотные подразделения.

Еще 8 мая 1942 г. по приказу Манштейна вермахт высадил тактический морской десант в тылу советских войск у горы Ас-Чалуле на Керченском полуострове. Пехотный батальон был посажен в Феодосии на

штурмовые моторные лодки. [290] Немцы без потерь высадились на никем не охраняемое побережье, поскольку от них такой подлости никто не ожидал. В результате наша 404-я стрелковая дивизия, «не проявив должной стойкости, начала самовольный отход с занимаемых позиций, открыв противнику путь на восток». [291]

Наши военачальники обязаны были сделать надлежащие выводы о возможностях пехотных подразделений вермахта, но, увы, увы…

А теперь предоставим слово Манштейну: "Сразу же после того как 22-я дивизия вышла на северный берег бухты Северная, я направился в полки этой дивизии. С одного наблюдательного пункта на северном берегу бухты я хотел осмотреть окружающую местность. Передо мной лежала бухта шириной 800-1000 м, в которой в свое время стояли на якоре целые флоты, на противоположной стороне справа – город Севастополь, прямо передо мною – обрывистые прибрежные высоты, усеянные укреплениями. Мне пришла в голову мысль, что отсюда, то есть с фланга, следовало бы уничтожить позицию на Сапун-горе, так как именно в этом месте, через бухту Северная, противник менее всего ожидает нашего наступления.

Правда, когда я обсудил этот план вначале в штабе 54-го армейского корпуса и затем с некоторыми подчиненными командирами соединений, к нему отнеслись с сомнением. Как можно было преодолеть широкую морскую бухту на штурмовых лодках на виду хорошо оборудованных и оснащенных высот южного берега? Как можно было вообще доставить на берег штурмовые лодки через обрывистые скалы, погрузить в них войска, когда имелось всего несколько глубоких ущелий, через которые был возможен доступ к берегу? Ведь противник с южного берега мог, разумеется, просматривать и держать эти выходы под огнем! Все же именно потому, что атака через бухту Северная казалась почти невозможной, она будет для противника неожиданной, а это могло быть залогом удачи. Поэтому, несмотря на все сомнения, которые были мне высказаны, я настоял на своем плане, как ни тяжело возглавлять такое смелое предприятие, когда в силу своего положения сам не можешь принять в нем участие.

После того как это решение было принято, все штабы с величайшим рвением взялись за его осуществление". [292]

29 июня в 1 ч. 00 мин. штурмовые лодки с первым эшелоном 24-й и 22-й пехотных дивизий отчалили от Северной стороны и взяли курс к южному берегу Северной бухты. Наши войска не заметили ни подвоза лодок к берегу, ни их спуск. На Южной стороне бухты не было организовано надлежащей береговой обороны. У советского командования

оставалось еще несколько плавсредств, которыми можно было организовать ночное патрулирование бухты, но этого тоже сделано не было. **(Сх. 49)**

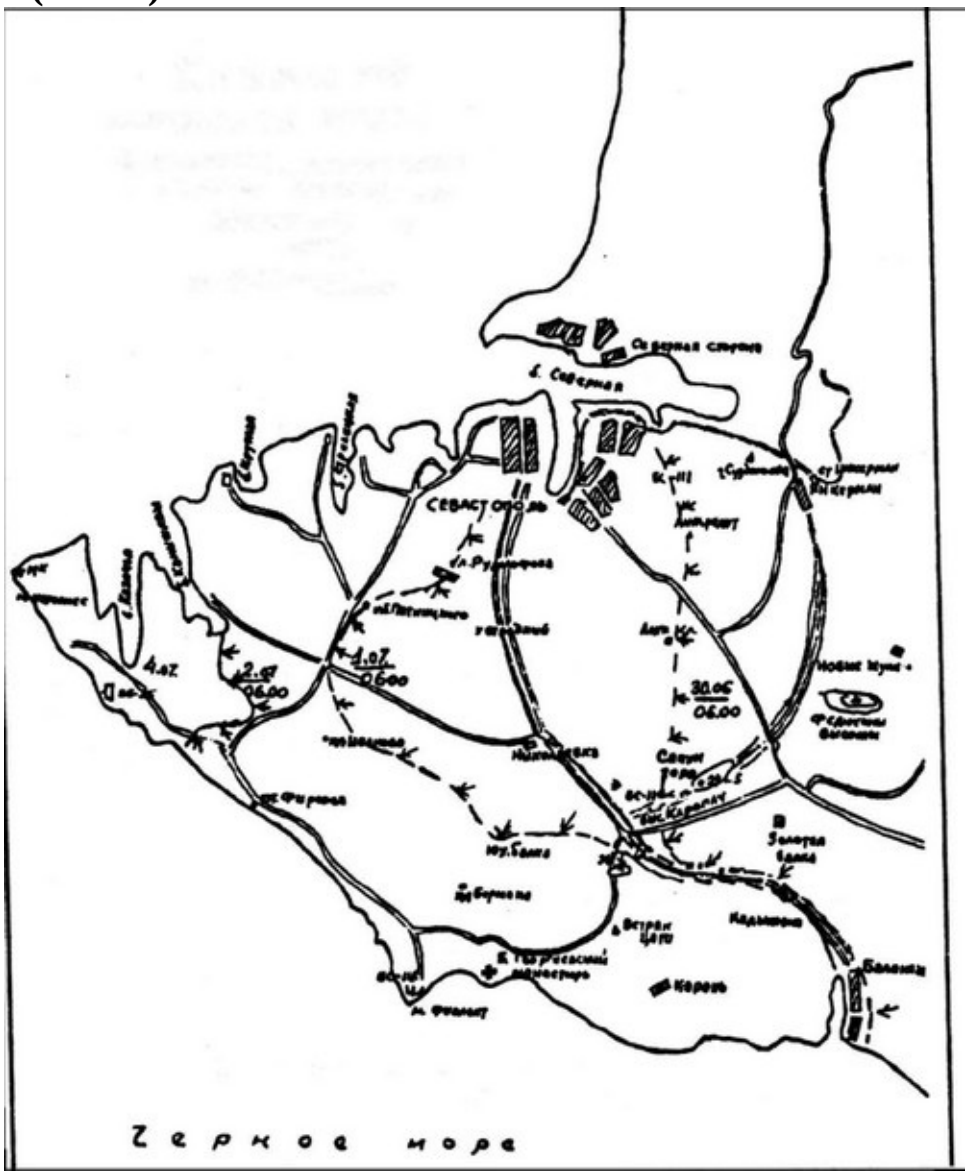

Схема положения сторон при заключительном этапе обороны Севастополя. 29 июня – 4 июля 1942 г.

Лишь когда немецкие десантники достигли берега, а это случилось в 2 часа ночи, германская артиллерия открыла ураганный огонь по всему Южному берегу, стараясь по возможности не задеть десантников. Еще через 15 минут по всей Северной бухте противник поставил дымзавесу, которая под действием слабого северного ветра медленно двигалась к южному берегу Северной бухты. Отражение десанта для оборонявшихся частей затруднялось сплошной пеленой пыли и дыма, вставшей от

разрывов снарядов, мин, бомб и подошедшей дымзавесы.

Наши части, оборонявшие этот участок южного побережья Северной бухты, а также артиллерия 117-го и 2-го артдивизионов береговой обороны потопили часть шлюпок и катеров противника до подхода их к берегу. Но все же большей части плавсредств удалось подойти к берегу и высадить десант, который основательно закрепился на Южной стороне.

В тот же день в 5 ч. 30 мин. до пехотной дивизии немцев двумя группами, с танками, перешли в наступление из района Федюхиных высот и Новые Шули в направлении на высоту 75,0 и хутор Дергачи, а также на Сапун-гору и истоки Хомутовой балки. Несмотря на упорное сопротивление частей 386-й стрелковой дивизии и 8-й бригады морской пехоты, фронт обороны был прорван.

После прорыва фронта в районе Сапун-горы мелкие части немцев повели наступление через станцию Инкерман на английский редут Виктория. Одновременно силами до батальона противник ворвался по Воловьей балке на гору Суздальскую. Под воздействием этих сил и десантных частей из Георгиевской и Сушильной балок части четвертого сектора обороны к полудню 29 июня отошли на западные скаты Килен-балки, на редут Камчатку и английский редут Виктория. [293]

В течение дня 29 июня немецкая авиация произвела более 1500 самолето-вылетов, сбросив около 10 тысяч бомб.

В дневнике Октябрьского обстановка описана без излишнего драматизма: "29 июня

1. 04.40. Прибыли два больших тральщика, 4 подводные лодки, 14 «дугласов», все разгрузились, ушли, взяв раненых.

2. Сегодня какая-то ночь особенная. Всю ночь противник вел огонь, идет сплошная канонада. Видимо, боезапас подвезли или готовят вновь наступление.

3. Донесли, что в районе мыса Фиолент появилось до 10 каких-то катеров. Наша БС-18 осветила прожектором, открыла огонь, 5 катеров потопила, 5 рассеяла, один человек выплыл на берег. Уточняют, что за пленный.

4. Три дня назад вышла к нам из Новороссийска подводная лодка С-32 и до сих пор не прибыла. Тревожусь.

5. Резервов нет, боезапаса мало. Видимо, дело идет к концу, к тому, что противник ворвется в город".

Совсем по иному оценил обстановку Манштейн: «С успешной переправой через бухту, падением Инкерманских высот и прорывом 30-м армейским корпусом Сапунской позиции судьба Севастопольской крепости

была решена». [294]

Глава 18 Катастрофа

К исходу 29 июня немцы захватили плато Сапун-горы, хутор Дергачи и Максимову дачу, почти всю Корабельную сторону, за исключением Малахова кургана, казарм Учебного отряда и Зеленой горки у железнодорожного вокзала.

Отходя, наши войска взорвали хлебозавод, отделение автоматической телефонной станции и железнодорожный тоннель. Были подорваны 11 штолен филиала артиллерийского арсенала базы в Инкермане.

В тот же день адмирал Октябрьский вместе с Военным Советом Черноморского флота перебрался на запасной флагманский командный пункт, устроенный в подземном помещении 35-й башенной батареи. Туда еще 28 июня перевели командный пункт охраны водного района. Через несколько часов на 35-ю батарею прибыл и Военный Совет Приморской армии.

Как позже рассказывал С.В. Галковский, адъютант Октябрьского: «Мы прибыли на 35-ю батарею ночью, после того, как фашисты прорвались на БФКП. Все мы были одеты в синие кители и черные фуражки. У Филиппа Сергеевича при себе оставался только маленький чемодан. КП 35-й батареи переоборудовали, по-видимому, из матросского кубрика. В небольшом помещении с двухъярусными койками, столом и несколькими стульями под потолком горела лампочка – работало аварийное освещение. Пока собирались, прибывали остальные, Филипп Сергеевич, вынув тетрадь, что-то писал, склонившись над столом. Последний Военный совет был короткий. Давались команды, назначали коменданта». [295]

Вслед за командованием СОРа в район 35-й батареи – 16-й ложной батареи [296] переходили все тыловые службы армии и флота – санотдел, инженерный отдел и др. В 2 ч. 00 мин.30 июня начальник штаба СОРа капитан 1 ранга А.Г. Васильев приказал все радиовахты, пост скрытой связи на командном пункте СОРа в Южной бухте закрыть, а всему личному составу убыть на 35-ю батарею.

Одновременно с закрытием радиовахт на командном пункте Южной бухты, в 2 ч. 00 мин. 30 июня радиоцентр на 35-й береговой батарее вступил в строй, открыв 7 радиовахт. Узел связи был оборудован в потерне (подземном коридоре) левого командно-дальномерного поста на глубине 26 м, а антенны были выведены через вентиляционные отверстия.

30 июня был свернут командный пункт ПВО Черноморского флота. По

приказу командования были сброшены в море у мыса Фиолент две радиолокационные станции воздушного обнаружения РУС-2. Оперативная служба ПВО была прекращена. Средства связи не работали. ПВО перестала существовать, а сигналы оповещения о воздушном противнике более не передавались.

В течение ночи на 30 июня немцы подтягивали силы и сосредотачивали их в трех районах: в районе хуторов Золотая Балка, Дергачи и Килен-балки. Всю ночь производилась переброска немецких войск с Северной стороны на южный берег Северной бухты.

Хутор Бермана, Юхарина балка, хутор Николаевка, Хомутовая балка, Лабораторная балка, слобода Корабельная, город, бухты к западу от города и район башенной батареи № 35 подверглись сильному артиллерийскому обстрелу. Десятки германских самолетов бомбили город, аэродром Херсонесский маяк и 35-ю батарею.

На аэродроме Херсонесский маяк доукомплектовался отдельный стрелковый батальон военно-воздушных сил, и из химических частей береговой обороны главной базы был сформирован второй батальон. Оба эти батальона составляли резерв командования СОРа.

С рассветом 30 июня немцы после мощной артподготовки и авианалета возобновили атаки по всему фронту, нанося главные удары по Балаклавскому шоссе, в направлении на Куликово поле и по Лабораторному шоссе, в направлении к вокзалу станции Севастополь.

Между 8 и 12 часами немецкая пехота, действовавшая вдоль Балаклавского шоссе на участке 9-й бригады морской пехоты, прорвала нашу оборону в районе хутора Максимовича и вышла к хутору Николаевка и на юго-западные скаты Хомутовой балки. Во вторую половину дня, развивая наступление под прикрытием артиллерии и авиации, немцы заняли хутор Максимовича и хутор Николаевку.

Одновременно части противника, наступавшие вдоль Лабораторной балки из района хутора Дергачи, прорвали нашу оборону и к исходу дня вышли к железнодорожной станции Севастополь.

Наши разрозненные части отходили к хутору Пятницкого, Рудольфовой слободе и к городу Севастополь.

Личный состав стационарных батарей № 19 (у хутора Максимовича), № 706 (у отметки 77,8) и № 703 (у отметки 73,0), израсходовав весь боезапас, подорвал материальную часть и вел бои в окружении. Бои продолжались до позднего вечера. Весь личный состав этих батарей погиб.

29 июня впервые за всю войну береговая артиллерия Севастополя открыла огонь по морским целям. Лишь в мае 1942 г. итальянский флот на

Черном море превратился из виртуального в реальный. Супермарине, по согласованию с командованием кригсмарине, решили послать в Крым 6 торпедных катеров MAS, 5 торпедных катеров типа MTSM, 5 взрывающихся катеров MTM и 6 сверхмалых подводных лодок типа CB. Командующим этими силами на Черном море был назначен капитан 1 ранга Милебелли.

Почему же дуче не отправил на Черное море крупные надводные корабли? Адмирал Марк-Антонио Брагадин утверждает, что из-за уважения к конвенции Монтрё. [297] Но это лишь полуправда. Конечно, проход итальянских линкоров через Проливы мог вызвать большие проблемы с Турцией. Но турок можно было бы и надуть, послав в Черное море невооруженные быстроходные суда, ну, к примеру, продав их подставным турецким и болгарским фирмам. А те попросту перепродали бы их Румынии, там бы суда вооружили и т. д.

Но, как уже говорилось, супермарине в конце 1941 г. не справлялся со своими задачами на Средиземном море и физически не мог выделить хоть сколько-нибудь полноценных боевых кораблей на другие театры военных действий. Совсем другое дело – штурмовые средства.

Понятно, что этому «минифлоту» не нужен был проход через Проливы. Наоборот, морем они из Италии до Крыма вряд ли бы вообще дошли.

Все шесть подводных лодок типа CB были погружены на железнодорожные платформы и с 25 апреля по 2 мая 1942 г. переправлены из Специи в Румынию в порт Констанца. Там их спустили на воду и в течение месяца ввели в боевой состав. А уже из Констанцы они своим ходом перешли в Ялту.

5 июня 1942 г. в ялтинский порт прибыли подводные лодки CB-1 (командир – капатан-лейтенант Лезен д’Астен), CB-2 (лейтенант Руссо) и CB-3 (лейтенант Соррентино). 11 июня в Ялту пришла вторая группа лодок: CB-4 (капитан-лейтенант Суриано), CB-5 (капитан-лейтенант Фаророли) и CB-6 (лейтенант Галлиано). Вся эскадра итальянских сверхмалых подводных лодок была размещена во внутреннем ковше порта и тщательно замаскирована.

Шесть торпедных катеров типа MAS были перевезены из Италии по шоссе в Вену на специальных трейлерах. Из Вены их отбуксировали по Дунаю до Черного моря, а там катера своим ходом пошли к берегам Крыма.

А вот для транспортировки пяти торпедных катеров MTSM и пяти взрывающихся катеров MTM была организована специальная колонна Моккагатта 10-й флотилии. 6 мая 1942 г. адмирал-инспектор герцог Аймоне

д’Аоста [298] лично проводил автоколонну Моккагатта. Катера MTSM разместили на специальных автоприцепах, буксируемых тягачами «666». Всего в колонне было 20 автомашин и тягачей, включая кран для подъема катеров. ПВО колонны осуществляли два 20-мм автомата, буксируемых автомобилем.

Итальянцы разместились на диком побережье, где через 50 лет будет построен дворец «Заря», известный по спектаклю, устроенному четой Горбачевых в августе 1991 г.

В помощь итальянцам немцы прислали роту саперов, и через несколько дней была оборудована оперативная база, а катера MTSM и MTM спущены на воду.

31 мая генерал-полковник Манштейн решил осмотреть итальянскую флотилию, дислоцированную в Ялте и Форосе. Начал он с Фороса. Манштейна сопровождал Мимбелли и адмирал, командовавший германскими силами на Черном море. Главнокомандующему понравилась прекрасная погода и красивейшие дворцы южного берега Крыма. Проинспектировав базу в Ялте, Манштейн 4 июня [299] решил проехаться оттуда на катере MAS до Балаклавы и с моря осмотреть красоты Крыма.

Эта приятная прогулка чуть не стоила генерал-полковнику жизни. Предоставлю слово самому Манштейну: «На обратном пути у самой Ялты произошло несчастье. Вдруг вокруг нас засвистели, затрещали, защелкали пули и снаряды: на наш катер обрушились два истребителя. Так как они налетели на нас с солнечной стороны, а солнце было слепящим, мы не заметили их, а шум мощных моторов торпедного катера заглушил гул их моторов. За несколько секунд из шестнадцати человек, находившихся на борту, семь было убито и ранено. Катер загорелся, это было крайне опасно, так как могли взорваться торпеды, расположенные по бортам. Командир катера, молодой лейтенант итальянского флота, держался прекрасно. Не теряя присутствия духа, он принимал меры к спасению катера и людей. Мой адъютант Пепо прыгнул в воду, доплыл, несмотря на мины, до берега, задержал там – совершенно голый – грузовик, помчался на нем до Ялты, вызвал оттуда хорватскую моторную лодку, которая и отбуксировала нас в порт. Это была печальная поездка. Был убит итальянский унтер-офицер, ранено три матроса. Погиб также и начальник ялтинского порта, сопровождавший нас, капитан 1-го ранга фон Бредов». [300]

Кто же атаковал катер с Манштейном? В оперативных сводках авиации СОРа нет никаких упоминаний об атаках вражеских катеров с воздуха. Но вот в 1968 г. в мемуарах Героя Советского Союза М.В. Авдеева оказалась глава под названием «Наш „личный друг“ Эрих фон Манштейн».

По этому поводу историк Мирослав Морозов писал: "Изложенное в ней вкратце сводилось к следующему: однажды утром Авдеев в паре с Данилко получили задачу разведать движение противника по ялтинскому шоссе. Разведав шоссе, летчики заметили идущий вдоль берега катер. «Он шел с большой скоростью, – писал Авдеев. – Насколько я знал, таких судов немцы здесь не имели. Значит – штабной». Затем летчики проштурмовали катер, а при возвращении на аэродром договорились никому об этом не говорить – якобы потому, что выполнение разведывательного задания категорически воспрещало им самим вступать в бой с кем-либо. Дальше еще интересней: Данилко рассказал о случившемся Катрову, а тот всем остальным. В это же время якобы из радиоперехватов стало известно, что на атакованном катере находился сам Манштейн.

Все в этой истории ложь от начала до конца. Во-первых, советским самолетам-разведчикам не запрещалось, а, наоборот, рекомендовалось атковывать цели, что, как мы писали ранее, регулярно делали пилоты разведывательных Пе-2. Во-вторых, ни до, ни после самолеты 3-й ОАГ не атаковывали катеров у берегов Крыма. Нельзя забывать, что немецко-итальянский флот в составе нескольких катеров и сверхмалых подводных лодок на Черном море появился только к концу мая 1942 г., в то время как ЧФ обладал десятками кораблей и катеров различного назначения. Увидев катер, летчики скорей всего подумали бы, что он советский – ведь в конвоях в Севастополь регулярно ходили сторожевые катера, торпедные катера использовались для несения дозорной службы и спасения экипажей сбитых самолетов. В-третьих, советская сторона в тот период не могла расшифровать радиосообщений немцев, кроме того, в документах 3-й ОАГ нет никаких упоминания о подобном перехвате и атаке на катер с Манштейном на борту.

В-четвертных, ни Манштейн, ни Авдеев не упоминают, в какой именно день произошло это событие. В «Боевой летописи ВМФ 1941–1942 гг.» Атака отнесена к 4 июня, в мемуарах К.Д. Денисова – к 5-му. Ответ на все эти вопросы проливает 11-й том официальной истории итальянского флота, вышедший в 1972 г. Там достаточно подробно освещаются действия итальянских сил на Черном море в 1942 г., но об этом инциденте нет ни слова. Только на 42-й странице, где дается таблица со всеми выходами катеров, можно узнать, что атакованным торпедным катером был «MAS 571», и это событие произошло 3 июня. Самое интересное написано в последнем столбце. Отказывается, что атаковавшие истребители… были немецкими… Манштейн решил не выносить сор из избы. Вместо этого 10 июня Рихтнофен отдал приказ, запрещающий самолетам VIII авиакорпуса

атаки любых подводных лодок и катеров в пределах всей акватории Черного моря. На этот раз возмутился командующий немецкими военно-морскими силами на Черном море вице-адмирал Вюрмбах. Он заявил, что ВМС союзников по «оси» не плавают по всему морю, а только в прилегающих к Крыму водах, и что он, наоборот, рассчитывает, что VIII авиакорпус примет самое активное участие в борьбе с кораблями, катерами и подводными лодками русских. После этого протеста 12 июня Рихтнофен изменил свое запрещение, конкретно указав, в каких именно водах плавают немецкие и итальянские катера. Тем не менее этот приказ привел к тому, что советские катера могли плавать к мысу Херсонес до последних дней обороны главной базы, подвигаясь опасности атак с воздуха только непосредственно у причалов мыса и у кавказских берегов". [301]

Итальянские же катера продолжали выходить в море. Согласно мемуарам князя Валерио Боргезе, командира 10-й флотилии MAS: "29 июня 5 торпедных катеров снова вышли в море, чтобы во взаимодействии с 6 немецкими десантными судами произвести демонстрацию высадки десанта на берегу между мысом Фиолент и Балаклавой с целью отвлечь внимание русских от настоящего десанта, который должен был высадиться в другом месте…

Чтобы привлечь к себе внимание противника, наши моряки кричали и стреляли, стараясь наделать как можно больше шума, катера маневрировали, наконец, один взрывающийся катер, управляемый старшиной Барбьери, был направлен прямо на берег и своим ужасающим взрывом еще больше усилил желаемую суматоху". [302]

На самом деле в 3 часа ночи 29 июня посты наблюдения береговой обороны засекли 12 моторных шхун с десантом и 5 итальянских торпедных катеров, шедших из Ялты мимо мыса Айя к Георгиевскому монастырю и Мраморной балке. Батарея № 18 (четыре 152-мм пушки Кане) открыла по ним огонь с дистанции 35–40 кабельтовых (6,4–7,3 км). В течение 15–20 минут 9 шхун было потоплено, а трем шхунам вместе с торпедными катерами удалось уйти.

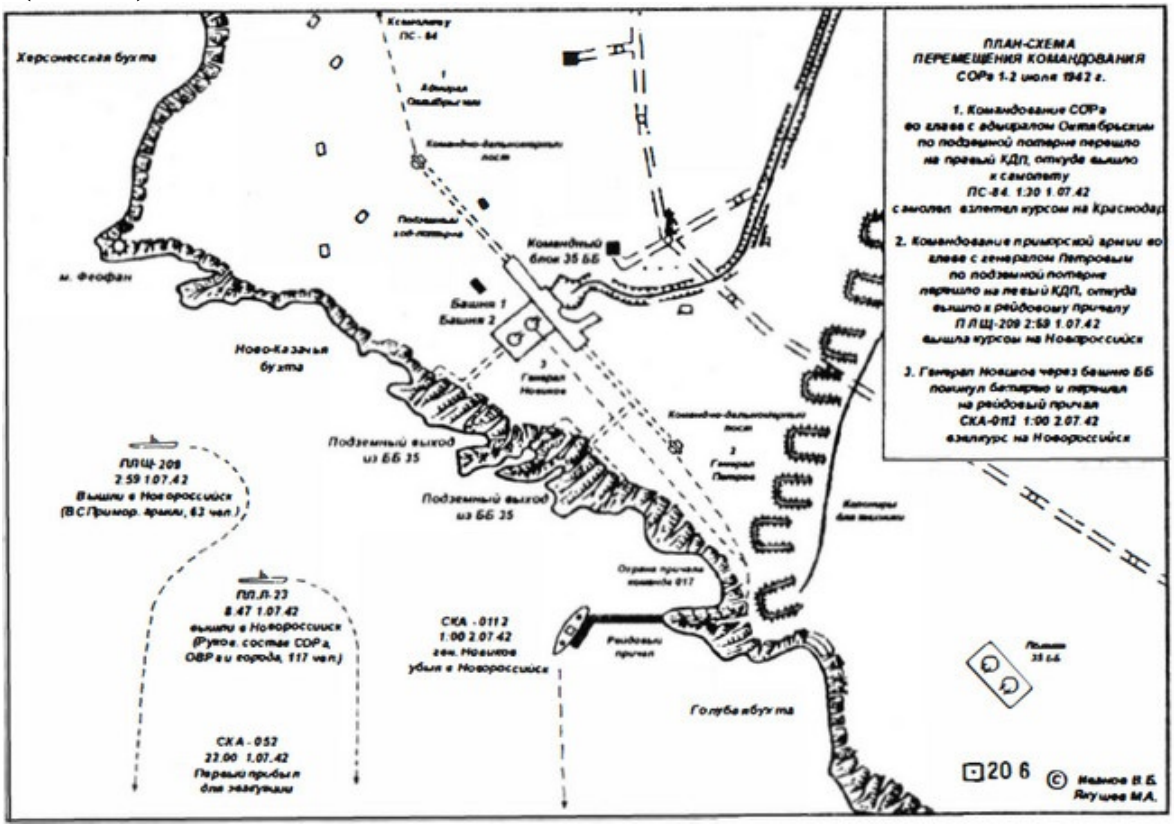
Несколько слов стоит сказать о судьбе батареи БС-18 «Кентавр-2». 30 июня прямой наводкой из 152-мм пушек Кане было подбито два немецких танка. Так сказано в донесении, на самом деле это были самоходки противника. К утру 1 июня на батарее осталось тридцать 152-мм шрапнельных снарядов и несколько практических. Спасибо Октябрьскому, вывезшему снаряды! Пришлось стрелять шрапнелью и болванками. Тем не менее, в этот день атака румынского батальона на батарею была отбита с большими потерями. После этого противник пустил в ход авиацию, которая

начала бомбить батарею. Было произведено несколько авианалетов и в результате повреждено одно орудие, а личный состав понес значительные потери ранеными и убитыми. Оставшиеся батарейцы по приказу командира батареи старшего лейтенанта Н.И. Дмитриева подорвали орудия и около 8 часов вечера 1 июля сумели пробиться на 35-ю батарею, где принимали участие в боях, в которых погиб Дмитриев.

К ночи 30 июня фронт войск севастопольской обороны проходил по рубежу: хутор Фирсова, хутор Иванова, хутор Пятницкого, слобода Рудольфова, Панорама и станция Севастополь.

Еще утром 30 июня, в 9 ч. 50 мин., Октябрьский послал телеграмму Буденному и Кузнецову: "Противник прорвался с Северной стороны на Корабельную сторону. Боевые действия протекали в характере уличных боев. Оставшиеся войска сильно устали… хотя большинство продолжает героически драться. Противник резко увеличил нажим авиацией, танками, надо считать, в таком положении мы продержимся максимум 2–3 дня.

Исходя из данной конкретной обстановки, прошу Вас разрешить мне в ночь с 30.06. на 1.07. вывезти самолетами 200–250 ответственных работников, командиров на Кавказ, а также, если удастся, самому покинуть Севастополь, оставив здесь своего заместителя генерал-майора Петрова". [303] **(Сх. 50)**

Как драпало начальство из Севастополя (из книги Иванова В.Б. «Тайны Севастополя»)

Нарком Кузнецов получил телеграмму Октябрьского в тот же день в 14 часов. Переговорив со Сталиным, он в 16 часов посла Военному Совету Черноморского флота телеграмму: «Эвакуация ответственных работников и ваш выезд разрешены».

В 19 ч. 30 июня на заседании Военного Совета Черноморского флота Октябрьский объявил решение Ставки и приказал эвакуировать 1 июля Военный Совет Черноморского флота, Военный Совет Приморской армии и ряд командиров и военкомов дивизий.

Для организации обороны на 1 и 2 июля, а также для обеспечения отхода командующим СОРа был назначен генерал-майор П.Г. Новиков, а его помощником капитан 3 ранга Ильичев. Новикову было приказано организовать оборону по линии старых укреплений, проходившей от хутора Фирсова через высоты 36,3 и 30,6 до Стрелецкой бухты и в ночь на 2 июля или на следующую ночь эвакуироваться на подводных лодках.

Таким образом, было принято решение об эвакуации для избранных. Формально всю ответственность за это можно свалить на Ставку, а точнее, на Сталина. Однако трудно ожидать, чтобы в Ставке могли доподлинно знать о ситуации в СОРе и о реальном состоянии кораблей Черноморского флота. На самом же деле части СОРа могли еще держаться, а сколько – зависало от поддержки флота. Эвакуация же начальства привела к полному развалу обороны.

Позднее попавший в плен к немцам генерал-майор П.Г. Новиков заявил: «Можно было бы еще держаться, отходить постепенно, а в это время организовать эвакуацию. Что значит отозвать командиров частей? Это развалить ее, посеять панику, что и произошло. А немец, крадучись, шел за нами до самой 35-й батареи». [304]

Отъезд начальства обеспечивала парашютная группа особого назначения ВВС Черноморского флота под командованием старшего лейтенанта В.К. Квариани. «После заседания Военного Совета флота и армии перед группой была поставлена задача по обеспечению и сопровождению командиров и ответственных работников с посадочными талонами на рейдовый причал для посадки на подводные лодки, а также осуществлять охрану Херсонесского аэродрома во время прилетов транспортных самолетов, соблюдения порядка при посадке по посадочным талонам в условиях нахождения там неуправляемой многотысячной вооруженной массы военных и гражданских лиц». [305]

Утром 30 июня германская авиация разбомбила здание эвакогоспиталя

№ 1428 в Камышовой бухте, погибло много раненых. К исходу дня берег Камышовой бухты в районе пристани, представлявшей собой две баржи со сходнями, был забит ранеными, ожидавшими эвакуации. Там же было множество неорганизованных военных, отбившихся от своих частей или просто дезертиров, женщины с детьми и старики. Люди метались по берегу, но никто ничего толком не знал об эвакуации. Из города подходили все новые и новые военные и гражданские лица.

Бывший командир крейсера «Червона Украина» капитан 2 ранга И.А. Заруба описывает ситуацию так: «…вместе с комиссаром отдела пошли в Камышовую бухту. То, что там я увидел, меня поразило. Толпы людей, солдаты, матросы с оружием и без. Все чего-то ждут. К пристани не подойти. Тысячи людей, шум, крики. Решил пойти на 35-ю батарею. Это было в 1 час 35 минут 1 июля. Придя на 35-ю батарею к ее главному входу, увидел еще худшее. Весь дворик и коридоры навеса были переполнены комсоставом Приморской армии. Двери на запорах. Здесь я узнал, что 29 июня было дано распоряжение по армии всему старшему офицерскому составу оставить свои части. Части остались без управления. Все это было похоже на панику в полном смысле слова…». [306]

В ночь на 1 июля на аэродром в Херсонесе один за другим стали приземляться транспортные самолеты «Дуглас» (ПС-84). Всего из Краснодара вылетело 16 таких машин, но три из них, потеряв ориентировку, вернулись. Самолеты доставили 23 650 кг боеприпасов и 1721 кг продовольствия.

Первым же обратным рейсом на Кавказ улетели Ф.С. Октябрьский, член Военного Совета Черноморского флота Н.М. Кулаков, бригадный комиссар М.Г. Кузнецов, генерал А.П. Ермилов.

Как писал участник боев лейтенант В.И. Воронов: "Один самолет Ли-2, прилетевший в числе первых, был задержан. Командиру экипажа старшему лейтенанту М. Скрыльникову было приказано подрулить к одному из капониров, а экипажу в укрытии ждать указаний. Летняя ночь коротка. Все самолеты загрузились и улетели. Скрыльников несколько раз ходил к дежурному по аэродрому (ответственным за прием и выпуск самолетов был назначен подполковник Наумов) с просьбой загрузиться и улететь, но неизменно звучал ответ: «Ждать!»

Тем временем в районе стоянки транспортных самолетов скопились красноармейцы и матросы из отступавших частей в надежде попасть в число счастливчиков и улететь на «Большую землю». У самолетов во время посадки неслись крики и ругань, сыпались угрозы в адрес начальников. С помощью вооруженной охраны с большим трудом удавалось сдерживать

напор толпы.

Вице-адмирал Октябрьский подъехал к самолету глубокой ночью, переодетый в гражданскую одежду в потертом пиджаке и неказистой кепке. На тех, кто видел командующего флотом в таком необычном виде, переодевание произвело неприятное впечатление. Непонятно, чего опасался адмирал?" [307]

Сам Филипп Сергеевич о деталях своего отъезда из Севастополя впервые упомянул в 1966 г. в письме редактору газеты «Красная Звезда»: «Я не описывал, считал это ненужным, как меня самого вывезли из этого кошмара, как начальник Особого отдела флота товарищ Ермолаев Николай Дмитриевич и член Военного совета флота и СОР Кулаков Николай Михайлович вошли ко мне в помещение, где я с адмиралом В.Г. Фадеевым и капитаном 2 ранга Ф.В. Тетюркиным уточнял… кого первым отправить на Большую землю (это было после ноля часов 1 июля 1942 года), как они вошли ко мне и заявили: „Кончайте, Филипп Сергеевич, все дела и пошли с нами“, надели на меня какой-то плащ, вывели наружу, посадили и увезли».

Римма Филипповна Октябрьская писала в книге «Штормовые годы»: "На Херсонесском аэродроме, выйдя из машины, они оказались в тесной толпе. У трапа самолета, уже загруженного ранеными, произошла заминка. В темноте, в озарении вспышек, отец чувствовал тяжелое дыхание людей, слышал гул их голосов, крики вперемежку со звуками взрывов и автоматными очередями. Секунда. Другая. Он понимал: промедление опасно, его ждут. Но привычную в нем решительность подавила жалость к остающимся людям, которым он бессилен был сейчас чем-либо помочь, к беспомощным раненым и к этим рослым и сильным матросам, двойной цепью окружившим самолет, готовым драться до последнего вздоха, было бы чем, чтобы заслонить собой от пуль его, командующего, члена Военного совета и других руководителей обороны.

При всполохах взрывов становились видны проворачивающиеся винты готового к взлету самолета. Еще мгновение, и он побежит по полю, оторвется от земли. Других самолетов на летном поле нет: стало быть, за исключением тех, кто внутри самолета, все остальные – раненые, солдаты, матросы – останутся здесь, на этом клочке земли.

Но вот в проеме двери самолета возникла мощная фигура полковника Г. Г. Дзюбы. [308] И тут же над ухом прозвучал голос Ермолаева:

– Надо взлетать, товарищ командующий. Я отвечаю за вашу безопасность.

Н.М. Кулаков, поднимавшийся по трапу, снова оказался внизу. Филипп Сергеевич почувствовал, как сильные руки друга обхватили его, подсадили

в самолет. Взревели моторы. Короткая пробежка, взлет. Сквозь гул моторов из темноты по взлетающему самолету ударили автоматные очереди".

Пардон за длинные цитаты, но я не был в этот драматический момент на Херсонесском аэродроме и не имею ни малейшего желания ни прославлять, ни обвинять Октябрьского – это читатель должен сделать сам.

В первый самолет залез и комендант Херсонесского аэродрома майор Попов, на которого была возложена организация посадки на самолеты. Попов впоследствии был приговорен военным трибуналом к расстрелу. Бежал к немцам.

Самолеты брали штурмом. В такой обстановке, имея посадочные талоны, не смогли попасть в самолет комиссар 386-й дивизии В.И. Володченков и начальник штаба дивизии подполковник В.С. Степанов. Они были вынуждены вернуться в 35-ю батарею и по приказанию начальника штаба армии Крылова были эвакуированы на подводной лодке «Щ-209». Также не удалось влезть в самолет и прокурору Черноморского флота бригадному военюристу А.Г. Кошелеву. Позже, 2 июля, находясь под скалами 35-й батареи, после неудачной попытки попасть на катера, он рассказывал: «Меня оттеснили».

«Организовать нормальную эвакуацию было невозможно. – Вспоминает А.И. Зинченко, – Кто посильнее, тот и попадал в самолет. На 3-й самолет дошли и моя очередь, но когда я попытался влезть в самолет, один из команды по посадке ударил меня сапогом в голову так, что я потерял сознание. Брали в основном моряков, а у меня форма была сухопутная». [309]

По улетавшим самолетам из толпы красноармейцев и матросов, сдерживаемых автоматчиками, периодически открывался огонь из винтовок. Всего 13 самолетов ПС-84 вывезли на Кавказ 222 начальника, 49 раненых и 3490 кг грузов.

Около 1 ч. 30 мин. 1 июля Военный Совет Приморской армии в составе Петрова, Моргунова, Крылова, Чухнова и других командиров штаба армии, штабов соединений, командиров соединений, комиссаров и других лиц спустились по винтовому трапу в левый подземный ход-потерну 35-й батареи и затем, пройдя ее, вышли на поверхность через левый командно-дальномерный пост вблизи спуска к рейдовому причалу. Было относительно тихо. Немцы продолжали вести беспокоящий огонь из орудий с Северной стороны по аэродрому и всему Херсонесскому полуострову. Причал охраняли автоматчики из состава отдельного батальона охраны 35-й батареи. К тому времени на прибрежных скалах и около причала уже собралось множество неорганизованных военных и

гражданских.

Начальник отдела укомплектования Приморской армии подполковник Семечкин рассказывал: «Мы шли на посадку на подводную лодку. Я шел впереди Петрова. В это время кто-то из толпы стал ругательски кричать: „Вы такие-разэдакие, нас бросаете, а сами бежите“. И тут дал очередь из автомата по командующему генералу Петрову. Но так как я находился впереди него, то вся очередь попала в меня. Я упал…». [310]

Людей с причала переправляли на небольшом буксире «Папанин» на подводные лодки, находившиеся мористее. На лодки попадали только счастливчики, имевшие пропуска за подписью Октябрьского и Кулакова. В соответствии с решением Военного Совета СОРа эвакуации в первую очередь на двух подводных лодках и самолетах подлежал только высший и старший комсостав от командира полка и выше. В списке этом всего значилось 139 человек, из них 77 человек от Черноморского флота.

Подводная лодка Щ-209 приняла на борт Военный Совет Приморской армии со штабом армии, всего 63 человека, и в 2 ч. 59 мин. 1 июля вышла на Новороссийск, куда и прибыла после сложного похода 4 июля около 8 часов утра. Подводная лодка Л-23 приняла на борт 117 человек руководящего состава СОРа.

Взятые в резерв штаба СОРа сторожевые катера СКА-021 и СКА-0101 30 июня стояли замаскированные в камышах бухты Казачьей в ожидании распоряжения командования на выход.

Из своих укрытий катера вышли уже в сумерки 30 июня и подошли к причалу 35-й батареи. СКА-021 взял на борт 70 человек, причем из-за неорганизованной посадки к причалу он подходил несколько раз. Потом на катере возникли неполадки с мотором. Наконец в 3 часа ночи 1 июля СКА-021 вышел в море, взяв курс на Синоп. СКА-0101, взяв людей, вышел раньше, в 1 час ночи.

На переходе СКА-021 был атакован немецкими самолетами и от полученных повреждений стал тонуть. Командир катера Гладышев был убит. В живых осталось лишь 16 человек. Их позднее сняли вышедшие из Севастополя сторожевые катера СКА-023 и СКА-053 и доставили в Туапсе. По другим же данным людей с СКА-021 снял СКА-0101, который вернулся к нему и прибыл в Сочи 3 июля.

В ту же ночь, 1 июля, катера-тральщики «Ильич» и «Ревсовет», приняв людей, вышли из Севастополя на Кавказ, но в Батуми прибыли лишь на десятые сутки. Тогда же из Камышовой бухты на Кавказ, держась берегов Турции, ушли три катера-тральщика КАТЩ-85, 86 и 87 охраны района Камышовой бухты с командиром ОХРа старшим политруком А.И.

Песковым и военкомом политруком И.И. Христенко. Всего на этих катерах вместе с командирами из 7-й бригады морской пехоты эвакуировалось 45 человек. Из-за плохой мореходности и поломки двигателей два катера пришлось бросить. До Батуми 4 июля дошел только один катер.

В 22 часа 30 июля из Севастополя вышло гидрографическое судно «Грунт» с 12 человеками команды и 16 эвакуируемыми. По пути судно было атаковано немецкими самолетами, зашло в Синоп и, получив там уголь, отправилось в Батуми, куда прибыло 7 июля.

Интересная история рейдового буксира СП-2, вышедшего в ночь с 30 июня на 1 июля 1941 г. из Севастополя с 77 бойцами СОРа. Буксир пошел 7-узловым ходом к Турции. Топливо кончилось, когда на горизонте появились горы. Тогда моряки поставили самодельные паруса и шли со скоростью 1–2 узла. Подошедшие на катере турки с изумлением смотрели на «парусник». Но потом все же взяли его на буксир и доставили в Синоп. Под нажимом советского военного атташе в Турции местные власти согласились снабдить СП-2 топливом, водой и продовольствием. В ночь на 4 июля СП-2 покинул Синоп и взял курс на Батуми. Буксир шел в пределах территориальных вод Турции и через 4 дня прибыл в Батуми.

Для эвакуации раненых и летно-технического состава Херсонесского аэродрома 1 июля прилетела группа гидросамолетов авиации Черноморского флота: один МТБ-2 «Чайка», один ГСТ-9 и десять МБР. «Чайка» села в бухте Казачьей, туда же, отбомбившись по позициям противника в Севастополе, приземлился и ГСТ-9. На борт «Чайки» было принято 29 человек, на ГСТ-9 – 26 раненых и медработников во главе с военврачом 2 ранга Корнеевым и командиром 12-й авиабазы капитаном Пустыльником. «Чайка» долетела нормально, а ГСТ-9 из-за поломки двигателя сел на воду примерно в 30 милях от Феодосии. Утром 2 июля самолет был обнаружен шедшим из Севастополя базовым тральщиком «Щит», на борт которого и были приняты 33 человека с аварийного самолета, а сам самолет отбуксировали в Геленджик.

В ночь на 1 июля бомбардировщики ВВС Красной Армии в составе восьми ДБ-3 и девяти СБ бомбили войска и батареи противника на Севастопольском фронте. А авиация Черноморского флота в эту ночь совершила 32 самолето-вылета, нанося бомбовые удары по позициям противника в Севастополе.

Вечером 30 июня самолеты: шесть Як-1, семь Ил-2, один И-16, один И-15бис, два И-153 и один ЛаГГ-3 перелетали из Севастополя в Анапу.

1 июля авиация СОРа боевых вылетов не производила. Вечером три Як-1, три И-16, один И-153 и один У-2 перелетели из Севастополя в Анапу.

Четвертый Як-1, вылетевший из Севастополя, произвел вынужденную посадку на воду вблизи Туапсе. Самолет и пилот были подобраны. Три У-2, вылетевшие из Севастополя, пропали без вести.

Базовые тральщики «Защитник» и «Взрыв», вышедшие 1 июля из Новороссийска, около полудня пришли к пристани 35-й батареи, где при помощи катеров и шлюпок приняли на борт 377 человек личного состава СОРа. В 3 часа ночи 2 июля тральщики вышли из района главной базы и в 20 ч. 20 мин. прибыли в Новороссийск.

Базовые тральщики «Щит» и № 412 на подходах к Севастополю были атакованы 12 германскими бомбардировщиками и в результате близких разрывов бомб получили небольшие повреждения. Из-за повреждений, а также из-за того, что огни на фарватере № 3 главной базы не горели, эти тральщики, боясь своих мин, без захода в район пристаней повернули обратно и в 23 ч. 05 мин. вернулись в Новороссийск.

1 июля немцы подошли к 35-й башенной батарее почти на 1 км. Батарея сделала 6 выстрелов шрапнелью, поставленной на картечь.

К ночи на 2 июля, по оценкам очевидцев, на берегу у причала 35-й батареи скопилось более 10 тыс. человек. Единственным путем вывода начсостава к причалу был подземный переход батареи с выходом наверх через левый командно-дальномерный пост. Однако особая трудность заключалась в том, чтобы провести несколько сотен старших командиров сквозь многочисленные массы людей, но иного выхода не было.

В 22 часа 1 июля к причалу 35-й батареи подошел первый сторожевой катер СКА-052. Как только катер подошел к причалу, на него тут же, без всякой очереди, прыгнула масса людей. Катер накренился и дал задний ход, чтобы не лечь на борт. Потом с катера спустили шлюпку и подобрали еще несколько плавающих человек. В целях экономии топлива СКА-052 сначала пошел курсом на мыс Сарыч, а потом повернул круто на юг. Там СКА-052 пытался атаковать торпедный катер противника, но артиллерийско-пулеметным огнем катера был отогнан. В 40 милях от Крымского берега СКА-052 повернул к берегам Кавказа и, отбившись от двух налетов Ю-88, прибыл в Новороссийск.

В течение ночи на 2 июля с пристани 35-й батареи с эвакуированными на борту отошли сторожевые катера СКА-028, 029, 071, 088 и 046. На подходах к Севастополю сторожевые катера СКА-0105 и 014 встретили стоявший без хода подбитый СКА-029. На нем находились тяжелораненые, всего 51 человек. СКА-0105 снял на борт раненых, а СКА-014 взял на буксир подбитый катер. СКА-052 на подходах к Севастополю был атакован немецкими самолетами, получил повреждения и, не подходя к пристаням,

повернул обратно на Новороссийск. Все эти сторожевые катера благополучно дошли до Новороссийска.

29 июня из Новороссийска в Севастополь с грузом боезапаса вышла подводная лодка А-2. В 1 ч. 32 мин. 2 июля, находясь в районе подходной точки военного фарватера № 3, она получила приказ выгрузить боезапас в море и идти за людьми в Херсонесскую бухту. В 21 ч. 18 мин. А-2 подошла к Херсонесской бухте, где легла на грунт с целью подготовки к уничтожению всех важных и секретных документов на случай, если попадет в безвыходное положение. В 21 ч. 59 мин. лодка всплыла на расстоянии 1 кабельтова (185 м) от берега. А с берега доносилась ружейно-пулеметная и артиллерийская стрельба, взмывали в небо осветительные ракеты. А-2 подошла к берегу на полукабельтов, но, не обнаружив у пристани плавсредств, командир приказал дать световые сигналы на берег. К берегу никто не подходил. Тогда с лодки дали сигнал на берег голосом. И только в 22 ч. 30 мин. к лодке на автомобильных камерах подплыли 4 бойца, а до 23 часов подплыли еще 5 человек.

Командир лодки приказал ждать до полуночи, но больше никто не подплыл, а к этому времени немцы усилили пуски белых ракет в сторону лодки, и они стали ее освещать. К тому же ночь была лунная, и командир решил переменить место.

Подводная лодка М-112, вышедшая 29 июня с грузом боезапаса из Новороссийска, в 14 ч. 18 мин. 2 июля находилась в перископном положении на военном фарватере № 3 главной базы. В 19 ч. 40 мин. в районе Херсонесской мерной мили между 2-м и 3-м створами с лодки обнаружили барказ, по которому велся огонь из береговых орудий. В 19 ч. 56 мин. барказ был потоплен.

В 21 час М-112 пришла в район Херсонесской бухты. На берегу шла перестрелка. Командир лодки принял решение всплыть для выяснения обстановки и маневрировать параллельно берегу. В 23 ч. 03 мин. к борту лодки подошла шлюпка с 8 бойцами СОРа. От них командир М-112 узнал, что Севастополь сдан, и все бухты в районе 35-й батареи заняты противником. В 23 ч. 59 мин. командир М-112 принял решение возвращаться в Новороссийск.

1 июля «примерно между 22.00 и 23.00 генерал Новиков и сопровождающие его командиры начали выходить из 35-й береговой батареи через амбразуру башни. Но, как писал полковник Пискунов со слов майора Какурина, начальника штаба 95-й стрелковой дивизии, выходившего вместе с генералом, перед ними на их пути из батареи встала стихия в лице находившихся на батарее людей, которые внимательно

следили за деятельностью Новикова. В результате оказались задержанными начальник штаба 109-й стрелковой дивизии подполковник С. Камарницкий, майор А. Какурин и начальник разведки 95-й дивизии майор И.Я. Чистяков». [311]

Там же указано, что Новиков был без гимнастерки, то есть без знаков отличия.

Когда катер подошел к причалу, чтобы забрать генерал-майора, то "заслон из моряков-автоматчиков охраны не выдержал.

Несмотря на предупредительную стрельбу автоматчиков охраны, толпа, прорвав заслон, стремительно бросилась по всему причалу. Под ее напором по всей длине причала были сброшены в воду не только находившиеся на причале раненые, но и первые и последующие ряды людей прорвавшейся толпы, оказавшихся на краю его.

Немного погодя рухнула секция причала вместе с людьми. В воде образовалось «месиво» из барахтающихся и пытающихся спастись сотен людей, часть которых утонула, а напор не ослабевал, и люди по инерции некоторое время падали в воду. Подходивший катер к первому пролету сильно накренился от нахлынувших на его палубу людей, которые почти все, неудержавшись, попадали в воду. Катер выпрямился и отошел от причала. Командир в мегафон передал, что посадка невозможна, и катер отошел несколько дальше в море. Многие вплавь поплыли к катеру". [312]

Об этом свидетельствует старшина 1 статьи И.И. Карякин: «После контратаки вечером 1 июля я и старшина 2-й статьи Н. Рыбцов пробрались по подвесному мостику вплотную к скале. На пристани и мостике была сплошная масса людей. На скале находился капитан 3 ранга Ильичев, оставленный Октябрьским старшим по эвакуации. Его попытки освободить мостик для прохода людей, подлежащих эвакуации, успеха не имели. Он сам и его автоматчики стреляли в передних, не давали вплавь добираться до скалы и били короткими очередями. Нам удалось выбраться на берег и с наступлением темноты, спрятав оружие в скалах, вплавь, скрываясь под настилом мостика, добрались до скалы, где сидели, держась за канаты, пока не подошел сторожевой катер СКА-0112. Пользуясь темнотой, мы прыгнули на катер. Было один или два часа ночи. После принятия людей и как только на катер зашел Новиков, катер отвалил и ушел в море». [313]

На рассвете 2 июля сторожевой катер СКА-0112 был обнаружен и атакован четырьмя немецкими торпедными катерами. В течение почти часа шел бой. В левый торпедный аппарат катера S-40 попал 45-мм снаряд, взорвался бак со сжатым воздухом. На счастье немцев, торпеда не сдетонировала, но возник пожар, трое матросов было убито, а 10 человек,

включая командира капитан-лейтенанта Шнейдер-Панкса, получили ранения. Был тяжело поврежден и катер S-28. Немцам с трудом удалось отбуксировать его в Ак-Мечеть. После предварительного ремонта S-28 отправили в Констанцу, где он простоял почти год, не участвуя в боевых действиях.

Но и 20-мм автоматы немцев ввели из строя моторы СКА-0112 и перебили прислугу. Катер стал тонуть. Оставшиеся в живых уже не сопротивлялись. Но в 6 часов утра появился Ю-88 и начал обстреливать катер. В это время несколько человек вылезли из кубрика и бросились за борт. Позже подошел немецкий катер S-72, на который были сняты все оставшиеся в живых. Из 20 человек команды и 74 эвакуируемых в живых осталось 16 человек. Все, за исключением одного красноармейца, были ранены. Немцы подорвали СКА-0112, и он затонул. На палубе немецкого катера всех раненых перевязали и прикрыли брезентом. Все это происходило в видимости Ялты. Вскоре катер подошел к ялтинскому причалу, и все раненые были высажены на берег. Туда же высадили и оставшихся в живых 15 человек с СКА-0124, который был потоплен немцами в районе мыса Сарыч. Всего на ялтинском песчаном берегу оказался 31 человек, и в их числе генерал Новиков, капитан 2 ранга Заруба, политрук Звездкин, старшина 1 статьи Карякин, а также командиры и бойцы из штаба Новикова и оставшиеся в живых члены экипажа СКА-0112.

По сведениям Зарубы «Новикова возили в Севастополь к Манштейну. На мой вопрос зачем? Он мне рассказал, что с ним разговаривал фельдмаршал Манштейн. Интересовался, как себя чувствую, не обижают ли, почему не в форме. Приказал одеть в форму, расхваливал доблесть и геройство наших солдат. Предлагал работать на них. Я сказал: „Я солдат и останусь верным присяге и Родине до конца. А за похвалу спасибо“». [314]

Генерал Новиков погиб в 1944 г. в немецком концлагере Флессенбург.

2 июля между 1 ч. 15 мин. и 2 часами ночи командой 35-й батареи тремя взрывами были подорваны башни и часть помещений. Как и кто производил взрывы – до сих пор неизвестно.

Официальные историки утверждают, что батарея полностью израсходовала свой боезапас. Но это касается только 2-й башни. А в погребе 1-й башни после войны были найдены несколько десятков снарядов. Почему их не перегрузили во 2-ю башню, можно только гадать. Интересно, что когда в 1952 г. срезали автогеном замок орудия в 1-й башне, в пороховой камере оказался заряд и произошел взрыв.

О взрыве батареи № 35 2 июля 1942 г. не были предупреждены

множество людей, нашедших убежище в десятках ее подземных помещений. Тележурналист Евгений Ручкан писал, что в 1999 г. в помещении насосной станции было найдено много трупов, включая труп девушки-санитарки с большой косой.

После войны Руины 35-й береговой батареи не раз снимали кинематографисты, поскольку и разрушенный этот последний бастион защитников Севастополя выглядит довольно грозно. В 1980-е годы здесь хотели сделать мемориал защитников Севастополя, но к настоящему времени установили лишь два памятных знака и мемориальную табличку. Сегодня же на 35-й развернулось бойкое строительство. В 15 шагах от шарового погона бывшей башни стоит забор, ограждающий виллу «нового украинца».

В советские времена никто не интересовался последними днями агонии Севастополя, разумеется, официальные благонамеренные издания в счет не идут. Поэтому тайны СОРа еще ждут своих первооткрывателей.

Вот, к примеру, И.С. Маношин пишет: «В течение 29–30 июня при отходе наших войск на Корабельной стороне были взорваны Северная электростанция, спецкомбинат № 1 и другие объекты, а также запасной арсенал флота взрывчатых веществ и негодного боезапаса в Инкермане, который было около 400 вагонов». [315] Что это за такая масса «негодных боеприпасов»? А почему их нельзя было использовать для обороны города?

Мало известно и о втором последнем оплоте защитников СОРа – районе побережья между ветряком ЦАГИ и бывшим Георгиевским монастырем, где геройски сражался 456-й погранполк 109-й стрелковой дивизии. Этот полк в ночь на 1 июля по приказу командира полка подполковника Г.А. Рубцова незаметно для противника, во избежание назревающего окружения, в связи с прорывом противника на Сапун-горе и отходом слева 9-й бригады морской пехоты, оставил свои позиции в Балаклаве и перешел на рубеж обороны: ветряк ЦАГИ – Георгиевский монастырь – мыс Фиолент. Там их поддержала огнем четырехорудийная 152-мм береговая батарея № 18 на мысе Фиолент. Но на батарее к утру 1 июля оставалось всего около 30 шрапнельных снарядов и несколько практических, и ни одного бронебойного. Батарея № 18 погибла около 20 часов 1 июля. В ночь на 2 июля погиб весь состав 456-го погранполка.

При захвате немцами Севастополя были уничтожены противником или своими экипажами следующие суда: подводная лодка Д-6 (находилась в капремонте на Севморзаволе еще с 22 июня 1941 г., ввести ее в строй так и не удалось), катера-тральщики № 153, 158, 565, 566, 553, 554, 555, 557, 510, бронекатер № 037, 3 сторожевых катера, 4 морских буксира, около 60

рейдовых катеров, 20 барж, 3 плавучих крана, киллектор, гидрографическое судно «Горизонт» и корпуса недостроенных двух тральщиков и сетевого заградителя.

К утру 2 июля в районе бухт Камышовой и Казачьей, 35-й батареи и Херсонесского полуострова собралось 50–60 тысяч красноармейцев и краснофлотцев. Большинство из них сохранило личное оружие, и были даже две боеспособные пушки – 45-мм и 76-мм. Немцы интенсивно атаковали плацдарм последних защитников Севастополя, однако в течение дня им удалось продвинуться лишь не несколько сот метров. Отдельные группы бойцов пытались прорваться в направлении Балаклавы и уйти к партизанам, но удалось это лишь нескольким десяткам человек. Остальные же надеялись на помощь с моря.

Согласно сводке о поступлении личного состава частей РККА и РККФ из Севастополя за 2–7 июля 1942 г. по состоянию на 12 часов 7 июля: 4 июля прибыло из Севастополя на СКА-082 – 108 человек, на СКА-0108 – 90 человек, на СКА-019 – 79 человек, на СКА-038 – 55 человек, в том числе 39 человек начсостава, на подводной лодке «М-112» – 8 человек.

На переходе из Новороссийска в Севастополь 2 июля при невыясненных обстоятельствах погибли сторожевые катера СКА-021 и СКА-0112.

А бои у мыса Херсонес продолжались. Бойцы и командиры все еще надеялись на приход наших кораблей. Предоставлю слово противнику – князю Боргезе: "9 июля. Бой за форт Горки. [Как уже говорилось, немцы и итальянцы называли башенные батареи № 30 и № 35 фортами Максим Горький I и Максим Горький II – *А. Ш.*] Мы его не скоро забудем. Полковник Бебер после боя сказал мне, что даже во время первой мировой войны он не видел таких разрушений в Вердене.

Форт Горки у мыса Фиолент после падения Севастополя оставался последним очагом сопротивления русских… Наши сторожевые и торпедные катера получили приказ принять участие в штурме, т. е. заблокировать выходы из форта. В море вышли 4 наших катера, экипажи которых были вооружены автоматами и ручными гранатами. Маленькая группа из 8 отважных моряков проникла с моря в галереи. Поднятый ими шум, стрельба из автоматов и взрывы гранат ввели застигнутых врасплох обороняющихся в заблуждение относительно количества атакующих, что помогло немцам сломить упорную оборону противника.

В результате участия наших моряков в штурме были захвачены в галереях форта 80 военнопленных".

Бои у мыса Херсонес продолжались до 12 июля включительно.

А теперь процитирую «Хронику…»: «Два МБР-2, вылетавшие в район Севастополя в ночь на 3 июля с целью эвакуации личного состава СОРа, задания не выполнили из-за того, что ночной старт не был выложен, и Казачья бухта обстреливалась пулеметным огнем противника. По сообщению экипажей этих самолетов, южнее Херсонесского маяка в районе новой пристани, у берега наблюдалось большое скопление людей. С берега сигнализировали фонарями, давали красные и белые ракеты. У береговой черты стояли один сторожевой катер МО и несколько шлюпок. В районе башенной батареи № 35 наблюдались взрывы артиллерийских снарядов. Дневная воздушная разведка, проведенная в районе Севастополя, оказалась безрезультатной из-за неблагоприятных метеорологических условий». [316]

Обратим внимание на последнюю фразу официального источника. Разведчики Пе-2 не могли видеть даже наземные объекты. Сложные метеорологические условия были в последующие дни.

Вот опять цитата из «Хроники…» за 5 июля: «Ночью на 5 июля три СБ и семь МБР-2 бомбардировали торпедные катера противника в порту Ялта».

Из-за метеорологических условий один СБ ушел к Керчи и бомбил ее, а два МБР бомбили Феодосию. Два МБР вообще вернулись, не найдя целей.

Самолеты ДБ-3 поставили в районе Северной бухты в Севастополе шесть английских мин типа A-IV и сбросили бомбы. Участвовало 8 самолетов, но 2 из них из-за неблагоприятных метеоусловий вернулись на аэродром, не сбросив бомбы. [317]

Последние 6 сторожевых катеров вышли из Новороссийска в Севастополь 5 июля в 2 ч. 30 мин. В 23 ч. 30 мин. СКА-088 и СКА-0108, согласно донесению командира звена Скляра, прибыли в район Херсонесского полуострова. В полночь они прошли 10-узловым ходом в 100 метрах от берега, который непрерывно освещался ракетами. Стрельбы не было слышно. В 00 ч. 11 мин. 6 июля катера подошли к берегу на 50 м, тут же с берега по ним открылся пулеметный огонь. Катера ответили пушечно-пулеметным огнем и поставили дымзавесу, сбросив в воду морскую дымовую шашку, одновременно прекратив огонь по берегу. По сброшенной шашке был открыт шрапнельный огонь с берега. Людей на берегу не было видно, и в 1 час ночи катера развернулись и пошли в Новороссийск. В 4 ч. 55 мин. с катеров была обнаружена шлюпка с 12 красноармейцами. В 13 ч. 42 мин. катера прибили в Новороссийск.

Звено сторожевых катеров старшего лейтенанта Шербины в точке с

координатами ш = 44°23,1ў, д = 33°21,6ў взяли на борт 7 человек, плывших в кузове автомашины на автомобильных камерах. В 00 ч. 09 мин. 6 июля катера прошли траверз мыса Фиолент в 2–2,5 милях от него. В 00 ч. 53 мин. катера подошли на четверть кабельтова к пристани 35-й батареи. С берега начался ружейный обстрел. В 00 ч. 57 мин. с катера заметили на берегу белые проблески и легли курсом на них. Подошли к Херсонесскому маяку на 1,5 кабельтова и были обстреляны артиллерийским и ружейным огнем. На катерах остановили моторы для прослушивания. Пройдя правее маяка на 25–50 м, людей на берегу не заметили. В 1 час 05 мин. катера под непрерывным обстрелом пошли вдоль берега до 35-й батареи в 40–50 м от берега. В 1 час 10 мин. на катерах снова заглушили моторы и стали звать голосом людей с берега и дали белую ракету. В 1 час 35 мин. снова осмотрели берег. Обстрел катеров продолжался. Людей ни на берегу, ни на воде видно не было. В точке с координатами ш = 44°32,4ў, д = 33°25,2ў катера подобрали трех человек с плота, которые сообщили, что на берегу осталось около двух тысяч человек, попрятавшихся в камнях и по пещерам. Противник обстреливал людей под берегом.

Хотя катера и подверглись атаке самолетов противника, все они благополучно прибыли в Новороссийск в 21 час 30 мин. 6 июля.

Тут сразу возникает множество вопросов. Почему неблагоприятные метеоусловия не позволили нашим бомбардировщикам бомбить даже площадные береговые объекты, а немцам, якобы, метеоусловия не мешали бомбить быстроходные маневренные корабли? Почему группы сторожевых катеров с ходом до 26 узлов, вооруженные двумя 45-мм пушками 21К, успешно вели эвакуацию из Севастополя, а лидеры и эсминцы проектов 7 и 7У с ходом 35–40 узлов и с куда лучшим зенитным вооружением не могли участвовать в спасении людей и заодно поддержать защитников Херсонеса огнем своих 130-мм орудий?

К 4 июля 1942 г. в составе Черноморского флота находились: 1 линкор, 4 крейсера, 1 вспомогательный крейсер, 1 лидер, 7 миноносцев, 2 СКР (малых миноносца), 10 базовых тральщиков, 65 торпедных катеров, 41 подводная лодка, 1 речной монитор, 10 канонерских лодок, 7 бронекатеров. (Наши бронекатера и в 1941 г., и в 1944 г. неоднократно ходил у берегов Крыма, причем осенью и весной, а тут было лето и спокойное море.)

Кроме того, имелись многие десятки сторожевых катеров специальной постройки, десятки мобилизованных судов, сторожевых кораблей, тральщиков и т. д. И вся эта армада бездействовала, когда гибли тысячи защитников СОРа!

В мае 1961 г. в Севастополе проходила военно-историческая

конференция, посвященная 20-летию начала героической обороны Севастополя. Там выступал Ф.С. Октябрьский, получивший в 1958 г. (!) звание Героя Советского Союза. Он сказал: «Товарищи, обстановка тогда сложилась трудная… В этих условиях встал вопрос, как быть? Если эвакуировать армию, то были бы потеряны армия и флот, оказавшийся сильно преуменьшившимся из-за потерь в боях. В конечном счете была потеряна армия, но сохранен флот». [318]

Разумеется, тогда никто не возмутился речам адмирала, явно пародировавшим слова Кутузова, сказанные в 1812 г. Но тогда врагу была оставлена горящая, а главное, пустая Москва! В 1812 г. была сохранена армия, которую в тогдашних условиях можно было воссоздать не менее чем за 5 лет. А тут на убой немцам было оставлено свыше 100 тысяч закаленных в боях бойцов, которые могли не пустить немцев на Кавказ. А что касается флота, то линкор, крейсера, эсминцы и даже канонерские лодки не сыграли, по воле тех же адмиралов, никакой роли в последующих боях. В то же время наша промышленность в 1942–1943 гг. сдала флоту сотни бронекатеров, торпедных и сторожевых катеров и т. д. Сотни катеров тех же типов нам поставили союзники. Причем, они были лучше на порядок их советских довоенных аналогов – более мореходными и имели скорострельные зенитные автоматы, наши и импортные, РЛС и т. д. Причем, при необходимости не только новые катера, но и старые катера, и подводные лодки типа «М» легко перебрасывались по железной дороге на Черное море.

Летом 1942 г. судьбу Черного моря решали сухопутные силы и базы. И если бы тогда удалось отстоять Севастополь, немцы не проникли бы на Кавказ, и ход войны мог кардинально измениться. При этом были оправданы любые потери кораблей. Даже если бы погибло 90 % кораблей и катеров Черноморского флота, эти потери были легко восполнимы в течение последующих 3–4 месяцев. (Понятно, речь идет об общей мощи флота, включая авиацию, торпедные катера, подводные лодки, десантные корабли и т. д. Естественно, линкор на Черное море перевести было нельзя, да и особой нужны в этом не было.)

Этого не мог не понимать адмирал Октябрьский ни в 1942 г., ни в 1961 г. По данным Г.И. Ванеева всего за период с 1 по 10 июля в порты Кавказского побережья было доставлено 1726 бойцов СОРа, а убито или взято в плен было 130 125 человек. [319] Различные немецкие источники указывают число пленных 90-100 тыс. человек. Судя по всему, правы немцы, а не Ванеев. В сводках, предоставляемых военными, наверняка не указывались тыловые подразделения, местные подразделения и т. д.

Сообщение же Совинформбюро об оставлении Севастополя от 3 июля 1942 г. было верхом лжи и цинизма: "Сколь успешно выполнил севастопольский гарнизон свою задачу, это лучше всего видно на следующих фактических данных. Только за последние 25 дней штурма севастопольской обороны полностью разгромлены 22, 24, 28, 50, 132 и 170-я немецкие пехотные дивизии и четыре отдельных полка, 22-я танковая дивизия и отдельная мехбригада, 1, 4, 18-я румынские дивизии и большое количество частей из других соединений…

Советские войска потеряли с 7 июня по 3 июля 11 385 чел. убитыми, 21 099 – ранеными, 8300 – пропавшими без вести, 30 танков, 300 орудий, 77 самолетов. Бойцы, командиры и раненые из Севастополя эвакуированы". [320]

То есть все штурмовавшие Севастополь германские части уничтожены, а наши части благополучно эвакуированы на Кавказ.

1 июля Гитлер за взятие Севастополя присвоил генерал-полковнику Манштейну чин генерал-фельдмаршала. Манштейна завалили подарками, в том числе и от представителей династии Гогенцолеров. Среди них был и оригинальный подарок. Манштейн писал: «Один русский священник, бежавший от большевиков во Францию и живший теперь в Виши, прислал мне толстую трость. Она была изготовлена из узловатой виноградной лозы, в набалдашник был вделан топаз, а на узком металлическом кольце стояла надпись на русском языке. В письме священник писал, что его дед во время Крымской войны, будучи командиром полка, участвовал в обороне Севастополя. Он был тяжело ранен в ногу, и солдаты его полка сделали ему эту трость. Обрадованный тем, что я занял Севастополь и освободил Крым от большевиков, он, священник, захотел послать мне эту трость в знак благодарности». [321]

Глава 19 Почему же пал Севастополь?

В течение тридцати послевоенных лет падение Севастополя и пленение почти 100 тысяч закаленных в боях солдат и матросов наши историки объясняли многократным превосходством сил фашистов.

Но, увы, в конце 1980-х годов выяснилось, что никакого превосходство сил у Манштейна не было. Наоборот, к концу июня 1942 г. части 11-й армии понесли огромные потери. Так, по состоянию на 29 июня Манштейн запросил 60 тысяч человек маршевого пополнения для своей армии.

Но, увы, более чем 100 тысячам защитникам СОРа нечем было стрелять. Зенитные батареи прекратили огонь, и германские самолеты на малых и сверхмалых высотах безнаказанно обстреливали наши войска.

Тем не менее, до сих пор наши официальные историки предпочитают помалкивать о вывозе Октябрьским из Севастополя боеприпасов и зенитных орудий. Доходит до утверждений, что, мол, завоз в Севастополь боеприпасов для береговой артиллерии все равно бы ничего не дал, мол, стволы орудий и так были расстреляны.

Вот, к примеру, профессор Военно-морской академии, сам в прошлом флагманский артиллерист соединения крейсеров проекта 68 бис, в своей монографии скрупулезно указывает нормы износа орудий: 152–370 выстрелов, 130–340 выстрелов и т. д.

Риторический вопрос, а как 130-мм железнодорожные транспортеры в осажденном Ленинграде выпускали по много тысяч снарядов?

Как-то неприлично мне, старшему лейтенанту запаса, напоминать капитанам 1 ранга и адмиралам, что морские орудия, выпущенные после 1937 г., имели лейнеры, которые легко заменялись на кораблях и батареях даже в бою силами личного состава. Кроме того, я уже писал, что уменьшенные, к примеру, половинные заряды увеличивают живучесть стволов в несколько раз, что при обороне Севастополя высокая точность, как при стрельбе по морским целям на дистанцию 25–35 км, не нужна, и, соответственно, критерии живучести стволов совсем иные.

Об отсутствии крупнокалиберных орудий навесного боя (гаубиц и мортир) в Севастополе наши официальные историки также предпочитают помалкивать. А ведь именно германские мортиры, а не авиация решили исход борьбы за крепость.

Зато любимой темой титулованных флотских историков стал подсчет и анализ морских перевозок из портов Кавказа в Севастополь. Приводится

численность потопленного тоннажа и соответственно обосновывается невозможность снабжения осажденного Севастополя. Вроде бы все верно.

Но единственной причиной резкого уменьшения объема перевозок и потерь тоннажа указываются лишь действия противника. О собственных минных постановках умалчивается или говорится вскользь, хотя именно свои мины, а не вражеская авиация, были главной опасностью для нашего судоходства в течение всей (!) осады Севастополя.

Итак, из-за собственных мин и ударов люфтваффе была потеряна значительная часть транспортов. Но еще оставались большие транспорты и сотни малых паровых и моторных плавсредств – шхун, рыболовных сейнеров, грузовых и речных каботажных пароходов Черноморского и Азовского пароходств и т. д. Их-то почему нельзя было использовать для доставки грузов и эвакуации людей из Севастополя? Ведь море было тихое.

Наконец, куда наши адмиралы подевали лучшие транспортные суда Черноморского флота? Поскольку об этом «лампасники» предпочитают помалкивать, придется рассказать поподробнее, дабы в очередной раз избежать обвинений в «очернительстве».

Лучший пассажирский лайнер на Черном море – «Сванетию» – решили превратить в… плавбазу для шпионов. До войны «Сванетия» (водоизмещение 5050 т, 244 каютных места), обслуживала пассажирскую линию Одесса – Ближний Востока. Война застала лайнер у входа в Дарданелльский пролив, но, как следует из наших официальных источников, его якобы задержали в Стамбуле турки и не выпускали до конца февраля 1942 г. Это дикая чушь. Задерживать пассажирский лайнер вопреки всем международным конвенциям турки не могли, это был бы «казус белли» как для СССР, так и для Англии. В ходе войны турки пропускали через Проливы суда.

Согласно воспоминаниям наших дипломатов, «Сванетия» в Стамбуле использовалась в качестве плавгостиницы для советских дипломатов, покинувших Германию, а в феврале 1942 г. лайнер привез в Поти «последнюю группу дипломатов». И эта версия выглядит неубедительно. На самом деле, последняя группа сотрудников советских посольств и консульств была переправлена в СССР через Карс в начале августа 1941 г., а посол Деканозов и дипломатический бомонд еще раньше сели на железнодорожном экспрессе Стамбул – Анкара, а затем самолетом перелетели в СССР.

Фактически же «Сванетия» стала в Стамбуле плавучим филиалом Лубянки. В первые же дни пребывания там с корабля списали и отправили в Союз несколько десятков моряков. Само собой разумеется им быстро

нашли достойную замену. «Сванетия» была базой для шпионских и террористических операций, а штабом – советское консульство в Константинополе.

В конце лета 1941 г. вся наша шпионо-дипломатическая команда была брошена на подготовку к покушению на посла Германии в Турции. Вообще говоря, убивать послов, даже в ходе войны, было не принято, но тут был особый случай. Германский посол Франц фон Папен принадлежал к древнему аристократическому роду, истоки которого теряются в веках. Во всяком случае, в конце XV века его предок Вильгельм фон Папен был владельцем больших поместий.

Осенью 1913 г. 34-летний офицер Генштаба фон Папен по личному указанию кайзера назначен военным атташе в США. В 1915 г. его высылают из Америки за шпионаж. В годы Первой мировой войны он становится близким другом капитана Канариса, будущего адмирала и руководителя Абвера. В начале 30-х годов фон Папен получает пост вице-канцлера Рейха, затем едет послом в Австрию. Он играл не последнюю скрипку в приходе к власти Гитлера и в Аншлюсе (мирном присоединении Австрии к Германии).

В апреле 1939 г. Гитлер назначает фон Папена послом в Турции. С началом Второй мировой войны новый посол по указанию фюрера налаживает связи с британскими и американскими дипломатами. Цель этих контактов – заключение сепаратного мира.

О стремлении Гитлера захватить весь мир нам твердили со школьной скамьи. И действительно, штурмовики горланили: «Сегодня нам принадлежит Германия, а завтра – весь мир!» Но мало ли кто что напевал. Вон «Весь мир насилья мы разрушим до основанья» начали петь во Франции, когда Володя Ульянов исправно учил латынь в гимназии. А Гитлер фактически сразу после окончания польской кампании искал пути к миру.

Британские аналитики уже в 1939–1941 гг. прекрасно понимали, что в случае полного разгрома Германии СССР будет господствовать в Европе. Единственная альтернатива этому – сепаратный мир. Но Гитлер – весьма одиозная фигура в качестве партнера по переговорам. А тут под рукой бывший вице-канцлер (второе лицо в государстве, свой среди Абвера, дипкорпуса и оппозиционных фюреру генералов вермахта).

В итоге Папену пришлось в Анкаре играть тройную игру – посла, тайного посланника Гитлера и представителя оппозиции. Основными партнерами в игре были американский и британский послы и нунций Ватикана. Замечу, что папа Пий XII, как и фюрер, послал в Турцию не

простого попа, а талантливого дипломата и «аппаратчика» Джузеппе Ронкали. После войны Ронкали сменит Пия XII и станет папой Иоанном XXIII.

Ватикан в течение всей войны играл ключевую роль в сепаративных переговорах. Как-то на встрече со Сталиным Черчилль упомянул о числе дивизий Англии и США. Сталин совершенно серьезно спросил: «А сколько дивизий у Ватикана?», намекая на непомерное политическое влияние и амбиции «престола Св. Петра».

И вот в Москве решили убрать потенциального главу Третьего рейха.

Вскоре в Стамбуле появились простые советские люди – вице-консул Павлов и журналист-международник Леонид Наумов. «В миру» они были известными террористами Георгием Ивановичем Мордвиновым и Наумом Исааковичем Эйтингоном. Последний недавно вернулся из Мексики, где организовал убийство Льва Троцкого.

Первоначально покушение на фон Папена было намечено произвести в театре. Его должна была застрелить «спортсменка, комсомолка и просто красавица» Муза Малиновская. Однако журналист Наумов влюбился в Музу и, видимо, поэтому провалил операцию. В конце концов, в качестве террориста решили использовать 26-летнего болгарина, имя которого скрывается до сих пор. Известно лишь, что он учился в Стамбульском университете под именем македонца Омера.

По советской версии, болгарин прекрасно стрелял из пистолета, что проверили сотрудники консульства, но почему-то для покушения решили использовать безоболочную бомбу, изготовленную опытным взрывотехником НКВД Тимашковым. Сразу после взрыва бомбы к месту убийства должен был подъехать мотоциклист, взять Омера и умчаться на полной скорости.

Вечером 20 февраля 1942 г. скорый поезд Стамбул-Анкара уносит в турецкую столицу вице-консула Павлова и студента Омера. По случайному совпадению на следующий день «Сванетия» поднимает якоря в Босфоре и вместе с «советскими дипломатами» отправляется на родину. Лайнер старательно прижимается к турецкому берегу и лишь в 12 ч. 10 мин. 23 февраля швартуется в порту Поти, где его ожидает кавалькада черных «эмок».

Через 22 часа фон Папен с женой шел пешком по бульвару Ататюрка, направляясь в германское посольство. Он был крайне пунктуален и в одно и тоже время показывался на бульваре. По версии наших спецслужб, болгарин подошел к чете Папенов, достал бомбу и пистолет, привел взрыватель в действие, но так и не бросил ее.

Бомба, как уже говорилось, была безоболочной и не дала осколков, зато от болгарина остались лишь клочья мяса и башмак на дереве. Взрывная волна сбила чету Папенов с ног, но супруги отделались лишь легкой контузией. Ехавший мимо мотоциклист остановился. В этот момент Папен, лежавший на земле, поднял руку, и мотоциклист начал оказывать ему помощь.

На мой взгляд, версия наших спецслужб более чем неудачна. Если мотоциклист был советским агентом, то он мог застрелить, ударить ножом или даже ребром ладони по горлу Папена, благо, тому было 62 года, и умчаться на мотоцикле. Парень же стал оказывать первую помощь и дождался приезда полиции. Позже на следствии он был привлечен лишь как свидетель. Наконец, почему сейчас не называется его настоящая фамилия и почему он не получил советских наград.

Турецкая полиция и сам фон Папен в мемуарах дают иную версию покушения. Болгарин должен был застрелить посла из пистолета, а затем взвести взрыватель устройства, которое, как ему объяснили, было не бомбой, а дымовой шашкой, что помогло бы ему скрыться. Парень решил подстраховаться и почти одновременно нажал на спусковой крючок пистолета и взрыватель шашки. Если бы он выстрелил на полсекунды раньше, посол был бы убит. Но, в любом случае, террорист вознесся бы на небеса. Мотоциклист же на бульваре Ататюрка оказался случайно. Покойникам мотоциклы не нужны.

Но и без «Сванетии» московские адмиралы Кузнецов, Исаков и К *о* решили, что торгового тоннажа на Черном море в избытке. Они крепко задумались, куда бы вывести самые новые и крупные суда. На Север? На Тихий океан? Ну а Октябрьский не спорил, а «взял под козырек». Это после войны адмиралы будут плакаться в своих мемуарах о нехватке тоннажа для снабжения Севастополя.

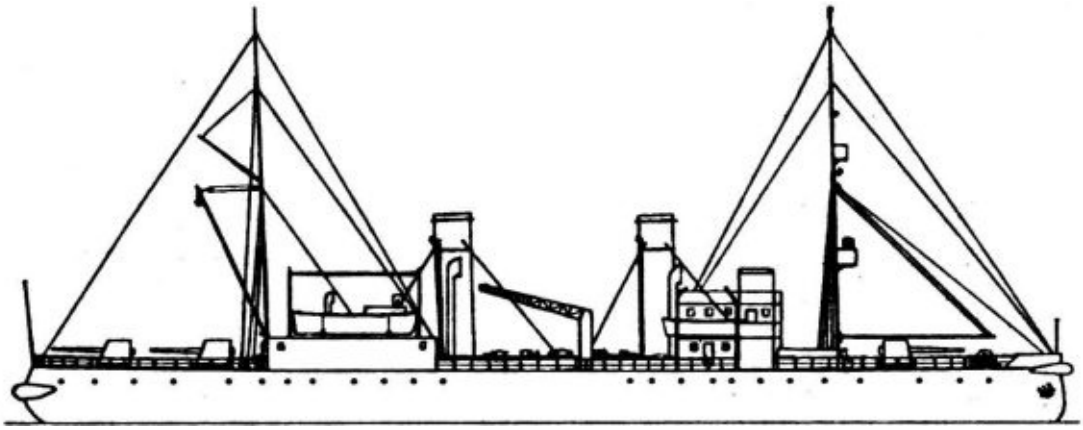
Допускаю, что Октябрьский мог не знать о соглашениях с союзниками о передаче десятков больших транспортных судов СССР. А в Москве-то Кузнецову и Исакову это было прекрасно известно. Нетрудно было догадаться, что транспорты типа «Либерти» и другие водоизмещением в 10 тысяч тонн попадут на Север и Тихий океан, но никак не на Черное море.

И вот принимается решение о переводе через турецкие проливы ледокола «Микоян» и танкеров «Сахалин», «Туапсе» и «Варлаам Аванесов».

Что же это были за корабли?

Линейный ледокол «Микоян» (до 1938 г. он назывался «О.Ю. Шмидт») был заложен в Николаеве в ноябре 1935 г. Его полное водоизмещение 11

242 т, скорость 15,5 уз., дальность плавания 6000 миль. Ледокол, естественно, строился не для Черного моря, а для Арктики. К 22 июня 1941 г. ледокол достраивался на плаву. 28 июня он был зачислен в списки Черноморского флота как вспомогательный крейсер. На нем установили пять 130-мм, четыре 76-мм пушки и четыре 7,62-мм пулемета. «Микоян» несколько раз обстреливал позиции германских войск под Одессой. **(Сх. 51)**

Ледокол «А. Микоян»

Танкеры были построены непосредственно перед войной. Водоизмещение их составляло около 10 тыс. т, а скорость хода 12–13 узлов. «Микоян» был разоружен в Поти, а 25 ноября в 3 ч. 45 мин. ледокол, транспорты «Сахалин», «Аванесов» и «Туапсе» в сопровождении лидера «Ташкент», эсминцев «Способный» и «Сообразительный» вышли из Туапсе в море. Конвой вышел в открытое море, взяв курс на Босфор. 30 ноября, выдержав в пути жестокий шторм, подошли к турецкому берегу. Здесь боевые корабли пожелали танкерам и ледоколу «счастливого плавания» и повернули назад. В Константинополе танкеры передали нефть туркам. Видимо, это было платой за проход через Проливы. Всем четырем кораблям удалось благополучно выйти в Эгейское море.

«Микоян» спустя девять месяцев после выхода из Туапсе, 9 августа 1942 г., пройдя 25 000 миль, вошел в советские территориальные воды – Анадырский залив.

Танкер «Варлаам Аванесов» был потоплен 19 декабря 1941 г. германской подводной лодкой U-652 у мыса Баба примерно в 70 км от Дарданелл. Танкеру «Туапсе» также не удалось достичь родных берегов – 4 июля 1942 г. в Юкатанском заливе его торпедировала подводная лодка U-129.

Итак, половина советских судов, уведенных из Черного моря, были потоплены, а два других выведены из войны почти на год.

Несколько иностранных судов 22 июня 1941 г. были застигнуты войной в портах Черного моря. Согласно сложившейся международной практики, СССР мог реквизировать их и использовать в военных целях. Так поступали Англия в 1914 г. и 1939 г. и Россия в 1914 г. (на Балтике и Черном море). Однако московские адмиралы решили иначе – слишком много транспортов оказалось на Черном море, и их тоже отправили в Средиземное море. Танкер «Ойлшипнер» прошел Босфор под панамским флагом, но за Дарданеллами был поврежден вражеским самолетом, и ему пришлось интернироваться в Турции. Малому же греческому пароходу «Агхиос Георгиос» удалось дойти до Кипра.

Любопытная картина получается: с 23 марта 1942 г. и до падения Севастополя немцы утопили шесть наших транспортов («Чапаев», «Сванетия», «Громов», «Абхазия», «Грузия», «Белосток») общим водоизмещением 21 773 тонн. И это наши историки-лампасники считают катастрофой и поводом для прекращения движения транспортов в Севастополь. [322] А вот увод московскими адмиралами с Черноморского театра военных действий шести транспортных судов общим водоизмещением 42 574 тонны, то есть в два раза большего тоннажа, наши историки даже не заметили. Так, божья роса…

Итак, наши бравые адмиралы вывезли из Севастополя большую часть боеприпасов, зенитной артиллерии и медперсонала, потопили на своих минах и увели через Проливы большую часть транспортов. Что можно было сделать еще для падения Севастополя?

Наши адмиралы бросили на произвол судьбы свыше 100 тысяч защитников Севастополя. А сейчас наши военные историки оправдывают их, мол, был приказ защищать Севастополь до конца, а адмиралы – люди военные и должны скрупулезно выполнять приказ. Это передергивание карт рассчитано на людей, мало знакомых с военной историей. В любой наступательной или оборонительной операции разработка планов отхода является обязанностью (!) штабных офицеров. А лозунг «Ни шагу назад!» предназначен для рядовых и младшего комсостава.

Характерный пример, в начале 1944 г. Гитлер многократно отдавал приказ защищать «крепость Крым» до последнего солдата. Аналогичные приказы отдавало и командование германской 17-й армии в Крыму. А тем временем в штабе армии тщательно разрабатывался план «Леопард» – эвакуация германских сил с полуострова. В итоге в ходе эвакуации немцы вывезли из Крыма 151 тысячу солдат из 230 тысяч находившихся в строю к началу вторжения Красной Армии в Крым. Кроме того, были эвакуированы несколько тысяч румын, крымских татар и лиц иных национальностей.

В 1942 г. у Октябрьского была реальная возможность устроить второй Дюнкерк и эвакуировать из Севастополя большую часть его защитников. Для этого нужно было использовать все находившиеся в строю корабли, катера и подводные лодки Черноморского флота, а также сотни плавсредств гражданских ведомств. Еще в 1941 г. с Дуная, Днепра и Дона в порты Кавказа были выведены десятки паровых и моторных судов.

В конце июня – начале июля 1942 г. стояла облачная, но тихая погода, и побережья Крыма без проблем могли достичь даже моторные баркасы, речные колесные пароходы, рыболовные сейнеры и т. д., то есть все «а ля Дюнкерк». Замечу, что в штормовом марте 1944 г. наши адмиралы рискнули отправить вдоль берегов Крыма речные бронекатера, причем, из-за сильного шторма погиб лишь один катер.

Артиллерия кораблей и фортов внесла существенный, а, на мой взгляд, и решающий вклад в оборону Ленинграда. Аналогично, форты и артиллерия кораблей могли надежно защитить Севастополь и существенно изменить ход войны. Главная разница была в рельефе местности. Как уже говорилось, для защиты Ленинграда было достаточно дальнобойных пушек, а в Севастополе крайне необходимо было иметь как минимум два-три десятка гаубиц и мортир калибра 203–280 мм, которые, как известно, находились на вооружении тыловых войсковых округов и на складах.

Есть ли вина Верховного главнокомандующего? Безусловно, есть, и немалая. Он слишком доверял московским адмиралам. В ходе войны Сталин не захотел «менять лошадей на переправе». Но после войны он сам вместе с руководством иных ведомств, без адмиралов, решал вопросы перевооружения ВМФ. О создании ядерного и ракетного оружия, строительстве первой атомной подводной лодки наши адмиралы узнавали спустя многие месяцы после начала работ.

Что же касается наших артиллеристов и младшего комсостава, то они честно выполнили свой долг под Ленинградом и Севастополем. Русский Бог войны оказался сильнее германского.

Список старых и новых названий населенных пунктов, встречающихся в книге

Ленинград и Ленинградская область

Ваммелсуу – Серово, Ленинград
Ваммелсуу – Молодежное
Келломяки – Комарово, Ленинград
Кивеннапа – Первомайское, Выборгский р-н
Койвисто – Приморск, Выборгский р-н
Красногвардейск – Гатчина, Гатчинский р-н
Куоккала – Репино, Ленинград
Метсякюля – Молодежная, Ленинград
Мустамяки – Горьковское
Оллила – Солнечное, Ленинград
Перкярви – Кирилловское, Выборгский р-н
Перкярви – Кирилловское, Выборгский р-н
Райвола – Рощино, Выборгский р-н
Симола – Васкелово, Выборгский р-н
Слуцк – Павловск
Тайпале – Соловьево Выборгский р-н
Териоки – Зеленогорск, Ленинград
Урицк – Красносельский р-он к западу от Лигово (не существует)
Ханхайоки – Брусничное, Выборгский р-н
Хумалиоки – Ермилово, Выборгский р-н

Севастополь и Крым

18 мая 1948 г. Президиум Верховного Совета РСФСР издал указ о переименовании в Крыму 1115 населенных пунктов

Аджи-Булат – Угловое, Бахчисарайский р-н
Ай-Тодор – Гористое (не существует)
Ак-Манай – Каменское
Ак-Мечеть – п. г.т. Черноморское
Аранчи – Суворово, Бахчисарайский р-н
Ашога-Джамин – Горьковское
Байдары – Орлиное, Севастопольский р-н
Бартеньевка – Северная сторона г. Севастополь
Бельбек – Фруктовое, Севастопольский р-н
Бельбек (станция) – Верхнесадовая (станция)
Биюк-Мускомья – Широкое, Севастопольский р-н
Биюк-Отаркой – Фронтовое, Севастопольский р-н
Биюк-Таракташ – Дачное, Судакский р-н
Бия-Сала – Верхоречье, Бахчисарайский р-н
Буденовка – Северная сторона г. Севастополь
Варнутка – Гончарное, Севастопольский р-н
Гаджикой – Пироговка, Севастопольский р-н
Дуванкой – Верхнесадовое, Севастопольский р-н
Ени-Крымчак – Новый Крым
Заланкой – Фронтовое
Кадыковка – Пригородное (вошло в Балаклаву)
Камары – Оборонное, включено в с. Первомайское Кировского р-на
Камбары – Степное
Камышлы – Дальнее, Севастопольский р-н
Каранки – П. Герои Сиваша
Карасубазар – Белогорск, Белогорский р-н
Кенегез – Красногорка, Ленинский р-н
Коккозы – Соколиное, Бахчисарайский р-н
Курман-Кемельчи – П.г.т. Красногвардейское
Кучук-Мускомья – Резервное, Севастопольский р-н
Мамашай – Орловка, Севастопольский р-н
Мангуш – Прохладное, Севастопольский р-н
Мекензия (хутор) – 2-й кордон Мекензиевого лесничества,

Севастопольский р-н

- Менгермен – Лоховка
- Новые Шули – Штурмовое, Севастопольский р-н
- Новый Букеж – Обрывное
- Оттузы – Шебетовка, Судакский р-н
- Саватка – Россощанка, Севастопольский р-н
- Салы – Грушевка, Судакский р-н
- Сарабуз – Гвардейское, Симферопольский р-н
- Сараголь – ст. Айвазовская, Феодосийский р-н
- Саргил – Лучевое
- Сюрень – Сирень, Бахчисарайский р-н
- Таганаш – Соленое Озеро, Джанскойский р-н
- Тайган – Озерное
- Тюп-Джанкой – Предмостное, Джанскойский р-н
- Узенбаш – Хворостянка (не существует)
- Улу-Сала – Зеленое
- Уппа – Родное, Севастопольский р-н
- Уржин – Смушкино, Красноперекопский р-н
- Фрайдорф – Новоселовское, Евпаторийский р-н
- Хайто – Тыловое, Севастопольский р-н
- Черкез-Кермен – не существует
- Чоргунь Верхний – Чернореченское, Севастопольский р-н
- Чоргунь Нижний – Чернореченское, Севастопольский р-н
- Шули – Терновка, Севастопольский р-н

Эфендикой – Айвовое, Севастопольский р-н

Форты Кронштадта

Красная Горка – Краснофлотский – КФ, Ф
Серая Лошадь – Красногвардейский – Л
Риф – Комсомольский – Р
Обручев – Красноармейский – О
Тотлебен – Первомайский – П

Список сокращений

АД – артиллерийский дивизион

АНИМИ – Артиллерийский научно-исследовательский морской институт

АУ – Артиллерийское управление

БМ – большой мощности

ВНОС – посты воздушного наблюдения, оповещения и связи.

ВО – военный округ

ГАУ – Главное артиллерийское управление

ГКО – Государственный Комитет Обороны

КБФ – Краснознаменный Балтийский флот

КСБО – Каркинитский сектор береговой обороны

МОЛ – морская оборона Ленинграда

МОЛиОР – морская оборона Ленинграда и озерного района

НИМАП – Научно-испытательный морской артиллерийский полигон

НКП – наблюдательно-корректировочный пост

ОАД – Отдельный артиллерийский дивизион

ОВР ГБ – Охрана водного района главной базы.

ОЖДАБ – Отдельная железнодорожная артиллерийская батарея

ОМ – особой мощности

ПОГ – Приморская оперативная группа

РВГК – Резерв Верховного Главнокомандования

РГК – Резерв Главного командования

СНИС – посты системы наблюдения и связи

СОР – Севастопольский оборонительный район

Список использованной литературы

Азаров И.И. Осажденная Одесса, М.: Воениздат, 1962

Артиллерия в наступательных операциях Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1961

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Книги I, II. М.: Воениздат, 1958–1961

Балакин С.А. «Гремящий» и другие. Эскадренные миноносцы проекта 7. Морская коллекция № 2/1996

Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940–1941 гг. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005

Барышников Н.И. Блокада Ленинграда и Финляндии 1941–1944. СПб. – Хельсинки. 2002

Барышников Н.И. Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг. СПб.: СЗАГС, 2007

Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. М.: Наука, 1987

Басов А.В. Флот в Великой Отечественной войне. М.: Наука, 1980

Батов П.И. В походах и боях. М.: Воениздат, 1974

Бережной С.С. Корабли и суда ВМФ СССР 1928–1945. Справочник. М.: Воениздат, 1988

Бережной С.С. Трофеи и репарации ВМФ СССР. Якутск, 1994

Бешанов В.В. Ленинградская оборона. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005

Боевая летопись военно-морского флота. 1941–1942. М.: Воениздат, 1983

Боевая летопись военно-морского флота. 1943. М.: Воениздат, 1993

Боевой путь советского военно-морского флота, М.: Воениздат, 1974

Боргезе В. Десятая флотилия. М.: Издательство иностранной литературы, 1957

Борьба за Севастополь 1941–1942 гг. Дополнение к докладным запискам об иностранных укреплениях Инспектора инженерных и крепостных войск Вермахта от 1 апреля 1943 г. Берлин, 1943

Брагадин М.-А. Итальянский флот во Второй мировой войне, Екатеринбург, Зеркало, 1997

Брагин В.И. Пушки на рельсах. М., 2006

В катакомбах Аджимушкая: Документы, воспоминания, статьи. 4-е изд. Симферополь, 1982

Ванеев Г.И. Севастополь 1941–1942. Хроника героической обороны. Киев: Украина, 1995

Ванеев Г.И. Черноморцы в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1978

Ванеев Г.И., Ермаш С.Л., Малаховский Н.Д., Стахно С.Т., Хренов А.Ф. Героическая оборона Севастополя 1941–1942. М.: Воениздат, 1969

Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия / Под ред. М.М. Козлова. М.: Советская энциклопедия, 1985

Военная летопись Военно-Морского флота, 1943 / Коллектив авторов. М.: Воениздат, 1993

Ворков С.С. Флаг на гафеле, М.: Воениздат, 1962

Воронин А., Мощанский И. Операция «Искра». Прорыв блокады Ленинграда 12–30 января 1943 г. Военная летопись № 2/2008

Воронов В. И. Последняя ночь Херсонеса. М.: НИЦ «ОВИ», 2004

Вспомогательный флот ЧФ России. Симферополь: Таврида, 2004

Вторая мировая война 1939–1945 / Под ред. С.П. Платонова. М.: Воениздат, 1958

Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. Том 3. От начала восточной кампании до наступления на Сталинград (22.06.1941-24.09.1942), М.: Воениздат, 1971

Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993

Демидов В.И. Снаряды для фронта. Л-д.: Лениздат, 1985

Емельянов Л.А. Советские подводные лодки в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1981

Ерошенко В.Н. Лидер «Ташкент». М.: Воениздат, 1966

Жданов Н.Н. Огневой щит Ленинграда. М.: Воениздат, 1965

Залесский К. Кригсмарине. Военно-морской флот Третьего рейха. М.: Яуза, Эксмо, 2005

Зефтиров М.В., Дёгтев Д.М., Баженов Н.Н. Цель – корабли. Противостояние люфтваффе и советского Балтийского флота. М.: АСТ: АСТР МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008

Золотарев В.А., Козлов И.А. Три столетия российского флота. 1914–1941. М.: АСТ; СПб: Полигон, 2004

Иванов В.Б. Тайны Севастополя. Кн. 1. Тайны земные. Севастополь: КИЦ «Севастополь», 2005

Иванов В.Б. Тайны Севастополя. Кн. 2. Тайны подземные.

Севастополь: КИЦ «Севастополь», 2005

История отечественной артиллерии / Под ред. К.П. Казакова. М. – Л-д, 1964

История Севастопольского арсенала / Под ред. В.В. Самсоненко. Севастополь, 1999

Итоги работы артотдела за два года Отечественной войны. Служебный отчет штаба Черноморского флота. Поти, 1943

Карель П. Восточный фронт. Книга 1. Гитлер идет на Восток. 1941–1943. М.: ИЗОГРАФУС, ЭКСМО, 2003

Климов А.Д. Деятельность командования и политорганов Черноморского флота по укреплению береговой обороны в первые месяцы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ленинград, 1967

Кобчиков Е.Ю. Надводные силы Кригсмарине в войне против Советского Союза в 1941–1945 годах. СПб: Галея Принт, 2002

Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград. 1941–1944 гг. / Под ред. В.И. Ачкасова. М.: Наука, 1973

Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне. Статьи и очерки. М.: Наука, 1981

Краснознаменный Балтийский флот в завершающий период Великой Отечественной войны. 1944–1945 гг. / Под ред. В.И. Ачкасова. М.: Наука, 1975

Крым в период Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов / Сост. И.П. Кондранов, А.А. Степанова. Симферополь: Таврия, 1973

Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. М.: Воениздат, 1975

Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. М.: Воениздат, 1971

Курсами доблести и славы. Боевой путь торпедных катеров советского ВМФ / Под ред. В.Н. Алексеева. М.: Воениздат, 1975

Ласкин И.А. На пути к перелому. М., 1977

Литвин Г.А. Смирнов Е.И. Освобождение Крыма. М.: Агентство «КРЕЧЕТ», 1994

Майстер Ю. Восточный фронт. Война на море 1941–1945 гг. М.: ЭКСМО, 2005

Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М.: Воениздат, 1937

Маношин И.С. Героическая трагедия. Симферополь: Таврида, 2001

Манштейн Э. Утерянные победы. М.: АСТ; СПб.: Treea Fantastica, 1999

Мельников П.Е. Залпы с берега. М.: Воениздат, 1971

Моргунов П.А. Героический Севастополь. М., 1979

Морозов М. Воздушная битва за Севастополь 1941–1942. М.: Яуза; Эксмо, 2007

Морозов М. Подводные лодки ВМФ СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Летопись боевых походов. Часть 2. Черноморский флот, М.: Стратегия КМ, 2003

Морской атлас. Т. III. Описание к картам /Под ред. С.Г. Горшкова. М.: Издание Главного Штаба Военно-Морского Флота, 1966

Мощанский И. Штурм «Карельского вала». Выборгско-Петрозаводская стратегическая наступательная операция 10 июня – 9 августа 1944 г. // Военная летопись № 5/2005

Мощанский И., Савин А. Борьба за Крым сентябрь 1941 – июль 1942 г. Военная летопись. ПКВ, 2002

Мунаев Н.А. Вместе с флотом боевым. М.: Воениздат, 1964

Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945.Т. III. М.:Издательство иностранной литературы, 1976

Негода Г.П. «Беспощадный».М.: Воениздат, 1961

Ничик Ю.М., Захар В.Р. Подводные силы Черноморского флота / Под ред. В.А. Краченко, Симферополь: Таврида, 2004

Октябрьская Р. Ф. Штормовые годы: Рассказ об адмирале Ф. С. Октябрьском / Лит. обработка А.С. Мареты. Киев: Политиздат Украины, 1989

От войны к миру. СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. Сборник статей. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006

Пальман Х. 900 дней боев за Ленинград. Воспоминания немецкого полковника. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005

Перекрест Т.П. Не славы ради. М.: Воениздат, 1970

Перечнев Ю.Г. Советская береговая артиллерия. М.: Наука, 1976

Платонов А.В. Господство на Черном море. 1941–1944 гг. Рукопись

Платонов А.В. Трагедии Финского залива. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2005

Платонов А.В. Энциклопедия советских надводных кораблей 1941–1945. СПб: Полигон, 2002

Платонов С.П. Битва за Ленинград. М., 1964

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Книга 3. Европа в первой половине XX в. М.: Международные отношения, 1999

Приложения к хронике Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Выпуск III. Части 1 и 2. М.: Воениздат, 1949

Роскилл О. Флот и война. М.: Воениздат, 1967

Россия и СССР в войнах XX века. Историко-статистическое исследование / Под ред. Г.Ф. Кривошеева, М., 2005

Россия и Черноморские проливы / Под ред. Л.Н. Нежинского, А.В. Игнатьева. М.: Международные отношения, 1999

Россия. XX век. Документы. 1941 год /Сост. Л.Е, Решин и др. М., Международный фонд «Демократия», 1998

Сагоян А.А. Корабельная артиллерия в Великой Отечественной войне. Л-д, 1942

Салыганов И. Морской арсенал на защите Ленинграда. СПб.: ИПК «Вести», 1997

Самсонов А.М. Крах фашистской агрессии 1939–1945. М.: Наука, 1980

Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Под ред. Г.Ф. Одинцова. М.: Воениздат, 1960

Справочник потерь военно-морского и торгового флотов Германии и ее союзников, нанесенных от ВМФ СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., М.: Издание Генштаба, 1957

Справочник потерь военно-морского и торгового флотов Советского Союза Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Издание Генштаба, 1959

Ткаченко В.Ф. Форт «Красная Горка». СПб.: Остров, 2007

Три века Российского флота. В трех томах. / Под ред. И.В. Касатонова, СПБ: LOGOS, 1996

Хаупт В. Группа армий «Север». Бои за Ленинград 1941–1944. М.: ЦЕНТРПОЛИГРАФ, 2005

Хорьков Г.И. Советские надводные корабли в Великой Отечественной войне, М.: Воениздат, 1981

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Выпуск 1. М. – Л-д.: Военмориздат, 1945

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Выпуск 2. М. – Л-д: Военмориздат, 1945

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Выпуск 3. М.: Воениздат, 1947

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Выпуск 4. М.: Воениздат, 1949

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Выпуск 5. М.: Военмориздат, 1951

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Выпуск 6. М.: Военмориздат, 1951

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. М. – Л-д: Управление Военно-морского издательства НКВМФ СССР, 1945

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 2. М.: Военмориздат, 1946

Цветков И.Ф. Гвардейский крейсер «Красный Кавказ». Ленинград: Судостроение, 1990

Цветков И.Ф. Линкор «Октябрьская Революция». Ленинград: Судостроение, 1983

Широкорад А.Б. Битва за Черное море. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005

Широкорад А.Б. Бог войны Третьего рейха. М.: АСТ, 2003

Широкорад А.Б. Великая речная война. 1918–1920. М.: Вече, 2006

Широкорад А.Б. Корабли и катера ВМФ СССР 1939–1945 гг. Минск: Харвест, 2002

Широкорад А.Б. Финляндия – Россия. Три неизвестные войны. М.: Вече, 2006

Широкорад А.Б. Черноморский флот в трех войнах и трех революциях. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007

Широкорад А.Б. Энциклопедия отечественной артиллерии. Минск: Харвест, 2000

Шитиков Е.А., Краснов В.Н., Балабин В.В. Кораблестроение в СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1995

Штаб Российского Черноморского флота (1831–2001) / Под ред. В.П. Комоедова. Симферополь: Таврида, 2002

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны, М., 1975

Эрфурт В. Финская война 1941–1944 гг. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005

Antila O. Suomi suursodassa. Jyvdskylд, 1984, s. 137

Rachtrag zu den Dentfchriften uber fremde Gande&befeftigungen, Berlin, 1943 (Борьба за Севастополь 1941–1942 гг. Дополнение к докладным запискам об иностранных укреплениях Инспектора инженерных и крепостных войск Вермахта от 1 апреля 1943 г.)

Примечания

1

Платонов С.П. Битва за Ленинград. М., 1964.

2

Брагин В.И. Пушки на рельсах. М., 2006. С. 308.

3

Там же. С. 303–305.

4

Орловские В.В. Морская железнодорожная артиллерия в обороне Ленинграда // Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград. 1941–1944 гг. / Под ред. В.И. Ачкасова. М.: Наука, 1973. С. 335.

5

Кроме того, на форту «Красная Горка», как и на других фортах, находились зенитные орудия калибра 37–76 мм, но рассказ о них выходит за рамки монографии, и они упоминаются лишь в особых случаях.

6

Батарея 45-мм пушек 21К показана на северных номерных фортах в виде исключения, на остальных фортах эти батареи не показаны.

7

Часть указанных орудий Северных номерных фортов была установлена уже после начала осады Ленинграда.

8

Таблица составлена по данным: Сагоян А.А. Корабельная артиллерия в Великой Отечественной войне. Л-д, 1942.

9

Подробнее см. Широкорад А.Б. Энциклопедия отечественной артиллерии. Минск: Харвест, 2000.

10

У нас с 1922 по 1940 г. испытывались только фугасные подкалиберные снаряды, а о противотанковых подкалиберных снарядах никто и не думал. Их впервые применили немцы в конце 1941 г. на Восточном фронте.

11

Мельников П.Е. Залпы с берега. М.: Воениздат, 1971.

12

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Выпуск 1. М. – Л-д.: Военмориздат, 1945. С. 119.

13

11 сентября

14

Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. Гитлер идет на Восток. 1941–1943. М.: Изографус, ЭКСМО, 2003. С. 223–224.

15

ЦВМА. Ф. 25. Д. 6943.

16

Жданов Н.Н. Огневой щит Ленинграда. М.: Воениздат, 1965. С. 33.

17

артиллерийской инструментальной разведки – А.Ш.]

18

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Выпуск 1. С. 128.

19

Там же. С. 129.

20

Перечнев Ю.Г. Советская береговая артиллерия. М.: Наука, 1976. С. 104–105.

21

Там же. С. 126.

22

Боголюбов С.А. Ждановцы на переднем крае. Материалы сайта http://www.navy.ru/publications/books/shelf/shipway/shipway3.htm

23

В зимнее время для разогревания стволов первый выстрел делают малым зарядом.

24

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1961. Кн. II. С. 49.

25

Ленинградском

26

Там же. С. 49–50.

27

Жданов Н.Н. Огневой щит Ленинграда. С. 66.

28

артиллерии Ленинградского фронта

29

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. С. 23–25.

30

Корт В.Г. Применение стереофото-грамметрических средств и методов в артиллерийской, минной и гидрографической разведке флота. Материалы сайта http://www.fortification.ru.

31

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной

войны. С. 51.

32

Имелась ввиду трасса зимней дороги через Ладожское озеро, обстрел которой осложнял снабжение города.

33

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. С. 51.

34

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Выпуск 2. (с 1 января по 15 мая 1942 г.). М. – Л-д: Военмориздат, 1945. С. 47–48.

35

Салыганов И. Морской арсенал на защите Ленинграда. СПб.: ИПК «Вести», 1997. С. 39.

36

Фудалей В.С. Моя Ржевка. Материалы сайта http://www.aroundspb.ru/history/poroh/fudaley.php

37

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Выпуск 2. С. 127

38

Там же. С. 130.

39

Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М.: Воениздат, 1937. С. 507.

40

Так, использовать гильзы от 76-мм полковых пушек в дивизионных было можно, а наоборот – нельзя.

41

Любопытно, что крейсер проекта 26бис «Каганович» уже в процессе строительства был переименован в «Лазарь Каганович». Дело в том, что крейсер предназначался для Тихоокеанского флота, а где-то на Дальнем Востоке сидел в лагере Михаил Каганович – родной брат Лазаря. Ну и чтобы народ не путал, было сделано уточнение в названии крейсера.

42

История отечественной артиллерии / Под ред. К.П. Казакова. М. – Л-д, 1964. Т. III. Кн. 8. С. 570.

43

Салыганов И. Морской арсенал на защите Ленинграда. С. 53.

44

Демидов В.И. Снаряды для фронта. Л-д.: Лениздат, 1985

45

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Выпуск 3. Часть 1. М.: Воениздат, 1947. С. 48.

46

Там же. С. 62

47

Там же. С. 76.

48

Форт «Шанц» расположен юго-западе острова Котлин.

49

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Выпуск 3. Часть 1. С. 81.

50

Посты ВНОС – посты воздушного наблюдения, оповещения и связи.

51

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. II. С. 54.

52

Под транспортером понимались орудия и батареи противника на железнодорожных установках.

53

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. II. С. 55.

54

Архив Штаба артиллерии Советской армии. Ф. 1. Оп. 2с. Арх. 17. Л. 117. Отчет штаба артиллерии Ленинградского фронта за апрель-май 1942 г.

55

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. II. С. 56

56

Положение целей 207 и 223 не установлено? А.Ш.].

57

Архив Штаба артиллерии Советской армии. Ф. 1. Оп. 2с. арх. 19. Лл. 163, 164.

58

В мае 1942 г. цель № 233 принималась за двухорудийную батарею, в

июле – за шестиорудийную. Видимо, в первом случае известен был только один ее взвод, а во втором – за одну батарею приняты огневые позиции взводов двух или трех батарей.

59

Артиллерия в оборонительных операция Великой Отечественной войны. Кн. II. С. 65.

60

«Образца 18» вовсе не означает, что мортира принята на вооружение в 1918 г. Так немцы писали, чтоб ввести в заблуждение западные государства, тогда германия выполняла ограничения Версальского пакта. На самом деле эта 21-см мортира была принята на вооружение в 1936 г.

61

Артиллерия в оборонительных операция Великой Отечественной войны. Кн. II. С. 66.

62

Там же. С. 69–70.

63

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Выпуск 2. С. 142.

64

Antila O. Suomi suursodassa. Jyvdskylд, 1984, s. 137

65

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Выпуск 2. С. 72.

66

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Выпуск 3. Ч. II. С. 144.

67

Там же. С. 236.

68

Там же. Выпуск. 3. С. 222–223.

69

Там же. С. 305.

70

Там же. С. 336–337.

71

Хаупт В. Группа армий «Север». Бои за Ленинград 1941–1944. М.: ЦЕНТРПОЛИГРАФ, 2005. С. 189.

72

Манштейн Э. Утерянные победы. М.: АСТ; СПб.: Treea Fantastica, 1999. С. 324.

73

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Выпуск 3. Ч. II. С. 270.

74

Там же. С. 373.

75

Там же. С. 426.

76

Флегматизатор? вещество, помещаемое в артиллерийский заряд, служит для уменьшения теплового воздействия пороховых газов на внутреннюю поверхность ствола.

77

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. II. С. 95.

78

Военная летопись Военно-Морского флота, 1943 / Коллектив авторов. М.: Воениздат, 1993. С. 201?202.

79

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Выпуск 4. М.: Воениздат, 1949. С. 40, 44, 48, 52, 54.

80

Военная летопись Военно-Морского флота, 1943. С. 214.

81

Россия и СССР в войнах XX века. Историко-статистическое исследование / Под ред. Г.Ф. Кривошеева, М., 2005. С. 333.

82

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Выпуск 4. С. 45–46.

83

Там же. С. 76

84

Там же. С. 134.

85

Там же. С. 150.

86

Жданов Н.Н. Огневой щит Ленинграда. С. 211–212.

87

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Выпуск 4. С. 249.

88

Там же. С. 288.

89

Там же. С. 553.

90

Архив Штаба артиллерии Советской армии. Ф. 1. Оп. 34сс. Арх. 4-11. Л. 232.

91

Положение целей № 507, 519, 530, 535 и 571 не установлено.

92

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Выпуск 5. М.: Военмориздат, 1951. С. 164.

93

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 2. С. 72–73.

94

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Выпуск 5. С. 247.

95

Архив Штаба артиллерии Советской Армии. Ф. 1. Оп. 869с. Арх. 16? 20. Лл. 214–220.

96

Там же. Ф. 1. Оп. 10сс. Арх. 6. Лл. 13,14.

97

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Выпуск 5. С. 276.

98

Там же. С. 258.

99

Катера-шлюпки, ставившие мины в Морском канале – совсем другая песня. Да и постановка мин производилась только ночью.

100

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Выпуск 5. С. 388.

101

Там же. С. 389.

102

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 2. С. 87–88.

103

Мельников П.Е. Залпы с берега. С. 183.

104

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 2. С. 88–89.

105

Железнодорожный ус – искривленная ветка, двигаясь по которой, артиллерийский транспортер менял угол горизонтального наведения.

106

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Выпуск 5. С. 653.

107

Перечнев Ю.Г. Советская береговая артиллерия. С. 141–142.

108

Отделение ЦВМА, ф. 28, д. 4004, лл. 151–153.

109

ЦВМА, ф. 51. оп. 1, д. 49, л. 21; ф. 28, д. 40041, лл. 82–46.

110

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 2. С. 91.

111

23-я армия оборонялась на Карельском перешейке и в наступлении в январе 1944 г. участия не принимала.

112

Отделение ЦВМА. Ф. 9. Д. 12. Л. 22; Ф. 23. Д. 40041, Лл. 235–242.

113

имеется в виду окончательное снятие блокады

114

Отделение ЦВМА. Ф. 9. Д. 33324. Л. 55.

115

Отделение ЦВМА. Ф. 9. Д. 12679. Л. 22; Ф. 28. Д. 40041. Лл. 235–242.

116

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Выпуск 6. М.: Военмориздат, 1951. С. 63.

117

311-й

118

Мельников П.Е. Залпы с берега. С. 238.

119

Советские историки обычно именовали ее Выборгско-Петрозаводской наступательной операцией. Но поскольку действия Карельского фронта по освобождению Карелии выходят за рамки книги, то я везде пишу «Выборгская наступательная операция» и упоминаю лишь о действия Ленинградского фронта.

120

Россия и СССР в войнах XX века. Историко-статистическое исследование. С. 348.

121

Брагин В.И. Пушки на рельсах. М., 2006. С. 270.

122

Речь, понятно, идет о качающихся частях орудий, их баллистике и боеприпасах. А станки, естественно, были иными – не ставить же четырехколесную повозку на палубу корабля.

123

Подробнее см. Широкорад А.Б. Энциклопедия отечественной артиллерии. Минск: Харвест, 2000.

124

Его качающаяся часть практически не отличалось от 61К.

125

Вообще-то говоря первоначальное название истребителя было «СТО»? спецтехотдел. Его проектировали в авиационной шараге, где конструкторами были зэки. Позже «СТО» трансформировался в «100».

126

Макнаб К. Парашютисты III рейха. М.: Эксмо, 2005. С. 74.

127

Посты СНИС? посты системы наблюдения и связи. Посты ВНОС – посты воздушного наблюдения, оповещения и связи.

128

Азаров И.И. Осажденная Одесса. М.: Воениздат, 1962. С. 21.

129

Россия. XX век. Документы. 1941 год. /Сост. Л.Е, Решин и др. М., Международный фонд «Демократия», 1998. Книга вторая. С. 436.

130

Там же. С. 443.

131

ЦВМА. Ф. 216. Д. 124867. Ф. 2. Д. 10453.

132

Платонов А.В. Господство на Черном море. 1941?1944 гг. Рукопись, предоставленная автором.

133

ЦВМА. Ф. 216. Д. 124867. Ф. 2. Д. 10453.

134

Единственная румынская подводная лодка находилась в то время в базе? прим. Авт

135

Батов П.И. В походах и боях. М.: Воениздат, 1974. С. 13.

136

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск I. (С 21 июня по 31 декабря 1941 г.), М. – Л-д: Управление Военно-морского издательства НКВМФ СССР, 1945. С. 17?18.

137

Там же. С. 21–22.

138

Там же. С. 23.

139

Там же. С. 27.

140

Там же. С. 72

141

Там же. С. 118

142

крейсера типа «Червона Украина» – А.Ш.

143

Там же. С. 118.

144

Там же. С. 149.

145

Ничик Ю.М., Захар В.Р. Подводные силы Черноморского флота / Под ред. В.А. Краченко, Симферополь: Таврида, 2004. С. 43.

146

В книге «Подводные силы Черноморского флота» (Симферополь:

Таврида, 2004) на с. 43 атака транспорта «Восток» приписывается подводной лодке М-36.

147

Три века Российского флота. В трех томах. / Под ред. И.В. Касатонова, СПБ: LOGOS, 1996. Т. 3. С. 47–48.

148

Хорьков Г.И. Советские надводные корабли в Великой Отечественной войне, М.: Воениздат, 1981. С. 120–121.

149

Три века российского флота. Т. 3. С. 49

150

Согласно «Справочнику потерь военно-морского и торгового флотов Советского Союза Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (М.: Издание Генштаба, 1959). С. 15, погиб сторожевой катер № 0114.

151

адмирал Октябрьский

152

Хроника. Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С. 34.

153

Там же. С. 35.

154

флагманский командный пункт

155

Там же. С. 238.

156

Материалы сайта http://www.fleet.sebastopol.ua.

157

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 2. М.: Военмориздат, 1946. С. 95.

158

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С. 256.

159

Там же. Выпуск 2. С. 27.

160

Там же. Выпуск 1. С. 263.

161

ОВР ГБ – Охрана водного района главной базы.

162

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С. 276.

163

Октябрьская Р.Ф. Штормовые годы: Рассказ об адмирале Ф. С. Октябрьском / Лит. обработка А.С. Мареты. Киев: Политиздат Украины, 1989С. 65.

164

Севастопольский оборонительный район – А.Ш.

165

Буденный С.М. Отчет в ГШ РККА. Отд. ЦВМА. ф. 83, д. 488.

166

Итоги работы артотдела за два года Отечественной войны. Служебный отчет штаба Черноморского флота. Поти, 1943. С. 26.

167

Там же. С. 27–29.

168

Уже упомянутый мной полковник Лобанов в «Военно-историческом журнале» № 10/2007 назвал сведения о наличии в 1950-х годах 76-мм снарядов, выпущенных до 1918 г., «откровенной дезинформацией». Сунуть бы его носом в секретное издание Министерства вооруженных сил СССР 1949 г. «Боеприпасы к 76-мм орудиям». На странице 34: «76-мм фугасная старая граната русского образца (Ф-354) представляет собой снаряд, относящийся к старым запасам. Эта граната в настоящее время применяется для стрельбы из 76-мм полковой пушки обр. 1927 г. и предназначается для поражения живых целей осколками и силой газов разрывного заряда». На странице 51: «Пулевая шрапнель (Ш-354) предназначается для стрельбы по открытым и живым целям как на небольшие (в случае самообороны батареи), так и на средние (до 4 км) дальности стрельбы». Тут речь идет о шрапнели дореволюционного типа с 22-секундной трубкой. Кроме того, я видел несколько Таблиц стрельбы издания 1948?1952 гг., и опять же по старым снарядам. Незабвенный кот Бегемот говаривал в таких случаях: «Поздравляю вас соврамши, господин Лобанов».

169

Итоги работы артотдела за два года Отечественной войны. Служебный отчет штаба Черноморского флота. С. 29.

170

Там же.

171

Октябрьская Р.С. Штормовые годы. С. 100.

172

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С. 266.

173

флагманский командный пункт

174

Морозов М. Воздушная битва за Севастополь 1941?1942. М.: Яуза; Эксмо, 2007. С. 138–139.

175

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С. 219.

176

Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939?1942 гг. Том 3. От начала восточной кампании до наступления на Сталинград (22.06.1941? 24.09.1942), М.: Воениздат, 1971. Том 3. С. 296.

177

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С. 67.

178

Там же. С. 72.

179

Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941?1945. М.: Наука, 1987. С. 20.

180

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С. 74.

181

Там же. С. 172

182

Там же. С. 173.

183

В 1928 г. большевики переименовали Алешки в Цюрюпинск, но в документах периода Великой Отечественной войны городок часто называли Алешки.

184

Батов П.И. В походах и боях. С. 40.

185

Роттенфюрер – звание в войсках СС, соответствующее обер-ефрейтору в армии.

186

Унтерштурмфюрер – звание в войсках СС, соответствующее лейтенантскому в армии.

187

Карель П. Восточный фронт. Книга 1. Гитлер идет на Восток. 1941?1943. С. 243–245.

188

Уникальный связной самолет, для посадки ему требовалось 20?25 м, а для взлета? 60 м. Storch по-немецки аист.

189

ОКХ – Главное командование сухопутных сил Германии.

190

19 октября румынские войска получили район для самостоятельных действий.

191

После прибытия дивизии «Лейбштандарт» она была включена в состав 30-го корпуса, а 170-я пехотная дивизия переведна в 49-й горный корпус.

192

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 228, 229.

193

Там же. С. 232.

194

Формирование Азовской военной флотилии началось 22 июля 1941 г. Организационно она подчинялась командованию Черноморского флота, но вела боевые действия на Азовском море, практически независимо от него.

195

Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. С. 53.

196

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С. 130.

197

Ванеев Г.И. Севастополь 1941?1942. Киев: Украина, 1995. Книга 1. С. 22.

198

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на

Черноморском театре. Выпуск 1. С. 147.

199

Мощарский И., Савин А. Борьба за Крым сентябрь 1941? июль 1942 г. Военная летопись. ПКВ, 2002. С. 10–11.

200

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С. 151.

201

Там же. С. 98.

202

Так авторы «Хроники…» именовали легкий чешский танк обр. 1935 г., который в вермахте получил обозначение 35(t). Цифра означала год принятия на вооружение, а буква – название страны. Весил танк всего 10,5 т. Ладно, моряки, но и наши маршалы и генералы в своих послевоенных мемуарах героически сражались против «35-тонных» германских танков.

203

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С. 186.

204

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 242.

205

Первушин А.Н. Дороги, которые мы не выбирали. М., 1974. С. 85.

206

Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. С. 65–66.

207

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С. 203.

208

Роскилл О. Флот и война. М.: Воениздат, 1976. С. 173–184.

209

Бронепоезд № 1 принадлежал РККА, а бронепоезд № 2 («Орджоникидзе») – флоту.

210

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С. 222.

211

Ванеев Г.И. Севастополь 1941?1942. Хроника героической обороны. Кн 1. С. 67.

212

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С. 205–206.

213

Там же С. 213

214

383-й стрелковый полк имел трехбатальонный состав. Первый батальон был сформирован из личного состава школы НКВД, второй батальон – из состава запасного артиллерийского полка береговой обороны и третий батальон – из состава Объединенной школы младшего комсостава береговой обороны, роты МПВО и химроты.

215

172-я стрелковая дивизия состояла из 3-х полков. 514-й полк имел в своем составе два батальона; 1-й батальон был сформирован из остатков 172-й стрелковой дивизии; 2-й батальон укомплектован за счет 3-х рот истребительного отряда и роты 51-го стрелкового полка. Кроме того, в состав этого полка был включен весь гарнизон долговременных оборонительных сооружений, расположенных на его участке. 2-й полк морской пехоты остался в прежнем составе. 3-й полк был вновь сформирован, в составе 3-х батальонов, и получил наименование «1-й Севастопольский стрелковый полк». Первые его батальон был укомплектован за счет первого Перикопского батальона, второй? за счет батальона Дунайской флотилии и третий за счет батальона Школы оружия Учебного отряда Черноморского флота. Кроме того, на доукомплектование этого полка был обращен батальон Объединенной школы Учебного отряда. 31-й полк имел двухбатальонный состав. Первый батальон был сформирован из остатков этого полка, второй батальон – за счет батальона Азовской военной флотилии.

216

Так указано в труде «Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны». Книга 1. С. 159. Скорей всего, это 155-мм французские пушки обр. 1877 г., прибывшие из какого-то укрепрайона.

217

287-й стрелковый полк трехбатальонного состава. Первый батальон был укомплектован за счет батальона запасного артиллерийского полка, второй – за счет 16-го батальона морской пехоты и третий – за счет 15-го батальона морской пехоты. 3-й полк морской пехоты был трехбатальонного состава. На его доукомплектование были обращены батальоны ВВС Черноморского флота, 17-й и 19-й батальоны морской пехоты, батальон

Электромеханической школы Учебного отряда и пулеметно-минометный батальон. В составе 7-й бригады морской пехоты было 3 батальона. В качестве 3-го батальона в бригаду был влит 2-й Перекопский отряд.

218

Так в документе, видимо, все-таки 102/60-мм корабельная пушка обр. 1912 г.

219

161-й стрелковый полк был сформирован из остатков 95-й стрелковой дивизии. В качестве 3-го батальона в этот полк был включен 18-й батальон морской пехоты. 241-й стрелковый полк состоял из двух батальонов. Первый батальон был сформирован за счет батальона Электромеханической школы, второй – за счет батальона школы запаса.

220

Балакин С.А. «Гремящий» и другие. Эскадренные миноносцы проекта 7. Морская коллекция № 2/1996. С. 23.

221

Боевая летопись Военно-Морского флота. 1941?1942. М.: Воениздат, 1983. С. 249.

222

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С. 209.

223

Там же. С. 215.

224

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 246–247.

225

Там же. С. 248–249.

226

Крейсер «Червона Украина» первым из кораблей эскадры 8 ноября открыл огонь по германским войскам, наступавшим на Севастополь.

227

Первоначальное, а скобках – последующее название батареи.

228

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С. 230.

229

Там же. С. 236

230

Ванеев Г.И. Севастополь 1941–1942. Кн. 1. С. 91.

231

Справочник потерь военно-морского и торгового флотов Советского Союза Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 38.

232

Строго говоря, у немцев было звание генерал-фельдмаршал. Но я, как и большинство других наших авторов, для простоты называю просто «фельдмаршал».

233

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 253.

234

ЦАМО. Ф. 288. Оп. 9900. Д. 4.

235

По данным Моргунова П.А. Героический Севастополь. М., 1979. С. 156.

236

Ласкин И.А. На пути к перелому. М., 1977. С. 158, 159.

237

Манштей Э. Утерянные победы. С. 251–253.

238

Хроник Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С. 285.

239

Военные знания № 11/1966. С. 10–11.

240

По сему поводу Г.И. Ванеев писал: «При этом гитлеровцы впервые применили реактивную батарею тяжелого калибра» («Севастополь 1941–1942». Книга 1. С. 190). На самом деле немцы имели в конце 1941 г. уже более мощные 21-см реактивные минометы, а 15-см они уже неоднократно применяли в Крыму. Подробнее см. «Бог войны третьего рейха». С. 199–203.

241

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 254. Под фортом «Сталин» Манштейн подразумевал 30-ю 305-мм башенную батарею у винсовхоза им. Софьи Перовской. В других источниках немцы именовали ее форт «Максим Горький-1». В советской же документации батарея называлась только по номеру и никогда не имела имени собственного.

242

Ванеев Г.И. Севастополь 1941–1942. Книга 1. С. 195–196.

243

5556–7408 м – А.Ш.

244

Платонов А.В. Энциклопедия советских надводных кораблей 1941? 1945. СПб: Полигон, 2002. С. 58.

245

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 254–255.

246

Там же. С. 262–263.

247

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 2. С. 12.

248

Там же. С. 11–12.

249

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 263.

250

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 2. С. 14.

251

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 263.

252

Так сказано в «Хронике…». На самом деле германских войск в Новом Свете не было, а речь идет, видимо, о румынской комендатуре или штабе татарских войск самообороны.

253

Ванеев Г.И. Севастополь 1941–1942. Книга 2. С. 28.

254

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 2. С. 7.

255

Там же. С. 66–67.

256

Там же. С. 72–73.

257

Справочник потерь военно-морского и торгового флотов Советского Союза Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Издание Генштаба, 1959.

258

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на

Черноморском театре. Выпуск 2. С. 67.

259

Там же. С. 96.

260

Там же. Выпуск 2. С. 74.

261

Не путать с другим транспортом «Чапаев», затонувшим 1 марта 1942 г.

262

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 2. С. 122. Орфографию я оставил без изменений.

263

Там же. С. 122–123.

264

Не люблю присваивать чужие лавры. Впервые глупость штампа «фашистский стервятник» отметил Петр Сажин в повести «Севастопольская хроника» (М. 1977). С. 293.

265

не ясно, о чем идет речь: о бомбардировщиках или истребителях Пе-3, поскольку на Черном море периодически бомбардировщики Пе-2 использовались в качестве истребителей и, видимо, командование Черноморского флота не видело особой разницы между Пе-2 и Пе-3 – А.Ш.

266

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 2. С. 134.

267

Батов П.И. В походах и боях. С. 117.

268

Ванеев Г.И. Севастополь 1941?1942. Кн. 2. С. 158.

269

Мощанский И., Савин А. Борьба за Крым сентябрь 1941? июль 1942 г. С. 86.

270

Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. С. 169.

271

Ванеев Г.И. Севастополь 1941–1942. Кн. 2. С. 170–171.

272

Мощанский И., Савин А. Борьба за Крым сентябрь 1941 – июль 1942 г. С. 86.

273

Там же.

274

Почему авторы назвали 22-ю танковую дивизию «отдельной», можно только гадать. То ли чтобы блеснуть терминологией, смысла которой не понимают, то ли с умыслом, чтобы объяснить ее отсутствие в составе 11-й армии Манштейна.

275

Мощанский И., Савин А. Борьба за Крым сентябрь 1941 – июль 1942 г. С. 79

276

Литвин Г.А., Смирнов Е.И. Освобождение Крыма. М.: Агентство «КРЕЧЕТ», 1994. С. 107.

277

Я даю первоначальные названия кораблей, дабы не путать читателя революционными названиями «Борец за свободу» и т. д.

278

Война в Корее 1950–1953 гг. СПб, 2000.

279

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. I. С. 169.

280

Партизанами они считались формально, на самом деле ядро их составляли сотрудники НКВД.

281

Батарея № 16 расположена недалеко от современного шоссе Севастополь – Кача, в 100 м от АЗС, тем не менее, она абсолютно пустынна, там практически нет мусора и других следов жизнедеятельности человека, которыми так изобилуют остальные батареи Севастополя. Я сфотографировал жену у выхода из подземного хода батареи. Проявив пленку в Москве, к великому своему удивлению мы обнаружили на фото в темноте подземного хода розовое полупрозрачное изображение, напоминающее человеческое лицо. Объяснить это дефектом пленки или оптическим эффектом не смогли даже профессионалы. Фото «привидения» опубликовано в журнале «Чудеса и приключения» (№ 4/2004).

282

ГАВО. Ф. 6575. Оп. 9. Д. 25. Л. 29.

283

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной

войны. Кн. I. С. 203, 205.

284

Северо-Кавказский фронт образован 20 мая 1942 г. после упразднения Северо-Кавказского направления и расформирования Крымского фронта. В состав Северо-Кавказского фронта вошли 44-я, 47-я и 51-я армии, в оперативное подчинение – СОР, Черноморский флот, Азовская военная флотилия и Керченская ВМБ.

285

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 2. С. 248.

286

Историческая справка в/ч № 51353.

287

Борьба за Севастополь 1941?1942 гг. Дополнение к докладным запискам об иностранных укреплениях Инспектора инженерных и крепостных войск Вермахта от 1 апреля 1943 г. Берлин, 1943. С. 52–54.

288

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 2. С. 298.

289

Там же.

290

С помощью таких лодок, принадлежащих саперным частям, германская пехота форсировала Днепр и ряд других рек.

291

Невзоров Б.И. Май 1942-го: Ак-Монай, Еникале. «Военно-исторический журнал» № 8/1992. С. 32–42.

292

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 291.

293

Старые редуты Крымской войны 1854–1855 гг.

294

Там же. С. 293.

295

Цит. по: Октябрьская Р. Ф. Штормовые годы: Рассказ об адмирале Ф. С. Октябрьском.

296

16-я ложная батарея находилась на берегу моря в 3,5 км от 35-й батареи в сторону м. Фиолент. При ее создании были использованы

бетонные укрепления дореволюционной береговой батареи.

297

Брагадин Марк-Антонио Итальянский флот во Второй мировой войне, Екатеринбург, Зеркало, 1997. Часть 2. С. 73.

298

Родной брат Амедео – изобретателя взрывающихся катеров.

299

По другим данным 3 июня

300

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 282–283.

301

Морозов М. Воздушная битва за Севастополь 1941–1942. М.: Яуза, ЭКСМО, 2007. С. 329–331.

302

Боргезе В. Десятая флотилия. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 198.

303

Цит. по: Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. С. 180.

304

Цит. по: Маношин И.С. Героическая трагедия. Симферополь: Таврида, 2001. С. 58

305

Там же. С. 59.

306

И.А. Заруба. Воспоминания. Госархив Крыма. Ф. 849. Оп. 3. Д. 282.

307

Воронов В.И. Последняя ночь Херсонеса, М.: ООО «Научно-издательский центр „Отечественная военная история“, 2004. С. 169–170.

308

Маношин И.С. Героическая трагедия. С. 78. (П. Иноземцев. Воспоминания. Фонд музея Краснознаменного Черноморского флота. Д. НВМ. л. 363).

309

Там же. С. 80 (Зинченко А.И. Воспоминания. Фонд музея Краснознаменного Черноморского флота. Д. НВМ. Л. 169).

310

Там же. С. 83. (Лощенко А.И. Воспоминания. Госархив Крыма. Ф. 849. Оп. 3. Д. 282).

311

Там же. С. 120?121. (Пискунов Д.И. Воспоминания. Госархив Крыма. Ф. 849. Оп. 3. Ед. хр. 235. Л. 40).

312

Там же. С. 122.

313

Там же. С. 123. (Карякин И.И. Воспоминания. Фонд музея Краснознаменного Черноморского флота. Д. НВМ. Л. 252–255).

314

Там же. С. 132. (Заруба И.А. Воспоминания. Госархив Крыма. Ф. 849. Оп. 3. Д. 282. Л. 162).

315

Там же. С. 73.

316

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 2. С. 334.

317

Там же. Выпуск 3. С. 12.

318

Цит. по: Маношин И.С. Героическая трагедия. С. 51.

319

Ванеев Г.И. Севастополь 1941–1942. Книга 2. С. 249.

320

Крым в период Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов / Сост. И.П. Кондранов, А.А. Степанова. Симферополь: Таврия, 1973. С. 169.

321

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 297.

322

Речь идет о транспортах, снабжавших Севастополь и потопленных в открытом море или в севастопольских бухтах.